
3 1761 08106702 7

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

1892.

ІЮЛЬ.

Москва.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ и НАУЧНЫЙ

ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ІЮЛЬ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1892.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ — ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ

ЧИСТИЛИЩЕ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО.

(Посвящается И. Е. Гудлету).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Воззванiе. — Четыре звѣзды. — Катонъ.

1. Готовый плыть по лучшимъ во̀дамъ нынѣ,
Поднялъ вѣтрила челнъ мечты моей,
Оставивъ за собой столь злое море.
4. И пѣть я буду про второе царство,
Гдѣ души очищаются людей,
Чтобъ удостоиться подняться къ небу.
7. Здѣсь мертвая поэзiя воскреснетъ,
Святыя Музы, ибо вашъ я днесь,
И Каллiопа здѣсь уже воспрянетъ,
10. Сопровождая пѣснь мою тѣмъ звукомъ,
Что̀ злополучныхъ поразилъ Соро̀къ,
Отнявъ у нихъ надежду на прощенье.

---

9. Каллiопа—муза эпической поэзiи.

11—12. Девять дочерей миѳическаго царя Ѳессалiи—Пiэрiя вызвали музъ на состязанiе, были побѣждены ими и въ наказанiе превращены Аполлономъ въ соро̀къ.

13. Цвѣтъ сладостный восточнаго сапфира,
Что̀ разливался въ воздухѣ ночномъ,
Который чистъ до перваго былъ круга,—
16. Обрадовалъ мои тотчасъ же очи,
Лишь я покинулъ мертвенный туманъ,
И взоръ и грудь мнѣ скорбью застилавшій.
19. Планета чудная, любви опора,
Улыбкой озаряла весь востокъ,
Скрывая Рыбъ, ее сопровождавшихъ.
22. Къ другому полюсу взглянувъ направо,
Четыре вдругъ увидѣлъ я звѣзды,
Лишь первозданнымъ вѣдомыя людямъ;
25. Отъ ихъ сверканья небо ликовало.
О сѣверъ нашъ, о вдовствующій край,
Зачѣмъ лишенъ ты счастія ихъ видѣть!
28. Когда отъ нихъ я взоры отвратилъ
И къ сторонѣ той снова повернулся,
Откуда Возъ уже совсѣмъ исчезъ,—
31. Я одинокаго увидѣлъ старца,
По виду столь достойнаго почтенья,
Что сынъ отца не больше долженъ чтить.
34. Онъ длинную браду имѣлъ, бѣлѣли
Сѣдины въ ней и въ волосахъ его,
Двѣ пряди ихъ на грудь его спадали.
37. Лучи священныхъ четырехъ огней
Такъ озаряли ликъ его, что, мнилось,
Его при солнечномъ я вижу свѣтѣ.
40. „Кто вы—на встрѣчу темному ручью

---

15. Первый кругъ—горизонтъ.

19—21. Планета любви—Венера находилась въ созвѣздіи Рыбъ. Не вдаваясь въ подробныя объясненія, замѣтимъ, что это могло быть за два часа до восхода солнца.

23. Четыре звѣзды—созвѣздіе Южнаго Креста, о которомъ Данте могъ имѣть свѣдѣнія. Въ символическомъ смыслѣ эти четыре звѣзды изображаютъ четыре философскія добродѣтели: мудрость, мужество, разсудительность и справедливость.

30. Возъ—созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

37. Въ символическомъ смыслѣ эти стихи обозначаютъ, что описываемый старецъ отличался всѣми философскими добродѣтелями.

40. Темный ручей—это тотъ потокъ, журчанье котораго Данте и Виргилій слышали, когда подымались подземнымъ ходомъ, выведшимъ ихъ со дна ада на поверхность земли.

Бѣжавшіе изъ вѣчныя темницы?"—
Онъ рекъ, главой маститой помавая.
43. „Руководилъ кто вами, кто свѣтилъ,
Чтобъ выйти вамъ изъ той глубокой ночи,
Отъ коей въ вѣкъ черна долина ада?
46. Или нарушены законы бездны?
Иль небомъ рѣшено въ Совѣтѣ новомъ,
Чтобъ шелъ къ моимъ скаламъ и осужденный?"
49. Тогда мой вождь, схвативъ меня, внушилъ
И знаками, и словомъ, и рукою,
Чтобы склонилъ колѣна я и взоръ.
52. Затѣмъ сказалъ: „Не отъ себя пришелъ я;
Жена, сошедшая съ небесъ, просила,
Чтобы сему я спутникомъ служилъ.
55. Но если больше выслушать желаешь
О нашемъ положеніи, то знай,
Что для тебя не можетъ быть отказа.
58. Не видѣлъ сей послѣдняго заката,
Но по безумству столь къ нему былъ близокъ,
Что лишь едва его не увидалъ.
61. Тогда-то, какъ сказалъ я, былъ я призванъ
Его спасти и не было иного
Пути, какъ тотъ, который я избралъ.
64. Я показалъ ему народъ преступный,
Теперь намѣренъ показать тѣ души,
Чье очищенье въ области твоей.
67. Какъ велъ его—длинна была бы повѣсть,
Поддержанъ свыше, я его привелъ,
Чтобъ увидалъ тебя онъ и услышалъ.
70. Итакъ, прими его ты благосклонно:
Свободы ищетъ онъ,— ее оцѣнитъ,—
Кто для свободы жизнь свою отвергъ.
73. Ты знаешь это: не нашелъ ты горькой
Смерть въ Утикѣ, гдѣ сбросилъ одѣянье,
Что̀ въ день великій ярко заблеститъ.

---

53. Жена сошедшая съ небесъ—Беатриче.

71—75. Изъ этихъ стиховъ видно, что старецъ, стоящій на стражѣ у преддверія Чистилища, есть Катонъ Младшій, который послѣ побѣды Юлія Цезаря при Фарсалѣ, не желая пережить гибель римской свободы, лишилъ себя жизни

76. Мы вѣчныхъ не нарушили законовъ:
Онъ живъ, а надо мной Миносъ не властенъ;
Я въ кругѣ томъ, гдѣ Марціи твоей
79. Я чистый вижу взоръ. Святое сердце!
Твоей да будетъ вновь,—она все молитъ.
Ты для нея яви намъ снисхожденье,
82. Твои семь царствъ дозволь намъ посѣтить.
Я твой привѣтъ ей передамъ охотно,
Коль тамъ внизу назвать тебя позволишь".—
85. И старецъ рекъ:—„очамъ моимъ любезна
Была столь сильно Марція, что все,
Чего бъ ни пожелала, исполнялъ я.
88. Теперь меня не можетъ тронуть та,
Чье обиталище за злой рѣкою:
Таковъ законъ ушедшему оттуда.
91. Но ты сказалъ: тобою руководитъ
Небесная жена, къ чему же льстить,
Мнѣ было бъ имени ея довольно.
94. Итакъ, иди и гладкимъ тростникомъ
Ты опояшь сего, ему омой ты
Лицо, чтобъ вся съ него исчезла копоть:
97. Затѣмъ, что тотъ, на чьихъ очахъ лежитъ
Какой-либо туманъ, дерзнуть не долженъ
Предъ райскаго служителя предстать.
100. Вокругъ на островкѣ семъ, низко-низко,
Вотъ тамъ, гдѣ въ берегъ плещется волна,
Тростникъ на мягкомъ илѣ прозябаетъ,
103. Другое здѣсь растенье не родится,—
Съ листвой или съ твердѣющимъ стволомъ,—
Которое не гнется отъ ударовъ.

въ Утикѣ. Данте былъ проникнутъ величайшимъ уваженіемъ къ Катону. Великій день—день страшнаго суда. Въ стихахъ 73 — 74 намекъ на воскресеніе тѣлъ.

78. Марція—жена Катона. Кругъ, о которомъ идетъ рѣчь—первый кругъ ада или лимбъ, гдѣ находятся души добродѣтельныхъ язычниковъ и дѣтей, умершихъ до крещенія.

89. Злая рѣка—Ахеронъ.

103—105. Этими стихами выражена та мысль, что человѣкъ не можетъ очиститься отъ грѣховъ, не проникнувшись смиреніемъ, покорностью волѣ Божіей.

106. Сюда назадъ не возвращайтесь послѣ;
Но солнце, что̀ взойдетъ теперь ужь скоро,
Покажетъ вамъ легчайшій въ гору путь".—
109. Затѣмъ исчезъ онъ; я воспрянулъ молча
И къ моему вождю оборотившись,
Я взоры на него тогда возвелъ.
112. Онъ началъ такъ:—„За мною слѣдуй, сынъ мой:
Пойдемъ обратно, ибо склонъ равнины
Отсель спускается до низшей грани".
115. Заря побѣдно утренній туманъ
Гнала передъ собой, и издалека
Я трепетанье моря различалъ.
118. Мы шли уединенною равниной,
Но ужь какъ тотъ, кто вѣрный путь нашелъ,
А передъ тѣмъ казалось шелъ на ощупь.
121. Когда жь пришли мы къ мѣсту, гдѣ роса,
Боряся съ солнцемъ, исчезаетъ тихо,
Ограждена тѣнистою прохладой,—
124. Тогда простеръ учитель обѣ руки
И на траву ихъ нѣжно положилъ;
А я, ужь зная цѣль его заранѣ,
127. Ему ланиты слезныя подставилъ
И онъ на нихъ мнѣ снова проявилъ
Ихъ прежній цвѣтъ, который скрытъ былъ адомъ.
130. Затѣмъ на берегъ мы пришли пустынный,
Еще не зрѣвшій смертнаго пловца,
Способнаго отсель отплыть обратно.
133. Здѣсь опоясалъ онъ меня, какъ оный
Наставилъ мужъ. О, чудо! гдѣ учитель
Смиренное растеніе сорвалъ,
136. Тамъ новое внезапно возродилось.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Преддверіе Чистилища.—Ангелъ Кормчій —Казелла.—Катонъ.

1. Уже достигло солнце горизонта,
Меридіанъ котораго вѣнчалъ
Ерусалимъ своею высшей точкой;
4. А ночь, въ обратномъ движась направленьи,
Отъ Ганга шла, держа въ рукахъ Вѣсы,
Которыя уронитъ, возрастая,
7. И цвѣтъ ланитъ красавицы Авроры
Румяно-бѣлый, на глазахъ моихъ,
Ужь начиналъ смѣняться желтизною.
10. Мы все еще у моря находились,
Какъ тотъ, кто размышляетъ о пути,
И сердцемъ движется, покоясь тѣломъ;—

1—6. Слѣдуя Птолемеевой системѣ, Данте признаетъ землю неподвижнымъ средоточіемъ вселенной. Земля имѣетъ шарообразную форму. Высшею точкой нашего полушарія является гора Сіонъ. Діаметрально противоположна ей гора Чистилища. Но такъ какъ обѣ эти точки помѣщаются на концахъ одного и того же діаметра, то онѣ имѣютъ общій горизонтъ; поэтому, когда солнце заходитъ на горизонтѣ Іерусалима, оно восходитъ на горизонтѣ Чистилища и наоборотъ (IV. 68—71.). Въ равныхъ разстояніяхъ отъ Сіона и Чистилища находятся: на востокѣ отъ Сіона—Гангъ, на западѣ—Кадиксъ. Предполагая, что солнце движется вокругъ земли съ востока на западъ, Данте принимаетъ, что ночь (которой онъ придаетъ человѣческій образъ) движется съ запада на востокъ. Поэтому, въ тотъ моментъ, когда солнце восходитъ въ Чистилищѣ, ночь покрываетъ берега Ганга. Равнымъ образомъ, Данте предполагаетъ, что ночь измѣняетъ свое положеніе и на эклиптикѣ. Во время весенняго равноденствія, когда Данте совершаетъ свое путешествіе, солнце находится въ созвѣздіи Овна, а ночь въ созвѣздіи Вѣсовъ. Она выйдетъ изъ этого созвѣздія или, какъ Данте говоритъ, выронитъ Вѣсы изъ рукъ, когда день начнетъ становиться короче, а ночь будетъ возрастать. Изложеннымъ здѣсь объясняется также почему Данте, находясь на горѣ Чистилища, видитъ солнце въ полдень не направо, а налѣво отъ себя (IV. 55—56).

7—9. Передъ восхожденіемъ солнца заря (Аврора) имѣетъ уже не блѣднорозовый, а оранжевый цвѣтъ.

13. Какъ вдругъ,—подобный Марсу въ утра часъ,
Когда, краснѣя сквозь пары густые,
Онъ съ запада надъ зыбью моря свѣтитъ,—
16. Я увидалъ (его увижу ль вновь?)
На морѣ свѣточъ, несшійся столь быстро,
Что съ нимъ никто въ полетѣ не сравнится.
19. Едва я взоры отъ него отвелъ,
Чтобы къ вождю съ вопросомъ обратиться,
И вотъ онъ больше сталъ и сталъ свѣтлѣе;
22. За этимъ съ двухъ сторонъ его явилось
Какъ будто нѣчто бѣлое и снизу
Онъ понемногу началъ возрастать.
25. Учитель мой дотоль не молвилъ слова,
Доколѣ бѣлыхъ не увидѣлъ крыльевъ;
Тогда же, явственно узрѣвъ пловца,
28. Вскричалъ:—„Скорѣй, скорѣй склони колѣна
И длани ты сложи: се Ангелъ Божій,
Такихъ ты впредь служителей увидишь.
31. Смотри: онъ безъ земныхъ орудій правитъ;
Ему не нужно веселъ, парусовъ,
Лишь крылья, чтобы плыть къ брегамъ далекимъ.
34. Смотри, какъ онъ ихъ поднялъ къ небесамъ,
Какъ рѣжетъ воздухъ взмахомъ вѣчныхъ крыльевъ,
Чтò не мѣняются какъ перья смертныхъ.—“
37. Межъ тѣмъ, все болѣе и болѣ близясь,
Столь свѣтелъ сталъ божественный птенецъ,
Что блеска вынесть я не могъ и очи
40. Потупилъ долу. Къ брегу онъ присталъ
На гибкомъ челнокѣ, настолько легкомъ,
Что въ воду челнъ совсѣмъ не погружался.
43. Вблизи кормы стоялъ небесный кормчій,—
Блаженъ, кто могъ бы описать его!
Въ челнѣ сидѣло больше чѣмъ сто дỳховъ.
46. „In exitu Israël de Aegypto“
Они въ одинъ всѣ вмѣстѣ пѣли голосъ;
Когда жь псаломъ пропѣли до конца,

---

13. Марсъ—планета Марсъ, отличающаяся отъ другихъ краснымъ цвѣтомъ своихъ лучей.

46. „Во исходѣ Израилевѣ отъ Египта“,—начало псалма 113-го.

49. Небесный кормчій знаменіемъ крестнымъ
Ихъ осѣнилъ—и вышли всѣ поспѣшно;
А онъ отплылъ столь быстро какъ явился.
52. Толпѣ оставшейся, казалось, мѣстность
Была чужда; всѣ озирались такъ,
Какъ тотъ, кто видитъ новые предметы.
55. Повсюду солнце стрѣлы дня метало,
И яркія тѣ стрѣлы съ полъ-небесъ
Уже согнать успѣли Козерога,—
58. Когда пришельцы, къ намъ поднявъ чело,
Сказали:—„Если только вамъ извѣстно,
То покажите, какъ идти къ горѣ“.—
61. И отвѣчалъ Виргилій имъ:—„Вы мните,
Быть-можетъ, вѣдомо намъ это мѣсто;
Но странники мы, такъ же, какъ и вы:
64. Сюда пришли до васъ мы не задолго
Другой дорогой, тяжкой столь и трудной,
Что въ гору путь покажется игрою“.—
67. По моему дыханію понявъ,
Что я живу еще, отъ изумленья
Оцѣпенѣлыми казались души;
70. И какъ къ гонцу, несущему оливу,
Бѣжитъ народъ, чтобъ новости узнать,
И не стѣсняется никто толкаться,—
73. Такъ точно видъ мой возбудилъ столь сильно
Вниманіе блаженныхъ этихъ душъ,
Что къ очищенью путь какъ бы забылся.
76. И вотъ одна, я вижу, устремилась
Съ такою нѣжностью меня обнять,
Что я невольно къ ней пошелъ на встрѣчу.
79. О, призрачная тѣнь, одинъ лишь образъ!
Три раза руки я скрестилъ за нею,
И всякій разъ ихъ жалъ къ своей груди;
82. Такое, мнится, зрѣлось изумленье
На мнѣ, что тѣнь съ улыбкой удалилась;
Я вслѣдъ за ней пошелъ и обнялъ вновь:

55—57. Этими стихами обозначается, что прошло около получаса послѣ восхода солнца.

85. Сказала тихо мнѣ она: „довольно“.
Тогда ее узналъ я и просилъ
Остановиться, говорить со мною;
88. Она отвѣтила:—„Какъ въ смертномъ тѣлѣ
Тебя любилъ я, такъ люблю свободный;
Остановлюсь я; ты жь зачѣмъ идешь?“
91. —„Казелла мой, чтобъ вновь туда вернуться,
Откуда я сей путь предпринимаю“.—
Ему сказалъ я,—„что же ты замедлилъ?“
94. Онъ мнѣ въ отвѣтъ:—„Не сдѣлано мнѣ зла.
Кто воленъ взять, кого когда захочетъ,
Отказывалъ не разъ мнѣ въ перевозѣ,
97. Творя лишь правую Господню волю!
Но вотъ три мѣсяца, что въ челнъ беретъ
Онъ съ миромъ тѣхъ, войти кто только жаждетъ;
100. Такъ и меня, когда пришелъ я къ морю,
Отъ коего солены воды Тибра,
Онъ благосклонно взялъ свою ладью.
103. Теперь опять, расправивъ крылья, мчится
Онъ къ устью, гдѣ собраться подобаетъ
Всѣмъ, кто пути избѣгнулъ къ Ахерону“.—
106. А я:—„Коль новымъ не лишенъ закономъ
Ты памяти и дара нѣжныхъ пѣсенъ,
Всегда мои желанья утолявшихъ,—
109. Благоволи утѣшить хоть немного
Мою ты душу: скорбію она
Полна теперь, сюда пришедши съ тѣломъ.
112. „Любовь, что въ мысляхъ говоритъ со мною“,—
Онъ началъ пѣть и сладко такъ, что голосъ
Въ душѣ моей досель еще звучитъ!
115. Учитель мой, и я, и остальные
Спутники казались столь довольны,
Что обо всемъ другомъ забыли думать:

---

91. Казелла—музыкантъ, современникъ Данте, сочинившій, повидимому, музыку на нѣкоторыя стихотворенія поэта.

98. Первые три мѣсяца 1300 года. Это былъ годъ Юбилея. Всѣ приходившіе на богомолье въ Римъ получали отпущеніе грѣховъ. Въ виду Юбилея и Ангелъ Кормчій не отказывалъ душамъ въ перевозѣ.

112. Начало одного изъ стихотвореній Данте.

118. Всецѣло въ пѣнье погрузились мы,
Какъ вдругъ вскричалъ почтенный оный старецъ:
—„ Что значитъ это, лѣностные духи?
121. Что̀ за небрежность, что̀ за остоновка?
Бѣгите въ гору, чтобъ совлечь покровъ,
Препятствующій вамъ увидѣть Бога!“—
124. И словно голуби, когда, сбирая
Овесъ и плевелъ, кормъ они клюютъ
Спокойно, видъ обычно-гордый бросивъ,
127. И нѣчто страшное замѣтя вдругъ,
Свою внезапно оставляетъ пищу,
Охвачены сильнѣйшею заботой,—
130. Такъ и пришельцевъ сонмище тотчасъ,
Оставивъ пѣнье, берегъ покидало
Морской, не зная, гдѣ предѣлъ пути.
133. И нашъ уходъ не меньше былъ поспѣшенъ.

———

ПѢСНЬ ТРЕТЬЯ.

Преддверіе Чистилища.—Души умершихъ въ отлученіи отъ церкви.—Манфредъ король Сициліи.

1. Межъ тѣмъ какъ неожиданное бѣгство
Разсѣяло пришельцевъ по равнинѣ,
И разумъ понуждалъ къ горѣ стремиться,—
4. Я къ вѣрному сопутнику примкнулъ;
И могъ ли безъ него идти я далѣ?
Кто-бъ на гору тогда меня возвелъ?
7. Казалось мнѣ,--собой онъ недоволенъ.
О чистая, достойнѣйшая совѣсть!
Ничтожный грѣхъ и тотъ тебя грызетъ!
10. Когда походки онъ умѣрилъ спѣшность,
Которая степенности противна,
Мой духъ, сосредоточенный дотоль,
13. Повеселѣлъ и кругозоръ расширилъ.
Я очи обратилъ тогда къ вершинѣ,
Что̀ выше всѣхъ вздымалась къ небесамъ.
16. Багровое за мной пылало солнце,
Но не свѣтило предо мной оно:
Его лучамъ я преграждалъ дорогу.
19. Направо повернулся я со страхомъ,
Что я покинутъ буду, лишь увидѣлъ,
Что предо мной однимъ земля темна.
22. Но мой заступникъ, обернувшись, началъ
Мнѣ говорить:—„зачѣмъ опять сомнѣнье?
Не вѣришь ты, что я тебя веду?
25. Ужь вечеръ тамъ, покоится гдѣ тѣло,
Нося которое, я тѣнь давалъ;
Изъ Бриндизи оно въ Неаполь взято.
28. И если днесь я тѣни не бросаю,
Не удивляйся: посмотри на небо:
Вѣдь лучъ не можетъ помѣшать лучу.
31. Терпѣть страданья холода и зноя
Тѣла такія могутъ лишь по волѣ
Той силы, что̀ познанью не открыта.

34. Безуменъ тотъ, кто чаетъ, что нашъ разумъ
Пройти возможетъ безконечный путь,
Доступный только Сущему въ трехъ лицахъ.
37. Довольно, люди, съ васъ, что есть причина;
Занѐ, когда-бъ вы все могли узрѣть,
Зачѣмъ рождать должна была Марія?
40. И тѣхъ томитъ безплодное желанье,
Чья жажда быть могла-бъ утолена,
Но имъ она дана для вѣчной скорби.
43. Объ Аристотелѣ, и о Платонѣ,
И объ иныхъ я много говорю!“
Затѣмъ, чело склонивъ, онъ смолкъ смущенный.
46. Межъ тѣмъ къ подножію горы пришли мы,
Но столь крутые тамъ нашли утесы,
Что подыматься было бы напрасно;
49. Глухая и пустынная стезя
Межъ Ле́ричи и Турбіей могла бы
Здѣсь лѣстницей удобной показаться.
52. „Теперь кто знаетъ, гдѣ положе скатъ“, —
Сказалъ учитель мой остановившись,
—„Чтобъ могъ подняться, кто идетъ безъ крыльевъ?“—
55. И вотъ, пока онъ, опустивъ глаза,
Внимательно изслѣдовалъ дорогу,
А я вокругъ на скалы любовался,—
58. Вдругъ съ лѣвой стороны явился сонмъ
Тѣней, къ намъ шедшихъ, но настолько тихо.
Что ихъ движенье было незамѣтно.
61. —„Учи́тель, подними“,—сказалъ я—„очи.
Вотъ намъ откуда будетъ данъ совѣтъ,
Коль самъ себѣ его ты дать не можешь“.
64. Взглянулъ онъ и привѣтливо отвѣтилъ:
—„ Пойдемъ, они идутъ вѣдь очень тихо,
И твердъ въ надеждѣ будь, мой милый сынъ“—

---

37. Въ подлинникѣ: State contenti umana gente al *quia*. Смыслъ этого стиха тотъ, что разумъ человѣческій, придя къ сознанію, что есть первая причина всего существующаго, не долженъ преступать грани, до которой простирается его познавательная способность.

50. Леричи и Турбія—два мѣстечка въ гористой мѣстности между Генуей и Пизой. Во времена Данте еще не было побережной дороги.

67. Ужь нашихъ съ тысячу шаговъ прошли мы,
А духи все-жь настоль далеко были
Насколь попасть метальщикъ добрый можетъ,
70. Когда, прижавшись всѣ къ утесамъ твердымъ
Горы высокой, вдругъ остановились
Какъ тотъ, кто на пути стоитъ въ раздумьи.
73. „Въ кончинѣ доброй, избранные духи,“
Виргилій началъ,—„ради того мира,
Который, мню я, всѣхъ васъ ожидаетъ,
76. Скажите, гдѣ положе скатъ горы,
Чтобы возможно было восхожденье:
Чѣмъ кто мудрѣй, тѣмъ больше цѣнитъ время,“
79. Какъ бы овечекъ, что̀ идутъ изъ хлѣва,
Одна, двѣ, три, а прочія стоятъ
Пугливыя, потупя въ землю морды,
82. И всѣ движеньямъ подражаютъ первой
И къ ней прижмутся, если станетъ та
Спокойно, просто—почему? не зная,
85. Такъ точно увидалъ я во главѣ
Идущаго предъ симъ блаженнымъ стадомъ:
Стыдливъ лицомъ, онъ выступалъ степенно.
88. Когда-жь передніе, замѣтя вдругъ,
Что солнце вправо отъ меня не свѣтитъ,
И тѣнь моя ложится на утесы,
91. Остановившись, подались назадъ,
То остальные, шедшіе за ними,
Всѣ то же сдѣлали, зачѣмъ, не зная.
94. „Безъ вашего вопроса я скажу,
Что видите вы тѣло человѣка,
И чрезъ него лучи не проникаютъ.
97. Не удивляйтесь, вѣрьте: не безъ силы,
Отъ неба данной, онъ пришелъ сюда
И въ гору путь преодолѣть стремится“.
100. Такъ говорилъ учитель и въ отвѣтъ,
Подавъ рукою знакъ, сказалъ почтенный
Тотъ сонмъ: —„вернитесь и впередъ идите“. —
103. И началъ такъ одинъ:—„Кто бъ ни былъ ты,
Идущій съ нами, посмотри и вспомни,
Когда-либо меня ты не видалъ ли?“

106. Я повернулся, пристально смотря;
Прекрасный, русый, благородный видомъ
Онъ былъ; но бровь одну разсѣкъ ударъ.
109. Когда почтительно я отозвался
Что не видалъ его—„Смотри“, сказалъ онъ,
Вверху груди показывая рану;
112. Потомъ съ улыбкой молвилъ:—„Я Манфредъ,
Констанціи я внукъ императрицы.
Прошу тебя, зайди, отсель вернувшись,
115. Къ прекрасной дочери моей, родившей
Сициліи и Арагона славу,
И правдою разсѣй ея сомнѣнья.
118. Двумя ударами на смерть сраженный,
Лишь только палъ я, съ плачемъ предалъ я
Себя Тому, прощаетъ Кто охотно.
121. Мои ужасны были прегрѣшенья,
Но широки божественной любви
Объятья: всѣхъ берутъ, кто обратится.
124. Когда-бъ Козенцскій пастырь, на охоту
За мной посланный Климентомъ, прочелъ
Внимательно и въ Богѣ эти строки,—
127. До сей поры мои лежали-бъ кости
Близъ Беневента у главы моста,
Подъ стражею тяжелой груды камней.
130. Теперь ихъ моетъ дождь и вѣтеръ гонитъ
Изъ царства прочь, почти къ теченью Верде,
Куда перенесли ихъ безъ свѣчей.
133. Проклятье упразднить не въ силахъ вѣчной

112—117. Манфредъ, король Апуліи и Сициліи, побочный сынъ императора Фридриха II, мать котораго Констанція, жена императора Генриха VI, была дочерью короля Сициліи, Рожера II. Манфредъ погибъ въ 1266, въ битвѣ при Беневентѣ, гдѣ онъ сражался во главѣ войскъ Гибеллиновъ противъ Карла Анжуйскаго, предводителя Гвельфовъ. Дочь Манфреда, тоже Констанція (ст. 143) жена Петра Арагонскаго, родила Фридриха, бывшаго королемъ Сициліи, и Іакова, наслѣдовавшаго отцу въ Арагонѣ.

124—132. Козенцскій пастырь—кардиналъ Бартоломео Пиньятелла, архіепископъ Козенцскій, по приказанію папы Климента IV велѣлъ вырыть изъ земли тѣло Манфреда и похоронить его внѣ предѣловъ царства, вблизи рѣки Верде, причемъ обрядъ погребенія Манфреда, какъ отлученнаго отъ церкви, былъ совершенъ при погашенныхъ факелахъ.

Любви, чтобъ обратиться не могла
Она, доколь надежда разцвѣтаетъ.
136. Но если кто скончался отлученный
Святою церковью, хотя-бъ при смерти
Покаялся, отъ сихъ береговъ вдали
139. Остаться долженъ тридцать кратъ то время,
Которое провелъ въ своей гордынѣ,
Коль этотъ срокъ не сократитъ молитва.
142. И мнѣ ты радость могъ бы принести
Когда-бъ Констанціи открылъ ты доброй,
Какъ видѣлъ ты меня и что̀ узналъ:
145. Вѣдь тотъ, кто тамъ,—помочь здѣсь много можетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Александръ Саломонъ.

ОТЪ ОДЕССЫ ДО МАРСЕЛИ.

(Путевыя впечатлѣнія.)

Выѣздъ изъ Одессы на французскомъ пароходѣ. — Пароходные спутники.— Погода. — Двухдневная стоянка передъ Бургасомъ. — Входъ въ Босфоръ.— Восхищеніе видами береговъ пролива. — Пріѣздъ въ Константинополь.—Первыя впечатлѣнія. — День въ греческомъ обществѣ. — Осмотръ Св. Софіи съ новоприбывшими русскими знакомыми. — Впечатлѣніе храма. — На большомъ базарѣ. — Константинопольскіе проводники. — Отправленіе изъ Константинополя.—Новыя впечатлѣнія.—Дарданеллы и берега Троады съ близьлежащими островами. — Плаваніе среди мѣстъ, полныхъ преданій глубокой древности.— Пароходное общество и его развлеченія. — Сильная качка въ Іоническомъ морѣ. — Впечатлѣнія береговъ Южной Италіи и Сициліи.—Буря между Корсикой и берегами Прованса. — Прибытіе въ Марсель.

Въ ясный, хотя и вѣтреный, майскій вечеръ, французскій пароходъ *Тигръ* отвалилъ отъ Платоновскаго молла одесской гавани и бодро пошелъ къ выходу въ море. *Тигръ*—самый большой пароходъ компаніи Messageries Maritimes изъ числа пароходовъ, плавающихъ между Одессой и Марселью. Его внушительные размѣры были оцѣнены по достоинству еще до отправленія, и при солидномъ грузѣ (полторы тысячи тоннъ пшеницы), который пароходъ вывозилъ изъ Одессы и который долженъ былъ увеличиться вдвое на ближайшей станціи, обѣщали намъ плаваніе болѣе спокойное, чѣмъ какое бываетъ на пароходахъ меньшаго объема.

Пассажировъ на пароходѣ было немного: насъ двое, одна Француженка, бывшая болѣе десяти лѣтъ гувернанткой въ одномъ одесскомъ семействѣ, и двѣ Гречанки, одна изъ Одессы,

другая изъ Константинополя. Было еще нѣсколько палубныхъ пассажировъ, едва ли не исключительно состоявшихъ въ штатѣ при курахъ, клѣтки съ которыми занимали почти всю палубу, отводимую для неклассныхъ (по нашему, третьеклассныхъ) пассажировъ. Намъ, впрочемъ, было извѣстно, что всѣ каюты будутъ заняты въ Константинополѣ, что двѣ трети ихъ уже разобраны заблаговременно и что пароходъ не будетъ въ состояніи принять всѣхъ желающихъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, было несомнѣнно, что господствующую часть населенія нашего парохода вплоть до самой Марсели будутъ составлять русскія куры. Точнаго числа этихъ невольныхъ переселенцевъ въ чужіе края, набитыхъ въ клѣтки, ради сокращенія мѣста, до того, что имъ трудно было пошевелиться, я не могъ добиться, но, во всякомъ случаѣ, оно заходило за добрый десятокъ тысячъ. Въ послѣднее время вывозъ куръ за границу изъ южной и юго-западной Россіи, какъ извѣстно, принялъ огромные размѣры.

Вотъ уже маханіе платками съ пристани становилось все рѣже и рѣже, лица родныхъ и знакомыхъ стало различать все труднѣе и труднѣе; вотъ уже и осматривавшій паспорты и провожавшій насъ нѣкоторое время жандармъ какъ-то незамѣтно исчезъ съ плывущаго парохода, а мы все еще смотрѣли на берегъ, гдѣ виднѣлись уже нераспознаваемыя человѣческія фигуры, и когда повернулись лицомъ къ морю, то увидѣли, что пароходъ нашъ уже вышелъ за брекватеръ. По мѣрѣ нашего удаленія въ море, вѣтеръ, сильный въ Одессѣ, стихалъ; волненіе въ морѣ было незначительно. Раздался звонокъ, и мы спустились въ салонъ для обѣда.

За столомъ мы осмотрѣлись и нѣсколько ознакомились съ пароходнымъ обществомъ, съ которымъ намъ предстояло въ теченіе одиннадцати дней вести общую жизнь и раздѣлять какъ пріятности, такъ и трудности морскаго путешествія. Общество небольшое. Во главѣ стола сидитъ капитанъ (commandant), плотный, невысокаго роста, мужчина лѣтъ сорока восьми, съ загорѣлыми щеками и умнымъ взглядомъ; онъ держитъ себя привѣтливо, но съ достоинствомъ. По обѣ стороны капитана сидятъ двѣ Гречанки: онѣ родственницы между собой и старыя его знакомыя. Константинопольская Гречанка, пріѣзжавшая въ гости къ одесской, г-жа Д., очень красивая женщина за сорокъ пять лѣтъ, но на первый разъ кажущаяся гораздо моложе, видимо пользуется особымъ вниманіемъ капитана; она — замужняя

женщина, но съ мужемъ не живетъ, имѣетъ замужнюю дочь въ Константинополѣ и сына, обучающагося въ какомъ-то парижскомъ лицеѣ. Она прекрасно говоритъ по-французски и умѣетъ поддержать разговоръ на всякія возникающія за столомъ темы: по всему видно, что женщина свѣтская и много видавшая. Другая Гречанка, одесская, ея двоюродная сестра и носитъ извѣстную въ Одессѣ греческую фамилію, хотя, повидимому, и не состоитъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ главными ея представителями. Это—пожилая, довольно некрасивая дѣвица за сорокъ лѣтъ; она ѣдетъ въ Парижъ къ своей замужней сестрѣ, собирающейся разрѣшиться отъ бремени. Разговорчивый капитанъ старается главнымъ образомъ занимать г-жу Д., но любезно обращается и къ ея одесской кузинѣ и находитъ, что борщъ, который онъ ѣлъ вчера у нея за обѣдомъ, превосходенъ. У гувернантки-Француженки, ѣдущей въ Парижъ къ своимъ родителямъ, какъ и у насъ, нѣтъ никого знакомаго. Но мало-по-малу и у насъ завязывается съ сосѣдями разговоръ, который по временамъ дѣлается общимъ. Французская выставка въ Москвѣ является для этого темой удобною, къ которой всѣ, кромѣ Гречанокъ, относятся съ интересомъ. Семь человѣкъ офицеровъ, начиная со старшаго помощника капитана, который (помощникъ), въ отличіе отъ начальника судна, commandant, называется capitaine, и кончая лоцманомъ, pilote, люди общительные и веселые. Только мой сосѣдъ съ лѣвой стороны, повидимому, механикъ судна, имѣетъ нѣсколько мрачный видъ, не ѣстъ то того, то другаго блюда и жалуется на катарръ желудка. Помощникъ капитана, молодой, высокій и добродушнаго вида человѣкъ, обладаетъ заразительною веселостью. Сидящій противъ него пароходный докторъ, молодой, высокій и сутуловатый мужчина, имѣющій видъ человѣка *себѣ на умѣ*, говоритъ немного, но любитъ остроты, которыя принимаются обществомъ съ удовольствіемъ. Младшіе офицеры держатъ себя скромно и принимаютъ участіе въ разговорѣ больше искреннимъ смѣхомъ, когда слышится съ той или другой стороны остроумная или забавная шутка. Молчаливѣе всѣхъ оказывается сидящій въ концѣ стола старикъ лѣтъ шестидесяти пяти, но необыкновенно плотный и здоровый мужчина, обращающій больше вниманіе на подаваемыя блюда и кушающій съ видимымъ аппетитомъ. Это лоцманъ или кормчій судна: онъ не Французъ, а Грекъ изъ Константинополя, человѣкъ бывалый и, видимо, большой спеціалистъ въ своемъ дѣлѣ. Въ продолженіе плаванія

мнѣ часто приходилось обращаться къ нему за тѣми или другими географическими или топографическими свѣдѣніями, и я убѣдился, что Черное Море, Архипелагъ, да и все Средиземное море онъ знаетъ, какъ свой карманъ, и не даромъ занимаетъ свое отвѣтственное мѣсто на службѣ одной изъ сильнѣйшихъ пароходныхъ компаній въ мірѣ.

Когда мы послѣ обѣда всѣмъ обществомъ вышли на палубу, погода была восхитительная. Было ясно, тепло и тихо. Западный берегъ Чернаго Моря былъ виденъ, какъ на ладони. Мы держались довольно близко къ нему на томъ основаніи, что пароходъ нашъ, вопреки своему прямому назначенію, долженъ былъ взять курсъ на Бургасъ и принять тамъ такой же грузъ пшеницы, какой онъ принялъ въ Одессѣ. Это было хорошо въ томъ отношеніи, что хорошо нагруженный *Тигръ* былъ больше застрахованъ отъ качки, но за то это неожиданное уклоненіе къ болгарскому берегу сокращало для насъ время стоянки въ Константинополѣ, сокращало его на цѣлую половину. Послѣднее обстоятельство было досадно, но неисправимо. И вотъ мы стремимся къ Бургасу. Днѣстровскій лиманъ разорвалъ видимую нами береговую линію. Въ восемь часовъ звонокъ позвалъ насъ къ чаю, котораго французскіе моряки, однако, не пили. Чаю давалось по маленькой чашечкѣ съ марсельскими бисквитами. Порцію эту позволялось, впрочемъ, повторить, что̀ мы, русскіе люди, и дѣлали неукоснительно во все время нашего плаванія.

На пароходахъ встаютъ рано. Производившаяся въ шесть часовъ чистка палубы разбудитъ самаго упорнаго соню. Поднялись и мы раньше обыкновеннаго. Первое стремленіе у каждаго изъ насъ по выходѣ изъ каюты узнать, какова погода. Ясно, но сильный вѣтеръ. Пароходъ нашъ не качается, но волненіе въ морѣ значительно. Когда, напившись кофе, я снова вышелъ на палубу, то мнѣ показалось, что волненіе усиливается. Около десяти часовъ утра солнце стало скрываться, а наконецъ и совсѣмъ скрылось за тучами. Въ это время мы шли почти на линіи Варны. Сильный вѣтеръ видимо безпокоилъ пассажировъ. Однако за завтракомъ угрюмый сосѣдъ мой говоритъ мнѣ: „il n'y a pas de mer“. На языкѣ моряковъ это означаетъ, что безпокоющее насъ волненіе не имѣетъ значенія. Пароходъ нашъ, дѣйствительно, идетъ спокойно, но рѣзкій вѣтеръ и значительное волненіе моря всѣхъ насъ легко наводятъ на мысль о возможности во время нашего одиннадцати-дневнаго плаванія и не такого

волненія. Никому не хочется испытать сильной качки и морской болѣзни. Моряки успокоиваютъ насъ относительно настоящаго, но не скрываютъ, что пароходъ нашъ можетъ подвергнуться значительной трепкѣ около мыса Матапана, то-есть, когда мы будемъ огибать южный берегъ Греціи и станемъ входить въ Іоническое море (французскіе моряки называютъ его *Адріатическимъ*, какъ и настоящее Адріатическое море). Но мысъ Матапанъ отъ насъ еще далеко; да и кто знаетъ, будетъ ли тамъ качка. Пока для насъ важно, чтобы настоящее-то волненіе не причинило качки пароходу.

Пока, дѣйствительно, качки не чувствовалось. Однако, волненіе усиливалось. Въ три часа дня берега уже не было видно. Погода прояснилась, но вѣтеръ крѣпчалъ. Нашъ *Тигръ* сталъ какъ будто покачиваться. Но качка ли это? Я старался успокоить себя мыслью, что это только такъ кажется, и сталъ читать книгу де-Амичиса о Константинополѣ. Когда въ три четверти пятаго раздался первый звонокъ къ обѣду и я оглянулся кругомъ, то увидѣлъ гористый берегъ на юго-западѣ. Мы были предъ выходомъ въ Бургасскій заливъ. Но, спускаясь по лѣстницѣ въ обѣденную залу, всѣ мы замѣчаемъ уже не воображаемую, а дѣйствительную качку. Не отрицаютъ ея и французскіе офицеры, но лишь слегка ухмыляются. Легкое tremolo чувствуется все время обѣда. Одна изъ дамъ выбѣгаетъ изъ-за стола; за нею бѣжитъ вонъ и другая. Начинаетъ тошнить и меня, но я дѣлаю усиліе досидѣть за столомъ до конца обѣда. И, дѣйствительно, досидѣлъ; но лишь только вышелъ изъ-за стола и вошелъ въ свою каюту, какъ тотчасъ оказалось, что я храбрился напрасно. Однако, непріятное состояніе страдающихъ морскою болѣзнью пассажировъ продолжалось недолго. Мы скоро вошли въ Бургасскій заливъ, качка прекратилась, и въ девять часовъ вечера мы уже стояли передъ Бургасомъ, но стояли въ очень почтительномъ отдаленіи, такъ какъ послѣ захода солнца не имѣли права войти въ гавань.

Рано утромъ насъ разбудили смѣшанные крики многочисленныхъ голосовъ, раздававшихся кругомъ парохода на разныхъ языкахъ, съ видимымъ, однако, преобладаніемъ греческаго. Это былъ шумный говоръ рабочихъ, съ четырехъ часовъ начавшихъ нагрузку парохода пшеницей. Подъ такой международный концертъ спать было трудно, да и интересно было взглянуть, что̀ такое дѣлается, и что̀ такое этотъ Бургасъ, который вечеромъ, и

притомъ съ далекаго разстоянія, нельзя было разглядѣть хорошенько. Тихая и ясная погода, предвѣщающая, что день будетъ жаркій. Предъ нами на самомъ берегу незначительное селеніе, называющееся Бургасомъ; кругомъ насъ большой заливъ съ гористыми берегами. Около парохода суета и барки съ пшеницей, изъ которыхъ зерно высыпается въ нутро парохода лукошками, переходящими изъ рукъ въ руки; мужчины и женщины разнаго типа, въ разнохарактерныхъ костюмахъ, иногда въ несовсѣмъ опредѣленныхъ одѣяніяхъ, какъ это замѣчается и среди торговыхъ рабочихъ въ Одессѣ, и каждый изъ нихъ кричитъ кто во что̀ гораздъ. Подходитъ новая барка съ пшеницей: начинается перебранка съ оборванцами, стоящими на баркѣ, уже выгрузившей пшеницу, но не имѣвшей времени отойти въ сторону. Около парохода пыль, пыль и внутри парохода, заходящая и въ нашъ салонъ, который въ то же время есть и обѣденная зала. Разсыпавшееся зерно доходитъ до самыхъ дверей этой залы, такъ что приходится ходить или, чаще, скакать по нему, когда надобно спускаться съ палубы въ каюту, или подниматься изъ каюты на палубу. Въ такомъ положеніи приходится пробыть день, а можетъ-быть и два. Перспектива не веселая: стоять вблизи Бургаса и глотать пыль на пароходѣ. Между тѣмъ, день становился все болѣе и болѣе жаркимъ. Спускаться на берегъ капитанъ не рекомендуетъ, должно-быть ради паспортныхъ формальностей, да и видѣть въ Бургасѣ, прибавляютъ моряки, рѣшительно нечего. Такимъ образомъ, мы всѣ остаемся на палубѣ. Послѣ полудня агентъ компаніи Messageries maritimes приноситъ мнѣ квитанцію на отправку депеши, которую я еще вчера вечеромъ поручилъ ему отправить въ Одессу. Сдачу съ французской десятифранковой монеты онъ мнѣ вручаетъ *левами* и *стотинками*, какъ называются болгарскіе франки и сантимы. Такимъ образомъ, я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ болгарскими деньгами, мнѣ впрочемъ совсѣмъ ненужными.

Стоимъ мы предъ Бургасомъ день, стоимъ другой. Первый день стоянки (понедѣльникъ, 27 мая) былъ очень жарокъ, такъ что съ утра всѣ одѣлись въ легкіе костюмы; второй день еще жарче. Капитанъ нашъ облачился на этотъ разъ въ пресмѣшной костюмъ изъ toile de Vichy и сталъ удить рыбу. За то же развлеченіе принялся докторъ и кое-кто изъ другихъ служащихъ на пароходѣ. Такъ какъ у насъ не было орудій для ловли рыбы, то намъ приходилось только смотрѣть. Для развлеченія своихъ

знакомыхъ дамъ капитанъ отправился съ ними кататься въ пароходной лодкѣ по бургасскимъ водамъ. Остальнымъ дамамъ и мнѣ предоставлялось развлекаться чтеніемъ, игрой на піанино и созерцаніемъ бургасскихъ посѣтителей парохода, для которыхъ пріѣздъ французскаго парохода былъ, повидимому, такимъ же событіемъ, какимъ, помнится мнѣ, лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ, для петрозаводскихъ жителей былъ пріѣздъ петербургскаго парохода. Приходилъ, между прочимъ, статный солдатъ съ женой и съ премилою маленькою дѣвочкой; приходила дама Гречанка съ красавицей дочерью, чтобы повидаться съ г-жей Д.; приходили не то Греки, не то Французы, имѣвшіе къ пароходу дѣловыя отношенія. Появилось на пароходѣ въ числѣ палубныхъ пассажировъ полдюжины Евреевъ и послышался русскій говоръ. Съ ними разговаривалъ по-русски какой-то молодой человѣкъ, какъ будто учившійся по-русски по старопечатнымъ книгамъ. Меня очень подмывало спросить его, что̀ онъ за человѣкъ и въ какой странѣ говорятъ такимъ русскимъ языкомъ, но какъ-то не удалось. Появились, наконецъ, и толстые Турки со своими женами, которыхъ они помѣстили подъ уставленными на палубѣ пологами. Населеніе парохода замѣтно и разнообразно увеличилось.

А пароходъ нашъ все стоитъ, да стоитъ. Время нашего пребыванія въ Константинополѣ, слѣдовательно, все сокращается, да сокращается, такъ какъ мы во всякомъ случаѣ должны выѣхать изъ Константинополя по расписанію, то-есть въ четвергъ, 30 мая (по русскому стилю). Пассажиры высказываютъ нетерпѣніе. Капитанъ и самъ начинаетъ сердиться на то, что погрузка пшеницы идетъ очень вяло и часть дня проходитъ даже совсѣмъ безъ работы. Наконецъ, онъ объявляетъ, что кончится погрузка или нѣтъ, мы ѣдемъ въ пять часовъ вечера (28 мая). Къ пяти часамъ все нужное количество пшеницы было погружено, и пароходъ тронулся. Въ эту минуту кто-то заигралъ на піанино польку. Капитанъ, забывъ свои обязанности, схватилъ русскую даму, нѣкоторые офицеры другихъ дамъ, и начались танцы. Радость и оживленіе были всеобщія. Въ этомъ настроеніи всѣ сошли внизъ обѣдать, и разговоры приняли такой оживленный характеръ, какого до тѣхъ поръ не имѣли. Въ нихъ выражалась не только общая радость по случаю того, что прекратилась томительная стоянка въ непредставлявшей интереса гавани, но и то, что пассажиры и команда успѣли за это время хорошо озна-

комиться другъ съ другомъ. Надо всѣми разговорами царила мысль, что завтра мы въѣзжаемъ въ Босфоръ и станемъ на якорѣ въ Золотомъ Рогѣ, словомъ, что мы завтра рано будемъ въ Константинополѣ.

Легко сказать: завтра утромъ въ Константинополѣ! Эта столица Востока съ ея міровымъ значеніемъ въ древней, средней и новой исторіи, съ ея ослѣпительною панорамой, какой не имѣетъ ни одинъ городъ въ свѣтѣ, съ ея архитектурными чудесами, съ ея сказочными дворцами, съ ея оригинальною жизнью, созданною сочетаніемъ мусульманства съ византійскими элементами и западноевропейскою образованностію, съ необыкновенною пестротой ея населенія, собравшагося изо всѣхъ странъ Европы, Азіи и Африки, этотъ дивный городъ, пользующійся несравненнымъ мѣстоположеніемъ, омываемый Босфоромъ, Золотымъ Рогомъ и Мраморнымъ Моремъ и издавна считавшійся ключемъ ко всемірному владычеству, крупнѣйшее яблоко раздора между великими державами и, какъ всѣ говорятъ, завѣтная мечта, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самый опасный камень преткновенія русской политики, въ комъ онъ не пробуждаетъ желанія видѣть его своими глазами? Горѣлъ и я нетерпѣніемъ скорѣе видѣть Константинополь и прежде всего насладиться видомъ Босфора, начиная отъ входа въ него со стороны Чернаго Моря вплоть до Золотаго Рога и Мраморнаго Моря. Капитанъ объявилъ, что для этого нужно быть уже въ четыре часа утра на палубѣ. Чтожъ за бѣда? можно встать и раньше; и дѣйствительно, въ среду, 29 мая, я поднялся уже въ три съ половиной часа и тотчасъ вышелъ на палубу.

На пароходѣ, двигавшемся медленнымъ ходомъ, тишина. Въ едва начинающей проходить ночной темнотѣ и въ морскомъ туманѣ нельзя разглядѣть ничего, кромѣ суживающихся впереди береговъ и нѣсколькихъ судовъ, идущихъ съ анатолійскаго берега, а также изъ сѣверныхъ портовъ Чернаго Моря. Я поднялся на капитанскій мостикъ (passerelle). Капитана тамъ еще не было, а ходилъ взадъ и впередъ одинъ изъ младшихъ его помощниковъ, котораго я еще при первомъ знакомствѣ съ нимъ назвалъ Римляниномъ (что было усвоено и другими).

Мы передъ входомъ въ Босфоръ. Прямо противъ насъ идетъ къ нему же большой пароходъ съ восточной стороны. Меня занимаетъ вопросъ, кто изъ насъ войдетъ раньше. Но шедшій противъ насъ пароходъ, замедляя свой ходъ, кажется, совсѣмъ

остановился. Мы тоже почти не двигаемся. Дѣло въ томъ, что раньше восхода солнца входъ въ Босфоръ запрещается. Между тѣмъ, на Востокѣ едва брезжится заря, солнечныхъ лучей приходится ждать полчаса или около того. Мы однако понемножку все-таки двигаемся, хотя шедшій намъ на встрѣчу пароходъ несомнѣнно остановился. Впереди еще почти ничего не видно отъ тумана. Но Римлянинъ обращаетъ мое вниманіе на разставленныя при входѣ въ Босфоръ батареи съ направленными къ Черному Морю дулами пушекъ.—„Считайте, говоритъ онъ,—одна, двѣ, вотъ третья батарея, а тамъ дальше будутъ еще другія".—Вѣдь это противъ насъ? говорю я, вопросительно обращаясь къ собесѣднику. Тотъ ласково улыбается.—„Навѣрное противъ васъ, замѣчаетъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія." Вотъ явился и самъ commandant. По данному имъ сигналу пароходъ, наконецъ, остановился. Но едва мы остановились, какъ небольшой, но юркій англійскій пароходъ вдругъ обгоняетъ насъ и затѣмъ становится поперекъ пролива, загораживая намъ дорогу. Это была дерзость, которая взбѣсила нашего капитана. Онъ велѣлъ дать свистокъ. Пароходъ нашъ сердито заревѣлъ, и я обратился весь въ ожиданіе. „Впередъ!" закричалъ капитанъ. Не даромъ, подумалъ я, онъ носитъ историческую фамилію Ньеля. Мы двинулись впередъ прямо противъ дерзкаго парохода: тотъ видитъ, что съ нимъ не шутятъ, и ловко отходитъ въ сторону при нашемъ приближеніи. Наконецъ, изъ-за Виѳинскихъ горъ показались первые лучи солнца. *Тигръ* бодро пошелъ впередъ, открывая нашимъ изумленнымъ глазамъ одну картину за другой по обѣ стороны пролива. Собравшіяся къ этому времени на мостикѣ въ полномъ составѣ дамы-пассажирки заахали отъ удивленія. Я тоже не могъ не выразить вслухъ своего глубокаго восторга. Помощникъ капитана объявляетъ намъ, что подобное зрѣлище предстоитъ намъ во все время пути по Босфору. Господи, какъ это хорошо!

Я не стану, разумѣется, описывать то, что̀ тысячу разъ было описано. Я передаю только впечатлѣніе, а впечатлѣніе это таково, что какъ бы ни былъ скептически настроенъ человѣкъ, онъ долженъ сказать, что ничего подобнаго тому, что̀ онъ видитъ въ теченіе двухъ часовъ плывя по Босфору, онъ въ своей жизни не видѣлъ. Что̀ же такое онъ видитъ! Онъ видитъ по обѣимъ сторонамъ пролива, то суживающагося, то расширяющагося, но, вообще говоря, имѣющаго ширину Невы въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ этой красавицы-рѣки, не прерывающіяся группы строеній

города и деревни, видитъ виллы, дворцы, башни, мечети, минареты, кіоски, террасы, видитъ на каждомъ шагу зданія такой легкой, красивой, нерѣдко причудливой архитектуры, такихъ свѣтлыхъ, пріятныхъ и смѣющихся красокъ, среди такой роскошной природы, среди такой свѣтлой и обильной зелени луговъ, парковъ, садовъ и боскетовъ, что то и дѣло переходитъ отъ изумленія въ восхищеніе и отъ восхищенія къ изумленію. Но такъ какъ эта неописуемая панорама чудныхъ береговъ съ городами и селеніями, съ виллами и дворцами, съ мечетями и кіосками тянется безъ конца, съ каждою минутой представляя новый интересъ, то изумленіе и восхищеніе переходятъ, наконецъ, въ какое-то очарованіе: даже наиболѣе бывалый и видавшій виды путешественникъ начинаетъ находить, что предъ нимъ развертывается картина чего-то сказочнаго, чего-то волшебнаго, чего нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ. Что̀ можетъ быть, повидимому, очаровательнѣе усѣяннаго старинными дворцами Большаго Канала въ Венеціи? Что̀ можетъ быть восхитительнѣе Неаполитанскаго залива съ его чудною природой и грандіознымъ видомъ на Неаполь? Какъ прелестны со своими городами, селеніями, виллами и виноградниками берега Женевскаго озера? Но, странное дѣло, въ сравненіи съ Босфоромъ самые красивые виды въ Европѣ теряютъ свою поэзію. Тутъ, на Босфорѣ, восхищаетъ, опьяняетъ, очаровываетъ, коли хотите, не то, что вы видите живописные дома всѣхъ цвѣтовъ радуги, съ явнымъ, однако, преобладаніемъ бѣлаго, выстроенные въ разныхъ, иногда самыхъ причудливыхъ стиляхъ, видите группы строеній, то купающіяся въ водахъ Босфора, то разсыпанныя по холмистымъ берегамъ террасами, видите вверху и внизу множество роскошныхъ виллъ, загородныхъ дворцовъ посланниковъ, визирей, пашей, не мало султанскихъ дворцовъ и кіосковъ, и то тамъ, то сямъ высоко поднятыя головы мечетей, и минаретовъ, а то, что вы все это видите среди роскошной природы, среди необыкновенно могучей растительности, среди великолѣпнаго освѣщенія южнымъ солнцемъ, и, что̀ всего важнѣе, видите на картинѣ, которая тянется безъ конца и съ каждою минутой даетъ вамъ все новыя и новыя перспективы. Вотъ Буюкдере съ выступающимъ на первый планъ красивымъ лѣтнимъ дворцомъ русскаго посла; вотъ Терапія съ импозантнымъ видомъ дворца посла Великобританіи, предъ которымъ такъ много теряетъ тутъ же стоящій красноватаго колорита дворецъ посла Французской республики. Всѣ

эти дворцы, какъ и дальше стоящій въ подаренномъ султаномъ паркѣ, гордо поднявъ голову, загородный дворецъ посла Германскаго императора, безъ сомнѣнія, могли бы послужить предметомъ продолжительнаго вниманія и, пожалуй, восхищенія во всякомъ другомъ мѣстѣ; но здѣсь, на Босфорѣ, эти крупныя постройки европейскаго вкуса, на которыхъ взоръ путешественника тоже, разумѣется, останавливается уже въ виду важной роли, какую представители великихъ державъ играютъ въ Константинополѣ, само по себѣ не Богъ знаетъ какъ много придаютъ красоты чудной панорамѣ пролива. Панорама эта восхитительна именно тѣмъ, что, раскрываясь на протяженіи болѣе двухъ десятковъ верстъ, она кажется безконечною тѣмъ, что она разнообразна, неожиданна, причудлива, весела, поразительна. Плывя па пароходѣ, вы смотрите на деревню, на городъ, на виллу, на дворецъ, на мечеть, на чудную зелень, окружающую дома, раскинувшуюся къ долинамъ, на эти роскошные платаны, тополи, акаціи, кипарисы, лавры, сикоморы, смотрите на рядъ причудливыхъ и разноцвѣтныхъ домовъ, разстилающихся предъ вашими глазами на берегу, смотрите вверхъ, смотрите внизъ, смотрите на главы мечетей, на верхушки башенъ, смотрите на спускающіяся въ воду мраморныя лѣстницы, но вы не можете на чемъ-либо остановиться, такъ какъ впечатлѣнія мѣняются каждую секунду, вытѣсняя одно другое безконечнымъ разнообразіемъ и все новою привлекательностью видимыхъ предметомъ. Едва вы устремили взоръ на правую, европейскую сторону, какъ уже проѣхали мимо живописной деревни или города на лѣвой, азіятской сторонѣ, не успѣвъ взглянуть на нихъ, и стремитесь, хотя на мгновеніе, оглянуться на то, что̀ вы пропустили. Оглядываетесь назадъ, восхищаетесь тѣмъ, что̀ было ускользнуло отъ васъ, затѣмъ смотрите снова впередъ и видите, что впереди на томъ или на другомъ берегу уже появились новыя картины, столь же или болѣе восхитительныя, а за ними еще новыя и еще новыя, одна другой привлекательнѣе. Вотъ что̀ составляетъ несравненную прелесть Босфора, что̀ придаетъ его берегамъ истинное очарованіе. И это очарованіе все растетъ и растетъ, по мѣрѣ того, какъ на горизонтѣ выступаетъ предъ вами все больше и больше другая панорама, въ которую вы невольно устремляете взоръ, чудная панорама громаднаго города съ несравненнымъ въ мірѣ мѣстоположеніемъ, съ необозримою массой блистающихъ на солнцѣ зданій, надъ которыми господствуютъ башни, мечети и минареты,

съ цѣлымъ лѣсомъ судовъ всевозможныхъ величинъ, судовъ, плывущихъ вамъ навстрѣчу, стоящихъ на якорѣ, перерѣзывающихъ вамъ дорогу, идущихъ о бокъ съ вами. Панорама эта такъ величава въ своей совокупности, что васъ, наконецъ, не останавливаютъ и самыя выдающіяся ея части. Вы даже едва замѣчаете и знаменитый мраморный дворецъ Чирагинъ, и настоящую резиденцію султана, дворецъ Дольма-Бахче, мимо которыхъ вы плывете, и башню Леандре, на другой сторонѣ пролива, предъ Скутари. Вы всецѣло поражены ансамблемъ, который васъ охватываетъ со всѣхъ сторонъ и держитъ васъ подъ несравненнымъ впечатлѣніемъ, которому вы волей-неволей вполнѣ отдаетесь.

Нашъ пароходъ дѣлаетъ поворотъ направо и врѣзывается въ Золотой Рогъ, по обѣимъ сторонамъ котораго расположенъ Константинополь. Слѣва Стамбулъ, справа Галата и Пера. Впереди виденъ мостъ, за нимъ другой. Ближе къ Галатѣ стоятъ громадные пароходы съ англійскими названіями; посреди залива стоитъ *Олегъ*, немножко дальше вправо другой пароходъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, названія котораго теперь не припомню. Тотъ и другой стоятъ смѣло, словно у себя дома; видимое дѣло, что воды эти русскимъ пароходамъ хорошо знакомы и они не чувствуютъ себя ниже стоящихъ рядомъ англійскихъ колоссовъ. *Тигръ* останавливается и безо всякой церемоніи бросаетъ якорь противъ самаго Стараго Сераля, самаго главнаго мѣста древней Византіи, противъ ея Акрополя.—Гдѣ же храмъ Святой Софіи? спрашиваю я.—Смотрите направо отъ Стараго Сераля.—Но вѣдь это не Айя Софія? говорю я, указывая на колоссальную мечеть съ многочисленными, поднимающимися одинъ выше другаго, куполами, съ большимъ куполомъ посрединѣ.—Нѣтъ, это мечеть султанши Валидэ; а вотъ смотрите ближе сюда, хотя Айя Софія и закрыта нѣсколько другими зданіями.—Вижу, судя по куполу, это долженъ быть онъ, храмъ Юстиніана. Только что̀ это онъ одѣтъ въ какую-то пеструю матерію, знаменитому византійскому храму не свойственную?—Это турецкія пристройки и украшенія.—Досадно, тѣмъ больше, что совсѣмъ некрасиво!

Константинополь, читатель, теперь передъ нами уже не въ воображеніи, не въ миражѣ, которымъ онъ окруженъ, когда къ нему подъѣзжаешь, а въ дѣйствительности. Мы скоро будемъ ходить по его улицамъ. Очарованіе исчезло.

Не безъ труда избавились отъ нахлынувшей на пароходъ толпы коммиссіонеровъ, гидовъ, переводчиковъ, людей самаго подозри-

тельнаго вида, между которыми особенною назойливостію отличается нѣкто Ѳедченко, сунувшій мнѣ свою безграмотную карточку на языкахъ: русскомъ, французскомъ и турецкомъ, и напившись кофе, мы вышли на палубу. Но едва успѣли подойти къ борту парохода, какъ слышимъ обращенный къ намъ изъ подъѣзжающей къ пароходу лодки голосъ знакомой дамы Гречанки, которая, уѣзжая мѣсяцемъ раньше изъ Одессы, обѣщалась явиться къ намъ на пароходъ, какъ только мы пріѣдемъ. Добрая женщина сдержала свое слово, хотя мы уже и не совсѣмъ разсчитывали на это, такъ какъ пароходъ нашъ прибылъ въ Константинополь не во́время. Мы пріѣхали въ среду, а должны были пріѣхать въ понедѣльникъ.

— Я третій день подъѣзжаю къ пароходамъ, а васъ все нѣтъ, кричитъ своимъ звонкимъ голосомъ Аѳинянка, поднимаясь по лѣстницѣ.—Вчера мнѣ сказали въ агентствѣ, что пароходъ вашъ прибудетъ къ восьми часамъ утра, и вотъ я чуть не опоздала. Теперь какъ я рада, какъ я рада!..

Бойкая и словоохотливая женщина болтала безъ умолку. Наконецъ, она скомандовала намъ собраться съ нею въ дорогу, такъ какъ мы еще раньше дали согласіе на то, что она конфискуетъ насъ на цѣлый день.

Мы сѣли въ лодку и поѣхали къ Галатскому мосту. Высадивъ насъ на берегъ въ Галатѣ, лодочникъ отъ нашей распорядительницы получилъ приказаніе отойти къ другой пристани и тамъ ожидать насъ. Мы пошли по улицамъ. Давно не бывши за границей, я былъ пріятно удивленъ, что никто не спрашивалъ у насъ паспортовъ ни на пароходѣ, ни при высадкѣ на берегъ; пріѣхали словно въ Англію или въ Швейцарію. Итакъ, говорю я, пошли мы по улицамъ. Стоитъ мальчикъ съ газетами: всѣ оказываются вчерашнія. Четвертый день не видавъ въ глаза никакихъ газетъ, я былъ радъ прочесть и вчерашнюю. Беру *Stamboul*, какъ совсѣмъ мнѣ незнакомую газету. Смотрю въ нее на ходу и ищу депешъ. Но никакихъ депешъ въ *Стамбулѣ* нѣтъ, да, какъ оказалось, и не бываетъ; европейскія извѣстія, какія я тамъ нашелъ, были очень запоздалы и уже доходили до моего свѣдѣнія; извѣстій изъ Россіи почти никакихъ. Гречанка приглашаетъ меня бросить газету и не отставать. Я охотно повиновался. Смотрю на улицу: грязновато, обдаетъ сырымъ и непріятнымъ воздухомъ; лежатъ собаки здѣсь, лежатъ дальше, нѣкоторыя изъ нихъ копошатся въ выброшенной на улицу нечистотѣ. Такъ вотъ онѣ,

знаменитыя константинопольскія собаки! Но эти *знаменитыя* собаки имѣютъ очень жалкій видъ: желтогрязноватаго цвѣта, вялыя, исхудалыя, болѣзненныя. Къ этому зрѣлищу всюду валяющихся грязныхъ собакъ надо привыкнуть: такъ мало оно вяжется съ понятіемъ о чистотѣ и благоустройствѣ современнаго европейскаго города! Впрочемъ, жители Контантинополя въ одинъ голосъ говорятъ, что собаки не уменьшаютъ чистоты и благоустройства Константинополя, а поддерживаютъ ихъ: они укладываютъ въ свои желудки тѣ нечистоты, по которымъ иначе пришлось бы ходить. Съ этимъ надо согласиться, хотя не слѣдуетъ забывать, что нечистоты не остаются навсегда въ собачьихъ желудкахъ. Во всякомъ случаѣ, не лишена оригинальности идея создать изъ собакъ санитарную полицію города.

Гречанка наша хотѣла показать намъ Константинополь лицомъ. Она вводитъ насъ въ какую-то полутемную галлерею и, ничего намъ не говоря, беретъ тамъ билеты. Мы садимся въ вагонъ желѣзной дороги. Ѣдемъ, и черезъ двѣ, три минуты вмѣсто Галаты гуляемъ уже по Перѣ. Мы на главной улицѣ Перы Grande rue de Péra: узкая и тоже не отличающаяся чистотой улица. Собакъ въ ней мало замѣтно; но, несмотря на раннее время, большая толпа движущагося народа, а тротуары крайне узки. Заходимъ въ большой магазинъ для нужныхъ покупокъ. На вопросъ о цѣнѣ отвѣчаютъ: восемьдесятъ семь піастровъ. Турецкая денежная система такъ сложна, что нужно, мнѣ кажется, не одну недѣлю прожить въ Константинополѣ, чтобъ освоиться съ нею какъ слѣдуетъ. Поэтому слова *восемьдесятъ семь піастровъ* для меня пока такъ же ничего не говорятъ, какъ турецкая грамота, а интересно знать, дорого ли этотъ французскій товаръ продается въ Константинополѣ, дешево ли. Мы спросили, и намъ сказали цѣну на франки: оказалось, что очень не дешево для города, гдѣ иностранные товары еще, благодаря Бога, не очищаются въ таможнѣ, какъ у насъ, по запретительной системѣ. Завернули еще въ одну улицу, завернули въ другую, гдѣ находятся большіе и хорошіе магазины. Наша руководительница видимо хотѣла показать намъ въ Перѣ, такъ-сказать, европейскую сторону города, чтобы мы могли сравнить эту сторону съ таковою же въ Одессѣ. Мнѣ было неловко сказать, что магазины съ выставленными въ дверяхъ во весь ростъ человѣческими восковыми фигурами, да большія гостиницы меня интересуютъ очень мало, но я былъ очень радъ, когда мы снова спустились по

желѣзной дорогѣ въ Галату и затѣмъ сѣли въ лодку, чтобъ ѣхать въ Фанаръ, гдѣ жила наша любезная руководительница.

На Большомъ Рогѣ уже большое движеніе. Значительной величины пароходы, нагруженные публикой, то и дѣло направляются въ Босфоръ и въ Мраморное Море; другіе, также нагруженные, идутъ имъ на встрѣчу. Безчисленные каики бороздятъ воду во всѣхъ направленіяхъ. Эти узкіе и длинные челноки коричневаго цвѣта, въ которыхъ удобно сидѣть только одному человѣку, представляютъ собою несомнѣнную примѣчательность Константинополя, какъ гондолы составляютъ одну изъ характернѣйшихъ особенностей Венеціи. Они летаютъ по водѣ, какъ стрѣлы, и очень ловко управляются Турками. Нашимъ мужиковатымъ лодочникамъ на Невѣ относительно ловкости и граціозности движеній очень далеко до турецкихъ: видно, что для этихъ Босфоръ и Золотой Рогъ—своя стихія, а ѣзда на каикѣ—спеціальность, которую они культивируютъ до виртуозности. Каики, повидимому, составляютъ исключительную принадлежность Турокъ; греческіе лодочники, насколько я могъ замѣтить, возятъ публику только въ лодкахъ, въ обыкновенныхъ лодкахъ, но не столь легкихъ, какъ невскіе ялики.

Мы плывемъ долго, ближе къ сторонѣ Стамбула, направляясь все къ западу. Движеніе на Золотомъ Рогѣ становится рѣже и рѣже, въ воздухѣ все тише и тише, дома на берегу все бѣднѣе и проще. Наконецъ мы пристали къ стоящему у берега плоту. Никакого подобія набережной. Поднимаемся мы по улицамъ очень плохо мощенымъ, кривымъ и почти безлюднымъ. Это Фанаръ, кварталъ Стамбула, населенный потомками покоренныхъ Византійцевъ, мѣстопребываніе вселенскаго патріарха. Наша Гречанка подходитъ къ лавочкѣ съ фруктами, дѣлаетъ тамъ покупки и кричитъ: *баба!* На этотъ крикъ двигается отъ забора молчаливый Турокъ, беретъ закупленную провизію въ мѣшокъ и несетъ вслѣдъ за нами. Мы поднимаемся все выше и выше. По улицамъ,—если только можно назвать улицами ихъ неправильныя и какъ-то странно прерывающіяся подобія,—валяются тѣ же собаки, что̀ и въ Галатѣ. Идетъ высокій, худощавый Грекъ въ черномъ сюртукѣ, съ феской на головѣ, и ни съ того ни съ сего ударяетъ палкой по лежавшей на дорогѣ желтой собакѣ. Бѣдное животное начинаетъ жалобно визжать, словно плачетъ, жалуясь намъ на этого грубаго человѣка, причинившаго ему обиду безо всякой причины.—Я слыхалъ, обращаюсь я къ Гречанкѣ,—что

въ Константинополѣ собакъ не бьютъ.—Не бьютъ Турки, а Греки бьютъ,—отвѣчаетъ она. Мнѣ не ловко было сказать ей, что мнѣ въ этомъ случаѣ стыдно за Грековъ.

Въ домѣ греческаго ученаго, куда мы шли, насъ ожидало самое радушное гостепріимство. Черезъ нѣсколько минутъ послѣ нашего прибытія намъ подали, по восточному обычаю, сласти съ холодною водой и потомъ кофе, сваренный по-турецки. Затѣмъ, такъ какъ день былъ жаркій и предполагалось, что мы устали съ дороги, намъ было предложено до обѣда отдохнуть, чѣмъ мы охотно и воспользовались. Въ отведенномъ намъ для отдыха верхнемъ этажѣ, въ очень чистомъ, простомъ, но удобно обставленномъ помѣщеніи, была прохлада и было много воздуха. Изъ отворенныхъ оконъ былъ великолѣпный видъ на Золотой Рогъ, на Перу и на ея западныя окрестности. Можно было наслаждаться этимъ видомъ не только стоя и сидя, но и лежа, и я дѣйствительно наслаждался. Обѣдъ, къ которому былъ приглашенъ одинъ молодой ученый, преподаватель въ греческомъ національномъ училищѣ, былъ приготовленъ по преимуществу въ греческомъ вкусѣ: тутъ была и мастика, чисто греческая водка и чирусъ, сухая рыба для закуски, и жареныя мидіи, и яурта (кислое молоко), и санторинское вино, и многое другое, чего я не припомню. Приготовлено все было очень вкусно и, повидимому, съ особеннымъ стараніемъ. Говорили, разумѣется, много: о Константинополѣ, о Туркахъ, о Грекахъ, о греческомъ языкѣ, объ его произношеніяхъ въ нашихъ школахъ, о Россіи, объ ея отношеніяхъ къ Европѣ, говорили о настоящемъ, говорили о будущемъ. У насъ были въ Россіи общіе близкіе знакомые; поэтому рѣчь о нашей странѣ то и дѣло возобновлялась. Послѣ обѣда мнѣ было предложено осмотрѣть греческое училище.

Огромное новое зданіе, находящееся въ двухъ шагахъ отъ дома, гдѣ я былъ такъ радушно принятъ, занимаетъ превосходное положеніе: оно стоитъ на очень высокомъ мѣстѣ, и изъ оконъ его можно видѣть чуть не весь Константинополь, какъ на ладони. Насъ принялъ директоръ училища, архимандритъ Клеовулосъ, духовное лицо скромнаго и привѣтливаго вида и, по мягкости выраженія фигуры, болѣе похожее на русскаго, чѣмъ на греческаго монаха. Съ нимъ сидѣли два другіе монаха. Оказалось, что всѣ они доканчивали свое образованіе въ германскихъ университетахъ. Такимъ образомъ разговоръ вмѣсто французскаго языка пошелъ на нѣмецкомъ, который до извѣстной

степени былъ знакомъ всѣмъ присутствующимъ. Не знаю, много ли учились и многому ли выучились эти духовныя лица въ Германіи, но всѣ они говорили о своемъ пребываніи въ Гёттингенѣ, Эрлангенѣ, Мюнхенѣ съ любовію. Впрочемъ, всѣ охотно признавали, что Византію и въ Германіи знаютъ мало и судятъ о ней несправедливо. Я указалъ на то, что въ настоящее время небольшой кругъ русскихъ ученыхъ съ особенною ревностію занимается Византіей, и что работы русскихъ ученыхъ чужды западнаго нерасположенія къ ней и предвзятыхъ мнѣній, источникомъ которыхъ служитъ извѣстная вражда латинской церкви къ греческой. Собесѣдники мои выслушали мое сообщеніе не безъ удовольствія, но о работахъ русскихъ ученыхъ, касающихся Византіи, они до сихъ поръ еще не слыхали. Я забылъ сказать, что и тутъ, какъ только я вошелъ въ кабинетъ директора училищъ, немедленно появились сласти и кофе. Совершенно отказаться отъ угощенія было бы неприлично, но и принять его во всей цѣлости для меня было бы тоже неудобно. Поэтому, извинившись, что избѣгаю сластей, я взялъ чашку кофе. Одинъ изъ собесѣдниковъ повелъ меня осматривать училище, въ которомъ въ этотъ часъ не было никакихъ занятій. Зданіе училища, какъ я уже сказалъ, велико и имѣетъ видъ очень внушительный. Но внутри оно черезчуръ просто, можно даже сказать—бѣдно. У насъ такая простота и бѣдность школьной обстановки существуетъ теперь развѣ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Такъ какъ училище восьмиклассное, соотвѣтствующее по программѣ нашей классической гимназіи, то тамъ есть и кабинеты — физическій и естественно-историческій. Есть и библіотека, составившаяся изъ пожертвованій, но она не велика, а главное—не приведена еще въ порядокъ. Учителей въ училищѣ достаточно, и они получаютъ хорошее содержаніе. На мой вопросъ одному изъ учителей о количествѣ приходящагося на его долю содержанія я получилъ въ отвѣтъ, что онъ, какъ учитель, настолько обезпеченъ въ средствахъ, что, въ соединеніи съ гонораромъ изъ женскаго греческаго училища, онъ получитъ въ общемъ сумму, которая будетъ равняться 3.600 рублей нашихъ бумажныхъ денегъ. Относительно качества преподаванія въ греческомъ національномъ училищѣ ничего не могу сказать, но знаю, что училище это составляетъ гордость константинопольскихъ Грековъ и есть лучшее, что они имѣютъ въ Турціи для образованія своихъ единоплеменниковъ.

Когда, осмотрѣвъ училище и насладившись изъ его оконъ и балкона однимъ изъ лучшихъ видовъ на Константинополь, я сошелъ внизъ и опять зашелъ въ кабинетъ начальника заведенія, чтобы проститься съ нимъ, то немедленно опять явился слуга съ подносомъ. На этотъ разъ я рѣшительно отказался ото всякаго угощенія. Въ кабинетѣ были уже новые люди. Высказавъ свое впечатлѣніе отъ осмотра училища въ возможно благопріятныхъ выраженіяхъ и пожалѣвъ только о неустройствѣ библіотеки, съ чѣмъ и директоръ, и другіе присутствовавшіе вполнѣ согласились, я поблагодарилъ отца архимандрита за любезность и оставилъ училище, о которомъ такъ много слышалъ еще въ Одессѣ.

По составленной нашею радушною хозяйкой программѣ мы должны были въ тотъ же день посѣтить одну изъ первостепенныхъ достопримѣчательностей Константинополя—*Большой Базаръ*, гдѣ было предположено сдѣлать нѣкоторыя покупки, затѣмъ посѣтить центральный пунктъ греческой жизни въ Константинополѣ — патріархію и въ заключеніе сдѣлать вечеромъ прогулку на лодкѣ за городъ. Осмотръ храма Св. Софіи, безъ чего мнѣ не хотѣлось уѣхать изъ Константинополя, я предоставлялъ себѣ сдѣлать уже самостоятельно, на слѣдующій день. Такъ какъ этотъ слѣдующій день былъ день отъѣзда нашего парохода, то необходимо было торопиться за эти два или, лучше, полтора дня осмотрѣть что̀ можно. Но, какъ это обыкновенно бываетъ, человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. День 29 мая до того былъ жаркій, что отъ посѣщенія *Большаго Базара* пришлось единодушно отказаться. Вмѣсто того мы отправились на небольшой, происходящій лишь по извѣстнымъ днямъ, базаръ по близости, гдѣ Турки, поджавъ ноги, продавали дешевые предметы одежды, обуви и тому подобные предметы домашняго обихода. Картина своеобразная, но слишкомъ мелкая, чтобы замѣнить видъ того огромнаго рынка, предъ которымъ и петербургскій Гостиный дворъ, и московскій Китай-городъ кажутся торжищами, занимающими пространство незначительное. На повѣрку вышло, что безъ посѣщенія *Большаго Базара* намъ обойтись нельзя, а посѣщеніе этого маленькаго базара было лишь тратой времени.

Наступалъ вечеръ. Было время отправленія за городъ. Спускаясь къ Золотому Рогу, мы подходимъ къ монастырю *Св. Гроба*, для занятій въ библіотекѣ котораго довольно часто стали пріѣзжать въ послѣднее время русскіе ученые богословскаго образо-

ванія (профессора Дмитріевскій, Красносельцевъ), а затѣмъ совершенно незамѣтно мы очутились предъ резиденціей вселенскаго патріарха. Эта, окруженная обыкновенною у насъ церковною оградой, резиденція не имѣетъ никакого внушительнаго вида, какой должно бы имѣть мѣстопребываніе столь важнаго въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ лица, не говоря о греческомъ мірѣ, живущемъ въ предѣлахъ Оттоманской имперіи. Спутники мои были люди хорошо знакомые въ помѣщеніи патріарха, завели разговоръ съ монахами, смотрѣвшими изъ оконъ галлереи патріаршаго жилища. Самого владыки Діонисія V не было здѣсь: онъ былъ боленъ и жилъ на дачѣ. Намъ можно было осмотрѣть его оффиціальное помѣщеніе, но по недостатку времени мы предпочли заглянуть лишь въ патріаршую церковь. Древняя церковь была интересна и стоила, конечно, болѣе подробнаго ознакомленія съ нею. Но мы должны были ограничиться бѣглымъ обзоромъ и остановились подольше лишь передъ находящимся направо отъ алтаря образомъ Спасителя дивной византійской мозаики, да передъ украшенною крупнымъ жемчугомъ проповѣдническою каѳедрой, предъ тою самою каѳедрой, съ которой во время оно раздавались краснорѣчивыя поученія Іоанна Златоуста. Показывавшій намъ церковь монахъ обратилъ наше вниманіе также на столбъ, къ которому, по преданію, былъ привязанъ Христосъ для бичеванія. Выходя изъ церкви и смотря на ворота, на которыхъ былъ повѣшенъ во время Греческаго возстанія 1821 года патріархъ Григорій, мы невольно обратились мыслію къ кровавымъ сценамъ, которыя разыгрывались въ этомъ году въ Фанарѣ, и вспомнили, что мы ходимъ здѣсь по почвѣ, упитанной греческою кровью. Въ такомъ именно настроеніи мы сошли къ Золотому Рогу, гдѣ у греческой кофейни, угощающей посѣтителей на плоту, помѣстились въ лодку, которая уже давно насъ ожидала, чтобы повезти насъ вверхъ къ отдаленнымъ частямъ и предмѣстьямъ города, туда, гдѣ по лѣвую сторону находятся еврейскій кварталъ Балата, Влахерны, знакомое русскому уху названіе, Эйзобъ съ его особенно священною для Турокъ мечетью и съ его знаменитымъ турецкимъ кладбищемъ, а по правую—Гаскіёй, другое еврейское гетто, арсеналы, казармы, и послѣ довольно продолжительнаго плаванія повернули направо въ рѣчку, по которой, какъ въ одномъ съ нами направленіи, такъ и навстрѣчу намъ, плыли въ лодкахъ компаніи то однихъ молодыхъ людей, то семействъ турецкихъ и не турецкихъ.

По этой рѣчкѣ плывемъ мы довольно долго, все отыскивая настолько уединенное мѣсто, чтобы можно было высадиться на немъ и приняться на свободѣ ѣсть и пить то, что̀ было запасено нашею гостепріимною Гречанкой. Такого мѣста мы не находили долгое время, когда, наконецъ, увидѣли налѣво какую-то, довольно мрачнаго вида, харчевню, къ площадкѣ которой и пристали. Хозяинъ харчевни подалъ намъ тарелки, стаканы и горшокъ яуртъ; привезенная въ лодкѣ корзина доставила намъ все остальное, что̀ требовалось. Вечеръ былъ восхитительный. Вслѣдъ за нами подъѣзжали одна за другою новыя лодки; пассажиры нѣкоторыхъ изъ нихъ не высаживались, а принимались за угощеніе въ самыхъ лодкахъ. Вся картина, которая находилась предъ нашими глазами, была очень незатѣйлива, даже мѣстность, сдавленная горами, не представляла ничего особенно живописнаго, но это не лишало насъ возможности провести время въ веселой и пріятной бесѣдѣ, и мы даже не замѣтили, какъ почти совершенно стемнѣло и намъ пора было отправляться обратно.

Мы еще не успѣли доѣхать по рѣчкѣ до Золотаго Рога, какъ было уже совсѣмъ темно. Ни та, ни другая сторона предмѣстій не была освѣщена; вдали, по крайней мѣрѣ, со стороны Стамбула, не было видно также почти никакого освѣщенія. Виднѣлось освѣщеніе на стоящихъ пароходахъ, на ѣдущихъ туда и сюда лодкахъ и каикахъ, но, говоря вообще, на Золотомъ Рогѣ царствовала темнота. Мы зажгли фонарь и тѣмъ обезпечили себя отъ столкновенія съ другими лодками (ѣзда пароходовъ, къ счастію, въ это время уже прекратилась). Ѣхать намъ въ этой темнотѣ нужно было, однако, не менѣе часа. И вотъ мы ѣдемъ на своемъ бренномъ суднѣ по водовмѣстилищу, наполненному разнообразнѣйшими судами съ цѣлаго свѣта. Тутъ и нѣсколько безполезно стоящихъ у адмиралтейства турецкихъ броненосцевъ, и суда пароходныхъ компаній Европы, Азіи и Африки, и громадныя купеческія суда, пришедшія изъ океановъ, и многочисленная флотилія пароходовъ, плавающихъ по Босфору и Мраморному Морю, наконецъ, и простыя лодки и быстроходные каики, поддерживающіе сообщеніе во внутреннихъ водахъ Константинополя. Долго ли, думаешь, до грѣха? Долго ли до столкновенія? Да и трудно ли встрѣтиться съ лихими людьми, которыми, какъ мы привыкли думать, кишмя кишитъ столица султановъ и которые, пользуясь темнотой, особенно въ отдаленной отъ города части Золотаго Рога, могутъ причинить Богъ знаетъ какую непріятность? Однако, никакой бѣды,

даже и намека на нее не случилось. Становилось только на водѣ свѣжо, и тѣмъ свѣжѣе, чѣмъ было ближе къ Босфору, а мы всѣ были одѣты слишкомъ по-лѣтнему. Наконецъ, въ три четверти десятаго наша лодка, огибая одно страшилище за другимъ, подъѣхала къ совершенно молчаливо стоявшему *Тигру*. Въ отвѣтъ на наше извѣщеніе, что подъѣхали къ пароходу *свои*, намъ спустили лѣстницу, и мы, послѣ четырнадцати-часоваго отсутствія, очутились *дома*, утомленные и переполненные впечатлѣніями.

На другой день я проснулся съ мыслію о томъ, какъ намъ осмотрѣть Св. Софію. Пароходъ долженъ былъ отправиться въ дальнѣйшій путь въ пять часовъ вечера. Слѣдовательно, времени до четырехъ часовъ (по правиламъ, всѣ пассажиры должны быть на пароходѣ за часъ до его отхода) было достаточно для того, чтобъ осмотрѣть и то, и другое, и третье. Но какъ это сдѣлать? Кто будетъ нашимъ путеводителемъ? Наша гостепріимная Гречанка обѣщалась пріѣхать на пароходъ сегодня только для того, чтобы проститься съ нами. Надо, значитъ, похлопотать, чтобы намъ доставили проводника, надежнаго человѣка.

Утро было великолѣпное. Было немного болѣе половины восьмаго, когда я вышелъ на палубу и, глядя то на стѣны Стараго Сераля, то на мечети Стамбула, обдумывалъ, такъ-сказать, планъ кампаніи. Я и не замѣтилъ, какъ съ только-что пріѣхавшаго изъ Одессы парохода подплыла къ *Тигру* лодка, изъ которой, въ сопровожденіи проводника, вышелъ человѣкъ, поднялся на нашъ пароходъ и спустился въ столовую залу. Прихожу и я туда и вижу г. Т., Одессита, который, думая, что я еще не поднимался съ постели, отыскивалъ мою каюту. Онъ тоже собирался ѣхать моремъ во Францію, но не поспѣлъ управиться съ дѣлами къ отходу *Тигра* изъ Одессы и, зная, что нашъ пароходъ не уйдетъ раньше четверга изъ Константинополя, сѣлъ во вторникъ на русскій пароходъ въ Одессѣ съ тѣмъ, чтобы пересѣсть въ Константинополѣ на французскій. Мѣсто же на этомъ послѣднемъ пароходѣ онъ просилъ оставить для себя по телеграфу при помощи одесскаго агентства Messageries Maritimes. Въ качествѣ моего знакомаго, онъ имѣлъ въ виду воспользоваться моимъ знакомствомъ съ французскимъ языкомъ, какъ для удобства путешествія, такъ и для пребыванія въ Парижѣ. Теперь я ему былъ нуженъ для того, чтобы съѣздить съ нимъ въ константинопольское агентство Messageries Maritimes и взять тамъ билеты на

два мѣста, удержанныя имъ по телеграфу. Пріѣхавшій съ нимъ съ русскаго парохода проводникъ долженъ былъ намъ указать мѣстопребываніе этого агентства. Проводникъ этотъ былъ тотъ самый Ѳедченко, отъ навязчивости котораго я насилу могъ отдѣлаться, когда нашъ пароходъ бросилъ якорь въ воды Золотаго Рога.

Мы втроемъ сѣли въ лодку, заѣхали на минуту на русскій пароходъ, на которомъ еще оставалась жена г. Т., и поѣхали въ Галату, хотя проводникъ и предупреждалъ насъ, что раньше девяти часовъ контора французскаго агентства не открывается. Оказалось, что онъ говорилъ правду. Временемъ, которое намъ еще оставалось, мы воспользовались, чтобы походить по городу, причемъ мы зашли въ одно изъ подворій русскихъ Аѳонскихъ монастырей, Пантелеимоновское. Когда мы поднимались по лѣстницѣ, то по ней спускался народъ, бывшій у обѣдни, которая кончилась. Насъ попросили зайти къ завѣдующему подворьемъ іеромонаху. Онъ только-что собирался съ братіей пить чай. Привѣтливый отецъ іеромонахъ думалъ, что мы ищемъ помѣщеніе въ его страннопріимномъ домѣ. Въ краткомъ разговорѣ со мною онъ назвалъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ профессоровъ русскихъ университетовъ и духовныхъ академій, которые пользовались гостепріимствомъ этого дома, и предлагалъ мнѣ таковое по возвращеніи моемъ въ Константинополь. Я искренно поблагодарилъ за любезность и не отказался отъ предложенія. Оттуда мы зашли въ агентство Русскаго Общества Пароходства и Торговли, чтобы взять почтовую марку этого агентства для отправленія письма въ Одессу. Привыкши въ былое время въ русскихъ посольствахъ и консульствахъ, когда до нихъ имѣлось дѣло, встрѣчаться лишь съ лицами не говорящими по-русски, я былъ пріятно удивленъ, что въ русскомъ пароходномъ агентствѣ я встрѣтилъ и русскую рѣчь, и самъ могъ объясниться по-русски. Знакомому моему, все время, когда мы бродили по Галатѣ въ ожиданіи открытія конторы французскаго агентства, казалось, что въ Константинополѣ „очень много Россіи“, что̀ ему не особенно нравилось. Чтобы много было Россіи на берегахъ Босфора, я не скажу, но что Царьградъ близокъ къ Россіи, это чувствуется. Это доказываетъ прежде всего Ѳедченко, который могъ легко укрыться здѣсь, спасаясь отъ какого-то преслѣдованія; это доказываетъ частое прибытіе и отбытіе русскихъ пароходовъ, равно какъ и оживленная торговля между Одессой и

Константинополемъ; это доказываетъ, наконецъ, не малое количество встрѣчающихся русскихъ простолюдиновъ, останавливающихся здѣсь проѣздомъ на Аѳонъ или въ Палестину. Но, съ другой стороны, кого и чего нѣтъ въ Константинополѣ? Галата и Пера наполнены иностранцами.

Билеты для г. Т. и его жены на проѣздъ отъ Константинополя до Парижа были получены, и наши одесскіе знакомые тотчасъ же перебрались съ русскаго парохода на французскій. Рѣшено было послѣ завтрака отправиться осматривать Св. Софію и Большой Базаръ въ сопровожденіи Ѳедченко, который не хотѣлъ покинуть г. Т. и предложилъ свои услуги для этой экскурсіи. Захвативъ съ собою Француженку-гувернантку, которая, не будучи по своей фигурѣ и лѣтамъ интересною для соотечественниковъ, вчера цѣлый день просидѣла безвыходно на пароходѣ, мы около полудня сѣли въ лодку и высадились прямо на мысу Стараго Сераля. Медленно и тяжело среди жаркаго дня поднимались мы въ гору вдоль высокой зубчатой стѣны, окружающей огромное пространство, внутри котораго въ древней Византіи помѣщался Акрополь и значительная часть города, а при византійскихъ императорахъ тутъ было не мало церквей, дворцовъ вельможъ, и сюда же выходила часть дворца самихъ императоровъ. Мѣстоположеніе, занимаемое Старымъ Сералемъ одно изъ лучшихъ въ мірѣ. Онъ смотритъ разомъ на Босфоръ, Золотой Рогъ и Мраморное Море; вся панорама Константинополя по обѣимъ сторонамъ Золотаго Рога и расположенный на азіятской сторонѣ Босфора Скутари предъ нимъ, какъ на ладони. Немудрено, что Магометъ II избралъ это несравненное мѣсто для своей резиденціи, хотя задолго до турецкаго завоеванія оно было оставлено византійскими императорами, отдавшими предпочтеніе еще до нашествія и разоренія крестоносцевъ Влахернскому дворцу, отъ котораго въ настоящее время не осталось и слѣда. Но въ нашемъ столѣтіи отказались отъ этого дивнаго мѣстоположенія и турецкіе султаны. Абдулъ-Меджидъ перенесъ свою резиденцію на Босфоръ въ Дольма-Бахче, откуда и не думаютъ уходить его преемники. Наконецъ, пожаръ 1865 года истребилъ или обезобразилъ лучшія зданія Стараго Сераля, не пощадивъ и роскошныхъ садовъ, доставлявшихъ столь пріятную въ южномъ климатѣ нѣгу его обитателямъ. Разсуждая о судьбахъ мѣста, внутренность котораго скрыта отъ насъ высокими стѣнами, мы поднимаемся среди старыхъ платановъ все

выше и выше. Проводникъ намъ сообщаетъ, что мы можемъ, если желаемъ, проникнуть внутрь стѣнъ и осмотрѣть помѣщеніе Стараго Сераля, занятое теперь казармами, госпиталями, военными училищами и т. п., мало интересными для насъ учрежденіями. Наша цѣль идти прямо къ храму Св. Софіи. Но мы принимаемъ предложеніе проводника завернуть въ музей древностей, лежащій вправо отъ дороги, по которой мы двигаемся. Музей невеликъ, наполненъ по преимуществу предметами греческаго искусства и керамики, найденными на подвластныхъ Турціи греческихъ островахъ, въ малоазіятскихъ городахъ и отчасти въ самомъ Константинополѣ, съ добавленіемъ предметовъ древности египетскаго и халдейскаго происхожденія.

Изъ музея мы выходимъ на Серальскую площадь и видимъ мечеть съ византійскимъ куполомъ, но съ разными къ ней пристройками. Пристройки эти закрываютъ зданіе такъ, что настоящій его характеръ, идея архитектора не видны. Что по четыремъ угламъ храма стоятъ высокіе минареты, это понятно, хотя такое украшеніе не входило въ идею строителя; но что ко храму прилѣплены четыре стѣны, раскрашенныя бѣлыми и красными полосами, это приводитъ зрителя въ недоумѣніе. Чѣмъ больше всматриваешься въ зданіе, подходя къ нему, тѣмъ больше и больше видишь, что на немъ много чего-то лишняго, что у него какъ бы нарочно старались отнять его грандіозность, построивъ кругомъ его разныя ничтожныя зданія, которыя лишаютъ его перспективы. Какъ бы нарочно слѣва предъ нимъ стоитъ очень игривое зданіе изъ бѣлаго мрамора, разукрашенное самымъ фантастическимъ образомъ и невольно останавливающее на себѣ вниманіе своего оригинальностью чисто-восточнаго, и именно турецкаго стиля. Это знаменитый Ахмедовъ фонтанъ, на который Турки смотрятъ съ такимъ же восхищеніемъ, съ какимъ Москвичи на своего Василія Блаженнаго. Но насъ занимаетъ все-таки колоссальная мечеть; стиснутое, сдавленное, ободранное, варварски обезображенное древнее зданіе. Это обезображенное зданіе есть, однако, величайшее созданіе греческаго искусства христіанскаго времени: это храмъ Св. Софіи. Его болѣе тринадцати столѣтій тому назадъ строили подъ руководствомъ Анѳемія Тралльскаго и Исидора Милетскаго, какъ говорятъ, сто архитекторовъ, въ распоряженіи каждаго изъ которыхъ находилось по сту каменьщиковъ. Приказалъ его строить императоръ Юстиніанъ, съ явнымъ желаніемъ воздвигнуть нѣчто такое, что̀

должно затмить собою все, что создано было до тѣхъ поръ въ зодчествѣ человѣческимъ геніемъ. Для того, чтобы главный храмъ тогдашняго христіанскаго міра приводилъ зрителя въ изумленіе не только величіемъ и смѣлостью архитектурной идеи, но и великолѣпіемъ, которому не было бы ничего равнаго, онъ долженъ былъ блистать золотомъ, мраморомъ, порфиромъ и драгоцѣнными колоннами, принадлежавшими знаменитѣйшимъ языческимъ храмамъ въ Европѣ, Азіи и Африкѣ. Аѳины, Ефесъ, Пальмира, Александрія, греческіе острова и пр. должны были отдавать свои архитектурныя сокровища для украшенія храма, лучше котораго ничего не должно было быть создано на служеніе христіанскому Богу.—„Я побѣдилъ тебя, Соломонъ“, сказалъ, говорятъ, Юстиніанъ, освятивъ храмъ Премудрости Божіей. Но куда же дѣвалось это несравненное величіе Юстиніанова храма? Снаружи мы его не видимъ: войдемъ внутрь его.

Проводникъ нашъ провелъ насъ кругомъ храма и ввелъ въ весьма невзрачную дверь съ сѣверной стороны. Небольшая лѣстница ведетъ внизъ къ двери самаго храма. Сквозь эту послѣднюю виднѣлись тамъ и сямъ, какъ въ ближайшемъ придѣлѣ, такъ и въ главномъ кораблѣ храма, молящіеся мусульмане; изъ отдаленныхъ частей храма, соотвѣтствующихъ помѣщенію алтаря, до насъ доносились звуки негромкаго пѣнія или речитативнаго чтенія. Проводникъ нашъ сказалъ намъ, что слѣдуетъ подождать, и мы стояли въ этихъ сѣняхъ турецкой пристройки, похожихъ на спускъ въ винный погребъ, минутъ десять въ ожиданіи, что будетъ дальше. Наконецъ, выходитъ къ намъ стройный и ловкій молодой Турокъ, который уже давно украдкой посматривалъ на насъ изъ придѣла храма, продолжая однако свою колѣнопреклоненную молитву Аллаху. Онъ что-то тихо сказалъ нашему проводнику, очевидно человѣку тутъ знакомому, и возвратился опять на свое мѣсто. Затѣмъ онъ удалился внутрь храма и возвратился оттуда съ другимъ Туркомъ, который посмотрѣлъ на насъ и также удалился! Первый Турокъ вышелъ опять къ намъ и сказалъ Ѳедченко, что скоро кончится молитва, и что намъ остается подождать лишь нѣсколько минутъ. Черезъ минутъ пять дѣйствительно выходитъ его товарищъ съ цѣлою ношей безобразныхъ калошъ. Но прежде, чѣмъ мы надѣли ихъ, выбирая каждый пару по своей ногѣ, Ѳедченко вручилъ цѣлую горсть денегъ принесшему калоши и объявивъ намъ, что отдалъ столько-то меджидіевъ, что составляетъ по пяти франковъ

съ человѣка. Мы двинулись къ двери храма, причемъ оказалось, что калоши у нѣкоторыхъ изъ насъ слишкомъ велики и то и дѣло падали съ ногъ. Тогда Турокъ принесъ намъ пары двѣ новыхъ калошъ, при помощи которыхъ мы пошли удобнѣе, хотя все это наше шествіе представляло видъ довольно комическій.

Мы вошли въ предѣлы и остановились. Въ храмѣ было еще много Турокъ, которые входили медленно, издали продолжало доноситься до насъ прежнее пѣніе. Мы, по знаку проводника, двинулись было впередъ въ главный корабль вымощеннаго бѣлымъ мраморомъ храма, но молодой Турокъ, о которомъ я говорилъ, сдѣлалъ рѣзкое движеніе въ нашу сторону, и мы должны были остановиться. Вѣрующіе все продолжали выходить. Какую-то духовную особу, съ выкрашенною красною краской бородой, съ важнымъ видомъ, напоминавшимъ мнѣ видъ кардинала Барромео, котораго я однажды видѣлъ въ храмѣ Св. Петра при богослуженіи, два человѣка вели или, скорѣе, тащили подъ руки.—Это нашъ казанскій, замѣчаетъ Ѳедченко. Постоявъ немного, нашъ проводникъ двинулся впередъ, несмотря на запретительные знаки, подаваемые молодымъ Туркомъ, мы за нимъ, и скоро очутились почти на самой серединѣ храма. Занятые до того времени Турками и ихъ отношеніемъ къ намъ, мы теперь въ первый разъ могли взглянуть, какъ слѣдуетъ, на внутренность святилища. Боже мой, какое величіе раскрывалось предъ нами! Это громадное пространство, полное свѣта и воздуха, эта колоссальная глава, сидящая съ непостижимою, на первый взглядъ, легкостью, это множество драгоцѣнныхъ колоннъ изъ разнаго мрамора и порфира и между ними восемь изъ такъ-называемаго ver de antico, принадлежавшихъ знаменитому храму ефесской Діаны, эти колоссальныхъ размѣровъ арки, эти, усѣянныя драгоцѣнными колонками, галлереи, новыя колонны и колонки, новые своды и сводики съ культурными украшеніями, этотъ видъ чего-то необыкновенно колоссальнаго по объему, необыкновенно смѣлаго по исполненію, безконечно разнообразнаго по художественнымъ деталямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнутаго въ цѣломъ и въ частяхъ невыразимою гармоніей, охватываетъ душу зрителя съ такою силой, что нужно время, чтобы собраться съ мыслями и осмѣлиться относиться къ созерцаемому величію съ какою-либо критикой. Съ критикой можно и даже слѣдуетъ относиться ко всему на свѣтѣ, но въ художественныхъ созданіяхъ все-таки главная сила принадлежитъ непосредственному впечатлѣнію, ими производимому.

Произведеніе написано, изваяно, нарисовано, сооружено не совсѣмъ по тѣмъ правиламъ творчества, которыя вы признаете законными и обязательными. Но не забывайте, что идеалъ красотъ безграниченъ: поэтому и выраженію его не можетъ быть поставлено предѣловъ. Никто не можетъ отрицать въ храмѣ Св. Софіи сочетанія грандіозности съ высшею гармоніей: подъ этимъ впечатлѣніемъ вы находитесь и выйти изъ него вы не можете Эти обветшалыя и загрязненныя стѣны. эта полинявшая и закрашенная мозаика, эти арабскія надписи, явные признаки обращенія христіанскаго храма въ мусульманскую мечеть, не въ состояніи подавить общаго впечатлѣнія о поразительномъ архитектурномъ величіи. Таково впечатлѣніе храма Св. Софіи. Съ нимъ я вышелъ, его и передаю читателямъ. Прибавлю къ этому лишь одно. Только греческій геній, достигшій въ лучшую пору своего развитія до выраженія въ искусствѣ вѣчной красоты, могъ создать, хотя и въ пору своего упадка, такой изумительно величавый домъ божій, какимъ остается до сихъ поръ храмъ Юстиніановъ.

Мы вышли изъ храма Св. Софіи въ сознаніи, что видѣли одну изъ важнѣйшихъ достопримѣчательностей на землѣ. И это сознаніе дѣлало насъ невнимательными къ тому, что̀ непосредственно затѣмъ попадалось намъ по дорогѣ. Я рѣшительно не помню, какъ мы шли къ Большому Базару. Помню только, что улицы, которыми мы шли, были довольно пустынны для такого важнаго пункта, какъ путь отъ главной мечети Стамбула къ его главному торжищу. Помню, что попадались по дорогѣ военные Турки офицерскихъ ранговъ, но не помню, чтобы мы встрѣтили хоть одинъ экипажъ.

Большой Базаръ есть колоссальныхъ размѣровъ крытый рынокъ, гдѣ въ безчисленныхъ рядахъ или, быть-можетъ, правильнѣе, въ проходахъ продаются всевозможные предметы восточной роскоши, и гдѣ происходитъ толчея, какая у насъ бываетъ на ярмаркахъ. Массы товаровъ по разнымъ спеціальностямъ и въ особенности въ рядахъ, гдѣ торгуютъ матеріями, платьемъ и обувью, поразительны. Товары развѣшаны, разложены, навѣшаны на плеча продавцовъ, поднимаются ими на рукахъ. Къ намъ то и дѣло обращаются Турки съ поджатыми ногами, Евреи и другіе болѣе или менѣе восточные люди, указывая на свои товары. Обращенія дѣлаются на всевозможныхъ языкахъ: на русскомъ, на французскомъ, на англійскомъ и проч. Впрочемъ, это только отдѣльныя слова и отрывки фразъ, которыя заучены торговцами

на поименованныхъ языкахъ, а говорить на этихъ языкахъ они обыкновенно не умѣютъ. Мы заходимъ сначала въ какую-то очень чистую кофейню, гдѣ прислуга безъ труда объясняется по-французски, а оттуда прямо устремляемся къ тѣмъ рядамъ, гдѣ продается женская обувь. Одной изъ нашихъ дамъ непремѣнно хочется купить турецкіе башмаки и турецкія туфли. Нами руководитъ все тотъ же Ѳедченко. Безъ него мы въ этомъ безконечномъ лабиринтѣ рядовъ и проходовъ и среди массы толпящагося народа не знали бы куда и двинуться. Заходимъ въ лавку, заходимъ въ другую. Наконецъ выбираются туфли, выбираются башмаки.—Что̀ сто̀итъ все вмѣстѣ?—Восемнадцать франковъ, отвѣчаетъ не безъ труда по-французски молодой Турокъ въ фескѣ. Нашъ проводникъ говоритъ ему, что онъ напрасно заламываетъ такую цѣну, и заявляетъ, что десяти франковъ достаточно. Вмѣстѣ съ этимъ, не обращая вниманія на то, согласенъ ли Турокъ, или нѣтъ, онъ объявляетъ ему, что вещи куплены и велитъ ихъ завернуть. Покупательница раскрываетъ портмоне, чтобы заплатить деньги. Ѳедченко говоритъ, что онъ самъ потомъ расплатится съ купцомъ, и выходитъ изъ лавки. Мы слѣдуемъ за нимъ. Однако мнѣ кажется все-таки страннымъ такой способъ расплаты. И почему, въ самомъ дѣлѣ, Турокъ имѣетъ къ этому проходимцу такое довѣріе? Ясное дѣло, что этотъ способъ торга и расплаты между Туркомъ и нашимъ проводникомъ практикуется не въ первый разъ. Нашъ проводникъ очевидно въ сдѣлкѣ съ тѣмъ или съ другимъ продавцомъ. Продавецъ нарочно заламываетъ цѣну; нашъ проводникъ рѣзко сбавляетъ чуть не цѣлую половину. Тѣ, для кого онъ покупаетъ, въ восторгѣ отъ его хлопотъ въ ихъ пользу, а онъ имѣетъ въ виду исключительно свою пользу. Онъ все-таки заставитъ васъ переплатить лишнее, что̀ идетъ прямо въ его карманъ, а вамъ, если вы недостаточно проницательны, внушаетъ къ себѣ довѣріе, которымъ сумѣетъ при другомъ случаѣ воспользоваться уже очень выгоднымъ для себя образомъ.

Мы вышли наконецъ изъ-подъ кровли *Большаго Базара*, безспорно оригинальнѣйшей достопримѣчательности Стамбула, и спѣшили къ лодкѣ, такъ какъ уже было время возвращаться на пароходъ. По дорогѣ наши дамы рѣшились запастись рахатъ-локумомъ въ кондитерской, которую нашъ проводникъ называетъ султанскою. Онъ не далъ намъ возможности узнать настоящей цѣны товара, сказавъ, что мы потомъ *съ нимъ* разсчи-

таемся. Сѣли, наконецъ, въ лодку и ѣдемъ. Но вдругъ мы замѣчаемъ, что лодка наша, по командѣ нашего проводника, проѣзжаетъ мимо нашего парохода. Въ отвѣтъ на наше удивленіе Ѳедченко спокойно объявляетъ намъ, что намъ слѣдуетъ ѣхать на берегъ Галаты и показать наши паспорты полиціи.—Зачѣмъ на берегъ, и какое намъ дѣло теперь до полиціи, когда мы живемъ на пароходѣ и черезъ часъ отправляемся изъ Константинополя? заговорили мы всѣ въ одинъ голосъ. — Полиція, продолжаемъ мы,—если это нужно, могла бы потребовать отъ насъ предъявленія паспортовъ въ то время, когда мы высаживались на берегъ, или когда ходили по городу; но теперь, когда мы къ Константинополю не имѣемъ уже никакого отношенія, осмотръ нашихъ паспортовъ не имѣетъ смысла. — Ѳедченко настаиваетъ на своемъ, а лодочникъ продолжаетъ грести къ Галатѣ. Мы дѣлаемъ ему знаки, чтобъ онъ повернулъ къ пароходу, но объяснить ему словами этого не можемъ. Такимъ образомъ, онъ везетъ все ближе и ближе къ берегу. Я объявляю Ѳедченко напрямикъ, что онъ просто хочетъ дать заработать на нашъ счетъ полиціи, съ которою онъ видимо въ сдѣлкахъ, что мы на берегъ не сойдемъ и паспортовъ не покажемъ, тѣмъ болѣе, что они у насъ на пароходѣ. Пусть полиція отправляется съ нами на пароходъ. Ѳедченко заявляетъ, что онъ исполняетъ лишь свою обязанность. Мы пристали къ берегу, но протесты наши не прекращаются. Выходитъ къ намъ полицейскій и спрашиваетъ насъ по-французски въ чемъ дѣло. Я отвѣчаю, указывая на Ѳедченко, что вотъ этотъ человѣкъ, будучи нашимъ проводникомъ, вмѣсто того, чтобы доставить насъ на пароходъ, на которомъ мы черезъ часъ отправляемся, заставилъ лодочника привезти насъ сюда: прикажите отвезти насъ къ пароходу. Полицейскій чиновникъ, ничего не возражая, сказалъ что-то своему подначальному, который сѣлъ въ нашу лодку и довезъ насъ благополучно до *Тигра*. Никакихъ паспортовъ у насъ не спрашивали.

Эта исторія заставляетъ меня сказать, что константинопольскіе гиды составляютъ одну изъ крупнѣйшихъ непріятностей для путешественниковъ. Эта стая Евреевъ, Грековъ и назойливыхъ проходимцевъ разныхъ другихъ національностей, которая обступаетъ васъ, какъ только пароходъ вашъ сталъ на мѣсто, и отъ которой вы не знаете, какъ избавиться, состоитъ, по словамъ знающихъ людей, по большей части изъ настоящихъ негодяевъ, живущихъ эксплуатаціей неопытныхъ путешественни-

ковъ. Они съ первыхъ же словъ, безъ малѣйшаго съ вашей стороны повода, предлагаютъ вамъ всевозможныя услуги, какъ бы грязны онѣ ни были, увѣряя при этомъ, что вы останетесь довольны, и не остаютъ отъ васъ, пока вы на нихъ не закричите, или не покажете энергическимъ жестомъ, чтобы нахалъ убирался прочь. Ѳедченко былъ рекомендованъ моему одесскому знакомому капитаномъ парохода, какъ „одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ негодяевъ". Всѣ эти, какъ добросовѣстные, такъ и недобросовѣстные, негодяи находятся однако въ рукахъ у полиціи, которая не только знаетъ ихъ, но и пользуется ихъ услугами. Они не только платятъ полиціи дань, но и состоятъ ея тайными агентами. Изъ дѣйствій Ѳедченко и изъ разговоровъ съ нимъ я убѣдился, что его связь съ полиціей очень интимна. Но съ другой стороны эти гиды—такая язва, безъ сношенія съ которою путешественнику на первыхъ порахъ почти нѣтъ возможности обходиться въ городѣ, гдѣ нѣтъ названій улицъ, гдѣ господствующій языкъ мало кому извѣстенъ, гдѣ такая запутанная денежная система, гдѣ такъ много вторгающагося въ вашу жизнь всякаго сброда, гдѣ вообще такъ легко попасть въ затруднительное положеніе. Такъ или иначе путешественнику съ этими людьми нужно быть какъ нельзя болѣе осторожнымъ и безъ явной необходимости не пользоваться ихъ услугами. Наши разсчеты съ Ѳедченкой показали, что въ дѣлѣ эксплуатаціи ближняго этотъ господинъ охулки на руку не кладетъ. Чтобы скорѣе отвязаться отъ него, мы ему безъ разговоровъ дали все, что̀ онъ ни просилъ: но впредь ходить по Константинополю съ такимъ „русскимъ проводникомъ и переводчикомъ", какъ онъ титулуетъ себя на карточкахъ, навѣрное никто изъ насъ не сталъ бы ни въ какомъ случаѣ. Разставаясь съ нами, онъ убѣдительно просилъ насъ не жаловаться на него рекомендовавшему его капитану русскаго парохода. Мы не жаловались.

Къ пяти часамъ вечера палуба *Тигра* кишмя кишѣла народомъ. Каюты были заняты всѣ безъ исключенія; для многихъ изъ желавшихъ ѣхать съ нами не хватило въ каютахъ мѣста. Среди стоявшей на пароходѣ публики была масса провожающихъ. Пріѣхали проститься и съ нами наши греческіе знакомые; но любезной Гречанки, доставившей намъ такъ много пріятнаго въ первый день нашего пребыванія въ Константинополѣ, къ сожалѣнію, не было. Она въ этотъ день страдала жестокою мигренью, которая посѣщала часто и мучила ее и во время

пребыванія ее въ Одессѣ. Появился на палубѣ и раскланялся съ нами и греческій лодочникъ, который возилъ насъ всюду въ день нашего пріѣзда. Предъ самымъ отходомъ парохода къ намъ подходитъ какой-то восточный молодой человѣкъ въ фескѣ, уже обратившій на себя наше вниманіе своими безпокойными манерами, и проситъ у насъ спички, хотя никто изъ насъ не курилъ и, слѣдовательно, не давалъ повода обратиться къ намъ съ подобною просьбой. Потомъ оказалось, что этотъ молодой человѣкъ — Армянинъ, что онъ сѣлъ на пароходъ безъ билета и, не имѣя буквально ни копѣйки денегъ, хотѣлъ доѣхать до Марсели. Не знаю, какъ онъ успѣлъ проѣхать Дарданеллы и избѣжалъ опасности быть тамъ высаженнымъ; но затѣмъ капитанъ далъ приказаніе накормить его и уже высадить на островѣ Сирѣ, что̀ и было исполнено.

Мы выѣхали изъ Константинополя при такой же прекрасной погодѣ, при какой и въѣхали въ него. Но въѣхали мы съ сѣвера, изъ мрачнаго и негостепріимнаго Чернаго Моря, а теперь мы направлялись въ моря и страны южныя, мы должны были плыть по водамъ, омывающимъ острова и берега полные историческихъ воспоминаній, которыя нерѣдко сливаются съ глубокими миѳологическими преданіями, служившими темой для эпопей и для трагедій греческихъ поэтовъ. Константинополь, который насъ очаровывалъ при приближеніи къ нему чуднымъ миражемъ восхитительныхъ видовъ, мы, подъ впечатлѣніемъ его дѣйствительности, оставляли безъ грусти, безъ сожалѣнія. Мы оглядывались на его дивную панораму, которая все больше и больше скрывалась отъ насъ, но очарованія уже не испытывали. Насъ уже больше интересовало то, что̀ лежало впереди. Мы всматривались въ лежащую въ отдаленіи налѣво группу Принцевыхъ острововъ, смотрѣли на близко лежавшій правый берегъ по направленію къ Санстефанскому полю, откуда нашимъ войскамъ, повидимому, было рукой подать до Стараго Сераля съ его живописнымъ мысомъ.

На другой день (31 мая) въ восемь часовъ утра я писалъ въ своей записной книжкѣ: „Только-что вышли изъ Дарданеллъ. Съ правой стороны острова Имросъ и Лемносъ, съ лѣвой — берегъ Троады и предъ нимъ островъ Тенедосъ, какъ и Эней сообщаетъ у Виргилія: Est in conspectu Tenedos... Вдали горная цѣпь Иды. Вода Эгейскаго моря удивительно синяя“.

Въ три часа дня я писалъ: „Уже проѣхали Лесбосъ (нынѣ

Митилини) и ѣдемъ близь Хіоса; значитъ, не очень далеко и Смирна. По правую сторону — островъ Псара, а за нимъ высматриваетъ Антипсара. Налѣво въ отдаленіи виденъ Самосъ, за которымъ на берегу не виденъ, но лежитъ Ефесъ".

Итакъ, въ теченіе какихъ-нибудь семи часовъ мнѣ удалось видѣть, хотя и издали, столько историческихъ мѣстностей, что едва глазамъ вѣрилось, что это дѣйствительность, а не иллюзія. Все время этого путешествія я почти не отнималъ бинокля отъ глазъ, сообщая своимъ русскимъ спутникамъ названія мѣстностей и время отъ времени поднимаясь на капитанскій мостикъ, чтобы заглядывать въ разложенную тамъ въ рубкѣ подробную карту. Впечатлѣнія, получавшіяся при видѣ этихъ историческихъ мѣстъ, при превосходной погодѣ, среди чистѣйшей небесной лазури, съ одной стороны, и среди глубокой синевы водъ Эгейскаго моря— съ другой, были до того пріятны и такъ успокоительны, что въ эти минуты — искренно говорю — я чувствовалъ себя совершенно счастливымъ. Очень довольны были и мои русскіе спутники, которые чувствовали себя особенно пріятно потому, что при яркомъ солнцѣ ощущалась живительная морская прохлада, и посылали упреки Одессѣ за ея адскую лѣтнюю жару, отъ которой въ крытыхъ желѣзомъ домахъ и подверженныхъ всей силѣ солнечнаго зноя широкихъ (не по южному) улицахъ нѣтъ никакого спасенія.

Темы для разговоровъ среди публики, какъ русской, такъ и иностранной, были теперь уже другія. Проѣзжая мимо берега Троады, всѣ говорили о древней Троѣ, объ Иліадѣ, о раскопкахъ Шлимана; по поводу Лесбоса охотно говорили или слушали о процвѣтаніи здѣсь когда-то греческой лирики, вспоминались имена Алкея и Сафо. — Что̀ вы читаете? спрашиваю я одну французскую даму, съ которою уже приходилось обмѣниваться впечатлѣніями,—Гомера?—Нѣтъ, Эврипида. — Какую трагедію?— Ипполита.—Вы и прежде читали Эврипида? — О, да, я съ нимъ хорошо знакома. — Любите читать и другихъ греческихъ писателей? — Очень люблю. Къ тому же у насъ есть такіе хорошіе переводы... Конечно, это не то, что читать въ подлинникѣ, но все-таки получаешь понятіе...

Говорившая это дама была директриса французской школы въ Константинополѣ, основанной одиннадцать лѣтъ тому назадъ на частныя средства, но уже нѣсколько лѣтъ получающей субсидію отъ правительства. Она еще довольно молодая женщина, очень скромная и чрезвычайно симпатичная. По смерти мужа она

предалась дѣлу воспитанія и служитъ однимъ изъ орудій французскаго вліянія на Востокѣ. Съ нею вмѣстѣ ѣхала небезызвѣстная въ педагогической литературѣ женщина, тоже вдова, старушка m-me C., которая возвращалась во Францію изъ путешествія по Востоку, гдѣ она, по порученію своего правительства, осматривала французскія школы, получающія правительственную субсидію. Она знакома не только съ литераторами, но и со многими учеными. Одинъ изъ нихъ, которому я затѣмъ въ Парижѣ сообщалъ объ этой встрѣчѣ, говорилъ мнѣ объ этой почтенной женщинѣ съ большою симпатіей. Въ нашемъ обществѣ и даже въ литературѣ ходятъ о французскихъ женщинахъ вообще довольно нелѣпыя представленія. У насъ, обыкновенно, думаютъ, что онѣ мало образованы и отличаются или набожностью, или легкомысліемъ. Хотя извѣстно, что никакая исторія не представляетъ такого ряда высокообразованныхъ и блестящихъ по уму женщинъ, какъ французская, тѣмъ не менѣе у насъ, по крайней мѣрѣ, въ литературныхъ кругахъ невысокаго разбора, принято думать, что наши женщины — куда образованнѣе французскихъ. А я бы, напримѣръ, спросилъ: есть ли у насъ хоть одна женщина, которая прочла Эврипида? Что есть не мало русскихъ женщинъ, которыя прочли Зола, это я охотно допускаю, но прочитавшихъ Эврипида или Софокла я совершенно не знаю.

Вы можетъ-быть думаете, что встрѣченная мною директриса — явленіе исключительное во Франціи? Повѣрьте мнѣ, совсѣмъ нѣтъ. Даже среди, повидимому, самыхъ обыкновенныхъ женщинъ я этимъ лѣтомъ то и дѣло встрѣчалъ прекрасно образованныхъ. Даже въ эти дни, когда я пишу о своемъ путешествіи, я нѣсколько разъ разговаривалъ съ дамой изъ Дижона, которая такъ хорошо изучила Италію въ археологическомъ отношеніи, что вѣроятно огромное большинство нашихъ учителей, хотя и вышедшихъ изъ лейпцигской семинаріи, не могутъ выдержать никакого сравненія съ нею по своимъ археологическимъ познаніямъ. Что же касается дамъ и молодыхъ дѣвушекъ, знакомыхъ съ русскою новѣйшею литературой, то я ихъ постоянно встрѣчаю въ нынѣшнемъ своемъ путешествіи. О томъ, что между Француженками есть дамы знакомыя съ англійскою или итальянскою литературой въ подлинникѣ, и говорить нечего. И сколько въ этомъ изученіи чужихъ литературъ у нихъ ревности, сколько способности къ ясному пониманію, къ серьезной оцѣнкѣ! Но я, впрочемъ, уклонился отъ предмета.

Дамское общество на нашемъ пароходѣ, начиная отъ Константинополя, довольно разнообразное и многочисленное, состояло изъ представительницъ разныхъ національностей. Тутъ были русскія дамы, Француженки, Англичанки, Гречанки, Левонтинки. Относительно Англичанокъ нельзя сказать ничего интереснаго, кромѣ, пожалуй, того, что двѣ изъ нихъ, пожилыя дамы, ежедневно напивались иногда буквально, какъ говорится, до положенія ризъ. Одна изъ нихъ, феноменально дурная собой, въ какомъ-то комическомъ головномъ уборѣ, имѣла еще привычку въ этомъ случаѣ плакать за обѣдомъ, послѣ чего была обыкновенно уводима изъ-за стола своимъ компаніономъ. Изъ Гречанокъ интереснѣе всѣхъ была та, которая сѣла на пароходъ на островѣ Сирѣ. Она была красива собой, со вкусомъ одѣта и имѣла подагрика мужа, который большею частью пребывалъ въ каютѣ. Она была женщина образованная, какъ можно судить потому, что она все время читала *Revue de deux Mondes*. Но истиннымъ украшеніемъ дамскаго общества были двѣ барышни Француженки, обѣ изъ Константинополя. Одна изъ нихъ ѣхала съ матерью въ Виши, гдѣ мать ея ежегодно лѣчилась отъ болѣзни печени; другая ѣхала съ отцомъ, директоромъ одного изъ константинопольскихъ банковъ, очень молчаливымъ и больнымъ человѣкомъ, который отказался отъ дальнѣйшаго веденія финансовыхъ операцій и ѣхалъ на жительство въ свое имѣніе, находящееся гдѣ-то въ центральной Франціи. Обѣ были дѣвочки лѣтъ 16—17. Дочь банкира была очень красива и казалась тѣмъ привлекательнѣе, что ея стройная и граціозная фигурка имѣла довольно хрупкій видъ, хотя и нельзя сказать, чтобы барышня была чѣмъ-нибудь нездорова. У нея была гувернантка, пожилая Нѣмка изъ Богеміи, женщина умная и симпатичная. Нельзя было безъ душевнаго удовольствія смотрѣть на нѣжныя отношенія, какія существовали съ одной стороны между отцомъ и дочерью, съ другой—между дочерью и гувернанткой. Видно было, что барышня была въ своемъ домѣ идоломъ, около котораго сосредоточены были всѣ заботы и попеченія: но за то и она въ своей чистой дѣтской привязанности къ окружающимъ ее этими попеченіями была восхитительна. Другая барышня, съ которою эта послѣдняя очень подружилась и которую я долгое время принималъ за Гречанку, не была очень красива, но она была восхитительна своею живостью и необыкновенно умными глазами. Какъ-то однажды онѣ обѣ подходятъ ко мнѣ вмѣстѣ и просятъ,

чтобъ я написалъ что-нибудь по-русски въ альбомъ, принадлежащій той изъ нихъ, которую я принималъ за Гречанку. Въ альбомѣ этомъ были записи, какъ увѣряла меня живая и умная дѣвушка, на двадцати семи языкахъ, но не было ничего на русскомъ. Я охотно согласился и тотчасъ же пошелъ внизъ, чтобы наполнить ту половину страницы, которая, по требованію барышни, должна была быть непремѣнно мною написана. Я написалъ кое-что по адресу обѣихъ дѣвицъ, но отказался отъ перевода, говоря, что за этимъ онѣ могутъ обратиться къ другимъ. Переводъ, наконецъ, имъ былъ сдѣланъ, и обѣ остались довольны. Впослѣдствіи я встрѣтился съ обладательницей альбома въ Виши, причемъ она сообщила мнѣ, что получила двѣ замѣтки въ альбомъ отъ бывшаго Бразильскаго императора домъ-Педро, который написалъ одну изъ нихъ на санскритскомъ языкѣ, что сегодня она послала свой альбомъ къ пріѣхавшему на дняхъ въ Виши знаменитому живописцу Пюви де-Шавань, и что въ Парижѣ надѣется достать нѣсколько строкъ для своего альбома и отъ monsieur Карно, президента республики.

Живые элементы этого международнаго дамскаго общества скоро сблизились между собою и мало-по-малу создали для себя и для другихъ цѣлый рядъ развлеченій. Начались эти развлеченія танцами: впрочемъ, дамское общество скоро отстало отъ нихъ и перешло къ играмъ, въ которыхъ принимали участіе и молодые мужчины. Игры эти были довольно разнообразны и заканчивались обыкновенными жмурками. Смѣху и крику на пароходѣ было вдоволь, несмотря на погоду, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда почти всѣхъ одолѣвала морская болѣзнь, обычное оживленіе и веселье прекращались. Кто не принималъ участія въ этихъ забавахъ, для того большое удовольствіе было смотрѣть на нихъ, слышать звонкіе голоса едва развѣтающихъ созданій, слѣдить за увлеченіемъ въ средѣ играющихъ. Интересъ къ играмъ сдѣлался, наконецъ, до того общимъ, что офицеры парохода спѣшили воспользоваться свободнымъ отъ занятій временемъ, чтобы пристать къ группѣ играющихъ, и самъ капитанъ вмѣшивался по временамъ въ эту группу, поддерживая царствовавшее въ ней оживленіе личнымъ участіемъ и изобрѣтательностью.

Утромъ 1 іюня мы выходили изъ группы Цикладскихъ острововъ, направляясь къ Малейскому мысу. Наканунѣ, около полуночи, пароходъ нашъ причаливалъ къ Сирѣ, гдѣ онъ имѣетъ

обычную кратковременную стоянку, но я былъ тогда уже въ постели и потому не былъ свидѣтелемъ этого момента. Когда же я, на другой день, въ семь часовъ утра вышелъ на палубу, то сзади насъ былъ островъ Серфо (древній Серифъ), по лѣвую сторону Милосъ, Антимилосъ и цѣлый рядъ другихъ Цикладскихъ острововъ, а впереди островъ Чериго (древній Киѳера), лежавшій противъ Малейскаго мыса (иначе мысъ Св. Ангела), который намъ предстояло обогнуть, чтобы потомъ, прошедши мимо мысъ Матапана, войти въ Іоническое море.

По мѣрѣ нашего приближенія къ Малейскому мысу, восточный берегъ Пелопоннеса раскрызался предъ нами все болѣе и болѣе. Наконецъ, стали видны и снѣжныя вершины Тайгета. Къ полудню море стало очень сердито. Погода была ясна, но по небу начинали ходить тамъ и сямъ облака. Въ часъ дня мы проходимъ между мысомъ Малеей и островомъ Чериго (Киѳерой) при сильнѣйшемъ вѣтрѣ, какъ разъ въ это время проявившемъ особую силу. На пароходѣ раздался сильный звонокъ, и на мысу показался на балконѣ своей хижины пустынникъ, хорошо извѣстный морякамъ, плавающимъ вокругъ южной оконечности Греціи. По знаку капитана взвился тотчасъ на мачтѣ флагъ, которымъ нашъ пароходъ привѣтствовалъ греческаго пустынника. Послѣдній отвѣчалъ на это привѣтствіе благословеніемъ.

Благословеніе пустынника было намъ кстати. Море становилось все болѣе и болѣе бурно, и когда мы огибали мысъ Матапанъ (древній Тенаръ), то на пароходѣ чувствовалась уже настоящая качка. Къ ночи эта качка увеличилась до того, что утромъ уже почти ни одинъ пассажиръ не выходилъ изъ каюты. Цѣлый день 2 іюня мы лежали ничего не ѣли и не пили. Только къ девяти часамъ вечера качка стала уменьшаться, и я попытался встать на минуту и выйти на палубу, чтобы нѣсколько освѣжиться но долженъ былъ тотчасъ же вернуться въ каюту отъ безсилія держаться на ногахъ, при все еще продолжавшейся, хотя уже и значительно уменьшившейся, качкѣ. Когда я проснулся утромъ 3 іюня, то пароходъ шелъ такъ спокойно, какъ только можно. Я тотчасъ всталъ съ постели и пошелъ на палубу. Было пять часовъ утра. Мы шли Мессинскимъ проливомъ, который, какъ извѣстно, отдѣляетъ Италію отъ Сициліи. Проливъ такой же ширины, какъ и Босфоръ. Мы проходимъ мимо лежащаго на итальянскомъ берегу города Реджо. Виденъ приближающійся къ этому городу поѣздъ желѣзной

дороги. На Сицилійскомъ берегу ясно, какъ на ладони, расположена Мессина. Оба берега имѣютъ видъ живописный и цвѣтущій, не то, что видѣнные мною берега греческихъ острововъ и Пелопоннеса, почти всегда голые и пустынные. Обрадованные прекращеніемъ качки и спокойнымъ ходомъ парохода, и другіе пассажиры, несмотря на раннее утро, мало-по-малу высыпали на палубу. Всѣмъ особенно хотѣлось видѣть Этну, которая то скрывалась, то снова показывалась со своимъ дымомъ. Наконецъ, она совсѣмъ скрылась, такъ что нѣкоторымъ изъ запоздавшихъ и совсѣмъ не удалось видѣть знаменитый вулканъ, послѣ многихъ столѣтій покоя въ послѣдніе годы снова пришедшій въ тревожное состояніе. Но восхитительная погода и видъ прекрасной страны, которую многіе видѣли въ первый разъ въ жизни, видимо доставляли всѣмъ чувство удовлетворенія послѣ только что перенесенной и длившейся въ теченіе почти полутора сутокъ отвратительной морской болѣзни. Наше удовольствіе было бы еще полнѣе, еслибы злодѣй капитанъ не предсказывалъ намъ новой бури между Корсикой и Марселью.

Вышедши изъ Мессинскаго пролива, мы направились къ Липарскимъ островамъ. На Сицилійскомъ берегу лежалъ предъ нами городъ Милаццо съ мысомъ этого названія, а впереди слѣва виднѣлась цѣпь Липарскихъ острововъ, и прежде всего ближайшій къ Сициліи, знаменитый въ древности, островъ Вулана, прямо предъ нами былъ островъ Фанарія, а направо Стромболи. Итальянскій берегъ, отъ котораго мы все больше и больше удалялись, былъ долго еще виденъ. Мы плыли теперь въ открытомъ Средиземномъ морѣ, направляясь къ проливу Бонифачіо, раздѣляющему острова Сардинію и Корсику.

Плывемъ мы день при превосходной погодѣ: на пароходной палубѣ веселые разговоры и почти не прекращающіяся игры молодежи. Морское волненіе значительное, но для нашего парохода не страшное. Спать легли мы спокойно. Но слѣдующее утро (4 іюня) встрѣтило насъ уже не такъ привѣтливо. Море было бурно и слегка насъ качало. Тѣмъ не менѣе многіе пассажиры храбро спѣшили на палубу и оставались на ней. Я тоже рѣшился держаться на палубѣ до послѣдней возможности и, помѣстившись въ Chaise longue, занялся чтеніемъ. Солнце свѣтило, но небо было довольно-таки облачно. Настроеніе пассажировъ становилось однако все серьезнѣе и серьезнѣе: видимо никому не хотѣлось пережить мученія, испытанныя нами во

время переѣзда черезъ Іоническое море. Весело болтаютъ на палубѣ только двѣ барышни-Француженки, о которыхъ я говорилъ раньше. Такія наблюденія сдѣланы были мною еще въ семь часовъ утра. Но въ половинѣ перваго я уже писалъ въ своей записной книжкѣ: „приближаемся къ проливу Бонифачіо. Предъ нами островъ Капрера, столь прославленный продолжительнымъ пребываніемъ на немъ Гарибальди и подаренный ему Викторомъ Эммануиломъ.“ Вѣтеръ становился очень сильнымъ; море взбунтовалось. Къ тремъ часамъ съ половиной пополудни у меня записано: „плывемъ мимо совершенно отвѣсныхъ береговъ Корсики. Волны большія, но *боковой* качки нѣтъ, и потому я сижу на палубѣ, какъ и бо̀льшая часть пассажировъ. Pilote сказалъ, что эту погоду мы будемъ имѣть вплоть до Марсели.“

Дѣйствительно, на насъ дулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ, въ этихъ мѣстахъ называющійся *мистралемъ*. На этотъ разъ онъ дулъ съ особенною свирѣпостью. Какъ ни тяжелъ былъ для насъ переѣздъ по Іоническому морю, но теперь, въ ночь на пятое іюня, чувствовалось, что пароходъ нашъ борется съ гораздо болѣе бурною погодой. Лежа въ койкѣ, чувствовалось, что всѣ нервы нашего *Тигра* находятся въ крайнемъ напряженіи: то его какъ-то сжимаетъ, то бросаетъ вверхъ и внизъ съ остервенѣніемъ, слышится всюду трескъ, паруса воютъ, вода хлещетъ въ окна такъ, что не имѣй они такихъ плотныхъ запоровъ, залила бы каюты въ одну минуту. Болѣе бурной ночи мнѣ еще не приходилось переживать на морѣ. И дѣйствительно, какъ впослѣдствіи мы узнали, въ эту ночь было въ этихъ водахъ много несчастій; одно судно, нагруженное каменнымъ углемъ, совсѣмъ было разбито. Но къ утру погода стала стихать. Поднявшись въ семь часовъ (5 іюня) на палубу, можно было видѣть, какъ много вынесъ *Тигръ* за ночь. Пароходъ еще не имѣлъ обычно чистаго вида, одинъ изъ парусовъ былъ наверху порядочно истрепанъ. По лицу капитана было видно, что онъ провелъ ночь далеко не спокойную. Однако, земли еще не было видно. Вмѣсто одиннадцати часовъ, какъ предполагалось, мы могли прибыть въ Марсель не раньше двухъ часовъ пополудни.

Но пароходъ все идетъ и идетъ. Онъ идетъ уже пятый день безо всякаго отдыха. Капитану и его помощникамъ видимо хочется придти скорѣе: ихъ ожидаютъ семьи, родной кровъ. Они то и дѣло смотрятъ въ трубу, чтобъ увидѣть, наконецъ, землю, которой однако все невидно. Но вотъ показались Гіеры, а

вскорѣ затѣмъ и берегъ материка. Проходитъ еще часа два или больше, когда мы наконецъ вошли въ Ліонскій заливъ и увидѣли скалы, защищающія съ двухъ сторонъ входъ въ чудную гавань, еще 2.500 лѣтъ назадъ избранную выходцами изъ Фокеи для основанія въ глубинѣ ея города. А вотъ уже и церкви, и башни, и огромные дома гордо поднимающейся вверхъ и живописной Марсели. При приближеніи къ городу мы должны были сойти съ капитанскаго мостика, на который, по правиламъ, вообще не позволяется входить пассажирамъ. Пароходъ медленно входитъ въ гавань и, наконецъ, останавливается въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани. Его окружаетъ масса лодокъ, нѣкоторыя съ родственниками и знакомыми пассажировъ. Сначала спускается докторъ и ѣдетъ къ берегу, чтобы дать, гдѣ слѣдуетъ. отчетъ о санитарномъ состояніи парохода. Тѣмъ временемъ раздаются письма, адресованныя пассажирамъ черезъ посредство пароходной компаніи. Докторъ возвращается, но намъ все еще не позволяютъ высаживаться: потребовали на берегъ самого капитана. Наконецъ, и онъ возвращается и подаетъ знакъ, что можно высаживаться. Какъ бѣшеные бросаются на пароходъ лодочники, и, Боже мой, что̀ за суматоха! Хватаютъ вещи, хватаютъ насъ самихъ, чтобы бросить въ лодку. Съ берега прямо въ таможню: изъ массъ сундуковъ и чемодановъ заставили раскрыть два, три, да и то больше для соблюденія формальности. Черезъ часъ мы уже гуляли по Кансбьерѣ. О, какой это славный городъ Марсель! Какіе дома, какія кофейни, какое движеніе!

В. Модестовъ.

НОВАЯ САНДРИЛЬОНА.

Романъ.

(Изъ современныхъ французскихъ нравовъ.)

(Продолженіе.)

XXV.

Анна объяснила дочери, что пріѣзжая дама находится въ верхней комнатѣ, но что она спитъ.

— Какъ — спитъ? изумилась Эльза.

— Да, она сказала, что ранѣе двухъ часовъ врядъ ли проснется и встанетъ. Впрочемъ, поди, посмотри. Можетъ-быть, она уже проснулась и одѣлась.

— Но кто эта дама?

— Ступай, посмотри! повторила Анна, нѣсколько веселѣе улыбаясь, и когда дѣвочка нерѣшительнымъ шагомъ двинулась къ дверямъ, она прибавила:

— Тихонько. Если спитъ, то не разбуди ея,—разсердится!

Эльза, недоумѣвая, поднялась по лѣстницѣ, осторожно пріотворила дверь и увидѣла на своей кровати спящую даму, лицо которой показалось ей необычайно красивымъ.

Кровать была много выше, такъ какъ гостьѣ положили новый запасный матрацъ съ подушками и бѣльемъ, принадлежавшимъ, собственно, Баптисту. Женщина, подъ одѣяломъ раскрытымъ по поясъ была въ кофточкѣ удивительной красоты, въ узорахъ, кружевахъ и лентахъ. Ея бѣлыя, какъ снѣгъ, прелестныя ручки были сложены на груди.

Эльза остановилась за порогомъ и со смѣшаннымъ чувствомъ робкаго восторга и крайняго изумленія долго, не сморгнувъ, смотрѣла на спящую даму. Затѣмъ глаза ея сами собой перешли на стоящій около постели столикъ. На немъ лежали маленькіе часики съ цѣпочкой и еще многое другое... И все это блестящее, сіяющее, сверкающее...

Вся эта горница на вышкѣ будто преобразилась, потому что всюду были вещи одна удивительнѣе другой. Голубое платье, все обшитое кружевами и лентами, лежало на стулѣ. На столѣ была большая шляпа съ перьями, около нея другая... И еще двѣ маленькія, тоже шляпы... Все это были вещи, имени и назначенія которыхъ дѣвочка не знала.

Но все это было ничто въ сравненіи съ самой спящей. Она, эта дама, была по истинѣ какимъ-то волшебнымъ видѣніемъ. Такихъ прелестныхъ лицъ Эльза, казалось, никогда не видала въ жизни.

Въ смущеніи и недоумѣніи Эльза собралась снова спуститься внизъ, чтобъ узнать скорѣе отъ матери, кто эта удивительная гостья, но когда она двинулась, полъ громко скрипнулъ подъ ея ногами. Дама открыла глаза и устремила ихъ на Эльзу; затѣмъ она двинулась, облокотилась на руку и выговорила небрежно:

— Ah! V'la le singe! Ну, иди сюда.

Эльза смущенно переступила порогъ и стала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати.

— Однако, какъ ты измѣнилась! Какъ ты выросла!.. Да иди же, поцѣлуй меня!

Эльза смутилась еще болѣе, но уже потому, что голосъ этой неизвѣстной дамы былъ ей знакомъ, поразительно знакомъ! И при звукѣ этого знакомаго голоса что-то старое, давнишнее всплыло на сердцѣ... Почему-то покойный отецъ вдругъ на умъ пришелъ, потомъ Кальвадосъ... Море... Дѣтскія затѣи... Эльза даже испугалась и, приблизившись къ самой кровати, нагнулась боязливо и нерѣшительно. Дама обняла ее одной рукой, поцѣловалась и стала разглядывать ее.

— Ты стала лучше! Ты была обезьяной, а теперь pas mal du tout!

И видя какими изумленными глазами смотритъ на нее дѣвочка, она разсмѣялась непріятнымъ смѣхомъ, будто презрительнымъ.

— Неужели же я такъ постарѣла, что ты меня не узнаешь? выговорила она, отнимая руку, которою обвила шею дѣвочки.

— Марьетта?! воскликнула вдругъ Эльза неувѣреннымъ голосомъ.

— Mais oui, sotte que tu es!

Эльза вскрикнула, порывисто обхватила Марьетту обѣими руками, судорожно сжала и припала къ ней съ сумасшедшими поцѣлуями. Слезы брызнули изъ глазъ ея.

— Пусти! Пусти! Задушишь!

И Марьетта, упершись рукой въ грудь дѣвочки, слегка оттолкнула ее.

— Вотъ ужъ une vraie paysanne! Можно ли такъ вѣшаться! Ты мнѣ шею чуть не свернула! заворчала Марьетта.

Эльза сѣла на кровать, продолжая пожирать глазами сестру, утирая бѣгущія по лицу слезы и не имѣя возможности произнести ни единаго слова. Затѣмъ она безсознательно соскользнула съ постели, стала на колѣни предъ кроватью и, схвативъ бѣленькія ручки сестры, начала цѣловать ихъ.

Марьетта не отнимала рукъ и смотрѣла на дѣвочку, снисходительно улыбаясь. Затѣмъ, погладивъ ее по лохматой головѣ, она вдругъ почувствовала что-то на лицѣ и быстро перевела руку къ своимъ щекамъ.

— Diable... Да ты мнѣ лицо вымочила! Чего же ты воешь?

Эльза молча, безостановочно, но медленно цѣловала бѣленькую, пахучую ручку сестры, которая осталась въ ея рукахъ. Какое-то странное чувство, и горькое, и сладкое, и тяжелое, будто давящее ей грудь, мѣшало ей говорить. Лицо ея было все въ слезахъ.

— Скажи, что̀ я очень перемѣнилась? спросила Марьетта.

— Grand Dieu, какъ же нѣтъ! Я не узнаю тебя.

— Постарѣла я?

— Что̀ ты! Ты стала красавицей. Я такихъ красавицъ никогда не видала. Что̀ ты сдѣлала, чтобы такъ перемѣниться? Посмотри, какое у тебя лицо, какія руки, какая кофточка!

— Кофточка — не я! усмѣхнулась Марьетта.— А лицо — c'est la poudre.

— Quelle poudre? не поняла Эльза.— Скажи, надолго ли ты?

— На день или два — не болѣе.

— Какъ? вскрикнула дѣвочка: — Какъ!? Черезъ день или два ты уѣдешь опять? Да куда же?

— Въ Парижъ.

— Ты въ Парижѣ живешь? Что̀ ты тамъ дѣлаешь? Зачѣмъ

ты до сихъ поръ за три года ни разу къ намъ не пріѣхала. Ты работаешь. Гдѣ? Какъ? Quelle est ta profession? и десятками вопросовъ засыпала дѣвочка сестру. Иногда эта принималась хохотать и не отвѣчала на вопросъ. Такъ прошло около часу. Марьетта продолжала лежать въ постели, облокотясь на подушки правымъ локтемъ, а Эльза стояла попрежнему на колѣняхъ передъ кроватью. При этомъ она продолжала держать лѣвую руку сестры въ своихъ рукахъ и иногда тихо, но страстно принималась снова цѣловать ее отъ пальцевъ до локтя. Обо всемъ понемногу переговорили онѣ. Марьетта объяснила, что она живетъ въ Парижѣ, что она путешествовала, была въ разныхъ городахъ, въ Бордо, въ Ліонѣ, долго жила въ Бельгіи, собиралась даже въ Англію. Всѣ эти названія были смутно знакомы Эльзѣ лишь по урокамъ сестеръ Священнаго Сердца.

Затѣмъ Эльза на разспросы сестры отвѣчала искренно о своемъ житьѣ-бытьѣ. Она не жаловалась прямо, но Марьетта тотчасъ же все поняла. Она догадалась, что жизнь сестры не только хуже прежней, когда они жили въ Кальвадосѣ, до несчастія съ отцомъ, богатыми землевладѣльцами, но даже хуже, чѣмъ и въ недавнее время въ Теріэлѣ, когда отецъ былъ въ тюрьмѣ и когда затѣмъ, вернувшись, содержалъ ихъ своею слесарною работой.

— Да, конечно, заговорила, наконецъ, Марьетта, — быть сторожемъ или замѣнять его у заставъ, вскакивать ночью, въ особенности зимой, въ холодъ, чтобъ отворять заставы... Да, это не жизнь! Но утѣшься. Ты уже теперь не ребенокъ, а взрослая — une jeune fille — и можешь избавиться отъ этой жизни и зажить иначе. Вѣдь тебѣ лѣтъ семнадцать?

— Нѣтъ, пятнадцать съ половиной.

— Неужели? Я думала, даже больше — восемнадцать. На видъ, впрочемъ, тебѣ можно дать семнадцать. Tu es formée. А это главное. И въ эти года уже собственно пора пользоваться жизнью. А если ты немного еще ребенокъ и дика, то это ничего... On aime ça! Богъ вѣсть почему... mais cela plait! презрительно усмѣхнулась Марьетта. — Мы подумаемъ объ этомъ.

— О чемъ? спросила Эльза.

— Я подумаю, какъ тебя избавить отъ этихъ заставъ, отъ Баптиста и вообще отъ этой жизни. Впрочемъ, что́ же и думать... этого и откладывать не надо. Хочешь со мной ѣхать въ Парижъ?

— Oh, oui, oui! вскрикнула Эльза и, схвативъ руку сестры, снова начала ее цѣловать.

-- Ну, вотъ и прекрасно! Я переговорю съ матерью, а если Баптистъ заупрямится, то я знаю, что̀ сдѣлать... Я ему дамъ денегъ. Онъ любитъ ихъ. Да, впрочемъ, qui donc ne l'aime pas. И ты, вѣроятно, любишь деньги?

— И да, и нѣтъ. Право, не знаю... У меня ихъ почти никогда не бывало. Разъ только было много заразъ, тому назадъ годъ. Двадцать семь франковъ. Заразъ!

— Ну, вотъ будетъ у тебя тысяча заразъ... въ Парижѣ... И ты полюбишь имѣть деньги.

— А развѣ въ Парижѣ у всѣхъ, кто пріѣдетъ, сейчасъ же много денегъ?

— Нѣтъ, не у всѣхъ! разсмѣялась Марьетта.—Но у тебя будутъ и, можетъ-быть, много. Такъ хочешь ѣхать?

— Конечно! Намъ недолго съ Этьеномъ собраться.

— Что̀? Какъ съ Этьеномъ?

— И Этьена ты возьмешь?

— О, quelle satisse! Зачѣмъ я потащу туда ce souillon? Онъ можетъ и тутъ оставаться.

Эльза слегка выпрямилась, съ удивленіемъ и молча посмотрѣла на сестру, потомъ сѣла на полъ на свои протянутыя ноги. Во-первыхъ, она удивилась тому, что сестра даже не предполагала возможности взять съ собой брата. Вовторыхъ, ея ухо рѣзнуло выраженіе: souillon.

— Онъ никогда не грязенъ! полуудивленно, полуобидчиво произнесла она тихо

— Все-таки же онъ un marmot и поэтому... c'est ridicule—имѣть около себя мальчишку... Et puis c'est gênant...

— Почему? удивилась Эльза.

— Ah, t'es bête!... Послѣ поймешь. Да и на какой чортъ онъ нуженъ. Дѣвочка съ укоромъ глянула на сестру.

— Такъ, стало-быть, завтра, или послѣ завтра мы съ тобой вмѣстѣ двигаемся въ Парижъ?

— Нѣтъ! мотнула головой Эльза.—Безъ Этьена никогда и никуда.

— Ты съ ума сошла!

— Нѣтъ! Я съ Этьеномъ никогда не разстанусь! Ты развѣ не помнишь, что̀ мнѣ отецъ сказалъ про брата, умирая?

— Нѣтъ... Но что̀ бы онъ ни сказалъ. Не все ли равно! Что̀

же изъ этого? Мало ли что́ умирающіе болтаютъ! Недавно въ Парижѣ одинъ богачъ потребовалъ умирая, чтобъ его не хоронили, а сожгли.—Это новая мода.—Родня, разумѣется, его все-таки похоронила на кладбищѣ.

— Отецъ мнѣ приказалъ уже умирая... начала было Эльза, но Марьетта перебила ее:

— Ну, и наплевать, что̀ бы онъ ни приказывалъ! On s'en fiche! Онъ давно сгнилъ въ ямѣ, а мы живы. И мы должны жить по нашему собственному разуму, а не по приказу того, кто прежде былъ человѣкъ, а теперь une pourriture; ты, однако, я вижу не поумнѣла съ годами. Впрочемъ, вся эта дурь пройдетъ въ Парижѣ въ одинъ мѣсяцъ. Эльза замолчала и мысленно повторяла разныя выраженія сестры. Марьетта продолжала что-то говорить, но она не слушала и вдругъ произнесла:

— Марьетта, Зачѣмъ, я не понимаю, говорить такія слова? Вѣдь ты не думаешь такъ... Это только слова.

— Какія слова?

— Ну, вотъ про брата... про отца...

— Tu es une sotte, махнула рукой Марьетта.—Ну, однако, мнѣ пора вставать! Который часъ! Посмотри, вотъ на столѣ часы.

Эльза осторожно, съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ уваженія, взяла въ руки маленькіе, эмалевые часики, съ брилліантовымъ цвѣткомъ на доскѣ.

— Тише, осторожнѣе! Ты со своими лапами какъ разъ уронишь, или изломаешь. Фу, однако, quelles pattes que tu as! выговорила Марьетта, глядя на большія руки сестры. Дай сюда посмотрѣть!

И взявъ Эльзу за руку, она приложила свою. Двѣ руки рядомъ не имѣли ничего общаго между собой: одна была снѣжно-бѣлая, тонкая, изнѣженная всякими притираніями, другая была толстая, плотная, коричневая отъ загара.

— Это отъ работы, говорятъ! Когда копаешь землю подъ картофель, или когда надо со щелокомъ мыть бѣлье, наивно просто объяснила Эльза. А главное вотъ — ecurer les casseroles! Въ особенности съ ѣдкимъ составомъ. Это руки портитъ пуще всего.

— Ну, да вотъ будешь въ Парижѣ. все это пройдетъ.

— Безъ Этьена я не поѣду!

— Я тебѣ повторяю, что ты дура и нечего... Rabâcher! Ты поѣдешь, а Этьенъ останется здѣсь!

— Никогда!

— А я тебѣ говорю, что останется!

— Марьетта, я тебѣ повторяю, что безъ Этьена я никуда, ни на шагъ изъ этого дома не уѣду!

— А я тебя все-таки увезу! Ты — глупая дѣвчонка и ничего не понимаешь. Я заставлю тебя ѣхать противъ воли.

— Противъ воли? Марьетта, противъ моей воли никто никогда не заставитъ меня сдѣлать ничего. Оставимъ это! Ты Этьена брать не хочешь, а безъ него я не поѣду. Ни ты, никто меня не заставитъ съ нимъ разлучиться, стало-быть, и довольно... tout est dit!

— Вижу, вижу! разсмѣялась сердито Марьетта. Ты уродилась въ упрямца отца. Вѣдь онъ этимъ отличался, онъ былъ всегда têtu comme un ane!

Эльза посмотрѣла пристально на сестру и вздохнула. Никто со дня смерти отца ея не относился къ его памяти такъ рѣзко. Даже Баптистъ и тотъ попрекалъ покойнаго только тѣмъ, что онъ былъ сыномъ Негрессы и что у него уродились все Негритёнки. А она—ея сестра, эта прелестная красавица, къ которой сразу было возникло у нея какое-то обожаніе, уже оскорбила ее нѣсколько разъ рѣзкими и грубыми выходками не только противъ маленькаго братишки, но и противъ покойнаго отца.

— Ну, поскорѣй дай мнѣ мой cafe-au-lait! Да не забудь больше молока чѣмъ кофе, сказала Марьетта.

— Хорошо! слегка оживилась Эльза.—Сейчасъ.

— Только пожалуста все это — почище. Вы тутъ живете, вѣроятно, въ страшной грязи!

— У насъ все чисто! съ укоромъ отозвалась Эльза.—Ты знаешь, какъ мать смотритъ за всѣмъ и какъ любитъ чистоту. Да и я тоже.

— Bah... Ça se dit! Извѣстно, что всегда мужикамъ кажется, что все у нихъ чисто, а сами сидятъ по уши въ грязи! Пожалуста чашку внутри не трогай своими лапами. Понимаешь. Я это ненавижу. Je suis mal-au-coeureuse... объяснила Марьетта на своемъ дикомъ жаргонѣ.

— Хорошо... отозвалась Эльза, опуская глаза.—Mes pattes sont prorpres! прибавила она, съ легкою укоризной.—Ты скоро сойдешь?

— Нѣтъ, принеси мнѣ кофе сюда. Я его пью въ постели,— это моя привычка!

Эльза медленно спустилась внизъ по лѣстницѣ. Анна встрѣтила дочь, улыбаясь двусмысленно.

— Ну, что̀? Какова̀ пріѣзжая дама? Не узнать прежней Марьетты... Paris les dresse.

И затѣмъ, присмотрѣвшись къ лицу дочери, Анна прибавила:

— Что̀ съ тобой? Отчего ты угрюма?—Да ты еще, кажется, и плакала? Отъ радости?

— Да! отозвалась Эльза. И дѣвочкѣ захотѣлось будто опять заплакать, но по совершенно инымъ мотивамъ. Радость, вызвавшая слезы, теперь была далеко.

Слова „pourriture“ и „souillon“ и другія продолжали будто звенѣть въ ея ушахъ.

XXVI.

Не одна лишь горница на вышкѣ преобразилась, но и весь домикъ желѣзнодорожнаго сторожа принялъ будто другую физіономію, благодаря присутствію въ немъ одной изъ „ces dames“.

Не только Баптистъ сразу понялъ какую карьеру сдѣлала въ Парижѣ Марьетта, но и Анна сама догадалась, что вторая дочь въ положеніи худшемъ чѣмъ Ренъ.

... „Qui n'a qu'un seul“...

Даже Этьенъ съ перваго же мгновенія прибытія сестры сталъ коситься на нее и наконецъ выпалилъ, ворча подъ носъ, мѣткое слово:

— Cigale!

Мальчуганъ зналъ басню Лафонтена наизусть со словъ Эльзы, которой выучили ее въ школѣ. Анна ахнула услыхавъ это слово и набросилась на сына.

— Imbecile! Съ ума ты сошелъ... услышитъ она, какъ ты ее называешь, она тебя отколотитъ.

Одна дѣвочка, самая умная изо всей семьи, но и самая наивная, или самая чистая помыслами, не сразу постигла, гдѣ и какъ заработала Марьетта свои золотыя вещи, шелкъ и кружева. Но вскорѣ очередь дошла и до нее... Баптистъ грубо и рѣзко пошутилъ на счетъ работы Марьетты въ Парижѣ. Узнавъ, что она пьетъ свой кофе въ постели, онъ разсмѣялся.

— Sur le dos... Ну да... Это ихъ любимое препровожденіе времени.

Весь этотъ день прошелъ странно.

Марьетта, напившись кофе, едва только успѣла спуститься внизъ, какъ начала любезничать и пересмѣиваться съ Баптистомъ. Черезъ часъ времени они казались уже будто подружились, и Эльза, сидѣвшая съ ними, не выдержала. Они глядѣли другъ другу въ глаза и усмѣхались такъ странно и такъ скверно, что дѣвочка, вдругъ невольно, сама не зная почему, застыдившись, вышла къ матери въ комнату и нашла женщину въ необычной для нея позѣ.

Анна сидѣла, уронивъ свою работу на колѣни, оперлась на ручку кресла и вся, казалось, обратилась въ слухъ. Она слушала болтовню дочери съ Баптистомъ. Взятая врасплохъ появленіемъ дочери, Анна смутилась, покраснѣла и быстро взялась за работу.

Затѣмъ Марьетта и Баптистъ вдругъ собрались и отправились гулять по окрестности. Баптистъ не любитъ „rôder", какъ говорилъ онъ, по полямъ и сдѣлалъ это теперь изъ угожденія Марьеттѣ. Это значило много. Видя ихъ сборы, Анна собралась съ духомъ и спросила у Вигана:

— Qu'est ce qui te prend...

— А что? рѣзко отозвался молодой малый.—Развѣ обязательство далъ тебѣ не гулять, когда мы вѣнчались.

За ихъ отсутствіе, продолжавшееся болѣе двухъ часовъ, Анна, вмѣсто того, чтобы сидѣть и работать, какъ бывало испоконъ вѣку, бродила по всему домику и часто выходила на крыльцо. Встрѣчаясь съ Эльзой, она опускала глаза. Посидѣвъ немного на своемъ креслѣ, она снова вскакивала и снова бродила безъ цѣли по комнатамъ. Эльза ясно видѣла, что мать страшно волнуется, и необъяснимое ей чувство овладѣвало ею... Чувство стыда.

Когда наконецъ Баптистъ и Марьетта вернулись домой, то снова вмѣстѣ, смѣясь, шутя и шаля какъ малыя дѣти, изжарили себѣ въ кухнѣ принесенные съ собой каштаны и, усѣвшись въ первой комнатѣ за столъ, снова начали болтать, но уже какъ давнишніе друзья.

— Какъ ты перемѣнилась! Какъ ты перемѣнилась! постоянно повторялъ Баптистъ.—Кто бы думалъ, что изъ тебя вдругъ выйдетъ такая прелестная женщина. Ей-Богу. Tu est ravissante! Une vraie fée!..

На этотъ разъ Эльза слышала въ ихъ разговорѣ нѣсколько фразъ, которыхъ она понять не могла, такъ какъ онѣ очевидно имѣли особенное условное значеніе. Иная такая фраза Баптиста заставляла Марьетту громко хохотать. Иногда какая-нибудь тоже условная фраза, не имѣвшая значенія для посторонняго, заставляла ее вздыхать притворно.

На одну такую совершенно непонятную и даже безсмысленную фразу Баптиста она отвѣчала, подумавъ и вздохнувъ уже непритворно:

— Увидимъ! Надо помнить одно—не отъ меня одной все это зависитъ... Я люблю вѣрныхъ псовъ. Des chiens de garde, но наобумъ я никогда не поступлю. Надо такой выборъ дѣлать осторожно!

— Но вѣдь ты сказала, что le spontané кажется подходящимъ тебѣ...

— Le spontané? разсмѣялась Марьетта.—Да. Онъ, кажется мнѣ, именно уродился на это, чтобы быть такимъ chien de garde.

И много разговоровъ, подобныхъ этому, было между ними. Эльза ничего не понимала, но чуяла что-то и уже начинала поневолѣ презирать эту сестру, которую собиралась было утромъ начать обожать.

Во время этихъ загадочныхъ бесѣдъ Баптиста съ сестрой, послѣ ихъ прогулки, Эльза, посланная Марьеттой въ верхнюю горницу за носовымъ платкомъ и за флакончикомъ со спиртомъ, увидѣла нѣчто, отъ чего окончательно растерялась. Проходя чрезъ комнату матери, она невольно ее подстерегла, Анна сидѣла сгорбившись и, закрывъ лицо платкомъ, плакала.

Эльза остановилась на серединѣ комнаты, какъ вкопаная и какъ отъ удара въ сердце. Первое мгновеніе она хотѣла броситься къ матери, обнять ее, разцѣловать утѣшая, но шевельнувшись, она снова стала недвижима.

— Въ чемъ дѣло? Въ чемъ утѣшать?! вдругъ будто спросилъ у нея тайный голосъ и прибавилъ:

— Если должно случиться нѣчто горькое для матери и постыдное со стороны Марьетты, то вѣдь это будетъ счастьемъ для нея и для Этьена. Будетъ началомъ счастливой семейной жизни втроемъ безъ чуждаго имъ проходимца.

И дѣвочка тихо двинулась и прошла наверхъ, чтобы мать не слыхала ея шаговъ и не знала бы, что она невольно подстерегла ее. Когда Эльза снова спустилась по лѣстницѣ и шла чрезъ

горницу, Анна уже держала въ рукахъ работу, но однако отвернулась лицомъ къ окну.

Вскорѣ послѣ этого въ домикѣ появился никогда еще не бывавшій въ немъ гость: телеграфистъ Багетъ, а Баптистъ тотчасъ же вышелъ къ заставамъ.

Эльза, прислушавшись чрезъ нѣсколько минутъ къ болтовнѣ сестры съ Багетомъ, невольно раскрыла ротъ отъ изумленія... Эта болтовня была будто буквальнымъ подражаніемъ или же просто удивительнымъ повтореніемъ болтовни съ Баптистомъ.

Эльза слушала и не вѣрила ни глазамъ, ни ушамъ. Она изрѣдка приглядывалась къ Багету и спрашивала себя, не ошибается ли она, не Баптистъ ли сидитъ на его мѣстѣ? Телеграфистъ даже глядитъ и улыбается точно такъ же, какъ сейчасъ глядѣлъ и улыбался Баптистъ.

Оказывалось, между прочимъ, что Марьетта знаетъ телеграфиста съ самаго дня своего прибытія въ Теріэль, и что гостя у Ренъ, она бывала часто на станціи, а затѣмъ даже съѣздила куда-то въ окрестность чуть не на цѣлый день вмѣстѣ съ этимъ Багетомъ. Отношенія ихъ были настолько короткія, какъ еслибъ они были не только давнишніе знакомые, но даже настоящіе друзья.

Эльза въ себя не могла придти отъ удивленія. Наконецъ Марьетта обернулась въ сторону сестры и увидѣла ее стоящую недвижно среди горницы со скрещенными руками, съ вытянутымъ лицомъ, широко раскрытыми глазами и горько сжатыми губами.

— Quelle bourrique que tu fais là! воскликнула Марьетта нетерпѣливо.—Чего ты торчишь предъ нами. Дѣлала бы свое дѣло: торчала бы у заставъ! Уйди пожалуста! Мнѣ нужно поговорить о дѣлѣ avec monsieur. Да и вообще... tu me portes sur les nerfs!

Эльза вышла изъ дома, сѣла на скамейкѣ и понурилась. Будто туманъ охватилъ ее со всѣхъ сторонъ и даже мысли ея заволокло имъ. Она старалась думать и обдумывать все перепсытанное за день, будто силилась начать разсуждать мысленно— и не могла. Все путалось въ головѣ.

И вдругъ она порывисто поднялась и быстрыми шагами двинулась по полю, въ обходъ Теріэля, тропинкой, которой ходила въ школу.. Ее вдругъ потянуло туда, гдѣ часто бывала она и гдѣ всегда находила тишину и покой кругомъ, гдѣ всегда охва-

тывалъ ее и душевный миръ, гдѣ становилось легче мыслить и легче дышать...

Эльза почти машинально, но какъ бы спѣшно, отправилась на кладбище... Ей почудилось вдругъ, что если убѣжать отъ этого дома на могилу отца, то непремѣнно сейчасъ разсѣется все это тяжелое, что̀ обступило ее вдругъ и будто придавило...

И должно-быть судьба захотѣла удалить дѣвочку изъ дому, чтобъ избавить отъ необходимости увидѣть и услышать все, что̀ вдругъ произошло вскорѣ послѣ ея ухода.

Эльза еще не успѣла дойти до кладбища, когда въ домъ вернулся Виганъ и найдя телеграфиста и Марьетту за особенною, характерно тихою и мирною бесѣдой шепотомъ, присмотрѣлся къ обоимъ пристально въ упоръ и вдругъ выговорилъ грубо:

— Это по-парижски, что-ль? А?

— Къ кому вы обращаетесь? холодно отозвалась Марьетта, такъ какъ онъ глядѣлъ на обоихъ.

— Къ парочкѣ... Le couple amoureux.

Марьетта разсмѣялась нѣсколько сухо.

— Вы, кажется, вздумали ревновать... Надо на это право имѣть.

— Я его имѣю! рѣзко отрѣзалъ Баптистъ.

— Нѣтъ! Вы лжете.

— Нѣтъ, ты лжешь... Я заявляю этому молокососу, что я имѣю право ревновать тебя.

Багетъ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ что-то отвѣтить, чтобъ отплатить дерзостью за дерзость, но въ это мгновеніе на порогѣ появилась личность, о которой казалось они всѣ забыли... Это была Анна, блѣдная и съ измѣнившимися чертами лица.

— Что̀ ты сейчасъ сказалъ?.. глухо вымолвила она дрожащимъ голосомъ, обращаясь къ Баптисту, стоящему къ ней спиной.

Баптистъ не двинулся.

Наступило минутное молчаніе.

— Марьетта? Что̀ онъ говоритъ? Объяснитесь, снова спросила Анна.

— C'est un enragé. Дальше ничего... отозвалась Марьетта тихо и какъ-то нерѣшительно.

— Это не отвѣтъ! Я требую прямаго отвѣта! громче и рѣшительнѣе произнесла Анна.

— Это еще что̀ такое? вскрикнулъ наконецъ Баптистъ, оборачиваясь къ женщинѣ.—Tout-beau, ma vieille. И не къ лицу тебѣ совсѣмъ эта манера. Убирайся въ свой шестокъ и сиди смирно.

— Я требую объясненія того, что̀ я сейчасъ слышала, выговорила эта уже плаксиво.

— Объясняй сама какъ хочешь. Никто безпокоиться не станетъ и никакихъ объясненій тебѣ не дастъ... не сердито, а съ презрѣніемъ произнесъ Баптистъ и, обернувшись къ телеграфисту, прибавилъ рѣзко:

— Voyons... Debarrassez mei le plancher!

Багетъ оторопѣлъ и сконфузился совсѣмъ. Лицо юнаго красавца пошло красными пятнами. Онъ какъ-то глупо засѣменилъ ногами на одномъ мѣстѣ и взглядывалъ на Марьетту, будто прося ея помощи.

Марьетта вдругъ звонко расхохоталась, закидывая голову назадъ. Баптистъ понялъ значеніе этого хохота надъ струсившимъ молодымъ человѣкомъ и улыбнулся самодовольно.

— Ну, г. Багетъ, выговорилъ онъ мягче, не заставляйте меня руками показать вашей спинѣ, гдѣ здѣсь выходныя двери. Пожалуйте...

Телеграфистъ вдругъ принялъ гордо обиженный видъ и, поглядѣвъ на Марьетту глупо грозными глазами, двинулся къ выходу.

— Я никогда не думалъ, чтобы подобное могло произойти, пробормоталъ онъ, осторожно минуя хозяина дома и какъ бы ожидая пинка.

Когда молодой человѣкъ исчезъ въ дверяхъ, Анна двинулась отъ порога своей комнаты и сѣла къ столу, не глядя ни на Баптиста, ни на дочь.

— Тебѣ что̀ нужно еще? рѣзко выговорилъ этотъ.

— Мнѣ нужно... объясненіе.

— Чего?

— Твоихъ словъ, которыя я слышала, и твоей выходки противъ этого молодаго человѣка. Я ничего не понимаю... Я съ утра слушаю васъ и боюсь понять... Да... Марьетта, скажи хоть ты... Одно слово.

— Я тебѣ уже сказала, что твой Баптистъ бѣшеный.

— Это не объясненіе, Марьетта? жалобно произнесла Анна.

— И лгунъ. Онъ лжетъ... А ты Богъ вѣсть что̀ воображаешь... Я завтра вѣроятно уже уѣду.

Наступило молчаніе. Анна перевела глаза съ дочери на Вигона. Онъ стоялъ насупясь и глядѣлъ въ полъ.

— Баптистъ? Скажи, ты солгалъ? совсѣмъ тихо и слезливо спросила Анна.

Баптистъ, не отвѣтивъ и даже не поглядѣвъ на женщину, двинулся и медленно вышелъ изъ комнаты на улицу. Марьетта тоже поднялась и пошла къ себѣ.

— Что̀ же это? Что̀ вы? растерянно произнесла Анна.

— Ah! tu nous embêtes! воскликнула Марьетта, не оборачиваясь.

Анна осталась одна и потащила носовой платокъ изъ кармана. На порогѣ кухни показался Этьенъ и вымолвилъ сурово:

— Чего же выть?.. Вышвырни стрекозу изъ дому—и дѣлу конецъ. Мальчикъ все слышалъ изъ кухни и все понялъ.

Когда Эльза вернулась домой, то замѣтила тотчасъ, что за ея отсутствіе что-то произошло. На ея вопросъ Этьенъ отозвался незнаніемъ.

Баптистъ не пришелъ ужинать, и Анна съ дочерьми и сыномъ поужинавъ молчаливо и угрюмо рано разошлись спать. Эльза съ братишкой пристроились на полу кухни и сразу заснули, какъ мертвые, намучившись и „надумавшись“ до-сыта за этотъ день.

XXVII.

На другой день въ сумерки къ заставамъ у моста подъѣхала коляска изъ за̀мка. Баптистъ уже собрался пропустить проѣзжихъ, но знакомый ему кучеръ Шарль, по приказанію господина, сидѣвшаго въ экипажѣ, остановилъ лошадей.

Неизвѣстный Баптисту господинъ вышелъ и направился прямо къ нему. Это былъ Аталинъ.

— Вы г. Баптистъ? спросилъ онъ.

— Да-съ. Къ вашимъ услугамъ!

— Я именно къ вамъ и пріѣхалъ.

И покуда Шарль поворачивалъ лошадей обратно, Аталинъ объяснилъ, что пріѣхалъ за Эльзой, такъ какъ художникъ Монклеръ сильно сердитъ, что его модель скрылась, а работа пріостановилась.

— Онъ до такой степени намъ всѣмъ въ за̀мкѣ надоѣлъ, прибавилъ усмѣхаясь Аталинъ, — своимъ ворчаньемъ и придирками ко всѣмъ, что графиня попросила меня тайно сюда съѣздить и немедленно привезти вашу сестру въ за̀мокъ.

— Эльза мнѣ не сестра. Будь сестрой она, то была бы не такова, отвѣтилъ ухмыляясь насмѣшливо Баптистъ.—Извините, я отойти отъ заставъ не могу, войдите сами въ домъ.

Аталинъ перешелъ полотно и затѣмъ небольшой цвѣтникъ. Когда онъ подходилъ къ крыльцу, то изъ домика слышался веселый хохотъ.

Войдя въ первую горницу, онъ нашелъ въ ней работавшую въ углу съ иголкой и съ сорочкой въ рукахъ пожилую женщину, а въ противуположной сторонѣ хорошо знакомаго ему въ лицо человѣка, такъ какъ это былъ начальникъ станціи г. Куртуа.

Близь него у стола сидѣла вычурно расфранченая дама, недурная собой. Вся она, съ головы до пятъ, была настолько типична, что не имѣла ничего общаго съ домикомъ и обстановкой желѣзнодорожнаго сторожа. Недалеко отъ нихъ сидѣлъ на стулѣ, сгорбившись и задумчиво глядя на нихъ, маленькій мальчикъ.

При появленіи Аталина пожилая женщина поднялась и двинулась ему на встрѣчу. Мальчикъ тоже вскочилъ съ мѣста и тотчасъ же, сунувъ руки въ карманы и разставивъ ноги, сталъ внимательно разглядывать вошедшаго. Молодая женщина прекратила свою веселую болтовню и мгновенно измѣнила и позу и лицо. Она заломалась на стулѣ... Взглянувъ на вошедшаго, она уже не спускала глазъ съ него, но взглядъ этотъ съ перваго же мгновенія сталъ противенъ Аталину и подѣйствовалъ на него отталкивающимъ образомъ. Такъ взглядъ Филиппа дѣйствовалъ на Эльзу.

Аталинъ объяснилъ пожилой дамѣ то же самое, что онъ пріѣхалъ за дѣвочкой отъ имени графини Отвиль.

— Извините меня, заговорила Анна,—я ее вызвала ради того, чтобы повидаться съ сестрой. Позвольте представить вамъ: моя вторая дочь—Марьетта.

Аталинъ сухо поклонился. Марьетта кивнула небрежно головой, разсмѣялась и вымолвила:

— Bon! Свѣтъ на выворотъ! Что̀ значитъ попасть dans cette bicoque! Мужчинъ женщинамъ представляютъ, madame Caradol, а не наоборотъ... Ну за то я могу теперь похвастаться тѣмъ, что и меня одинъ разъ въ жизни мужчинѣ представили!

Анна хотѣла что-то отвѣтить, но смутилась и промолчала. Аталинъ холодно смѣрилъ съ головы до пятъ Марьетту и обернулся къ Аннѣ.

— Итакъ, позвольте мнѣ увезти mamzelle Эльзу, сказалъ онъ.

— Извольте, если она поѣдетъ! отвѣтила Анна.—Она у меня упрямица. Этьенъ, позови сестру.

— Ея нѣтъ! отозвался мальчикъ, точно отрѣзалъ.

— Гдѣ же она?

— Ея нѣтъ... она ушла! повторилъ Этьенъ, и по его голосу чудилось, что онъ не хотѣлъ сказать правду.

— Куда? громче спросила Анна, стараясь при постороннемъ показаться строгою матерью.

Мальчикъ вытащилъ правую руку изъ кармана, почесалъ за затылкомъ, насупился и молчалъ.

— Чтò же ты не отвѣчаешь?

— Это не мое дѣло, отозвался Этьенъ.

— Чтò вы пристали къ нему, если онъ не знаетъ гдѣ болтается наша обезьяна? свысока вымолвила Марьетта.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, ломаясь предъ Аталинымъ, она постоянно взглядывала на него заигрывающими глазами и, оперишсь на столъ локтемъ, подставила руку къ щекѣ такъ, чтобъ онъ могъ видѣть кольца, которыми были унизаны ея пальцы.

— Онъ отлично знаетъ, заявила Анна.—Я же вижу, что знаетъ. Сказать не хочетъ и солгать по обыкновенію тоже не хочетъ. Правда ли, mon gars?

— Да! отозвался Этьенъ просто.

Мальчикъ за нѣсколько мгновеній поразилъ Аталина чѣмъ-то особеннымъ. Это лицо и въ особенности эти глаза, а еще пуще этотъ голосъ спокойно-суровый—совершенно не ладили съ внѣшностью маленькаго человѣчка. Да, именно... Это былъ не ребенокъ, а будто карликъ... Аталинъ двинулся къ Этьену, присѣлъ, чтобы сравняться съ нимъ ростомъ, и взявъ его за руку, ласково выговорилъ:

— Будьте милы, мой другъ, скажите мнѣ, гдѣ ваша сестра? Мнѣ надо везти ее въ зáмокъ.

— Она не поѣдетъ... Ей тамъ всѣ надоѣли! просто отвѣтилъ Этьенъ.—Завтра утромъ можетъ-быть она сама придетъ.

— Но гдѣ она? спросилъ Аталинъ.

— Вы слышали, чтò мать говоритъ. Я сказать не могу, а солгать?.. Къ чему?

Марьетта такъ громко расхохоталась съ оттѣнкомъ презрѣнія, что Аталинъ невольно вздрогнулъ, приподнялся и снова смѣрилъ ее взглядомъ. Фигура и ужимки этой женщины раздражали его.

— Охъ, еслибы ты былъ у меня, заговорила Марьетта,—какъ бы я съ тебя живо эту блажь спустила! Разика два, три... Une bonne tripotée! И ты бы у меня обошелся. Je t'aurais secoué... А то вишь тюлень какой... Empâté, va!

И затѣмъ снова кокетничая, Марьетта развязно вымолвила, заглядывая Аталину въ глаза:

— Dites donc, вы Русскій?

— Да! отозвался Аталинъ.

— Я тотчасъ догадалась.

— Не думаю, нѣсколько невѣжливо отвѣтилъ онъ.—Я полагаю, что сестра ваша могла вамъ...

— Ничего мнѣ сестра не говорила! перебила его Марьетта.— Я догадалась по вашему выговору. А въ особенности по вашей vous autres Russes привычкѣ повторять часто одно слово или вѣрнѣе одинъ звукъ... такъ какъ это слово, говорятъ, ничего не значитъ.

— Какое слово?

— Вы Русскіе трехъ фразъ не можете сказать, чтобы не вставить ваше вѣчное: „ну". Des „nou" a tous bouts de champ.

— Это правда, замѣтилъ Аталинъ холодно.

— Да. C'est le „O, yes" des Russes. Вотъ вы сейчасъ сказали: nou, voyons, nou, je vous prie, nou, dites moi... Пора мнѣ привыкнуть. Я знаю многихъ изъ вашихъ соотечественниковъ, Connaissez vous le comte Sokoloff.

— Нѣтъ. Такого русскаго графа не знаю, улыбнулся невольно Аталинъ.

— Я Русскихъ очень люблю! Vous etes tous de bons garçons! Только одна у васъ черта характера курьезная: что̀ вы не сдѣлаете, вы потомъ тотчасъ же начинаете жалѣть. Très drôle!

Аталинъ внимательнѣе приглядѣлся къ расфранченной женщинѣ, очевидно повторявшей не глупыя вещи съ чужаго голоса. Онъ окончательно убѣдился, однако, что не ошибся, какого сорта птица сидитъ предъ нимъ.

— Знаете ли, про васъ, то-есть про вашихъ соотечественниковъ, поправилась Марьетта,— мнѣ одинъ очень умный человѣкъ сказалъ фразу, которая мнѣ такъ понравилась, что я ее запомнила. Les Russes se ruinent en promesses, et se rattrapent en exécutions.

— Это крайне зло сказано! отозвался Аталинъ, нѣсколько насупившись,—но могу васъ увѣрить, сказано врагомъ Русскихъ. Если есть такіе люди между моими соотечественниками, то согласитесь, что есть такіе же и между Французами.

— Нѣтъ. Это національная черта. Между Французами это исключеніе, а между Русскими правило. Впрочемъ, божусь вамъ,

что я другъ Русскихъ, прибавила Марьетта, смѣясь двусмыслено,—я ихъ очень люблю. Они не растрачиваютъ, а разбрасываютъ une somme de въ гораздо болѣе короткій срокъ, чѣмъ Французы, или Англичане. И время выиграно! А вѣдь „times is money“, почти важно проговорила Марьетта, невольно гордясь. что знаетъ и порядочно произноситъ англійскія слова.

— Это значитъ, обернулась она къ матери, „время есть деньги“, а такъ какъ деньги на свѣтѣ—все, то время должно быть цѣнимо чуть не дороже денегъ. Dites donc, продолжала она почти безъ передышки,—мнѣ кажется, я видѣла васъ, monsieur... Не знаю, какъ ваша фамилія?

Аталинъ назвался.

— Мнѣ кажется, я васъ, monsieur Ataline, видѣла въ Парижѣ aux montagnes?

— Я не знаю про что̀ вы говорите?

— Aux Montagnes Russes... Или Au Moulin Rouge.

— Я ни „русскихъ горъ“, ни „Красной мельницы“ не знаю, ибо тамъ никогда не бывалъ.

— Никогда? Ба? Вы оригиналъ. C'est curieux. Однако, мнѣ очень знакомо лицо ваше.

И Марьетта улыбаясь какъ-то странно мигнула ему глазами.

— Можетъ-быть случайное сходство... сурово отвѣтилъ Аталинъ и, обернувшись къ Аннѣ, чтобы прекратить начинавшійся характерный разговоръ, снова спросилъ у нея, какъ ему быть насчетъ Эльзы.

Марьетта тотчасъ же начала съ умысломъ неприлично и невѣжливо шептаться съ Куртуа. Это было мщеніемъ...

XXVIII.

Этьенъ, все время не спускавшій глазъ съ Аталина, подошелъ къ нему, ударилъ его рученкой по рукѣ и выговорилъ:

— Идите за мной! Я вамъ кое-что скажу. Если вы—Русскій, то это совсѣмъ другое дѣло. Я знаю кое-что о васъ и поэтому съ удовольствіемъ готовъ вамъ служить. Но при нихъ, небрежнымъ жестомъ показалъ мальчуганъ на мать и сестру,—я говорить не хочу! Идите за мной! прибавилъ онъ повелительно и вышелъ на крыльцо.

Аталинъ поклонился Аннѣ, затѣмъ, обернувшись въ сторону

Марьетты, поклонился тоже и удивился ея лицу. Настолько оно измѣнилось.

Марьетта глядѣла на него другими глазами, не только высокомѣрно, но почти презрительно и на поклонъ его, холодный, но болѣе вѣжливый, чѣмъ первый, она мотнула головой, какъ еслибы имѣла дѣло съ какимъ-нибудь проходимцемъ, котораго сейчасъ почти попросили избавить отъ своего присутствія. Аталинъ, конечно, понялъ мотивъ этой гордости и даже небреженія къ нему. Будучи человѣкомъ разсудительнымъ, онъ все-таки не могъ отказать себѣ иногда въ удовольствіи огрызнуться и отплатить.

Эта женщина заставила его выслушать многое обидное для его національнаго самолюбія, затѣмъ егозила съ извѣстною цѣлью и, не достигнувъ ея, сдѣлалась невѣжлива. И Аталинъ послѣ поклона вымолвилъ какъ бы себѣ самому:

— Un coup raté!

Марьетта встрепенулась и, казалось, чуть не подпрыгнула на своемъ мѣстѣ.

— Plait-il!? вырвалось у ней, и она, выпрямившись, смотрѣла на Аталина такъ, какъ еслибы собиралась броситься на него. Ничто не могло обозлить ее болѣе подобнаго намека.

— Да, выговорилъ Аталинъ, улыбаясь,—скажу графинѣ, что проѣхался даромъ и не нашелъ вашей сестры.

Женщина сверкнула глазами, собралась сказать что-то, но вѣроятно просившееся на языкѣ было настолько рѣзко, что она не рѣшилась и, повернувшись къ нему спиной, обратилась къ своему, промолчавшему все время, собесѣднику.

— Намъ помѣшали, monsieur Куртуа. Прервали нашъ разговоръ на самомъ интересномъ мѣстѣ! Продолжайте пожалуста.

Аталинъ вышелъ на крыльцо. Анна провожала его. Она лишь на половину поняла разговоръ его съ дочерью и недоумѣвала, отчего такъ обозлилась вдругъ Марьетта.

— Пожалуста, жалобно заговорила она, будто оправдываясь,— передайте графинѣ, что я съ моею упрямицей ничего не могу сдѣлать. Всѣ мои три дочери уродились въ отца. C'est le sang noir qui fait tout... Я надѣюсь, что завтра утромъ Эльза сама придетъ въ зàмокъ. А впрочемъ, вотъ что̀ еще Этьенъ вамъ скажетъ!

Мальчикъ ожидалъ „Русскаго" въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, и когда Аталинъ спустился по ступенькамъ въ сопровожденіи Анны, то Этьенъ крикнулъ:

— Нѣтъ, ужь ты пожалуста, la mère, уходи! Разъ сказано, что при постороннихъ я ничего не сообщу au monsieur Russe.

Анна послушно остановилась и вернулась въ домъ.

— Ну, что̀ же вы мнѣ скажете, мой другъ? спросилъ Аталинъ и съ бо̀льшимъ еще любопытствомъ разглядывалъ мальчугана.

Ему пришло соображенiе, или вопросъ:—что̀ это? фениксъ, самородокъ, или уродецъ, аномалія?

— Вотъ въ чемъ дѣло, заговорилъ Этьенъ,—я знаю, гдѣ la fille. И даже очень недалеко отсюда. Но я знаю, что она съ вами въ за̀мокъ сегодня не поѣдетъ. Тутъ у насъ много новаго, что̀ ее очень разстроило и ей, право, не до того, чтобы торчать comme une bête предъ вашимъ мастеромъ куколъ.

— Но не могу ли я ее видѣть, хотя бы на минуту, чтобы переговорить?

— Зачѣмъ?

— Можетъ-быть, она согласится ѣхать.

— Говорю вамъ—не согласится! Нельзя! Вы видѣли эту стрекозу, что̀ вотъ у насъ сидитъ? Ну, покуда она тутъ, la fille не захочетъ отлучиться. Она должна тутъ быть... На всякій случай.

— Но вѣдь можетъ-быть эта ваша сестра пробудетъ долго?

— Нѣтъ, мы надѣемся, что выживемъ ее завтра по-утру. Она у насъ все къ верху ногами поставила. Tout est en dessus-dessous!

— Ну, дѣлать нечего! отозвался Аталинъ, все внимательнѣе приглядываясь къ мальчику, который начиналъ его вполнѣ заинтриговывать.

Ему именно хотѣлось рѣшить вопросъ, что̀ предъ нимъ: самородокъ или уродецъ? Богато одаренная натура, которая въ эти годы высказывается такъ, что только забавитъ; а со временемъ проявится ярко и громко, или же продолженія не будетъ, въ будущемъ не предвидится ничего. Быть-можетъ выростетъ то, что̀ въ его отечествѣ называется юродивымъ, или блаженнымъ, окажется субъектъ забавно-хворый физически и умственно. Аталинъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ на скамейку. Онъ хотѣлъ пригласить мальчика тоже присѣсть, но Этьенъ улыбаясь самъ тотчасъ же сѣлъ рядомъ. Онъ, казалось, былъ даже доволенъ, что можно еще поговорить съ этимъ „Русскимъ".

— Скажите мнѣ, мой другъ, совершенно серьезно спросилъ Аталинъ,—почему вы назвали вашу сестру стрекозой?

— Это не я назвалъ. Мнѣ Эльза̀ читала часто одну басню

„La sigale et la fourmi“. А у насъ двѣ сестры. Мнѣ вотъ и пришло въ голову, что между ними обѣими и басней есть какое-то сходство. Одна изъ нихъ—муравей, а другая—стрекоза. Эта наша стрекоза какъ-нибудь непремѣнно къ нашему муравью тоже придетъ и будетъ проситься укрыть ее отъ непогоды. Теперь Марьетта пріѣхала и была у сестры Ренъ, но теперь она еще не просится. Я сегодня утромъ еще говорилъ объ этомъ съ сестрой. Это вѣрно, что черезъ нѣсколько лѣтъ Марьетта явится къ Ренъ христорадипичать. И такъ какъ муравей-Ренъ непремѣнно выкинетъ за дверь стрекозу-Марьетту, то она сядетъ къ намъ на шею.

Все это Этьенъ проговорилъ совершенно серьезнымъ голосомъ. Аталину невольно хотѣлось спросить у мальчика, знаетъ ли онъ и понимаетъ ли, что̀ за женщина Марьетта, но у него не хватило духу на это. Въ то же мгновеніе Этьенъ вымолвилъ:

— Вы, можетъ-быть, думаете, что все это, что̀ на ней нацѣплено, ей досталось отъ отца, или она купила на свои деньги? Неправда! Все это подарки ея парижскихъ друзей. А это все потому, что она кутитъ и пиршествуетъ съ ними.

Аталинъ почти грустно посмотрѣлъ на это существо, которому въ его годы столь многое извѣстно, и если еще не вполнѣ понятно, то все-таки доступно для обсужденія.

Покуда Этьенъ говорилъ, онъ часто прищуривалъ глаза по близорукости и глядѣлъ на заставы и коляску, дожидавшуюся Аталина.

— Ну, вотъ что̀, сказалъ онъ наконецъ,—чтобы доказать вамъ, что вы мнѣ нравитесь, я такъ и быть выдамъ сестру. Я кое-что устрою. Вы не близоруки? Видите Баптиста?

— Вижу.

— Сейчасъ пройдетъ послѣдній поѣздъ, онъ отворитъ обѣ заставы и навѣрное пойдетъ въ домъ опять ухаживать за Марьеттой и тайно злиться на начальника станціи, котораго тронуть не смѣетъ. Тогда мы съ вами пойдемъ къ мосту, а вы прикажете кучеру Шарлю отъѣхать подальше. А то нехорошо при немъ, Русскому—дѣлать то, что̀ придется сдѣлать.

— Почему? удивился Аталинъ.—Что̀ дѣлать?

— Voyons, laissez—vous faire! Въ накладѣ не будете! Неужто вы не видите, что вы мнѣ нравитесь, я вижу, что сестра права. Вы вѣдь ей ужасно нравитесь. Хотя она съ вами въ за̀мкѣ даже не разговаривала. Вы смотрите en honnête homme,

embêté par le monde... Это Эльза мнѣ сказала про васъ. Ну, а мы вѣдь съ ней въ томъ же положеніи. Трудно такъ жить!.. Аталинъ слушалъ и все съ бо̀льшимъ изумленіемъ приглядывался къ маленькому человѣчку, будущему генію или юродивому, и наконецъ вздохнулъ и выговорилъ:

— Странное вы существо. Да и ваша сестра кажется тоже!.. Въ самомъ дѣлѣ vous avez l'air de deux malheureux...

— L'air? повторилъ удивленно Этьенъ.—Merci! Мы дѣйствительнно истинные несчастные. Наша жизнь съ самой смерти отца и въ особенности теперь въ этомъ домишкѣ un vrai meli-melo de Satan.

Аталинъ не понялъ выраженія, но догадался.

— А? Вотъ поѣздъ! сказалъ Этьенъ.—Баптистъ сейчасъ уйдетъ и мы поѣдемъ.

XXIX.

Между тѣмъ Эльза уже съ часъ назадъ, поглядѣвъ, какъ сестра Марьетта все на тотъ же ладъ любезничала съ третьимъ своимъ другомъ, заведеннымъ въ Теріэлѣ, начальникомъ станціи, ушла изъ домика и сказала брату, что идетъ по близости въ то мѣсто, куда часто скрывалась почти ежедневно, но втайнѣ отъ матери и Баптиста. Этьенъ видѣлъ, что сестра сильно разстроена и сказалъ, что въ случаѣ нужды замѣнитъ ее у заставъ до возвращенія Баптиста.

Теперь дѣвочка сидѣла въ этомъ своемъ любимомъ мѣстѣ, въ травѣ подъ желѣзнодорожнымъ мостомъ. Но на этотъ разъ она не спала и ей не грозило, какъ еще недавно, проспать пассажирскій поѣздъ изъ Парижа. Она сидѣла почти на томъ же мѣстѣ, но плакала, утирая слезы рукавомъ.

Нѣсколько часовъ, немного болѣе сутокъ, проведенныхъ въ домикѣ съ сестрой Марьеттой, дались ей не даромъ. Она была истерзана нравственно. Случилось это потому, что переходъ отъ вчерашней восторженной радости, когда она узнала въ красивой дамѣ родную сестру, исчезавшую три года, къ другому чувству горечи и почти отчаянія,— былъ слишкомъ рѣзокъ.

Причина грусти была особая.

Дѣвочка постоянно чувствовала и страдала отъ своего нравственнаго одиночества на свѣтѣ. Кромѣ брата-мальчугана, у нея не было никого близкаго. И какъ бы ни былъ уменъ семилѣтній

ній мальчикъ, все-таки онъ не могъ замѣнить ей то̀, что̀ просило ея сердце, требовали всѣ помыслы и чувства.

Въ Эльзѣ натура требовала неотступно и повелительно имѣть кого-либо для любви и привязанности, даже болѣе того — для обожанія, для рабской преданности, для полнаго самоотреченія и самопожертвованій. Такъ сказывалась въ ней негрская кровь ея бабки!

Мать свою она „такъ“ не могла любить. Она не могла простить ей присутствіе Баптиста и ея отношеніе къ покойному мужу.

Пріятельницъ у Эльзы не было, кромѣ одной школьной подруги—Нини Бретейль, дѣвочки, которая была внѣшностью совершеннымъ ея контрастомъ. Изъ-за этого контраста, казалось, онѣ и подружились. Бѣленькая, какъ снѣгъ, съ золотистыми волосами, Нини казалась ей дивомъ и чудомъ красоты.

Но за годъ предъ тѣмъ Нини перестала ходить въ школу и онѣ видѣлись лишь изрѣдка, когда Эльза бывала въ мѣстечкѣ. Вдобавокъ, за послѣднее время Нини сильно измѣнилась нравственно и уже менѣе нравилась Эльзѣ. Нини тоже начала кривляться и ломаться, въ особенности предъ мужчинами, и слишкомъ развязно болтала съ молодыми людьми, слишкомъ странно позволяла имъ за собой ухаживать. Всѣ молодые люди Теріэля были якобы ses amoureux. И этимъ она не стыдясь и похвалялась.

Приходило часто Эльзѣ на умъ, что быть-можетъ, когда-нибудь снова проявится на свѣтъ Божій исчезнувшая Марьетта и, быть-можетъ, именно на ней придется ей сосредоточить все то чувство, которое будто все накопляется въ сердцѣ и ищетъ предмета обожанія.

За послѣднее время, за лѣто, Эльза уже начинала серьезнѣе чѣмъ прежде и чаще думать о некрасивомъ, но добромъ Альзасцѣ. Еслибъ она была старше и еслибы Фредерикъ заикнулся о бракѣ съ ней, то, разумѣется, Эльза,—она это ясно чувствовала,—тотчасъ же согласилась бы. Она видѣла, что Фредерикъ именно изъ тѣхъ людей, которыхъ она любитъ, и такой человѣкъ, который, сдѣлавшись ея законнымъ мужемъ, будетъ вполнѣ достоинъ стать идоломъ жены.

Если вчера утромъ Эльза зарыдала, обнимая пропадавшую три года сестру, то именно потому, что появленіе Марьетты могло сдѣлать почти переворотъ въ ея собственной жизни. Окажется подъ рукой человѣкъ, вдобавокъ родная сестра, которую можно

начать боготворить!.. Съ первыхъ минутъ встрѣчи и весь день Эльза силилась найти въ сестрѣ хотя бы одну милую черту, ждала услыхать хотя бы одно ласковое сердечное слово, которое уничтожило бы въ ней возникшее нехорошее чувство и дало бы ей возможность простить все остальное. Но этого не случилось! Напротивъ...

Прощать приходилось такъ много! И съ каждымъ часомъ все болѣе и болѣе. Правдивая дѣвочка боролась вчера сама съ собой цѣлый день и наконецъ, разбитая, истерзанная, скрылась изъ дому на могилу отца, но не нашла мира. Теперь она снова ушла въ свое убѣжище подъ мостомъ и, раздумывая, вспоминая, соображая, снова начала тихо, безпомощно плакать.

Она уже прощала сестру во многомъ, но многое оставалось. Она примирялась съ тѣмъ, что Марьетта назвала мальчугана дурно воспитаннымъ, грязнымъ, идіотомъ, и осломъ, и грубіяномъ. Но она не могла простить сестрѣ одну грубую выходку. Когда она сегодня спросила Марьетту, пойдетъ ли та на кладбище, на могилу отца, то получила въ отвѣтъ долгій безумный смѣхъ.

— Что̀ я пойду туда дѣлать? сказала наконецъ Марьетта, нахохотавшись какъ отъ истерики.—Пойми, что онъ гніетъ подъ землей и еслибы не былъ засыпанъ, то вонялъ бы на всю окрестность, какъ и всякая мертвечина. Ты, право, совсѣмъ дура. Пора бы и тебѣ въ твои годы такими штуками и фокусами не заниматься! Повѣрь, ты никого этимъ не проведешь. Ты дура, если считаешь другихъ глупѣе и наивнѣе себя.

— Я тебя даже не понимаю, растерялась Эльза.

— Вѣдь это все комедія. Des fourberies.

И затѣмъ Марьетта, даже не допуская возможности многаго присущаго натурѣ Эльзы, стала обвинять и поучать сестру. Обвинять въ дѣтскомъ двоедушіи и во лжи, въ безцѣльномъ притворствѣ и въ „кривляніи“. Она стала поучать сестру говоря, что, конечно, надо лгать, хитрить и притворяться, но съ цѣлью, ради выгоды нравственной или же простой денежной. Но не „gratis“, ради якобы людей и „на удивленіе міра“.

— Ça ne donne rien, tu sais!

Это былъ конечный выводъ изъ всего, что̀ говорила и во что̀ дѣйствительно вѣрила Марьетта, какъ въ непреложную истину. И оно постоянно являлось какъ-бы припѣвомъ.

— Я бы сейчасъ въ монахини пошла—молитвенника изъ рукъ не выпускала бы, si le Bon Dieu payait argent comptant. Но, вѣдь ты знаешь. Ça ne donne rien!

И, наконецъ, теперь обдумывая все, Эльза будто окончательно отказывалась и отрекалась отъ этой сестры, какъ должна была года съ два назадъ совсѣмъ отречься отъ другой, старшей,—Ренъ. Да, съ этою сестрой, которую Эльза могла бы любить, пожалуй, болѣе всѣхъ, отношенія были дурныя, или, вѣрнѣе, не было никакихъ, ибо семьи какъ-бы не существовало для Ренъ. Но причины, заставившія Эльзу не водиться со старшею сестрой, были совершенно иныя... Она все-таки уважала Ренъ, видѣла въ ней то, чего теперь не было и помину въ Марьеттѣ. Ренъ была женщина правдивая, сердечная, строго порядочнаго поведенія и почти безупречною во всѣхъ отношеніяхъ.

Вскорѣ послѣ смерти отца Ренъ, открыто поселившаяся въ домѣ Гражана, измѣнилась по отношенію къ семьѣ, благодаря случаю съ Марьеттой. Сбывъ съ рукъ сестру-соперницу, изъ-за которой ея счастье висѣло, казалось, ей на волоскѣ, Ренъ стала отдаляться и ото всей семьи.

Смерть Карадоля, все-таки зарабатывавшаго достаточно, поставила Анну съ двумя дѣтьми въ очень стѣсненное положеніе. Добывать средства къ существованію шитьемъ Аннѣ еще не приходило на умъ, потому что она знала, что ея работа иглой—почти искусство.

И однажды въ трудныя минуты, понукаемая вдобавокъ Баптистомъ, который все еще тщетно ждалъ мѣста сторожа, Анна обратилась за помощью къ старшей дочери, за тѣми крохами со стола Гражана о которыхъ съ горечью говорилъ умирая ея мужъ. Ренъ дала матери сто сорокъ франковъ съ копѣйками, точно уплачивала по счету. Анна невольно удивилась и получила объясненіе.

— Вотъ первыя и послѣднія деньги, которыя я тебѣ даю. Это мои деньги, мои собственныя, найденныя въ портмонэ на улицѣ тому назадъ уже давно... Поэтому я могу ими распорядиться.. Изъ денегъ Гражана я ничего не могу тебѣ дать, и не дамъ, ни единаго сантима никогда. Je ne puis pas faire danser sa bourse! Хотя бы и для моей матери съ дѣтьми. Это было бы неблаговидно, для меня безсовѣстно, а для васъ постыдно.

И Ренъ сдержала слово... Анна въ отмщеніе запретила Эльзѣ и Этьену навѣщать сестру, которая со своей стороны ноги не

ставила къ нимъ. Когда Эльза подросла, обдумала многое въ поведеніи Ренъ, ее потянуло къ этой сестрѣ, тихо жившей въ Теріэлѣ затворницей и которую она лишь разъ въ два, три мѣсяца, встрѣчала на улицѣ. Не спросясь у матери, съ полгода назадъ, Эльза навѣстила сестру, увидала и Гражана, затѣмъ побывала еще нѣсколько разъ... И Ренъ попросила однажды дѣвочку болѣе не переступать порога ея дома.

Причиной было замѣчаніе Гражана, что Эльза очень оригинально красива и вскорѣ будетъ даже красавицей, какою Ренъ никогда не бывала.

Эльза этого не знала и, грубо оттолкнутая сестрой, мысленно и сердцемъ отреклась отъ нее... И стала мечтать объ исчезнувшей Марьеттѣ...

И вотъ теперь эта другая сестра явилась... И что̀-же?! Отъ этой сестры уже второй разъ за сутки убѣгаетъ она изъ дому.

И теперь, лежа на травѣ, вспомнивъ и обсудивъ все до малѣйшихъ подробностей, Эльза кончила тѣмъ, что начала плакать, но уже иными слезами, нежели утромъ при встрѣчѣ.

Она оплакивала вторую сестру, которую она такъ же, какъ и старшую Ренъ вторично теряла, но уже хуже, чѣмъ когда-либо обѣихъ. Эту, Марьетту, она навсегда теряла. И всѣ розовыя надежды, которыми она часто утѣшалась въ минуты грусти и нравственнаго одиночества, теперь сразу разсѣялись какъ дымъ.

Наплакавшись досыта, дѣвочка стала спокойнѣе, ей стало будто легче...

Она поднялась, сѣла сгорбившись и упершись глазами въ траву, стала перебирать одну и ту же мысль.

— Да, Этьенъ. Одинъ Этьенъ у меня! И довольно. Можетъ-быть еще... когда-нибудь Фредерикъ. Послѣ Этьена, Фредерикъ самый добрый, самый честный... Надъ нимъ всѣ смѣются — одно это чего сто̀итъ? За одно это я готова любить...

Наконецъ Эльза услыхала шуршанье по травѣ, подняла глаза и увидѣла брата. Мальчикъ, противъ обыкновенія, быстро спускался по покатости, и завидя сестру крикнулъ:

— Хочешь ты сейчасъ fille видѣть одного человѣка, котораго ты любишь? Я его приведу сюда, или ты выходи, прибавилъ онъ приблизясь совсѣмъ.

— Фредерика? выговорила Эльза оживляясь.

— Нѣтъ.

— Такъ кого же тогда?

— Развѣ нѣтъ помимо Фредерика кого-нибудь, кто тебѣ нравится? Ну, недавно сталъ нравиться. Ты вчера мнѣ говорила, что онъ такой же на видъ милый и добрый, какъ нашъ Фредерикъ.

Эльза глядѣла на брата вытаращa глаза.

— Mais le Russe donc!

— Русскій? испуганно заговорила дѣвочка.—Какимъ образомъ? Гдѣ? Я ничего не понимаю...

— Ну? Хочешь ты его видѣть?

— Ты съ ума сошелъ. Вѣдь я его не знаю... Я его только видѣла въ зáмкѣ. Это невозможно...

Но въ эту минуту наверху показался Аталинъ и, добродушно улыбаясь, быстро спускался къ нимъ. Эльза вскочила на ноги, оторопѣла, вспыхнула и глядѣла на спускающагося Аталина, какъ виноватая. Она настолько смутилась и растерялась, что совершенно не понимала того, что̀ онъ заговорилъ уже очутившись предъ ней на подачу руки. Вмѣстѣ съ тѣмъ дѣвочка будто не вѣрила своимъ глазамъ.

— Поняли? прибавилъ Аталинъ, кончивъ.

— Да! тихо и робко отозвалась Эльза, а между тѣмъ она не слыхала ни единаго слова.

— Ну, и отлично... Аталинъ улыбнулся весело.—А покуда сядемте! Какая тутъ прелесть!

Онъ сѣлъ на траву и сталъ озираться кругомъ на рѣку, извивавшуюся внизу, на крутые берега, покрытые сплошь густою зеленѣющею травой съ массой полевыхъ цвѣтовъ, на красную оригинальную и гигантскую сѣть желѣзнодорожнаго моста, громоздившагося надъ ихъ головами.

— Тутъ прохладно, а меня немножко припекло! вымолвилъ онъ.—Что̀ же вы стоите? Садитесь.

Эльза, все еще не оправившаяся отъ смущенія, чопорно сѣла. Этьенъ опустился около сестры и, показывая пальцемъ на Аталина, выговорилъ сурово:

— Tu sais, la fille, ты права! Я понимаю, что онъ тебѣ нравится!

Эльза страшно вспыхнула и оторопѣла вновь.

— Онъ мнѣ вотъ сейчасъ въ четверть часа времени, спокойно продолжалъ—мальчикъ, совсѣмъ понравился! C'est un brave homme, celui là! прибавилъ онъ, показывая рукой на Аталина,

какъ на неодушевленный предметъ.—Онъ умный, у него лицо пріятное. Онъ мнѣ очень нравится!

И вдругъ Этьенъ вымолвилъ, слегка пожимая плечами:

— Et dire... Matin!.. Que c'est un Russe!

Фраза эта была сказана настолько забавно, Этьенъ былъ настолько искренно удивленъ, что Русскій не только такой же человѣкъ, какъ и они, но вдобавокъ симпатичный ему человѣкъ, въ интонаціи его голоса было такое неподдѣльное изумленіе, что Аталинъ невольно началъ хохотать.

И наконецъ всѣ трое начали смѣяться вмѣстѣ, каждый своему.

Аталинъ смѣялся фразѣ и интонаціи Этьена, Этьенъ смѣялся тому, что сестра сидитъ сконфуженная и пунцовая, потому что взята врасплохъ подъ мостомъ. Такое сильное смущеніе рѣдко бывало у сестры и поэтому забавляло Этьена.

Эльза въ свою очередь смѣялась нервно. Послѣ слезъ этотъ смѣхъ звучалъ какъ-то странно, будто рѣзко и фальшиво. А она смѣялась искренно и отъ радости... Ей почему-то было пріятно увидѣть этого Русскаго и вдобавокъ видѣть здѣсь, въ ея любимомъ мѣстѣ, подъ мостомъ.

Здѣсь даже и Фредерикъ никогда не бывалъ!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Гр. Саліасъ.

ГЕБРСКАЯ МОГИЛА.

Верстахъ въ 10—12 отъ Тегерана въ сторонѣ отъ большой дороги, идущей изъ политической столицы Персіи въ столицу ея религіозной жизни Мешхедъ, въ мѣстѣ дикомъ, пустынномъ и необитаемомъ стоитъ знаменитая могила Гебравъ-Кала Гебри. Высокая бѣлая башня, какъ маякъ, высится среди обнаженной каменной дебри; ее видно не только со всѣхъ возвышенностей, окружающихъ Тегеранъ, но даже съ большой дороги, ведущей на囲囲Решть и Казванъ. Каждый мальчишка въ Тегеранѣ знаетъ, что̀ такое и гдѣ находится Кала-Гебри, много говорится о ней въ городѣ и въ окрестностяхъ, но мало найдется такихъ любопытныхъ Тегеранцевъ, которые побывали возлѣ таинственной могилы гебравъ. Немного осталось гебравъ въ Тегеранѣ, но суровые поклонники огня, несмотря на свою малочисленность, пользуясь престижемъ древняго таинственнаго культа, сумѣли окружить таинственнымъ ореоломъ не только самихъ себя, но и свою общую всѣмъ извѣстную, но для всѣхъ недоступную могилу. Много разныхъ сказокъ ходитъ о гебрахъ и объ ихъ полномъ мистеріи культѣ, но еще больше легендъ создано досужею фантазіей Персіанъ по отношенію къ Гебрской могилѣ. Суевѣрный вообще Персіанинъ, кощунствующій подчасъ надъ самимъ Аллахомъ, страшно боится чорта, отъ котораго тщетно старается оберегать себя различными святыми амулетами, получившими освященіе не только на могилахъ шейховъ Имама Ризы, Абдуль-Азима и Непорочной Фатимы, но и на самой гробницѣ Магомета. Гебры, по мнѣнію Персіанина, забывшаго о древней религіи своихъ мудрыхъ предковъ, тѣ же поклонники шайтана; отъ нихъ надо тоже обере-

гаться талисманами, чтобы не оскверниться правовѣрному отъ одного взора на нечистую тварь. Презрѣнная могила презрѣннаго народа оскорбляетъ однимъ своимъ существованіемъ землю, принадлежащую возлюбленному Аллахомъ шіиту,—истинный правовѣрный, гнушающійся всякимъ общеніемъ съ идолопоклонниками, долженъ даже не смотрѣть на могилу проклятыхъ, чтобы не согрѣшить и не лишиться милости пророка, оберегающаго ревниво правовѣрныхъ. Вотъ причина—почему въ самомъ Тегеранѣ всѣ знаютъ могилу Гебравъ, но ничего не знаютъ о ней...

Высокій интересъ, возбуждаемый гебрами и всѣмъ тѣмъ, что̀ относится до ихъ таинственнаго культа, оригинальный способъ погребенія, небольшой рискъ предпріятія и желаніе добыть нѣсколько гебрскихъ череповъ, столь рѣдкихъ въ музеяхъ Европы,— все это заставляло меня во время продолжительнаго пребыванія въ Тегеранѣ сдѣлать попытку посѣщенія Кала-Гебри. Счастливый случай помогъ мнѣ выполнить вполнѣ успѣшно эту не совсѣмъ безопасную экскурсію при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ.

Докторъ Даниловъ, врачъ при нашей миссіи въ Тегеранѣ, давно искалъ себѣ попутчика для посѣщенія Гебрской могилы, и во мнѣ, разумѣется, нашелъ самаго подходящаго. При помощи ловкаго и вполнѣ преданнаго гуляма [1] миссіи, юркаго расторопнаго Перса, главное препятствіе—возможный секретъ задумываемой экскурсіи и добыча лѣстницы, необходимой для достиженія могилы, были устранены совершенно. Гулямъ нашъ отправился съ утра изъ Тегерана въ ближайшую къ Гебрской могилѣ персидскую деревеньку для того, чтобы тамъ заранѣе добыть лѣстницу, а мы, сопровождаемые двумя отчаянными джигитами туркменской конной милиціи, которые ѣхали со мною изъ Асхабада, выѣхали изъ Тегерана часа за три до заката солнца. Джигиты наши были вооружены съ головы до ногъ, да и мы сами прихватили по револьверу на тотъ случай, еслибы намъ пришлось быть застигнутыми Гебрами на могилѣ. Бывали, говорятъ, примѣры, что фанатическіе поклонники огня растерзывали въ куски чужеземца, застигнутаго вблизи ихъ таинственныхъ кладбищъ и заподозрѣннаго въ нарушеніи покоя ихъ общей могилы Предосторожности наши поэтому были очень не лишни, тѣмъ болѣе, что Гебры приходятъ на свои могилы обыкновенно не по

[1] Гулямъ или кавасъ—родъ тѣлохранителя или конвойнаго изъ туземцевъ при миссіи.

одиночкѣ, а гурьбой, и встрѣча съ ними въ такомъ пустынномъ и дикомъ мѣстѣ, какъ каменистая дебрь, окружающая Кала-Гебри, не могла считаться невозможною тѣмъ болѣе, что Гебры уже были насторожѣ.

Мы выбрали для своей экскурсіи день, слѣдующій за праздничнымъ днемъ Гебровъ, въ который эти послѣдніе имѣютъ обыкновеніе посѣщать свои могилы, хоронить усопшихъ и совершать различные таинственные обряды и молитвы надъ усыпальницей своихъ предковъ. Особенная осторожность была предписана гуляму, который и самъ понималъ важность сохраненія въ секретѣ нашей экскурсіи, такъ какъ въ случаѣ открытія месть Гебровъ на него, какъ на Перса, могла обрушиться скорѣе, чѣмъ на защищенныхъ высокимъ престижемъ русскаго имени самихъ виновниковъ преступленія или нашихъ удалыхъ джигитовъ.

Программа наша была выполнена вполнѣ. Еще задолго до заката солнца мы прибыли къ подножію Гебрской могилы; вмѣстѣ съ тѣмъ прибылъ и гулямъ съ лѣстницей, которую привезли два ослика изъ ближайшей деревни. Погонщикъ Персъ, отъ котораго вначалѣ была скрыта цѣль найма лѣстницъ, прибывъ къ страшной бѣлой башнѣ Кала-Гебри, только тутъ ужаснулся и раскаялся въ своемъ участіи въ такомъ страшномъ для него дѣлѣ, какъ посѣщеніе могилы проклятаго и отверженнаго народа. Присутствіе двухъ Русскихъ и ихъ конвойныхъ успокоило нѣсколько Перса на счетъ личной безопасности, и ему оставалось считаться только со своею совѣстью; но совѣсть всякаго Перса очень податлива при видѣ презрѣннаго металла, такъ что нѣсколько лишнихъ крановъ, обѣщанныхъ нашему черводару, побороли скоро его нерѣшительность, и трусливый Персъ, окончивъ сдѣлку со своимъ страхомъ и совѣстью, усердно принялся помогать нашимъ джигитамъ и гуляму въ снаряженіи лѣстницы достаточной для того, чтобы штурмовать неприступную Кала-Гебри.

Вѣрные своимъ древнимъ завѣтамъ Авесты [1] изъ многихъ обрядовъ, завѣщанныхъ ею, сохранили всего болѣе церемоніи, относящіяся до погребенія усопшихъ и вѣчнаго ихъ упокоенія. Смерть, по ученію мудраго Зороастра, была созданіемъ не Ормузда—чистаго свѣтлаго бога добра, а темнаго Аримана—олицетворенія зла; все мертвое, поэтому, есть оскверненіе, нечистота, печать

---

[1] Авеста, Зенд-авеста—книга жизни, библія Персовъ, составленіе которой приписывается Зороастру.

Аримана, которой долженъ чуждаться поклонникъ свѣтлаго Ормузда. Почитатель бога Свѣта и Огня обязанъ былъ очищать не только самого себя, но и самую землю, оскверняемую прикосновеніемъ смерти—дыханія злаго начала, Аримана. Съ большими предосторожностями поэтому какъ древній послѣдователь Зороастра, такъ и современный Гебръ, обращается съ трупомъ, которымъ овладѣлъ Друккъ Насусъ—духъ смерти, исходящій отъ самого Аримана.

Трупы умершихъ животныхъ обыкновенно сожигались, тогда какъ трупы людей погребались такъ, чтобы, по возможности, менѣе осквернялась чистота земли—супруги свѣтлаго Ормузда. „Самая могила Дахма (по словопроизводству „темный") устроялась совершенно особеннымъ образомъ. Мѣсто для нея выбиралось уединенное, сухое, безлѣсное и возвышенное. Вода и растительность иначе могли бы оскверниться нечистотами трупа. Мѣсто предварительно освящалось приношеніемъ жертвы. Вырывалась земля и возводились стѣны; по четыремъ угламъ ихъ и по всему пространству могилы вбивали столбы различной величины, которые служили къ тому, чтобы поверхность дахмы возвышалась надъ землей и трупъ не могъ касаться ея. Все зданіе дахмы дѣйствительно какъ бы висѣло въ воздухѣ, не касаясь земли. Съ тою же цѣлью пространство могилы выкладывалось камнями и затѣмъ воздвигались стѣны. Въ срединѣ могилы дѣлалось отверстіе, прикрытое камнемъ, для того чтобы приходили духи для очищенія трупа... Принесенный въ такую могилу трупъ, совершенно обнаженный, клали такъ, чтобы лицо не было обращено къ восходу солнца, которое служило символомъ Ормузда. Въ могилѣ устроялось, сверхъ того, отверстіе, чтобы трупъ могъ служить пищей собакамъ и птицамъ небеснымъ. А чтобы при этомъ части терзаемаго тѣла не могли попасть па дерево или въ воду, онъ прикрѣплялся къ своему мѣсту за волосы или за ноги... Черезъ пятьдесятъ лѣтъ подобная дахма должна быть совершенно разрушена... Только тогда, когда бренные останки были съѣдены животными или уже обратились во прахъ, можно было выравнять могилу. До этого времени она считалась мѣстомъ сборища дэвовъ (злыхъ духовъ). Это уравненіе могилы, какъ мѣста смерти и нечистоты, называлось уничтоженіемъ смерти и считалось однимъ изъ самыхъ благочестивыхъ дѣлъ... Тотъ, чье тѣло ранѣе другихъ было съѣдено птицами и собаками, считался счастли-

вымъ и блаженнымъ. Каждый мѣсяцъ въ день смерти по умершимъ читались молитвы и снова приносилась жертва..." [1]

Современные Гебры мало уклонились въ своихъ погребальныхъ обрядахъ отъ тѣхъ обычаевъ, которые были узаконены Зендавестой. Ихъ кладбища дехмэ въ принципѣ устраиваются точно такъ же, какъ и въ глубокой древности, но угнетенное положеніе Гебровъ въ самой родинѣ ихъ, Иранѣ, заставляетъ ихъ прибѣгать къ нѣкоторому видоизмѣненію общаго вида могилы. Лучшій образецъ этого представляетъ описываемая нами Кала Гебри, служащая усыпальницей для небольшой колоніи Гебровъ Тегерана.

Представьте себѣ обширную башню сажени три, четыре вышиной и саженей пять, шесть въ діаметрѣ, стоящую на скатѣ обнаженной горы, усыпанной массой камней, расширяющуюся нѣсколько къ основанію и слегка суженную наверху. Башня эта, вымазанная бѣлою краской, совершенно гладка, не имѣетъ ни отверстія, ни входныхъ дверей; единственное сообщеніе съ открытою внутренностью ея производится при помощи привозимыхъ для каждаго случая лѣстницъ. Тегеранскіе Гебры, боясь оскверненія своей усыпальницы со стороны чужеземцевъ и магометанъ, предпочитаютъ каждый разъ, являясь на кладбище, везти съ собою лѣстницу, чѣмъ предоставлять каждому любопытному легкій доступъ къ ихъ дорогой могилѣ. Такъ какъ лѣстница должна быть довольно велика, то весьма трудно привезти ее незамѣтно къ Кала Гебри, тѣмъ болѣе, что Гебры стали гораздо болѣе подозрительны за послѣднее время. Трупы умершихъ парсовъ не втаскиваются, какъ прежде, въ особыя входныя двери, обращенныя къ Востоку, а подымаются при помощи помочей на стѣну, откуда и спускаются во внутренность могилы. Недоступна современная могила Гебровъ и для шакаловъ и собакъ; хотя песъ и считался во времена Зендавесты животнымъ чистымъ, наиболѣе близкимъ къ человѣку, о которомъ Зороастръ сказалъ, что „разумомъ собаки держится міръ", тѣмъ не менѣе современные парсы только птицъ небесныхъ, какъ дѣтей неба и солнца,—живыхъ символовъ великаго Ормузда, считаютъ достойными пожирать трупы, то-есть истреблять зло, вносимое въ міръ темнымъ Ариманомъ. Для нихъ—этихъ желанныхъ помощниковъ Ормузда въ борьбѣ съ нечистотой и мертвечиной,

---

[1] См. Хрисанѳъ. *Религіи древняго міра.* Часть I, стр. 587.

оскверняющею міръ, и оставляетъ современный Гебръ совершенно открытыми только сверху могилы...

Хотя и быстро шли наши приготовленія лѣстницы у подножія гебрской могилы, тѣмъ не менѣе мы безпокоились, такъ какъ солнце было уже очень низко на горизонтѣ. Одинъ изъ джигитовъ и Персъ-черводаръ (погонщикъ) были высланы въ сторону отъ могилы наблюдать за окрестностями и затѣмъ чтобы вблизи не появились неожиданно Гебры... Сложенной лѣстницы оказалось недостаточно; пришлось привязать къ ней простую жердину и нѣсколько поперечныхъ перекладинъ. Съ помощью этого первобытнаго приспособленія мы и полѣзли съ докторомъ Даниловымъ по одиночкѣ на штурмъ бѣлой башни Кала Гебри. Джигитъ и гулемъ поддерживали внизу нашу шатающуюся лѣстницу, а мы съ помощью самыхъ невѣроятныхъ гимнастическихъ и эквилибристическихъ пріемовъ достигли островерхаго края башни, на которомъ и расположились верхами, прежде чѣмъ опуститься внизъ. Едва мы добрались до карниза, какъ изнутри башни словно изъ раскрытой могилы обдало насъ зловоніемъ разлагающихся труповъ, и предъ нашими глазами представилось самое потрясающее зрѣлище...

Послѣдніе лучи догорающаго солнца еле скользили по бѣлой внутренности открытой совершенно сверху башни, оставляя легкій полусвѣтъ на днѣ этой огромной могилы... Болѣе десятка разлагающихся мертвецовъ смотрѣло на насъ оттуда своими провалившимися глазами. Полусогнутые, полусидячіе въ лоскутьяхъ грязныхъ бѣлыхъ савановъ со сложенными и откинутыми костями рукъ и ногъ, они какъ бы выходили изъ своихъ могилъ и наблюдали за живыми людьми, осмѣлившимися нарушать вѣчный сонъ мертвецовъ. Ближе всѣхъ къ намъ виднѣлся небольшой скрюченный трупъ женщины, длинные волосы которой, еще державшіеся на обнаженномъ черепѣ, были придавлены камнями словно для того, чтобъ ихъ не могли унести съ собою птицы или вѣтеръ. Мы начали спускаться въ эту открытую могилу... Недоступная снаружи, она внутри на восточной сторонѣ имѣла каменные удобные сходы, по которымъ мы могли съ удобствомъ сойти внизъ... Предъ нами было подобіе того парсійскаго кладбища дахмы, о которомъ мы дотолѣ только слыхали... Почти вся площадь, окруженная высокими бѣлыми стѣнами, была занята отдѣльными гробничками или могилами. Онѣ устроены были въ видѣ прямоугольниковъ, *образованныхъ выстоящими* и обтесанными камнями

такъ что для каждаго покойника образовывалось отдѣльное углубленіе, а вся площадь общей могилы представлялась сверху въ видѣ ячеекъ сота или шахматной доски. Я насчиталъ болѣе двухъ десятковъ этихъ гробничекъ, но далеко не всѣ были заняты; нѣкоторыя изъ нихъ были уже полуразрушены.

Устройство этихъ отдѣльныхъ гробничекъ или locula было приспособлено не только для изолированія отдѣльныхъ покойниковъ, но и для возможнаго отдѣленія ихъ отъ соприкосновенія съ землей. То же самое дѣлалось и въ древнихъ дахмахъ Зендавесты, гдѣ „каждое отдѣльно мѣсто для трупа отдѣлялось отъ другихъ на два дюйма и пространство между ними прокладывалось мастикой“. Древніе Зенды не облачали только свои трупы саванами и клали ихъ совершенно обнаженными для того, чтобы сдѣлать ихъ доступнѣе всеочищающимъ лучамъ солнца Агурамадзы и птицамъ—его земнымъ дѣтямъ. Вороны, коршуны, а иногда орлы и ястреба посѣщаютъ эти оригинальныя кладбища и питаются приготовленною для нихъ пищей, служа вмѣстѣ съ тѣмъ и помощниками человѣку въ борьбѣ съ сѣющимъ зло и нечистоту на землѣ Ариманомъ. Усопшіе Гебрской могилы, посѣщенной нами, почти всѣ укутанные въ саваны, мѣшавшіе похозяйничать воронамъ—обыкновеннымъ посѣтителямъ могилъ, повидимому, не могли быть причислены къ лику парсійскихъ святыхъ, потому что бренныя тѣла ихъ тлѣли медленно, а птицы мало пользовались ими. Разбросанные трупы тщетно видно ожидали посѣщенія небесныхъ гостей и терзаемые не посланниками Ормузда, а черными дэвами Аримана, представляли видъ тяжелый не для однихъ поклонниковъ Агурамадзы...

Четверть часа мы бродили по этому оригинальному кладбищу, изучая его во всѣхъ деталяхъ и отыскивая наиболѣе сохранившіеся и препарированные черепа. Все поле Гебрской могилы было усѣяно обломками череповъ и длинныхъ костей, разбросанныхъ безо всякаго порядка... Только на южной сторонѣ у подножія стѣны была сложена куча попорченныхъ череповъ и останки изломанныхъ костяковъ. У основанія каменнаго свода мы нашли цѣлую кучу тряпокъ, очевидно остатковъ savановъ, прикрытыхъ тяжелыми камнями. Мой товарищъ кончикомъ палки шевельнулъ эту груду и изъ нея со страшнымъ шипѣніемъ вылѣзла черная змѣя, которая быстро вслѣдъ затѣмъ зарылась снова въ грязную кучу тряпокъ. Змѣя была согнана со своего

гнѣздовья, и ожерелье небольшихъ круглыхъ мягкихъ яицъ ея, величиною съ бобъ, свалилось къ нашимъ ногамъ...

По серединѣ могилы мы наткнулись на сооруженія другаго рода, то былъ небольшой колодезь, прикрытый такимъ тяжелымъ камнемъ, что мы еле могли его сдвинуть вдвоемъ. Глубины этого колодца мы измѣрить не могли, такъ какъ онъ до верху былъ наполненъ совершенно высохшими человѣческими костями, очевидно собранными съ поверхности кладбища. Когда лучи солнца и небесныя птицы—посланники Агурамадзы своими совокупными усиліями очистятъ нечистоту смерти, посланной на человѣка Ариманомъ, тогда останки его, очищенные отъ тлѣнія, могутъ быть отданы породившей человѣка землѣ. Другаго такого же колодца, наполненнаго еще бо̀льшимъ количествомъ костей, мы изслѣдовать не могли, такъ какъ закрывавшій его камень былъ слишкомъ тяжелъ для насъ двоихъ.

На югозападной сторонѣ Гебрской могилы мы усмотрѣли родъ склепа, въ который не преминули и проникнуть съ зажженными свѣчами въ рукахъ. Какое-то непріятное чувство жуткости охватило меня, едва я успѣлъ вскочить туда на груду сухихъ костей, съ трескомъ разсыпавшихся подъ моею ногой. Склепъ состоялъ изъ двухъ горницъ: въ первой—большой мы замѣтили рядъ отдѣльныхъ гробничекъ и въ нихъ трехъ довольно свѣжихъ покойниковъ, закутанныхъ съ головой въ бѣлые саваны. Они еще сохранились настолько хорошо, что не сошла даже кожа на лицахъ одного изъ этихъ мертвецовъ, очевидно женщины съ великолѣпными распущенными волосами, покрывавшими часть савана и лица; она казалось смотрѣла на насъ своими впавшими глазами, приподнявшись на локти и слегка подавшись впередъ головой. Двое другихъ покойниковъ съ бритыми головами лежали съ согнутыми въ колѣнахъ ногами и закинутою назадъ подъ себя правою рукой. Въ этой полутемной усыпальницѣ было сыро и такъ душно, что свѣчи наши наплывали и едва горѣли, а зловоніе настолько сильно, что требовалось все присутствіе духа, чтобе не вернуться тотчасъ назадъ... Мы дошли однако до второй горницы склепа, отдѣленной отъ первой небольшою каменною перегородкой, идущею отъ пола; то была скорѣе не горница, а пещера, дополнявшая первую усыпальницу. Она вся была завалена черепами и остатками костяковъ; тутъ мы могли бы сдѣлать хорошій выборъ антропологическаго матеріала, но присутствіе черныхъ змѣй, шелестѣвшихъ между костями, не позволяло

хладнокровно заняться выборомъ коллекціи. Я опасался не безосновательно и скорпіоновъ, которые разбѣжались по сухимъ костямъ, едва я приподнялъ одинъ изъ камней, составляющихъ преграду. Мы поспѣшили ретироваться и выйти на свѣжій воздухъ, тѣмъ болѣе что огонь потухалъ, атмосфера была ужасающая, и испуганныя летучія мыши, гнѣздившіяся въ этомъ подземельѣ, летали бѣшено взадъ и впередъ, чуть не ударяя мнѣ въ лицо; бѣлыя фуражки и свѣтлыя наши одѣянія вѣроятно сильно дѣйствовали на нихъ.

Когда мы вышли изъ склепа на открытый воздухъ, то при всей своей непривлекательности наружная поверхность могилы показалась намъ живописною и не лишенною своей красоты послѣ мрака, безмолвія и удушающей атмосферы внутренней усыпальницы. Я не знаю, какой смыслъ имѣетъ погребеніе усопшихъ въ этой послѣдней при такихъ условіяхъ, что ни солнце, ни птицы не имѣютъ возможности оказать великой услуги тѣлу усопшаго Гебра, очистивъ его отъ тлѣнія смерти, навѣянной на него духомъ злобы и мрака, Ариманомъ.

Солнце уже заходило, когда мы закончили осмотръ Гебрской могилы и собрались покидать ее. Послѣдніе краснорозовые лучи его играли еще на вершинахъ мрачныхъ безжизненныхъ скалъ, окружающихъ дахму современныхъ Парсовъ. Лица усопшихъ были обращены на западъ, словно для того, чтобы провожать великаго Митру взорами во время его побѣдоноснаго шествія по голубому небосклону. Тяжелыя тѣни падали па дно зіяющей къ небу могилы, еще бѣлѣе казались саваны непогребенныхъ мертвецовъ, еще страшнѣе ихъ заплѣсневѣлыя и покрытыя тлѣніемъ лица; они словно возставали изъ своихъ каменныхъ гробовъ и тянулись кверху вслѣдъ за полосами догорающаго свѣта, покидающаго ихъ темную могилу. Поклонники свѣта и огня и послѣ смерти своей боятся темноты и безмолвія могилы, они лежатъ открыто лицами къ небу, вперяя свои угасшіе взоры туда, гдѣ въ лучезарномъ сіяніи катится солнце—Митра или высочайшая премудрость міра Агурамазда. Пока стоитъ на голубомъ небѣ сіяющее свѣтило дня—глазъ Ормузда, побѣдитель мрака, смерти и тѣней, до тѣхъ поръ и безмолвная усыпальница Гебровъ является мѣстомъ побѣдоносной борьбы начала чистаго и свѣтлаго съ началомъ темнымъ и злымъ. Едва померкнетъ лучезарное свѣтило дня и свѣтлые духи поднимутся въ сіяющіе вѣчнымъ свѣтомъ чертоги Ормузда, какъ злые дэвы мрака и зла изойдутъ

изъ густой тьмы Душака (ада), овладѣютъ землей и на темной могилѣ поклонниковъ свѣта соберутся полчища пайриковъ, друковъ, дэвовъ и другихъ страшныхъ приспѣшниковъ Аримана. Жестокій воитель зла и врагъ души человѣческой страшный Эсмо (Асмодей), демонъ смерти и разрушитель тѣлъ Астовидготусъ, демонъ сна Бюманшта, выдавливающій глаза спящихъ своими длинными руками, демонъ Апаоша, изсушающій землю, зловонный Несусъ—духъ трупной нечистоты, демонъ разврата и волшебныхъ чаръ Іаги, духи зимы, вожделѣнія, зависти, духи болѣзней и скорбей человѣческихъ—всѣ соберутся надъ неочищенною еще могилой Гебра и начнутъ терзать трупы поклонниковъ Агурамазды. Но не долго продолжается торжество міроваго зла Аримана. Лишь въ глухую полночь торжествуетъ онъ свою полную побѣду надъ свѣтомъ и добрыми духами Ормузда; и небо, и земля, и воды, и подземныя вмѣстилища тогда подвластны Ариману, мрачныя дэвы тогда царятъ надъ міромъ и тщетно пытается бороться съ ними поклонникъ Ормузда, возжигая яркіе огни среди полночной темноты. Но крикнетъ первый пѣтухъ, „провозвѣстникъ дня, предвкуситель свѣта, предтеча солнца“ и сметутся мрачные духи ночи... По темному небу пробѣгутъ розовыя полоски свѣта, золотые лучи восходящаго солнца, какъ стрѣлы Ормузда, поражающія демоновъ, прорѣжутъ небесныя выси—и скроются снова въ густой мракъ Душака—дэва ночи, приспѣшника Аримана. Снова начинается свѣтлое царство Ормузда и снова ликуютъ души живыхъ и мертвыхъ поклонниковъ Агурамазды.

Уже совсѣмъ потемнѣли мрачныя громады горъ, окружающихъ Кала-Гебри, когда мы, собравъ нѣсколько лучше сохранившихся череповъ, начали свое отступленіе. Уложивъ черепа въ хуржины (переметныя сумки), которыя спустили внизъ нашему джигиту на веревкѣ, мы благополучно спустились съ бѣлой стѣны, покинувъ могилу Гебровъ на исключительное пользованіе дэвовъ ночи. Лишь только тогда, когда почувствовали себя на вольномъ воздухѣ, внѣ стѣнъ душной могилы, мы успокоились совершенно и поздравили другъ друга съ успѣшнымъ окончаніемъ нашей не совсѣмъ обыкновенной экскурсіи. Тайна нашего посѣщенія Гебрской могилы была сохранена, потому что ни гуляму, ни тѣмъ болѣе Персу, привезшему лѣстницу, изъ видовъ личной безопасности не было никакого интереса хвастаться своимъ участіемъ въ затѣѣ проѣзжаго Москова.

* * *

Хотя большинство современныхъ гебрскихъ могилъ представляютъ видъ башенъ подобныхъ описанной Кала-Гебри, подъ Тегераномъ, тѣмъ не менѣе и доселѣ встрѣчаются болѣе простыя и открытыя могилы, болѣе удовлетворяющія тѣмъ условіямъ, которыя требуются поклонниками Ормузда отъ вѣчной усыпальницы усопшаго. Одну изъ такихъ могилъ совершенно случайнаго происхожденія мы встрѣтили въ горахъ недалеко отъ Мешхеда. Къ югу отъ святаго города Хоросана пролегаетъ большой караванный путь на священный городъ Гебровъ Іездъ, гдѣ до сихъ поръ живетъ самая большая колонія огнепоклонниковъ въ Иранѣ. По этой дорогѣ часто проходятъ по торговымъ дѣламъ Парсы; одному изъ этихъ проѣзжихъ, по всей вѣроятности, и принадлежала воздушная могила одинокая, на которую мы наткнулись случайно.

Могила эта состояла изъ нѣсколькихъ кольевъ, утвержденныхъ при помощи камней такъ, что изъ нихъ образовывался родъ козелъ, на которыхъ покоился слой валежника, бурьяна и сухой травы. На этомъ воздушномъ помостѣ, совершенно отдѣленномъ отъ земли, въ истлѣвшемъ саванѣ съ лицомъ, обращеннымъ на западъ, съ ногами, слегка согнутыми въ колѣнахъ, лежалъ полуразвалившійся скелетъ Гебра, умершаго на дорогѣ и погребеннаго товарищами по всѣмъ правиламъ, предписываемымъ Зендавестой. Могилы подобнаго рода встрѣчаются въ большомъ количествѣ во всѣхъ мѣстностяхъ, обитаемыхъ Гебрами; особенно много встрѣчается ихъ возлѣ ближнихъ селеній огнепоклонниковъ не только въ Иранѣ, но въ Индустанѣ, гдѣ въ настоящее время живетъ всего больше послѣдователей Зороастра. При такомъ способѣ погребенія трупъ умершаго предоставлялся вполнѣ вліянію стихій, и разрушеніе его шло гораздо совершеннѣе и скорѣе, чѣмъ въ каменныхъ могилахъ дехмэ. Лучи солнца—посланники Ормузда сжигали тлѣніе, небесныя птицы помогали имъ въ этомъ, а вѣтры горной пустыни развѣвали самый прахъ на зло сотворившему смерть Ариману. Разрушеніе такой могилы происходило естественно скорѣе, чѣмъ каменныя дахмы, и тѣмъ легче достигалось очищеніе земли отъ трупной нечистоты и совершеніе самаго благочестиваго дѣла—уничтоженіе слѣдовъ смерти, какъ то предписывалось въ Вендидадѣ. [1]

Я помню живо то впечатлѣніе, которое охватило меня и весь нашъ небольшой караванъ, когда мы остановились предъ этою

[1] Вендидадъ—часть Зендавесты, означающая вѣроученіе Зороастра.

безвѣстною воздушною могилой... Лучи хоросанскаго солнца обливали яркимъ сіяніемъ побѣлѣвшій черепъ мертвеца, глазныя впадины, очищенныя отъ тлѣнія, смотрѣли прямо на зенитъ, легкій вѣтерокъ, проносившійся изъ пустыни, развѣвалъ складки савана и шелестилъ тихо совершенно высохшими костями, „прощены грѣхи его, думалось мнѣ словами Вендидада, какіе онъ, безвѣстный поклонникъ вѣчнаго солнца и огня, содѣялъ мыслію, словомъ и дѣломъ; о немъ не будутъ скорбѣть небесныя силы при входѣ его въ небесное жилище". Долго еще помнились мнѣ живо эта воздушная могила, ея полуистлѣвшій мертвецъ, глядящій на солнце, шелестеніе сухихъ костей, и безмолвная пустыня, облежащая вокругъ—такая же мертвая часть природы, такъ же попаляемая солнцемъ, обвѣваемая вѣтрами и шелестящая своими раскаленными песками... пустыня тоже царство Аримана, думалъ древній Парсъ, и думалъ вполнѣ справедливо...

Счастливый случай помогъ мнѣ нѣсколько разъ сходиться ближе съ живыми огнепоклонниками... Немного ихъ осталось въ Персіи—странѣ, бывшей родиной Зороастра, основателя симпатичнаго культа дуализма и какъ послѣдствія его поклоненія огню въ природѣ и на домашнемъ очагѣ... Число Парсовъ, *Гебровъ или Гевбровъ*, какъ замѣчаетъ остроумно одинъ ученый, даже не входитъ въ статистику народовъ Востока. Если справедливы показанія европейскихъ путешественниковъ XVII и XVIII вѣковъ, число Гевбровъ лѣтъ двѣсти тому назадъ не то было въ X вѣкѣ во время путешествія Ибнъ-Гаукаля, когда въ каждой деревушкѣ Ирана былъ храмъ въ честь огня, были жрецы Ормузда и своя священная Зендавеста, въ одной Персіи доходило почти до полумилліона душъ. Христіанство еще ранѣе чѣмъ исламъ нанесло смертельный ударъ религіи Зороастра; изъ позднѣйшихъ изслѣдованій мы знаемъ, что несторіане пронесли свое вѣроученіе не только черезъ весь Иранъ, но до самыхъ отдаленныхъ уголковъ Турана. По всей средней Азіи теперь находятся слѣды этого древняго христіанства, сломившаго силу зендскаго вѣроученія, но въ свою очередь поплатившагося вторженіемъ въ него теософіи Востока. Расшатанный въ своихъ основахъ законъ Зороастра, требующій высокой тѣлесной и духовной чистоты отъ своихъ послѣдователей, разумѣется, не могъ выдержать борьбы съ исламомъ—религіей, смѣшанной изъ вѣроученія

монотеистовъ съ языческими воззрѣніями, религіей, столь пришедшеюся по вкусу разнузданному и развращенному сыну Востока, который давно тяготился высокимъ нравственнымъ кодексомъ Зендавесты. Фанатизмъ ислама, покорившаго не только физически, но и духовно всѣ народы Востока, не удовольствовался полною побѣдой надъ древнѣйшею религіей Ирана, но, объявивъ ее презрѣннымъ язычествомъ, достойнымъ всякаго гоненія, съ замѣчательною энергіей принялся за ея искорененіе. Гоненія на парсизмъ—древнюю родную религію страны были настолько жестоки въ Иранѣ, что немногіе остававшіеся вѣрными ей поклонники Зороастра должны были или скрываться въ неприступныхъ мѣстахъ, или бѣжать за предѣлы Персіи... Гостепріимная Индія, вмѣщающая всевозможные культы, вмѣстила и гонимыхъ поклонниковъ Ормузда. Этимъ обстоятельствомъ и объясняется тотъ фактъ, что въ настоящее время во всей Персіи не насчитывается и десяти тысячъ Парсовъ, тогда какъ въ западной Индіи, преимущественно въ Бомбеѣ, число ихъ доходитъ еще болѣе чѣмъ до 100 тысячъ душъ. Исламъ, вытѣснившій мечемъ и огнемъ ученіе Зороастра, вытѣснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящихъ Парсовъ—потомковъ древняго народа изъ Ирана.

Типъ Гебра, какъ доказываютъ антропологическія изслѣдованія, самый чистый типъ Иранца; на Гебрахъ только и можно изучать угасающій типъ настоящаго Иранца; современные уже Персы также мало имѣютъ общаго съ древними насельниками Ирана, какъ и Арабы въ Египтѣ съ мудрыми Египтянами фараоновъ. Отношеніе Гебровъ къ современнымъ Персіанамъ совершенно такое же какъ и отношеніе Коптовъ (потомковъ древнихъ Египтянъ) къ Арабамъ, составляющимъ главную массу населенія Египта настоящаго времени... Не современный выродокъ древняго славнаго народа Персъ, а гонимый имъ Гебръ, сохранившій чистоту древняго типа и религію своихъ предковъ, можетъ презирать одинъ другаго, какъ невѣрнаго гяура, недостойнаго имени человѣка...

На пути изъ Нишапура въ Себзеваръ я встрѣтился впервые съ небольшимъ караваномъ Гебровъ, ѣхавшихъ изъ Тегерана въ Іездъ. Меня поразили съ одной стороны симпатичный видъ двухъ старѣйшихъ членовъ этого каравана, а съ другой—то незаслуженное презрѣніе, съ которымъ относились къ нимъ многочисленные паломники — Персы, уже носившіе почетную кличку

мешеди.[1] Узнавъ, что презираемые путники принадлежатъ къ Гебрамъ, я тотчасъ же пригласилъ двухъ заинтересовавшихъ меня стариковъ къ себѣ въ гости и предложилъ имъ отвѣдать русскаго чаю. Почтенныхъ Гебровъ видимо очень обрадовало приглашеніе со стороны такого высокаго путника, какимъ кажется въ глазахъ Перса каждый Русскій, а тѣмъ болѣе облеченный какою-нибудь миссіей. И въ то время, когда я при помощи своего джигита-переводчика бесѣдовалъ съ Гебрами, толпа Персіанъ, негодовавшихъ противъ такого предпочтенія, оказаннаго „невѣрнымъ“ и проклятымъ, была, по моему приказанію, разогнана нагайками джигитовъ.

Немного я поговорилъ съ почтенными старикамп-огнепоклонниками, но и того немногаго было достаточно для того, чтобы получить понятіе объ этомъ угнетенномъ, но симпатичномъ народѣ. — Почтенный саабъ (господинъ), говорилъ мнѣ старый Гебръ,—напрасно насъ считаютъ безбожными язычниками мусульмане; у насъ тоже есть Аллахъ тотъ же самый, что̀ и у всѣхъ другихъ людей; ему мы и творимъ молитвы... Не огонь—нашъ богъ, какъ думаютъ наши враги, не хотящіе понимать мудраго ученія, завѣщаннаго намъ предками, а тотъ же предвѣчный, которому молится мусульманинъ, Еврей и христіанинъ... Великій Хармузъ (очевидно испорченный Агурамадза) смотритъ на насъ лучезарнымъ солнцемъ съ неба, его палящіе лучи горятъ и въ кострахъ земнаго огня... Христіанинъ и мусульманинъ возжигаютъ огни въ своихъ храмахъ, зажигаемъ ихъ и мы въ честь и славу Хармуза, но не кострамъ и свѣтильникамъ молимся мы...

Съ удивленіемъ слушалъ я эту исповѣдь стараго Гебра, и иные горизонты открывались предо мною. Мнѣ яснѣе становилось міросозерцаніе древнихъ поклонниковъ огня, мнѣ казалось, что я лучше и вѣрнѣе постигалъ сущность ихъ таинственнаго ученія, которое извращено было многими изслѣдователями въ безсмысленный и исключительный культъ огня, какъ бога и его проявленіе. Мнѣ вспомнилось, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ глубинѣ Малой Азіи среди массы сказаній и легендъ, связанныхъ съ вѣроученіемъ іезидовъ—таинственныхъ поклонниковъ дьявола, я доискался до той свѣтлой мысли, которая даетъ иное болѣе логическое и разумное освѣщеніе этому безсмысленному

---

[1] Мешеди—человѣкъ, побывавшій въ Мешхедѣ, паломникъ Мешхеда.

на первый взглядъ культу. [1] Въ словахъ стараго Гебра я слышалъ такое же откровеніе; принципъ монотеизма высказывался довольно рельефно въ опредѣленіи сущности современнаго ученія парсизма, быть-можетъ, и выродившагося, но за то болѣе понятнаго и приближающагося къ монотеизму. Какъ не былъ высшимъ божествомъ у іезидовъ дьяволъ, такъ точно у современныхъ гебровъ стихіи свѣта и огня не являются настоящимъ богомъ, который мыслится стоящимъ далеко внѣ міра и его явленій. Позднѣйшее мое знакомство съ принципами ученія огнепоклонниковъ еще болѣе убѣдило меня въ томъ, что они приблизились совершенно къ монотеизму, что дуализмъ Зендавесты выпалъ изъ ихъ катехизма, и что единый Ормуздъ, признаваемый высшимъ божествомъ, у современныхъ Гебровъ получилъ свойства и значеніе мусульманскаго Аллаха. Нѣтъ сомнѣнія, что на измѣненія основныхъ вѣрованій послѣдователей Зороастра повліяло какъ христіанство, такъ и исламъ, но вслѣдствіе этого измѣненія нельзя считать современныхъ Гебровъ такими дикими язычниками, какими могли считаться поклонники огня, но не почитатели единаго бога. Катехизисъ современнаго Парса во многихъ отношеніяхъ даже выше мусульманскаго Корана, измѣненное вѣроученіе Авесты по своимъ моральнымъ принципамъ приближается даже къ христіанству... Вѣра въ безсмертіе, спасеніе черезъ добрыя дѣла, соблюденіе чистоты души и тѣла, милосердіе и любовь къ ближнему—вотъ главныя морали, проповѣдуемыя катехизисомъ современнаго послѣдователя Зендавесты.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Елисѣевъ.

[1] См. мою статью *„Среди поклонниковъ дьявола“*. 1888 г., *Свв. Вѣст.*

ПУСТЫНЯ[1]

(Съ восточнаго.)

Пустыня покоряетъ міръ—
Весь міръ не покоритъ пустыни.
Смотри, какъ къ гибельной пучинѣ
Пески несутся, какъ на пиръ;
И жадно пьютъ въ соленой тинѣ
Моря̀, какъ ро̀су, какъ туманъ—
Они погло̀тятъ океанъ,
Ему же не залить пустыни...

Смотри, какъ горы къ небесамъ
Превознесли свои твердыни:
Въ самоувѣренной гордынѣ
Онѣ противятся вѣкамъ.
Но ужъ пески къ самой вершинѣ
По склонамъ ихъ, по ихъ бокамъ
Ползутъ, равняя ихъ къ стопамъ—
Чтобъ не царили надъ пустыней.

---

[1] Оригинальность замысла, просвѣчивающая въ стихотвореніи, требуетъ нѣкотораго разъясненія. Она, по всей вѣроятности, имѣетъ отношеніе къ нивеллирующимъ стремленіямъ вѣка, грозящимъ поглотить все высокое и прэкрасное и свести его къ общему уровню посредственности и безсмысленности. *Ред.*

Вонъ, одолѣвъ мертвящій зной,
Среди пылающаго ада,
Деревъ и зелени прохлада,
И райскій ключъ воды живой...
Но нестерпима ихъ отрада
Всесожигающимъ пескамъ:
Чтобъ было „ровно“ здѣсь и тамъ,
Имъ пальмъ, озеръ, травы—не надо.

Судебъ радѣя торжеству,
Они идутъ, они подходятъ;
Они вкругъ пальмъ зловѣще бродятъ —
Мертвятъ отрадную траву;
Крутясь, взвиваются къ вершинѣ;
Пьютъ воду сладкую ключей--
И вотъ—ни травки, ни вѣтвей! —
Побѣдно шествуетъ пустыня.

Возстань же къ битвѣ, человѣкъ!
Не дай вѣнца стихійной силѣ;
Въ борьбѣ и подвигѣ—твой вѣкъ:
Пусть тѣ спокойны, кто въ могилѣ.

Н. Шепелевъ

СТАРЫЕ СЧЕТЫ.

Повѣсть.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XIII.

Нѣсколько дней спустя, Варнавины, по дѣламъ, уѣхали въ Петербургъ и ночевали въ городѣ. Случай выпалъ какъ на заказъ и Варя, конечно, не упустила его. Весь вечеръ она бродила со своимъ героемъ въ уединенныхъ аллеяхъ парка или сидѣла на берегу рѣки. Онъ говорилъ и рѣчи его запали глубоко ей въ душу.

— Извѣстно ли вамъ, что̀ называется *палимпсестъ?* спросилъ, между прочимъ, Степанъ.

— Да, около... Это, если не ошибаюсь, новая рукопись, поддѣланная подъ древнюю.

— Нѣтъ, не совсѣмъ. Это скорѣе двѣ рукописи, изъ которыхъ позднѣйшая убила и схоронила старѣйшую, чтобы занять ее мѣсто. Собственно говоря, это пергаментъ, съ котораго старыя, драгоцѣнныя писмена были вытравлены рукой, незнавшею ихъ цѣны, съ единственною цѣлью добыть дешевый письменный матеріалъ. Вымытые и вытертые шершавымъ камнемъ, листы потомъ употреблялись вторично, и люди на нихъ писавшіе, конечно, не воображали, что уничтоженный ими текстъ неизмѣримо дороже того, которому онъ былъ вынужденъ уступить свое мѣсто. Старыя письмена однакоже не пропали. Чернила, которыми они

были писаны, такъ глубоко проникли въ пергаментъ, что незамѣтнымъ образомъ измѣнили его составъ. Рукопись просто спряталась и, какъ свидѣтель насилія, сдѣланнаго надъ ней, ждала минуты когда ее позовутъ на судъ, чтобы датъ свое показаніе противъ узурпатора. Столѣтія проходили надъ ней, а она все ждала, какъ мертвый ждетъ своего воскресенія. Пришла наконецъ пора, когда слѣды ея были замѣчены и съ помощію химическихъ реагентовъ она была возстановлена... Вотъ что̀ называется *палимпсестомъ*, но вы, конечно, догадываетесь, что я не даромъ о немъ говорю... Варвара Ѳедоровна („Варя", поправила дѣвушка)... Варя, нѣчто подобное произошло и съ моею вѣрой. Когда-то, въ точности не припомню когда, но навѣрное уже больше двѣнадцати лѣтъ, она оказалась въ противорѣчіи съ новымъ, основаннымъ на другихъ началахъ міровоззрѣніемъ и, какъ ненужность, задерживающая умственное развитіе, вытравлена, повидимому, безслѣдно. Къ стыду своему, признаюсь, я не только о ней не жалѣлъ, но даже былъ радъ, что я отъ нея избавился. Съ одной стороны, я смотрѣлъ на нее, какъ на тормазъ, стѣсняющій мысль, съ другой, не могъ и представить себѣ, чтобъ она когда-нибудь мнѣ понадобилась. А между тѣмъ безпечные годы молодости прошли и ударъ за ударомъ, одинъ непредвидѣннѣе другаго, начали попадать въ мою голову... Бѣгство и вмѣстѣ разлука со всѣмъ, что̀ мнѣ было дорого здѣсь въ Россіи, потомъ скитаніе по чужбинѣ безъ дѣла, потомъ тяжелая рана и плѣнъ, три года безо всякихъ извѣстій отъ васъ, и наконецъ тюрьма... До этого я бодрился еще, но когда меня окончательно заперли и надежда на освобожденіе стала меня покидать, я наконецъ почувствовалъ, что для борьбы съ отчаяніемъ мнѣ чего-то недостаетъ. „Покинутъ и позабытъ", шепталъ мнѣ суровый голосъ, „и некому жаловаться, потому что въ природѣ нѣтъ жалости къ своимъ дѣтямъ. Какое дѣло веснѣ до прошлогоднихъ листьевъ, когда у нея больше чѣмъ нужно новыхъ?"... Это былъ голосъ новаго моего міровоззрѣнія, но почему-то онъ мнѣ казался теперь жестокъ и бездушенъ. „За что̀ же", спрашивалъ я себя, „такой обманъ? Зачѣмъ въ моемъ сердцѣ любовь и жалость, когда я самъ не дорогъ рѣшительно никому и никому во всей вселенной меня не жаль?"... Это былъ ропотъ, хотя я и самъ себѣ не давалъ отчета противъ кого, но сколько я ни старался себя убѣдить, что онъ безсмысленъ, это не удавалось... Тогда я вспомнилъ, что не всегда было такъ... Тогда и утѣшенія Мери Питерсъ пріобрѣли

для меня особенный смыслъ. Она была не меньше меня несчастна, но эта простая дѣвушка, не взирая на политическія ея заблужденія, представляла въ моихъ глазахъ великій народъ, который весь, отъ мала и до велика, сберегъ отцовскую вѣру въ цѣлости. Какъ вамъ сказать, что̀ я чувствовалъ предъ ней? Прежде всего, мнѣ, Русскому, бросившему свое отечество и измѣнившему своей вѣрѣ, стало стыдно предъ неколебимою твердостью этой гражданки Сѣверной Каролины... Съ этого началось, но понятно, что я не могъ на этомъ остановиться. Въ минуты унынія и отчаянія, когда она говорила мнѣ со слезами жалости о моей потеряной вѣрѣ, совѣсть напоминала мнѣ, что я когда-то выбросилъ изъ души, какъ ненужность, самое драгоцѣнное, что̀ въ ней было... Варвара Ѳедоровна...

(— „Варя", поправила она еще разъ).

— Варя, мой другъ, вы знаете чего ради изъ нашихъ сердецъ вытравляется преемственный текстъ, знаете это тупое, холодное міровоззрѣніе, выдающее себя за послѣднее слово науки, которая никогда не признавала его своимъ; но едва ли вамъ такъ же ясно какъ мнѣ, что эта работа, сдѣлавшая изъ насъ „палимпсесты", была напрасна. Мнѣ, потерявшему, какъ я думалъ, безслѣдно старую свою вѣру, стоило только вспомнить и пожалѣть о потерянномъ, чтобы найти его въ своемъ сердцѣ, какъ древнія письмена на вытравленномъ пергаментѣ. Вѣрно вамъ говорю: для человѣка легче забыть свой родной языкъ, промѣнявъ его, унаслѣдованныя изъ незапамятной древности, гибкія и живыя формы на какую-нибудь мертворожденную филологическую стряпню, чѣмъ погасить въ себѣ свѣтъ, который одинъ осмысливаетъ для насъ нашу, иначе глупую и безцѣльную, жизнь. Мы можемъ его не сознавать, какъ дѣти не сознаютъ прирожденныхъ имъ грамматическихъ формъ, но думать, что мы въ состояніи обойтись безъ него, не оглохнувъ и не ослѣпнувъ въ высшемъ значеніи слова, можетъ лишь тотъ, кто слишкомъ спѣсивъ, чтобы вѣрить въ Бога, какъ вѣритъ въ него простолюдинъ...

— Въ Америкѣ? подсказала Варя.

— Нѣтъ, не въ одной Америкѣ, а вездѣ, гдѣ народъ еще цѣлъ и здоровъ. Я привелъ вамъ въ примѣръ американскій народъ потому, что въ немъ нѣтъ нашего глупаго, европейскаго чванства. Тамъ президентъ союза, судья, литераторъ, медикъ и адвокатъ не стыдятся простонародной вѣры. Отъ этого и народъ не чуждается ихъ, какъ нашъ чуждается нашей выхоло-

щенной интеллигенціи. Онъ понимаетъ и любитъ ихъ, составляетъ съ ними одно нераздѣльное цѣлое. Да, другъ мой, дѣло общественное имѣетъ смыслъ только тамъ, гдѣ все общество любитъ, и вѣритъ, и думаетъ, какъ одинъ человѣкъ.

— Однако, война, въ которой вы принимали участіе, не свидѣтельствуетъ объ очень большомъ единодушіи, замѣтила дѣвушка.

— Варя, мой другъ, вы немножко поймали меня, сказалъ улыбаясь Степанъ,—„*mais distinguons*“... Эта война была не разладъ народа съ его интеллигенціей, а ликвидація стараго счета, ошибки, сдѣланной въ основной конституціи. Рознь была не въ народѣ, а между правительствами—съ одной стороны Союза, съ другой отдѣльныхъ штатовъ, отстаивавшихъ свои исконныя политическія права. У частнаго человѣка, въ предѣлахъ южной конфедераціи, не было выбора. Оставалось или повиноваться правительству своего штата или, какъ дѣлали негры, бѣжать изъ него и записаться солдатомъ въ армію Сѣвера. Всѣ въ Америкѣ понимали это и отъ этого тамъ, послѣ побѣды Сѣвера, не было ни преслѣдованій, ни конфискацій, ни казней. Частнаго человѣка не трогали, а правительствамъ штатовъ поставлено было только одно условіе для возврата въ Союзъ на полныхъ правахъ:—отмѣна рабства. Это былъ справедливый minimum, и какъ ни ершились рабовладѣльцы, какъ ни враждуютъ они еще и теперь противъ Сѣвера, а повѣрьте, что не успѣетъ сойти со сцены и одного поколѣнія, какъ простая сила вещей заставитъ ихъ покориться суду исторіи.

Варя была обезоружена, но въ головѣ у нея остался еще одинъ невыясненный вопросъ.

— А помните, что̀ вы говорили вечеромъ, въ день пріѣзда? Вы говорили, что духъ народной жизни въ Америкѣ вамъ претитъ и что не дай Богъ Русскому, незнакомому съ ея сложною механикой, попасть туда въ передѣлку.

— Да, отвѣчалъ Степанъ;—но что̀ же дѣлать, если мы, Русскіе, созданы иначе, чѣмъ они? Мы можемъ завидовать издали ихъ богатству, энергіи, предпріимчивости и свободнымъ ихъ учрежденіямъ, но мы неспособны къ ихъ каторжному труду и слишкомъ лѣнивы, чтобы жить, какъ они живутъ, въ недремлющей, неустанной погонѣ за всякимъ, даже обманчивымъ шансомъ наживы. Натура ихъ, унаслѣдованная отъ хорошо намъ знакомой англо-саксонской расы, содержитъ послѣднее слово

дурныхъ и хорошихъ качествъ этой послѣдней. Въ корнѣ своемъ—это натура хищная, тогда какъ мы, Русскіе, ближе сродни травояднымъ. Мы кротки, незлобивы и способны къ отпору только большими массами; а тамъ у всякаго на душѣ самосудъ и за пазухой ножъ или револьверъ. Понятно поэтому отчего общеніе съ ними для нашего брата, лѣниваго и безпечнаго Русака, такъ утомительно. Приходится жить постоянно на сторожѣ и ощупывать свой карманъ, словно попалъ въ компанію шулеровъ или острожниковъ. Въ Америкѣ нѣтъ такой отрасли экономическаго труда, нѣтъ промысла или профессіи, отъ которыхъ не пахло бы духомъ рискованной и нерѣдко безсовѣстной спекуляціи. Даже и земледѣліе въ этомъ смыслѣ не составляетъ изъятія.

— Однако, портретъ вашъ не очень польщенъ!

— Что̀ жь дѣлать, мой другъ? Рисуя характеръ народа, какъ цѣлаго, я не въ правѣ былъ обойти молчаніемъ его темныя стороны, но хорошее за дурное, я долженъ еще разъ вамъ подтвердить, что это великій народъ.

— Съ которымъ однако вы не хотѣли бы жить?

— Признаюсь, нѣтъ. Да и какая крайность? У меня, слава Богу, есть свой, при всѣхъ его недостаткахъ гораздо болѣе милый сердцу.

— Голубчикъ, Степанъ Никитичъ, сказала Варя,—мнѣ это очень пріятно слышатъ; только не знаю на долго ли хватитъ вамъ вашего родственнаго расположенія. Радость скитальца, послѣ несчетныхъ тревогъ и невзгодъ вернувшагося домой, дѣлаетъ васъ снисходительнымъ, но боюсь и подумать, что̀ будетъ позже, когда, вглядѣвшись, вы убѣдитесь, что за семь лѣтъ мы ничего не выиграли, если не потеряли, сравнительно съ тѣмъ, что̀ было на вашей памяти.

Степанъ понурилъ говолу, словно припоминая другія, лучшія времена; но не прошло и минуты какъ отуманенный взоръ его просіялъ и съ любовью остановился на дѣвушкѣ.

— Чтобы быть справедливымъ къ новому, сказалъ онъ,—я долженъ прежде всего забыть, что я не имѣю въ немъ болѣе своей доли. Наединѣ это очень трудно; но страннымъ образомъ, возлѣ васъ я какъ-то совсѣмъ и не думаю о своихъ потеряхъ. Когда я гляжу на васъ и слушаю васъ, семь лѣтъ исчезаютъ изъ памяти моей такъ безслѣдно, какъ будто я никогда и не уѣзжалъ. Возлѣ меня попрежнему что-то невыразимо милое, дорогое, и ни малѣйшей

мысли о томъ, что я потерялъ его навсегда. На сердцѣ опять весна; въ немъ оживаютъ, какъ травка на солнцѣ, иззябшіе и поблекшіе лепестки надежды.

Клевенская вспыхнула до ушей и въ смущеніи опустила глаза.

— Простите, что я говорю вамъ подобный вздоръ, продолжалъ Степанъ.—Въ душѣ я и самъ себя за него ругаю, но что̀ же мнѣ дѣлать, если судьба, отнявъ у меня мое личное счастье, не догадалась прибавить ума? ...Чувствуешь, что дурачишь себя, а совладать съ собою нѣтъ силъ... Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ васъ за сестру, я околдованъ.

Въ минуты смущенія, когда свѣтская выправка ей измѣняла, Варя была въ самомъ дѣлѣ очаровательна. Она улыбнулась, но сквозь улыбку видно было, что въ головѣ у нея идетъ кругомъ.

— Развѣ я такъ на нее похожа? наивно спросила она.

— Страшно! сказалъ Степанъ.

Опять задача! Она никакъ не могла понять, что̀ собственно страшно.—Неужели боится опять принять ее за Наташу?..

* * *

Клеванская озиралась, но въ паркѣ, по близости, не видать было ни души и въ чащѣ высокихъ красивыхъ деревъ становилось темно. ...Первая встрѣча ея съ Почаевымъ и недавній сонъ какъ-то разомъ пришли на память.

— Однако, мы засидѣлись! сказала она. — Ну и комаровъ!.. Уйдемте, а то они совсѣмъ меня заѣдятъ.

— Какъ тутъ тихо! замѣтилъ Степанъ уже на обратномъ пути. —Минутами, когда неба не видно изъ-подъ навѣса вѣтвей, можно представить себя въ дремучемъ лѣсу.

А между тѣмъ вдали мигали уже огоньки и урывками можно было разслушать фуги Штраусовскаго оркестра.. Залитый свѣтомъ вокзалъ и медленно движущаяся въ своемъ водоворотѣ толпа воротили ихъ окончательно въ Павловскъ.

— Когда они будутъ назадъ? спросилъ Почаевъ.

— Завтра, къ двѣнадцати...

Пустая пролетка попалась имъ у воротъ и черезъ десять минутъ они сидѣли за ужиномъ.

Съ этого вечера онъ замѣтилъ въ Клеванской странную перемѣну. Развязность ея пропала, и въ рѣдкихъ случаяхъ, когда они оставались наединѣ, съ ней трудно было поддерживать разговоръ. Начнетъ что-нибудь и вдругъ замолчитъ, какъ будто у ней

не хватало словъ или то, что̀ она собиралась сказать, испугало ее. Въ такія минуты у ней появлялся робкій, не то вопросительный, не то умоляющій взоръ, а усмѣшка напоминала Степану былые годы, когда еще ребенкомъ она ласкалась къ нему... И сердце ея героя таяло.

— Что̀ же вы замолчали? спросилъ онъ однажды, взявъ ее за руку.—Словно у васъ на душѣ что-нибудь, чего вы, жалѣя меня, не хотите сказать.

— Нѣтъ, отвѣчала она, опуская глаза:—если мнѣ жаль кого-нибудь, то не васъ, а себя.

И сбитый столку Степанъ терялся въ недоумѣніяхъ.

XIV.

Скоро послѣ того, какъ Варнавины воротились, ихъ лѣтній сезонъ былъ открытъ и къ нимъ въ Павлоскъ начали наѣзжать пріятели. Почаевъ составилъ нѣсколько новыхъ знакомствъ литературнаго рода, но очень различной величины, отъ автора анонимныхъ статей по случайнымъ вопросамъ науки, политики и искусства до заслуженныхъ писателей съ именемъ, какъ напримѣръ, нашъ знаменитый поэтъ Платонъ Алексѣевичъ Слѣпневъ и даровитая романистка Анна Михайловна Стаева. Всѣ были знакомы въ общихъ чертахъ съ политическимъ формуляромъ Степана и относились къ нему, какъ къ обломку славной эпохи, съ подчеркнутымъ уваженіемъ. Но это была особенная порода людей и обхожденіе съ ними требовало нѣкоторой сноровки, ибо претензіи ихъ, хотя и занузданныя приличіемъ, обыкновенно далеко превосходили ихъ ростъ.

— Ты можешъ не превозносить ихъ въ глаза, объяснялъ Варнавинъ,—это они охотно тебѣ простятъ, такъ какъ это можно себѣ объяснить застѣнчивостью обыкновеннаго смертнаго въ присутствіи знаменитости; но если ты, въ ихъ присутствіи, отзовешься сочувственно о талантѣ, успѣхъ котораго имъ завиденъ, то будь увѣренъ, что ты себѣ нажилъ врага, хотя бы ты въ простотѣ души и представить себѣ не могъ на какую чувствительную мозоль ты ему наступилъ. Другъ съ другомъ они весьма осторожны на этотъ счетъ и отъ этого, когда они сходятся, ты такъ рѣдко услышишь отъ нихъ серьезную, искренную оцѣнку какого-нибудь выдающагося таланта или произведенія; а

пробавляются болѣе сплетнями. Разскажутъ тебѣ, напримѣръ, фіаско какого-нибудь журнальнаго предпріятія изъ-за того, что издатель, запутавшійся въ долгу у своихъ сотрудниковъ, вынужденъ былъ печатать бездарные ихъ труды, или ссору извѣстныхъ писателей,—глупости изъ-за которыхъ они разошлись, и другія глупости, которыя были при этомъ сказаны,—поднимутъ на смѣхъ какой-нибудь мелкій промахъ въ послѣдней ихъ повѣсти,—представятъ въ лицахъ, какъ къ нимъ подъѣзжали съ липкими предложеніями и отъѣхали нéсолоно хлебавши... Я впрочемъ люблю ихъ послушать, такъ какъ иные изъ нихъ мастерскіе разскащики. Анна Михайловна, напримѣръ,—или Хлюдовъ... Замѣтилъ ты Хлюдова? Онъ обѣдалъ у насъ въ воскресенье и я тебѣ его называлъ... Если нѣтъ, то обрати на него вниманіе; ибо это не обыденный типъ. Хлюдовъ доцентъ политической экономіи, очень недавно еще читавшій лекціи съ полною аудиторіей, но потерявшій каѳедру яко бы за свои радикальныя убѣжденія,—въ дѣйствительности же за злой языкъ, не щадившій рѣшительно никого. .... Барыни наши о немъ высокаго мнѣнія и ухаживаютъ за нимъ какъ за оракуломъ.

Степанъ уже слышалъ о Хлюдовѣ отъ сестеръ, но собственныя его наблюденія плохо оправдывали понятіе, которое онъ составилъ себѣ со словъ Варнавиной и Клеванской. Наружность „оракула" не имѣла въ себѣ ничего внушительнаго; это былъ средняго роста мужчина, лѣтъ тридцати, съ чрезвычайно подвижнымъ, но какъ-то болѣзненно-оживленнымъ лицомъ. Худыя плечи и впалая грудь, густые русые волосы съ рыжимъ отливомъ, маленькая бородка и сѣрые, безпокойно-бѣгающіе глаза, въ минуту сильнаго возбужденія выкатывающіе бѣлки. Попытки заговорить съ нимъ не удавались. Въ добавокъ, онъ произвелъ на Почаева непріятное впечатлѣніе человѣка, стоящаго неусыпно на стражѣ собственнаго достоинства и опасающагося, чтобы кто-нибудь его не унизилъ. Все это странно противорѣчило слышанному; однако, новый знакомый Степана не долго оставилъ его въ недоумѣніи.

Послѣ обѣда, за кофеемъ, у Варнавина оказалось какое-то дѣло со своимъ оффиціальнымъ редакторомъ, и они ушли въ кабинетъ, оставивъ общество на балконѣ нижняго этажа... Двумъ барынямъ нетерпѣлось выдвинуть Хлюдова, чтобы старый ихъ другъ могъ самъ его оцѣнить; но „оракулъ", рѣдко отказывавшійся отъ чести быть запѣваломъ общаго разговора, на этотъ

разъ имѣлъ недовольный, скучающій видъ и едва скрывалъ, что присутствіе посторонняго человѣка его тяготитъ. Напрасно Степана заставили говорить о положеніи негровъ послѣ войны, разсчитывая, что этотъ вопросъ не можетъ быть безразличенъ для спеціалиста, читавшаго лекціи политической экономіи. Онъ хмурился и молчалъ, поглядывая украдкой въ садъ, какъ волкъ, высматривающій куда бы ему улизнуть отъ своихъ преслѣдователей. Но когда Варнавина, раздосадованная, стала жаловаться на равнодушіе Русскихъ къ урокамъ исторіи, словно они считаютъ себя чужими въ семьѣ народовъ,—онъ вытаращилъ бѣлки и, не дослушавъ, рѣзко ее перебилъ.

— Исторія, сказалъ онъ,—если искать въ ней не протокола глупостей человѣческихъ, а уроковъ для будущаго, отъ Рождества Христова, не оправдала еще ни одной изъ возложенныхъ на нее надеждъ. Поэтому лучше поставить надъ нею крестъ и начать, не теряя времени, что-нибудь новое.

— А! наконецъ-то васъ прорвало! сказала Наташа, очень довольная, что ей удалось его раздразнить.—Ну, пусть будетъ такъ. Только я очень боюсь, чтобы ваше новое, если оно не захочетъ знать стараго, не заставило ждать себя еще тысячу лѣтъ,—такъ какъ собственныхъ опытовъ у него еще нѣтъ; а пророки его между собою на ножахъ.

— Я не пророкъ, отвѣчалъ озлобленно Хлюдовъ.

— Ну, а вы, Степанъ Никитичъ; скажите намъ откровенно, что̀ вы объ этомъ думаете?

— Какъ вамъ извѣстно, сказалъ улыбаясь Степанъ,—я не прочь отъ новой исторіи, и былъ бы даже горячимъ ея сторонникомъ, еслибъ она дала какое-нибудь ручательство, что она не начнетъ съ петролейщинъ и динамитчиковъ, такъ какъ съ подобными зодчими трудно будетъ создать что-нибудь раціональное.

Барыни обернулись къ Хлюдову, въ полной увѣренности, что сію минуту начнется горячій споръ; но ихъ оракулъ, блѣдный отъ закипающаго въ немъ раздраженія, всталъ и, не удостоивая ни словомъ общество, ожидавшее отъ него поученія, медленною походкой ушелъ въ садъ.

Усмѣшка исчезла на лицахъ и Варя, тревожно переглянувшись съ сестрой, послѣдовала за уходящимъ.

— Что̀ это съ нимъ? спросилъ удивленный Степанъ.—Онъ словно обидѣлся тѣмъ, что̀ я говорилъ, хотя, кажется, я не сказалъ ничего, что̀ онъ могъ бы принять на свой счетъ.

— О! вы на тысячу верстъ отъ истины! перебила Наташа съ какою-то странною усмѣшкой.—А у меня языкъ не повертывается ее назвать, до какой степени это глупо... Она смотрѣла ему въ глаза.—Скажите, произнесла она медленно,—вы не догадываетесь, что онъ васъ ревнуетъ къ Варѣ?

Степанъ подскочилъ, словно его хватили полѣномъ по головѣ.

— Да чтò онъ, съ ума сошелъ? спросилъ онъ, понизивъ голосъ и инстинктивно оглядываясь въ ту сторону, куда удалился Хлюдовъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Варнавина,—настоящимъ образомъ не сошелъ; а такъ себѣ, какъ говорятъ кучера, „заскакиваетъ"... Ну, нечего дѣлать, приходится вамъ объяснить: ...Между нами, бѣдняга давно влюбленъ въ нее и дѣлалъ ей раза два предложеніе, но получалъ отказъ, который, къ несчастію, не отрезвилъ его. Обидится нà смерть и пропадетъ на нѣсколько мѣсяцевъ; а потомъ, глядишь, не вытерпѣлъ и зашелъ въ редакцію, какъ сотрудникъ, съ какою-нибудь статьей... Сестра секретарь, я издательница ....положеніе глупое... Можетъ-быть мы и дурно дѣлали, но признаюсь, у насъ не хватало жестокости запереть ему дверь ....Думается, хотя и „заскакиваетъ", а все-таки дѣльный и работящій, въ корнѣ порядочный человѣкъ... Она вздохнула.— Къ несчастію, онъ не партія для сестры.

Степану стало неловко и что-то внутри шептало ему: „молчи", но любопытство было сильнѣе благоразумія, и, помолчавъ, онъ спросилъ таки:—почему?

Варнавина заглянула ему въ глаза, не совсѣмъ увѣренная, удобно ли дальше идти. Однако, съ разбѣгу трудно было остановиться.

— Какъ вамъ сказать? отвѣчала она,—прежде всего, разумѣется, потому, что она не чувствуетъ къ Хлюдову никакой особенной нѣжности; но плохо также и то, что ни онъ, ни она, не обезпечены. Онъ въ настоящее время безъ каѳедры, перебивается изо дня въ день журнальнымъ трудомъ и случайно перепадающими уроками; а Варя имѣетъ всего 600 рублей въ годъ, какъ секретарь редакціи, и въ будущемъ ничего, кромѣ пенсіи, да и то только въ случаѣ, если не выйдетъ зàмужъ.

Степанъ не хотѣлъ сознаться себѣ, что онъ сильно заинтригованъ, но въ головѣ у него бродило что-то, съ чѣмъ онъ не могъ бороться, и это что-то неудержимо толкало его впередъ.

— Все же, какъ я понимаю, дѣло его не безнадежно, сказалъ онъ.—Нѣжныя чувства могутъ придти и позже; а средства, если, какъ вы говорите, это способный и энергическій человѣкъ...

— „Съ заскокомъ", шутя подсказала Наташа.—Вы видѣли, что̀ за характеръ!.. Съ такимъ характеромъ мудрено разжиться, но очень легко нажить враговъ.

* * *

Тѣмъ временемъ, по другую сторону дома, въ аллеѣ жимолостей, акацiи и сирени, шелъ разговоръ совершенно другаго рода.

— Игнатій Петровичъ, это изъ рукъ вонъ! жаловалась взволнованная и раскраснѣвшаяся Варюша; но Хлюдовъ глядѣлъ на нее изподлобья, какъ провинившаяся собака, чувствующая, что ей не уйти отъ наказанія,—и молчалъ.

— Дивлюсь, какъ вы сами не понимаете, что вы ведете себя неприлично.

— Приличія! протянулъ онъ съ укоромъ.—Всѣ ваши заботы сосредоточены на приличіяхъ и далѣе этого вы не видите, не хотите знать ничего!.. Вы рѣжете человѣка, преданнаго вамъ всѣмъ существомъ, и требуете, чтобъ онъ не кричалъ; а если онъ, молча, корчится подъ ножомъ, то вы удивляетесь, какъ онъ не чувствуетъ, что движенія его неприличны!

— Ахъ, ради Бога! Оставьте вы этотъ театральный тонъ! перебила она нетерпѣливо.—Вы не связаны... Если васъ рѣжутъ, то для чего вы ходите въ домъ?

— Варвара Ѳедоровна!.. Варвара Ѳедоровна! твердилъ онъ, сильно блѣднѣя.—Надо быть совершенно безъ сердца, чтобы говорить со спокойнымъ лицомъ такія вещи!.. И изъ-за чего? Что̀ я такое сдѣлалъ, чтобы гнать меня изъ дому?

— Да то же, что̀ вы и прежде дѣлали... И такъ же дико, безсмысленно, не имѣя къ тому ни малѣйшаго основанія, ни малѣйшаго права!.. Какое право имѣете вы меня ревновать? А вы ревнуете дерзко, открыто... Ревнуете самымъ безсмысленнымъ образомъ къ людямъ, которыхъ вы встрѣчаете у насъ въ первый разъ, которые обо мнѣ и не думаютъ!.. Довольно новому человѣку появиться въ домѣ, чтобы вы приняли видъ Отелло, подозрѣвающаго въ измѣнѣ жену, и разыграли самую странную, самую невозможную сцену... Какія глаза вы на меня выкатывали и какимъ трагическимъ голосомъ отвѣчали на самыя заурядныя, лично васъ не касающіяся слова Наташи?

Мгновенно лицо его измѣнилось и приняло злобно-насмѣшливый видъ.

— Ммъ! Это въ защиту Американца, котораго неизвѣстно зачѣмъ мнѣ кидаютъ въ лицо? сказалъ онъ, выкатывая бѣлки...— Понять не могу, чѣмъ онъ васъ обворожилъ!.. Ломается въ роли важнаго политическаго преступника, чуть не съ опасностью жизни вернувшагося въ Россію, тогда какъ не только дѣло, а даже и самое имя его забыто!.. Читаетъ лекціи о вещахъ, въ которыхъ аза не смыслитъ!.. Ну, что̀ онъ знаетъ о положеніи негровъ послѣ войны, когда онъ пять лѣтъ просидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ?.. Слышалъ отъ сторожей или вычиталъ изъ газетъ?.. Хлыщъ!

— Игнатій Петровичъ! остановила его Клеванская, покраснѣвъ до ушей.—Вы забываете, что это нашъ добрый, давнишній другъ, и что дерзости, которыя вы говорите на его счетъ, прежде всего оскорбляютъ меня съ сестрой.

— Ахъ, извините пожалуста! отвѣчалъ съ нервическою усмѣшкой Хлюдовъ, носъ у котораго побѣлѣлъ и губы тряслись. — Я собственно ничего не имѣю противъ него, кромѣ того, что онъ глупъ. Но я вѣдь не говорю ему этого прямо въ лицо... Я говорю между нами: глупъ-съ! Несомнѣнно и положительно глупъ!

— Опять вы ругаетесь! Какъ это низко?

— Пожалуста извините.

— Храбритесь тутъ, за глаза; а тамъ, на балконѣ, слова не не смѣли ему возразить!

— Помилуйте, какъ же я смѣю? Да онъ и спорить со мною не удостоитъ; скажетъ, что зеленъ, еще не бывалъ въ Америкѣ.

— Шуточками отдѣлываетесь! А мы отъ васъ ожидали другаго. По крайней мѣрѣ, не ожидали, что вы предъ нимъ спасуете.

Послышалось что то въ родѣ шипѣнія и затѣмъ тишина. Не слыша отвѣта, Клеванская подняла на него глаза и вдругъ остановилась испуганная. Несчастный былъ блѣденъ, какъ мѣлъ, и силился что-то сказать, но ротъ его былъ открытъ, а звука не вылетало... Тогда ей стало жалко его, и весь ея гнѣвъ пропалъ.

— Ну, будетъ ругаться, сказала она:—иначе это опять окончится ссорой. Идемте туда, и если вамъ дорого хоть на грошъ мое уваженіе, то загладьте скверное впечатлѣніе, которое вы тамъ сдѣлали. Покажите, по крайней мѣрѣ, что вы не робѣете предъ нимъ.

— Варвара Өедоровна, увольте!.. Когда-нибудь въ другой разъ,

а теперь вы такъ меня развинтили, что я совсѣмъ никуда не гожусь.

— Ну, Богъ съ вами! Только вы обѣщайте, что вы пріѣдете на недѣлѣ и обойдетесь съ нимъ такъ, чтобъ онъ не считалъ васъ за сумасшедшаго.

— Сдѣлаю, что̀ могу.

XV.

Открытіе, сдѣланное Степаномъ, внесло въ его нѣжныя чувства къ Варѣ какую-то жгучую примѣсь, которая съ этого дня не давала ему покоя. У дѣвушки неожиданно оказался не то чтобы настоящій женихъ, а какой-то коконъ, который она бережетъ про запасъ и изъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ вылупиться женихъ. Это подѣйствовало, съ одной стороны, какъ вызовъ на нерѣшительнаго бойца, съ другой — возбудило въ немъ сильное любопытство къ Хлюдову. Извѣстія были сбивчивы. „Два раза уже отказано"; а между тѣмъ человѣкъ не только не прекратилъ своихъ посѣщеній, а даже открыто ревнуетъ Варю. Знаетъ или не знаетъ объ этомъ Варнавинъ? Почти навѣрное да; но въ такомъ случаѣ, что̀ онъ хотѣлъ сказать, когда, рекомендуя Хлюдова, увѣрялъ, что обѣ сестры о немъ „высокаго мнѣнія и ухаживаютъ за нимъ, какъ за оракуломъ?" Надо бы съ нимъ познакомиться хоть настолько, чтобъ онъ отъ меня не бѣгалъ въ присутствіи своего „предмета", думалъ Степанъ. — Но какъ это сдѣлать, когда человѣкъ безо всякаго вызова готовъ тебѣ выцарапать глаза?

Случай пришелъ на помощь... Милѣйшій Платонъ Алексѣичъ Слѣпневъ, прощаясь, самымъ любезнымъ образомъ звалъ Степана къ себѣ, въ среду, въ Царское, гдѣ онъ жилъ съ семействомъ и гдѣ у него иногда обѣдало небольшое общество самыхъ короткихъ его друзей. Въ числѣ обѣщавшихъ названы были два извѣстные литератора того сорта, что̀ называютъ „всего понемножку", одинъ молодой поэтъ, которому лауреатъ патронировалъ, критикъ широкораспространенной газеты, Анна Михайловна Стаева и Игнатій Петровичъ Хлюдовъ. Варнавины тоже были приглашены, но отказались, такъ какъ у нихъ обѣдали въ этотъ день московскіе ихъ сотрудники.

— Жена васъ помнитъ еще студентомъ, когда она посѣщала лекціи, и зоветъ васъ запросто, по товарищески, говорилъ Слѣпневъ, горячо пожимая руку его.

Степанъ обѣщалъ и въ назначенный часъ былъ на дачѣ поэта, уступленной ему безвозмездно однимъ изъ старыхъ его товарищей по полку, а теперь управляющимъ важною отраслью администраціи, — человѣкомъ, котораго доктора отправили въ Карлсбадъ.

Дача имѣла совсѣмъ министерскій видъ; окружена верандами и роскошными цвѣтниками, на ступеняхъ балкона кадки съ лимонными, померанцовыми, миртовыми деревьями, агавы, кактусы, арраукаріи; въ саду игрушечный, но изящный фонтанъ. Тутъ, какъ Горацій на виллахъ римскихъ вельможъ, Слѣпневъ читалъ въ высокочиновной компаніи рукописи своихъ сладкозвучныхъ произведеній... Обѣдъ, изготовленный русскою кухаркой, подъ наблюденіемъ госпожи, не совсѣмъ гармонировалъ съ этою роскошною обстановкой, но за то гостямъ сервированы были такія пикантныя блюда, какъ эмигрантъ, лично участвовавшій въ великой американской войнѣ, и вступавшая о ту пору въ зенитѣ своей славы Анна Михайловна Стаева. Это была отцвѣтшая, но живая какъ ртуть блондинка, съ умными, выразительными глазами. Анна Михайловна одарена была отъ природы неистощимымъ запасомъ юмора и громадною памятью, благодаря которымъ сорокалѣтняя эта дѣва способна была оживить самое вялое общество. Послушавъ съ четверть часа Степана, одолѣваемаго разспросами на мотивы изъ „Хижины дяди Тома“, она перебила его разсказомъ о странной мистификаціи съ какимъ-то старымъ московскимъ студентомъ, котораго десять лѣтъ считали скрывающимся въ Америкѣ политическимъ эмигрантомъ, въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Герценомъ и Бакунинымъ, и который все это время служилъ у извѣстнаго харьковскаго коннозаводчика „коннесёромъ“, мирно торгуя на ярмаркахъ лошадьми, женился и растолстѣлъ, и наплодилъ многочисленную семью, но какъ-то однажды пріѣхавъ въ Москву, былъ арестованъ и просидѣлъ въ секретѣ, покуда ошибка не выяснилась.

Анна Михайловна, какъ разсказщица, не терпѣла соперниковъ, и разъ овладѣвъ разговоромъ, не выпускала уже его изъ рукъ до конца. Были, однако, люди, которые, находя это нѣсколько утомительнымъ и наслушавшись дó сыта, уходили изъ комнаты покурить на воздухѣ, или промяться и зáпросто поболтать съ пріятелемъ.

— Неистощима! замѣтилъ нервно зѣвая Степанъ, обѣщавшій Наташѣ сдѣлать хоть шагъ на встрѣчу кающемуся въ своемъ

дурачествѣ человѣку, которому уже и такъ довольно намылили голову.

— Да, отвѣчалъ съ ехидною усмѣшкой Хлюдовъ:—брызжетъ и искрится, какъ шампанское, но потомъ не припомнишь о чемъ была рѣчь. (Хлюдовъ былъ изъ немногихъ соперниковъ Стаевой, и они, естественно, недолюбливали другъ друга.)

— Что жь? продолжалъ Степанъ,—у Французовъ, безспорно умѣющихъ жить, это считается идеаломъ недѣловой бесѣды.

— Еще бы! Игриво, непринужденно, остро и не хватаетъ за сердце; а между тѣмъ избавляетъ хозяйку отъ самой тяжелой ея обязанности. Въ нашемъ кругу безъ ума отъ Стаевой, и не даромъ, такъ какъ подобнаго рода забава, хотя и пустая, все же почтеннѣе картъ.

Степанъ нашелъ, что онъ очень милъ, и бесѣдуя, они вмѣстѣ спустились съ балкона въ садъ.

— Она, однако, серьезная женщина и извѣстна какъ даровитая романистка?

— Да, уже давно печатаетъ, но прославилась только въ послѣднее время... Вы не читали ее?

— Шесть лѣтъ не имѣлъ въ рукахъ русскихъ книгъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я не рискую попасть подъ сюркупъ, сказавъ вамъ чистосердечно, что я о ней думаю. У ней есть талантъ, но она не изъ новыхъ. Въ сущности это московская старосвѣтская барыня, отъ которой попахиваетъ Арбатомъ или Успеніемъ на Могильцахъ. Сценическая ея обстановка, типы, мораль,—все старомодно; только въ послѣднихъ своихъ вещахъ она хватилась за умъ посыпать все это по верху краснымъ перцомъ. Эффектъ былъ курьезный. Представьте себѣ кружевницу, которая вздумала бы придать своимъ невиннымъ узорамъ модную политическую окраску. Странно, не правда ли? А между тѣмъ это имѣло шумный успѣхъ, и кружевница зачислена въ списки воинствующаго искусства.

— Какъ-то не вѣрится, улыбаясь замѣтилъ Степанъ.

— Мм, вы отвыкли отъ нашего простодушія, а вы поприслушайтесь-ка къ акаѳистамъ, которые ей поютъ, да кстати и загляните въ ея романы. Мнѣ бы хотѣлось знать, что вы, не причастный къ нашимъ литературнымъ спорамъ, объ этомъ скажете.

Почаевъ вспомнилъ прописанный этому господину Варнавинымъ формуляръ, и частью уже изъ любопытства навелъ разговоръ на послѣдняго,

— Вы вѣдь печатаете въ „Починѣ?“ спросилъ онъ.

— Да, отвѣчалъ его спутникъ, вздохнувъ,—за неимѣніемъ болѣе симпатичнаго органа.

— Въ чемъ же вы не сочувствуете журналу?

Хлюдовъ глянулъ на него глазами литературной кумушки, у которой чешется язычекъ, но которая знаетъ по опыту, что однажды пустивъ его въ ходъ, потомъ не легко его удержать.

— Какъ вамъ сказать? отвѣчалъ онъ, украдкой слѣдя за впечатлѣніемъ своей рѣчи.—Всѣ мы уже не то, что̀ были лѣтъ десять тому назадъ. Кто просто усталъ бороться противъ стихійныхъ силъ и нехотя уступаетъ теченію, а кто и съ разсчетцемъ мѣняетъ исподоволь курсъ. Возьмемъ, напримѣръ, Варнавина. Онъ безупречный издатель, но какъ редакторъ, многаго оставляетъ желать. Редакторъ, вотъ видите, не простой хозяинъ дѣла, естественно прежде всего озабоченный его матеріальнымъ успѣхомъ, а представитель извѣстной группы нравственно-политическихъ интересовъ, и какъ такой, имѣетъ обязанности, на которыя онъ не въ правѣ махнуть рукой. Вотъ этихъ-то неоформленныхъ нотаріальными договорами и основанныхъ только на совѣсти человѣка обязанностей нашъ общій другъ и не хочетъ знать,— „я, молъ, не новобранецъ; моя репутація сдѣлана, и знамя, которому я служу, извѣстно; поэтому я не люблю, чтобы мнѣ смотрѣли подъ руку и требовали отчета во всякой строкѣ... Я требую вѣры...“ Что̀ жь?.. требуй; да только вѣдь и вѣрители твои въ правѣ требовать, чтобъ ихъ кредитъ былъ оправданъ; ну, а кредитъ Варнавина, твердый когда-то, давно уже сталъ пошатываться. Въ журналѣ его, между нами сказать, попадаются вещи, читая которыя, честные люди спрашиваютъ себя: откуда это попало? Мнѣ доводилось слышать даже такіе вопросы:—Да сколько же у него боговъ и кому изъ нихъ онъ дѣйствительно служитъ, кому только подкуриваетъ?. А впрочемъ, мы съ нимъ друзья, и я это только такъ, мимоходомъ. Мало-ли что̀ иногда приходитъ въ голову?.. Время, изволите видѣть, такое, что иногда и самъ въ себѣ усумнишься... А тутъ чужая душа, и эта душа ни разу еще не удостоила объясниться на чистоту... Глубокъ колодезь, не разглядишь, что̀ у него на днѣ.

— Вы слишкомъ стро́ги, сказалъ Степанъ. — Мнѣ кажется многое изъ того что̀ васъ смущаетъ легко себѣ объяснить деликатными отношеніями, въ которыя онъ поставленъ. Ему оказываютъ довѣріе, но руки его до извѣстной степени все-таки

связаны... Надъ нимъ стоитъ представитель правительственнаго контроля.

— Ммъ, — это Слѣпневъ-то?.. Нашли контролера!.. Платонъ Алексѣичъ милѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, поэтъ отъ макушки до пятъ, по политикѣ у него въ головѣ не болѣе чѣмъ у курскаго соловья.

... Вы помните эту милую шутку Фета, въ которой нарочно опущены всѣ глаголы:

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья...
Серебро и колыханье
Соннаго ручья,—и прочая.

Ну-съ, это имѣетъ весьма поучительный смыслъ, какъ предѣлъ, дальше котораго бóльшая часть нашихъ поэтовъ нейдетъ. Платонъ Алексѣичъ тутъ весь. — „Шопотъ“ и „Трели“ и 100 рублей въ мѣсяцъ за визу отвѣтственнаго редактора.. далѣе ничего.

* * *

— Ну, что̀? нетерпѣливо спросила Наташа, когда Почаевъ къ ужину воротился домой.

— Будьте спокойны. Встрѣтились какъ знакомые и разстались въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ.

Самъ говорившій однакоже былъ какъ на угольяхъ, и на это существовали достаточныя причины. Варя, слышавшая вопросъ и отвѣтъ, стояла поодаль какъ статуя, не спрашивая, не говоря ни слова... Что̀ у нея на душѣ и когда, какимъ образомъ онъ успѣлъ такъ оттолкнуть ее отъ себя? Мучительныя догадки роились въ его головѣ, но ни одна не выдерживала повѣрки.

Степанъ былъ такъ разстроенъ, что даже не могъ разсказать какъ онъ провелъ этотъ день, и, ссылаясь на головную боль, просилъ отложить разсказъ до утра.

* * *

Странныя вещи происходили съ Клеванской въ эти послѣдніе дни. Она стала задумчива и разсѣяна. Рѣчи, къ ней обращенныя, то проходили мимо ея ушей, то заставляли ее вдругъ спохватиться и отвѣчать невпопадъ. Занятія по журналу не

двигались. Какое-нибудь дѣловое письмо, на которое нужно было немедленно отвѣчать, лежало у ней на столѣ забытое, или отвѣтъ былъ начатъ, но, вмѣсто того, чтобъ окончить его не покладая пера, она заглядывалась въ окно, на верхушки елей въ сосѣднемъ лѣсу, или слѣдила за пчелкой, влетѣвшею въ комнату, и мысли ея уходили за тысячу верстъ отъ дѣла... Или вдругъ вскочитъ, прислушиваясь къ едва уловимому звуку, къ шуму шаговъ на другомъ концѣ до́ма, къ скрипу отворенной двери внизу, и птицей вылетитъ въ садъ, но обѣжавъ его, медленно возвратится въ комнату и съ унылымъ лицомъ сядетъ за брошенную работу.—Что̀ ты? спроситъ сестра, встрѣтивъ ее взволнованную и блѣдную; но она отвѣтитъ какой-нибудь непонятный вздоръ и ускользнётъ. Похоже было, какъ будто она ожидаетъ чего-то и вмѣстѣ боится, чтобъ ожиданное не захватило ее врасплохъ; а между тѣмъ бывали минуты, когда малѣйшій стукъ заставлялъ ее вздрогнуть всѣмъ тѣломъ.

Сестру это сильно тревожило, но у Наташи были свои догадки, которыхъ она не могла сообщить Степану; а съ Варей переговоры два дня уже были прерваны... Чорная кошка прошла между сестрами. Старшая въ чемъ-то подозрѣвала меньшую, а та не могла ей простить, что она разсказала Степану объ отношеніяхъ ея къ Хлюдову.

Такъ обстояли дѣла, когда случилось нѣчто никѣмъ не предвидѣнное.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Н. Ахшарумовъ.

НАШИ ИЛЛЮСТРАТОРЫ.

(Окончаніе.)

XII.

Несомнѣнно, что есть значительное различіе между пріемами иллюстраціи мелкихъ лирическихъ произведеній и таковыми же пріемами при иллюстраціи большихъ эпическихъ твореній. Это то же различіе, какое существуетъ въ иллюстраціи музыкальной между музыкой къ романсу и музыкой къ оперѣ. Какъ тамъ, въ оперѣ, такъ и здѣсь, въ графической иллюстраціи поэмы, повѣсти, романа, является новый элементъ: послѣдовательная характеристика. Лирическій моментъ не исчезаетъ. Онъ только перестаетъ быть теперь задачей и цѣлью по себѣ, входитъ, какъ составная часть, въ организмъ новой, гораздо болѣе обширной и сложной художественной композиціи. Задачи послѣдней требуютъ для своего осуществленія особаго таланта. Далеко не всѣ знаменитые музыкальные иллюстраторы небольшихъ поэтическихъ произведеній пріобрѣли себѣ славу также и въ качествѣ оперныхъ композиторовъ. Таковы, напримѣръ, Шубертъ и Шуманъ. Оставляя въ сторонѣ исключительные таланты, можно даже установить за правило, что преобладающее развитіе лиризма, тонкой, деликатной, нѣжной, почти женственной сенситивности, въ большинствѣ случаевъ служитъ препятствіемъ къ удачной композиціи широкихъ и крупныхъ драматическихъ положеній. Драматизмъ является въ этомъ случаѣ дѣланнымъ, искусственнымъ. Онъ превращается въ крикливость, становится грубымъ

и рѣзкимъ, ибо краски наносятся гуще и ярче нежели бы слѣдовало. Драматизмъ „передѣлывается" изъ опасенія „недодѣлать". Наблюденія эти, почерпнутыя изъ области иллюстраціи музыкальной, въ полной мѣрѣ приложимы къ иллюстраціи графической. Но тутъ является нѣкоторое усложненіе по отношенію къ тому поколѣнію современныхъ русскихъ художниковъ, иллюстраціи которыхъ составляютъ предметъ настоящаго этюда.

Дѣло въ томъ, что подавляющее большинство русскихъ музыкальныхъ иллюстраторовъ начинало свою творческую дѣятельность съ романсовъ, то-есть съ музыкальной иллюстраціи небольшихъ лирическихъ произведеній. Такъ поступали Глинка, Даргомыжскій, Чайковскій, Мусоргскій, Римскій-Корсаковъ, Кюи, въ новѣйшее время Бларамбергъ и Аренскій. Рядомъ съ композиціей романсовъ шли у нихъ сочиненія въ области инструментальной, камерной и симфонической музыки. Опера, какъ и слѣдовало ожидать, являлась лишь потомъ, какъ синтезъ предыдущаго и новая ступень для послѣдующей творческой дѣятельности. Обозначая, для краткости, камерную и симфоническую музыку названіемъ „чистой музыки", то-есть такой, гдѣ на первый планъ выступаетъ виртуозность техническихъ пріемовъ, указываемыхъ теоріей композиціи и инструментовки, мы получимъ слѣдующую формулу: наши *музыкальные иллюстраторы* начинаютъ съ иллюстраціи мелкихъ лирическихъ произведеній, разрабатываютъ и развиваютъ свою технику посредствомъ композицій въ области „чистой музыки" и лишь затѣмъ, во всеоружіи умѣнія и знанія, приступаютъ къ оперѣ, высшей и наиболѣе сложной формѣ иллюстраціи.

Приложима ли эта формула къ нашимъ *графическимъ* иллюстраторамъ *тѣхъ же поэтическихъ произведеній?*

Нѣтъ, не приложима. Ибо, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущаго, первая часть формулы исчезаетъ. Наши иллюстраторы не умѣютъ иллюстрировать лирическія произведенія, не умѣютъ ни вдумываться, ни вчитываться въ нихъ. Любой изъ романсовъ, написанныхъ на слова Лермонтова, оставляетъ въ слушателѣ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе нежели какая-либо изъ анализированныхъ нами иллюстрацій. Чтобы подтвердить нашу мысль примѣрами, укажемъ на музыку А. Г. Рубинштейна къ стихотвореніямъ Лермонтова *Тучки* и *Еврейская мелодія* (изъ Байрона), на романсъ П. И. Чайковскаго *По небу полуночи Ангелъ летѣлъ*. Сравните съ этими *музыкальными* иллюстраціями соотвѣтственныя *графическія* иллюстраціи гг. А. Васнецова,

Врубеля и Пастернака, и вы немедленно убѣдитесь въ громадномъ перевѣсѣ художественной интуиціи, чуткости и тонкости, какія приходятся на долю нашихъ *музыкальныхъ* иллюстраторовъ. Нѣтъ надобности продолжать эти сравненія. Читатели могутъ сдѣлать ихъ сами.

Въ значительной степени исчезаетъ, если хотите, и вторая часть формулы. То, что по отношенію къ композиціямъ въ области „чистой музыки" мы назвали „виртуозностію техническихъ пріемовъ", есть, по отношенію къ иллюстраціи *графической*—виртуозность рисовальщика. Сюда входятъ въ одинаковой степени „искусство рисовальщика", изобрѣтательность и вкусъ художника. Различнаго рода арабески, украшенія, заставки въ началѣ и въ концѣ главъ *(cul de lampe)*, рамки, виньетки, орнаменты, все что не представляетъ иллюстраціи въ тѣсномъ смыслѣ, относится къ этой области свободнаго изобрѣтенія рисовальщика, не стѣсненнаго никакою данною темой. Не наша вина, если въ анализуемомъ нами компилятивномъ трудѣ современныхъ русскихъ иллюстраторовъ мы совсѣмъ не встрѣчаемъ примѣровъ и образцовъ такого рода свободной художественной композиціи, за исключеніемъ двухъ *украшеній* г. А. Васнецова. Украшенія эти—безобразны. Не будемъ относить ко всѣмъ нашимъ иллюстраторамъ упрека, который приходится дѣлать „украшеніямъ" одного изъ нихъ. Но нельзя не вывести извѣстнаго заключенія изъ самаго факта совершеннаго отсутствія свободной художественной орнаментаціи въ первомъ иллюстрированномъ изданіи Лермонтова, гдѣ приняло участіе такое множество нашихъ художественныхъ силъ. Заключеніе должно состоять въ томъ, что развитіе современной *графической* русской иллюстраціи стоитъ *гораздо ниже*, нежели развитіе современной русской иллюстраціи *музыкальной*.

Само собою разумѣется, что какъ скоро двѣ первыя части выведенной нами формулы оказались неприложимы, то падаетъ и послѣдняя ея часть. Если наши оперные композиторы приступаютъ къ музыкальной иллюстраціи большихъ поэтическихъ произведеній лишь послѣ ряда успѣховъ въ области романса и инструментальной музыки, то наши художники не слѣдуютъ по тому же пути развитія своего иллюстраторскаго таланта. Отъ этого происходитъ, что они оказываются столь же неподготовленными къ иллюстраціи большихъ поэтическихъ твореній, сколько неподготовлены они къ иллюстраціи мелкихъ лирическихъ стихотвореній. Причина, въ сущности, очень проста. Привычка

рисовать только „съ натуры“ въ значительной степени атрофировала въ нашихъ художникахъ способность художественной фантазіи. Рѣзкимъ исключеніемъ является въ этомъ случаѣ лишь одинъ В. М. Васнецовъ, этотъ удивительный русскій художественный самородокъ, который, на нашихъ глазахъ, въ продолженіи немногихъ лѣтъ, постепенно сбрасывалъ съ себя всѣ шлаки, пока не засіяло наконецъ чистѣйшее художественное золото его композицій въ Кіевскомъ соборѣ Св. Владиміра. Но Викторъ Михайловичъ Васнецовъ занимаетъ совершенно обособленное мѣсто въ современной русской живописи. Онъ до извѣстной степени напоминаетъ Рихарда Вагнера, причемъ мы не дѣлаемъ сравненія, а только отмѣчаемъ сходство. Исключивъ В. М. Васнецова, мы должны будемъ сознаться, что художественная фантазія совершенно отсутствуетъ у современныхъ русскихъ художниковъ. Пейзажъ, портретъ и жанръ, вотъ художественныя области, исключительно занимаемыя и воздѣлываемыя теперь русскимъ искусствомъ. Немногія современныя русскія *историческія* картины по выбору сюжетовъ разсчитываются такимъ образомъ, чтобы представлять, въ сущности, историческіе маскарады: этюды съ натуры украшенные костюмами различныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ эпохъ русской исторіи.

Все это имѣетъ свое основаніе и оправданіе, свои органическія причины. Современное русское искусство тѣмъ особенно дорого и симпатично, что оно развивается вполнѣ органически и самостоятельно. Оно еще очень молодо, но растетъ и крѣпнетъ не по днямъ, а по часамъ, совершенно какъ юноша, находящійся въ періодѣ выздоровленія послѣ острой инфекціонной болѣзни. Оно еще оказывается юношески, почти дѣтски-неумѣлымъ, когда принимается за непосильныя ему задачи съ наивностью и самоувѣренностью юношескаго возраста. Но юность есть недостатокъ, отъ котораго исправляются съ каждымъ днемъ, а вмѣстѣ съ наступленіемъ зрѣлости явится качество, особенно необходимое для художника-иллюстратора: *вдумчивость*.

И вотъ въ какомъ отношеніи *первое* иллюстрированное изданіе сочиненій Лермонтова, изданіе, предпринятое съ участіемъ лучшихъ современныхъ русскихъ художественныхъ силъ и производящее, именно поэтому, впечатлѣніе тѣмъ болѣе отрицательное, чѣмъ болѣе возлагалось на него надеждъ, вотъ почему изданіе это, представляющее что-то дѣтски-безпомощное и наивное въ художественномъ отношеніи, представитъ для гряду-

щаго поколѣнія нашихъ художниковъ драгоцѣнный матеріалъ въ смыслѣ свода художественныхъ ошибокъ и недоразумѣній. *Habent sua fata libelli.* Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы дать руководящую нить для отысканія и выведенія положительныхъ началъ художественной иллюстраціи изъ разъясненія и анализа этихъ недоразумѣній и ошибокъ.

XIII.

Поэма Лермонтова *Демонъ* болѣе другихъ произведеній поэта привлекала на себя вниманіе нашихъ художниковъ. Въ окнахъ эстампныхъ магазиновъ время отъ времени все вновь выставляются гравюры, изображающія Тамару и Демона. Гравюры эти составляютъ единственныя картины „изъ Лермонтова", какія приходится видать на стѣнахъ кабинетовъ и гостиныхъ. Какой-то изъ нашихъ иллюстрированныхъ журналовъ даже далъ своимъ подписчикамъ *Тамару и Демона* въ видѣ преміи. Извѣстная опера А. Г. Рубинштейна, принадлежащая теперь къ числу наиболѣе популярныхъ въ публикѣ, со своей стороны много способствовала установленію графическихъ очертаній Демона. Публика и художники мало-по-малу привыкли думать, что вся задача художественной иллюстраціи поэмы Лермонтова сводится къ тому, чтобъ изобразить—Тамару и Демона.

Постараемся разобрать правильно ли поставлена эта задача. Даетъ ли намъ самъ поэтъ описаніе внѣшности Демона? Видѣла ли Демона сама Тамара?

На оба эти вопроса приходится отвѣчать отрицательно. Поэтъ изображаетъ лишь душевное состояніе Демона. Онъ не описываетъ его внѣшности. Въ свою очередь Тамара *не видитъ* своего искусителя. Она только *слышитъ* надъ собою волшебный голосъ:

Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышитъ.
И вотъ она *какъ будто слышитъ*
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!"

Это первое появленіе Демона къ Тамарѣ. Чѣмъ оно кончается?

Слова умолкли. Въ отдаленьи
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ...

Къ утру Тамара заснула. Тогда Демонъ явился ей *во снѣ*, въ видѣ *странной мечты:*

И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной.

Въ чемъ же состояла эта *странная* мечта?

Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью...

Тамара, смущенная „соннымъ мечтаніемъ", видѣла во снѣ *туманныя очертанія* какого-то пришлеца, одареннаго неземною красотой. Это не былъ ни ангелъ, ни демонъ. Это было нѣчто неподдающееся описанію:

То не былъ ангелъ—небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ,—о нѣтъ!
Онъ была похожъ на вечеръ ясный;
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!

Тамара удаляется въ монастырь. Что̀ происходитъ здѣсь? Она, попрежнему, *слышитъ* слова Демона. По временамъ *туманный образъ* перваго видѣнія, скользя подъ куполомъ церкви, среди несущихся туда облаковъ ѳиміама, сіяетъ тихимъ блескомъ *звѣзды:*

Знакомая, среди моленья,
Ей часто *слышалася* рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ *туманѣ* легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ *звѣзда...*

Наступаетъ послѣднее явленіе Демона. Онъ встрѣчается въ кельѣ Тамары съ ея Ангеломъ-хранителемъ, который вступаетъ съ нимъ въ споръ. Очевидно, что Тамара *не видитъ* ни того, ни другаго, опять *только слышитъ* рѣчи Демона. Послѣ

того, какъ эти рѣчи все болѣе находятъ доступъ къ ея сердцу и побѣда склоняется на сторону Демона, послѣдній начинаетъ вырисовываться въ ночной темнотѣ.

Но что̀ вырисовывается здѣсь? Одни *глаза* Демона:

Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи,—
Онъ жегъ ее. *Во мракѣ ночи*
Надъ нею прямо онъ *сверкалъ*
Неотразимый, какъ кинжалъ...

Тамарѣ нельзя было перенести видъ Демона, каковъ онъ въ дѣйствительности. Одно „легкое прикосновеніе" его „жаркихъ устъ" къ губамъ Тамары убиваетъ послѣднюю.

Демонъ такъ могучъ, такъ силенъ, страшенъ, грозенъ, необыченъ, что Тамара не можетъ видѣть его дѣйствительнаго, реальнаго образа. Это подробность, встрѣчающаяся въ цѣломъ рядѣ легендъ и сказокъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Чѣмъ могущественнѣе извѣстный *духъ*, тѣмъ менѣе можетъ переносить его видъ обыкновенный смертный. Даже Фаустъ, который не боится ни чорта, ни ада, даже Фаустъ содрагается при видѣ вызваннаго имъ *духа*, отвращаетъ лицо и прямо сознается, что не можетъ переносить его присутствія *)

XIV.

Какіе выводы слѣдуютъ отсюда для художественной иллюстраціи поэмы *Демонъ?* Должны ли мы *видѣть* Демона, если его *не видитъ* Тамара? Можемъ ли *мы* видѣть Демона иначе, нежели какимъ онъ *представляется* Тамарѣ въ *странной мечтѣ* соннаго видѣнія? Можетъ ли графическая иллюстрація передать

---

*) *Geist.*
Wer ruft mir?
Faust (abgewendet).
Schrekliches Gesicht!
Geist.
Du hast mich mächtig angezogen,
An meiner Sphäre lang' gesogen,
Und nun —
Faust.
Weh! *ich ertrag' dich nicht*!

тумманный образъ неземной красоты, представляющій собою подобіе—*яснаго вечера*:

Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ.

На первый изъ этихъ вопросовъ слѣдуетъ отвѣчать отрицательно. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія для того, чтобы художникъ изобразилъ намъ то, чего *не видала* Тамара. Внѣшній видъ Демона по себѣ, какимъ онъ *не показывался* Тамарѣ, не входитъ въ намѣренія поэта, слѣдовательно не долженъ входить и въ намѣренія иллюстратора. Вся характеристика Демона заключается у Лермонтова въ описаніи внутреннихъ, духовныхъ процессовъ. Художнику остается послѣдовать за поэтомъ и не матеріализовать въ своей иллюстраціи „печальнаго ангела". Вся прелесть Лермонтовскаго Демона состоитъ въ его чарующихъ рѣчахъ, въ удивительныхъ картинахъ, какія развертываются въ нихъ. Только эта поэтическая прелесть эпизодовъ мѣшаетъ намъ замѣтить до какой степени не выдержанъ Демонъ, какъ органическое цѣлое. Каждая попытка матеріализовать его составляетъ, со стороны художника, не услугу, оказываемую послѣднимъ поэту, но прямое противорѣчіе общему настроенію поэмы.

Иначе ставится отвѣтъ, когда рѣчь идетъ о томъ, долженъ ли художникъ изобразить намъ Демона, какимъ онъ *представлялся* Тамарѣ въ *странной* мечтѣ соннаго видѣнія. Но отвѣтъ находится въ этомъ случаѣ въ тѣснѣйшей связи съ третьимъ вопросомъ: обладаетъ ли искусство достаточными средствами для того, чтобы въ *наглядныхъ* образахъ передать нѣчто очень *неопредѣленное*, туманное, безслѣдно и беззвучно скользящее и носящееся въ пространствѣ. Въ принципѣ вопросъ долженъ быть рѣшенъ утвердительно. Если уже вообще изображать Лермонтовскаго *Демона*, то можно изобразить его лишь какимъ представлялся онъ Тамарѣ. Въ своемъ практическомъ примѣненіи принципъ этотъ сталкивается, однако, не съ единичнымъ только умѣніемъ и талантомъ того или другаго иллюстратора, но съ общимъ вопросомъ объ эстетическихъ границахъ и художественныхъ средствахъ графическаго искусства. Въ противоположность иллюстраціи музыкальной, гдѣ на первый планъ выступаютъ полутоны, *demi-teintes*, вызывающіе *настроеніе*, иллюстрація графическая стремится, въ своей основѣ, къ опредѣленности и ясности, совсѣмъ не знаетъ хроматической гаммы и уменьшеннаго аккорда септимы. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ выводъ о вели-

чайшей обдуманности и осторожности, съ какими иллюстраторъ долженъ обращаться съ темами, по отношенію къ которымъ самыя средства его искусства оказываются не вполнѣ состоятельными. Не слѣдуетъ забывать, что въ распоряженіи иллюстратора нѣтъ *красокъ*, что онъ долженъ считаться съ этимъ обстоятельствомъ и что множество колористическихъ эффектовъ остаются ему недоступными.

Намъ могутъ возразить, что нельзя стѣснять свободы художника, что онъ совершенно воленъ въ выборѣ темъ, что очень интересно видѣть въ иллюстраціи именно Тамару и Демона.

XV.

Здѣсь прежде всего необходимо устранить одно коренное недоразумѣніе, которое очень легко можетъ вкрасться въ процессъ защиты и отстаиванія „свободы" художника. Необходимо различать „свободное творчество" отъ „иллюстраціи". Въ первомъ случаѣ художникъ, дѣйствительно, ничѣмъ не стѣсненъ въ выборѣ сюжета для своей картины. Напротивъ, художникъ-иллюстраторъ находится въ прямой зависимости отъ намѣреній другаго художника, чье произведеніе хочетъ онъ *перевести* на свой языкъ. Свобода изобрѣтенія ограничивается здѣсь содержаніемъ иллюстрируемаго произведенія. Уловить намѣренія поэта, вдуматься въ нихъ и создать художественно-графическое произведеніе равносильное художественному произведенію слова,—задача эта далеко не легкая, какъ мы имѣли случай убѣдиться изъ предшествующихъ анализовъ. Напротивъ, она такъ трудна, что у насъ до настоящаго времени не существуетъ *художественныхъ переводовъ* нашихъ величайшихъ поэтовъ и писателей, не существуетъ иллюстрацій къ ихъ произведеніямъ. Говорятъ, что *интересно* видѣть на рисункахъ именно сцены Тамары съ Демономъ. Но опытъ показываетъ, что всѣ существующія до настоящаго времени попытки изобразить эти сцены оказываются неудачными, не удовлетворяютъ нашихъ ожиданій. Мы говоримъ, разумѣется, не о той снисходительной и доброй массѣ, которая радуется каждой „картинкѣ" и усердно украшаетъ стѣны своихъ жилищъ вставленными въ позолоченныя рамы олеографическими преміями иллюстрированныхъ журналовъ. Отчего же не удовлетворяютъ картины изображающія Тамару и Демона?

Прежде всего потому, что изображеніе Демона возможно лишь при извѣстныхъ ограниченіяхъ, допускающихъ болѣе или менѣе опредѣленную и точную внѣшнюю характеристику. Таковъ, напримѣръ, *чортъ* нашихъ народныхъ представленій, мохнатый, съ рогами и хвостомъ. Таковъ *Мефистофель*, гдѣ демонизмъ исключительно сосредоточенъ на выраженіи лица, на физіономіи, между тѣмъ какъ во всемъ остальномъ предъ нами средневѣковой „кавалеръ". Мы вовсе не хотимъ сказать этимъ, чтобы было легко изобразить художественно не только Мефистофеля, но даже самаго обыкновеннаго „чорта". Мы только отмѣчаемъ, что графическое искусство, по самому существу своему стремящееся къ опредѣленности, находитъ себѣ наиболѣе благодарную почву тамъ, гдѣ оно имѣетъ дѣло съ опредѣленными очертаніями.

Не таковъ *Демонъ* Лермонтова. Въ немъ нѣтъ ни одной опредѣленной внѣшней черты. Никакая сила художественнаго воображенія не можетъ представить себѣ его внѣшній видъ. Одѣтъ онъ, или не одѣтъ? Какъ онъ одѣтъ? Почему онъ одѣтъ? Можетъ ли онъ быть одѣтъ? Онъ *летаетъ* надъ землей. Слѣдовательно, у него есть крылья? Каковы эти крылья? Какого они цвѣта? Какой они формы? Народная фантазія снабжаетъ демона крыльями летучей мыши. *Свобода* художника немедленно ограничивается сотней вопросовъ, требующихъ опредѣленнаго, положительнаго разрѣшенія. Но художникъ не можетъ отвѣчать на эти вопросы и прибѣгаетъ поэтому къ *условному* типу ангела съ не-ангельскимъ лицомъ. Впечатлѣніе раздвояется. Вмѣсто цѣлостнаго Демона, какимъ рисуетъ его поэтъ, мы получаемъ нѣчто полу-демонское, нѣчто среднее между ангеломъ и демономъ. Тщетно ожидаемъ мы, что впечатлѣніе поэтическаго слова усилится, когда предъ нами воочію, наглядно, конкретно явится образъ Лермонтовскаго Демона. Напротивъ. Впечатлѣніе только ослабляется и тускнѣетъ. И это совершенно понятно. Чѣмъ большій перевѣсъ даетъ поэтъ обрисовкѣ внутреннихъ, душевныхъ процессовъ Демона, тѣмъ труднѣе становится конкретное его изображеніе. Матеріализація только *мѣшаетъ* психологическому рисунку. Демонъ, какимъ онъ предносится нашему воображенію, гораздо ярче того, какого мы видимъ въ конкретныхъ чертахъ иллюстраціи.

Что̀ же остается дѣлать? Остается прибѣгнуть въ иллюстраціи *Демона* къ пріему, который указывается исключительными свойствами этой поэмы. Болѣе чѣмъ кому-либо должно быть извѣстно

нашимъ художникамъ ученіе о такъ называемыхъ *дополнительныхъ цвѣтахъ*. Это явленіе, когда вы, послѣ пристальнаго созерцанія плоскости, окрашенной, положимъ, въ красный цвѣтъ, отводите отъ нея глаза и внезапно начинаете видѣть все въ зеленомъ цвѣтѣ. Нѣчто подобное, насколько вообще можно проводить параллель между явленіями физическими и психическими, нѣчто *подобное* получится, когда иллюстраторъ сосредоточитъ все свое искусство, вниманіе и стараніе на чисто внѣшней, бытовой сторонѣ поэмы Лермонтова, той, которая всецѣло поддается иллюстраціи, прямо напрашивается на нее. Чѣмъ обильнѣе и ярче будутъ эти иллюстраціи, чѣмъ болѣе будемъ мы видѣть въ нихъ горячей, живой, бытовой жизни, тѣмъ рѣзче, по закону контраста, начнетъ вырисовываться предъ нами фантастическая часть поэмы, то, что̀ не поддается иллюстраціи и не нуждается въ ней, будучи достаточно обрисовано поэтическимъ словомъ. Необходимо только, чтобы контрастъ былъ вполнѣ выдержанъ. Для этой цѣли иллюстрація, оставаясь въ предѣлахъ доступнаго ей, не должна идти далѣе изображенія внутренности храма, гдѣ молящаяся Тамара слышитъ рѣчь Демона и видитъ подъ куполомъ туманное очертаніе „пришлеца неземной красоты". Вмѣсто приторной, всѣмъ надоѣвшей, фальшивой и условной картины обниманія Тамары Демономъ въ кельѣ иллюстраторъ долженъ былъ бы дать намъ видъ монастырскаго двора, на который выходятъ окна келій и гдѣ сторожъ бьетъ въ чугунную доску:

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской.

Услыхавъ „минутный крикъ и слабый стонъ", послѣдовавшіе за звукомъ „согласнаго лобзанія двухъ устъ", звуки, несшіеся изъ кельи Тамары, старикъ-сторожъ —

Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И молча, скорыми шагами,
Обычный продолжаетъ путь...

Тема эта вполнѣ поддается иллюстраціи и могла бы выдти чрезвычайно удачною въ рисункѣ. Необыкновенно эффектнымъ могло бы быть въ картинѣ погребальныхъ проводовъ Тамары новое выведеніе въ другомъ освѣщеніи всѣхъ характерныхъ

лицъ, которыхъ зритель уже ранѣе видѣлъ на пиру стараго Гудала. Тщательно избѣгая всего, что не поддается иллюстраціи, ибо выходитъ за предѣлы какъ внѣшнихъ ея средствъ, такъ и тѣхъ требованій, какія, по справедливости, можно предъявлять къ художественной фантазіи; сосредоточиваясь исключительно на картинахъ бытоваго жанра и пейзажа,—вдумчивый иллюстраторъ можетъ создать удивительную рамку для моментовъ, изображеніе которыхъ надлежитъ исключительно предоставить поэтическому слову и воздѣйствію послѣдняго на воображеніе каждаго читателя въ отдѣльности. И если до настоящаго времени художники наши во всей поэмѣ *Демонъ* останавливались только на изображеніи сценъ между Тамарой и Демономъ, повидимому не отдавая себѣ яснаго отчета, почему они это дѣлаютъ, если изображенія эти были неудовлетворительны и, по всей вѣроятности, останутся такими же при дальнѣйшихъ попыткахъ въ этомъ направленіи, то не представляется ни малѣйшаго затрудненія вступить на новый путь, направленіе котораго указывается довольно ясно при ближайшемъ анализѣ своеобразныхъ условій, ставимыхъ искусству иллюстратора этимъ произведеніемъ Лермонтова. Само собою разумѣется, что чѣмъ труднѣе задача графически изобразить Демона, тѣмъ большею становится заслуга художника. Но лишь подъ условіемъ онъ блистательно преодолѣетъ трудности, почти непобѣдимыя. Не цѣлесообразнѣе ли будетъ оставить неудачныя попытки на взятіе штурмомъ неприступной позиціи, а заставить ее сдаться посредствомъ работъ, также требующихъ примѣненія искусства во всемъ его объемѣ, но за то находящихъ полную опору въ этомъ искусствѣ.

XVI.

Три художника, гг. Врубель, Полѣновъ и Сѣровъ, даютъ намъ послѣднее, новѣйшее слово русскаго искусства по отношенію къ иллюстраціи поэмы *Демонъ*. Мы получаемъ *три* различныя фигуры Тамары и *три* различныя фигуры Демона въ первомъ иллюстрированномъ изданіи Лермонтова. Это нѣчто чудовищное съ точки зрѣнія художественнаго единства, какое должно представлять собою каждое серьезное художественное изданіе. Если „разнообразіе Лермонтовскихъ мотивовъ" могло еще послужить предло-

гомъ для порученія иллюстрацій *различныхъ* произведеній Лермонтова различнымъ художникамъ, то предлогъ этотъ совершенно исчезаетъ, когда дѣло касается одного какого-либо творенія. Давать на выборъ публикѣ *трехъ* Тамаръ и *трехъ* Демоновъ,—это значитъ сознаваться въ отсутствіи всякаго опредѣленнаго художественнаго критерія въ самомъ изданіи. Тѣмъ болѣе интереса представляетъ этотъ издательскій курьезъ для цѣлей нашего этюда.

Львиная доля иллюстрацій *Демона* принадлежитъ г. Врубелю, тогда какъ гг. Полѣновъ и Сѣровъ даютъ лишь по одному рисунку съ изображеніемъ на каждомъ Тамары и Демона. Въ свою очередь г. Врубель сосредоточивается на тѣхъ же изображеніяхъ, ибо нѣсколько мелкихъ рисунковъ („верблюды съ ужасомъ глядѣли", „несется конь быстрѣе лани") не идутъ въ счетъ вслѣдствіе полной своей неразумительности. На нихъ нельзя ничего понять и разобрать. Это какія-то вѣроятно геніальныя шутки, которыя лишь по недоразумѣнію вышли на свѣтъ изъ портфелей художника и представляютъ собою простое издѣвательство надъ искусствомъ. Такимъ образомъ, намъ приходится имѣть дѣло исключительно съ тремя новѣйшими русскими художественными попытками изобразить Тамару и Демона.

Скромнѣе и смирнѣе всѣхъ Демонъ г. Полѣнова. Противорѣчіе между „злымъ духомъ" и внѣшнимъ видомъ этого Демона такъ велико, что невольно производитъ впечатлѣніе комическое. Отнимите крылья, и вы получите фигуру молодаго человѣка, съ очень молодымъ и необыкновенно скромнымъ лицомъ. Этотъ молодой человѣкъ, одѣтый въ какое-то широкое восточное платье, стоитъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади Тамары, сидящей на постели, и въ чрезвычайно вѣжливой позѣ, приложивъ одну руку къ груди, произноситъ какую-то рѣчь. Какъ видно изъ „описанія рисунковъ", г.Полѣновъ взялъ темой послѣднее явленіе Демона Тамарѣ:

Я тотъ, которому внимала...

Именно въ этомъ явленіи поэтъ впервые называетъ своего демона *злымъ духомъ*. Тѣмъ рѣзче выступаетъ диссонансъ между поэтическимъ словомъ и его иллюстраціей. Курьезность впечатлѣнія довершается отдаленнымъ портретнымъ сходствомъ между демономъ г. Полѣнова и г. Хохловымъ, исполняющимъ заглавную роль въ оперѣ *Демонъ* А. Г. Рубинштейна.

Г. Сѣровъ рисуетъ Демона гораздо болѣе демоническимъ. Но тутъ происходитъ недоразумѣніе другаго рода. Г. Сѣровъ беретъ темой для иллюстраціи *первое* явленіе Демона Тамарѣ:

И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ...

Слѣдовательно это тотъ моментъ, когда Демонъ возмутилъ сонъ Тамары „странною мечтой", представъ ей во снѣ въ „туманномъ" образѣ пришельца „неземной красоты". Это тотъ образъ, въ которомъ Тамара только и знала Демона, образъ не имѣвшій ничего страшнаго, никакихъ внѣшнихъ признаковъ демонизма. Поэтъ подчеркиваетъ это обстоятельство:

То не былъ ада духъ ужасный...

Въ то же время это не былъ и „ангелъ-небожитель". Въ туманномъ образѣ „странной мечты" была лишь одна необычайная черта: это *неземная красота.* Между тѣмъ, г. Сѣровъ именно въ этой сценѣ изображаетъ намъ Демона съ громадными черными крыльями, какимъ-то смѣшеніемъ человѣческаго туловища съ летательными перьями гигантской птицы. Получается новое противорѣчіе иллюстрированному поэтическому слову, но уже въ обратномъ порядкѣ. Демонъ г. Полѣнова слишкомъ тихъ, скроменъ, вѣжливъ; это почти свѣтскій молодой человѣкъ. Демонъ г. Сѣрова—прямо напугалъ бы Тамару своими крыльями и перьями. Въ немъ нѣтъ и слѣда „неземной" красоты, ничего напоминающаго „ясный вечеръ".

Съ особою подробностью останавливается на изображеніи Демона г. Врубель. Онъ посвящаетъ этому изображенію цѣлыхъ *семь* рисунковъ. Въ общемъ получается удивительно-странное впечатлѣніе. Нельзя отрицать оригинальности и самостоятельности замысла художника. Демонъ г. Врубеля не похожъ ни на одного изъ тѣхъ, какихъ мы видали ранѣе. *Голова* Демона, возвышающаяся одна среди горнаго пейзажа и кажущаяся громадною въ пропорціи съ окружающимъ *(и вновь остался онъ надменный)*, эта голова, нѣсколько напоминающая сфинкса, прямо дѣйствуетъ на воображеніе. Но замыселъ остается поверхностнымъ и неразработаннымъ. Рядомъ съ грандіозною сфинксообразною головой Демона, про которую мы только-что говорили, художникъ даетъ намъ рядъ рисунковъ, изображающихъ Демона во весь ростъ, и если нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ кажутся

только странными, то другіе не просто странны, но и безвкусны. Таковы небольшіе рисунки на темы:

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ...

И чудо! —Изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...

Все очарованіе, произведенное „головой" Демона и тѣмъ загадочнымъ, что таится въ неподвижно смотрящемъ на васъ лицѣ, все это очарованіе исчезаетъ, когда вы видите предъ собою *всего* Демона, какимъ изображаетъ его г. Врубель, видите его во весь ростъ и во всѣхъ положеніяхъ: летающимъ, стоящимъ, спящимъ. Вы перестаете понимать замыселъ художника. Загадочное въ Демонѣ, загадочное въ смыслѣ психологическомъ, вспыхиваетъ предъ вами лишь на одно мгновеніе, пока вы видите предъ собою одну только голову. Мгновенія этого достаточно, чтобъ имѣть право говорить объ оригинальности замысла г. Врубеля. Но для того, чтобъ увѣровать въ органичность этого замысла, въ убѣжденность художника, для этого необходима послѣдовательность въ развитіи основнаго представленія. Этой послѣдовательности мы не встрѣчаемъ.

Грандіозное впечатлѣніе отъ „головы" Демона смѣняется впечатлѣніемъ гротеска, когда мы видимъ того же Демона летающимъ на громадныхъ крыльяхъ, придающихъ фигурѣ видъ какой-то чудовищной хищной птицы, или же стоящимъ, облокотившись на стѣну, предъ кельей Тамары. Изображенія эти до такой степени бездушно-реальны и вносятъ такую грубую матеріализацію въ наши представленія о Демонѣ Лермонтова, что неудовлетворенныя ожиданія зрителя немедленно наталкиваютъ его на цѣлый рядъ совершенно матеріальныхъ вопросовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ произведеніемъ поэта, вызываемыхъ исключительно иллюстраціей. Мы спрашиваемъ себя: почему у Демона такія громадныя крылья? Можетъ-ли онъ умѣститься съ ними въ обыкновенной комнатѣ, какую представляетъ собою келья Тамары? Каковъ долженъ быть шумъ и вѣтеръ, производимые полетомъ Демона? Всѣ эти вопросы—совершенно праздные. Они ни малѣйшимъ образомъ не относятся къ дѣлу и никогда не пришли бы на умъ, еслибы художникъ не вызвалъ ихъ такъ сказать насильно и искусственно. Но разъ теченіе мыслей возбуждено въ этомъ направленіи, то зритель становится безпо-

щаденъ въ своихъ матеріальныхъ вопросахъ матеріальному явленію. Почему изображаетъ г. Врубель Демона—*декольтированнымъ?* Выраженіе это можетъ показаться страннымъ, но нельзя найти никакого другаго болѣе точнаго опредѣленія для того, чтобъ обозначить открытыя грудь, плечи и руки Демона на двухъ рисункахъ, изображающихъ его и Тамару. Особенно рѣзко это декольте въ иллюстраціи представляющей первое явленіе Демона (*не плачь дитя, не плачь напрасно*). На Демонѣ надѣта здѣсь женская сорочка чернаго цвѣта, обшитая бѣлыми кружевами у ворота и короткихъ рукавовъ. Почему избираетъ г. Врубель эту одежду? Почему рисуетъ онъ Демона съ волосами, напоминающими если не женскую косу, то, во всякомъ случаѣ, ту женскую прическу, когда роскошные густые волосы распущены, подвиты и спущены на плечи? Какъ представляетъ онъ себѣ Демона? Гермафродитомъ? Но это послѣднее предположеніе до такой степени противорѣчитъ общему характеру рисунковъ, изображающихъ Демона и Тамару, что немедленно падаетъ. Въ иллюстраціяхъ г. Врубеля есть начало попытки, если можно такъ выразиться—*разбѣгъ* (мы передаемъ этимъ выраженіемъ носящееся у насъ въ умѣ нѣмецкое слово *Anlauf*) изобразить Демона – грандіознымъ. Но попытка не выдержана. Она выразилась лишь на одинокой „головѣ“ Демона, а затѣмъ основной замыслъ расплылся, перешелъ въ гротескъ и безвкусіе. Верхомъ послѣдняго является рисунокъ иллюстрирующій отчаяніе Демона, когда ангелъ уноситъ на небо душу Тамары (*въ пространствѣ синяго эѳира...*). Художникъ изображаетъ его здѣсь запустившимъ обѣ руки въ волоса, вѣроятно, чтобы вырвать нѣкоторую ихъ часть. Это жестъ плохихъ актеровъ, общее, но за то и совершенно пошлое мѣсто условной мимики драматизма.

XVII.

Анализъ иллюстрацій къ *Демону* и соединенныхъ съ этимъ общихъ вопросовъ занялъ такъ много мѣста, что мы останавливаемся здѣсь изъ опасенія слишкомъ раздвинуть предѣлы нашего этюда. Цѣль наша была бы достигнута, еслибы намъ удалось обратить вниманіе на несомнѣнное существованіе органическихъ художественныхъ законовъ иллюстраціи, вытекающихъ, съ одной стороны, изъ условій иллюстрируемаго произведенія

художественнаго слова, съ другой стороны—изъ яснаго сознанія предѣловъ и средствъ графическаго искусства. Законы эти не поддаются облеченію ихъ въ неподвижную теоретическую формулу. Безграничное разнообразіе мотивовъ для иллюстрацій требуетъ каждый разъ отдѣльнаго примѣненія къ данному случаю общихъ принциповъ искусства, совершенно такъ же, какъ въ гражданской жизни ни одинъ договоръ, заключаемый между двумя сторонами, не похожъ на другой, что̀ не мѣшаетъ имъ опираться на общія нормы закона, истекать изъ нихъ и находить въ нихъ поддержку и объясненіе. Иллюстрація художественнаго произведенія слова есть, въ сущности, тотъ же договоръ, заключаемый между поэтомъ и художникомъ, договоръ постройки однимъ художникомъ новаго художественнаго произведенія по мысли и плану другаго художника. Здѣсь должна быть обсуждена и опредѣлена каждая подробность, какъ общаго плана, такъ и его частностей, причемъ сами собою выяснятся каждый разъ органическіе предѣлы и средства каждаго изъ двухъ искусствъ, возможное и невозможное по органическимъ законамъ, составляющимъ основу ихъ существованія. Основной недостатокъ нашей современной русской иллюстраціи заключается, какъ мы имѣли возможность доказать предыдущими анализами, въ отсутствіи вдумчивости, яснаго и опредѣленнаго плана, яснаго сознанія о томъ, что̀ надлежитъ дѣлать. Иллюстраціи эти напоминаютъ постройки доморощенныхъ архитекторовъ, тѣхъ недоучившихся дилеттантовъ строительнаго дѣла, которые дѣйствуютъ тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ менѣе развито въ нихъ сознаніе о законахъ архитектуры. Такія постройки принято, въ практической жизни, называть—незаконными, то-есть не имѣющими ничего общаго съ дѣйствительными законами искусства.

С. Васильевъ.

БѢДСТВІЯ ШАЦКОЙ ПРОВИНЦІИ ВЪ 1774 ГОДУ.

(По архивнымъ документамъ.)

Переживаемыя нами народныя бѣдствія натолкнули меня на мысль порыться въ лѣтописяхъ Тамбовскаго исторического архива, съ цѣлью поискать, не найдется ли эпохи, которую можно было бы сопоставить съ бѣдствіями текущаго года, путемъ историческаго анализа извлечь изъ нея успокоительные мотивы и поучительныя черты. „Исторія, говоритъ Карамзинъ,—утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали еще ужаснѣйшія, и государство не разрушилось". Архивъ щедро вознаградилъ мой трудъ. Его безпристрастныя записи о народныхъ бѣдствіяхъ 1774 года вполнѣ ручаются, что по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ нашему краю бѣдствія того года, какъ одновременнымъ проявленіемъ въ разныхъ формахъ, такъ и интенсивностью, далеко превосходятъ нынѣ нами переживаемыя. То былъ тяжелый годъ, годъ „Божескаго попущенія", какъ говорятъ наши крестьяне. Стихійныя бѣдствія соединились съ соціальнымъ зломъ невѣжества, природа и люди разоряли нашъ край. Трудно представить себѣ тѣ условія жизни, которыя создались роковымъ совпаденіемъ трехъ разныхъ бѣдъ, свидѣтельства же запыленныхъ и пожелтѣвшихъ архивныхъ хартій, несмотря на обычную безпристрастность, заставляютъ содрогаться при мысли о ничтожествѣ человѣка въ борьбѣ со стихіями и слабости, податливости его воли при столкновеніи съ соблазнами. А изъ этихъ-то факторовъ сложились бѣдствія нашего края въ 1774 году и могутъ быть подраздѣлены на три

группы: мѣстная пугачевщина, страшная снѣжная мятель и сильный голодъ отъ недорода хлѣбовъ. Слѣдуя хронологическому порядку ихъ появленія—я начинаю съ пугачевщины.

Соціальное движеніе второй половины прошлаго столѣтія, омрачившее блестящее царствованіе Екатерины II—пугачевщина—встрѣтило большое сочувствіе въ средѣ невѣжественнаго люда нашего Шацкаго края. Въ немъ, какъ украинномъ, удаленномъ отъ центральнаго управленія, соціальныя условія, породившія это движеніе, были весьма ощутительны, тогда какъ мѣстная администрація располагала ничтожными силами для подавленія волненія. Къ тому же центръ пугачевщины былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ краемъ, лишь малозаселенныя степи, благопріятныя для перекочевокъ, лежали на пути. Агитація пугачевщины быстро распространилась въ сѣверныхъ, болѣе населенныхъ уѣздахъ Шацкой провинціи; начало ея было положено выходцами изъ сформированныхъ шаекъ, между прочимъ и изъ-подъ Царицына, развитіе же и образованіе крупныхъ шаекъ было дѣломъ мѣстныхъ агитаторовъ.

Обязанные своимъ появленіемъ пропагандѣ выходцевъ изъ главныхъ пугачевскихъ шаекъ, наши бунтовщики рабски переняли отъ нихъ и самый характеръ борьбы. Они требовали вѣрноподданнической присяги покойному императору Петру Ѳедоровичу, настаивали на святотатственныхъ встрѣчахъ священнослужителями въ полномъ облаченіи, съ хоругвями и образами, разоряли города и села, расхищали казенное и частное имущество, по приговору самозваннаго военнаго суда подвергали смертной казни за непокорность и противодѣйствіе. Словомъ, скопища грубыхъ и невѣжественныхъ сорванцовъ, самопроизвольно присвоивъ себѣ прерогативы царской власти, безъ малѣйшаго смущенія пользовались закономъ установленными формами наказанія за нарушенія ихъ. Глумясь надъ законнымъ возмездіемъ—примѣненіемъ его къ вѣрнымъ слугамъ отечества за сопротивленіе ихъ беззаконнымъ продѣлкамъ, за гражданское мужество,—шайки повстанцевъ своею звѣрскою расправой распространили среди мирныхъ жителей панику и оттого на первыхъ порахъ свирѣпствовали безнаказанно. Перепиской представителей шацкой провинціальной власти съ воронежскимъ губернаторомъ Шетневымъ вполнѣ устанавливается, что мѣстныя власти слѣдили за движеніемъ на Дону и Волгѣ, старались своевременно привлечь вниманіе правительства на свою безпомощность, въ случаѣ возник-

новенія его среди мѣстнаго населенія, но представленія ихъ ограничились лишь тщетною канцелярскою перепиской. Занятое усмиреніемъ главныхъ пугачевскихъ шаекъ, правительство Екатерины на первыхъ порахъ оставило безъ надлежащей поддержки Шацкую провинцію, какъ и многія другія захолустья нашего отечества. Ихъ властямъ пришлось встрѣтить мѣстную пугачевщину лишь со слабыми отъ дряхлости и малочисленными штатными командами, которыя содержались при воеводскихъ канцеляріяхъ для карауловъ и пересылочныхъ этаповъ. Сознавая непригодность этихъ командъ для борьбы съ повстанцами, шацкія власти держали ихъ при канцеляріяхъ и не считали возможнымъ посылать въ погоню даже за малочисленными шайками. Не только наступательное, но даже и оборонительное положеніе для штатныхъ командъ было непосильно: при нападеніи на провинціальныя канцеляріи пугачевскія шайки встрѣчали слабое сопротивленіе; наши архивные документы не указываютъ ни одного случая, чтобы мятежники были отбиты тогдашними штатными командами. Безъ труда мѣстные пугачевцы разграбили Темниковскую, Троицкую, Наровчатскую и Керенскую канцеляріи, захватили хранившееся тамъ оружіе, свинецъ и порохъ, увезли оказавшуюся денежную казну, инвалиды же штатныхъ командъ или разбѣгались, или своею безполезною смертью запечатлѣвали свое вѣрноподданничество государынѣ. Въ смотровомъ спискѣ, за 1778 годъ, находящимся въ Шацкой инвалидной командѣ нижнимъ чинамъ, изъ 87 инвалидовъ, числящихся по списку, годными оказались лишь 17 человѣкъ; остальные же отмѣчены дряхлыми, со сведенными руками и ногами; одному показано 99 лѣтъ отъ роду. Что̀ могла сдѣлать такая богадѣльничья команда въ столкновеніяхъ съ шайками злодѣевъ, полагавшихъ успѣхъ своего предпріятія въ ужасахъ грабежей и рѣзни? Когда мятежъ сталъ принимать угрожающіе размѣры, правительство выслало нѣсколько казацкихъ командъ, но отчасти раскинутость шацкихъ поселеній, еще болѣе,—содержаніе по системѣ натуральной повинности парализовали ихъ дѣятельность. Такъ, казацкая команда поручика Переверзева, присланная изъ Новохоперской крѣпости, отъ постоянныхъ разъѣздовъ, какъ значится въ донесеніи шацкой канцеляріи воронежскому губернатору, пришла въ худобу: у многихъ казаковъ лошади охромѣли и одряхлѣли, не малое число лошадей пало, а сами казаки въ одеждѣ и обуви имѣютъ крайнюю нужду.

Разсмотрѣвъ условія, при которыхъ возникла и первоначально дѣйствовала въ Шацкомъ краѣ пугачевская пропаганда, съ цѣлью показать, какъ мало былъ подготовленъ нашъ край къ борьбѣ съ нею, я перехожу къ изложенію самыхъ фактовъ мѣстнаго бунта, не выходя за предѣлы уже поступившихъ въ историческій архивъ документовъ. Начало пугачевскаго движенія въ Шацкой провинціи должно быть отнесено ко второй половинѣ іюля, когда шайки появились въ уѣздахъ Инсарскомъ, Наровчатскомъ, Троицкомъ и Макуловской волости Краснослободскаго уѣзда, а продолжался бунтъ до конца октября.

Первымъ крупнымъ злодѣйствомъ шацкихъ шаекъ пугачевщины, по свидѣтельству архивныхъ документовъ, было взятіе города Краснослободска 6 августа. Многочисленная толпа городскихъ и уѣздныхъ дворцовыхъ крестьянъ, внезапно напавъ на городъ, произвела большое разграбленіе. Главное вниманіе ея было обращено на воеводскую канцелярію, гдѣ хранилась денежная казна, запасы оружія, пороха и свинца. Воевода и секретарь самоотверженно выступили на защиту казеннаго добра, имѣя въ распоряженіи лишь штатную команду, но, понятно, отстоять не могли и пали жертвой честнаго служенія долгу.

Въ первыхъ же числахъ августа до провинціальной канцеляріи стали доходить тревожныя вѣсти изъ города Темникова. Контора казенныхъ винокуренныхъ заводовъ доносила, что ясашный крестьянинъ села Почиnокъ, Семенъ Кочеровъ, приходилъ на заводъ съ невѣдомыми людьми и разглашалъ между подлымъ народомъ имя блаженной памяти императора Петра III, якобы прибывшаго въ городъ Саранскъ, а темниковская ратуша жаловалась на купца Нѣмцова, имѣвшаго спорное дѣло съ купцомъ Зиновымъ, будто онъ, прослышавъ о приближеніи къ городу пугачевскихъ шаекъ, заявилъ въ ратушу, что по своему дѣлу хожденія имѣть не намѣренъ, а будетъ просить расправы у Пугачева. Бунтъ обнаружился 9 августа. Въ этотъ день многочисленная толпа сборнаго люда, подъ командой Петра Евсевьева, явилась на торговой площади, сдѣлала призывной залпъ изъ ружей, а когда бунтовщиковъ окружилъ сбѣжавшійся народъ, то ихъ атаманъ, не обращая вниманія на присутствіе инвалидной команды съ Семеномъ Шегилинымъ во главѣ, держалъ рѣчь къ толпѣ, порицалъ правительственныя распоряженія и грозно упрекнулъ жителей, почему они посланцамъ „истиннаго царя“ не устроили надлежащей встрѣчи съ образами и колокольнымъ звономъ. Не знаемъ, увлекательныя

ли обѣщанія этой рѣчи, или угроза суровой и немедленной расправы были причиной измѣны священнослужителей соборной и Троицкой церквей Ѳеодора Алексѣева съ товарищи, но фактъ тотъ, что они немедленно составили крестный ходъ съ водосвятіемъ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ. Всего вѣроятнѣе, что этотъ позорный поступокъ былъ вызванъ настойчивымъ требованіемъ взбунтовавшейся толпы. Обставивъ свое прибытіе въ городъ подобающею встрѣчей, бунтовщики, не теряя времени, принялись искоренять измѣну и перво-на-перво набросились на казенный питейный домъ. Повѣренный Яковъ Кленовъ „за сопротивленіе власти“ былъ повѣшенъ, а изъ казеннаго выхода пугачевцы выкатили три куфы вина и роспили безденежно. Разбивъ колодничью избу, мятежники выпустили оттуда содержавшихся колодниковъ, которые, конечно, стали въ ряды своихъ освободителей. Часть освобожденныхъ преступниковъ впослѣдствіи была изловлена разосланными канцеляріей солдатами и подверглась заслуженной карѣ правосудія. Мятежники прежде всего набрасывались на казенныя учрежденія, съ цѣлью расхищенія и уничтоженія казеннаго имущества, даже соляные амбары были разрушены и хранившаяся въ нихъ казенная соль частью роздана бѣднымъ жителямъ, частью разметана. Буйства пугачевской шайки и соблазненной ею темниковской черни продолжались два дня, и навѣрное очень многіе изъ обывателей поплатились своею жизнію за протестъ, но наши документы сообщаютъ лишь о двухъ случаяхъ звѣрской расправы. Крестьяне Пар. Дмитріевъ и Ив. Ивановъ убили помѣщика своего, регистратора Королькова, а поручица Ребинина была повѣшена неизвѣстными людьми изъ толпы; имущество ея, кажется, не было пограблено, такъ какъ внукъ Ребининой недоросль Чальцевъ вскорѣ послѣ бунта предъявилъ свои наслѣдственныя права на деньги, оставшіяся послѣ покойной. Инвалидная команда, слабая для открытой борьбы съ мятежниками, внимательно слѣдила за развитіемъ бунта и добросовѣстно исполняла свои обязанности наружной полиціи. Такъ, ею были заарестованы новокрещеные изъ Мордвы и Татаръ села Никольскаго и деревни Пичиполонги, просившіе пугачевцевъ повѣсить ихъ приходскаго священника Ивана Васильева за обиды имъ.

Незадолго до обнаруженія бунта въ Темниковѣ стоялъ полковникъ Архаровъ съ отрядомъ казаковъ въ двадцать человѣкъ, но промеморія изъ Кадомской воеводской канцеляріи съ приложеннымъ

увѣдомленіемъ полковника Михельсона, что Пугачевъ находится подъ Наровчатомъ, заставила его поспѣшить въ городъ Троицкъ. Ходомъ волненія намѣчалась потребность обратить особенное вниманіе на Троицкъ и Инзару, какъ ближайшіе къ Наровчату. Вскорѣ по прибытіи въ Троицкъ, Архаровъ вызвалъ туда и казаковъ, оставленныхъ въ Темниковѣ для охраненія города. Эти распоряженія были вызваны слухами о приближеніи къ Инзарѣ многочисленныхъ пугачевскихъ шаекъ, и инзарскій воевода, убоясь ихъ, скрылся невѣдомо куда; Темникову же, казалось, не грозило никакой опасности, да къ тому Темниковская ратуша доносила Архарову, что казацкимъ лошадямъ овса сыскать никакъ не можно. Въ Инзару вызывались тогдашніе „резервы“: по секретной промеморіи изъ воеводской канцеляріи для защиты города приглашались шацкіе отставные военные и другихъ сословій жители съ оружіемъ, какое у кого есть; инзарскіе солдаты сгоняли крестьянъ изъ окрестныхъ селеній для защищенія города отъ злодѣйскихъ партій, и Татары Верхомокшанскаго стана, ссылаясь на эту экстренную повинность, отказались впослѣдствіи платить подушныя.

Донесеніе полковника Михельсона оказалось ложнымъ: Пугачевъ былъ подъ Саратовомъ, а не Наровчатомъ. Но эта ошибка и была виной описаннаго двухдневнаго погрома Темникова, оставленнаго совершенно беззащитнымъ. Она вызвала необходимость усиленной охраны города Инзары, какъ пункта, гдѣ, судя по этому донесенію, можно было ожидать встрѣчи съ главными силами Пугачева.

Мятежный сбродъ засталъ Темниковъ врасплохъ, разнесъ казенныя учрежденія, награбилъ много казеннаго и частнаго имущества. Его безпощадный распорядокъ заставилъ жителей встрепенуться, подумать о самозащитѣ. Тогда Темниковская ратуша установила наряды для караула вокругъ города, днемъ по 6, а ночью по 10 человѣкъ; ближайшій надзоръ за этими пикетами былъ порученъ вызваннымъ изъ уѣзда помѣщикамъ, отставнымъ оберъ-и унтеръ-офицерамъ. Начальникамъ городскихъ пикетовъ были отведены въ обывательскихъ домахъ даровыя помѣщенія. По просьбѣ темниковскихъ властей, полковникъ Архаровъ выслалъ отрядъ казаковъ въ 15 человѣкъ съ пятидесятникомъ. Запоздалыя по отношенію уже совершившагося погрома, эти мѣропріятія возстановили въ Темниковѣ спокойствіе и предупредили возможность повторенія бунта.

Темниковскій воевода, Василій Неѣловъ, скрылся изъ города при первыхъ же проявленіяхъ бунта и неизвѣстно гдѣ находился во все время описаннаго погрома. Хотя такое малодушіе должно быть признано измѣною своему служебному долгу, но ему не было другаго исхода. Челобитныя въ Шацкую канцелярію ручаются за то, что Неѣловъ былъ ненавистенъ какъ темниковскому купечеству, такъ и крестьянамъ округи, и потому оставаться въ городѣ, не располагая надежнымъ отрядомъ войска, было для него уже не рискомъ, а вѣрною гибелью. Донесеніе, напримѣръ, настоятеля Санаксарскаго монастыря, іеромонаха Ѳедора Ушакова, говоритъ, что воевода Неѣловъ „грабитель и разоритель и божественному закону и государственнымъ правамъ вредитель... на многихъ людей чинитъ свои нападки того ради, чтобы какою-либо нуждой утѣснить, или содержаніемъ въ тюрьмѣ, или скована въ желѣзахъ, или другими какими тѣснотами, чтобы токмо отнять у человѣка, что̀ ему, воеводѣ, надобно въ собственный свой прибытокъ“. Жалоба іеромонаха Ѳеодора была вызвана пристрастными распоряженіями воеводы съ цѣлью матеріальнымъ ущербомъ отомстить монастырю за то, что его администрація отказала Неѣлову въ даровомъ помолѣ его хлѣба на монастырской мельницѣ. Чтобы насолить монастырю, воевода запретилъ темниковскимъ купцамъ и мѣщанамъ ходить туда и дѣлать подаянія, на монастырское подворье помѣстилъ 10 плѣнныхъ Турокъ съ сержантомъ и тремя солдатами, отдалъ имъ огородную землю для посадки овощей и „чинилъ въ городѣ Темниковѣ съ барабаннымъ боемъ публикацію, чтобы монахи рукодѣліе свое въ городѣ не продавали и жители онаго не покупали“. Потребовалъ отъ темниковскаго купечества примѣрнаго наказанія—сдачи въ солдаты, или взысканія 500 руб. штрафа, или же сѣченія плетьми немилостиво — купцу Алексѣю Власову за то, что онъ, вопреки воеводскому распоряженію, пожертвовалъ въ монастырь 23 улья пчелъ. Въ заключеніе челобитіе называетъ поименно 11 темниковскихъ купцовъ, съ которыхъ Неѣловъ „насильствомъ своимъ“ бралъ взятки отъ 20 до 180 руб., и насчитываетъ 16 мурзинскихъ и татарскихъ деревень, откуда онъ „за страхъ своей власти премногія взятки получилъ“. Увѣренный въ томъ, что своимъ противозаконнымъ вымогательствомъ нажилъ себѣ много враговъ среди обывателей воеводства, готовыхъ при благопріятномъ случаѣ выместить ему свои обиды и притѣсненія, Неѣловъ скрылся, не сдѣлавъ и попытки къ усмиренію бунта.

Бѣгство обѣщало спасеніе, а служеніе долгу грозило неминуемою смертью. Прекратились безпорядки въ Темниковѣ, Неѣловъ снова вернулся на свой постъ, но уже оставался на немъ не долго: сначала, по указу изъ Воронежской канцеляріи, казенныя деньги и дѣла темниковскаго воеводства были отданы подъ присмотръ шацкаго воеводы, а въ 76 году самое воеводство было ввѣрено Канищеву. Текущими дѣлами за это время завѣдывалъ товарищъ воеводы Селивачевъ. Причиной удаленія отъ дѣлъ Неѣлова въ указѣ выставляется страданіе ипохондріей.

Около времени темниковскаго погрома, другія пугачевскія шайки съ неменьшимъ успѣхомъ и злодѣйствомъ производили самосудъ и расправу въ городахъ: Наровчатѣ, Керенскѣ и Троицкѣ, набрасываясь въ каждомъ изъ нихъ прежде всего на воеводскія канцеляріи и другія правительственныя учрежденія. Штурмъ и взятіе канцелярій было первою задачей бунтовщиковъ; этимъ парализовалась дѣятельность ближайшей администраціи, и въ то же время побѣдители, въ видѣ военной добычи, получали пищали, порохъ и свинецъ, предметы первой необходимости для дальнѣйшаго успѣха ихъ предпріятія, да и въ добавокъ деньги. При разореніи и разграбленіи города Троицка, злодѣи, захвативъ воеводу Столповскаго и одного канцеляриста, подвергли ихъ казни чрезъ повѣшеніе за сопротивленіе. Въ шайкѣ троицкихъ негодяевъ было много дворцовыхъ крестьянъ, начавшихъ свои гнусные подвиги съ убіенія своего управителя и разграбленія его дома.

Давая донесеніе о приближеніи Пугачева къ Наровчату, полковникъ Михельсонъ былъ введенъ въ ошибку: это былъ отрядъ пугачевскихъ казаковъ, подъ начальствомъ Михаила Евстратова, инзарскаго однодворца, возведеннаго самозванцемъ въ полковники. Евстратовъ со своимъ отрядомъ во 120 казаковъ прибылъ въ Наровчатъ около времени темниковскаго погрома, разбилъ казенныя зданія, награбилъ много имущества, казеннаго и обывательскаго; воевода содержался подъ карауломъ самими жителями. Награбленныхъ денегъ у Евстратова, видимо, было очень много: явился къ нему крестьянинъ деревни Коломасовой, Темниковскаго уѣзда, Василій Егоровъ, съ просьбой принять подъ свое начальство и полковникъ далъ ему 25 руб. на первый разъ, обѣщая ежемѣсячное жалованье въ 5 руб. за службу. Конечно, не безъ задняго умысла, пугачевскіе начальники такъ щедро

раздавали деньги вновь вступавшимъ въ число бунтовщиковъ. Свобода и разныя льготы обольщали крестьянъ, въ ряды же возстанія эти посулы, какъ дѣло будущаго, какъ сомнительный результатъ рискованнаго предпріятія, привлекали лишь людей съ восторженною натурой, тогда какъ щедрыя вознагражденія за участіе въ бунтѣ распространяли въ народѣ добрую молву о пугачевскихъ полководцахъ и подъ ихъ знамена охотно шли и люди практическіе и осторожные. Евстратовъ подъ Наровчатъ прибылъ съ отрядомъ казаковъ лишь во 120 человѣкъ, а за семидневное пребываніе подъ этимъ городомъ его отрядъ увеличился болѣе чѣмъ въ шесть разъ. Тѣмъ временемъ Пугачевъ подошелъ къ городу Саранску, и Евстратовъ, искоренивъ измѣну въ Наровчатской округѣ, поспѣшилъ туда же на соединеніе съ главными силами. Но тщетно льстили себя надеждой шацкіе измѣнники повидать вскорѣ самозваннаго царя-батюшку: соединенія не состоялось. Не дойдя 40 верстъ до Саранска, именно около села Исы, Евстратовъ получилъ извѣстіе о приближеніи правительственной военной команды къ городу Нижнему Ломову. Онъ имѣлъ отъ Пугачева приказъ вступить въ бой съ этою командой и потому-то отъ села Исы ускореннымъ маршемъ повелъ свой отрядъ чрезъ Инзару къ Нижнему Ломову. Для шацкихъ злодѣйскихъ шаекъ Нижнеломовское сраженіе было самымъ крупнымъ столкновеніемъ съ правительственнымъ войскомъ. Мы не знаемъ численность военной команды, участвовавшей въ этомъ сраженіи, пугачевцевъ же было болѣе 800 человѣкъ. Начальниками отдѣльныхъ частей евстратовскаго полка были: дворянинъ Михаилъ Голосепновъ и пизарскій купецъ Дубцовъ. Бой произошелъ въ двухъ верстахъ отъ города; полковникъ Евстратовъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, большая часть его полка легла костьми на полѣ брани, другіе отъ страха разбѣжались по сосѣднимъ лѣсамъ и вскорѣ добровольно явились въ воеводскія канцеляріи съ повинною, въ числѣ ихъ былъ и коломасовскій крестьянинъ В. Егоровъ. Съ жалкими остатками своего полка, всего въ 70 человѣкъ, Евстратовъ поспѣшилъ къ Наровчату, гдѣ два дня собиралъ въ свою команду сбродный людъ и успѣлъ опять составить порядочный отрядъ. Когда на третій день правительственная команда подступила къ Наровчату, то „жители города, по словамъ документа, собравшись съ ружьи и прочимъ дрекольемъ, въ томъ числѣ и злодѣйскіе люди съ ними, не

допускали тѣхъ казаковъ въ городъ, стрѣляли по нихъ изъ ружей, токмо противъ нихъ устоять не могли". Видъ кровопролитія и опасеніе увидѣть еще большее, заставили многихъ шацкихъ бунтарей отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ бунтѣ. Покинувъ злодѣйскую партію, они разбѣжались по шацкимъ дебрямъ, а впослѣдствіи—одни сами отдались въ руки правосудія, другіе, по подозрѣнію, не то по оговору колодниковъ, были изловлены. Неудачи пугачевскихъ шаекъ въ столкновеніяхъ съ правительственною командой подъ Нижнимъ Ломовымъ и Наровчатомъ имѣли роковой исходъ для развитія пугачевскаго движенія въ нашей провинціи. Онѣ показали слабость сбродныхъ партій пугачевщины въ борьбѣ съ регулярнымъ войскомъ и обнажили прозрачность завлекательныхъ обѣщаній, осуществленіе которыхъ зависѣло отъ успѣха предпріятія. Онѣ охладили пылъ разгоряченной страсти увлекшихся бунтомъ и, съ другой стороны, ободрили вѣрныхъ слугъ отечества, дали реальную поддержку ихъ увѣренности въ тщетности пугачевской затѣи.

Среди крѣпостныхъ крестьянъ Шацкой провинціи пугачевщина встрѣтила сильное сочувствіе, но ихъ шайки, дѣйствуя разрозненно, отъ пяти до пятнадцати человѣкъ каждая, не могли рѣшиться на крупное предпріятіе и ограничивались разбойническими нападеніями на сосѣднихъ помѣщиковъ. При этомъ, конечно, они не останавливались и предъ звѣрскою расправой, ежели встрѣчали сильное сопротивленіе, но чаще довольствовались однимъ грабежомъ. Замѣшанными въ пугачевщинѣ оказались крѣпостные капитана артиллеріи Машкова, капитана Евсюкова, мурзы Еникѣева, Девлеткильдѣева, князя Макулова, генералъ-поручика Загряжскаго, Измаилова, Татариновой и многихъ другихъ. Крестьяне селъ Кушки и Перевѣсья, принадлежавшихъ капитану Машкову, обще съ пугачевскою партіей, схватили господскаго прикащика Терентія Иванова и отвезли къ Пугачеву для повѣшенія, а господскіе пожитки разграбили. Смущенный развитіемъ волненія и замѣтивъ общее броженіе умовъ среди своихъ крѣпостныхъ, капитанъ Машковъ обратился съ просьбой въ темниковскую воеводскую канцелярію прислать въ тѣ села заплечнаго мастера для усмиренія крестьянъ и приведенія ихъ въ должное повиновеніе. Почти одновременно въ ту же канцелярію поступила просьба помѣщицы Измаиловой о присылкѣ заплечнаго мастера въ ея село Оброчное. Канцелярія удовлетворила обѣ просьбы:

въ означенныя селенія былъ командированъ капралъ Тагильдинъ съ заплечнымъ мастеромъ, который главнымъ виновникамъ бунта, по указанію самихъ владѣльцевъ, „учинилъ нещадное наказаніе и по правому уху отрѣзалъ". Сильно взбунтовались крестьяне села Воскресенскаго и деревни Ногаевы, вотчины генералъ-поручика Александра Загряжскаго, такъ что староста обращался въ канцелярію съ донесеніемъ о присылкѣ военной команды для усмиренія бунта. Но какъ канцеляріи негдѣ было взять военной команды (ея еле хватало и на поддержаніе спокойствія въ городѣ), то она ограничилась посылкой туда заплечнаго мастера съ капраломъ. Оказалось, что и такой команды было вполнѣ достаточно; заплечный мастеръ, нещаднымъ наказаніемъ коноводовъ бунта и урѣзаніемъ праваго уха имъ, скоро успокоилъ расходившіяся страсти.

Форма расправы бунтовщиковъ съ душевладѣльцами по документамъ наблюдается различная: однихъ они только грабили, другихъ же убивали. Позволительно думать, что характеръ расправы вытекалъ изъ степени озлобленія крѣпостныхъ къ своимъ владѣльцамъ. Приводимъ краткія свѣдѣнія о жертвахъ злодѣйскаго погрома. Бостановскій помѣщикъ, поручикъ Козьма Исеевъ, былъ повѣшенъ на воротахъ своей усадьбы, а жена его убита, помѣщикъ села Пузосъ, поручикъ Илья Свищовъ, былъ сожженъ, владѣлецъ деревни Дубасовой, секундъ-маіоръ Чубаровъ, задушенъ своими *малолѣтними* крестьянами; подверглись ограбленію—въ селѣ Семивражьѣ ротмистръ Волконскій, въ селѣ Макаровѣ маіоръ Левашовъ, въ селѣ Ольшанкѣ поручикъ Хрипуновъ, въ селѣ Никольскомъ поручикъ Чулковъ, въ селѣ Воскресенскомъ маіорша Соймонова, въ деревнѣ Лебяжьемъ Озерѣ подпоручикъ Можаровъ, въ селѣ Архангельскомъ секундъ-маіорша Левашева, въ селѣ Козьмодемьянскомъ поручикъ Кошковскій и многіе другіе.

Среди злодѣйствъ мятежниковъ попадаются такія, въ которыхъ замѣчается присутствіе какой-то шутливой милости. На домъ прапорщика Раевскаго напала шайка въ тридцать пять человѣкъ, изъ которыхъ шестнадцать были вооружены сборнымъ оружіемъ—ружьями, кортиками, ножами и проч. Выволокши помѣщика изъ дома, они били его плетьми, вывели изъ помѣстья и бросили на большой дорогѣ по направленію къ селу Андреянова Пустынь.

Возмущавшіеся крестьяне сознавали свою неспособность къ руководительству и въ вожаки выбирали купцовъ, однодвор-

цевъ. Изъ мѣстныхъ атамановъ злодѣйскихъ шаекъ документы называютъ отставнаго корнета Василія Васильева, дворянина Голосеина, купцовъ Евсевьева, Дубцова и однодворца Степана Рѣпина. Обращаетъ на себя вниманіе фактъ насильственнаго привлеченія въ вожаки лица, вполнѣ несочувствовавшаго волненію. Въ такомъ печальномъ положеніи оказался поручикъ Семеновъ. Разграбивъ его домъ, пугачевская шайка силою принудила его примкнуть къ ней, требуя помощи при взятіи села Разсказова. Неоднократный побѣгъ Семенова не удавался и пойманный каждый разъ онъ былъ сѣченъ плетьми съ угрозой: „если онъ имъ при взятьѣ села Разсказова помогать не станетъ, то они его въ томъ селѣ повѣсятъ". Предпріятіе шайки не удалось, фабричные Тулинова и Олесова разбили бунтовщиковъ. Семеновъ въ числѣ девяти плѣнниковъ попалъ въ руки разсказовскихъ фабрикантовъ и былъ представленъ въ тамбовскую провинціальную канцелярію, какъ участникъ пугачевскаго бунта. Къ счастью показанія стороннихъ благородныхъ людей установили фактъ его невинности и онъ былъ освобожденъ.

Раньше мы уже указывали, что пропаганда пугачевскаго протеста въ Шацкой провинціи встрѣтила сочувствіе среди различныхъ слоевъ мѣстнаго населенія. Среди замѣшанныхъ въ этомъ движеніи по слѣдственнымъ документамъ всего больше, разумѣется, оказывается крестьянъ и однодворцевъ; затѣмъ по численности слѣдуютъ лица купеческаго и духовнаго званія и, наконецъ, дворяне. По указу Св. Синода тамбовскій епископъ Ѳеодосій лишилъ сана и монашескаго званія архимандрита Нижнеломовскаго монастыря Исакія, четырехъ іеромонаховъ и двухъ іеродіаконовъ за встрѣчу въ облаченіи, съ крестами и хоругвями атамана и сообщниковъ Пугачева и служеніе молебна о здравіи его. По лишеніи сана они были преданы суду свѣтской власти. Священники села Кочелаева, Ѳедоръ Александровъ и Кондратій Васильевъ съ дьякономъ Степаномъ Алексѣевымъ, всенародно объявляли, что „нѣтъ де государыни, а есть государь Петръ Ѳеодоровичъ"; священники Никольской церкви села Хилкова, Матвѣй Андреевъ и Андрей Михайловъ, да сынъ послѣдняго пономарь Викторъ Михайловъ, устроили злодѣйской партіи торжественную встрѣчу съ крестами, образами и колокольнымъ звономъ; власти разыскивали еще попа Максима и дьячка Василія Даниловыхъ, „впавшихъ, какъ значится въ обвиненіи, въ претяжкое преступленіе

и къ нечестивому сонмищу проклятаго Пугачева преклонившихся и къ его толпамъ разоряющимъ". Но документы не сообщаютъ ничего о той законной карѣ, которая постигла этихъ малодушныхъ служителей алтаря. Въ вѣдомости шацкой канцеляріи за 1774 годъ о колодникахъ за участіе въ пугачевскомъ бунтѣ отмѣчаются: вахмистръ штатной команды, крестьянинъ и однодворцевъ семьдесятъ два человѣка, отставной солдатъ, пономарь и купецъ, а въ вѣдомости краснослободской канцеляріи за 1775 годъ въ томъ же преступленіи виновными числятся девяносто девять человѣкъ, изъ нихъ девять обвиняются за вѣшаніе, двадцать три священно- и церковно-служителя за встрѣчу пугачевскихъ шаекъ въ облаченіи, съ хоругвями и крестами, а прочіе за присягу и службу Пугачеву.

Измѣнникъ вахмистръ, позоръ шацкихъ инвалидныхъ командъ, состоялъ при воеводской канцеляріи въ Инзарѣ. Его фамилія Фельшманъ. Инзарскій воевода Болдыревъ, вовремя узнавшій о приближеніи къ городу пугачевской шайки, наскоро захватилъ денежную казну и поспѣшилъ изъ города, въ разсчетѣ ввѣрить ее кому-нибудь на время волненія. Спѣша укрыть въ безопасное мѣсто казенныя деньги, воевода, очевидно, не надѣялся отстоять ихъ при помощи своей штатной команды, малочисленной и слабой. Но онъ врядъ ли предполагалъ, что въ средѣ ея таится измѣна, какъ это выяснилось вскорѣ по его отъѣздѣ изъ города. Оказалось, что вахмистръ Фельшманъ гнался за воеводой, съ цѣлью отнять у него деньги, а когда это ему не удалось, то, по возвращеніи въ Инзару, на базарной площади онъ сталъ склонять горожанъ къ возмущенію, вызывалъ охотниковъ изловить Болдырева, обѣщая отъ лица императора Петра Θеодоровича награду во 150 рублей.

Предательская измѣна вахмистра Фельшмана, судя по архивнымъ документамъ, не можетъ быть разсматриваема, какъ явленіе исключительное. Наоборотъ, можно думать, что аналогичныхъ фактовъ измѣны среди обывателей шацкихъ селъ и деревень было много. Таковъ, примѣрно, поступокъ уметовскихъ крестьянъ. Одинъ офицеръ изъ команды генералъ-маіора Смирнова съ четырьмя солдатами конвоировалъ пойманную партію пугачевцевъ, состоящую изъ атамана и десяти казаковъ. Проходя чрезъ выселокъ села Кирсанова—Уметъ, онъ захватилъ понятыхъ для сопровожденія. Не прошли они и шести верстъ отъ Умета, какъ на

нихъ напали кирсановскіе дворцовые крестьяне, слѣдившіе за офицеромъ, „застрѣлили его въ кибиткѣ и дротикомъ скололи", убили также двухъ его солдатъ, а двухъ съ собою увели и поѣхали къ выселку Умету. Понятые все время были лишь зрителями и не оказали ни малѣйшаго сопротивленія. Совершенно справедливо слѣдственная власть признала ихъ участниками въ совершенномъ на ихъ глазахъ двойномъ преступленіи (убіеніи трехъ лицъ команды и освобожденіи злодѣевъ), равно какъ и пугачевскими соумышленниками. Не менѣе преступны распоряженія сотскаго деревни Кочетовки Семена Леонтьева и старосты села Рождественскаго Осипа Жаткина, нарядившихъ изъ своихъ селеній крестьянъ въ понятые для сопровожденія пугачевскихъ казаковъ.

Жестокая расправа пугачевцевъ съ лицами, которыя оказывали имъ сопротивленіе, служила для нихъ средствомъ навести ужасъ на округу, застращать мѣстное общество. И они, дѣйствительно, достигали этого. Многіе воеводы позорно покинули ввѣренные имъ города, изъ боязни быть вздернутыми на висѣлицу, подобно троицкому воеводѣ Столповскому. На защиту канцелярій выступали болѣе энергичные изъ канцеляристовъ и часто платились жизнью за вѣрную службу отечеству. Любопытный фактъ счастливой случайности сообщаютъ наши документы. Одинъ изъ защитниковъ наровчатской канцеляріи, канцеляристъ Соколовъ, за отказъ принять присягу Пугачеву, послѣ долгихъ мученій былъ приговоренъ злодѣями къ повѣшенію. Все было приготовлено для выполненія грубаго насилія, Соколовъ былъ уже подведенъ къ столбу, но въ это время подоспѣла команда и освободила несчастнаго. Къ сожалѣнію, отъ сильнаго нервнаго потрясенія у него развилась припадочная болѣзнь, такъ что онъ вскорѣ, по необходимости, вышелъ въ отставку и жалкимъ эпилептикомъ доживалъ остатокъ дней своихъ. Не менѣе воеводъ перетрусили и помѣщики; за исключеніемъ немногихъ, они покинули свои шацкія помѣстья на произволъ судьбы, спѣша укрыться въ мѣстахъ безопасныхъ, куда бунтъ еще не проникъ. Распространившаяся въ провинціи паника была на руку пугачевцамъ; города и веси остались беззащитными, вѣрные слуги отечества безъ опытныхъ руководителей. Въ покинутыхъ владѣльцами имѣніяхъ распоряжались уполномоченные ими прикащики. За защиту господскаго добра и какъ представители помѣщичьей власти многіе

прикащики, по рѣшенію самозваннаго суда, подверглись казни. Такъ погибъ выборный сельца Никольскаго, Малое Кольчево тожь, Андрей Родіоновъ. Когда мятежная партія напала на сельцо и потребовала выдачи денегъ и пожитковъ госпожи его, Постниковой, то вѣрный рабъ воспротивился. Отстоять ничего онъ, конечно, не могъ, и мятежники, схвативъ его, „били немилостиво, а потомъ въономъ же господскомъ домѣ на воротахъ и повѣсили“. Пожитки Постниковой и зятя ея, капитана Извольскаго, были шайкой пограблены.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

П. Дьяконовъ.

ГОЛУБЕНЬКОЕ ПЯТНЫШКО.

(Переводъ съ французскаго.)

Г. Людовику Галеви

посвящаетъ

Жипъ.

Оглушительный гамъ несся изъ большой, такъ-называемой квадратной, залы.

Сотня маленькихъ дѣвочекъ отъ 8 до 15 лѣтъ подъ наблюденіемъ монахини, прохаживавшейся взадъ и впередъ мѣрными шагами, пѣла, вѣрнѣе изо всѣхъ силъ выкрикивала монотонную хоровую пѣснь:

Сиръ Энгёррандъ, вернувшись изъ Испаньи,
Тамъ проходя задумалъ отдохнуть;
Пока входить онъ будетъ на вершины,
Огни тушите—мы пойдемъ соснуть.

Рѣзкіе, фальшивые голоса, ритмическій топотъ двухъ сотенъ маленькихъ ногъ, обутыхъ въ грубые башмаки, облако пыли, поднятое непрерывнымъ движеніемъ, тяжелый воздухъ, пропитанный острымъ, удушливымъ запахомъ,—все это придавало отталкивающій видъ этой большой комнатѣ съ голыми окрашенными въ буро-зеленую краску стѣнами, оттѣненными бордюромъ болѣе темнаго цвѣта, съ громадною изразцовою печью и длиннымъ рядомъ пюпитровъ вдоль стѣны. По мѣрѣ того, какъ рекреаціонное время близилось къ концу, шумъ увеличивался; дѣти совсѣмъ

кричали, словно желая, заранѣе, съ какою-то „жадною поспѣшностью“ вознаградить себя за наступающую обязательную тишину.

Въ эту минуту вошла монахиня съ дѣвочкой лѣтъ двѣнадцати, удивленно остановившеюся, и любопытнымъ взоромъ оглядывавшею шумную классную залу.

— Дѣти, заговорила монахиня голосомъ такимъ рѣзкимъ, что онъ словно перерѣзалъ шумъ,—пожалуста потише!

Пѣніе прекратилось; всѣ остановились сразу, какъ-то неловко доканчивая послѣднее начатое движеніе, и стараясь придать только что смѣявшимся личикамъ выраженіе благочестія и серіозности.

Гамъ замѣнился глубокою тишиной.

Монахиня, взявъ дѣвочку за руку, продолжала, обращаясь къ дѣтямъ ждавшимъ неподвижно и внимательно:

— Вотъ вамъ новая подруга Антуанета де-Шампрё, я увѣрена, что ей у васъ понравится.

Затѣмъ, подтолкнувъ ребенка къ потоку маленькихъ людей, двинувшемуся имъ навстрѣчу, она подозвала надзирательницу и начала что-то тихо говорить.

„Новенькую“ сейчасъ же окружили, начали разсматривать, задергали во всѣ стороны и въ одно и то же время закидали вопросами:

— Мы вамъ все разскажемъ!..

— Идите сюда!..

— Оставьте-же ее, Люси Лёфевръ, вы ее напугаете!..

— Пожалуста Бланшъ де-Проль берегите про себя ваши замѣчанія!.. если я ее пугаю, она не маленькая, сама можетъ сказать!..

А между тѣмъ „новенькая“ не имѣла вовсе испуганнаго вида. Маленькая, здоровая, на крѣпкихъ, мускулистыхъ ногахъ, видныхъ изъ-подъ очень коротенькой юпочки ея шерстяного коричневаго платья, она стояла среди зала спокойно и невозмутимо, наблюдая за впечатлѣніемъ, произведеннымъ ея появленіемъ.

Это былъ живой, свѣжій, но не красивый ребенокъ. Длинный носикъ, какъ-то неправильно и странно, выступалъ на черезъчуръ продолговатомъ личикѣ; большой ротъ съ толстыми влажными губами, раздвинутыми добродушнѣйшею улыбкой, казался еще больше; глаза неопредѣленнаго зеленаго цвѣта, съ тяжелыми, полузакрытыми вѣками, какъ это часто встрѣчается у близорукихъ, глядѣли изъ-подъ набѣгавшихъ на лобъ бѣлокурыхъ

прядей свѣтлорусой, коротко остриженной, спутанной гривы волосъ. Посреди широкаго низкаго лба, обрамленнаго прядями волосъ, виднѣлась глубокая, вертикально пересѣкавшая его морщина, достигавшая переносицы и придававшая верхней части лица какую-то суровость, совсѣмъ не соотвѣтствовавшую ребячески нѣжному очертанію рта. Кожа прозрачная, удивительной тонины, прелестная подъ темными волосами,—казалась совсѣмъ черною подъ этими почти бѣлыми волосами. Ухо маленькое, розовое, правильно очерченное; слишкомъ длинныя руки, оканчивались большими, неловкими, съ перваго раза бросавшимися въ глаза, кистями. Все это вмѣстѣ, странно соединенное, представляло собраніе чего-то некрасиваго и не столько некрасиваго въ дѣйствительности, сколько указывало на неблагодарный возрастъ дѣвочки.

А вопросы такъ и сыпались:

— Вы поступаете въ какой классъ?..

— Я не знаю...

— Сколько вамъ лѣтъ?..

— Тринадцать...

— Ну такъ васъ посадятъ въ четвертый...

— Можетъ-быть вамъ это будетъ слишкомъ трудно?.. вы хорошо подготовлены?

— Въ какомъ пансіонѣ вы были?...

— Я не была ни въ какомъ пансіонѣ...

— А!.. Вы значитъ готовились дома?.. какъ же это ваша мама разсталась съ вами?..

— У меня нѣтъ мамы!..

— А вашъ папа?

— Онъ тоже умеръ!

— А!.. у кого же вы жили?

— У дяди и тетки... отвѣчала дѣвочка и, немного раздраженная всѣми этими вопросами, прибавила:

— Но я вовсе не желаю мѣшать вамъ играть!

Поднялись горячіе протесты:

— Вотъ еще!.. у насъ достаточно времени для игры! Разъ ужь насъ оставили въ покоѣ—этимъ нужно пользоваться!.. никто на насъ не обращаетъ вниманія!.. Госпожа Лазаресъ говоритъ съ госпожей Преморель...

Антуанета спросила глядя на обѣихъ:

— Которая изъ нихъ Преморель?

— Маленькая... а чтó?

— Я знаю ея брата, онъ бываетъ у насъ въ домѣ...

Новость эта, казалось, удивительно заинтересовала воспитанницъ.

— У нея есть братъ!.. каковъ онъ собой?..

— Не молодой... и не хорошъ собой... онъ на нее похожъ... отвѣчала Антуанета, не понимая взрыва смѣха, вызваннаго ея словами.

— Смотрите, чтобъ она васъ не услыхала... она пристаетъ, какъ пластырь... это надзирательница нашего возраста!..

— А!.. ну а та, другая, которая привела меня?

— Это госпожа Лазаресъ—начальница.

— А чтó она тоже злая?

— О да!... вы не знаете въ какомъ вы дортуарѣ? съ маленькими или съ большими?

— Я не останусь здѣсь, я полупансіонерка и уѣду въ семь часовъ...

— Вотъ счастливая! воскликнула хорошенькая, вся розовая и курчавая, какъ баранъ, дѣвочка,—вы увидите, какъ весело ѣхать въ омнибусѣ!..

Вошла высокая, лѣтъ шестнадцати, дѣвушка съ папкой нотъ въ рукахъ; Антуанета весело бросилась ей навстрѣчу.

— А!.. Клавдія!..

— Вотъ какъ! Здравствуй Тоня! и тебя засадили также, мой милый звѣрокъ... не очень-то придется тебѣ весело, повѣрь!... здѣсь вовсе не до смѣха!...

— Да!.. произнесла опечаленная дѣвочка, и, видя, что молодая дѣвушка направляется къ выходу, она спросила:

— Развѣ вы уже уходите, Клавдія?

— Конечно!.. я просто приходила брать урокъ музыки, я въ старшемъ отдѣленіи... вѣдь я старуха!..

Звукъ колокола, сопровождаемый сухимъ звукомъ сигнальнаго инструмента въ видѣ книги, которую быстро захлопнула г-жа де Преморель, грубо прервалъ разговоры; шумъ прекратился сразу, замѣнившись мертвою тишиной, отъ которой похолодѣла Антуанета. Двѣ изъ наиболѣе взрослыхъ воспитанницъ вышли изъ зала и возвратились, неся длинныя, шириной въ обыкновенную доску, скамейки, которыя онѣ составили одна съ другою, такъ что образовался четырехугольникъ, открытый съ одной стороны; потомъ съ корзинами, полными рабочихъ мѣшковъ, помѣченныхъ

нумерами каждой воспитанницы, онѣ обошли всѣ скамьи, разложили мѣшки по мѣстамъ, возлѣ которыхъ каждая изъ воспитанницъ и остановилась, стоя прямо, съ недовольнымъ и скучающимъ видомъ.

Новая монахиня, блѣдная, съ задумчивымъ и добрымъ выраженіемъ лица, подошла къ г-жѣ де Преморель, которая сказала ей нѣсколько словъ; потомъ она сѣла за маленькій столикъ посреди скамеекъ и подала знакъ; всѣ воспитанницы стали на колѣни и громко прочли незнакомую Антуанетѣ молитву. Новый знакъ заставилъ ихъ подняться всѣхъ вмѣстѣ, какимъ-то однимъ движеніемъ; онѣ сѣли и развернули свою работу. Покинутая, стоя у конца одной изъ скамеекъ сзади монахини, Антуанета спросила:

— А мнѣ куда же сѣсть?..

Ея громкій голосъ гулко отдался среди тишины; дѣти переглянулись съ смущеннымъ видомъ, и болѣе смѣлыя зашептали:

— Сс!.. Тише!.. Тихо!.. Замолчите!..

Дѣвочка оглядывала ихъ удивленная, не понимая, чѣмъ это она могла провиниться. Монахиня обернулась къ ней, осматривая ея своимъ грустнымъ и умнымъ взглядомъ.

Бланшъ де Проль поднялась, полагая, что ей слѣдуетъ сказать при этомъ нѣсколько пояснительныхъ словъ:

— Это новенькая... она еще не знаетъ.

— Я вижу сама... сядьте!

И обращаясь къ Антуанетѣ:

— Подойдите ближе, моя дѣвочка!.. Вы полупансіонерка?..

— Да, сестра моя...

Возникло удивительное волненіе; полузадушенный смѣхъ раздался по скамьямъ; воспитанницы толкали другъ друга локтями и шептали:

— О!.. она сказала: „сестра моя!..“ каково?.. Она зоветъ г-жу Беатрису: сестра моя!.. откуда она взялась?..

Дѣвочка разслышала; она покраснѣла до корня волосъ

— Я вижу, что сдѣлала глупость, сказала она монахинѣ, которая продолжала внимательно разсматривать ее,—но я право не знаю, какъ нужно васъ называть? всѣмъ монахинямъ, которыхъ я знаю, всегда говорятъ или „матушка“ или „сестра“...

Г-жа Беатриса улыбнулась.

— Здѣсь намъ говорятъ госпожа... Меня зовутъ г-жа Беатриса, я ваша учительница рукодѣлья... а вы, васъ какъ зовутъ?

— Антуанета, но обыкновенно меня зовутъ Тоня.

— Какъ просто Антуанета и только?

— Антуанета де Шампрё...

— О, о!.. славное имя!.. Вы что́ же въ родствѣ съ великимъ де Шампрё?

— Да, сударыня...

— Въ какомъ же родствѣ?.. Вы знаете?

— Я знаю, что Шампрё былъ дѣдомъ папа...

— Превосходно!.. Вотъ и нужно хорошенько учиться, сдѣлаться очень ученою, чтобы быть достойною такого знаменитаго дѣдушки... а вы любите учиться?

— О нѣтъ! отвѣтила пылко дѣвочка.

Г-жа Беатриса снова улыбнулась и спросила:

— А шить вы умѣете?

— Да, сударыня.

— Что́ же вы умѣете дѣлать?

— Очень немногое...

— Ну такъ попробуйте сшить эту маленькую шапочку для бѣднаго... сумѣете?

— Кажется, сумѣю...

— Садитесь... погодите, гдѣ бы это? Да, вотъ тамъ между Люси Лефевръ и Луизой де Монвель...

Усаживаясь на указанномъ мѣстѣ, Антуанета разглядывала своихъ сосѣдокъ. Люси Лефевръ была пятнадцатилѣтняя дѣвушка съ красивыми, правильными чертами лица, съ прямымъ носомъ, съ высокимъ узкимъ лбомъ; хорошо очерченныя губы были тонки и блѣдны; ноздри сжаты и неподвижны; шея немножко длинная; руки изящныя. Луиза де Монвелъ, наоборотъ, была полная, толстощекая, свѣжая и живая, со вздернутымъ носомъ и насмѣшливымъ выраженіемъ лица; обѣ, какъ и Антуанета, были полупансіонерки. Немного погодя, Люси нагнулась слегка впередъ, стараясь быть скрытою за своею новою подругой и глухимъ сдержаннымъ голосомъ спросила, не шевеля губами:

— Что̀ же это такое сдѣлалъ вашъ дѣдушка?

Удивленная Антуанета поглядѣла на нее, не отвѣчая.

Полагая, что та не разслышала, Люси повторила свой вопросъ:

— Ну да... великій де Шампрё, какъ говорила та...—что́ онъ сдѣлалъ такого важнаго?

— Объ этомъ вы можете справиться въ исторіи... отвѣтила Антуанета, нисколько не стѣсняясь, обыкновеннымъ голосомъ.

На этотъ разъ отъ изумленія всѣ оцѣпенѣли! Люси Лефевръ протестовала противъ такой выходки словами полными горечи:— Господи, да что̀ же это такое?!

— Дитя мое, сказала ласково Беатриса,—нужно молчать!.. и замѣтивъ движеніе Антуанеты, она спросила:

— Люси съ вами разговаривала, неправда ли?.. что̀ она вамъ сказала?

— Она мнѣ... ничего сударыня... ничего, отвѣчала дѣвушка, чувствуя, что ее дернули въ видѣ предостереженія за юпку.

Г-жа Беатриса приняла суровый видъ:

— Никогда не слѣдуетъ лгать! даже ради того, чтобы выгородить подругу... прошу васъ отвѣтить мнѣ!..

— Ну такъ она меня спросила, что́ такое сдѣлалъ де Шампрё... а я сказала, что она можетъ объ этомъ справиться въ исторіи... вотъ и все!..

— Дитя мое, у насъ запрещается разговаривать внѣ рекреаціи.. замѣтьте это себѣ; если вы станете продолжать, вы будете наказаны!..

Минуту спустя Луиза де Монвель въ свою очередь нагнулась, какъ будто для того, чтобы поднять ножницы и сказала Антуанетѣ:

— О вашемъ дѣдушкѣ написано въ исторіи, а мой отецъ— префектъ!..

— А!.. вѣжливо отозвалась дѣвочка, для которой это было совершенно безразлично.

Тогда Люси, уронивъ также что-то такое и придвинувшись ближе къ Антуанетѣ, шепнула ей на ухо:

— Ну, а мой отецъ, самый извѣстный нотаріусъ въ Турвилѣ.

Беатриса заговорила:

— Луиза де Монвель, Люси Лефевръ и Антуанета де Шампрё, я васъ записываю всѣхъ трехъ за продолженіе разговора послѣ моего замѣчанія...

И взявъ на столѣ маленькую книжку въ черномъ шерстяномъ переплетѣ, она стала записывать въ ней карандашомъ. Антуанета рѣшительно вскочила со своего мѣста:

— Я не поняла, что́ вы со мною сдѣлаете, сказала она гнѣвно,—но все равно, это несправедливо!.. я не разговариваю вовсе.. мнѣ все время говорятъ... и мнѣ это наконецъ надоѣдаетъ!

Г-жа Беатриса негодующая поднялась и указала на дверь.

— Де Шампрё!.. выдите вонъ!..

Ученицы смущенно смотрѣли на новенькую—никогда, ничего подобнаго не бывало!

Антуанета вышла, не сказавъ слова. Очутившись за дверью, она глубоко вздохнула: Уфъ! очень рада не быть больше тамъ!.. тамъ просто задохнешься!.. Да! ну, а что изъ всего этого выйдетъ? Начало скверное!.. а что же такое она сдѣлала, что ее выгнали вонъ! за все за это не стоитъ и кошки побить!.. Куда теперь идти? домой поѣдутъ только вечеромъ, а теперь еще три часа?..

Осматриваясь кругомъ, дѣвочка увидала, что она стоитъ въ огромныхъ сѣняхъ съ каменною колоннадой. Къ этимъ сѣнямъ съ четырехъ сторонъ примыкали четыре длинныя галлереи со стрѣльчатыми окнами; съ одной стороны огромная дубовая дверь чудной рѣзьбы вела въ домовую церковь. Напротивъ нея стеклянныя двери вели въ садъ. Антуанета, прижавшись лицомъ къ стекламъ, въ которыя билъ дождь, увидала широкія лужайки, старыя деревья парка и не думая ни минуты вышла наружу; тамъ она начала бѣгать, поднявъ голову къ верху, вдыхая воздухъ, прыгая по глубокимъ лужамъ, совершенно счастливая, чувствуя какъ ея маленькое личико обрызгивалось дождемъ, разсматривая небо и зелень съ полнымъ сознаніемъ, что она убѣжала изъ ненавистнаго заключенія тамъ, въ этомъ громадномъ залѣ, среди этихъ дѣтей, такъ мало съ нею схожихъ. И при мысли, что завтра, можетъ-быть даже сегодня вечеромъ, ей опять придется занять свое мѣсто между „большою дылдой“, отецъ которой нотаріусъ и толстою „тихоней“, у которой отецъ префектъ, ее охватилъ такой страшный, безотчетный ужасъ, такое пламенное желаніе свободы, что она рѣшила:

— Я лучше уйду!..

Тогда она постаралась сообразить съ какой стороны текла Луара. Монастырь Св. Игнація былъ старый монастырь, отдѣланный и основанный очень богатою и очень модною конгрегаціей. Расположенный на разстояніи одного лье отъ Турвиля среди роскошнѣйшаго парка, окруженнаго землями и фермами, принадлежащими той же общинѣ, онъ былъ самымъ моднымъ монастыремъ большаго свѣта и ужь конечно въ мѣстномъ свѣтѣ. Въ мѣстномъ обществѣ дѣвушку, не прошедшую черезъ руки „сестеръ Св. Игнація“, будутъ считать дурно воспитанною.

Очень часто до того, какъ ее „заперли“, какъ выразилась Клавдія де Гельдръ, Антуанета проходила и проѣзжала мимо монастыря верхомъ въ сопровожденіи стараго кучера Германа. Она

приходила въ восторгъ отъ громадныхъ лужаекъ, спускавшихся до самой Луары; ей казалось, что по нимъ чудесно скакать верхомъ, а еще лучше покататься по этимъ чуднымъ коврамъ ярко-зеленаго бархата. И когда ея дядя съ тысячью предосторожностей сообщилъ ей, что ее отдадутъ въ монастырь, она обрадовалась, думая, какъ ей будетъ весело съ другими дѣтьми. Она такъ часто бывала одна, а ей такъ хотѣлось поиграть! Она любила игры страстно, до сумашествія! Неутомимая, сильная, крѣпкая дѣвочка, съ ранняго дѣтства предававшаяся всевозможнымъ тѣлеснымъ упражненіямъ, она, кажется, была бы въ состояніи бѣгать, плавать, ѣздить верхомъ, дѣлать гимнастику или фехтовать двадцать четыре часа въ сутки, не чувствуя ни голода, ни желанія спать.

И вотъ она тутъ, въ столь желанномъ монастырѣ!.. Какое разочарованіе... Ахъ, Клавдія была права!.. Это вовсе не весело... Однако, она все-таки удеретъ; тамъ, съ дядей и теткой, она сумѣетъ уладить!..

Сообразивъ, что Луара направо, она отправилась по этому направленію, наклонивъ голову. Дождь все усиливался. Вдругъ Антуанета неожиданно, на поворотѣ одной аллеи столкнулась съ монахиней, которая шла къ ней на встрѣчу, подъ краснымъ бумажнымъ дождевымъ зонтикомъ, тяжело переступая въ деревянныхъ башмакахъ, которые вязли въ разбухшей почвѣ. Она быстро кинулась въ сторону, узнавъ г-жу Лазаресъ. Монахиня, возвращавшаяся съ хутора, остановилась пораженная и встревоженная.

— Что̀ такое съ вами случилось, дитя мое? Куда это вы такъ бѣжите?.. Какъ вы шли?..

Антуанета помедлила отвѣтомъ, остановясь въ раздумьѣ, стараясь придумать какое-нибудь объясненіе; ничего не придумавъ, она откровенно отвѣчала:

— Дѣлать нечего, видно лучше сказать—я убѣгала!..

— Убѣгала?.. Куда же?..

— Домой!..

И въ двухъ, трехъ словахъ она передала что̀ такое произошло, точно и подробно, не стараясь оправдываться ни въ чемъ.

— Видите ли, сударыня, прибавила она, кончая,—изъ этого ничего не выйдетъ!.. Я задохнусь!.. Эта громадная зала, въ которой такія толстыя стѣны, меня пугаетъ!.. Потомъ, всѣ разго-

варивают такъ, словно тутъ, возлѣ, есть больные!.. Вѣдь это ужасно скучно!..

Угловатое и грубое лицо г-жи Лазаресъ расплылось въ добродушнѣйшей улыбкѣ и, привлекая къ себѣ подъ зонтикъ Антуанету, она сказала:

— Послушайте, мой милый дружокъ, нужно быть благоразумною... Вы очень скоро привыкните ко всему этому, что̀ сегодня васъ такъ пугаетъ...

Дѣвочка наклонила свою бѣлокурую головку, съ которой посыпался дождь водяныхъ капель.

— Кажется никогда, сказала она.

— Навѣрно привыкнете, продолжала монахиня, голосомъ убѣдительнымъ, такимъ ласковымъ, что совсѣмъ не походилъ на суровый и рѣзкій голосъ утра,—навѣрно... Я васъ отведу обратно къ г-жѣ Беатрисѣ, она васъ проститъ... она очень добра...

— Это видно, быстро перебила Антуанета,—поэтому я ей и не противорѣчила! Вотъ еслибъ это случилось съ тою, братъ которой, высокій полковникъ, бываетъ у насъ въ домѣ, я бы не одна вышла за дверь!

— Это почему же, спросила г-жа Лазаресъ, едва удерживаясь отъ желанія расхохотаться,—г-жа де-Преморель, тоже очень милая...

Антуанета протестовала:

— Милая? Съ этакою-то шишкой!..

Монахиня, почти остолбенѣлая отъ выраженій и странныхъ манеръ своей новой ученицы, къ которой она уже чувствовала живой интересъ, сообразила, что отъ такой дикарки можно ожидать еще и не того.

— Послушайте, сказала она дѣвушкѣ, которая занималась тѣмъ, что коблукомъ вертѣла въ вязкой грязи аллеи ямки,—когда вамъ что-нибудь не понравится, или васъ удивитъ что-нибудь въ правилахъ нашихъ порядковъ, новыхъ для васъ... когда вамъ понадобится совѣтъ или маленькое утѣшеніе, вы придете ко мнѣ?.. меня-то вы не боитесь?..

— О, совсѣмъ нѣтъ, сударыня... я вижу теперь, что это неправда... вы совсѣмъ не злая, какъ это мнѣ сказали!..

— А вамъ это сказали? Кто же это вамъ говорилъ?..

Дѣвочка покраснѣла.

— Ну этого, понимаете, я вамъ не могу сказать!

Г-жа Лазаресъ двинулась впередъ, укрывая подъ своимъ

зонтикомъ Антуанету, которая тихонько плелась, волнуясь за свое „возвращеніе".

Однако все кончилось прекрасно; г-жа Беатриса встрѣтила виноватую съ большою добротой; ея водвореніемъ занялись во время рекреаціи, передъ полдникомъ.

Ей указали пюпитръ, послѣдній въ правомъ ряду, возлѣ величественной Люсси. Потомъ она слушала уроки въ четвертомъ классѣ, но ее не спрашивали.

Когда въ семь часовъ Антуанета вернулась домой, вымазанная по уши грязью, ея тетка пришла въ ужасъ, думая, что она упала, сходя изъ омнибуса, который развозилъ экстерновъ.

— О, нѣтъ... возразилъ ребенокъ, оглядывая свой костюмъ, весь забрызганный грязью,—это... это я осматривала садъ.

Когда же дядя спросилъ ее, довольна ли она своимъ первымъ днемъ, она объявила, что умретъ отъ тоски у Св. Игнатія, благоразумно умолчавъ о происшествіяхъ, ознаменовавшихъ ея дебютъ въ монастырѣ.

Она была очень рада вновь чувствовать себя *дома*... въ этомъ огромномъ, старомъ провинціальномъ отелѣ, гдѣ однако у ней не было никакихъ развлеченій. Сирота съ младенчества, она хорошо помнила отца... высокаго, красиваго буяна, который вѣчно смѣялся, когда не сердился, но за то всегда сердился, какъ только переставалъ смѣяться. Онъ умеръ, завѣщавъ заботы объ Антуанетѣ своей сестрѣ, или, лучше сказать, своему зятю маркизу де-Лобургъ, бывшему посланникомъ въ Стокгольмѣ. Г-нъ де-Шампрё выразилъ желаніе, чтобы ребенокъ до окончанія своего воспитанія продолжалъ жить въ старомъ отелѣ въ Турвинѣ, гдѣ она родилась; онъ надѣялся, что тетка будетъ жить съ нею; онъ зналъ, что де-Лобургъ, разочаровавшись въ политикѣ, не долго будетъ продолжать службу и во всякамъ случаѣ его жена не будетъ сопровождать его за границу; онъ долженъ былъ отказаться отъ ея сопутствія, такъ какъ шумныя, вульгарныя манеры и ея невыносимый характеръ постоянно навлекали на него серьезныя непріятности.

Дѣло въ томъ, что Меланія де-Шампрё, маркиза де-Лобургъ была дѣйствительно странное существо. Высокаго роста, стройная и тонкая, несмотря на свои сорокъ лѣтъ, какъ молоденькая дѣвушка, съ немного покатыми плечами и нѣсколько длинною шеей, съ глазами и волосами совсѣмъ черными и совершенно тонкими губами, при первомъ взглядѣ, если она оставалась спокойною—

имѣла удивительно изящный видъ; но стоило ей открыть ротъ и все измѣнялось. Она говорила громко, пронзительнымъ, какимъ-то рѣжущимъ голосомъ, который, по мѣрѣ того какъ она одушевлялась, становился совершенно нестерпимымъ; маркиза принадлежала къ типу „буйныхъ“. Мужъ, прислуга, поставщики, за одно слово забрасывались невозможными фразами, въ невозможныхъ выраженіяхъ. Очень не глупая, г-жа де-Лобургъ выражалась въ разговорѣ совсѣмъ пошло, уснащая рѣчь словечками, отъ которыхъ не отказался бы и самъ Прюдомъ. Она перебивала всѣхъ, а сама приходила въ бѣшенство, если кто-нибудь позволялъ себѣ заговорить въ одно время съ нею. Прибавьте къ этому манеры, невозможныя! Страшная кокетка, недопускавшая и мысли чтобы всѣ мужчины не были у ея ногъ, она жестоко мстила упрямымъ. Въ тѣ времена, когда еще мужъ пытался возить ее съ собой, персоналъ посольства постоянно смѣнялся. То одинъ слишкомъ ухаживалъ, и г-нъ де-Лобургъ находилъ болѣе благоразумнымъ дать ему другое назначеніе—конечно съ повышеніемъ; тотъ, наоборотъ, былъ слишкомъ невнимателенъ и раздосадованная маркиза интриговала до тѣхъ поръ, пока его не смѣняли. Въ концѣ-концовъ съ этимъ нужно было покончить, и вотъ въ первый разъ въ жизни мужъ заговорилъ твердо и потребовалъ, чтобы жена возвратилась жить въ Турвиль, гдѣ еще въ то время жилъ ея братъ и кое-кто изъ родственниковъ семейства де-Шампрё. Тамъ маркиза продолжала вести жизнь еще болѣе своеобразную, которую ни смерть брата, ни присутствіе Антуанеты не могли измѣнить. Вотъ уже два года, какъ де-Лобургъ окончательно оставилъ службу и также переѣхалъ на житье въ Турвиль.

Состояніе племянницы, которой онъ былъ опекуномъ, требовало его личныхъ заботъ, да и зять, умирая, горячо молилъ его не оставлять Антуанеты, когда она подрастетъ, подъ надзоромъ тетки. И маркизъ пріѣхалъ вовремя. Дѣвочка, предоставленная самой себѣ, дошла чортъ знаетъ до чего; онъ понялъ, что тетка занималась съ нею недѣлю, а когда къ ней въ голову забиралось что-нибудь другое—не видала ее по мѣсяцамъ.

Дядя и племянница сразу стали друзьями.

Антуанета очень мало любила тетку Меланію, крики и гримасы которой ее раздражали, да кромѣ того, она безотчетно подозрѣвала, несмотря свою чистоту, кое-что многое, что̀ было въ то же время непонятно.

Ей былъ ужасно противенъ, напримѣръ, характеръ выраженій г-жи Лобургъ о своемъ мужѣ; серьезный и суровый, пріѣзжавшій въ Турвиль два, три раза въ годъ, послѣдній очень нравился ребенку, который понималъ его доброту и, несмотря на его холодность, что-то влекло его къ нему.

Часто также приходилось ей слышать разговоры прислуги. Прислуга ненавидѣла маркизу и когда имъ приходилось говорить о ней, они не стѣснялись въ выраженіяхъ.

Несмотря на то, что няня Антуанеты приказывала, чтобы „при ней не выражались такъ о г-жѣ маркизѣ", въ маленькія, всегда открытыя, ушки ребенка попадали часто отрывки фразъ, возбуждавшихъ ея любопытство.

— Да замолчите, говорила няня,—она услышитъ!.. Конечно, ея тетушка животное... но этого не слѣдуетъ говорить при ребенкѣ...

— Вотъ, что̀ правда, то правда, отвѣчалъ съ хохотомъ комнатный лакей,—она и безъ насъ сама догадается!..

А старикъ Германъ, кучеръ, прибавлялъ, покачивая своею бѣлою головой:

— Странное дѣло!.. у маркизы ничего нѣтъ фамильнаго, словно ее подмѣнили у кормилицы!..

Вотъ ужь объ Антуанетѣ этото нельзя было сказать. Внимательно наблюдая за нею, г-нъ де-Лобургъ подмѣчалъ въ ней достоинства, и прежде всего всѣ многочисленные недостатки рода. Несдержанная, вспыльчивая и въ то же время, по внѣшности, беззаботная и хладнокровная, дѣятельная по характеру, и лѣнивая по разсудку, удивительно способный къ ученію ребенокъ, она спокойно высказывала дядѣ мысли, которыя его ужасали.

— Изъ-за чего я буду хлопотать, говорила она,—и безъ особаго труда я знаю лучше другихъ, вотъ что...

Или:

— Какъ же... какъ только я выучу одно, меня заставятъ выучивать остальное!,. лучше я буду учить потихоньку!..

Живая, здоровая, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, выдумщица и шалунья, одна она развлекала бѣдняжку-дядю, пугая его, однако, своими страшными вспышками гнѣва, во время которыхъ она блѣднѣла, рѣзко обозначалась морщина на ея лбу и по угламъ рта образовывались глубокія складки, въ видѣ бороздъ, желтаго цвѣта, съ просвѣчивающимися мелкими жилками,— вспышки гнѣва тихія, безъ криковъ, безъ слезъ, удивительно

молчаливыя, съ которыми она боролась, стиснувъ зубы и съ трясущимися губами, сколько хватало силъ.

Она и любила, и ненавидѣла со страстностью, возбуждавшею безпокойство; ея любимцевъ нельзя было затрогивать. Страстно любя исторію, она влюблялась въ чей-либо характеръ и рѣшительно отказывалась вѣрить, что объ ея героѣ можно было спорить. Недѣлю не говорила она съ дядей послѣ урока, въ который онъ пытался ей объяснить, что царствованіе Людовика XI принесло Франціи болѣе пользы, чѣмъ Наполеона I. Но что̀ болѣе всего поражало стараго дипломата, привыкшаго къ церемоннымъ манерамъ и французскому языку иностранныхъ дворовъ,— это манеры и странный языкъ племянницы. Ребенокъ, воспитанный въ глуши провинціи, проводившій не болѣе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ въ Парижѣ, былъ совершенный парижскій уличный мальчишка, съ его хвастовствомъ, смѣшными жестами, быстрыми отвѣтами, а порой съ тяпутою и насмѣшливою рѣчью.

Она каталась колесомъ; слетала верхомъ по перилямъ лѣстницы внизъ, притягивалась на всѣхъ бортахъ билліарда и стояла на головѣ посрединѣ его, не заботясь о приличіяхъ, къ чему бѣдняжка дядя тщетно старался ее пріучить. Видя огорченія добряка, Антуанета клялась ему, что впередъ будетъ вести себя лучше, но разсѣянная, вѣтренная, она тутъ же убѣгала, сдѣлавъ громаднѣйшій прыжокъ, оканчивавшійся сумашедшею пляской.

Танцы были страстью дѣвочки. Много разъ возили ее въ театръ, гдѣ она смотрѣла балетъ, удерживая дыханіе и, возвратившись домой, съ удивительною точностью повторяла видѣнныя на сценѣ па и много другихъ, которыя инстинктивно угадывала; джигу и канканъ сами собою продѣлывали ея крошечныя ножки и разъ, когда дядя, заставъ ее за этими упражненіями, подлежащими, по мнѣнію его, совершенному исключенію изъ предметовъ воспитанія молодыхъ дѣвушекъ, пораженный, спросилъ ее:

— Гдѣ это ты выучилась такимъ танцамъ?

Она отвѣчала:

— Нигдѣ!.. Это отъ природы!.. И это была правда.

Религіозные вопросы возбуждали также частые споры дяди съ племянницей.

Правда, Антуанета любила Бога, но она любила его покойно, не выражая это во внѣшнихъ знакахъ и, такъ сказать, скорѣе какъ друга, а не Господина. Довѣрчиво обращалась она къ Нему

во всѣхъ своихъ горестяхъ и радостяхъ, прося Его помощи, объясняя Ему свои маленькія нужды, или горячо благодаря Его, когда исполнялись ея желанія. Только она молилась по своему, выражаясь словами, которыя диктовало ея сердце, отказываясь произносить молитвы, которыя, говорила она, „употребляются всѣми“. Тетка ея, похожденія которой стали замѣняться ханженствомъ, стращала ее всѣми громами неба и вѣчнымъ мученіемъ въ адскомъ огнѣ, но дѣвочка смѣясь отвѣчала: „Что Богъ слишкомъ великъ, чтобы не быть добрымъ... и что за это она совсѣмъ спокойна.“

Негодующая маркиза требовала тутъ вмѣшательство мужа, и Антуанета, разбраненная или наказанная теткой, увѣщеваемая дядей, обращалась къ Богу со слѣдующимъ объясненіемъ по поводу происшедшаго:

— Все это ради Тебя, Господи! а я Тебя все-таки люблю! Ты добръ, что̀ бы они тамъ ни говорили... И милосердъ!.. и великъ!.. и все!.. Господи, я правду говорю: вѣдь я Тебя хорошо знаю?.. Какъ только тетка уходила, она тотчасъ же прибѣгала мириться съ дядей, который, заставляя ради формы просить прощенія, былъ страшно счастливъ разцѣловать милую, смѣющуюся рожицу ребенка, которая тянулась къ нему со словами: Теперь вы больше не сердитесь, скажите, дядя Маланья?... Несмотря на строгое запрещеніе, она упорно звала его „дядя Маланья“, такъ казался онъ ей уничтоженнымъ, поглощеннымъ въ лицѣ своей супруги. Она такъ жалѣла, что онъ мужъ этой женщины, все существо которой было ей противно.

Антуанета избѣгала присутствія тетки, которой однако всегда храбро давала отпоръ. Крики, слезы, ревъ г-жи де Лобургъ кидали въ лихорадочную дрожь ее, боготворившую тишину. Особенно ей были ненавистны обѣды, сопровождавшіеся грубѣйшими сценами. Она съ ужасомъ выслушивала странныя рѣчи, собранныя изъ общихъ мѣстъ и старыхъ фразъ, которыми маркиза уснащала свои шумныя выходки. Сколько разъ видѣлъ ребенокъ, какъ она вылетала изъ столовой, крича оглушенному дядѣ, въ то время, какъ прислуга сопровождала все это молчаливыми и дерзкими усмѣшками:—До смерти моей я не желаю васъ видѣть!.. Я ухожу изъ этого дома, и ноги моей въ немъ не будетъ!..

Г-жа де Лобургъ не могла простить своему мужу, что замужество лишило ее фамиліи де Шампрё. Она также претендовала, что онъ не былъ военнымъ. Только одни военные—люди! гова-

рпвала она, съ презрѣніемъ поглядывая на стараго дипломата. Нельзя было думать, встрѣчая маркизу въ обществѣ, къ которому она принадлежала, что она родилась въ немъ же. Тщеславная, какъ выскочки, она только и говорила, что о своей фамиліи и объ ея славѣ, она была помѣшана на своемъ титулѣ и на страхѣ, что его кто-нибудь можетъ забыть—страхѣ совсѣмъ незнакомомъ людямъ съ аристократическою кожей, но постояннымъ у людей, взлѣзшихъ немножко поздненько и случайно въ чужую. Антуанета охотнѣе перенесла бы розги, чѣмъ поѣздки съ тетушкой по магазинамъ, во время которыхъ на нее нападалъ смертный ужасъ отъ „прощальныхъ пѣсней", какъ она выражалась. Часто продавщица или прикащикъ въ магазинѣ, отдавая покупку посыльному, говорили ему: „Вы отнесете это къ г-жѣ де Лобургъ"...

Маркиза, почти отъ выхода, возвращалась къ прилавку, вся красная, съ сжатыми губами, какъ-то особенно выгибая свою худую шею и говорила тѣмъ трескучимъ голосомъ, отъ котораго Антуанета скрипѣла зубами:—Меня зовутъ не г-жа де Лобургъ, меня зовутъ „*маркиза* де Лобургъ", прошу это не забывать!.. И она выходила съ видомъ оскорбленной королевы, убѣжденная, что эти маленькіе людишки должны считать ее неподражаемою, и не подозрѣвая, что идущая за ней племянница строитъ ей гримасы. Иногда она находила нужнымъ раздѣлить свое негодованіе съ кѣмъ-нибудь и, не имѣя никого лучшаго, обращалась къ ребенку:

— Нѣтъ, каковы эти лавочники?.. Забыть мой титулъ!..

Антуанета, возбужденная, отвѣчала своимъ грубоватымъ громкимъ голосомъ:

— Вамъ-то что̀ отъ этого? Вашъ титулъ остался при васъ!.. Другой разъ вамъ его ужь не дадутъ!..

Тутъ разражалась буря. Г-жа де-Лобургъ обрушивалась на свою племянницу, упрекая ее, что у ней „всѣ пороки де-Шампрё"... „Какъ тотъ и она пожалуй когда-нибудь начнетъ отрицать дворянство!.." и дѣвочка выносила цѣлые потоки брани, съ внѣшнимъ спокойствіемъ и безразличіемъ, какъ лошадь, которую бьетъ погонщикъ. Только, случалось, въ концѣ она съ усмѣшкой и тономъ шутки говаривала: — Оставьте въ покоѣ великаго де-Шампрё!.. Еслибъ его не было, что̀ бы вы стали тогда дѣлать!.. А? тетушка?.. по крайней мѣрѣ теперь есть о чемъ поговорить. По возвращеніи изъ такихъ обильныхъ случайностями прогулокъ,

Антуанета, входя въ кабинетъ дяди Маланьи, который сидѣлъ работая надъ сочиненіемъ: *О дипломатическихъ сношеніяхъ Европы въ XIX вѣкѣ*, здоровалась съ нимъ вотъ въ такомъ родѣ:

— Нѣтъ знаешь?.. тетушка моя вовсе не интересна!.. и убѣгала, не слушая его ласковыхъ упрековъ, вызванныхъ такимъ немножко мужскимъ оборомъ рѣчи.

По мѣрѣ того, какъ она подростала, она становилась все независимѣе и непослушнѣе, но это былъ сорванецъ не злой и не намѣренный.

Уже нѣсколько разъ г-жа де-Лобургъ принималась говорить, что ее слѣдуетъ отдать въ институтъ.—Можетъ-быть, говорила она, хоть эти сестры Св. Игнація что-нибудь смогутъ подѣлать съ этою негодницей Антуанетой!..

Маркизъ упорно не соглашался; ребенокъ былъ его единственною привязанностью, единственнымъ интересомъ въ жизни; при мысли, что придется разстаться съ нею, онъ испытывалъ глубокую печаль.

Но послѣдняя выходка Антуанеты вывела совсѣмъ изъ терпѣнія тётку.

Былъ парадный обѣдъ и на немъ множество офицеровъ, такъ какъ г-жа де-Лобургъ была въ восхищеніи отъ военной формы, которую, наоборотъ, бѣдняжка дядя Маланья терпѣть не могъ. Всѣ эти яркіе цвѣта, красные, голубые, серебряные галуны, вездѣ валяющіяся кёпи, сабли стоящія во всѣхъ углахъ и внезапно падающія со стукомъ, который заставлялъ его выскакивать изъ-за карточнаго стола, все это его глубоко раздражало. Это раздраженіе, которое онъ недостаточно скрывалъ отъ жены, не задолго до пріѣзда гостей, было поводомъ къ бурной сценѣ, въ присутствіи Антуанеты. Видя своихъ дядю и тетку ежедневно въ ссорахъ, ребенокъ въ концѣ-концовъ пересталъ имъ удивляться, совершенно искренно думая, что во всѣхъ семьяхъ происходитъ то же самое.

За обѣдомъ маркиза, по привычкѣ, „распространялась“ о своей племянницѣ. Полковникъ де-Преморель, недавно пріѣхавшій въ Турвиль, видѣлъ Антуанету въ первый разъ; оживленное личико дѣвочки, отца которой онъ зналъ, ему понравилось, онъ обратился къ ней съ нѣсколькими вопросами, на которые та отвѣтила ему безъ робости, но со свойственнымъ ей, когда она „держалась“ предъ взрослыми, суровымъ серьезнымъ видомъ.

— Бѣдняга де-Шампрё, сказалъ де-Преморель,—частенько говорилъ онъ мнѣ, еще до рожденія этого ребенка: „Когда ты будешь полковникомъ, возьми къ себѣ въ полкъ моего сына.“ Какая жалость, что Антуанета не мальчикъ!.. я такъ бы былъ счастливъ, имѣть его въ своемъ полку, да и имя де-Шампрё не угасло бы.

— Это особенно жалко потому, вскричала раздраженно маркиза,—что у Антуанеты характеръ, пороки, голосъ и даже физическое строеніе мальчика.

Де-Лобургъ хотѣлъ было возражать, но дѣвочка, сидя на другомъ концѣ стола, остановила его движеніемъ плечъ, болѣе выразительно, чѣмъ вѣжливо давая ему понять, до какой степени замѣчанія тётки ее мало трогаютъ; но одинъ изъ племянниковъ маркизы, Жакъ де Гельдръ, братъ Клавдіи, подпоручикъ изъ полка де Преморели, громко запротестовалъ:

— Не вѣрьте тетушкѣ, полковникъ, она премиленькая—нашъ „послѣдній де Шампрё“!

И обращаясь къ Антуанетѣ:

— Это истинная правда, моя бѣдняжечка Тоня; я тебя крѣпко люблю! Хочешь, какъ только ты выростешь, мы съ тобою женимся! Ты такая веселая!.. съ тобою никогда не соскучишься!..

— Ну нѣтъ, отвѣчала смѣясь дѣвочка,—я не хочу за васъ выходить замужъ, Жакъ, потому что я васъ тоже очень люблю!.. Ну и мнѣ было бы тяжело съ вами браниться!

— Браниться? Да мы не будемъ браниться никогда!..

Антуанета покачала своею растрепанною головой:

— Ну это навѣрно!.. Мужъ и жена всегда бранятся!.. только этимъ и занимаются!.. и окинувъ однимъ взглядомъ дядю и тетку, которые смотрѣли другъ на друга, какъ истуканы, она продолжала развивать свои мысли:

— Когда никого нѣтъ постороннихъ!.. Воцарилось не ловкое молчаніе, прерываемое задушеннымъ смѣхомъ, и г-жа де Лобургъ послала ребенку ужасный взглядъ, полный всякихъ угрозъ...

Послѣ этого случая, маркизъ, — усталый отъ непрерывныхъ криковъ супруги и серьезно думая, что общество другихъ дѣтей смягчитъ характеръ Антуанеты, — рѣшился отдать ее къ Св. Игнатію.

II.

— Стало-быть, повторилъ де Лобургъ, смотря на смущенную мину Антуанеты,—тебѣ не очень было весело сегодня?

— О, совсѣмъ не весело!..

Маркиза вышла изъ комнаты; приведенная въ хорошее расположеніе духа ея отсутствіемъ, дѣвочка продолжала:

— Видите ли дядя Маланья, мнѣ бывало и здѣсь не очень весело... изъ-за тетушки... но тамъ мнѣ было еще скучнѣе!.. нельзя ли мнѣ не возвращаться туда!.. а!.. что̀ вы скажите?..

— Ты сумашедшая!.. я увѣренъ, что тебѣ понравится у Св. Игнатія!.. готовъ держать пари, у тебя есть тамъ друзья?

Вмѣсто отвѣта Антуанета спросила:

— Дядя, вы знакомы съ префектомъ?

— Да, на что̀ это тебѣ?

— Его дочь моя сосѣдка... не по пюпитру... тамъ другая, а потомъ идетъ стѣна, а знаешь, на лавкѣ, тамъ она сидитъ со мною рядомъ... на такой скверной узенькой лавкѣ... на ней такъ рѣжетъ... а она все время со мною разговариваетъ... а меня за это записываютъ... вы понимаете, какъ это глупо?

— Я хорошо не понялъ въ чемъ дѣло, спросилъ до-нельзя удивленный де-Лобургъ.

— Это неудивительно!.. все это очень сложно!..

И цѣлую ночь снился монастырь Антуанетѣ. Ей снилось, что она стоитъ одна среди какого-то адскаго хоровода пляшущихъ воспитанницъ Св. Игнатія. Луиза де-Монвель была въ мундирѣ префекта съ огромнымъ передникомъ изъ чернаго люстрина. Люси Лефевръ была въ золотыхъ очкахъ, съ перомъ за ухомъ и толстымъ набитымъ портфелемъ, изъ котораго сыпались пыльныя бумаги, подъ мышкой; она прыгала тяжело, всѣмъ корпусомъ, не двигая ногами, и пѣла съ другими, не шевеля губами, ту пѣснь, которая привѣтствовала входъ Антуанеты въ большую залу:

Сиръ Энгеррандъ, вернувшись изъ Испаніи,
Тамъ проходя, задумалъ отдохнуть и т. д.

Съ тетрадью музыки въ рукахъ проходила красавица Клавдія, колебля свою высокую, волнующуюся фигуру и повторяла:

— Бѣдняжка Тоня!.. Говорила я тебѣ, что все это совсѣмъ не весело.

А въ глубинѣ картины г-жа Лазаресъ, украшенная большими бѣлыми крыльями, въ грубыхъ деревянныхъ башмакахъ, съ раскрытымъ, какъ наканунѣ, краснымъ дождевымъ зонтикомъ, улетала въ пространство чрезъ одну изъ тысячи трещинъ потолка, окутаннаго клубами дыма...

На утро, когда Антуанета, разбуженная двумя часами ранѣе обыкновеннаго, сердитая и съ заспанными глазами, влѣзла въ омнибусъ, надзирательница, назначенная присматривать за ѣдущими, сказала ей раздосадованнымъ голосомъ:

— Вы заставили себя ждать двѣ съ половиной минуты. Это слишкомъ долго...

— Моя комната во второмъ этажѣ, поэтому...

— Поэтому вы должны сходить внизъ заранѣе .. за вами будутъ заѣзжать всегда ровно въ шесть съ половиною часовъ... вы первая...

— Первая, подумала печально Антуанета, такая ужь моя судьба... а я такъ люблю спать!..

Она повернулась на скамейкѣ, разсматривая телѣжки огородниковъ и молочницъ, въѣзжавшихъ въ городъ со звономъ ослабѣвшихъ колесныхъ шинъ по камнямъ мостовой.

Скучный голосъ надзирательницы раздавался вновь:

— Запрещается глядѣть въ окна... сидите хорошенько!..

— Слушаю, сударыня.

— Нечего звать меня сударыней, меня зовутъ M-lle Пелажи..

Она сразу остановилась и стала поспѣшно отворять дверцу Луизѣ де-Монвель, которая не спѣша переходила обширный дворъ префектуры... Люси Лефевръ подходила тоже, выйдя изъ сосѣдняго дома.

Совершенно разный пріемъ, оказанный этимъ двумъ подругамъ, очень удивилъ Антуанету. При видѣ Луизы, m-lle Пелажи вскочила, поспѣшно схватила у нея изъ рукъ маленькую сумочку, помогла ей вскарабкаться по крутой лѣсенкѣ, и заботливо усадила ее передъ собою, совсѣмъ не обративъ вниманія на Люси, которой она чуть не захлопнула передъ носомъ дверку. Молодая дѣвушка съ руками занятыми сумкой, набитой книгами и большою папкой рисованія, пыталась неловко подняться по лѣсенкѣ.

Антуанета подошла къ ней и освободила ее отъ папки.

— Сидите на своемъ мѣстѣ, замѣтила сухо m-lle Пелажи,— что̀ вамъ тамъ нужно?

— Нужно!.. я ей помогла, потому что у ней руки заняты!..

— Сядьте!.. Это не ваше дѣло!

— Не мое дѣло?.. Зачѣмъ же вы помогаете вонъ другой, которая ничего не несла?

— Потому, перебила раздраженнымъ тономъ Люси, не давая говорить m-lle Пелажи,—потому что та „другая", какъ вы выразились,—дочка префекта!..

— Да, только поэтому?.. промолвила сбитая съ толку дѣвочка, и вѣрная своимъ еще безсознательнымъ идеямъ о равенствѣ, она настойчиво прибавила, обращаясь къ надзирательницѣ:

— Очень жалко, что вы не знакомы съ моею тетушкой... вотъ съ нею вы бы отлично сошлись!..

— Я васъ запишу!.. воскликнула m-lle Пелажи, и, дрожа отъ гнѣва, она выхватила изъ кармана маленькую книжку въ черномъ шерстяномъ переплетѣ, засаленномъ и потертомъ, въ которую и начала со скрипомъ писать.

— Знаете, она по пріѣздѣ обо всемъ донесетъ, сказала тихонько Люси Антуанетѣ, глазами указывая на надзирательницу.

— Пускай, я не могу ей помѣшать!.. хладнокровно отвѣтила дѣвочка.

Омнибусъ между тѣмъ все наполнялся по-немногу. Луиза де-Монвель нагнулась и шепнула на ухо Антуанетѣ:

— Я въ отчаяніи, что вамъ изъ-за меня достанется!.. но я не виновата...

Дѣвочка поглядѣла на нее и рѣзко отвѣтила:

— Напротивъ... именно вы!..

Повидимому, „дочка префекта" ей не нравилась!.. Благодаря усиліямъ m-lle Пелажи, впечатлѣніе вчерашняго дня усилилось. Одновременно Антуанета возненавидѣла и надзирательницу и ея любимицу.

Люси Лефевръ, вынувъ изъ сумки книгу, спросила:

— Что̀ же вы не учите уроки?

— Мнѣ еще не давали книгъ...

— Это потому, что еще не рѣшили справитесь ли вы въ четвертомъ классѣ!.. хотите, я вамъ дамъ пока мои?..

— Пожалуста... благодарствуйте!..

Но старая лѣнь сказалась и Антуанета прибавила:

— А знаете?.. такъ какъ мнѣ не дали книгъ, значитъ мнѣ нѣтъ нужды учить уроки!..

— Ну, васъ будутъ бранить!..

— Пожалуй... давайте!..

— Я пока буду повторять грамматику, сказала Люси,—а вамъ

дамъ исторію Франціи.. вотъ на сегодня задано, отсюда. „Этотъ союзъ“, до „будущаго вѣка“.

— Какъ, слово въ слово? спросила Антуанета, проглядывая быстро двѣ странички, составлявшія урокъ.

— Нѣтъ... только съ условіемъ передать содержаніе очень близко къ подлиннику...

— Ну, тогда мнѣ нечего учить... я это все знаю...

— Вы знаете исторію Франціи?..

— Да...

— Всю цѣликомъ?..

— Ну, конечно...

Ученицы пораженныя переглянулись.

— А грамматику? спросила Луиза де-Монвель, очень желая попасть на слабое мѣсто,—какъ далеко вы прошли грамматику?

— Я окончила синтаксисъ.

Удивленіе росло.

— Синтаксисъ?.. Вы!.. но его проходятъ только въ третьемъ!..

— Ну, что же, я буду учить его въ третьемъ!.. сухо отрѣзала Антуанета, раздосадованная тѣмъ, что всѣ удивляются, что она кое-что знаетъ.

Въ отвѣтъ раздался ироническій смѣхъ.

— Въ третьемъ классѣ... въ третій... въ тринадцать-то лѣтъ!.. ростомъ съ ноготокъ!.. это просто смѣхъ!.. Да вонъ Люси, ей черезъ три мѣсяца шестнадцать лѣтъ... а то въ третій!.. да и я тоже, а мнѣ минуло пятнадцать... а Бланшъ де-Проль, Жерменъ Вантрэ... вотъ еще въ третій!.. какже!..

Антуанета покраснѣла; она не любила намековъ на свой маленькій ростъ, ей хотѣлось быть громаднаго роста и выраженіе Луизы „ростомъ съ ноготокъ“ ее разсердило.

— Меня посадятъ туда, куда захотятъ, рѣзко сказала она,— и мнѣ это наплевать!.. чѣмъ меньше мнѣ нужно будетъ заниматься, тѣмъ лучше! такъ что мнѣ будетъ очень хорошо даже съ вами!

— „Даже съ вами?!“ Вы слишкомъ дерзки Антуанета де-Шампрё!.. сказала Луиза обиженнымъ тономъ.

— Вы меня находите дерзкою?.. Странно!.. а я нахожу, что вы дерзки, вы вотъ всему и всегда удивляетесь и, передразнивая ихъ, она продолжала:—„Исторію Франціи всю цѣликомъ??— А!! —„И синтаксисъ??? — Э!!!—Въ третій классъ! въ тринадцать-то лѣтъ??? — О!!!!

Задѣтая за живое, Луиза де-Монвель пожала плечами, пробормотавъ съ видомъ отвращенія и презрѣнія:

— Господи!.. что̀ за манеры!..

Антуанетѣ показалась такою смѣшною, манерною, эта толстая мѣщаночка, она подскочила къ ней съ видомъ уличнаго мальчишки и почтительно раскланялась:

— Сейчасъ видно, что господинъ префектъ обожаетъ аристократическія манеры!..

Она произнесла это съ такимъ смѣшнымъ выраженіемъ, съ такою уморительною интонаціей, что раздался громкій взрывъ веселаго, общаго смѣха. Всѣмъ было извѣстно, что за нее дѣлались выговоры, наказывали и никто болѣе не осмѣливался противорѣчить „дочери префекта". А тутъ „новенькая" смѣло отдѣлала ее, отвѣчая этимъ желанію всѣхъ. Хорошенькая, кудрявая дѣвочка, которая радовалась наканунѣ тому, что Антуанета тоже попадаетъ въ компанію „ѣздящихъ въ омнибусѣ", воскликнула съ наивнѣйшимъ восхищеніемъ, смотря на нее:

— Вы что̀ же это,—стало-быть ничего не боитесь?..

Антуанета не отвѣтила.

— Бояться? зачѣмъ бояться? а ей-то чего бояться?

Она вновь отвернулась къ опущенному за ней окну и начала разглядывать чудное голубое небо, по которому плыли маленькія облачка барашками, такихъ своеобразныхъ, мягкихъ очертаній. Она находила прелестными эти маленькія облачка, и слѣдя за быстрыми измѣненіями ихъ формы и цвѣта, ей чудилось множество разнообразныхъ картинъ. Одно облако, широкое въ основаніи, съ закругленіемъ вверху, все словно изъ комковъ, позолоченное лучами солнца, походило на большой снѣговой шаръ, который она скатала прошлою зимой на дворѣ; вотъ это круглое, какъ шаръ, съ нѣжными гранями, похоже было на громадную чашу изъ-подъ пудры... вонъ то словно кусокъ чуднаго бѣлаго плюша, брошеннаго на голубомъ бархатномъ фонѣ... и она, понемногу все наклоняясь, совсѣмъ перекинулась назадъ, высунувъ почти всю голову изъ окна кареты, чтобы подольше послѣдить за этимъ голубымъ, быстро улетающимъ пятнышкомъ. Она забыла все—и необходимость учить уроки, и запрещеніе смотрѣть въ окна, все это улетѣло туда, далеко, высоко, высоко вслѣдъ за этими маленькими облачками!

— Де Шампрё, зашипѣла надзирательница,—я буду жаловаться сестрамъ на ваше непослушаніе!

Антуанета и не двинулась. Опираясь затылкомъ въ деревянную раму окна, съ лицомъ наружу, съ глазами въ небѣ, съ полуоткрытымъ ртомъ, она ничего не слышала. Нужно было сосѣдкѣ дернуть ее за руку, чтобы вывести изъ забытья. Нехотя выпростала она свою голову и спросила:

— Что̀ такое?

— А то, что я буду жаловаться на ваше постоянное непослушаніе, закричала m-lle Пелажи и, замѣтивъ растерянный видъ Антуанеты, она пояснила:

— Вѣдь я запретила вамъ глазѣть на проходящихъ...

— Да я на нихъ и не смотрѣла... увѣряю васъ!..

— Вотъ какъ... ну а что̀ же такое, скажите пожалуста, вы разсматривали?

— Я разсматривала тамъ... голубенькое пятнышко, которое уплывало...

И Антуанета указала пальцемъ на край неба, который, двигаясь межъ облаками, казалось скрывался за домовыми крышами.

Усмѣшка скривила блѣдныя губы надзирательницы, и, неудостоивъ отвѣтомъ, она снова принялась за писаніе въ маленькой, грязной книжкѣ.

— Знаете, шепнула Люси Антуанетѣ,—имъ не сто́итъ говорить ничего подобнаго... Это на нихъ не дѣйствуетъ.

— Какъ это: ничего подобнаго? Но вѣдь это правда!.. Я смотрѣла...

— „Голубенькое пятнышко“? вставила насмѣшливо Луиза.

— Совершенно вѣрно!.. да еслибъ я смотрѣла на что-нибудь другое, почему бы мнѣ этого не сказать?

— Потому, чтобы не получить замѣчанія.

— Я никогда не лгу! Отвѣтъ Антуанеты былъ принятъ съ улыбкой сожалѣнія, всѣ стали съ любопытствомъ разсматривать ее.—Она не лгала!.. ей нравится глядѣть на небо!.. Какая смѣшная эта „новенькая“!..

Когда полу-пансіонерки прибыли къ Св. Игнатію, пробилъ звонокъ къ классамъ, и г-жа де-Преморель начала дежурство сидя за каѳедрой изъ рѣзнаго дерева. Она подозвала къ себѣ Антуанету.

— Вы пойдете съ ученицами четвертаго класса дитя мое... Г-жа Марія-Магдалина васъ проэкзаменуетъ и рѣшитъ, можете ли вы идти съ классомъ... если да, вамъ сегодня дадутъ отъ

эконома книги, если нѣтъ, сегодня вечеромъ вы пойдете на урокъ въ пятый классъ, гдѣ васъ спросятъ снова!—Ступайте!

Антуанета вернулась къ своему столу спотыкаясь и сильно волнуясь результатомъ „экзамена"... А что если она отвѣтитъ дурно?.. Сробѣетъ?.. Пошлютъ въ пятый?.. То-то посмѣются тогда всѣ надъ нею!.. и онѣ будутъ правы.

Видъ г-жи Маріи-Магдалины ее немножко успокоилъ. Маленькая, низенькая съ нѣжными и чистыми темными глазами, съ умною улыбкой, румянцемъ на щекахъ—она ей понравилась сразу. Монахиня начала спрашивать сначала Люси, которая забарабанила слово въ слово гнусливымъ голосомъ урокъ, безъ знаковъ препинанія, безъ остановокъ и съ разнообразнѣйшими пришепетованіями. Такъ и чувствовалось, что она не понимаетъ ни одного слова изъ того, что говоритъ, и Марія-Магдалина слушала ея съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Это несомнѣнное знаніе, сказала она наконецъ,—но и рѣшительное непониманіе... Бланшъ, продолжайте?..

Бланшъ де-Пронь поднялась и начавъ отъ слова, на которомъ Люси остановилась, продолжала съ невыразимою быстротой. Слушая ее хотѣлось передохнуть... становилось почти больно.

— Хорошо!.. Вы, Луиза...

Луиза де-Монвель растерянно откашлянулась, нахмурила брови, подняла глаза къ потолку и въ концѣ-концовъ не нашлась ничего сказать. Нельзя было утѣшать себя какими-либо иллюзіями: —„дочка префекта" не знала ни словечка изъ урока.

— Не старайтесь дѣлать видъ, что вы что-то вспоминаете, сказала Марія-Магдалина.—Вы перестали даже прочитывать свои уроки.

Луиза, вся красная, хотѣла оправдываться; та сурово продолжала:

— Молчите... я вамъ говорю, я... вы не читали урока... я предупрежу г-жу Лазаресъ... Садитесь!

И, обратившись къ Антуанетѣ, она спросила съ недовольнымъ видомъ:

— А вы?.. знаете вы урокъ по исторіи?

— Я?.. думаю что да... пролепетала дѣвочка, у которой страшно забилось сердце.

— Ну, посмотримъ... продолжайте... „Конвентъ"... Чего же вы ждете?

— Потому, что я не знаю... слово въ слово... лепетала дѣвочка дрожащимъ голосомъ.

— Кто это, скажите, воскликнула, невольно вспыливъ, Марія-Магдалина, требуетъ отъ васъ слово въ слово?,. Да я вовсе не желаю... слово въ слово!.. это нелѣпость!.. я требую смыслъ. вы слышите?.. Смыслъ!.. переданный другими словами, а не тѣми, что въ книгѣ... только этимъ путемъ я и могу удостовѣриться, что вы понимаете то, что̀ говорите... и я увѣрена, что ни одна здѣсь не понимаетъ, что̀ она говоритъ!.. ни одна!.. Довольно!.. Вы то знаете или нѣтъ?

— Знаю, сударыня, я знаю...

И Антуанета начала разсказывать о Конвентѣ.

Въ началѣ дрожащій голосъ ея мало-по-малу окрѣпъ. Она ясно указала на существенную сторону вопроса: чѣмъ долженъ былъ быть Конвентъ и чѣмъ онъ былъ, увлеченный событіями.

Она отвѣчала такъ, какъ говорятъ, не растягивая словъ, не отыскивая выраженій, но всегда почти находя вѣрное и красивое. Лицо Маріи-Магдалины вновь стало улыбаться; удивленная, заинтересованная, она внимательно наблюдала свою новую ученицу

— Хорошо, очень хорошо, тихо сказала она,—даже слишкомъ хорошо, потому, что вы мнѣ разсказали въ десять разъ лучшее сегодняшняго урока. . Вы любите исторію?

— Люблю... я ее люблю когда знаю, потому что когда нужно учить...

— Что̀ вы знаете изъ исторіи?

— Исторію древнюю, греческую, римскую, исторію Европы... и только...

— Вы не знаете исторіи Англіи?

— Я учила ее вмѣстѣ съ исторіей Европы... отдѣльно исторію Англичанъ меня не заставляли учить.

Она произнесла слово „Англичанъ“ тономъ такой ненависти въ голосѣ, что удивленная монахиня спросила:

— Вы не любите Англичанъ?

— Я ихъ ненавижу! страстно воскликнула дѣвочка.

— Господь запрещаетъ, дитя мое, ненавидѣть ближняго...

Глубоко убѣжденная, что Господь слишкомъ справедливъ, чтобы запрещать ненавидѣть Англичанъ, Антуанета опустила голову; Марія-Магдалина продолжала:

— Развѣ вы этого не знали.

— Знаю... ближняго... но не Англичанъ!..

И правда, для нея Англичане не были „ближними“, это даже не были люди! Она ненавидѣла ихъ инстинктивно какою-то животною, глубокою ненавистью. Часто дядя, пораженный ея выходками, говаривалъ ей, смѣясь:

— Ты говоришь, дитя, словно старый ворчунъ-солдатъ!

А г-жа де-Лобургъ, выведенная изъ терпѣнія, восклицала:

— Этотъ ребенокъ не любитъ ничего „благороднаго“!

Для маркизы „высшій шикъ“ воплощался въ Англичанахъ; она принимала ихъ важную тупость за изящество, ихъ напыщенную наглость за достоинство. Когда они были, чѣмъ они бываютъ чаще всего—грубыми и пьяными, она признавала ихъ за чистыхъ „грандъ-сеньеровъ“. Бывало во время скачекъ въ Сомюрѣ, когда ей удавалось залучить въ отель Шампрё какого-нибудь „каптейна“, случайно попавшаго туда, она была въ упоеніи и еслибъ ей разсказали, что вышереченный „каптейнъ“ за свой визитъ очень прозаично положилъ въ карманъ двадцатифранковикъ, она стала бы громко кричать, что это клевета.

Марія-Магдалина продолжала:

— Господь не дѣлаетъ исключеній... Вы вѣрно боитесь Бога?.. Да?

— Нѣтъ, отвѣчала твердо Антуанета,—я вѣрю, что Онъ добръ... зачѣмъ же мнѣ Его бояться?

Сначала испуганная, но затѣмъ понявшая мысль ребенка, монахиня спросила вновь:

— Но вы Его любите?

— Еще бы!.. Люблю!.. Ей Богу!

— Какъ можно говорить Ей Богу... Кто васъ воспитывалъ?

— Мой дядя...

Никогда, безъ принужденія къ тому, Антуанета не упоминала о г-жѣ де-Лобургъ.

— А вашъ дядя, конечно, военный?

— Нѣтъ, сударыня, онъ посланникъ.

И замѣтивъ недоумѣніе Маріи-Магдалины, она быстро прибавила:

— Но мы съ нимъ совсѣмъ разныхъ мнѣній! И совсѣмъ наоборотъ!..

— У васъ, дитя мое, мнѣнія черезчуръ опредѣленныя для вашихъ лѣтъ.. придется все это исправлять... есть вещи, которыя вы ненавидите... а другія вы ужь слишкомъ любите!

— Вотъ, напримѣръ, „голубенькое пятнышко", процѣдила сквозь зубы Луиза де-Монвель и въ свою очередь въ отместку за „кажись г. префектъ любитъ хорошіе манеры", она съ усмѣшкой произнесла:

— Кажись, барышня любитъ „голубыя пятнышки".

Дѣвочка поняла, что въ выраженіи „голубое пятнышко", должно быть скрыто ей неизвѣстное значеніе и, пользуясь невниманіемъ монахини, продолжавшей спрашивать учениць, она спросила, усаживаясь:

— Голубенькое пятнышко?.. Что̀ такое голубенькое пятнышко?..

Люси Лефевръ презрительно отвѣчала:

— Голубенькое пятнышко? Не знаю... глупости!

— Нѣтъ, какія же глупости?.. настаивала Антуанета.

— Ну тамъ, поля, небо, цвѣты, поэзія, пташки... Ну, однимъ словомъ, просто „голубенькое пятнышко".

Антуанета не понимала, зачѣмъ ей заговорили о голубенькомъ пятнышкѣ, когда дѣло шло о Конвентѣ и Англичанахъ, но она поняла, что любитъ „голубенькое пятнышко"—а она его любила если это тоже, что небо, цвѣты, птицы—въ глазахъ ея новыхъ подругъ было верхомъ смѣшнаго. Оскорбленная, униженная, она дала себѣ слово глубоко, въ своемъ чистомъ сердцѣ, спрятать это запретное чувство.

— А здѣсь не нужно любить „голубенькое пятнышко"!.. Посмотримъ... подумала она.

Когда классъ выходилъ изъ залы, Марія-Магдалина сказала тихонько Антуанетѣ:

— Останьтесь! мнѣ нужно поговорить съ вами.

Воспитанницы поглядѣли на новенькую съ недовольнымъ видомъ, а Луиза прошептала:

— Уже отличіе... вотъ какъ!..

Только, когда звонокъ прозвонилъ къ обѣду, вернулась Антуанета; она замѣтила, что на нее глядятъ съ непріязненнымъ недоброжелательствомъ; во время обѣда никакихъ однако вопросовъ никто ей не предлагалъ—нѣсколько монахинь, прогуливаясь тихо между скамьями, вынуждали дѣтей сохранять абсолютную тишину; но въ саду, какъ только началась рекреація, ее осадили вопросами и непріятными намеками.

— Вы уже стали „наушницей" Маріи-Магдалины?

— Что̀ такое объявила вамъ ваша покровительница?...

— Вы можете гордиться, обыкновенно она не очень-то любезна...

— Вторично Луиза де-Монвель сказала тономъ наставленія:

— Видно любовь къ „голубенькому пятнышку“ можетъ на что-нибудь и пригодиться?

Маленькія ушки Антуанеты совсѣмъ покраснѣли: она быстро обернулась:

— Однако!.. Вы перестанете повторять мнѣ это?..

— Нѣтъ, безъ шутокъ. — спросила Луиза, желая избѣжать ссоры, которую она предчувствовала,—что̀ такое могли съ вами дѣлать въ теченіе всего этого времени?

— Меня экзаменовали... Я не остаюсь въ классѣ... Лица сдѣлались еще болѣе непріятными и „ехидность“ улыбокъ стала еще рѣзче.

— А! имѣемъ честь васъ поздравить!

— Конечно, если вы полагаете быть въ состояніи идти съ слѣдующимъ классомъ... это ваше дѣло....

— Знаете, иной разъ это только такъ кажется... такъ-то-съ.. ну, а потомъ... когда придется спуститься, это тяжелѣе...

— Не считая того, что кто въ хвостѣ класса, у того нѣтъ шансовъ на награды...

— Не очень-то радуйтесь: у васъ будетъ классная дама убійственная! самая убійственная изъ нихъ въ третьемъ классѣ...

— Но, сказала Антуанета, когда ей стало возможно сказать хотя слово,—я и не буду въ третьемъ классѣ...

Лица просвѣтлѣли.

— А!.. васъ переводятъ въ пятый... я говорила?.. недостаточно сдѣлать видъ, что знаешь исторію...

— Ну, вы не очень-то радуйтесь, — отвѣчала смѣясь Антуанета,—я знаю ее лучше васъ, эту исторію... вотъ почему меня и приняли въ первый...

Все оцѣпенѣло:

— Въ первый!.. „новенькая“, въ первый... ей еще нѣтъ 14 лѣтъ!..

И Луиза де-Монвель подошла къ Антуанетѣ, нѣсколько разъ обошла вокругъ нея и сказала тономъ совершеннаго изумленія:

— Въ первый! Смотрите какое чудо...

Маленькія ушки покраснѣли еще болѣе и ребенокъ отвѣчалъ голоскомъ, который отъ гнѣва сталъ дрожащимъ:

— Я пробуду въ первомъ почти до пятнадцати лѣтъ... послѣ чего я перейду въ высшій классъ... такъ что совсѣмъ я окончу

въ 16 лѣтъ... какъ и всѣ... а вотъ вы, вы кончите только въ двадцать... вотъ вы-то всѣ *чуда!..*

Луиза подскочила къ Антуанетѣ, выше которой она была на голову:

— Что̀ такое говорите вы, госпожа „Голубенькое Пятнышко“?

На этотъ разъ ребенокъ поблѣднѣлъ, двѣ глубокія складки рѣзко вырисовались въ углахъ рта.

— Берегитесь!..—сказала она.

Звукъ прерывался въ ея стиснутомъ судорогой горлѣ. Очень довольная Луиза продолжала:

— Это мнѣ-то беречься?.. Чего это?..

Такъ какъ Антуанета не отвѣчала, она нагнулась къ ея лицу и прошипѣла:

— Чего же, „Голубенькое Пятнышко“?

— Вотъ чего!..

И рука „новенькой“ съ звонкимъ трескомъ опустилась на щеку Луизы. У свят. Игнатія, въ монастырѣ хорошаго тона, прежде всего было строго запрещено драться. Воспитанницы вообще едва могли припомнить дебютантокъ, мало знакомыхъ съ правилами, рѣшившихся на пощечину, когда ихъ донимали съ особою настойчивостью, но никогда, безусловно никогда, никто не осмѣливался поднять руку на „дочь префекта“; поэтому испугъ достигъ своего верха.

Луиза, ошеломленная этимъ неожиданнымъ нарушеніемъ уваженія и нѣсколько одурѣвшая отъ силы полученной оплеухи, на минуту осталась неподвижною, смущенною и растерянною, но въ ту минуту, когда, уже раскаявшаяся въ своей вспыльчивости, Антуанета стала мило просить у нея прощенія, она подбила ее ногой и, схвативъ за талію, повалила ее, и ребенокъ покатился въ песокъ, словно шаръ; но мягкая и гибкая, какъ котенокъ, она ловко вскочила на ноги, при всеобщемъ смѣхѣ, и ринулась на Луизу.

Это была настоящая драка; сначала воспитанницы бросились было, чтобы помочь „новенькой“, они знали, что Луиза весьма способна злоупотребить своею силой, но тотчасъ поняли безполезность своей помощи.

Луиза, которая любила ломать руки маленькимъ, чтобы показать свою силу, на этотъ разъ была порядочно „вздута“. Антуанета совсѣмъ разошлась, дралась хладнокровно, основательно нанося удары крѣпкими тяжелыми кулаками и съ ловкостью

обезьяны увертывалась отъ подножекъ своей противницы. Небольшой кругъ составился вокругъ обѣихъ дѣвочекъ, всѣ смотрѣли очень заинтересованныя и внутренно восхищенныя тѣмъ, что Луиза де-Монвель получила, наконецъ, столько разъ заслуженную „потасовку“ и остерегались звать кого-либо.

Г-жа де-Преморель, очень занятая установкой кегель въ концѣ аллеи, и не воображала ничего подобнаго тому, что̀ происходило; но, наконецъ, обезумѣвшая Луиза съ визгомъ начала кричать:

— Помогите... она меня убьетъ!..

И ученицы, видя, что ея крики услышаны, закричали также, чтобы не показаться соучастницами:

— Скорѣй!.. Идите скорѣй...

— Еще бы она не побѣжала скоро. Г-жа де-Преморель, увидавъ свою любимицу въ такомъ ужасномъ положеніи, она бѣжала маленькими спѣшными и совсѣмъ смѣшными шагами; вуаль, распущенный по вѣтру, и развѣвающаяся пелеринка дѣлали ее похожею на летучую мышь; конечно, она прибѣжала скоро, но когда уже она была на полѣ сраженія, мудрая осмотрительность, которая руководила ея мельчайшими поступками, удержала ея отъ принятія въ немъ личнаго участія. Конечно, было очень тяжело, ужасно видѣть, какъ бьютъ эту милую, маленькую Луизу, но вступиться было невозможно, безъ риска самой получить какой-нибудь неловкій ударъ и, конечно, стоило напередъ объ этомъ подумать.

Пока она размышляла, Антуанета, воспользовавшись какою-то неловкостью Луизы, схватила ее руками за плечи, заставила согнуть колѣни и легкимъ толчкомъ колѣна въ животъ, въ свою очередь, заставила ея покатиться на песокъ.

— Отлично!.. Отлично!.. закричали одна, двѣ изъ наиболѣе смѣлыхъ дѣвочекъ, несмотря на негодующее выраженіе лица де-Преморель, которая кинулась къ дочери префекта. Со спокойною совѣстью, убѣжденная, что она была права, Антуанета поправляла свой большой англійскій воротникъ, сбившійся во время баталіи на сторону и готовилась идти играть въ кегли, когда раздраженная монахиня ее остановила:

— Де-Шампрё, ваше поведеніе возмутительно!

Дѣвочка не отвѣчала.

— . . . . . . и подло! — продолжала де-Преморель.

Антуанета вспыхнула.

— Подло? Ну ужь нѣтъ-съ! Она на два года старше меня и я ей только по плечо прихожусь!

— Но, вы много сильнѣе ея!..

— Это ужь ея несчастье!.. стало-быть она не то, чѣмъ бы должна была быть... тутъ ужь я не причемъ!..

Не обращая вниманія на Луизу, которую де-Преморель любовно очищала отъ пыли, ученицы увлекли съ собою Антуанету; состоялся видимый поворотъ въ ея пользу.

Однѣ были ей благодарны за науку тщеславной товарки, которую онѣ къ тому же ненавидѣли, не смѣя этого высказать громко; другія, болѣе равнодушныя, были ей благодарны за смѣлость, съ которою она напала на эту „любимицу классныхъ дамъ", и всѣ удивлялись физической силѣ этой маленькой дѣвочки, которую отъ земли не видать.

Ея манера „вышибать" кегли окончательно привлекла къ ней всѣ сердца; поднялись споры на чьей сторонѣ ей быть, кончили тѣмъ, что кидали объ ней жребій и къ концу рекреаціи, Антуанета, тѣсно окруженная, царила уже среди группы воспитанницъ и никто не говорилъ съ Луизой, которая заботливо вновь причесанная и вычищенная вернулась, чтобы принять участіе въ играхъ.

Очень сообразительная, молодая дѣвушка тотчасъ почувствовала, что новенькая готовится стать популярною въ ущербъ ей; она подошла съ видомъ добраго малаго и протянутою рукой:

— Забудемъ старое и будемъ друзьями, хотите?... спросила она.

Наивная, неумѣющая совершенно отгадывать „причины" вещей, Антуанета подошла весело улыбаясь, но со слезами на глазахъ, сожалѣя, что побила эту большую дуру, которая безъ злопамятства протягивала ей руку, тогда какъ нужно было сознаться, что она ее побила, къ глубокому прискорбію, нещадно. Поэтому, она отъ всего сердца отвѣчала на пожатіе Луизы — слабое и отрывистое, безусловно лишенное искренности.

Менѣе простая, Люси Лефевръ не была обманута этою комедіей примиренія; она искоса поглядѣла на Луизу и, злобно смѣясь, сказала:

— Такъ, такъ!.. будьте друзьями!.. Это совершенно вѣрно.. такъ благоразумнѣе!..

Конечно, это было сказано о престижѣ „дочери префекта"; обратившись затѣмъ къ Антуанетѣ, Люси продолжала:

— Все равно, при первомъ случаѣ, она вамъ отплатитъ, вамъ слѣдуетъ быть крѣпко на сторожѣ!..

Когда вечеромъ де-Лобургъ спросилъ у своей племянницы, въ какой классъ она окончательно принята, Антуанета отвѣчала съ видомъ, который усиливалась сдѣлать безразличнымъ:

— Я? въ первый...

— Что̀ такое? спросила маркиза, которой показалось, что она плохо разслышала.

Антуанета поглядѣла на тетку, повторяя очень громко:

— Въ первый, конечно... вотъ вѣдь не было же нужды меня все понукать... говорить, что я ничего не знаю... что я не работаю... да... а я вотъ въ первомъ, съ взрослыми... есть которымъ по восемнадцати лѣтъ!..

— Стало-быть, спросила г-жа де-Лобургъ, обращаясь къ мужу,—стало-быть, на будущій годъ она уже выйдетъ изъ монастыря? Антуанета разразилась смѣхомъ:

— Успокойтесь, моя дорогая тетушка... есть еще слѣдующій классъ... классъ, который у насъ соотвѣтствуетъ „философіи“:— „высшій классъ“... О! не старайтесь припомнить... вы этого не знаете!

И видя, что маркиза раздраженно вскочила, она добавила, чтобы смягчить грубость своего отвѣта:

— Его въ ваше время не существовало..

Не обративъ вниманія на громкій стукъ двери, которую съ силой захлопнула его жена, бѣдняжка дядя обратился къ Антуанетѣ:

— Отлично, моя малютка Тоня!.. я тобою доволенъ, такъ это хорошо, въ твои годы быть уже въ первомъ! Антуанета выпрямилась:

— Это еще не все!.. я сдѣлала лучшее!..

— А! что̀ же такое?

— Я дралась...

— Да, прошепталъ разочарованный маркизъ,—и это по твоему: „сдѣлала лучшее“?

— Я дралась съ шестнадцатилѣтнею, продолжала сіяющая дѣвочка,—съ большою... очень большою и также толстою... и я ей дала оплеуху!.. Да! и оплеуху перваго сорта!.. еслибы вы только видѣли дядя Маланья!—Надо вамъ сказать, все это она начала!.. а какъ она ревѣла!.. а я то была рада!.. ужь конечно болѣе рада чѣмъ тому, что меня приняли въ первый!..

— Кажется, никогда ты не будешь благоразумною!

— Почему же... драться очень благоразумно!.. вотъ смотрите— вчера, меня не очень-то долюбливали у Св. Игнатія, я говорю о воспитанницахъ... потому что классныя дамы... это мнѣ рѣшительно все равно...

— Вотъ какъ!

— Да, еще сегодня утромъ, когда онѣ узнали, что я поступила въ первый, какую мину сдѣлали эти воспитанницы... какъ онѣ издѣвались надо мной... какъ онѣ помыкали мной!.. наконецъ, онѣ мнѣ такъ надоѣли и въ особенности одна. . она мнѣ говорила вещи...

— Какія вещи?

— Что я люблю голубое... потому что сегодня утромъ я въ каретѣ все смотрѣла на маленькій уголокъ неба... поэтому говорятъ, что я люблю голубенькое!..

— Ну такъ что̀ же тутъ такого? за что̀ же тутъ сердиться?..

— Вы думаете... скажите, вы стало-быть тоже любите это— голубенькое, дядя Маланья?

Маркизъ сталъ серьезенъ.

— Да, сказалъ онъ,—я люблю небо... только оно неблагодарное не платитъ мнѣ тѣмъ же!..

— Кажется, любить небо глупо?

— Начинаю и я такъ думать... только немножко поздно...

— Ну хорошо, очень можетъ быть, что любить небо глупо, но я не желаю, чтобы мнѣ это говорили...

— Однако...

— Нѣтъ... не желаю!.. потомъ она обозвала меня „чудомъ“ и потомъ еще иначе...

— Какъ же она тебя назвала?

— „Голубенькое пятнышко“—вотъ какъ!

— Голубенькое пятнышко?

— Да, это все исторія въ каретѣ!.. я кинулась на нее... и потомъ... вы понимаете, дядя Маланья?..

— Я боюсь понимать!..

— Да, такъ вотъ и было!.. а потомъ знаете что̀ произошло?

— Я еще не увѣренъ!.. ты была наказана?

— Совсѣмъ нѣтъ!.. Наоборотъ!.. всѣ дѣвочки стали меня любить и бросили ту другую!.. Да, въ этомъ-то вся и штука... вы видите!..

— Что̀ такое я долженъ видѣть?

— А то, что я была права, что была довольна дракой больше чѣмъ классомъ... Это меня сдѣлало сейчасъ хорошею со всѣми, вотъ эта-то драка...

— И отсюда ты заключила?..

— Что сила много полезнѣе ученія, дядя Маланья... Знаю, я вѣдь знаю, что на этотъ счетъ у насъ разныя мысли...

— Дѣйствительно... и ты сдѣлаешь хорошо, если не будешь говорить о вещахъ, въ которыхъ ты еще ничего не понимаешь.

— Однако, сегодня я поработала надъ „изслѣдованіемъ“, какъ вы говорите...

— Нѣтъ, вотъ что̀ скажи-ка мнѣ, скоро ли ты привыкнешь въ монастырѣ? прервалъ де-Лобургъ, полагая, что лучше не настаивать.

— О Господи!.. за этимъ дѣло не станетъ!.. и потомъ всего два года... это недолго!..

III.

Антуанета очень легко свыклась съ монастыремъ. По временамъ у нея бывали гнѣвныя вспышки и маленькія раздраженія, но это „въ концѣ-концовъ всегда устраивалось“, какъ она говорила,—благодаря вмѣшательству и совѣтамъ г-жи Лазарессъ, которая нѣжно полюбила свою маленькую воспитанницу. Нѣкоторымъ обычаямъ, извѣстнымъ правиламъ, Антуанета противупоставляла отчаянное сопротивленіе. Ни за что̀, напримѣръ, она не хотѣла подчиниться обычаю, который предписывалъ ученицамъ ставить надъ ихъ нумерами, на вещахъ имъ принадлежащихъ, четыре буквы A. M. D. G. Самая идея замѣнять свое имя нумеромъ уже очень не нравилась ей, но она добросовѣстно помѣтила свои вещи большими 93-мя криво вышитыми. Этотъ нумеръ, выбранный ею, никогда никому не давался, воспитанницы избѣгали его. Когда Антуанетѣ объявили, что она поступаетъ 437-ой и, слѣдовательно, должна всѣ свои вещи помѣтить нумеромъ 437, она настоятельно пожелала имѣть нумеръ 93, который былъ свободенъ, какъ она знала. Экономъ, который имѣлъ смутныя понятія о дѣяніяхъ великаго де-Шампрё, съ ужасомъ спросилъ:

— Зачѣмъ же вы хотите этотъ ужасный нумеръ. Развѣ вы революціонерка, какъ вашъ дѣдушка?

— Кто, я? знаете,.. я вовсе не недовольна революціей!... Но я вовсе не поэтому выбираю этотъ нумеръ...

— Тогда почему же?

— Потому что тутъ придется мѣтить двѣ цифры, а не три... вотъ и все!

Немного успокоенный экономъ хотѣлъ объяснить куда слѣдуетъ помѣстить буквы A. M. D. G.

— Какъ еще что-то есть, воскликнула Антуанета, лѣность которой заговорила,—зачѣмъ A. M. D. G?... Что̀ это должно означать?

— Это значитъ: Ad majorem Dei Gloriam. [1]

— Хорошо, я намѣчу только D. G., Dei gloriam... это одно и то же и покороче...

— Нѣтъ, вы должны поставить A. M. D. G.

— Почему же это?

— Потому что это девизъ Ордена Іезуитовъ.

— Мнѣ то что за дѣло?... Я не іезуитъ!... Зачѣмъ мнѣ девизъ этихъ господъ?

— Потому что это правило здѣшняго дома.

Антуанета заупрямилась. — Я хочу видѣть г-жу Лазарессъ. Я не стану мѣтить, пока не увижусь съ г-жею Лазарессъ! И она такъ долго и сильно настаивала, что ее отвели къ начальницѣ, которая и объяснила ей настоящее значеніе.

— Это обычай, говорила смѣясь чудная женщина,– но это не обязанность.

Однажды, когда Антуанета возвратилась изъ монастыря, поднимаясь по лѣстницѣ, она услыхала, что тетка ея кричитъ болѣе обыкновеннаго; она пріостановилась у дверей библіотеки, боясь войти.

— Оставьте меня, говорилъ де-Лобургъ,—дѣлайте все, что̀ хотите, отправляйтесь куда хотите, но оставьте меня!

Антуанетѣ показалось, что голосъ ея дяди не былъ такъ спокоенъ, какъ обыкновенно. Сотни разъ присутствовала она при сценахъ болѣе бурныхъ, чѣмъ настоящая и никогда не чувствовала она такъ сильно, какъ болѣзненно сжалось у ней сердце.

— Я боленъ, продолжалъ маркизъ,—очень боленъ... Эти постоянные раздоры приносятъ мнѣ много зла... вы это знаете, и можно подумать, что вамъ доставляетъ удовольствіе меня доканать!...

[1] Къ вящшей славѣ Бога. *Прим. пер.*

Прислонившись къ двери, Антуанета стояла пораженная ужасомъ.

— Боленъ, дядя Маланья?... а она не знала?... съ какихъ поръ боленъ?... Неужели онъ можетъ умереть, Господи? Она тутъ только поняла, до какой степени она его любитъ,—и она позволитъ его мучить, волновать, „доканать“? Да нѣтъ же!

Какъ буря влетѣла она въ библіотеку.

Очень блѣдный, съ губами, подергиваемыми нервною дрожью, маркизъ стоялъ прислонясь къ огромному рѣзному камину. При видѣ ребенка его подергивающееся лицо прояснѣло. Антуанета подбѣжала къ нему и обернувшись къ теткѣ съ улыбкой на устахъ и съ хитрымъ видомъ, сказала:

— Тамъ въ гостиной какой-то офицеръ!

— Сейчасъ иду! отвѣчала г-жа де-Лобургъ и поспѣшно вышла.

Антуанета разрыдалась.

— Что̀ съ тобой?!.. заволновался маркизъ, ужасно удивленный, что видитъ ребенка, никогда не плакавшаго, въ слезахъ.

— Какъ дурно, дядя Маланья, ничего не говорить!.. отчего вы мнѣ не сказали?

— Да что̀ такое?...

— Что вы больны! О, я хорошо слышала!... а она дѣлаетъ вамъ больно... и всегда это дѣлаетъ, какъ и всѣмъ, всегда!..

— Антуанета!..

— Что̀ же? не станете же вы мнѣ говорить, что она добра?.. вы хорошо знаете, что это не такъ!

Потомъ, подумавъ немного, продолжала:

— Я больше не хочу ѣздить къ Св. Игнатію! я хочу оставаться съ вами, чтобъ оберегать васъ, ходить за вами!..

— Да вѣдь это немыслимо!.. ты отлично знаешь, что твоя тетка не...

— Э! очень мнѣ нужна моя тетка! Я ее терпѣть не могу а васъ,—васъ я обожаю!... особенно съ тѣхъ поръ... скажите же мнѣ, что вы хотите, чтобъ я осталась? говорите скорѣе, пока она еще не вернулась!..

— Пока она не вернулась? но вѣдь тамъ гость?..

Антуанета расхохоталась.

— Офицеръ? Да, какже? никакого тамъ нѣтъ офицера! я это сказала, чтобы заставить ее удрать...

— Напрасно ты это сдѣлала!.. это дурно, и тетка будетъ недовольна.

— Вотъ ужь это мнѣ рѣшительно все равно!.. такъ правда, вы меня оставите, дядя Маланья? съ вами навсегда?.. Мнѣ четырнадцать съ половиною лѣтъ — хотя это не видно! я вамъ буду служить секретаремъ... я буду переписывать, сколько хотите. *О дипломатическихъ сношеніяхъ Европы въ XIX вѣкѣ*, хотя эта переписка можетъ очень надоѣдать!—а потомъ мы будемъ дѣлать чудныя прогулки въ лѣсъ!.. хотите?.. скажите?..

— Чудныя прогулки?.. да посмотри ты на меня, моя бѣдняженька Тоня? подожди, не плачь! — умереть не великое горе... рано или поздно, а это должно случиться... вѣдь это отдыхъ... кто знаетъ, можетъ-быть, это даже голубенькое?.. то голубенькое, что̀ ты такъ любишь... что̀ мы оба любимъ! Ты вѣдь попрежнему любишь голубенькое пятнышко?

— Я ничего больше не люблю! ничего, кромѣ одного Бога, произнесъ рыдая ребенокъ, — но что̀ же такое съ вами, дядя Маланья? какая у васъ болѣзнь?..

— Тебѣ то что̀, для чего это тебѣ нужно знать?

— Нужно, нужно... скажите?... я хочу знать, что̀ это за болѣзнь!...

— Гипертрофія сердца... ну, довольна ты?.. слышишь, — звонокъ къ обѣду... пойди, сойди моя малютка, Тоня, и будь умницей!.. Ты понимаешь, что̀ я хочу сказать?

— А вы, дядя Маланья? вы не сойдете?..

— Мнѣ не хочется ѣсть! Ступай! ты придешь ко мнѣ послѣ обѣда...

Г-жа де-Лобургъ была за столомъ; она обратилась къ ребенку, который молча усаживался.

— Вы мнѣ объявили, что кто-то былъ въ гостиной?..

— Да, тетушка.

— Тамъ никого не было!..

— Въ такомъ случаѣ, я, вѣроятно, ошиблась.

— Странно!..

....

— Гдѣ вашъ дядюшка?

— Онъ не сойдетъ къ обѣду.

— Почему?

— Потому что онъ боленъ...

— Боленъ?.. неужели?..

Антуанета опустила голову, внимательно разсматривая донышко тарелки; она не въ состояніи была смотрѣть на маркизу. Ей

хотѣлось схватить тяжелый графинъ полный водою, стоявшій у нея подъ рукою и швырнуть его въ лицо тетки; въ эту минуту она была въ состояніи ее убить. Послѣ обѣда она бѣгомъ поднялась въ библіотеку; за ней послѣдовала г-жа де-Лобургъ.

Еще болѣе блѣдный, чѣмъ ранѣе, дыша все тяжелѣе и тяжелѣе, маркизъ хотѣлъ привстать отъ стола, за которымъ писалъ, но упалъ обратно въ свое кресло.

— Дѣточка, сказалъ онъ Антуанетѣ,—позвони Германа, я хочу его послать сейчасъ съ этимъ письмомъ и этою депешей.

— Я ихъ ему отдамъ, предложила г-жа де-Лабургъ, схвативъ бумаги, положенныя на столѣ. Антуанета рѣзко кинулась одновременно съ теткой.

— Позвольте?.. я освобожу васъ отъ труда!

— Оставь меня! сказала грубо маркиза.

Дѣвочка отошла, но она видѣла то, что̀ ей хотѣлось узнать, и когда она подмѣтила безпокойный взглядъ, которымъ маркизъ слѣдилъ за бумагами, которыя уносила его жена, она обняла его руками за шею и шепнула ему на ухо:

— Будьте покойны дядя Маланья... это будетъ сдѣлано.

— Другъ мой, заговорила г-жа де-Лобургъ входя,—не лучше ли будетъ вамъ перейти въ свою комнату?..

— Нѣтъ, съ этимъ удушьемъ я не могу лечь... мнѣ здѣсь будетъ лучше... эта комната большая, въ ней больше воздуха, чѣмъ въ спальнѣ...

— Но это безуміе!.. вамъ будетъ несравненно лучше у себя!

Маркизъ холодно отвѣчалъ:

— Я предпочитаю остаться здѣсь... я буду покойнѣе!..

Антуанета поняла, что дядя хотѣлъ избѣжать сценъ, неизбѣжныхъ вслѣдствіе сосѣдства жены, комната которой была близко отъ его; но маркиза этого не поняла.

— Ну что̀ же, тогда мнѣ придется просидѣть ночь съ вами здѣсь въ библіотекѣ.

— Благодарю васъ, но нѣтъ никакой нужды сидѣть надо мною ночь.

— Однако сегодня вечеромъ у васъ дыханіе нѣсколько тяжелѣе...

— Нѣсколько?.. дѣйствительно! прошепталъ съ ироніей де-Лобургъ, который задыхался,—но я желалъ бы остаться одинъ... я ожидаю соборнаго священника, съ которымъ хочу говорить.. безъ свидѣтелей... если, конечно, это возможно!..

Маркиза закричала.

— Священника?.. да вы съ ума сошли!.. можно подумать, честное слово, что вы собираетесь умирать!..

Де-Лобургъ не отвѣтилъ ничего; Антуанета прижавшись къ уголку дивана, тихо плакала.

— Къ тому же, снова начала маркиза,—онъ теперь занятъ праздниками, и врядъ ли можетъ придти, вашъ священникъ!

— Онъ придетъ, какъ только прочтетъ письмо, которое я сейчасъ ему писалъ... а теперь мнѣ бы хотѣлось отдохнуть немножко...

— Ступайте спать Антуанета, сказала г-жа де-Лобургъ.

Ребенокъ подошелъ къ дядѣ и подставилъ ему лобъ. Маркизъ обнялъ ее, поцѣловалъ долгимъ, крѣпкимъ поцѣлуемъ и обратился къ женѣ:

— Прошу васъ, оставьте и вы меня!

Усаживаясь возлѣ лампы и развертывая вышиванье, г-жа де-Лобургъ отвѣтила:

— Если вы дѣйствительно страдаете,—мое мѣсто подлѣ васъ...

Антуанета заперлась въ своей комнатѣ, быстро написала письмо и спустилась въ кухню.

Прислуга обѣдала, всѣ почтительно встали.

— Германъ! обратилась она, ты меня очень любишь, да?

— Да развѣ вы не знаете, барышня!.. одинъ я, что̀ ли... всѣ васъ здѣсь любятъ!..

И онъ добавилъ сквозь зубы:

— Эдакую-то миленькую, умную штучку!

— Тогда скажите?.. Что маркиза отдавала ли тебѣ, Германъ, или кому-нибудь изъ васъ, отнести письмо къ соборному священнику и отправить депешу къ генералу де-Лобургъ?

— Ничего мы не видали, барышня, ни я, никто изъ насъ!..

— Я была въ этомъ увѣрена!.. Слушай Германъ, дядя очень боленъ... очень боленъ, ты слышишь?..

— Ужь много времени, барышня, что господинъ маркизъ нехорошъ!..

— Онъ хочетъ видѣть брата... я читала депешу, которою онъ его вызывалъ. Садись на девяти часовой поѣздъ... въ полночь ты будешь въ Самурѣ... добейся, какъ знаешь, видѣть генерала, отдай ему это письмо и безъ него не возвращайся... А теперь, какъ можно скорѣе приведите мнѣ извозчика... я поѣду къ

священнику одна, а то тетушка можетъ догадаться, когда недосчитается двухъ своихъ прислугъ...

Дворецкій возмутился:

— Какъ это „своей“ прислуги? Мы всѣ ваши, барышня! и лошади, отель, все... все, что здѣсь есть, принадлежитъ вамъ, барышня, и если...

Онъ сразу оборвалъ: съ верху черной лѣстницы маркиза спрашивала:

— А что барышня улеглась?

— Отвѣчайте — да!.. шепнула Антуанета, прижавшись въ уголъ.

Пять минутъ спустя трясясь въ одной изъ отвратительныхъ, оборванныхъ каретъ въ формѣ лодки, какія еще встрѣчаются въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, Антуанета катила къ собору. Служба окончилась, когда она подъѣхала. Бѣгомъ пересѣкла она церковь и застала священника въ ризницѣ, снимавшаго облаченіе.

Соборный священникъ крестилъ Антуанету и готовилъ ее къ первому причастію. Часто онъ возмущался независимостью манеръ и даже вѣрованій ребенка, но, не одобряя заблужденій ея черезъ-чуръ быстраго воображенія, онъ умѣлъ подмѣтить и понять изысканную деликатность этого честнаго и горячаго сердца.

— Батюшка, сказала Антуанета,—прошу васъ ѣхать со мною, скорѣй, скорѣй!..

Ужасно удивленный видѣть маленькую дѣвочку совсѣмъ одну, священникъ спросилъ:

— А развѣ ваша тетушка васъ не сопровождаетъ?

— Э! дѣло не въ тетушкѣ!..

— А, тѣмъ лучше! промолвилъ этотъ славный человѣкъ, вѣшая свое облаченіе, а я боялся, уже не случилось ли чего съ ней.

„Ахъ, еслибъ это такъ было!“ подумала Антуанета и нетерпѣливая, она продолжала:

— Нѣтъ, это дядя заболѣлъ, очень заболѣлъ!.. и онъ хочетъ васъ... онъ хочетъ сейчасъ васъ видѣть, батюшка!.. И указывая глазами на швейцара и маленькихъ пѣвчихъ, которые толпились въ ризницѣ, она прибавила:—Я бы хотѣла переговорить съ вами наединѣ, батюшка.

Священникъ взялъ свою шляпу и, отворивъ маленькую дверку, ввелъ ребенка въ церковный садикъ.

— Батюшка, заговорила она дрожа, — дядя умираетъ...

И такъ какъ священникъ хотѣлъ протестовать:

— Да, онъ умираетъ!.. я его хорошо разглядѣла... я это чувствую, повѣрьте!.. сегодня вечеромъ онъ вамъ писалъ...

— Но я ничего не получалъ!

— Я это знаю, отлично... тетушка прибрала письмо!.. она-то не желаетъ, чтобы вы пришли... вотъ почему я и пріѣхала!..

— Я бѣгу...

— Надо привести доктора Шардена!... теперь мы его найдемъ въ клубѣ... если я одна пріѣду, онъ меня пошлетъ къ чорту... онъ не очень-то любезенъ, докторъ!.. но съ вами... онъ васъ послушаетъ, батюшка.

Когда докторъ спустился въ маленькую гостиную клуба, гдѣ Антуанета и священникъ съ безпокойствомъ его ожидали, его первое движеніе было, какъ и всегда, грубо и непріятно; но при взглядѣ на страшно разстроенное личико ребенка, дурное расположеніе духа пропало:

— Ѣдемъ!.. ѣдемъ... неужели что-нибудь серьезное?.. Этотъ сорванецъ Тоня изъ-за пустяковъ не волнуется... у нея есть мозги... и честное слово, я начинаю безпокоиться!..

И забывъ свою палку (чего съ нимъ еще никогда не бывало), докторъ Шарденъ грубо ввалился въ карету.

Тамъ Антуанета въ отчаяніи разсказала все, что̀ знала: постоянныя сцены, ссору, которая вызвала этотъ послѣдній припадокъ, сокрытіе письма и депеши.

— Надо дать знать генералу, сказалъ докторъ, и когда дѣвочка объяснила ему, что это уже сдѣлано, онъ воскликнулъ дружески-признательно глядя на нее: — Говорилъ я, что у ней есть мозги, у моей маленькой звѣздочки. Полно!.. не плачь такъ... мы тебѣ вылѣчимъ твоего дядю! будь покойна, я сдѣлаю все, что̀ только могу!.. я его тоже люблю, моего стараго товарища!.. и я его спасу... изъ эгоизма... чтобы сохранить сего хорошаго пріятеля...

Антуанета опустила голову:

— Я васъ прошу, молила она, привести сестру милосердія ходить за нимъ!.. его не слѣдуетъ ни на минуту оставлять одного съ теткой!.. она кричитъ!.. она его раздражаетъ!.. О, злая женщина!.. какъ я ее ненавижу!.. знаете, батюшка, еслибы Богъ захотѣлъ ей сдѣлать только четверть того, что̀ я ей желаю,

славно бы ей было!.. я бы ничего больше не просила у Бога! я бы оставила Его тогда совсѣмъ въ покоѣ!..

— Что̀ такое?.. что̀ такое!.. да развѣ говорятъ такія вещи? бормоталъ совсѣмъ смущенный священникъ.

Не доѣзжая до отеля Шампрё, Антуанета остановила извозчика.

— У меня ключъ отъ сада, сказала она,—мы пройдемъ потихоньку, и я поспорю, что вы услышите крики моей тетки, которая ничего не подозрѣваетъ.

Ребенокъ не обманулся. Пронзительный голосъ маркизы дошелъ до низу черезъ дверь библіотеки:

— Священникъ сегодня вечеромъ, конечно, не придетъ... но я сейчасъ пошлю за докторомъ Шарденомъ; нужно узнать, что̀ такое съ вами...

Антуанета тихонько пріотворила дверь.

— Оставьте доктора Шардена спокойно продолжать свой вистъ, отвѣчалъ де-Лобургъ ослабѣвшимъ и прерывающимся голосомъ,—мнѣ нечего узнавать, что̀ со мною... Нѣтъ... мнѣ бы хотѣлось видѣть священника... но вы правы, онъ уже не можетъ придти сегодня вечеромъ!..

Антуанета широко распахнула дверь:

— А! наконецъ-то!.. воскликнулъ радостно маркизъ. При входѣ священника и доктора г-жа де-Лобургъ поднялась пораженная съ мѣста, но увидавъ Антуанету, которая виднѣлась въ углѣ, она поняла все.

— Ну такъ?.. а мнѣ-то ты такъ ничего и не скажешь?.. началъ докторъ, стараясь скрыть волненіе, вызванное въ немъ перемѣной въ больномъ, — хорошъ ты, нечего сказать!.. Однако, дѣло-то безъ меня не обойдется, бѣдная ты моя старина?..

— Какъ это ты узналъ, что дѣло безъ тебя не обойдется? спросилъ маркизъ.

Докторъ поймалъ за ухо Антуанету.

— Я узналъ это вотъ отъ этой плаксы!.. на, поцѣлуй ее!.. она частенько бываетъ несносна, твоя племянница, но она добрая, милая дѣвочка... и тебя она крѣпко любитъ... я тебѣ отвѣчаю!..

Де-Лобургъ притянулъ къ себѣ ребенка.

— Я тоже люблю тебя, Тоня!.. когда ты будешь думать о твоемъ старомъ дядѣ, помни, что ты была его единственною

радостью, его единственнымъ счастьемъ, его единственнымъ голубенькимъ пятнышкомъ!..

Вмѣшался докторъ.

— Э! безъ нѣжностей!.., это не ко времени, коего чорта!.. а вотъ что?.. ты не можешь оставаться на этомъ дурацкомъ креслѣ, мы тебя отлично устроимъ на диванѣ... съ подушками... а потомъ ты можешь побесѣдовать съ батюшкой... такъ какъ ты на этомъ настаивалъ...

Когда докторъ и маркиза перешли въ гостиную, оставивъ одвихъ больнаго и священника, г-жа де-Лобургъ спросила:

— Ну какъ же, докторъ?

— А такъ, сударыня,—конецъ!.. дѣло нѣсколькихъ часовъ и ужасныхъ мученій.

Маркиза принялась плакать.

— Но вѣдь я не знала!.. я не могла вѣрить...

— Однако тому назадъ болѣе двухъ лѣтъ я васъ предупреждалъ!.. когда Лобургъ вернулся изъ Швеціи, онъ уже былъ боленъ... я тогда же сказалъ вамъ, что мужу вашему слѣдуетъ избѣгать всякой усталости, всякаго волненія, всякаго неудовольствія даже!..

И сухимъ тономъ, докторъ добавилъ:

— Слѣдовали ли вы моимъ предписаніямъ?

Въ эту минуту священникъ проходилъ черезъ гостиную.

— Я возвращусь напутствовать, причастить его, и привезу сестру милосердія, сказалъ онъ тихимъ голосомъ.

Г-жа де-Лобургъ все плакала; она спросила:

— Нельзя ли что-нибудь сдѣлать, чтобъ облегчить его?..

— Не безпокойтесь объ этомъ сударыня, я самъ побуду около него до прибытія сестры милосердія, которую привезетъ священникъ... я хочу обезпечить покой его послѣднихъ минутъ...

Маркиза поняла, что она побита и послала Антуанетѣ взглядъ, полный ненависти.

Въ пять часовъ утра пріѣхалъ генералъ де-Лобургъ, какъ разъ вовремя, чтобъ успѣть проститься съ умирающимъ.

Когда все было кончено, онъ взялъ руки Антуанеты, которая блѣдная, безъ слезъ глядѣла на то, что̀ дѣлалось вокругъ нея, не видя ничего.

— Крошка моя, сказалъ онъ глубоко тронутый и благодарный,— я вамъ обязанъ счастьемъ, что еще разъ повидался съ братомъ...

Маркиза звала племянницу:

— Ступайте спать, Антуанета, вамъ нуженъ отдыхъ.

Но дѣвочка упорствовала:

— Я хочу оставаться съ дядей!..

И подойдя къ дивану, глядя съ любовью на прекрасное, спокойное лицо умершаго, она прошептала съ выраженіемъ и нѣжнымъ, и комичнымъ:

— Бѣдняжка, дядя Маланья!.. вотъ только въ первый разъ онъ успокоился!..

Она произнесла это такъ горестно и смѣшно въ одно и то же время, что докторъ Шарденъ не могъ остаться серьезнымъ. Взбѣшенная маркиза потеряла всякое самообладаніе; она схватила Антуанету за руку и больно сжала ее.

— Вамъ здѣсь не мѣсто!..

Дѣвочка вырвалась; но то, что̀ наканунѣ сказалъ дворецкій, сразу пришло ей на умъ, и она отвѣчала:

— Мнѣ вездѣ мѣсто въ моемъ собственномъ домѣ!

И когда тетка внѣ себя двинулась на нее съ поднятою рукой, она отступила вплоть до двери, которую она отворила настежь, повторяя: — о! только не здѣсь!.. пожалуста! только не здѣсь!..

Г-жа де-Лобургъ красная, спотыкающаяся, растрепанная, послѣдовала за ней на площадку, задыхаясь отъ гнѣва.

— Ступайте въ вашу комнату... ступайте! Я вамъ приказываю!... если вы сейчасъ не послушаетесь... я васъ... вышвырну на лѣстницу!..

Антуанета презрительно пожала плечами.

— А! сказала она,—хотѣла бы я это посмотрѣть!

И такъ какъ тетка ринулась къ ней, она вся поблѣднѣла, сжала свои маленькіе кулачки и ждала.

Выступилъ впередъ старикъ Германъ:

— Пусть г-жа маркиза не трогаетъ!.. это ей, все равно, не удастся съ барышней!.. она спуститъ г-жу маркизу черезъ перилы, за милую душу!.. Барышня по силѣ совсѣмъ де-Шампрё!.. да и характеромъ тоже... вылитый ихъ бѣдный папенька!..

Генералъ де-Лобургъ взялъ свою золовку подъ руку и увелъ ее.

Антуанета обратилась къ доктору:

— Я не могу оставаться здѣсь теперь!.. Что̀ со мной теперь будетъ?..

— Бѣдняжка ты моя, теперь твоя тетушка будетъ твоею опекуншей!.. по крайней мѣрѣ на первое время..

— Это невозможно! Я не могу съ ней оставаться!.. Мнѣ страшно!.. О! мнѣ такъ страшно, еслибы вы только знали!..

Ея глаза страшно выходили изъ орбитъ.

Докторъ думалъ ее успокоить.

— Страшно?.. Ну, Антуанета!.. я тебя не узнаю! Одна изъ Шампрё и ей страшно?.. вотъ такъ штука!.. этого еще никто не видалъ!..

— Какая тутъ де-Шампрё!.. мнѣ страшно, я вамъ говорю!.. не оставляйте меня, докторъ!.. умоляю васъ, не уѣзжайте!.. или увезите меня!..

— Мнѣ необходимо навѣстить моихъ больныхъ... я скоро вернусь!.. даю тебѣ слово... А пока, пойди, помолись возлѣ дяди, ступай, моя дѣвочка!..

Когда Антуанета вошла въ библіотеку, сестра милосердія, которая приводила комнату въ порядокъ, сказала ей:

— Побудьте здѣсь минутку, барышня, я пойду спросить у прислуги кое-какія вещи, которыя мнѣ нужны...

— Ступайте, сестра моя, я останусь...

Она подошла къ дивану и долго смотрѣла на дядю. Ей почти казалось, что вотъ, вотъ онъ откроетъ глаза, улыбнется ей, заговоритъ съ ней... Вспомнились ей хорошіе часы, проведенные возлѣ него, въ этой большой библіотекѣ, гдѣ онъ жилъ среди книгъ и своихъ занятій... Она замѣтила на столѣ не оконченныя страницы „Дипломатическихъ сношеній Европы въ XIX вѣкѣ“. Видъ этого красиваго, крупнаго и прямаго почерка заставилъ ее заплакать вновь. Бѣдняжка, дядя Маланья! Сколько разъ она смѣялась надъ этимъ, называя ихъ „великимъ произведеніемъ“. Сколько разъ, видя, что онъ сердится, она карабкалась къ нему на колѣни и клялась, что больше не будетъ „трогать“ „Дипломатическія сношенія Европы въ XIX вѣкѣ“ и не отставала отъ него, пока онъ не начиналъ смѣяться и прощалъ ее... А она и не замѣчала, что онъ боленъ!.. Онъ зналъ, что онъ приговоренъ и никогда не говорилъ ей, чтобъ ея не печалить!.. Еслибы вчера она не остановилась, услыхавъ крикъ тетки, такъ бы ничего она и не узнала бы!.. и онъ умеръ бы безъ священника, безъ доктора!.. и умеръ бы терзаемый до послѣдняго своего вздоха!.. Вся ненависть къ маркизѣ, позабытая на минуту, зажглась вдругъ... она стала на колѣни, страшно призывая Бога на помощь, выкрикивая голосомъ, охрипшимъ отъ гнѣва:

— Господи, Боже мой!.. Да убей же ее!

Въ ея безумномъ воображеніи тетка представлялась ей чудовищемъ. Сцены, крики, вульгарности и низость этой страшной женщины принимали въ ея глазахъ фантастическіе размѣры. Все зло, которое маркиза дѣлала по своей невыносимой природѣ, казалось зломъ преднамѣреннымъ и сознательнымъ; и на ряду съ гнѣвомъ, увеличивались ужасъ и дрожь при мысли, что ей придется жить возлѣ этой женщины, при мысли, что вотъ, сейчасъ, она взойдетъ сюда!.. Она рѣшилась бѣжать! Въ минуту ухода она остановилась, задержанная мыслью: — „Можетъ ли она оставить такъ, одного дядю Маланью?.. Ну, да... ему теперь нѣтъ нужды ни въ чемъ и ни въ комъ!.. Онъ не можетъ болѣе страдать!..“

Крадучись вернулась она поцѣловать маркиза и прошептала:

— Какъ вы счастливы, что умерли, дядя Маланья!

Затѣмъ она выскользнула изъ библіотеки, бѣгомъ спустилась съ лѣстницы, прошла черезъ садъ, прокрадываясь въ чащахъ, чтобъ ея не увидали и вышла на улицу.

Былъ полдень. Антуанета встрѣчала мало народа и незамѣченная достигла предмѣстій. Оттуда она, не останавливаясь, пустилась по дорогѣ въ Сомуръ. Куда она шла?.. Она ничего не сознавала!.. Она шла, гонимая непреодолимымъ страхомъ, не спрашивая себя о цѣли этого безумнаго бѣгства. Шелъ дождь; промокшая, продрогшая, — у ней одну минуту мелькнула мысль пойти просить пріюта у доктора Шардена; онъ добръ, несмотря на свою грубость, онъ былъ другомъ ея отца!.. Но нѣтъ! можетъ-быть ее ищутъ?.. Если она вернется въ городъ, ее узнаютъ, отведутъ въ отель Шампрё!.. все, что угодно, кромѣ этого!.. Тогда ей пришло въ голову о Св. Игнатіи... Опекунъ поручилъ ее монахинямъ и монахини обязаны заботиться объ ней!.. Антуанета такъ часто проѣзжала верхомъ по окрестностямъ Турвиля, что отлично знала мѣстность. Переѣзавъ напрямикъ равнину, ей и двухъ часовъ не потребуется, чтобы дойти до монастыря. Она снова пошла черезъ поля, луга и пашни; она уже не бѣжала, чувствуя, что ноги у ней слабѣютъ и голова совсѣмъ пуста. Дорога показалась ей безконечною, и когда она наконецъ подошла къ рѣшеткѣ Св. Игнатія, охваченная снова страхомъ, что ее отправятъ къ теткѣ, она не посмѣла звонить. День былъ на исходѣ; она подумала, что не можетъ же она, однако, ночевать на улицѣ; отыскивая возможность взойти въ паркъ, она шла вдоль высокихъ стѣнъ, окружавшихъ владѣніе; подойдя къ концу, гдѣ была маленькая дверца, ведшая на хуторъ, она остановилась удивленная, почти

обрадованная: дверца была полуотворена!.. Она стала подниматься по большой платановой аллеѣ. Дождь все падалъ, мелкій и холодный. Совсѣмъ окоченѣлая Антуанета, въ своей коротенькой юпочкѣ, облипавшей ноги, съ трудомъ подвигалась впередъ. Къ усталости присоединились ужасныя головныя боли; ей казалось, что ей разбиваютъ черепъ ударами топора.

Она сѣла, прислонившись къ платану и откинула намокшіе, налипавшіе на глаза волосы.

Въ глазахъ у ней мутилось; ей казалось, что всѣ громадныя деревья наклоняются къ ней, силы ее окончательно покидали.

Такъ какъ она никогда не бывала больна, эти муки ея ужаснули, она легла на землю, задавая себѣ вопросъ такъ ли умираютъ и должна ли она умереть сейчасъ, вотъ тутъ?.. Затѣмъ оглядѣвъ свои разорванные башмаки, разорванное въ клочья платье, себя, лежащую въ жидкой грязи аллеи, ея насмѣшливая натура взяла послѣдній разъ верхъ, и она насмѣшливо прошептала:

— Славную физіономію сдѣлала бы моя тетушка, еслибъ она увидала послѣдняго изъ де-Шампрё въ этакомъ плачевномъ положеніи?..

Она мало-по-малу слабѣла, неразличала болѣе ясно окружающихъ ее предметовъ, но въ ея бѣдной, умирающей головкѣ толпились воспоминанія, рисуясь съ невѣроятною ясностью въ мельчайшихъ подробностяхъ. Она снова видѣла, какъ дядя Маланья вводилъ ее въ пріемную въ день ея вступленія въ монастырь св. Игнатія, драку съ Луизой де-Монвель!.. и сцены въ каретѣ!.. Она вспомнила, что г-жа Лазаресъ вернула ее, когда она убѣгала, изъ этой именно аллеи, гдѣ она и сейчасъ была; и на ней были деревянные башмаки, и красный зонтикъ!..

Вдругъ Антуанета увидала надъ своею головой колыхающійся, красный зонтикъ и большое угловатое и морщинистое лицо начальницы наклонилось къ ней, спрашивая, какъ и въ день первой встрѣчи:

— Антуанета?.. моя малютка, Антуанета, да что̀ же такое вы тутъ дѣлаете?..

Видъ этого дружескаго лица придалъ немного мужества ребенку; она попыталась подняться, но упала, прошептавъ прерывающимся голосомъ съ помутившимся взоромъ:

— Спрячьте!.. тетка... она меня ищетъ!..

Г-жа Лазаресъ приподнялась и стала звать на помощь.

Антуанета видѣла бѣгущаго садовника, почувствовала, что ее поднимаютъ съ земли, показалось ей, что ее уносятъ, ей стало не такъ холодно; но сотрясенія отъ движенія увеличивали боли головы, несмотря на всѣ предосторожности добраго малаго, который повторялъ, совсѣмъ растерянный:

— Бѣдняжечка, нумеръ 93!.. что̀ же такое могло съ ней случиться?..

Садовникъ не зналъ имени Антуанеты, но онъ хорошо зналъ ея нумеръ. Сколько разъ находилъ онъ въ саду шляпу, фартукъ, перчатки или книги, которыя она тамъ забывала.

Ребенокъ, вѣчно разсѣянный, всюду сѣялъ свои вещи, и какъ только садовникъ поднималъ потерянный предметъ, онъ говорилъ:

— Готовъ поспорить, что это опять малютка 93!.. Рѣдко онъ ошибался и въ слѣдующую перемѣну онъ видѣлъ бѣгущую Антуанету. красную, запыхавшуюся, спрашивающую съ тревогой:

— Амбруазъ, скажите, вы ничего не находили?

— Что-нибудь помѣченное 93, барышня?

— Да, Амбруазъ... да! благодарствуйте! Я все теряю!...

И она, смѣясь, убѣгала. Когда садовникъ со слѣдующею за нимъ г-жею Лазаресъ прошелъ чрезъ площадку, неся на рукахъ ребенка, съ котораго лила вода, воспитанницы шли въ столовую. Начальница сказала нѣсколько словъ сопровождавшей ихъ монахинѣ, и Антуанета съ закрытыми глазами, съ шумомъ въ ушахъ, разслышала шепотъ по рядамъ:

— Ахъ Господи, Боже мой!.. вѣдь это голубенькое пятнышко!

— Что̀ такое съ ней случилось?

— Постойте!.. да конечно!.. сегодня ея никто не видѣлъ!..

— Она упала въ прудъ?..

— Да нѣтъ же!..

— Конечно!.. развѣ вы не видите, вонъ вода течетъ!..

— Голубенькое пятнышко утонула?..

Это было послѣднее, разслышанное Антуанетой слово, у нее сильнѣе застучало въ вискахъ, горло совсѣмъ ссохлось, зубы стиснулись, голова запрокинулась еще тяжелѣе, и она потеряла сознаніе.

Она пришла въ себя среди шепота голосовъ, между которыми она распознала грубый голосъ доктора Шардена, который говорилъ:

— Чортъ возьми!.. это острое воспаленіе мозговыхъ оболочекъ!.. въ которомъ часу вы ее подняли?

— Вчера въ семь часовъ вечера, отвѣчала г-жа Лазаресъ,—я шла съ хутора; я почти наткнулась на нее, она лежала поперекъ аллеи съ широко открытыми глазами... она не звала... она совсѣмъ не жаловалась ни на что...

— Ужасъ, который причинила ей смерть бѣднаго де-Лобургъ, страхъ остаться одной со своею милою тетушкой, это путешествіе по дождю... все это вызвало воспаленіе... она должна была идти въ теченіе семи часовъ... было двѣнадцать часовъ, когда она исчезла.

Помолчавъ, докторъ добавилъ со злобой:

— О, эта скотина тетушка!.. попадись она мнѣ! И обернувшись къ монахинямъ:

— Я прошу у васъ извиненія ваше преподобіе... я до того взбѣшенъ, что право забываюсь!..

Антуанета не двигалась. Среди ужасающихъ мукъ, она чувствовала безконечное удовольствіе и была спокойна; она чувствовала, что окружена друзьями, которые не отдадутъ ее теткѣ... ей можно будетъ умереть мирно, не слыша несносный, трескучій голосъ маркизы, не видя, какъ движутся ея длинная шея и длинныя руки, унизанныя кольцами!.. и она не двигалась довѣрчивая и спокойная.

— Бѣдная малютка, продолжалъ докторъ,—подумаешь, вчера утромъ она умоляла меня не уѣзжать, не покидать ея, а я не послушалъ ее! Да чортъ! развѣ я могъ ожидать такой исторіи...

Онъ грубо прибавилъ, чтобы скрыть свое горе:

— Съ этими дьяволами-бабами можно ожидать всего!.. Онѣ еще дѣвчонками находятъ случай дѣлать зло!..

— Развѣ она безнадежна, докторъ? спросила тревожно начальница,—неужели она не придетъ въ чувство?

— Можетъ-быть... но это ничего не значитъ!..

— Батюшка, вы все равно можете ее напутствовать...

Антуанета все слушала. Съ минуту уже она страдала много менѣе. Острыя боли прекратились; она чувствовала только огромную тяжесть, почти ее не безпокоившую; ей казалось, что голова ея наполнялась водой и она находила, что это даже пріятно; она подумала, вспомнивъ о помертвѣломъ видѣ и прерывающемся дыханіи своего дяди:

— Бѣдняжка дядя Маланья, страдалъ много больше этого!..

Въ эту минуту докторъ Шарденъ взялъ ее руку и сказалъ:

— Жаръ уходитъ!.. это скверно!.. крѣпко скроена была дѣвочка!..

Тогда Антуанета рѣшилась открыть глаза; ей захотѣлось знать гдѣ она, поблагодарить тѣхъ, кто о ней заботился.

Тотчасъ же узнала она комнату начальницы.—комната была веселая, свѣтлая, куда восходящее солнце такъ и лило свои яркіе лучи. Возлѣ кровати стояли начальница г-жа Лазаресъ, докторъ и священникъ.

Страшно обрадованная, что ребенокъ открылъ глаза, начальница, нагнулась къ ней, и спросила:

— Ну, какъ?..

У добрѣйшей г-жи Лазаресъ, всегда такой чинной, крестъ былъ на плечѣ и чепчикъ на боку. Антуанета разсмѣялась, посмотрѣвъ на нее, потомъ, показывая своимъ маленькимъ, совсѣмъ бѣлымъ пальчикомъ, чистое небо, которое, казалось, вплывало къ ней черезъ открытое окно, она отвѣчала истомленная, закрывая глаза:

— А такъ!.. я тоже иду къ голубенькому пятнышку, вотъ что̀!..

Конецъ.

ПОМПЕИ.

Очеркъ.

I.

Veder Napoli e poi morire, видѣть Неаполь и затѣмъ умереть—кому неизвѣстна эта италіянская поговорка, лучше и краснорѣчивѣе всякаго описанія выражающая всю силу чудной красоты Неаполитанской природы, въ которой предъ нашимъ взоромъ открывается точно другой, лучшій міръ, соотвѣтствующій религіознымъ представленіямъ о небесномъ раѣ, и вызывающій въ нашихъ сердцахъ страстное желаніе навсегда поселиться въ немъ! Да, земнымъ раемъ представляется побережье Неаполитанскаго залива всякому, на чью долю выпадетъ счастье увидѣть этотъ благодатный и плодороднѣйшій уголокъ юго-западной Италіи, гдѣ природа, облитая ярко-золотымъ блескомъ южнаго солнца и чуднымъ ароматомъ нѣжнаго воздуха, какъ будто вѣчно ликуетъ и въ восторженномъ самозабвеніи любуется своею красотой здѣсь, у подошвы и на склонахъ мысообразныхъ горъ, которыя вмѣстѣ съ высоко и гордо подымающимися за ними Аппенинами, защищаютъ всю мѣстность отъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, амфитеатромъ тянется безпрерывный рядъ цвѣтущихъ городовъ и утопающихъ въ благоуханной зелени виллъ; здѣсь среди тихихъ волнъ Средиземнаго моря, омывающихъ извилистый берегъ материка и свѣтящихся такою же глубокою синевой, какъ и разстилающееся надъ ними небо, въ близкой дали манятъ къ себѣ причудливыя и обаятельныя формы

острововъ: Капри, Искія, Прочиды и Низиды: здѣсь все кругомъ, и вблизи, и вдали, настолько восхищаетъ и очаровываетъ чувства и воображеніе человѣка, что становится понятнымъ, почему поэзія всѣхъ временъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ, не переставала воспѣвать и прославлять этотъ край.

Лишь одинъ темный пунктъ, лишь одна тѣнь виднѣется въ дивной и полной жизненнаго блеска картинѣ его. Это—вулканъ Везувій, представляющій собою адскій принципъ разрушенія среди райской благодати. Старинная и полная глубокаго смысла христіанская легенда разсказываетъ, что Христосъ, странствуя по землѣ, прежде чѣмъ выступить учителемъ людей, однажды взошелъ на гору Сомму, одну изъ вершинъ Везувія, и, взирая оттуда на разстилавшійся у его ногъ дивный ландшафтъ, узналъ въ немъ кусокъ рая, который нѣкогда былъ оторванъ отъ неба Люциферомъ при его паденіи на землю. Воспоминаніе это исторгло у Христа слезы, и изъ нихъ взошла виноградная лоза, которая и понынѣ произрастаетъ на склонахъ горы Соммы, дающая прекрасное вино, извѣстное подъ именемъ Lacrima Christi. Подобно христіанской легендѣ и языческія сказанія древнихъ Грековъ и Римлянъ, прославляя побережье Неаполитанскаго залива въ своей мистической поэзіи, указали на двойственный характеръ этой мѣстности. Здѣсь на Флейгрейскихъ поляхъ, по вѣрованію древнихъ, боролся Зевсъ съ Титанами, принципъ порядка и добра съ принципомъ разрушенія и зла; здѣсь же находился входъ въ подземное царство Плутона, гдѣ рядомъ съ Элизіемъ мѣстомъ блаженства, помѣщался и Тартаръ, мѣсто муки. Да, рай и адъ соединены вмѣстѣ на Неаполитанскомъ побережьи; находясь рядомъ, они съ одной стороны ярче и рельефнѣе обрисовываютъ, а съ другой стороны пополняютъ другъ друга. На землѣ не бываетъ ничего абсолютно совершеннаго; все здѣсь относительно, и добро такъ же мало мыслимо безъ зла, какъ зло безъ добра; только контрасты обусловливаютъ истинную жизнь и истинную красоту.

Вулканическія силы, которымъ подвластно все побережье Неаполитанскаго залива, и которыя теперь обнаруживаются главнымъ образомъ въ дѣятельности дымящагося, а по временамъ даже извергающаго лаву и пепелъ Везувія, въ одно и то же время приносятъ вредъ и пользу этой мѣстности. Имъ въ особенности она обязана своимъ изумительнымъ плодородіемъ; ихъ вліяніемъ на почву объясняется тотъ интересный фактъ, что Везувій,

основаніе котораго покрываетъ площадь менѣе, чѣмъ въ четыре квадратныхъ мили, несмотря на столь часто случавшіяся разрушительныя изверженія его, и теперь еще питаетъ слишкомъ 80 тысячъ человѣкъ населенія, между тѣмъ какъ такая же площадь въ известковыхъ Апеннинскихъ горахъ въ состояніи прокормить едва двадцатую долю, т.-е. едва 4.000 человѣкъ.

Недаромъ, поэтому, обитатели склоновъ Везувія называютъ его и „своею гордостью и своимъ страхомъ". Прозвище „счастливой", которое древніе дали всей области Кампаніи (Campania felix), должно быть отнесено нами преимущественно къ тому уголку ея, расположенному вдоль берега Средиземнаго моря, гдѣ начиная съ Мизенскаго мыса, вплоть до мыса della Campanella, отчасти подъ грозною и въ то же время благодатною сѣнью Везувія, нынѣ тянутся цвѣтущіе города и городки Поццуоли, Неаполь, Портичи, Резина, Торре делл-Греко, Торре делл-Аннунціата, Кастелламаре и Сорренто. За двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени этотъ уголокъ представлялся въ еще болѣе цвѣтущемъ видѣ. Тогда вулканическія силы, которыми въ доисторическую эпоху берега Неаполитанскаго залива были выдвинуты изъ глубины моря, почивали въ почти невозмутимомъ снѣ. Везувій, по словамъ древнихъ писателей, представлялся тогда вулканомъ давно потухшимъ Страбонъ (V, 4, 8) говоритъ подробно о его наружности, о склонахъ, покрытыхъ цвѣтущими садами, о вершинѣ, усѣянной пещерами, о слѣдахъ давнихъ изверженій и о золѣ, придававшей плодотворную силу почвѣ всѣхъ его окрестностей.. Мнѣніе знаменитаго древняго географа, что кратеръ Везувія навсегда потухъ по причинѣ истощенія всѣхъ горючихъ веществъ, его питавшихъ, и что онъ, поэтому, не грозитъ больше никакою опасностью, это мнѣніе, очевидно, было распространено среди всѣхъ жителей тѣхъ цвѣтущихъ и богатыхъ городовъ, которыми берега Неаполитанскаго залива были усѣяны за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени, и имена которыхъ—Кумы, Баіи, Путеоли или древняя Дикеархія, Палеаполь, Неаполь, Геркуланъ, Помпеи, Стабіи и Суррентъ — возбуждаютъ въ нашемъ умѣ цѣлый рой историческихъ воспоминаній. Попытаемся на минуту задержать этотъ рой воспоминаній и обозримъ вкратцѣ исторію того края, въ которомъ процвѣтали только что упомянутые города, и который, получивъ въ V-мъ столѣтіи до Р. Хр. общее названіе Кампаніи, заключалъ въ себѣ всю равнину юго-западной Италіи, простиравшуюся въ направленіи съ

сѣвера на югъ, отъ рѣки Лириса до Соррентскаго полуострова, а въ направленіи съ запада на востокъ отъ моря, до отроговъ Аппенинскихъ горъ.

Оставляя въ сторонѣ древнѣйшія баснословныя времена, когда на берегахъ Неаполитанскаго залива стали селиться первые жители, сдѣлавшіеся, безъ сомнѣнія, очевидцами тѣхъ проявленій вулканическихъ силъ этой мѣстности, миѳическія преданія о которыхъ сохранились въ религіозно-поэтическихъ сказаніяхъ Грековъ о происшедшей тамъ борьбѣ Титановъ съ Зевсомъ и Геркулесомъ и о находившемся тамъ входѣ въ преисподнюю, мы достовѣрно знаемъ только то, что приблизительно за тысячу лѣтъ до христіанской эры, среди кореннаго населенія, жившаго тогда въ Кампаніи и состоявшаго изъ Авзоніевъ или Опсковъ, Осковъ, т.-е. „земледѣльцевъ", принадлежавшихъ къ италійскому племени Сабиновъ или, какъ они сами себя называли, Сафиновъ, на этихъ берегахъ поселились греческіе колонисты и основали сперва городъ Кумы, а затѣмъ (въ VI столѣтіи до Р. Хр) Дикеархію и Неаполь, распространяя свою культуру далеко по всему краю. Полному подчиненію Грекамъ этого края помѣшало, однако, то обстоятельство, что около 800-го года до Р. Хр. съ сѣвера въ него вторглись воинственные Этруски и въ качествѣ побѣдоносныхъ завоевателей основали въ немъ союзную республику, состоявшую изъ 12-ти городовъ, во главѣ которыхъ находилась столица Вольтурнъ (Volturnum), позднѣйшая знаменитая Капуя. Почти четыре столѣтія продолжалось господство Этрусковъ въ странѣ Осковъ, и вліяніе, которое ихъ высокая культура полу-финикійскаго, полугреческаго характера имѣла на коренное населеніе, явствуетъ, напримѣръ, изъ того факта, что осскій алфавитъ, возникшій около V-го столѣтія до Р. Хр., образовался преимущественно изъ этрусскаго алфавита. Несмотря, однако, на свою высшую культуру, Этруски не могли вполнѣ ассимилировать себѣ населеніе покореннаго ими края. Напротивъ, всѣ имѣющіяся въ нашихъ рукахъ данныя указываютъ на то, что Оски численностью превосходили своихъ завоевателей, и что, поэтому, національность послѣднихъ въ концѣ концовъ была поглощена національностію первыхъ въ сохранившихся до насъ надписяхъ загадочнаго до сихъ поръ этрусскаго языка, которыя были найдены въ Кампаніи и которыя относятся, главнымъ образомъ, къ послѣднимъ вѣкамъ римской республики, вліяніе осскаго языка настолько видно, что изслѣдователь

почти склоненъ предположить смѣшеніе обоихъ языковъ, состоявшееся въ ущербъ перваго, т.-е. этрусскаго.

Владычество Этрусковъ въ Кампаніи, ослабленное изнѣживающимъ вліяніемъ роскошной природы этого края, было низвергнуто во второй половинѣ V вѣка до Р. Хр. (между 438 и 424 гг.). Спускавшіеся въ то время съ Аппеннинскихъ горъ воинственные Самниты, соплеменники Осковъ, отняли у Этрусковъ Капую, у Грековъ Кумы и, завоевавъ весь край, основали въ немъ то осское государство, которое съ тѣхъ поръ было извѣстно подъ именемъ кампанскаго. Однако уже черезъ сто лѣтъ это новое государство ослабѣло настолько, что капуанская община не могла сопротивляться нападеніямъ, производившимся тогда на нее свѣжими толпами постоянно спускавшихся со своихъ горъ храбрыхъ Самнитовъ, и для своей защиты противъ нихъ должна была просить помощи у римской республики (въ 343 г.) и подчиниться главенству этого молодаго, но властолюбиваго и жаднаго къ завоеваніямъ государства. Уже скоро, однако, Капуанцы, привыкшіе, съ одной стороны, къ полной свободѣ, а съ другой—къ неограниченному пользованію эллинскою культурой продолжавшихъ процвѣтать въ Кампаніи греческихъ колоній, начали тяготиться тѣмъ вассальнымъ положеніемъ, въ которое они сами поставили себя въ отношеніи къ Римлянамъ. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы снова освободиться отъ римской гегемоніи, они стали дѣйствовать за одно съ латинскою конфедераціей, возставшею тогда противъ Римлянъ. Нѣсколько времени положеніе этихъ послѣднихъ было чрезвычайно серьезно. Но уже въ 340 г. до Р. Хр. ихъ полководецъ Манлій Торкватъ одержалъ подлѣ Трифана столь рѣшительную побѣду надъ соединенными силами Латиновъ-Кампанцевъ, что оба эти народа должны были покориться. Кампанскіе города Капуя, Кумы и другіе были обращены въ зависимыя отъ Рима общины, такъ-называемыя муниципіи, которыя, хотя и пользовались правомъ самоуправленія, но въ то же время обязывались къ уплатѣ дани и къ службѣ въ римскомъ войскѣ, а кромѣ того подвергались еще строгому контролю со стороны римскихъ должностныхъ лицъ, ежегодно отправлявшихся съ этою цѣлью въ Кампанію. Раздачей римскимъ колонистамъ земельныхъ надѣловъ въ Фалернской области и постройкой къ югу отъ нихъ, на кампанской равнинѣ, крѣпости Калеса Римляне вскорѣ еще больше упрочили свое владычество въ недавно пріобрѣтенномъ

богатомъ краѣ. Тѣмъ не менѣе Кампанцы еще разъ сдѣлали попытку освободиться отъ этого владычества. Во время второй Самнитской войны (326—304) многія изъ ихъ общинъ дѣйствовали за одно со своими соплеменниками, горными Самнитами, столь храбро защищавшими тогда свою свободу противъ Римлянъ, и одна изъ этихъ общинъ, маленькая Нукерія, осмѣлилась даже настолько сопротивляться общему врагу, что римскіе полководцы увидѣли себя принужденными сдѣлать на нее нападеніе и съ моря и съ суши. По этому поводу въ историческихъ лѣтописяхъ Римлянъ (Livius IX, 38, 2) впервые упоминается имя сосѣдняго съ Нукеріей города Помпей.

О болѣе раннихъ судьбахъ этого города, основаннаго вѣроятно въ VI столѣтіи до Р. Хр. и населеннаго эллинизированными Осками, мы ничего опредѣленнаго не знаемъ и можемъ только предположить, что онѣ были общи съ тѣми судьбами Кампанской области, которыя я вкратцѣ изложилъ до сихъ поръ. Послѣ взятія Римлянами въ 308 г. Нукеріи, послѣдняго изъ городовъ Кампаніи, державшихъ сторону Самнитовъ, и послѣ окончанія второй, а затѣмъ также третьей войны (298—290), предпринятой храбрымъ самнитскимъ народомъ противъ Римлянъ, владычество этихъ послѣднихъ въ Кампаніи было упрочено на долгое время. Правда, во время Ганнибальской войны, когда геніальный кароагенскій полководецъ сталъ наносить римскимъ войскамъ одно пораженіе за другимъ, народы южныхъ областей Италіи, а между ними и Кампанцы, стали на сторону побѣдоноснаго чужестранца, чтобы за одно съ нимъ ополчиться противъ Римлянъ, но уже въ 211 г. возстанію этому былъ положенъ конецъ тѣмъ, что важнѣйшій городъ Кампаніи, Капуя, за четыре года до того открывшій Ганнибалу свои ворота, снова былъ завоеванъ Римлянами и строго наказанъ. По горестной участи столицы мы можемъ составить себѣ понятіе о бѣдствіяхъ остальныхъ кампанскихъ городовъ, которые вмѣстѣ съ Капуей стали на сторону Ганнибала, и въ числѣ которыхъ, по всей вѣроятности, находились и Помпеи.

По окончаніи второй пунической войны для Италіи вообще и для Кампаніи въ частности насталъ долгій періодъ внутренняго мира и покоя. Продолжая имѣть свое самоуправленіе, находившееся въ рукахъ верховнаго совѣта или думы (kombennieis), которая отъ себя выбирала нѣсколько магистратовъ, а именно такъ-называемыхъ по-оскски meddiss или „управляющихъ“ съ

однимъ meddiss-tovtiks или „городскимъ головою“ во главѣ, а кромѣ ихъ еще одного квестора (kvaistur) и двухъ эдиловъ (aidilis), Помпеи такъ же, какъ и другіе кампанскіе города, въ этотъ долгій періодъ мира стали быстро богатѣть и процвѣтать во всѣхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе недовольство римскимъ владычествомъ продолжало жить въ сердцахъ всѣхъ Кампанцевъ. Оно вспыхнуло, наконецъ, въ 90 г. до Р. Хр., послѣ того, какъ и другіе Италійцы, въ особенности Марсы, Самниты и Луканы, одинаково тяготясь своимъ вассальнымъ положеніемъ въ отношеніи къ Риму, ополчились противъ него съ тѣмъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ добиться преимуществъ, соединенныхъ съ правами коренныхъ римскихъ гражданъ. Однако Кампанцамъ такъ же мало везло въ этой ожесточенной войнѣ, получившей затѣмъ названіе „союзнической“, какъ и другимъ Италійцамъ. Въ 89 г. Римляне, подъ предводительствомъ Суллы, вторглись съ большимъ войскомъ въ южную Кампанію и завоевали сосѣдніе съ Помпеями города, Геркуланъ и Стабіи. Разрушивъ до основанія послѣдній городъ, Сулла обратился противъ Помпей и приступилъ къ осадѣ ихъ. Тщетны были старанія самнитскаго полководца Клуэнція, пришедшаго имъ на помощь; войско его было разбито на голову, и Помпеямъ не миновать было бы страшной участи Стабій, еслибы самъ Сулла, тяготясь долгою осадой, не предпочелъ направить свой путь въ Самній, гдѣ находился главный очагъ возстанія. Такимъ образомъ, Помпеи совершенно случайно спасены были отъ неминуемой гибели. Однако Сулла не могъ забыть сопротивленія маленькаго городка Кампаніи. Лишь только онъ сдѣлался диктаторомъ, и лишь только послѣднія отчаянныя попытки Самнитовъ, а также Кампанцевъ, возстановить свою свободу, были подавлены навсегда, онъ послалъ въ Помпеи въ 80 г. до Р. Хр., подъ начальствомъ своего племянника, Публія Суллы, колонію римскихъ заслуженныхъ солдатъ, которымъ коренное осское населеніе Помпей должно было уступить не только часть города и городскихъ полей, но и первенство въ пользованіи общественными мѣстами и въ рѣшеніи по голосамъ разныхъ городскихъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого между старыми и новыми гражданами Помпей возникли многолѣтнія тяжбы и хотя эти тяжбы, наконецъ, были рѣшены приговоромъ патроновъ колоніи, но только къ началу императорскихъ временъ и послѣ того, какъ Августъ послалъ въ Помпеи новую колонію римскихъ ветерановъ, обѣ части помпейскихъ

гражданъ, кажется, были вполнѣ уравнены въ своихъ правахъ и тогда только слились въ одно цѣлое.

Романизація города со временъ Суллы сдѣлала чрезвычайно быстрые успѣхи. Получивъ тогда, вмѣстѣ съ остальною Италіей, право римскаго гражданства, Помпейцы одновременно съ этимъ должны были не только ввести у себя и римскій языкъ и римское право, но и принять новое имя. Въ честь диктатора Корнелія Суллы, а также въ честь богини Венеры, преимущественно почитавшейся Помпейцами, городъ ихъ получилъ названіе: Colonia Veneria Cornelia Pompeianorum. Муниципальное самоуправленіе его было преобразовано по римскому образцу, и вмѣсто прежнихъ, осскихъ магистратовъ meddiss, koaistur и aidilis и выбиравшей ихъ думы (Kombennieis) мы встрѣчаемъ теперь въ Помпеяхъ совершенно другія власти. Во главѣ городскаго управленія Помпей со временъ Суллы находился соотвѣтствующій римскому сенату совѣтъ такъ-называемыхъ декуріоновъ, который, состоя вѣроятно изъ ста членовъ, комплектовался преимущественно выходившими въ отставку ежегодными магистратами. Между этими послѣдними первое мѣсто занимали такъ-называемые duumviri iuri dicundo, т.-е. двое судей, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ судебную власть, а кромѣ того предсѣдательствовали въ засѣданіяхъ декуріоновъ и въ народныхъ собраніяхъ. Каждый пятый годъ на избранныхъ тогда дуумвировъ, называвшихся поэтому duumviri quinquennales, возлагались, кромѣ обычныхъ обязанностей, еще и другія, соотвѣтствовавшія обязанностямъ римскихъ цензоровъ, а именно: они ревизовали списокъ декуріоновъ (album decurionum) и при этомъ вносили въ него имена вышедшихъ въ отставку магистратовъ, а также удаляли изъ него всѣхъ недостойныхъ. Такимъ же образомъ они вели и гражданскіе списки. Кромѣ того, на ихъ обязанности лежало веденіе важнѣйшихъ финансовыхъ дѣлъ города, а также надзоръ за возведеніемъ и поддержаніемъ общественныхъ построекъ и зданій и отдачи на откупъ общественныхъ доходовъ. — Второе мѣсто между помпейскими магистратами занимали эдилы, числомъ тоже двое, которые, соотвѣтственно курульнымъ эдиламъ города Рима, обязаны были надзирать за общественными зданіями, площадями, водопроводами, улицами и дорогами, а также наблюдать за привознымъ хлѣбомъ и съѣстными припасами, за мѣрами и вѣсами.

Таково, въ краткихъ словахъ, было устройство городскаго

управленія, которое Помпеи, точно такъ же какъ и другія муниципіи и колоніи, имѣли со временъ Суллы, и при которомъ онѣ скоро сдѣлались однимъ изъ наиболѣе процвѣтавшихъ городовъ Кампаніи. Этому содѣйствовало въ особенности то обстоятельство, что вслѣдствіе разрушенія во время союзнической войны Стабій, все значеніе этого морскаго порта перешло къ Помпеямъ, которыя, благодаря своему выгодному положенію близь устья судоходной рѣки Сарно, уже раньше того успѣли завоевать себѣ значеніе общаго эмпорія для торговли лежавшихъ внутри страны кампанскихъ городовъ, какъ Нукерія и даже Нола и Ацерры. — Сосредоточивъ, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ и рѣчную и морскую торговлю всей южной Кампаніи, Помпейцы становились все богаче, а вмѣстѣ и воспріимчивѣе къ роскоши, съ давнихъ поръ распространявшейся въ этой странѣ греческими колоніями. Понятно, поэтому, что около этого времени Помпеи начали входить въ число тѣхъ городовъ счастливой Кампаніи, куда знатные Римляне любили удаляться на время, чтобъ отдохнуть отъ шумной жизни столицы Рима и наслаждаться всѣми дарами чудной природы Неаполитанскаго побережья и высоко-художественной культуры его эллинизированнаго населенія. Притомъ Помпеи, точно такъ же какъ и другіе города Кампаніи, представлялись тогда городомъ, который, какъ свидѣтельствуетъ Цицеронъ (De lege agr. II, 35, 96), по своему внѣшнему благоустройству превосходилъ всѣ города Лаціума и даже самую столицу его, обширный и многонаселенный Римъ, главу всей могущественной Римской имперіи. Такимъ образомъ становится понятнымъ, почему богатые и знатные Римляне еще въ послѣдній вѣкъ республики начали строить себѣ великолѣпныя виллы не только близь Неаполя, Путеолей, Байй, Геркулана и другихъ кампанскихъ городовъ, но и близь Помпей. Конечно, выстроенныя въ окрестностяхъ этого послѣдняго города виллы врядъ ли могли сравниться по своей численности и по своей роскоши съ тѣми виллами, которыя возникли на сѣверномъ побережьи Неаполитанскаго залива, въ особенности въ окрестностяхъ Лукринскаго озера, да въ Баіяхъ, славившихся своими цѣлебными, сѣрными источниками и служившихъ, подобно современнымъ знаменитымъ курортамъ, моднымъ мѣстомъ, куда стекались и больные и здоровые представители и представительницы римскаго highlife, но за то помпейскія виллы имѣли то преимущество, что онѣ доставляли своимъ

владѣльцамъ возможность дѣйствительно отдыхать отъ шумной жизни Рима и наслаждаться деревенскою тишиной. Этимъ именно преимуществомъ отличалась помпейская вилла знаменитаго оратора Цицерона, о которой онъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ; этимъ же отличалась, вѣроятно, и вилла Клавдія, позднѣйшаго императора, получившая печальную извѣстность вслѣдствіе того, что сынокъ его, Друзъ, въ двадцатыхъ годахъ по Р. Х. подавился тамъ грушей, которую онъ, забавляясь шаловливою игрой, весьма распространенною и нынѣ среди уличныхъ мальчишекъ Неаполя, подбросилъ вверхъ и затѣмъ неудачно подхватилъ ртомъ. Кромѣ Цицерона и Клавдія, и другіе знатные Римляне, безъ сомнѣнія, послѣдовали модѣ, на время или навсегда поселиться въ Помпеяхъ. Достовѣрно намъ это извѣстно о сенаторѣ Ливинеѣ Регулѣ, который незадолго передъ тѣмъ за какой-то проступокъ былъ лишенъ своего сана, и имя котораго связано съ событіемъ, имѣвшимъ довольно значительныя послѣдствія для Помпейцевъ. Въ 59 г. по Р. Хр., какъ разсказываетъ историкъ Тацитъ, этотъ Ливиней Регулъ устроилъ въ помпейскомъ амфитеатрѣ гладіаторскія игры, на которыя стеклось много зрителей также изъ окрестностей, въ особенности изъ сосѣдняго города Кукеріи. Во время представленія между Кукерійцами и Помпейцами произошла ссора, окончившаяся кровопролитіемъ и побѣдой хозяевъ надъ гостями. Пораненные Кукерійцы отправились въ Римъ съ жалобой. По разсмотрѣніи ихъ дѣла консулами, сенатъ постановилъ строгій приговоръ, по которому Помпейцы на десять лѣтъ лишились права давать игры въ амфитеатрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были закрыть всѣ неразрѣшенныя закономъ коллегіи, т.-е. цехи или клубы. Какъ ни жестоко, однако, по тогдашнимъ нравамъ, должно было казаться это наказаніе, оно было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ удѣломъ, который сама судьба готовила Помпейцамъ. Около этого времени вулканическія силы, искони вѣковъ грозившія всему Неаполитанскому побережью, пробудились къ новой, усиленной дѣятельности, и уже чрезъ 4 года послѣ только что разсказаннаго событія, а именно 5 февраля 63 года по Р. Хр., въ окрестностяхъ Везувія случилось страшное землетрясеніе, которое произвело довольно значительныя поврежденія въ Кукеріи и въ Неаполѣ, уничтожило часть Геркулана и оказало столь разрушительное дѣйствіе на Помпеи, что обезумѣвшіе отъ страха жители этого города разбѣжались по окрестностямъ.

Однако привязанность человѣка къ домашнему очагу и надежда, никогда не оставляющая его, скоро возвратили Помпейцевъ въ ихъ полуразрушенный городъ; убаюканные вновь наступившимъ послѣ землетрясенія мнимымъ покоемъ вулканическихъ силъ мѣстности, они начали такъ усердно оправлять свои дома и храмы и снова украшать ихъ, что уже черезъ шестнадцать лѣтъ почти весь городъ представлялся въ обновленномъ видѣ. Опять на его улицахъ кипѣла прежняя жизнь, опять въ немъ процвѣтала торговля и промышленность, опять предавались его жители страсти къ роскоши и къ удовольствіямъ,—но вдругъ надъ безпечными головами ихъ разразилось страшное несчастіе, одно изъ тѣхъ несчастій, которыя въ длинной лѣтописи человѣческихъ бѣдствій затемняютъ всѣ другія. Съ 24 числа августа мѣсяца 79 года по Р. Хр., когда Везувій, въ продолженіе многихъ вѣковъ пребывавшій спокойнымъ, внезапно сталъ извергать страшныя массы огня, камней и пепла и этими массами засыпать все юго-восточное побережье Неаполитанскаго залива, настали послѣдніе дни Помпей, и уже 26 августа этого цвѣтущаго города, такъ же какъ и сосѣднихъ съ нимъ городовъ Геркулана и Стабій, не стало.

Послѣдніе дни Помпей! Кому при этихъ словахъ не приходятъ на память замѣчательная картина нашего знаменитаго художника Брюлова и всемірно-извѣстный романъ англійскаго писателя Булвера *The last days of Pompeii*, два произведенія, которыя одинаково талантливо и живо изображаютъ страшную гибель Кампанскаго города? Однако не только эти полу-фантастическія изображенія, но даже снятые съ натуры виды случившагося въ 1872 году довольно сильнаго изверженія Везувія, не въ состояніи дать намъ вполнѣ вѣрнаго и полнаго понятія о всѣхъ ужасахъ, сопровождавшихъ изверженіе 79 года, самое сильное изъ всѣхъ изверженій Везувія.

Удовлетворимся, поэтому, тѣми немногими, но за то исторически достовѣрными свѣдѣніями объ этомъ событіи, которыя дошли до насъ въ двухъ письмахъ одного очевидца его. Вотъ что̀ разсказываетъ авторъ этихъ писемъ, Плиній Младшій, находившійся, при началѣ изверженія, въ Мизенѣ, вмѣстѣ со своею матерью и своимъ дядей, знаменитымъ натуралистомъ, Плініемъ Старшимъ: 24 августа, около часа пополудни, этому послѣднему было сообщено, что на небѣ виднѣется облако необыкновеннаго вида и величины. Плиній всталъ и взошелъ на возвышенное

мѣсто, съ котораго можно было лучше разсмотрѣть чудесное явленіе. Облако выходило изъ горы, но изъ какой именно, нельзя было разобрать вслѣдствіе отдаленности; послѣ узнали, что это гора—Везувій. По своей формѣ это облако походило на дерево, а именно на сосну, которая, внизу образуя высокій стволъ, кверху какъ бы раскидывалась вѣтвями. Смотря по количеству увлекаемой этимъ облакомъ земли или пепла, оно принимало то свѣтлый, то грязный и пестрый цвѣтъ. Само собою разумѣется, что подобнаго рода диковина подстрекнула любопытство въ ученомъ Плиніи Старшемъ. Будучи начальникомъ римскаго флота, стоявшаго на якорѣ въ Мизейской гавани, онъ приказалъ немедленно снарядить нѣсколько судовъ съ тѣмъ, чтобы поѣхать въ расположенное у подошвы Везувія мѣстечко Ретину для ближайшаго наблюденія необыкновенной тучи. Подъѣзжая туда, онъ не испугался опасности, а хладнокровно сталъ записывать всѣ особенности въ наблюдаемомъ явленіи. Между тѣмъ на суда густо падалъ горячій пепелъ; вокругъ летали камни; море видимо удалялось, а берегъ становился все неприступнѣе отъ скопленія скалистыхъ глыбъ и обломковъ, катившихся съ горы. Поэтому Плиній повернулъ въ Стабіи и вышелъ тамъ на берегъ. Между тѣмъ на Везувіи начали вспыхивать во многихъ мѣстахъ огни, подобно пожарамъ разливая сіяніе вблизи и вмѣстѣ съ тѣмъ усугубляя мракъ въ отдаленіи отъ себя. Чтобъ успокоить встревоженные умы своихъ спутниковъ, Плиній легъ спать и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ. Тѣмъ временемъ, однако, дворъ, чрезъ который можно было пройти въ его спальню, заносило золой, и поэтому пришлось разбудить спящаго. Затѣмъ держали совѣтъ, что̀ дѣлать: остаться ли дома или пуститься въ открытое поле. Первое казалось неблагоразумнымъ, потому что дома, раскачавшіеся отъ частыхъ землетрясеній, казались сорванными съ фундаментовъ и то наклонялись съ одной стороны на другую, то снова останавливались неподвижно на прежнемъ мѣстѣ; но и бѣжать за городъ было не безопасно, потому что это значило подставлять себя на каждомъ шагу подъ падавшіе камни, пережженные, правда, и потому легкіе, но все еще довольно жесткіе, чтобы наносить удары. Наконецъ рѣшили выбраться на просторъ, пока можно; въ предохраненіе же отъ падавшихъ камней, каждый прикрылъ себѣ голову подушкой. Часъ разсвѣта давно уже насталъ, но Везувій и его окружность все еще не выходили изъ мрака ночи, самой темной, самой страшной изъ всѣхъ ночей.

Спасавшіеся, озаряя факелами свой сбивчивый путь, сперва устремились, было, къ морю, въ надеждѣ спастись на корабляхъ. Но море бушевало и кипѣло, не давая никакого доступа. Тутъ Плиній, изнемогая отъ усталости, легъ на разостланный для него плащъ, но вдругъ нестерпимый запахъ сѣры, слѣдствіе вспыхнувшаго вблизи огня, разогналъ всѣхъ. Самъ Плиній хотѣлъ было привстать съ земли, но тутъ же упалъ снова и испустилъ духъ, удушенный смрадными испареніями. Когда черезъ двое сутокъ послѣ этого разсѣялся мракъ, тѣло Плинія было найдено на мѣстѣ его горестной кончины, прикрытое бывшею на немъ одеждой и ничуть не поврежденное.

Тѣмъ временемъ Плиній Младшій, послѣ выѣзда дяди оставшійся вмѣстѣ съ матерью въ Мизенѣ, провелъ весьма безпокойную ночь. Порывы землетрясеній, случавшихся уже въ продолженіе предшествовавшихъ дней, дѣлались тогда все постояннѣе и сильнѣе; предметы уже не качались, какъ прежде, а просто падали. Вышедши во дворъ, сынъ и мать ожидали здѣсь конца ночи и наступленія дня. „Уже было около семи часовъ утра, разсказываетъ Плиній,—а на востокѣ едва брежжилось слабое мерцаніе разсвѣта. Вдругъ дома такъ сильно покачнулись отъ подземнаго толчка, что мы въ испугѣ принуждены были поспѣшно оставить нашъ дворъ, тѣсный и отовсюду открытый, и рѣшились искать безопасности гдѣ-нибудь на просторѣ, за городомъ. Толпа встревоженныхъ горожанъ слѣдуетъ за нами, суетится, давитъ насъ, и всякій думаетъ, по обыкновенію одержимыхъ страхомъ, что долженъ дѣлать то же, что̀ дѣлаютъ другіе. Вотъ наконецъ мы и за городскою стѣной, но далеко еще не у предѣловъ приключеній и ужасовъ. Колесницы наши вскидывало кверху и поминутно выбивало изъ колеи. Море какъ будто опрокидывалось само на себя и отступало отъ дрожащихъ береговъ. Съ другой стороны висѣла въ воздухѣ страшная черная туча, которая по временамъ прорѣзывалась длинными зигзагами молній. Затѣмъ туча опустилась на землю и на море. Отъ насъ исчезли не только Капреи, но даже Мизенскій мысъ. Положеніе наше было ужасно; насъ густо окидывало золой; дымъ, такъ-сказать, нагонялъ насъ по пятамъ, и страшно стѣсняла толпа; отъ давки мы чуть не задыхались. Я вздумалъ было своротить въ сторону съ большой дороги, пока еще можно было кое-какъ распознать мѣстоположеніе, но уже поздно: насталъ непроницаемый мракъ, походившій не на безлунную и беззвѣздную ночь, а на совер-

шенное отсутствіе свѣта въ комнатѣ, отовсюду плотно запертой и закрытой. Мужчины, женщины и дѣти огласили воздухъ воплями отчаянія, жалобами и плачемъ. Кто звалъ отца, кто сына, кто отыскивалъ затерявшуюся жену; тотъ оплакивалъ собственное несчастіе, другой трепеталъ за друзей и родныхъ; нашлись люди, призывавшіе на помощь смерть, изъ опасенія умереть! Нѣкоторые молились, нѣкоторые громко кощунствовали, утверждая, что боговъ уже нѣтъ нигдѣ, что настала послѣдняя ночь для вселенной. Вдругъ какъ-то прояснилось, но это былъ только свѣтъ приближающагося огня, который вскорѣ остановился на далекомъ разстояніи, началъ ослабѣвать—и потухъ; снова все погрузилось въ темноту, а вмѣстѣ съ тѣмъ сверху посыпался пепелъ, но такой густой, что намъ приходилось безпрестанно стряхивать его съ себя, чтобы не быть засыпанными имъ. Наконецъ мракъ и дымъ постепенно стали разсѣеваться, и мы опять увидѣли солнце: оно было безъ блеска, тускло, какъ при затменіи. Ужасная картина представлялась тогда робкимъ взорамъ нашимъ: вся окрестная страна была покрыта пепломъ, какъ снѣгомъ; дороги исчезли, съ трудомъ возвратились мы въ Мизенъ!“

Вотъ свѣдѣнія, которыя Плиній Младшій, какъ очевидецъ, оставилъ намъ о страшномъ изверженіи Везувія, происходившемъ съ 24 по 26 августа 79 года по Р. Хр. Къ сожалѣнію, эти свѣдѣнія не касаются спеціально судьбы Помпей и сосѣднихъ съ ними городовъ Геркулана и Стабій, погибшихъ въ эти три дня, а даютъ намъ только общую картину бѣдствія, разразившагося надъ всѣми окрестностями Везувія. Почти такой же общій характеръ носятъ и тѣ сообщенія о немъ, которыя мы находимъ въ сочиненіи историка Кассія Діона, написанномъ въ самомъ началѣ третьяго столѣтія по Хр. Р. По словамъ этого писателя, изверженіе Везувіемъ пепла, подъ которымъ погибли Помпеи, было такъ сильно, что части его доносились до Сиріи и Египта, а въ Римѣ воздухъ былъ настолько наполненъ имъ, что было помрачено солнце. Жители окрестностей Везувія потеряли голову и не знали, что̀ дѣлать и гдѣ найти спасеніе. Одни среди дыма, пламени и землетрясенія выбѣгали изъ домовъ на улицу, другіе съ улицы бѣжали въ дома, ища тамъ убѣжища. Тѣ, которые находились на морѣ, старались скорѣе ступить на твердую землю; другіе, не считая себя безопасными на сушѣ, бросались къ морю.

Скудныя свѣдѣнія, которыя Плиній и Кассій сообщаютъ намъ о характерѣ и результатахъ изверженія 79 года, нѣсколько

дополняются произведенными до сихъ поръ въ Помпеяхъ раскопками. Изъ нихъ убѣдились, что жители этого города имѣли достаточно времени для того, чтобы спастись, и что изъ нихъ погибли только тѣ, которые слишкомъ долго оставались въ немъ, побужденные къ этому отчасти намѣреніемъ собрать и унести какъ можно бо́льшую часть своего имущества, отчасти надеждой найти наиболѣе безопасное убѣжище во внутреннихъ покояхъ или въ подвалахъ своихъ домовъ. Принимая въ соображеніе то число человѣческихъ скелетовъ, которое было найдено въ раскопанной до сихъ поръ меньшей половинѣ Помпей, около 600, можно полагать, что изъ двадцати или тридцати тысячъ жителей, населявшихъ весь городъ, погибло только около 1.500 или 2.000 человѣкъ. Но и при такомъ количествѣ жертвъ постигшая Помпеи катастрофа является одною изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ, о какихъ только упоминаетъ исторія. Городъ былъ засыпанъ сперва слоемъ мелкихъ пемзовыхъ камней (такъ-называемыхъ lapilli), а затѣмъ слоемъ пепла, который, будучи залитъ водой, извергнутою вулканомъ, превратился въ довольно густую массу и вмѣстѣ со слоемъ камней достигъ приблизительно семи метровъ высоты.

Такимъ образомъ Помпеи исчезли съ лица земли, и только верхнія части наивысшихъ домовъ, выдаваясь надъ массою пепла, указывали спасшимся жителямъ мѣсто, гдѣ недавно еще процвѣталъ ихъ городъ. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что по окончаніи изверженія Везувія многіе изъ убѣжавшихъ жителей возвратились назадъ и начали производить раскопки, чтобъ унести хоть самыя драгоцѣнныя вещи своего движимаго имущества. Светоній разсказываетъ, что императоръ Титъ, въ царствованіе котораго случилось изверженіе Везувія, хотѣлъ было даже возстановить погибшіе при немъ города и съ этою цѣлью послалъ въ Кампанію нѣсколько сановниковъ, которые должны были распредѣлить между прежними жителями этихъ городовъ всѣ выморочныя владѣнія. Къ сожалѣнію мы не узнаемъ, къ какимъ результатамъ привели эти мѣры въ отношеніи къ Помпейцамъ и ихъ засыпанному городу. Но вѣроятнѣе всего то, что послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ раскопокъ, при которыхъ изъ могилы города были извлечены не только разныя драгоцѣнности, но даже строительные матеріалы, въ особенности мраморныя колонны, балки и т. д., пережившіе обитатели Помпей бросили мѣсто своей прежней жизни и недалеко отъ него основали новое

поселеніе. Но и это поселеніе погибло вслѣдствіе извержения Везувія въ 472 году, и съ этихъ поръ древнія Помпеи какъ будто исчезли изъ памяти людей. Какъ мало интересовались исторіей и археологіей въ продолженіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ и даже послѣ эпохи Возрожденія, доказываетъ фактъ, случившійся всего три столѣтія тому назадъ. Когда въ 1594—1600 годахъ итальянскому инженеру фонтана пришлось строить водопроводъ для города Forre dell'Annunziata и съ этою цѣлью прорѣзать ровъ какъ разъ черезъ холмъ пепла, покрывавшій древній городъ Помпеи, то онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія ни на постройки этого города, на которыя натолкнулись его рабочіе, ни на попавшуюся при этомъ надпись съ именемъ Помпейской Венеры (Venus Fisica Pompeianorum). Только въ 1748 году, когда нѣсколько крестьянъ при работахъ на одномъ изъ виноградниковъ небольшаго холма, подъ зеленѣющими нивами котораго тогда скрывались Помпеи, натолкнулись на бронзовую статую Пріапа и другія драгоцѣнныя вещи, вниманіе неаполитанскаго правительства было обращено на эту мѣстность. Надѣясь найти здѣсь такія же сокровища, какія незадолго предъ тѣмъ были найдены при Геркуланѣ, король Карлъ III поручилъ инженеру Don Rosso Alcubierre производить раскопки на упомянутомъ холмѣ. Однако уже черезъ два года эти раскопки, какъ не оправдавшія надеждъ короля на открытіе разныхъ драгоцѣнностей и произведеній искусства, были оставлены и возобновлены только черезъ нѣсколько лѣтъ, когда случайно нашли здѣсь колонну изъ зеленаго мрамора. Но и послѣ этой находки раскопки производились крайне вяло и безо всякой системы и походили скорѣе на разореніе освобождавшагося изъ-подъ пепла Везувія города, чѣмъ на открытіе его для науки. Такъ продолжалось дѣло до конца прошлаго столѣтія. Лишь съ 1806 годомъ, когда по изгнаніи испанскихъ Бурбоновъ на неаполитанскій престолъ взошелъ Іосифъ Бонапарте, братъ Наполеона, для раскопокъ въ Помпеяхъ настало лучшее время, продолжавшееся и при преемникѣ Іосифа, Мюратѣ, вплоть до 1815 года. Въ этотъ краткій, но блестящій періодъ, когда на открытіе города ежегодно расходовалось сто тысячъ франковъ, и сама супруга Мюрата съ неутомимымъ интересомъ слѣдила за ходомъ работъ, покровительствуя въ то же время изданію Mazois своего обширнаго и до сихъ поръ важнаго труда „Les ruines de Pompéi“, разрытіе города сдѣлало бо́льшіе успѣхи, чѣмъ въ продолженіе всего предшествовавшаго полувѣковаго періода. По

изгнаніи Мюрата и возвращеніи въ Неаполь Бурбонскаго дома, въ 1815 г., интересъ къ помпейскимъ раскопкамъ сталъ снова падать; работы нерѣдко прерывались совсѣмъ и возобновлялись большею частью только по случаю пріѣзда какихъ-нибудь коронованныхъ особъ, которыя, обыкновенно, мистифицировались тѣмъ, что въ ихъ присутствіи находили разные драгоцѣнные и художественные предметы, найденные уже раньше, но нарочно зарытые снова для того, чтобъ окончательно выйти на свѣтъ Божій именно въ присутствіи этихъ коронованныхъ особъ. Съ водвореніемъ національнаго правительства въ южной Италіи настала, наконецъ, новая эра для раскопокъ Помпей. Въ 1861 году во главѣ ихъ поставленъ былъ извѣстный археологъ Fiorelli, отличавшійся не только обширными научными знаніями, но и замѣчательными администраторскими способностями и неутомимою энергіей, соединенною съ самою строгою честностью. Благодаря этому ученому администратору, а также его преемникамъ, сперва De-Petra, а затѣмъ Ruggiero, раскопки Помпей были поставлены на надлежащій, строго систематичный путь и соотвѣтствуютъ теперь всѣмъ новѣйшимъ требованіямъ науки. Между тѣмъ какъ до Fiorelli выкопанный при раскопкахъ пепелъ складывался на окраинахъ города и такимъ образомъ образовалъ тамъ цѣлыя горы, которыя современемъ придется удалить, при Фіорелли построена была желѣзная дорога, вагоны которой уносятъ весь пепелъ далеко за городъ, за помпейскій амфитеатръ. Въ то же время Фіорелли принялъ и упрочилъ введенный неизвѣстно кѣмъ новый способъ производства самихъ раскопокъ. Прежде онѣ велись въ вертикальномъ направленіи, сверху внизъ, причемъ подкопанные пласты пепла и мелкихъ камней, скатываясь въ глубину, много содѣйствовали порчѣ зданій и всѣхъ другихъ уцѣлѣвшихъ предметовъ. Эта гибельная система въ 1853 году замѣнена была другою, практикующеюся до сихъ поръ и состоящею въ томъ, что покрывающія городъ массы земли, пепла и камней постепенно снимаются не въ вертикальномъ, а въ горизонтальномъ направленіи и по отдѣльнымъ своимъ пластамъ, вслѣдствіе чего все, что̀ выходитъ наружу, сохраняетъ свои основы или поддержки. При этомъ становится также возможнымъ во̀время принять мѣры противъ разрушенія разныхъ предметовъ, наиболѣе подвергшихся тлѣнію или другой порчѣ, и въ особенности деревянныхъ частей домовъ, а именно: крышъ, балконовъ, лѣстницъ, дверей и т. п. Все это погибало безслѣдно

при прежней системѣ раскопокъ. Съ такою же тщательностью стараются теперь предохранять также стѣнныя фрески, которыми украшены помпейскіе дома, отъ слишкомъ быстрой порчи ихъ отъ солнца и непогоды. Лучшія изъ этихъ фресокъ вынимаются изъ стѣнъ и перевозятся въ Неаполитанскій музей, служащій мѣстомъ собранія и для большинства другихъ предметовъ, найденныхъ въ Помпеяхъ; остальныя же фрески оставляются на мѣстѣ и защищаются отъ внѣшнихъ вліяній, насколько это возможно, небольшими стеклянными или черепичными навѣсами. Между многочисленными заслугами, которыя Фіорелли оказалъ наукѣ принятыми имъ разнообразными мѣрами къ возможно болѣе тщательному и осторожному разрытію города Помпей и сохраненію всѣхъ его памятниковъ, одна заслуживаетъ особеннаго вниманія. 5-го февраля 1863 года рабочіе при сниманіи нижнихъ слоевъ пепла, покрывавшихъ одну помпейскую улицу, наткнулись на какое-то отверстіе въ пеплѣ, содержавшее, повидимому, скелетъ. Подобныя отверстія или пустоты неоднократно замѣчались уже раньше; но тогда на нихъ не обращали должнаго вниманія, и заступъ рабочаго уничтожалъ всякій слѣдъ. Фіорелли первый остановился предъ этимъ страннымъ явленіемъ, и ему пришло на мысль влить въ найденное въ пеплѣ пустое пространство растворъ гипса. Когда гипсъ отвердѣлъ и съ него смели окружавшій его пепелъ, то получился слѣпокъ мужчины, умершаго во время изверженія въ страшной агоніи. Счастливая и хотя простая, но геніальная мысль Фіорелли привела скоро къ нѣсколькимъ другимъ находкамъ подобнаго рода, а затѣмъ примѣнена была и къ воспроизведенію разныхъ подвергшихся тлѣнію предметовъ, въ особенности дверей, оконъ, кроватей, креселъ, сундуковъ, шкафовъ и т. п. вещей. Снятые съ этихъ, нѣкогда деревянныхъ, вещей гипсовые слѣпки сохраняются нынѣ въ небольшомъ музеѣ, учрежденномъ въ самихъ Помпеяхъ, и привлекаютъ здѣсь вниманіе всѣхъ посѣтителей. Но еще большій интересъ въ нихъ возбуждаютъ тамъ же находящіеся слѣпки человѣческихъ жертвъ послѣднихъ дней Помпей. Число этихъ слѣпковъ простирается нынѣ уже до шести, и всѣ они съ изумительною вѣрностью передаютъ не только полъ и возрастъ, но даже костюмъ и родъ смерти несчастныхъ Помпейцевъ. Они умерли, отчасти удушенные газами и въ страшныхъ мученіяхъ, кто—упавъ навзничь, кто—лежа на боку, кто—падая лицомъ на землю. Предъ этими жертвами въ воображеніи зрителя наиболѣе

живо рисуются всѣ ужасы, которые сопровождали изверженіе Везувія, похоронившее Помпеи въ 79 г. по Р. Хр.

Римскій поэтъ Марціалъ въ одной изъ своихъ эпиграммъ (IV, 44), написанной девять лѣтъ спустя послѣ этого изверженія, въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ оплакиваетъ печальную судьбу, постигшую города Геркулеса и Венеры (Геркуланъ и Помпеи), недавно еще мирно процвѣтавшіе у подножія горы, до того времени столь плодоносной и благодатной, а затѣмъ, вслѣдствіе пробудившейся ужасной дѣятельности вулкана, затопившей ихъ дождемъ пламени и пепла. Сами боги, говоритъ поэтъ, нѣкогда любившіе эти города больше многихъ другихъ, оплакиваютъ теперь страшное несчастіе, порожденное ихъ могуществомъ. Безъ сомнѣнія, и въ другихъ современникахъ изверженія 79 года видъ засыпанныхъ имъ городовъ вызвалъ такое же чувство жалости, какъ и въ Марціалѣ. Но люди недолго памятуютъ даже величайшія несчастія, и эгоизмъ—впрочемъ, простительный—вновь народившихся поколѣній, озабоченныхъ интересами настоящаго, оттѣсняетъ на задній планъ всѣ интересы отжившихъ поколѣній. „Много несчастій бывало на свѣтѣ, писалъ сто лѣтъ тому назадъ Гёте, когда онъ въ первый разъ обозрѣлъ Помпеи, начавшія тогда выходить изъ своей могилы, — много несчастій бывало на свѣтѣ, но мало такихъ, которыя могли бы доставить столько радостей потомкамъ. Я затруднился бы назвать что-нибудь болѣе интересное.“ Эти слова знаменитаго нѣмецкаго поэта и поднесь находятъ живой откликъ въ душѣ всякаго, посѣщающаго Помпеи. Нигдѣ жизнь минувшихъ тысячелѣтій не выступаетъ ему на встрѣчу столь хорошо сохранившеюся и съ такою свѣжестью, какъ здѣсь въ Помпеяхъ, и даже развалины самыхъ могучихъ центровъ античной культуры, какъ Рима и Аѳинъ, или древнихъ столицъ Египта и Ассиріи, едва-ли могутъ поспорить, въ смыслѣ возбужденія къ себѣ интереса, съ остатками Помпей. Конечно, эти послѣдніе представляютъ нашему наблюденію только картину небольшаго провинціальнаго города, который, при всемъ своемъ процвѣтаніи и благоденствіи, не обладалъ такими величественными и художественными зданіями и другими памятниками, какіе, напримѣръ, сохранились до нынѣшняго дня изъ памятниковъ Рима или Аѳинъ; но за то въ Помпеяхъ мы имѣемъ предъ собою не руины, болѣе или менѣе одиноко стоящія, а цѣлый городъ со всѣми его особенностями, со всѣми его улицами и площадями, храмами и прочими общественными зданіями, частными жили-

щами, лавками и мастерскими. И все это сохранилось такъ хорошо, какъ только было возможно, благодаря тому, что городъ почти семнадцать столѣтій пролежалъ, защищенный покровомъ изъ пепла Везувія. Это-то и даетъ намъ возможность прослѣдить въ возстановленныхъ Помпеяхъ во всѣхъ направленіяхъ даже жизнь бывшихъ обитателей этого города и до извѣстной степени воскресить ее. Чтобы достигнуть этого, намъ стоитъ только зайти во внутрь его домовъ, которые при своемъ открытіи сохраняли еще почти вполнѣ то убранство, въ которомъ они красовались 24 августа 79 года. Конечно, верхніе этажи большинства зданій и ихъ деревянныя стропила или совсѣмъ исчезли, или значительно потерпѣли и отъ самаго изверженія, и отъ разрушительнаго вліянія времени, и отъ хищнической или небрежной руки человѣка, такъ что теперь почти повсюду внутренность домовъ въ Помпеяхъ находится подъ открытымъ небомъ; конечно, большинство найденыхъ въ нихъ предметовъ или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе драгоцѣнныхъ изъ этихъ предметовъ, теперь хранится въ большомъ Неаполитанскомъ музеѣ, а не тамъ, гдѣ они были найдены и гдѣ они были на своемъ мѣстѣ. Но если кто раньше, чѣмъ пуститься въ городъ Помпеи, посѣтитъ названный музей, а также музей въ самихъ Помпеяхъ, то отъ него не потребуется особенно большаго напряженія фантазіи, чтобъ, осматривая городъ, онъ могъ пополнить картину его прежней жизни, мысленно располагая видѣнные имъ въ музеяхъ предметы на прежнее ихъ мѣсто. Не мало вещей, впрочемъ, особенно въ недавно открытыхъ домахъ, осталось на своемъ мѣстѣ, хотя, ради ихъ сохранности, лучше было бы даже удалить ихъ въ болѣе безопасное мѣсто. Почти во всѣхъ зданіяхъ еще и теперь можно видѣть множество изъ украшавшихъ ихъ нѣкогда безчисленныхъ фресокъ, которыя даютъ намъ не только картины изъ древней миѳологіи, но также пейзажи, жанровыя сцены, даже каррикатуры и изображенія промышленной и торговой жизни въ Помпеяхъ. Характеръ античнаго греко-римскаго жилья и расположеніе отдѣльныхъ его помѣщеній были бы намъ, несмотря на дошедшія до насъ описанія ихъ у древнихъ писателей, особенно у Витрувія, далеко не такъ извѣстны, еслибы мы не могли изучать ихъ самымъ точнымъ и нагляднымъ образомъ въ помпейскихъ домахъ. И подобно богато разукрашенной внутренности этихъ домовъ, какъ особняковъ, такъ и отдававшихся въ наемъ (domus et insulae), внѣшняя ихъ сторона, обращенная къ улицѣ, также выступаетъ предъ нами

въ Помпеяхъ съ единственною въ своемъ родѣ живостью. Пройдемся по довольно правильно расположеннымъ, по узкимъ помпейскимъ улицамъ, ширина которыхъ въ рѣдкихъ случаяхъ достигаетъ семи метровъ, большею же частью только четырехъ, а иногда не превосходитъ и $2\frac{1}{2}$. Улицы эти тщательно вымощены многоугольными глыбами лавы и окоймлены съ обѣихъ сторонъ высокими тротуарами, между которыми на опредѣленныхъ промежуткахъ расположены отдѣльные камни для удобнѣйшаго перехода черезъ улицу. Отсюда мы можемъ заглядывать внутрь многочисленныхъ лавокъ и мастерскихъ въ домахъ, выходящихъ фасадомъ на улицу. Благодаря найденнымъ тамъ предметамъ, вывѣскамъ и прилавкамъ, уставленнымъ различными вещами для продажи, мы можемъ самымъ нагляднымъ образомъ представить себѣ промышленную и торговую дѣятельность Помпейцевъ такъ живо, какъ еслибъ она происходила тутъ же на нашихъ глазахъ. Въ то же время взоръ нашъ привлекаютъ многочисленныя объявленія, написанныя на внѣшнихъ стѣнахъ домовъ. Разнообразное содержаніе этихъ надписей отличнѣйшимъ образомъ и всестороннѣйше иллюстрируетъ намъ обыденную жизнь древнихъ обитателей этого города. На самыхъ улицахъ, большею частью по угламъ, мы встрѣчаемъ разукрашенные масками или звѣриными головами колодцы, нѣкогда обильно снабжавшіе городъ проведенною водой. Возлѣ нихъ мы нерѣдко находимъ маленькіе красивенькіе жертвенники, которые большею частью были посвящены Ларамъ, богамъ-хранителямъ не только домашняго очага, но и улицы, и которые свидѣтельствуютъ о религіозномъ чувствѣ древнихъ. Такъ переходимъ мы изъ одной улицы въ другую, отъ одного зданія къ другому, гуляемъ по всему городу, нынѣ уединенному, но нѣкогда кипѣвшему весьма оживленною жизнью, и вдругъ все, что̀ мы видимъ вокругъ себя и что̀ такъ далеко отъ всего современнаго, такъ живо представляется нашему воображенію, дѣлается намъ столь близкимъ, что мы почти забываемъ 18-ти вѣковую бездну, отдѣляющую насъ отъ катастрофы 79 года, и склонны считать себя современниками послѣднихъ жителей Помпей. Эта иллюзія становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше мы остаемся среди тихихъ руинъ города, и прелесть этого ощущенія дѣлается незабвенною для всякаго счастливца, который, подобно мнѣ, по цѣлымъ недѣлямъ проводилъ среди этихъ развалинъ.

Для путешественника, выѣзжающаго теперь изъ Неаполя по

желѣзной дорогѣ и черезъ три четверти часа пріѣзжающаго на станцію „Помпеи“, древній городъ оказывается скрытымъ за рядомъ высокихъ пепельныхъ и земляныхъ холмовъ, насыпавшихся здѣсь по мѣрѣ открытія города. Но и безъ того мѣстоположеніе Помпей довольно высокое, такъ какъ городъ построенъ на потокѣ лавы, который въ доисторическую эпоху вылился изъ кратера Везувія и, въ недалекомъ разстояніи отъ впаденія рѣки Сарно въ море, остылъ. Окруженныя съ трехъ сторонъ крѣпкою стѣной, снабженной башнями и восемью воротами и только отчасти разрушенной, Помпеи подымаются на упомянутомъ холмѣ изъ лавы и занимаютъ небольшую овальную площадь, имѣющую едва 9.000 футовъ въ окружности. Самый центральный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый блестящій пунктъ города образуетъ лежащій на самомъ возвышенномъ мѣстѣ его форумъ, большая прямоугольная площадь, къ которой, но только для пѣшеходовъ, былъ доступъ съ шести улицъ, входящихъ въ нее. На ней сосредоточивалась вся общественная жизнь живаго торговаго города, а потому она окружена только публичными зданіями. Расположенный предъ ними на трехъ сторонахъ площади двухъэтажный портикъ съ дорійскими и іонійскими колоннами, который нѣкогда давалъ прекрасное убѣжище отъ солнца и дождя для стекавшагося сюда народа, замыкаетъ лежащее въ серединѣ свободное пространство, нѣкогда вымощенное великолѣпными травертиновыми плитами и украшенное 22 статуями заслуженныхъ гражданъ. Къ сожалѣнію, вся эта площадь нынѣ находится въ состояніи разрушенія, причиненнаго отчасти землетрясеніемъ, бывшимъ въ 63 г. по Р. Хр., а вѣроятно еще болѣе раскопками, предпринятыми здѣсь вскорѣ послѣ изверженія, и поэтому представляетъ только несовершенную картину минувшаго блеска этого центра города. Между общественными зданіями, которыя окружаютъ помпейскій форумъ, представляющій римскій форумъ въ миніатюрѣ, наилучше сохранилась помѣщающаяся въ югозападной его части базилика. Это великолѣпное зданіе, раздѣленное 28 колоннами на три пространства, служило нѣкогда биржей, а также судебною залой, гдѣ высшіе магистраты, дуумвиры, творили судъ съ высоты трибунала, подымающагося у западной стѣны, между тѣмъ какъ народъ толпился вокругъ и частью слушалъ судебный процессъ, частью совершалъ здѣсь торговыя сдѣлки, частью же шлялся такъ себѣ и отъ нечего дѣлать испещрялъ стѣны разнообразными и пустыми надписями, которыя, однако, для насъ имѣютъ большой

интересъ. Между общественными зданіями восточной стороны форума, назначеніе которыхъ и до сихъ поръ еще остается спорнымъ, первое мѣсто занимаетъ такъ-называемое Chalcidicum. Это величественное зданіе, которое, какъ видно изъ надписи, было сооружено на собственныя средства жрицей Эвмахіей и ея сыномъ и посвящено богинямъ Concordia Augusta и Pietas, состоитъ изъ трехъ частей: изъ передней залы (собственно Chalcidicum), портика, лежащаго вокругъ широкаго, открытаго двора, и крипты или крытаго хода. Въ одной изъ нишъ этого зданія цехомъ валяльщиковъ поставлена статуя въ честь Эвмахіи. И это обстоятельство дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что всѣ названныя помѣщенія служили нѣкогда маленькою биржей и мѣстомъ продажи, особенно для торговли сукнами, которая, повидимому, шла очень бойко въ Помпеяхъ. Въ то же время зданіе интересно еще тѣмъ, что оно, будучи посвящено Согласію и Благочестію императорской фамиліи (Concordia et Pietas Augusta) и поставленное такимъ образомъ подъ ея защиту, представляетъ одно изъ многихъ найденныхъ въ Помпеяхъ доказательствъ, какъ рано въ этомъ провинціальномъ городкѣ вошелъ въ употребленіе религіозный культъ императорскаго дома. Мирная эпоха, начавшаяся для всей Римской имперіи послѣ ужасныхъ междуусобій умиравшей республики, вмѣстѣ съ основаніемъ монархіи Августа, вызвала среди италійскихъ городскихъ общинъ и спеціально въ Помпеяхъ столь же энергичное одобреніе и благодарность населенія, какъ и въ провинціяхъ, которыя прежде такъ безпощадно угнетались римскими администраторами, высасывавшими изъ нихъ всѣ соки. Оппозиція, еще неоднократно возникавшая въ первомъ столѣтіи послѣ Р. Хр. въ столицѣ, Римѣ среди лицъ старореспубликанскаго направленія и нашедшая въ историкѣ Тацитѣ могучаго и краснорѣчиваго, но, какъ теперь доказано, нѣсколько односторонняго и не вполнѣ безпристрастнаго защитника, была, повидимому, совершенно чужда Помпеямъ. Здѣсь не было, какъ въ Римѣ, постоянныхъ очевидцевъ тѣхъ жестокостей и пороковъ, которыми запятналъ себя не одинъ изъ преемниковъ Августа, оскверняя этимъ и императорскій тронъ; здѣсь видѣли главнымъ образомъ только хорошія стороны монархическаго правленія, и поэтому всѣ Помпейцы искренно были привязаны къ императорскому дому. Это доказывается многочисленными надписями, а также тѣми божескими почестями, которыми пользовался въ Помпеяхъ Августъ, какъ со стороны коллегіи Авгу-

сталовъ, состоявшей изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ и извѣстной только по имени коллегіи Augustiani, такъ и со стороны начальниковъ Суллано-Августовскаго предмѣстья (magistri, а также ministri pagi Augusti Felicis suburbani). Кромѣ того, для религіознаго культа Августа въ Помпеяхъ существовала еще важная жреческая должность sacerdos Augusti. Рядомъ съ этимъ непосредственнымъ культомъ императора намъ встрѣчается и посредственный, заключавшійся въ почитаніи не самого монарха, а его генія и покровительствующихъ ему богинь Счастія (Fortuna), Согласія (Concordia) и Благочестія (Pietas). Двумъ послѣднимъ, какъ мы видѣли, было посвящено зданіе, построенное жрицей Эвмахіей для биржи суконныхъ товаровъ, а два первыя божества (Геній и Фортуна Августа) имѣли даже особые храмы въ Помпеяхъ. Изъ нихъ одинъ, а именно храмъ Fortuna Augusta, помѣщается въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ форума, гдѣ его на собственныя средства построилъ какой-то Маркъ Туллій, вѣроятно родственникъ М. Туллія Цицерона, знаменитаго оратора. Храмъ же Генія Августа лежитъ на самомъ форумѣ возлѣ зданія Эвмахіи, то-есть въ центрѣ города, гдѣ мы находимъ еще только два храма, посвященные высшимъ богамъ, а именно храмъ Юпитера, свободно и гордо подымающійся на сѣверной сторонѣ форума, и великолѣпный храмъ Аполлона, лежащій на западной сторонѣ этой площади. Кромѣ этихъ четырехъ храмовъ, мы встрѣчаемъ въ раскопанной до сихъ поръ части Помпей еще только три храма. Одинъ изъ нихъ посвященъ капитолійской тріадѣ, Юпитеру, Юнонѣ и Минервѣ, и свидѣтельствуетъ намъ о вліяніи, которое должны были оказать и на религіозную жизнь Помпейцевъ римскіе колонисты, присланные въ Помпеи Суллой, посредствомъ перенесенія сюда культа специфическихъ римскихъ божествъ. Во второмъ храмѣ, отъ котораго, къ сожалѣнію, сохранился только фундаментъ и который помѣщается на второй площади Помпей, на такъ-называемомъ forum triangulare, мы имѣемъ образецъ чисто греческаго въ дорійскомъ стилѣ храма, который здѣсь былъ построенъ, вѣроятно, еще въ шестомъ столѣтіи до Р. Хр., подъ вліяніемъ греческихъ колоній Кампанскаго края и посвященъ, можетъ-быть, Венерѣ, богинѣ-покровительницѣ Помпей. Наконецъ, недалеко отъ forum triangulare лежитъ храмъ, посвященный египетской богинѣ Изидѣ. Существованіе этого капища, первое основаніе котораго относится еще ко второму вѣку до Р. Хр., показываетъ намъ, какъ рано уже, благодаря терпимости поли-

теизма древнихъ Грековъ и Италійцевъ, въ ихъ среду проникали чужія религіозныя идеи, преимущественно съ востока. Особенно это имѣло мѣсто по отношенію къ мистическому культу египетской Изиды, этой милостивой, исцѣляющей и охраняющей богини. Культъ ея, „всеобщей матери-природы“, рано еще, вслѣдствіе оживленныхъ торговыхъ сношеній съ Александріей, успѣлъ распространиться по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря, и здѣсь. благодаря его церемоніальному характеру, былъ принятъ очень сочувственно, особенно среди женщинъ. Въ этомъ отношеніи провинція даже опередила Римъ, и между тѣмъ какъ въ Помпеяхъ культъ Изиды, видимо, уже рано имѣлъ очень много почитателей, онъ въ столицѣ оффиціально былъ признанъ только при Домиціанѣ, въ концѣ перваго столѣтія по Р. Хр.

Помпейцы заботились, однако, не только о спасеніи своихъ душъ, но и о здоровьѣ своихъ тѣлъ. Завернувъ изъ центра города, форума, на востокъ, въ главную улицу, такъ-называемую decumanus maior или strada dell'Abbondanza, и пройдя по ней три квартала, мы приходимъ къ огромному зданію, представляющему публичное купальное заведеніе и носящему теперь названіе Стабійскихъ термъ. Безъ сомнѣнія дальнѣйшія раскопки въ Помпеяхъ обнаружатъ еще многія учрежденія подобнаго рода (кромѣ Стабійскихъ термъ до-нынѣ открыты только еще два такія заведенія), такъ какъ всѣмъ извѣстно, что древніе любили чаще и аккуратнѣе купаться, чѣмъ это дѣлается теперь. Какъ безконечно велика была тогда потребность въ такого рода учрежденіяхъ, можно видѣть изъ того, что въ Римѣ при Августѣ одинъ Агриппа воздвигъ 170 публичныхъ бань для дароваго пользованія народу, и что число ихъ въ слѣдующія три столѣтія дошло до 856, между тѣмъ какъ въ то же время тамъ былъ, кромѣ того, еще цѣлый рядъ самыхъ грандіозныхъ и роскошныхъ термъ, разсчитывавшихъ на многія тысячи посѣтителей. Изъ этихъ римскихъ термъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, термы Каракаллы и Діоклетіана, стоятъ еще поднесь и вызываютъ, даже въ видѣ развалинъ, всеобщее удивленіе. Какъ всегда бываетъ, потребность перешла въ излишество и роскошь, не желавшую знать уже никакихъ границъ. Прежде довольствовались купаніемъ разъ въ недѣлю, потомъ разъ въ день, а въ императорскій періодъ Римляне начали нерѣдко купаться по нѣскольку разъ въ день, а нѣкоторые праздношатающіеся даже все время проводили въ термахъ. А тамъ уже все было разсчитано на

такого рода времяпрепровожденіе, которое старались всячески разнообразить. Входъ въ термы бывалъ очень дешевъ (мужчины платили одинъ квадрантъ, т.-е. около полукопѣйки), а иногда и вовсе безплатный. Скоро дошло до того, что эти учрежденія, весьма полезныя первоначально для гигіены тѣла, сдѣлались главными разсадниками той ужасной испорченности нравовъ, которую яркими красками рисуютъ древніе писатели и слѣды которой, кстати замѣтимъ, мы можемъ нерѣдко видѣть и въ Помпеяхъ, хотя здѣсь она обусловливалась не столько, кажется, купальнями, сколько вообще пышностью кампанской культуры. Что касается устройства Помпейскихъ и такъ-называемыхъ Стабійскихъ термъ, которыя, само собою разумѣется, не выдерживаютъ никакого сравненія съ баснословно-роскошными термами Рима, но которыя, все-таки, превосходили въ роскоши большую часть современныхъ купальныхъ учрежденій, то оно отчасти походитъ на устройство нашихъ русскихъ или греко-турецкихъ бань. За уборной (apodyterium) лежали рядомъ три залы, называвшіяся tepidarium, caldarium и frigidarium. Первыя двѣ залы предназначались для потѣнія. Въ первой изъ нихъ купающійся принималъ теплую, во второй горячую ванну. Выкупавшись затѣмъ въ третьей залѣ въ холодной ваннѣ, намазывали тѣло масломъ и потомъ растирали и соскребали его, чтобы прекратить транспирацію. Это соскребаніе производилось съ помощью особаго инструмента, такъ-называемаго strigilis, или скребницы, и при томъ у болѣе зажиточныхъ людей спеціально поставленною для этого банною прислугой или ихъ собственными рабами. Болѣе бѣдные, конечно, обходились и безъ strigilis и безъ рабовъ или прислуги, и многіе изъ нихъ, пожалуй, дѣлали такъ, какъ одинъ ветеранъ императора Адріана, который, за неимѣніемъ скребницы, пользовался вмѣсто нея стѣной термъ, гдѣ онъ купался. Императоръ, увидѣвъ это, принялъ къ сердцу бѣдность своего заслуженнаго солдата и подарилъ ему денегъ и нѣсколько рабовъ, чтобъ онъ впредь могъ купаться съ бо́льшимъ удобствомъ. Чрезъ нѣсколько дней Адріанъ снова зашелъ въ эти термы. Цѣлая толпа нищихъ, съ понятнымъ разсчетомъ, при видѣ его принялась усердно тереться о стѣну. Но на этотъ разъ императоръ спокойно посмотрѣлъ на эту сцену и ограничился тѣмъ, что посовѣтовалъ бѣднякамъ употреблять для этого дѣла вмѣсто стѣны ихъ собственныя спины, взаимно одолжаясь ими. Стабійскія термы въ Помпеяхъ имѣютъ не только упомянутыя

мною выше помѣщенія собственно для купанья, и притомъ въ двухъ отдѣленіяхъ, для мужчинъ и для женщинъ, но также великолѣпный, обставленный колоннами, открытый дворъ, который назначался, въ качествѣ палестры, для тѣлесныхъ упражненій и игръ, столь любимыхъ у древнихъ Грековъ, а затѣмъ также у Римлянъ.

Но у Помпейцевъ были въ ходу не только невинныя гимнастическія игры заимствованной у Грековъ палестры, которыя служили для развитія тѣлесной крѣпости и проворства, но также жестокія военныя игры гладіаторовъ, перешедшія къ нимъ отъ Этрусковъ и Римлянъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ темнымъ пятномъ въ исторіи античной культуры. Въ Помпеяхъ оставлены слѣды этого обычая въ видѣ двухъ огромныхъ общественныхъ зданій. Одно изъ нихъ, находящееся на forum triangulare, представляетъ казарму гладіаторовъ, гдѣ въ шестидесяти шести маленькихъ кельяхъ, помѣщающихся вокругъ громаднаго двора, содержалась спекулирующими антрепренерами цѣлая толпа бойцовъ, состоявшая изъ рабовъ и добровольцевъ. Другое зданіе, находящееся на юго-восточной окраинѣ города, представляетъ амфитеатръ на двадцать тысячъ зрителей, гдѣ выступали эти бойцы и доставляли безчеловѣчныя удовольствія населенію Помпей. Главные виды этихъ удовольствій были травля звѣрей и битвы гладіаторовъ между собою. Въ первомъ случаѣ на арену выводились быки, кабаны, медвѣди, а иногда также львы и тигры, съ которыми вступали въ борьбу такъ-называемые bestiarii, напоминающіе отчасти испанскихъ матадоровъ. Нерѣдко также звѣрей натравливали другъ на друга или бросали имъ осужденныхъ преступниковъ, а въ Римѣ, со временъ Нерона, преимущественно христіанъ, плохо или вовсе не вооруженныхъ. Второй рядъ представленій въ амфитеатрѣ состоялъ, какъ сказано, въ битвахъ гладіаторовъ между собою. Эти битвы бывали очень разнообразны, благодаря разнообразію въ вооруженіи отдѣльныхъ паръ. Зрѣлище открывалось музыкой, затѣмъ слѣдовала примѣрная битва съ тупымъ оружіемъ и наконецъ серьезная борьба, которая нерѣдко оканчивалась смертью побѣжденныхъ гладіаторовъ; ибо только храбрый любимецъ публики могъ надѣяться, что, побѣжденный или раненый, онъ не тщетно будетъ протягивать руку, умоляя этимъ народъ даровать ему жизнь. Только храбрый, говорю я, могъ надѣяться тогда увидѣть въ публикѣ взмахи платковъ, знакъ дарованія этой милости. Къ трусу публика была

неумолима и безжалостно загибала большой палецъ, осуждая его этимъ жестомъ на смерть. Какою чудовищною любовью пользовались эти игры у Помпейцевъ, доказывается какъ относящимися сюда безчисленными каракулями на стѣнахъ, такъ и публичными объявленіями о гладіаторскихъ играхъ, на цѣлые мѣсяцы впередъ, отъ имени чиновниковъ и частныхъ лицъ, домогавшихся народнаго расположенія.

Но не слѣдуетъ думать, что Помпейцы не умѣли наслаждаться другими удовольствіями, кромѣ жестокихъ зрѣлищъ амфитеатральной арены. Нѣтъ, они отличались безконечною воспріимчивостью и къ болѣе высокимъ и благороднымъ наслажденіямъ, радующимъ въ одно и то же время и взоръ, и умъ, и сердце. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого являются два театра, лежащіе близъ forum triangulare. Большій изъ нихъ разсчитанъ тысячъ на пять, меньшій тысячи на полторы зрителей, то-есть вмѣстѣ на такую публику, которую не могли бы вмѣстить всѣ театры какого-нибудь большаго провинціальнаго города Россіи (какъ Кіевъ, Одесса и др.), вмѣстѣ взятые. А между тѣмъ Помпеи были только маленькій городокъ съ населеніемъ не болѣе 20—30 тысячъ жителей. Изъ этихъ двухъ храмовъ искусства меньшій, нѣкогда снабженный крышей, служилъ, вѣроятно, главнымъ образомъ для музыкальныхъ и небольшихъ сценическихъ представленій; въ большомъ же, вѣроятно, давались серьезныя трагедіи и комедіи, а можетъ-быть также тѣ веселыя драматическія шутки, которыя подъ именемъ Ателланъ нѣкогда возникли въ осской Кампаніи и въ главныхъ типахъ своихъ продолжаютъ жить и до сихъ поръ въ итальянскомъ фарсѣ. Отъ описанія этихъ двухъ театровъ я тѣмъ скорѣе могу отказаться здѣсь, что типъ греческаго театра, который они представляютъ, намъ еще лучше извѣстенъ по другимъ образцамъ его, сохранившимся, напримѣръ, въ Эпидаврѣ, въ Аспендѣ и въ другихъ мѣстахъ. Вообще нужно сказать, что публичныя зданія Помпей представляютъ сравнительно меньше интереса, чѣмъ частные дома этого города; и только одно я отмѣчу еще относительно первыхъ,— это то, что прекрасное гражданское чувство, наполняющее и одухотворяющее весь античный міръ, проявляется и въ общественныхъ зданіяхъ Помпей. Таблицы, начертанныя при ихъ закладкѣ, свидѣтельствуютъ, какъ живо было у аристократіи даже этого маленькаго городка сознаніе, что нѣтъ честолюбія болѣе законнаго, чѣмъ то, которое выражается въ желаніи сохранить

свое имя въ памяти потомства посредствомъ общественныхъ сооруженій. Жрица Эвмахія строитъ на свои деньги большой Chalcidicum на форумѣ, два дуумвира перестраиваютъ большой театръ, два другіе закладываютъ фундаментъ амфитеатра, одинъ квинквенналъ сооружаетъ храмъ фортуны Августа, даже на средства одного шестилѣтняго ребенка возстановляется храмъ Изиды, послѣ его разрушенія отъ землетрясенія 63 года, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ менѣе значительныхъ жертвъ, принесенныхъ на общую пользу. Хотя наша современная культура во многихъ отношеніяхъ превзошла античную культуру Греціи и Италіи, но надо сознаться, что есть еще не мало такихъ сторонъ общественной жизни, гдѣ примѣръ древнихъ и нынѣ еще можетъ служить образцомъ для подражанія и соревнованія; прекрасно развитое гражданское чувство древнихъ и способная на всякую жертву заботливость ихъ объ общемъ благѣ остается навсегда идеаломъ, къ которому и наше, и всѣ будущія поколѣнія людей неутомимо должны стремиться.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

О. Базинеръ.

ИЗЪ ДНЕВНИКА НАТАЛЬИ СЕРГѢЕВНЫ ***.

Повѣсть.

I.

1 августа. Вчера пріѣхалъ Гриша—Григорій Петровичъ Сѣвскій—женихъ сестры. Господи, сколько радости! Мы за пять верстъ ѣздили встрѣчать его въ долгушѣ. Глотали пыль, жарились на солнцѣ, въ концѣ концовъ насъ застала гроза въ полѣ и мы промокли, что называется, до нитки. Все это было намъ такъ весело, что даже мама хохотала, и мнѣ всѣ удивлялись, что дождь не веселитъ меня. Мы, правда, съ апрѣля не видали дождя, и онъ хоть кого могъ бы тронуть, засуха стояла все лѣто. Остановились у Зайчихи на постояломъ дворѣ пообсохнуть и пообсушиться немного. Таня надѣла рубаху и поневу Маѳуши, повязалась платкомъ, какъ повязываются дѣвки въ нашихъ краяхъ, и была очень довольна. Ее очень занималъ вопросъ, узнаетъ ли женихъ ее тотчасъ же въ этомъ костюмѣ или нѣтъ.

— Какъ ты думаешь, Наташа, узнаетъ меня Гриша?

— Какъ не узнать—узнаетъ, говорю.

— Но если не узнаетъ, вѣдь это будетъ ужасно.

— Что̀ же, собственно, тутъ будетъ ужаснаго?

— Ахъ, какъ же ты этого не понимаешь, это будетъ ужасно, ужасно!

И Таня такъ волновалась, какъ будто въ самомъ дѣлѣ было бы нѣчто ужасное въ томъ, еслибъ онъ не узналъ ея. Право, я даже не довѣряю всѣмъ этимъ волненіямъ влюбленной Тани. Во всемъ этомъ много напускнаго, играннаго, мнѣ кажется. А, впрочемъ, кто ее знаетъ?!

Тетя Женя почти безошибочно, минута въ минуту знаетъ, когда пріѣзжаютъ съ поѣзда и очень гордится этимъ, но надо было видѣть, какъ мы ждали!

„Онъ не ѣдетъ, нѣтъ, онъ не будетъ... онъ опоздалъ!.. онъ заболѣлъ!“

Неужели въ самомъ дѣлѣ можно такъ кипѣть любовью на виду у всѣхъ? Неужели, еслибъ я полюбила, я бы тоже совалась ко всѣмъ со своими чувствами, со своими волненіями, со всѣми этими мелкими дрязгами такъ-называемой любви?

Подумаешь, какъ все это важно—два молодыя существа, когда пришло время, почувствовали влеченіе другъ къ другу, и вотъ мы готовы перевернуть всю жизнь изъ-за этого—глупо!

Минута въ минуту по часамъ пріѣхалъ нашъ женихъ. Растерянно, разинувъ ротъ, оглядывалъ онъ насъ, не видя своей Тани.

Наконецъ-то онъ призналъ ее въ крестьянской дѣвкѣ—вотъ-то была радость, вотъ восторгъ! Весь постоялый дворъ высыпалъ смотрѣть на жениха и невѣсту, съ деревни прибѣжали расфранченныя (нынче первый Спасъ) дѣвки и еле дыша, подталкивая другъ друга, взирали на влюбленныхъ, даже собаки, высуня языкъ, собрались вокругъ насъ, пока мы садились на долгушу. Гриша съ Таней рядышкомъ—идилія!

Гриша, какъ и подобаетъ влюбленному, весь растерялся: въ Москвѣ позабылъ кольца, на станціи свой сакъ, позабылъ еще какую-то бумагу. Вообще, надо отдать ему справедливость, онъ имѣетъ видъ самый жениховскій, то-есть самый глупый. Мама говоритъ, что я это изъ зависти.

Чему завидовать, подумаешь!

У мамы одинъ только и есть идеалъ счастья—супружеская жизнь. Она уже теперь вздыхаетъ по мнѣ, страшась, что я останусь старою дѣвой! (мнѣ двадцать второй годъ, я на три года старше Тани).

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть васъ такими же счастливыми, какъ была я сама, говоритъ мама и слезы дрожатъ на ея рѣсницахъ.

Бѣдная мама! Она искренно думаетъ, что была счастлива! Я

хорошо помню покойнаго папу и ея супружеское счастье. Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда онъ умеръ. Бывало, мама пикнуть не смѣетъ при папѣ. Онъ спитъ, и она ходитъ на цыпочкахъ, чуть дышетъ. Онъ всталъ, и она глядитъ ему въ глаза, ищетъ чѣмъ бы угодить. Боже упаси, если сдѣлаетъ что̀ не впопадъ. Папа не стѣснялся: сказать ей „дура“ при насъ, дѣтяхъ, не считалось грубостью. Онъ былъ глава, онъ приказывалъ, повелѣвалъ, она только точно старалась исполнить его приказанія. Своихъ желаній у нея не было, она желала только то, что̀ онъ желалъ. Самостоятельной жизни у нея тоже не было. Что̀ же она считаетъ своимъ счастьемъ, бѣдная женщина? Грубую ласку, которая иногда выпадала на ея долю? Я помню, какъ свѣтлѣла она, когда онъ входилъ къ ней веселый, что̀ было рѣдкостью, и разсказывалъ то, что̀ случилось съ нимъ, или въ хозяйствѣ, или просто подходилъ, бралъ ея руку въ охабку, не взирая на то, что̀ держала эта рука—ножницы ли, иголку—все равно—и тянулъ ее къ своимъ губамъ, такъ что рукавъ трещалъ (онъ никогда не нагибался) и цѣловалъ нѣсколько разъ. Какою гордостью дышало тогда лицо бѣдной мамы! Вотъ какъ онъ любитъ меня, казалось, говорило оно, смотрите, смотрите. И теперь она живетъ воспоминаніями своего счастья, желала бы и намъ устроить такое же. Разъ она очень обидѣлась, когда я ей сказала, что не желала бы такого счастья, которое выпало на ея долю.

— Что̀ же тебѣ нужно? удивленно спросила она.—Въ чемъ же еще счастье-то, какъ не въ любви? а мы любили другъ друга.

— Но не такъ, какъ я хотѣла бы любить. Нѣтъ, не такъ, не такъ! Ну, да, я хочу любви, но не такой, какъ вижу вокругъ себя, гдѣ чувственность играетъ главную роль. Я хочу любить, но пусть не прикосновеніе руки, не отуманенный страстью взглядъ зажжетъ во мнѣ пламень. Какъ я могу довѣрить этому болѣзненному состоянію, которое заставляетъ говорить нашу низменную природу!

Когда мнѣ было лѣтъ семнадцать, и мы жили въ городѣ, къ намъ приходилъ всякій день одинъ офицеръ. Онъ былъ очень юнъ, красивъ, застѣнчивъ и, кажется, очень влюбленъ въ меня.

Онъ приходилъ обыкновенно послѣ обѣда, садился гдѣ-нибудь въ углу и занимался только тѣмъ, что смотрѣлъ на меня.

И взглядъ его влажный, упорный, влюбленный волновалъ меня. Мнѣ казалось тоже, что я люблю этого юношу. Я дошла до того, что предчувствовала его приближеніе, оглядывалась, когда онъ

смотрѣлъ на меня, не спала ночей, думала о немъ, и сдѣлай онъ мнѣ письменное предложеніе или черезъ кого-нибудь, я съ радостью согласилась бы стать его женой. Но судьба пожалѣла меня. Разъ, не стану разсказывать какъ и почему, мы вечеромъ въ саду, при лунѣ остались съ нимъ вдвоемъ. Я чувствовала, какъ сердце сильно билось въ моей груди и кровь приливала къ вискамъ, я была въ его власти—возьми онъ мою руку, поцѣлуй меня, и я не знаю, что̀ бы сталось со мною. Къ моему счастью онъ не посмѣлъ этого сдѣлать, онъ заговорилъ, бѣдный юноша, сбивчиво, глупо сталъ онъ просить моей руки. И по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, я чувствовала, какъ спокойнѣе становилось біеніе сердца, какъ туманъ въ головѣ разсѣивался и завѣса спадала съ глазъ. Онъ глупъ, думала я съ ужасомъ. „Никогда не бывать этому, вслухъ сказала я,—никогда, никогда!" И я убѣжала отъ него, забилась куда-то въ уголъ, гдѣ никто не могъ отыскать меня, и плакала, плакала. Оплакивала то, что̀ называла любовью и что̀ разрушило первое слово. Я отрезвилась, вылѣчилась, но съ тѣхъ поръ не довѣряю этому слову—любовь. Во имя этого глупаго недоразумѣнія, я чуть было не стала женой идіота—слуга покорный! А любовь Тани, что̀ это такое, разбирая безпристрастно? Просто маленькое чувственное влеченіе двухъ взрослыхъ, здоровыхъ красивыхъ дѣтей, раздутое маменьками и тетушками, такъ какъ партія подходящая. Не будь Гриша подходящею партіей, вѣдь не дали бы развиться этому чувству!.. Нѣтъ, я хочу любви, да, хочу... но я повѣрю ей только тогда, когда она возникнетъ наперекоръ всему. Пусть возстаютъ маменьки, тетушки, пусть цѣлый свѣтъ будетъ противъ моей любви, и я устою и выдержу отпоръ... Да, вотъ какой любви хочу я, сильной, возвышенной, почти трагической.

А эти счастливыя бракосочетанія не для меня!

3 августа. Рожь почти всю обмолотили, выходы самые пустые. У крестьянъ немногимъ лучше нашего. Посѣвъ начался, но земля суха, вѣтеръ вывѣтрилъ влагу и опять понесъ намъ дымъ лѣсныхъ пожаровъ.

Свадьба назначена 30 августа. На свадьбу пріѣзжаютъ родственники Гриши. Это очень волнуетъ бѣдную маму. Мы уже теперь начинаемъ чистить домъ, приготовляемъ флигель, и всякій день вздыхаетъ о томъ, что пожалуй ко времени пріѣзда гостей будетъ дурная погода, хотя дождь „охъ, какъ нуженъ!" Вздоховъ, по обыкновенію, очень много; мать моя большая песси-

мистка, обо всемъ вздыхаетъ, все видитъ въ мрачномъ свѣтѣ. По ея словамъ мы уже давно на пути къ разоренію, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ скончался папа и мы лишились главы. Счастье Тани нѣсколько подняло ея духъ, но нельзя не повздыхать, особенно когда есть такое законное основаніе, какъ нынѣшній неурожай, а мы уже, конечно, вздыхаемъ о будущемъ.

— Вотъ нынѣшній годъ неурожай, на будущій тоже, а тутъ дѣлай приданое! вздыхая, говоритъ она.

И я вижу, съ какимъ наслажденіемъ пересчитываетъ она тонкія наволочки, разсматриваетъ мѣтки.

— Вы бы, пожалуй, рады были, говорю я, дѣлая невинное лицо,—чтобы свадьба Тани разошлась.

— Да что̀ ты! Да ты съ ума сошла, ты просто полоумная какая-то!.. восклицаетъ мама.

— Я пошутила, мама, успокойтесь.

— Нѣтъ, сдѣлай милость, не шути такъ!

И мы хлопочемъ, усиленно шьемъ приданое, мѣтимъ. Гостиная и столовая завалены бѣльемъ. Несмотря на хорошую погоду, мы сидимъ дома и шьемъ не разгибаясь.

Одна Таня ничего не дѣлаетъ, даже не пользуется хорошею погодой—не гуляетъ. Она буквально цѣлые дни просиживаетъ съ Григорьемъ Петровичемъ въ угловой. Сидятъ они рука въ руку и молчатъ. Что они откровенно молчатъ, въ этомъ я убѣдилась не разъ, внезапно входя въ эту комнату „любовнаго сидѣнья“ и всякій разъ заставая ихъ въ одной и той же позѣ и въ одинаковомъ молчаніи. Вотъ прекрасная манера узнать другъ друга до свадьбы! Вчера я посмѣялась надъ ними при maman. Мама очень разсердилась.—„Ты зла, какъ настоящая старая дѣва“, сказала она,—„въ тебѣ зависть говоритъ. И чѣмъ тебѣ, право, не женихъ Евгеній Алексѣевичъ? Любитъ ужь такъ, что другой и во снѣ не приснится! Дала бы ему слово, осчастливила бы человѣка и зависть бы улеглась!“

Скажи мнѣ кто другой все это, я бы разсердилась, но на маму я сердиться не могу. Она такъ добра и такъ любитъ меня.

— Мама, милая, неужели ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что я завидую Танѣ, сказала я и обняла мою старушку.

Вдругъ она неожиданно разрыдалась, припавъ къ моему лицу.

— Ахъ, говорила она,—я не знаю зависть ли это или что̀ другое, но ты несчастна, а я желала бы видѣть тебя счастливою.

— Чѣмъ же я несчастна, мама?

— Не спрашивай, я знаю, знаю...

Я слегка отстранила мать отъ себя и засмѣялась.

— Что ты воображаешь такое? Я спокойна, счастлива, никому не завидую, ничего не желаю и за Евгенія Алексѣевича не пойду, потому что не люблю его. Таня зоветъ тебя, иди, мама.

И я сухо, я чувствую это, отстранила ее отъ себя, бѣдная мама! Но почему же и она думаетъ, что я несчастна? Почему Таня считается счастливою, а я несчастна? Не дѣти ли мы однихъ отца съ матерью? Не одинаково ли холятъ насъ въ этомъ домѣ? Почему же мать считаетъ меня несчастною? Не потому ли, что я не умѣю дать никому счастья? Не потому ли, что не умѣю отдаться безъ разсужденій теченію жизни? Такъ просто, кажется, и естественно отдать свое сердце тому, кто тебя любитъ. Вотъ хоть бы напримѣръ, Евгенію Алексѣевичу. Онъ молодъ, недуренъ собою, имѣетъ хорошенькое состояніе, на прекрасной дорогѣ, его родители были бы въ восторгѣ, еслибъ я согласилась стать его женой, моя мама спитъ и видитъ это благополучіе. А я вотъ нѣтъ, не отдаюсь теченію. Противенъ мнѣ Евгеша со своимъ умѣреннымъ либерализмомъ, со своимъ умѣреннымъ умомъ, умѣреннымъ честолюбіемъ и умѣренною любовью. Противный масляный взоръ!.. Ну, а еслибъ это былъ другой? Гриша, напримѣръ? Умный мальчикъ съ возвышенною и кроткою душой? Еслибъ онъ полюбилъ меня?.. Говоря откровенно, было бы то же самое: за его любовь, то-есть за то, что̀ они называютъ любовью, я не отдала бы ему сердца.

Вѣдь не полюбила же я „Агасфера“, а онъ былъ достоинъ любви.

Таня съ Гришей очень милые, добрые, честные люди, и они знаютъ, что̀ имъ надо для ихъ счастья. Имъ надо маленькій, уютный мягкій уголокъ, въ которомъ бы они могли скрыться, созерцая красоту другъ друга. Имъ надо маленькое мѣщанское счастье. Все будетъ завѣсить отъ внѣшнихъ условій—будетъ у нихъ достаточно средствъ, чтобы съютить себѣ гнѣздо, чтобы сытно поѣсть, будутъ родиться здоровыя дѣти; не обрушится на нихъ какая-нибудь невзгода извнѣ, и они будутъ счастливы, внѣшній міръ врядъ ли тронетъ моихъ переклитокъ, они будутъ довольствоваться своимъ маленькимъ міркомъ... Я слышу возню. Таня страшно о чемъ-то хлопочетъ, нѣсколько разъ пробѣжала мимо моей двери. Высовываюсь и спрашиваю: „что̀ такое?“ — Гриша съ охоты пришелъ, кушать хочетъ. Ахъ, Боже мой, да

скоро ли будетъ готовъ бифстексъ?" — Вотъ и онъ бѣжитъ за нею. Онп останавливаются у самой моей двери, я слышу легкую борьбу и звукъ поцѣлуя — все кончается этимъ, и только этимъ, будьте счастливы, дѣти мои, я не завидую вашему счастью!

II.

6 августа. Въ природѣ опять жара и смрадъ лѣсныхъ пожаровъ. Деревья или совсѣмъ облетѣли или стоятъ совсѣмъ желтыя какъ въ глухую осень. Трава шуршитъ подъ ногами. Скотъ возвращается домой совсѣмъ голодный. Вчера встрѣтилась съ Василіемъ Терентьевымъ. -- Ну что? спрашиваю. — Ничего, матушка барышня, живемъ по-маленьку, къ вамъ шелъ, не нужно ли, молъ, поработать для вашей милости?

— Да вѣдь мы ужь почитай, что обмолотились.

— Обмолотились! Ахъ горе какое! а я было думалъ.

— Ржи-то только почти на посѣвъ и хватитъ, говорю, а у васъ какъ?

— У насъ, слава тебѣ Господи, до января съ хлѣбомъ будемъ.

И онъ доволенъ, что будетъ сытъ съ семьей до января, а тамъ будутъ ѣсть въ долгъ!.. А въ угловой идетъ то же воркованье, тѣ же поцѣлуи. Въ домѣ усиленныя приготовленія къ свадьбѣ. Таня съ Гришей, мама съ тетей, Дуняша съ Глашей, Антипъ съ Настасьей. Только я одна сама съ собою. Каждый день ѣзжу на Вожу купаться. Дѣлаю большія прогулки верхомъ и пѣшкомъ, объѣзжаю поля, дѣлаю видъ, что занимаюсь хозяйствомъ. Много читаю, но не попадаю на настоящее, скоро буду бояться печатнаго. Тоска, Боже, какая тоска! А есть вѣдь здоровье, сила, молодость, красота внѣшняя, а внутри что-то испорчено, червь какой-то точитъ. Къ обѣду пріѣзжалъ Евгеній. Съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Гриша, у насъ обѣды, je vous prie de croire, безукоризненны. Бывало пріѣдетъ кто-нибудь къ самому обѣду и мама волнуется, бѣжитъ заказывать неизбѣжный зеленый соусъ съ яйцами, сегодня же мы стойко перенесли пріѣздъ Евгенія Алексѣевича, соусъ былъ заказанъ раньше. Онъ только-что возвратился изъ Петербурга, пріѣхалъ въ новомъ прекрасно-сшитомъ платьѣ и былъ еще болѣе медлителенъ въ движеніяхъ, чѣмъ прежде, ему, кажется, хотѣлось, чтобъ я осмотрѣла его со всѣхъ сторонъ. Привезъ много разсказовъ изъ служебнаго и

придворнаго міра и кажется 12 фунтовъ конфетъ изъ разныхъ кондитерскихъ, мамѣ коробку, Танѣ коробку, и мнѣ. Передавая мнѣ конфеты, онъ какъ-то очень тонко далъ мнѣ замѣтить, что онѣ дороже стóятъ остальныхъ. Я взглянула на него съ благодарностью... Бѣдный Евгеша, и зачѣмъ ты только тратишься. Все старался остаться со мною наединѣ, но я не доставила ему этого удовольствія, онъ долженъ былъ при всѣхъ высказать, чтò тяготило его душу: „Мой дядюшка князь Дмитрій Ивановичъ непремѣнно хочетъ перетащить меня въ свое вѣдомство. Конечно я пойду, если онъ дастъ мнѣ мѣсто въ Петербургѣ. Я прихожу къ убѣжденію, что служить и жить можно только въ Петербургѣ". Ну и прекрасно, переходите въ Петербургъ, только безъ меня, Евгеній Алексѣевичъ!

6 августа вечеромъ. Завтра пріѣзжаетъ Гришина сестра, Софья Петровна Зарѣцкая, она пріѣзжаетъ раньше срока, такъ какъ воспользовалась поѣздкой въ наши края своего дальняго родственника, случайно проѣзжавшаго черезъ Кіевъ, чтобы не ѣхать одной. Это еще совсѣмъ неопытная молоденькая женщина. У насъ переполохъ; мама вся въ красныхъ пятнахъ. Въ домъ опять нагнали толпу бабъ. Обметаемъ пыль, моемъ полы, какъ будто никогда этого не дѣлали раньше. Нигдѣ пройти нельзя, въ корридорѣ цѣлыя лужи, по всему дому сквозной вѣтеръ, топотъ босыхъ ногъ и громкій бабій говоръ. Авдотья, наша домоправительница кричитъ, конечно, громче всѣхъ. А надо всѣми криками царитъ звонкій голосъ тети Жени. Это нашъ верховный распорядитель. Въ очень важные критическіе моменты нашей жизни, когда мама чувствуетъ себя слишкомъ слабою, она естественно передаетъ бразды тетѣ Женѣ. Тетя Женя всего на два года моложе матери, но жизненныхъ силъ и энергіи въ ней масса, да и вообще она на десять лѣтъ кажется моложе. Она бѣгаетъ по всему дому, сунетъ бабъ то въ одно мѣсто, то въ другое, только-что велитъ Матренѣ мыть въ гостиной полъ, какъ уже кричитъ ей изъ угловой: „сюда! сюда! дай тряпку, вонъ паутина• и все, — такъ нельзя, надо прежде обмести. Зови Настю, нѣтъ, нѣтъ, не трогай, Машку зови!" Она почему-то заблагоразсудила отдать кабинетъ, въ которомъ до сихъ поръ помѣщался Гриша, новопріѣзжему родственнику.

Новая суета, Гришу переводимъ въ смежную комнату, перетаскиваемъ кровать. А родственнику — его фамилія Тулвновъ — шлемъ телеграмму, чтобы не вздумалъ проѣхать нашу станцію

не побывавъ у насъ. Мы вѣдь ужасно родственны, даже десятую воду на киселѣ мы съ блаженствомъ принимаемъ въ наши родственныя объятія. Мама и тетушка очень гордятся этимъ нашимъ свойствомъ и Таня совершенно сочувствуетъ имъ и говоритъ, что она будетъ горько плакать, если Тулиновъ не завернетъ къ намъ въ Бахмачеево. Да, она въ состояніи плакать объ этомъ, я убѣждена, тѣмъ болѣе, что Гриша наговорилъ ей съ три короба о Тулиновѣ.

7 августа часъ ночи. Цѣлый день прошелъ въ ожиданіи.

Волненій было пропасть, какъ будто мы не знаемъ, что есть нѣсколько поѣздовъ, и если Софья Петровна Зарѣцкая не пріѣхала утромъ, то можетъ пріѣхать въ ночь. Ѣздили конечно встрѣчать, какъ обыкновенно, но я устояла, не поѣхала глотать пыль, за что̀ Таня меня назвала „эгоисткой“. Возвратилась разочарованная и, кажется, даже въ слезахъ, что̀ дало поводъ Гришѣ въ продолженіе двухъ часовъ утѣшать ее въ липовой бесѣдкѣ (изъ угловой они, наконецъ, перебрались на чистый воздухъ).

Ждали цѣлый день, теперь рѣшено ждать и ночью. Поѣздъ на нашу станцію приходитъ въ половинѣ перваго, оттуда до Бахмачеева двадцать верстъ, считайте минимумъ два часа, могутъ пріѣхать только къ тремъ, но мы ждемъ! Домъ весь освѣщенъ, цѣпныя собаки на привязи и страшно воютъ. Мама съ тетушкой дремлютъ въ гостиной надъ работами. Женихи ушли въ садъ — ночь лунная, а я простилась, нѣтъ, я не намѣрена дожидаться до утра новыхъ родственниковъ, пусть пріѣзжаютъ безъ меня. Когда я прощалась, Таня посмотрѣла на меня съ укоризной и не вытерпѣла, чтобы не спросить: „Неужели ты не встанешь, когда пріѣдетъ Соня?“ Я отвѣчала, что не встану, что оставлю это знакомство до завтра.

— И не вставай, сказала тетя Женя съ озлобленіемъ,—никто не нуждается въ твоихъ родственныхъ чувствахъ.

Я ничего не возражала на эти слова и ушла.

Я не знаю дѣйствительно, для чего я стану ломать себя, для чего лгать? Вѣдь мама, тетушка, Таня — всѣ лгутъ, всѣ представляются, настраиваются на этотъ родственный тонъ. Не могутъ же онѣ любить въ самомъ дѣлѣ женщину, которую никогда не видали — все это условная ложь, а я не хочу подчиняться этой условной лжи. Я еще вѣрю Танѣ, Таня теперь въ своемъ глупомъ экстазѣ готова любить не только близкаго Гришѣ чело-

вѣка, но даже вещь мало-мальски касавшуюся его. Я на дняхъ подсмотрѣла съ какимъ любовнымъ восторгомъ она оглядывала оставленный имъ на столѣ портсигаръ... Танѣ все прощается, она невмѣняема, но тетушка, я увѣрена, клянетъ въ душѣ милыхъ родственниковъ, такъ дурно устроившихъ свой пріѣздъ, что она, тетя Женя, любящая поспать, должна бодрствовать до трехъ часовъ...

Да пусть, пусть... ломайтесь, кривляйтесь, лгите, меня-то только оставьте въ покоѣ. Однако я слышу лай собакъ. Онѣ такъ и рвутся на своихъ цѣпяхъ, мои бѣдные псы, жертвы родственныхъ чувствъ! Звукъ экипажа... Вотъ онъ влетѣлъ во дворъ.

Павелъ лихо осаживаетъ тройку у крыльца. До меня долетаютъ восторженные возгласы изъ передней, звуки поцѣлуевъ. Вотъ кто-то бѣжитъ по корридору внизу. Очевидно наша вездесущая Настька побѣжала за самоваромъ. Вотъ и онъ! его присутствіе для меня очень ощутительно — весь чадъ несется ко мнѣ — наверхъ. У насъ не умѣютъ поставить самовара безъ чаду—это традиція дома, которою мы гордимся!.. Вотъ вся компанія переходитъ въ залу. До меня долетаетъ гулъ голосовъ. Голосъ тети Жени все покрываетъ, она съ особеннымъ азартомъ о чемъ-то трактуетъ. Вотъ мужской голосъ—не Гришинъ—голосъ, звучащій мягко и какъ-то властно. Тетя Женя даже замолчала... Меня разбираетъ любопытство, не пойти ли взглянуть? вѣдь я еще не раздѣвалась...

Вѣдь это тоже будетъ ломаньемъ, если я насильственно удержу себя здѣсь изъ-за того, что простилась со всѣми. Да пусть же тетушка думаетъ что̀ хочетъ—я иду.

III.

8 августа. Сошла внизъ и застала цѣлую картину:—мама за самоваромъ украдкой утираетъ слезы, Таня стоитъ обнявшись съ молодою красивою женщиной, похожею на Гришу, такою же бѣлокурою, съ такими же волнистыми волосами какъ у него и съ такими же добрыми глазами и обѣ о чемъ-то шепчутся, какъ будто онѣ въ дружбѣ уже десятки лѣтъ. Гриша стоитъ около нихъ и улыбается. Тетушка съ чашкой чая сидитъ за столомъ, она очевидно въ паѳосѣ, съ азартомъ что-то доказываетъ своему собесѣднику, ея любимыя слова „и все“ и „такъ далѣе“

сыплются безъ конца и собесѣдникъ очевидно не въ силахъ возражать ей—ему не даютъ времени. Собесѣдникъ ея встаетъ при моемъ появленіи и я не безъ нѣкотораго интереса разглядываю его. Это человѣкъ лѣтъ 45 — можетъ и болѣе. Голова красива. Густые вьющіеся волосы съ сильною просѣдью откинуты назадъ и вздымаются цѣлою шапкой надъ умнымъ бѣлымъ лбомъ. Глаза темно-каріе или сѣрые — не разобрала еще, большіе, вдумчивые, ихъ взглядъ какъ бы безсознательно останавливается на васъ и вамъ дѣлается неловко подъ нимъ, такъ онъ упоренъ. Тонкій правильный носъ, мягкая немного грустная улыбка красиво очерченныхъ губъ, усы и борода съ сильною просѣдью, высокій ростъ, немного сутуловатая фигура—въ общемъ впечатлѣніе откровенно пожилаго, не желающаго молодиться человѣка, человѣка внушающаго довѣріе - впечатлѣніе пріятное.

Онъ всталъ когда я вошла и дожидался стоя моего привѣтствія, разсѣянно, какъ мнѣ показалось, слушая тетушку. Таня такъ обрадовалась моему приходу, что вся вспыхнула.

— Это моя сестра, сказала она чуть-чуть задыхаясь Софьѣ,— сестра Наташа, ты знаешь. Таня была уже на ты съ Софьей Петровной.

— А я думала вы спите, сказала Софья пріятнымъ груднымъ голосомъ, и протянула мнѣ обѣ руки, кажется и губы, но я не поцѣловалась съ нею, а только крѣпко пожала ея мягкія маленькія ручки.

— Нѣтъ, я не спала, сказала я.—Чадъ самовара, хотѣла, было, я сказать выгналъ меня съ верху, но я удержалась отъ этой маленькой лжи. И чистосердечно, сама не знаю зачѣмъ, промолвила:—я не хотѣла выходить сегодня и собиралась уже ложиться, но заслышала голоса и меня вдругъ потянуло къ вамъ.

Мама очевидно была мною довольна, она улыбалась и, точно желая помочь мнѣ въ трудномъ дѣлѣ любезности, выдѣлывала что-то ртомъ, повторяя мои движенія губами. Я подошла къ Тулинову и протянула ему руку.

— Павелъ Александровичъ Тулиновъ, назвалъ онъ себя.

— Догадываюсь, сказала я и улыбнулась. Онъ тоже улыбнулся доброю милою, красивою улыбкой. Мнѣ нравится лицо Тулинова. Мы сидѣли до четырехъ часовъ благодушно разговаривая. Тулиновъ уѣзжаетъ послѣ-завтра, у него неотложное дѣло въ Тамбовѣ и ему надо торопиться; онъ присяжный повѣренный

по профессіи. Къ свадьбѣ онъ, быть-можетъ, отдѣлается и вернется сюда, но Софьѣ придется возвращаться въ Кіевъ одной, такъ какъ Тулиновъ отсюда проѣдетъ прямо въ Петербургъ. Все это я узнала вчера же отъ него.

— Я вѣдь и то второй мѣсяцъ путешествую въ разлукѣ съ семьей. Вотъ этимъ, прибавилъ онъ, обращаясь исключительно ко мнѣ, - профессія наша ужасна, мы почти не принадлежимъ нашимъ семьямъ.

— Вы давно женаты? спросила я.

— О, да, я вѣдь ужь совсѣмъ старикъ, Наталья Сергѣевна, моя старшая дочь почти вамъ ровесница.

— Какъ, ей двадцать второй годъ?

Онъ негромко разсмѣялся.

— Развѣ можно быть такъ наивно-откровенною, сказалъ онъ,— не скажи вы, я никогда бы не отгадалъ сколько вамъ лѣтъ; дочери моей пятнадцать и я считалъ васъ года на два старше ея.

Вотъ первая фраза въ устахъ этого человѣка, которая не понравилась мнѣ, терпѣть не могу этой манеры говорить женщинамъ комплименты. Я знаю, что я не дурна, но не моложава. Я нахмурилась и отвернулась отъ него, чѣмъ и воспользовалась тетушка, чтобы завладѣть Тулиновымъ и владѣла имъ до послѣдняго момента, когда мы разошлись по нашимъ комнатамъ. Я поднималась по лѣстницѣ и слышала еще, какъ на высокихъ нотахъ она выкрикивала: ну и тому подобное... вы понимаете, и все... и такъ далѣе, ну, и конечно... Однимъ словомъ .. Господи сколько лишнихъ словъ, чтобы ничего не сказать!

11 августа. Сегодня Павелъ Александровичъ долженъ былъ уѣхать отъ насъ, но онъ остался еще на нѣсколько дней.

— Останусь до самаго, до самаго послѣдняго срока, сказалъ онъ,—если вы этого хотите, Наталья Сергѣевна.

— Я хочу, чтобы вы остались, подтвердила я.

— Будь по вашему.

Онъ взялъ мою руку и тихо пожалъ.

Только во время путешествія или въ деревнѣ при исключительныхъ условіяхъ въ родѣ нашихъ можно такъ сойтись въ нѣсколько дней, какъ мы сошлись съ Тулиновымъ.

Въ нашихъ съ нимъ отношеніяхъ пріятно именно то, что ни мама, ни тетя Женя не смотрятъ на него, какъ на жениха. Вѣдь скажи два-три лишнія слова съ молодымъ человѣкомъ, и вы уже видите два озабоченныя женскія лица и трепетныя

губы васъ спрашиваютъ: — О чемъ шелъ у васъ разговоръ? Ты кажется съ нимъ не любезна. Или напротивъ: — Ты слишкомъ съ нимъ любезна, помилуй—какой же это женихъ, у него гроша мѣднаго нѣтъ за душой!—И пойдутъ течь слезы матушки,—изливаться рѣчи тетушки—„и все, и тому подобное"...

Тулиновъ же не представляетъ собою ни заманчиваго, ни опаснаго жениха, онъ женатъ, этимъ все сказано. А самой судьбѣ угодно оставлять насъ вдвоемъ: мама, тетушка, Софья Петровна всецѣло поглощены приданымъ. Гриша съ Таней заняты другъ другомъ, а Тулиновъ предоставленъ мнѣ. Когда на другой день по пріѣздѣ Софьи Петровны съ Тулиновымъ всѣ разошлись и тетушка долго топталась на мѣстѣ, разсказывая Павлу Александровичу къ сколькимъ разнороднымъ обязанностямъ призываетъ ея долгъ, присаживалась, опять вставала и наконецъ ушла, я сказала ему:

— А на меня, кажется, возложена исключительная обязанность занимать васъ, Павелъ Алексаноровичъ.

— Которая вамъ особенно непріятна.

— О, нѣтъ. Я убѣждена, мы съ вами всегда найдемъ сюжетъ для интереснаго разговора, а это главное.

— Не въ томъ дѣло, сказалъ онъ, качнувъ своею сѣдою красивою головой,—я очень мало васъ, конечно, знаю, Наталья Сергѣевна, всего нѣсколько часовъ, но моя профессія сдѣлала меня физіономистомъ: какъ ни мало мы знакомы другъ съ другомъ, я однако успѣлъ замѣтить, что заслужилъ вашъ гнѣвъ.

— Вы, мой гнѣвъ!.. вы ошибаетесь, Павелъ Александровичъ.

— Вы измѣняете себѣ, Наталья Сергѣевна, сказалъ онъ съ оттѣнкомъ грусти, какъ мнѣ показалось.—Въ то короткое время, что я узналъ васъ, я успѣлъ замѣтить, что вы правдивы по преимуществу. Зачѣмъ же теперь вы измѣняете своему принципу и говорите неправду? вы недовольны мною.

— Наконецъ-то вы употребили подходящую фразу, сказала я смѣясь.—Ваша профессія испортила вашъ языкъ, вы употребляете слишкомъ сильныя выраженія—вы говорите, что заслужили мой гнѣвъ, это слишкомъ выразительно. Чтобы быть правдивою, скажу, мнѣ дѣйствительно не понравились вчера ваши льстивыя слова о моихъ годахъ...

— Вотъ видите, я зналъ, что вы недовольны мною, воскликнулъ онъ почти радостно.—Скажу вамъ прямо, вы вчера поразили меня простотой и радушіемъ вашей встрѣчи, мнѣ сразу

показалось, что мы будемъ съ вами хорошими друзьями, но вчера же мнѣ почудилось, что что-то оттолкнуло васъ отъ меня. Я очень чутокъ, Наталья Сергѣевна!.. я радъ, что дѣло только въ годахъ. Я съ восторгомъ признаю за вами не только 22 весну, но цѣлыхъ 25 лѣтъ, будемъ только друзьями, не сердитесь на меня.

Онъ сказалъ это такъ просто, что я съ радостью протянула ему руку.

И право, мы стали друзьями. Куда дѣвалась моя недовѣрчивость, моя щепетильность. Какъ выражается тетушка, я отношусь къ Тулинову, котораго знаю со вчерашняго дня, какъ будто онъ мнѣ былъ другомъ десятки лѣтъ. Въ нашихъ натурахъ есть что-то родственное. Мы понимаемъ другъ друга не только съ полуслова, но съ полувзгляда. Вчера вечеромъ мы проходили мимо бесѣдки—мѣста заключенія нашихъ влюбленныхъ. Мы были очень близко; между листвой ясно можно было различить бѣлый рукавъ моей сестры и темную спину Гриши, но ни звука не было слышно. Именно по поводу этого молчанія я не могла удержать улыбки. Павелъ Александровичъ какъ будто мгновенно понялъ мою мысль, онъ заглянулъ мнѣ въ глаза и, улыбнувшись тоже, молвилъ:

— Однако, странный способъ веселиться! И это они всегда такъ?

— По крайней мѣрѣ очень часто.

— Никакіе, значитъ, вопросы не отягчаютъ ихъ влюбленныхъ головъ, и слава Богу, барышня! Будутъ счастливы! Мы бы съ вами стали копаться, допытываться отчего, да почему? Да есть ли это еще счастье настоящее? А они ничего не пытаютъ. Ихъ грѣетъ солнце, имъ свѣтитъ луна, вокругъ нихъ трепещетъ листва. И они думаютъ, что все это создано, чтобы сдѣлать рамку къ ихъ счастью! Для нихъ весь міръ заключается въ нихъ самихъ. Зачѣмъ же имъ слова?.. И они, эти милые эгоисты думаютъ, что они самыя самоотверженныя существа, потому что въ этомъ экстазѣ, въ которомъ находятся теперь, они готовы пролить слезу надъ каждымъ несчастнымъ нищимъ, отдать ему цѣлый... цѣлый рубль изъ своего кошелька. Гриша славный, честный малый, я знаю его давно, съ самаго дѣтства, но это одинъ изъ тѣхъ людей, который можетъ вполнѣ довольствоваться своимъ маленькимъ семейнымъ счастьицемъ. Укромный уголокъ, хорошенькая нѣжная жена, приличная обстановка—чего еще надо!.. Идеалъ

сестры вашей, мнѣ кажется, немногимъ выше... О, они будутъ счастливы!“

А онъ счастливъ? Я знаю, что у него семья, но онъ ни разу еще не упоминалъ о женѣ своей. Хотѣлось бы мнѣ знать, счастливъ онъ съ женой? Что̀ это за женщина его жена? Умна, красива? Любитъ его?..

IV.

12 августа. Сегодня многознаменательный день. Личность Павла Александровича, его семейныя отношенія стали мнѣ ясны. Я дня два тому назадъ спрашивала Гришу.

Но можно ли что̀ допытаться у этихъ влюбленныхъ. „Семейное положеніе Тулинова“? Прекрасное семейное положеніе. Жена отличная женщина, обожаетъ его, онъ, конечно, капризничаетъ, но впрочемъ ничего себѣ, живутъ хорошо, насколько я знаю—вотъ и все, что̀ я отъ него добилась.

Сегодня къ обѣду къ намъ пріѣхали дядюшка Петръ Семеновичъ изъ Подымова и Евгеній Алексѣевичъ изъ города.

Только-что дядюшка вошелъ, какъ тетя Женя подхватила его и со своею обычною болтливостью принялась его разспрашивать, сама отвѣчать и разсказывать.

— Что, братецъ, видѣли новыхъ родственниковъ? Не видѣли? Какая прелесть эта Софья Петровна! Какъ хороша, настоящій ангелъ и все. Такъ родственна, нѣжна! А какъ уменъ Павелъ Александровичъ! Вы еще не познакомились съ Павломъ Александровичемъ Тулиновымъ?.. Знаменитый Тулиновъ, вы знаете! Вотъ дайте срокъ, загоняетъ онъ васъ, братецъ! Такъ говоритъ!.. ахъ, какъ говоритъ!

— Что вы даже слушаете, сестрица, успѣлъ вставить свое саркастическое слово дядя Петръ Семеновичъ, который всегда утверждалъ, что сестрицу Евгенію Семеновну можно заставить слушать только сильно ошеломивъ ее чѣмъ-нибудь—„озадачиться и замолчать, но не болѣе какъ на полминуты, не успѣли высказать, пропало ваше дѣло.“ Но Евгенія Семеновна на этотъ разъ не озадачилась, сарказма не поняла и продолжала тараторить.

— Вотъ нашъ строгій критикъ сама Наталья наша Сергѣевна (взглядъ въ мою сторону) и та, кажется, довольна, не крити-

куетъ. Нѣтъ ужь, братецъ, этотъ васъ загоняетъ, загоняетъ, лучше и не вступайте съ нимъ въ споръ.

Дядюшка, какъ большой лохматый серьезный песъ, котораго задираетъ маленькая собаченка, презрительно оглянулся на сестру:

— Это васъ, бабье, сказалъ онъ,—загонять всякій можетъ, а не насъ, матушка. Мы за себя постоимъ.

— Всякій! Ты говоришь всякій, это не всякій, это талантливѣйшій человѣкъ и все... я рада, что ты засталъ его еще, послушаешь, какъ настоящіе-то ораторы говорятъ. Онъ извѣстный адвокатъ.

— Знавали мы такихъ! Щелкоперъ какой-нибудь!. Тетушка сразу оказала дружественную услугу Павлу Александровичу,—возстановила, я это сейчасъ почувствовала, дядю противъ него. Мнѣ это очень досадно, изо всей нашей родни дядю Петра Семеновича Родвилова я люблю и уважаю болѣе всѣхъ. Дядя Родвиловъ братъ по отцу матери нашей и тетѣ Жени, онъ сынъ дѣдушки отъ перваго брака его съ простою крестьянкой. Дядя вѣроятно унаслѣдовалъ отъ матери крестьянскую грубость и наивную прямоту. Онъ много старше сестеръ, ему за шестьдесятъ, тогда какъ матери моей нѣтъ еще и пятидесяти, а тетя Женя, когда принарядится, можетъ сойти за тридцатипяти-лѣтнюю женщину. Несмотря на свои годы, онъ очень крѣпкій и бодрый старикъ, ѣздитъ верхомъ, ходитъ на охоту, стрѣлять безъ промаха. Онъ не женатъ. Живетъ онъ постоянно въ своемъ имѣньѣ и выработалъ свою собственную систему хозяйства, надъ которою всѣ смѣются, но которая, очевидно, приноситъ ему доходъ. Матушка очень любитъ и уважаетъ брата. Сестры лучше чѣмъ кто-либо могли убѣдиться въ его честности и безкорыстіи: когда умеръ отецъ ихъ, не оставивъ духовнаго завѣщанія, Петръ Семеновичъ, не говоря никому ни слова, распорядился своимъ достояніемъ, раздѣливъ его на три равныя части, и это тогда, когда сестры имѣли свое собственное наслѣдіе отъ матери. Тетя Женя никогда не могла говорить объ этомъ поступкѣ брата безъ слезъ. Онъ же искренно считалъ, что поступилъ такъ, какъ поступилъ бы всякій „настоящій человѣкъ“ на его мѣстѣ.—Я исполнилъ свой долгъ, говорилъ онъ.

Недружелюбіе дядюшки къ Тулинову выразилось еще за обѣдомъ, когда на мужскомъ концѣ стола завязался безконечный мужской разговоръ или скорѣе споръ. Павелъ Александровичъ

говоритъ хорошо, покойно, не волнуясь; въ его словахъ, по-моему, очень ясно выражается его мысль. Но дядюшка дѣлалъ видъ, что не хорошо понимаетъ, все требовалъ болѣе яснаго опредѣленія. Очевидно, они люди двухъ различныхъ лагерей. Дядя человѣкъ стариннаго закала, большой ретроградъ, надо сказать, Павелъ Александровичъ человѣкъ вполнѣ либеральнаго образа мыслей. Вотъ дядя-то и желалъ его поймать на этомъ либерализмѣ, и все укорялъ его въ неискренности. Мой дядюшка любилъ рѣзать все съ плеча и считалъ людей не искренними когда они говорятъ безъ пѣны у рта и съ уваженіемъ относятся ко мнѣніямъ другихъ, будь они діаметрально противоположныхъ мнѣній. Мы умѣемъ только кричать, особенно когда насъ подускиваютъ, какъ это дѣлалъ изподтишка мой милѣйшій поклонникъ Евгеній Алексѣевичъ. Я сидѣла, какъ на иголкахъ во все время обѣда и рада была, когда обѣдъ кончился; задвигали стульями и мужчины разошлись.

Въ гостиной за кофе, однако, разговоръ возобновился, но въ немъ уже приняли участіе и дамы. Тетушка, охотница поговорить, собственно и начала-то его.

— Это ужасно, вы слышали, братецъ, вотъ!.. Бѣдный молодой человѣкъ: семья и все!!. и вдругъ такъ неожиданно...

— О чемъ вы говорите, сестрица, я ровно ничего не понимаю.

— Какъ о чемъ? О Павловѣ, бѣдный молодой человѣкъ! Такой талантливый и тому подобное и вдругъ застрѣлился... Я поплакала и все...

— А я ни пролилъ ни одной слезы. Непутевый малый этотъ Павловъ!

— Ахъ, что̀ вы, братецъ, несчастный, несчастный? Павелъ Александровичъ, вотъ послушайте.

И тетушка передала безпорядочно, какъ только она умѣетъ, исторію несчастнаго Павлова, со своими, конечно, комментаріями.

Этотъ юноша съ большимъ, какъ разсказываютъ, поэтическимъ талантомъ, но безо всякихъ средствъ, года два тому назадъ женился по страстной любви на такой же бѣдной дѣвушкѣ, какъ былъ и самъ. Сначала онъ пробивался кое-какъ литературнымъ трудомъ, къ концу года однако, когда родился у нихъ ребенокъ, онъ внялъ просьбамъ жены и поступилъ на службу, на скудное, но вѣрное жалованье. Литература была заброшена. Павловъ затосковалъ. Къ концу втораго года супружества у Павловыхъ родился второй ребенокъ; средства не увеличивались.

Павловъ ходилъ повѣся носъ на службу, но почти ничего не дѣлалъ, подвергая себя частымъ выговорамъ. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ рожденія втораго ребенка, какъ Павловъ застрѣлился, мотивируя свое самоубійство совершенною своею непригодностью въ житейскихъ дѣлахъ и неумѣньемъ устроить какъ слѣдуетъ свою семью.

— Обыкновенная исторія! сказалъ Павелъ Александровичъ.

— Самонадѣянный мальчишка! рѣзко выговорилъ дядя,—я-ста, де мы-ста, литературныя силы. А пороху-то и не хватило, чтобъ этими силами поддержать семью.

По умнымъ губамъ Павла Александровича скользнула грустная улыбка.

— Все это такъ, сказалъ онъ,—уважаемый Петръ Семеновичъ, все такъ, въ молодости много самонадѣянности, но надо сказать правду, ничто такъ не губитъ таланта, какъ семья.

— Позвольте, своимъ зычнымъ голосомъ запальчиво закричалъ дядя,—если талантъ настоящій, то семья будетъ только содѣйствовать его развитію.

— Нѣтъ, извините, онъ непокоенъ, долженъ искать чѣмъ прокормить семью, обуть, одѣть, дать нѣкоторый комфортъ...

— А, вотъ оно что̀—комфортъ. Для семьи ли его, батюшка, ищутъ-то, этотъ самый комфортъ. Самимъ намъ онъ нуженъ, семью-то мы только приплетаемъ кстати—да-съ. А дѣло-то въ томъ, батюшка, что много слишкомъ на себя мы надѣемся, силишки своей не соразмѣряемъ, да больше думаемъ о себѣ-съ, чѣмъ о семьѣ. Такъ-то. Понравилась рожица смазливенькая, мы и женимся. Пусть, молъ, въ экстазѣ сидитъ предъ нами, да восхищается нашею геніальностью, а забываемъ о томъ, что эту хорошенькую рожицу намъ же придется кормить, а что она пожалуй народитъ намъ съ полдюжины дѣтей. А силенки-то у насъ и не находится, чтобы заработать на всѣхъ или перенести мужественно невзгоду.

— Ну пожалуй и силенки бы хватило, но невзгода является въ томъ, что хорошенькая рожица, какъ вы характерно изволили назвать, окончательно не понимаетъ своего мужа, его стремленія ей чужды, его интересы мало ее трогаютъ.

— Да-съ, мало трогаютъ! насмѣшливо воскликнулъ дядя,—а вы хотѣли бы связать себя съ свободнымъ человѣкомъ и подчинить его волю всецѣло себѣ! Тотъ... кто позволяетъ себѣ роскошь жениться, тотъ, батюшка, идетъ на то, чтобъ уступать; самъ не

уступишь, тебѣ не уступятъ, я не люблю уступать и не женился..

— Вотъ видите ли, мы пришли, значитъ, къ одному и тому же заключенію—обзаводиться семьей не надо, значитъ, и по-вашему.

Дядюшка опѣшилъ, барыни засмѣялись.

— Какъ не надо! оглядываясь воскликнулъ онъ.—Нѣтъ, надо, надо, что вы тутъ проповѣдовать изволите!

— Я впрочемъ говорю не для всѣхъ. Есть люди, которымъ жениться необходимо, только въ семьѣ они и могутъ найти спасеніе. Я говорилъ только объ одномъ сортѣ людей, людей стоящихъ нѣсколько выше общаго уровня, какъ этотъ Павловъ, напримѣръ, со словъ Евгеніи Семеновны, людей, которыхъ обыкновенно не понимаютъ женщины, или очень немногія изъ нихъ, сами выдающіяся. Такимъ людямъ, такъ или иначе, суждено гибнуть въ семьѣ.

До этихъ поръ волновался дядя, Павелъ же Александровичъ былъ совершенно спокоенъ, теперь же, когда дядя, высказавшись, успокоился и не слушалъ даже своего оппонента, тотъ замѣтно волновался, глаза его горѣли, на щекахъ проступилъ румянецъ.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, обращаясь теперь исключительно къ намъ, женщинамъ.—Представьте себѣ хоть бы этого Павлова. У него не крупный, положимъ, но все же талантъ. Онъ дорожитъ имъ. Онъ думаетъ, — быть-можетъ онъ и не правъ, — что въ этомъ талантѣ цѣль его жизни. Онъ влюбился въ дѣвушку, которая, казалось ему, понимала его. И на первыхъ же порахъ онъ натыкается на полное равнодушіе къ тому, что составляетъ часть его жизни, его самого. Онъ рвется къ ней, чтобы подѣлиться тѣмъ, что болѣе всего занимаетъ его, а она: „не хочешь ли покушать, мой милый“? „Дай я тебя поцѣлую“! И обижается, что онъ не ласковъ съ ней, что въ домѣ недостатокъ. „Ты не любишь меня: еслибы любилъ, ты видѣлъ бы, ты досталъ бы“. Начинаются маленькія сцены, кончающіяся примиреніями вначалѣ, но онѣ отравляютъ жизнь. Родятся дѣти. Жена больна, раздражена и свое раздраженіе вымѣщаетъ на мужѣ. Она становится требовательна. „Дѣти! восклицаетъ она. Ты долженъ для дѣтей“!

Онъ спасается отъ сценъ, работаетъ надъ прибыльною работой, а талантъ гибнетъ. И жена же, пожалуй, потѣшается надъ нимъ. „Талантъ, говоритъ она, гдѣ онъ, твой талантъ?“

Онъ холодѣетъ къ женѣ, мѣщанская обстановка семьи ему дѣлается противна. Онъ хотѣлъ бы бѣжать, искать другаго, но онъ привязанъ. Вотъ тутъ-то Павловы и стрѣляются! Другіе же бьются цѣлую жизнь, не смѣя сбросить съ себя жерновъ, который сами же навязали на шею, бьются, пока смерть не освободитъ ихъ сама. Дядя, вѣроятно, нашелъ бы, что̀ возразить ему, но онъ уже давно покинулъ комнату и храпѣлъ гдѣ-нибудь на диванѣ. Мы же женщины не возражали, мы были взволнованы, даже тетушка порывалась что-то сказать, но ничего не говорила, а утирала глаза платкомъ. Впрочемъ, она скоро пришла въ себя и стала излагать свой образъ мыслей. Покуда она говорила, я тихонько выскользнула изъ комнаты и пробралась на террасу. Вечеръ былъ теплый, но темный. Густыя облака собрались на небѣ. Столовая, окна которой выходятъ на балконъ, была еще не освѣщена, такъ что я очутилась въ абсолютной темнотѣ. Въ первый моментъ было даже жутко. Потомъ, приглядываясь вдаль, я стала различать дорожки, силуэты липъ, клеровъ, полуоблетавшей березы. Этотъ темный вечеръ съ своими осенними ароматами левкоеевъ и прѣлаго листа навѣвалъ на меня грусть. Я сидѣла въ самомъ темномъ углу, прижавшись къ косяку окна и думала... думала о Тулиновѣ, мнѣ казалось, что сейчасъ онъ говорилъ не о Павловѣ, а о себѣ и мнѣ было грустно, что я ничего не знаю о его прошломъ, мнѣ хотѣлось заглянуть въ это прошлое, постараться разгадать его. Мнѣ казалось, что возникшая въ эти нѣсколько дней между нами близость даетъ мнѣ право на это любопытство. Неужели я не узнаю, ничего не узнаю о немъ! Говоря о Павловѣ, не говорилъ ли онъ о себѣ? Мнѣ казалось, что впервые чужое несчастіе такъ глубоко трогаетъ меня; да, я была убѣждена, что онъ несчастливъ, и мнѣ хотѣлось бы какъ-нибудь утѣшить его, приласкать, какъ маленькаго, сказать ему: „еслибъ это было въ моей власти, вы были бы счастливы“. Я кажется такъ занята была своими мыслями, что послѣднія слова выговорила вслухъ — это со мною случается иногда. И вдругъ услышала тихій голосъ: — Вы здѣсь, Наталья Сергѣевна?

V.

Это былъ Тулиновъ, онъ обошелъ кругомъ черезъ садъ и стоялъ подъ террасой. Онъ, вѣроятно, очень испугалъ меня, я почувствовала какъ точно что-то оборвалось у меня въ груди и

стало трудно дышать. Съ секунду я боялась выговорить слово, наконецъ сказала первое, что̀ пришло на языкъ.

— Вы не бойтесь собакъ, онѣ уже спущены, сказала я и сама чувствовала какое-то трепетаніе въ звукахъ моего голоса.

— Можно къ вамъ? У васъ тутъ такъ прекрасно... Вы такъ это хорошо придумали уйти сюда. Можно?

— Само собою.

Онъ ухватился за балюстраду очень уже ветхую, поднялся на рукахъ и черезъ мгновеніе былъ уже около меня.

— Ну, что̀ вы скажете, милая барышня?.. сказалъ онъ, чуть-чуть прикасаясь къ моей рукѣ. Я видѣла слабое очертаніе его блѣднаго лица и на немъ двѣ большія темныя впадины, которыя точно имѣли свойство пропасти и притягивали къ себѣ, по крайней мѣрѣ я не могла оторвать отъ нихъ взгляда.

— Что̀ вы скажете? Вѣдь бываютъ такіе глупые, подлые моменты въ жизни человѣка!

— О чемъ вы говорите?

— Барышня милая, зачѣмъ эта личина притворства! Не притворяйтесь, вы знаете, о чемъ я говорю. Будьте другомъ, разбраните меня хорошенько. Скажите: старый дуракъ, мальчишка, старый, вѣчный студентъ, болтунъ... Ну скажите же, Наталья Сергѣевна.

Я засмѣялась.

— Не смѣйтесь, а разбраните. Ну говорите: болванъ, старый дуракъ...

— Старый дуракъ, повторила я и опять засмѣялась.

— Такъ, такъ, браните сильнѣй, милая Наталья Сергѣевна, чтобы стыдно мнѣ стало! Ишь разболтался! Душу свою наизнанку выворачивать принялся. Надъ тобою смѣются и ништо тебѣ!..

— Я ничего не понимаю, кто же смѣется и надъ чѣмъ?

— Надо мною, барышня милая, заговорилъ онъ задушевно, машинально беря мою руку,—всякій долженъ надо мною смѣяться, ишь, что̀ выдумалъ изливаться на старости. Терпѣлъ, терпѣлъ, и вдругъ не вытерпѣлъ, проврался. Бываютъ же вѣдь такіе моменты, когда вдругъ что-то точно толкнетъ тебя высказаться, пожаловаться на горькую судьбу, а, Наталья Сергѣевна, бываютъ вѣдь?.

Въ этой задушевности тона, къ которому онъ такъ быстро перешелъ, послѣ шутки, было что-то трогательное.

— Кто же посмѣлъ бы смѣяться, сказала я, удерживая слезы.

— Вы не смѣялись? спросилъ онъ серьезно,—вамъ жаль стало болтуна?

Я молчала, я боялась вымолвить слово, такъ тяжело было на сердцѣ, такъ страшно было разрыдаться тутъ же при немъ.

— Эхъ, милая дѣвушка! пожили бы вы съ мое, пережили бы то, что̀ пережито мною, и тогда, можетъ-быть, ясно поняли бы, что бываютъ минуты, когда невтерпежъ, когда хочется излиться!..

Въ это время въ столовую принесли лампу и нашъ уголъ освѣтился. Изъ глубокихъ впадинъ сверкнули его темные глаза, грустные и серьезные. Онъ тоже вѣроятно увидѣлъ мое волненіе и продолжалъ:

— Вотъ когда предъ собою видишь такой вотъ честный, сочувственный взоръ, когда предчувствуешь, что есть душа, которая пойметъ тебя и пожалѣетъ... пожалѣетъ, барышня? спросилъ онъ. Я утвердительно кивнула головой.

Онъ повторилъ мой жестъ и въ этомъ повтореніи было столько ласки, нѣжности.

— Спасибо, спасибо... И понемногу, не спѣша, хотя и сильно волнуясь въ полутьмѣ этой террасы, онъ разсказалъ мнѣ свою интимную жизнь.

Онъ женился рано, увлекшись хорошенькимъ личикомъ влюбившейся въ него барышни. Первые восторги любви скоро миновали. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ свадьбы, какъ глаза его открылись—онъ былъ связанъ на вѣки съ добренькою, но ограниченною дѣвушкой, мечтавшею о поцѣлуяхъ, о маленькомъ комфортѣ, и только. Его, человѣка идеи, не искавшаго своего личнаго счастья, она не понимала. Она сразу предъявила свои требованія, и онъ долженъ былъ отказаться отъ своей мечты. Моя судьба, сказалъ онъ, похожа на судьбу Павлова. Такъ же, какъ у него, у меня былъ мой талантъ, который я долженъ былъ похоронить для того, чтобы заработать комфортъ женѣ и дѣтямъ.

И вотъ изо дня въ день потянулась жизнь, на которую принято не жаловаться, но которая хуже всякой каторги. Немилая работа, сцены и сценки изъ-за каждаго неурочнаго часа, проведеннаго внѣ дома. Упреки, слезы, ласки немилой жены! Рознь полная и жизнь бокъ о бокъ.

— Разойтись? да. мнѣ приходило въ голову. Но подъ какимъ же предлогомъ я разойдусь съ женщиной вполнѣ добродѣтельною? Какъ оставлю дѣтей, которыхъ люблю. Единственно когда

бы я могъ разойтись съ нею, это еслибы встрѣтилъ тотъ идеалъ женщины, который носилъ въ сердцѣ своемъ. Но гдѣ женщина, которая не гналась бы за комфортомъ, которая не ставила бы своей личной жизни, своего очага превыше всего? Гдѣ женщина, для которой любовь превышала бы другія разныя соображенія, для которой княгиня Марья Алексѣевна не являлась бы серьезнымъ пугаломъ? Я не встрѣчалъ такой женщины. Моя жена могла бы и не ревновать меня! А главное—нѣтъ какъ-то охоты думать о личномъ своемъ счастіи. Не сложилась жизнь, какъ хотѣлось, ну и пусть! Есть, не правда ли, барышня милая, задачи выше личной нашей жизни, надъ которыми стóитъ подумать и потрудиться? Чтò жизнь одного человѣка въ сравненіи съ жизнью массы людей, главная забота которыхъ, забота о хлѣбѣ насущномъ! И онъ не возвращался болѣе къ своей личной жизни, а сталъ развивать „теорію равновѣсія", какъ онъ это называетъ. Онъ пишетъ большую статью по этому вопросу. Врядъ ли ученый трудъ его будетъ когда напечатанъ, идеи,—онъ говоритъ это самъ,—слишкомъ новы, смѣлы, наша цензура не переваритъ ихъ. Онъ мечтаетъ объ изданіи своей книги за границей, о переводѣ ея на иностранные языки.

VI.

21 августа. Онъ уѣхалъ; вчера мы простились съ нимъ, но странно—я не ощущаю пустоты, той пустоты, чтò была вокругъ меня и во мнѣ до моего знакомства съ нимъ. Его нѣтъ, но онъ былъ тутъ. его мысль осталась со мною. Онъ пробудилъ меня и ушелъ. Пусть онъ ушелъ, но сонъ все же отлетѣлъ и спать я больше не могу. Въ той средѣ гдѣ мы живемъ, узкой, думающей только объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей, такой высокій умъ и характеръ, какъ его, съ отсутствіемъ всякихъ эгоистическихъ стремленій, естественно могъ поразить, тронуть и перевернуть во мнѣ понятія и чувства. Да, чувства!.. Таня утверждаетъ, что я живу однимъ воображеніемъ. Нѣтъ, это ужь не воображеніе... Я люблю его и знаю почему люблю. Это не волненіе крови и не любовь по рецепту. Это не похоже на любовь мою къ офицеру, гдѣ главнымъ образомъ играли роль пламенные взгляды, не похожа и на чувство Тани къ Григорію Петровичу, которому такъ легко было развиться подъ покровительствомъ тетушекъ и маменекъ, гдѣ все такъ счастливо

пригнано и по возрасту, и по состоянію, и по желанію родителей. Я же люблю того, кого по вашимъ правиламъ любить не смѣю; любовь моя не подходитъ подъ принятую мѣрку, но это не чувственная страсть; я умъ его люблю, его мысль проникла мнѣ въ душу, и мы стали родными. У него жена, дѣти... Но они не могутъ мнѣ помѣшать любить его. Люблю!.. Какъ страшно и сладко впервые самой себѣ выговорить это слово. Слышишь ли? я тебя люблю. Дорогой мой, слышишь ли, я тебя люблю!.. Если ты спишь, проснись и услышь мой голосъ. Если ты думаешь о другомъ, пусть мгновенно отлетятъ твои думы... Но нѣтъ, я знаю, ты думаешь обо мнѣ, ты, такъ же какъ и я, полюбилъ внезапно и сильно, не думая о томъ позволено ли это? Пусть не позволено, но тѣмъ сильнѣе мы любимъ другъ друга. И никто не догадывается о нашей любви! Можетъ ли придти въ голову благоразумной тетушкѣ, мамѣ, Танѣ, что въ двѣ недѣли могло бы возникнуть чувство. По ихъ разсчетамъ полагается какой-то срокъ на возникновеніе любви, а на повѣрку выходитъ, что она никого не спрашиваетъ и возникаетъ въ одинъ мигъ, какъ и когда ей угодно. Почемъ я знаю, когда я полюбила его, сейчасъ же какъ увидала, услыхала его или днемъ позднѣе? Почемъ я знаю! Я съ разу повѣрила въ него и знала, что онъ вѣритъ мнѣ, но когда это случилось—я не могу отвѣчать, какъ, вѣроятно, не можетъ отвѣтить и онъ. Вчера весь день онъ былъ грустенъ. Я чувствовала, что онъ хочетъ сказать мнѣ что-то, но какъ нарочно насъ не оставляли одниxъ. Уйти же въ садъ было нельзя—шелъ дождь. День тянулся долго и томительно, въ моихъ ушахъ почти безпрерывно звенѣлъ голосъ тетушки. Я уходила къ себѣ, старалась заниматься, но ничто не шло на умъ. Нѣсколько разъ открывала дневникъ, но не написала въ немъ и строки. Наконецъ ужь послѣ ужина, когда женихи, вѣроятно, удовлетворившись своимъ сидѣньемъ въ угловой, рано разошлись по своимъ комнатамъ, а мама съ тетушкой и Софьей Петровной стали обсуждать какой-то очень сложный туалетный вопросъ, причемъ тетушка страшно горячилась и даже Павла Александровича звала во свидѣтели, я встала и стала ходить вдоль гостиной, залы и угловой.

— Ты долго будешь прохаживаться, Наташа, крикнула мнѣ мама.—Мы расходимся спать.

— Похожу еще немного, цѣлый дѣнь сидѣла, сказала я.

— Ну такъ лампы не забудь погасить, когда уйдешь, да окна посмотри всѣ ли заперты.

— Я посмотрю окна, сказалъ Павелъ Александровичъ и первый сталъ прощаться, забывъ въ своемъ спѣхѣ выпроводить ихъ, что уходятъ онѣ, а не онъ. Но тетушку не скоро-то можно было выпроводить, она еще долго собирала свои вещи, все время болтая съ Павломъ Александровичемъ, находила одно, забывала другое, посылала Тулинова искать, ахала, охала и находила потомъ въ своей корзинѣ. Наконецъ она распростилась, наказавъ мнѣ еще разъ осмотрѣть всѣ окна, двери и погасить лампы, и еще разъ я обѣщала ей. Павелъ Александровичъ подошелъ ко мнѣ. Вотъ сейчасъ, думалось мнѣ, произойдетъ нѣчто знаменательное!.. И сердце сильно стучало въ груди. Но ничего особенно знаменательнаго не произошло. Послѣ долгаго томительнаго дня ожиданій, мы не находили ничего сказать другъ другу. Мы ходили изъ угла въ уголъ по амфиладѣ и перекидывались незначительными фразами.

— Дождь все еще идетъ.

— Кажется идетъ. Это хорошо, пусть промокнетъ земля.

И молчаніе на нѣсколько минутъ. Такъ мы ходили около получаса.

— Однако, пора исполнить завѣтъ тетушки, сказала я, стараясь шутить.

— Погодимъ немного, сказалъ онъ просительно,—вѣдь это послѣдній вечеръ...

Я чувствовала, — не знаю, замѣтилъ ли онъ, — какъ поблѣднѣла при этихъ его словахъ. И мы продолжали ходить другъ около друга, теперь не перекидываясь даже словами. Я невольно вспомнила Гришу съ Таней.

— Ну теперь пора, сказала я рѣшительно.

— Пора, повторилъ онъ, какъ эхо.

Мы прошли со свѣчой въ угловую, осмотрѣли окна, онъ всталъ даже на подоконникъ и задвинулъ верхнюю задвижку.

— Такъ? спросилъ онъ, оборачиваясь и ища одобренія.

— Такъ.

Потомъ мы прошли въ гостиную и сдѣлали тамъ то же самое— осмотрѣли окна, погасили лампы и минуя залу, прошли въ переднюю. Пока мы шли залой, онъ точно про себя сказалъ:

— Въ послѣдній разъ по милому дому съ милою дѣвушкой...

Въ передней онъ сталъ на ларь, чтобы достать и завернуть

лампу. Но свернутый винтъ не поддавался его усиліямъ. Лампа мигала, вспыхивала, но не гасла. Онъ, стоя на ларѣ, еще обернулся ко мнѣ и съ неописуемою грустью сказалъ:

— Не хочетъ гаснуть... жалко тоже!

Я поняла мысль этихъ словъ и мнѣ хотѣлось плакать, но я шутливо замѣтила:

— Ну если вы лампу не умѣете заставить повиноваться...

— Какъ не сумѣть! заставимъ! И онъ сильно дунулъ.

— Гасни, старина!.. Готово, барышня.

Мы обошли всѣ пять оконъ залы и балконную дверь, погасили обѣ лампы.

— Ну теперь, сказала я,—доведу васъ до вашей двери,—онъ спалъ въ кабинетѣ,—и прощайте.

Онъ остановился предо мною и смотрѣлъ на меня молча съ высоты своего роста, не протягивая руки навстрѣчу моей.

— Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя, сказалъ онъ.—Поймите, вѣдь, мы прощаемся совсѣмъ, совсѣмъ. Я обѣщалъ вашей матушкѣ пріѣхать сюда къ свадьбѣ, но я не пріѣду, дитя мое... Васъ это огорчаетъ?.. я бы и хотѣлъ, да не могу, не могу!.. Простимся же здѣсь сейчасъ, завтра уже будетъ не то... завтра на народѣ... Онъ говорилъ отрывочно, волнуясь.

— Дайте мнѣ здѣсь съ глазу на глазъ поблагодарить васъ за тѣ нѣсколько отрадныхъ дней, что̀ я провелъ съ вами. Можетъ-быть, мы никогда болѣе не встрѣтимся, но впечатлѣніе, все равно, останется ярко. Вы сами не знаете, милое дитя, какъ огромно впечатлѣніе... Спасибо, спасибо вамъ!..

Онъ взялъ меня за обѣ руки и вдругъ нагнулся и поцѣловалъ въ лобъ. Потомъ, не глядя на меня, онъ взялъ свѣчу и пошелъ впередъ. Такъ онъ довелъ меня по корридору до лѣстницы наверхъ.

— Ну, идите, сказалъ онъ, передавая мнѣ свѣчку. Я сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ по лѣстницѣ, онъ смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ.

— Да скажите же что-нибудь на прощанье, сказалъ онъ съ мольбой. Мнѣ дѣйствительно самой показалось необходимымъ сказать ему нѣсколько словъ, я торопливо вернулась и стоя на послѣдней ступенькѣ, почти въ ровень съ его лицомъ, дѣлала усиліе что-то такое сказать, и вдругъ неожиданно для себя заплакала. Онъ схватилъ ту мою руку, что̀ держала подсвѣчникъ въ обѣ свои и сталъ беззвучно цѣловать.

— Милая, милая, повторялъ онъ,—да благословитъ тебя Богъ за твои слезы. И вдругъ онъ оторвался отъ меня и шибко пошелъ по темному корридору, не оглядываясь болѣе...

Онъ уѣхалъ. Увидимся ли съ нимъ или нѣтъ, все равно, я люблю его и знаю, что онъ меня любитъ. На радость или на горе намъ эта любовь?.. Что̀ лучше, увидѣться или никогда болѣе не встрѣчаться и вѣчно носить воспоминаніе о немъ?..

VII.

24 августа. Какъ монотонно тоскливо тянутся дни. И сколько, сколько ихъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ. Сегодня впервые послѣ долгихъ дней ненастной, холодной, сырой погоды проглянуло солнце, стало теплѣе, но на душѣ не стало легче, напротивъ, этотъ свѣтлый осенній день какъ будто идетъ въ разрѣзъ съ настроеніемъ. Схожу внизъ къ кофе. Все наше общество уже въ сборѣ. Гриша, бѣлый, розовый, сіяющій, Таня бѣлая, розовая, сіяющая, Софья Петровна бѣлая, розовая, сіяющая. Мама съ тетушкой не бѣлыя, не розовыя, но тоже сіяющія.

Всѣ встрѣчаютъ меня возгласами:

— Соня, Соня! сколько извѣстій проспала!

— Что̀ такое? спрашиваю я насторожившись... (вѣдь можетъ быть и отъ него есть извѣстіе).

— Мои новые папа съ мамой, говоритъ Таня, а сама смотритъ на Гришу,—завтра пріѣзжаютъ. Слышишь, Соня, родители наши съ Гришей пріѣзжаютъ!.

— Порадуйтесь и за меня, говоритъ Софья Петровна свѣтлѣя, мужъ мой тоже ѣдетъ, — я никакъ этого не ожидала, это такая радость!

— Слава Богу, всѣ, всѣ, говоритъ мама,—понемногу сбираются, веселая, хорошая у насъ будетъ свадьба.

Мнѣ показываютъ письма, какъ будто я не вѣрю имъ.

— А вотъ, говоритъ мама,—и отъ Павла Александровича письмо... Какой право обходительный, любезный человѣкъ, изъ молодежи такихъ теперь нѣтъ!

— Само собой нѣтъ такихъ, любезность и „все“ вывелось изъ нашего общества, говоритъ тетя Женя,—теперь стыдятся быть любезными, говоритъ она, и смотритъ почему-то на Гришу.

— Развѣ я не былъ любезенъ съ вами, тетя Женя?

— Ахъ нѣтъ, мой милый, это я не про васъ, но всегда скажу, нынѣшняя молодежь...

Болтовня тети Жени даетъ мнѣ время оправиться.

— Что̀ онъ пишетъ, Павелъ Александровичъ? спрашиваю.

— Да вотъ возьми, прочти сама. Обходительный человѣкъ!

Его письмо невелико. Онъ проситъ принять его благодарность за родственное гостепріимство, говоритъ, что онъ всегда будетъ вспоминать о двухъ недѣляхъ, проведенныхъ въ миломъ Бахмачеевѣ. И никогда не забудетъ той атмосферы тепла, что̀ окружала его здѣсь. Потомъ онъ выражаетъ сожалѣніе, что не можетъ еще разъ вернуться къ намъ, чтобы присутствовать на свадьбѣ Тани, проситъ передать свои пожеланія счастья и шлетъ всѣмъ привѣтъ.

Мнѣ посвящены отдѣльно двѣ строки. — „Скажите моему молодому другу и сотоварищу Натальѣ Сергѣевнѣ, что никогда не забуду того самоотреченія, съ которымъ, не боясь скуки, занимала старика.“ — Этого онъ могъ бы и не писать! Зачѣмъ эта натянутость, эта ложь! все равно никто ничего не подозрѣваетъ. Нѣтъ, эти строки мнѣ сдѣлали больно, больно. Зачѣмъ онъ ихъ написалъ!

26 августа. Всякій день пріѣзжаютъ все новыя и новыя лица: родня наша и жениха. Всѣ углы нашего дома переполнены. Флигель весь отданъ мужчинамъ, старымъ и молодымъ; туда перешелъ и Гриша, помѣстившійся въ одной комнатѣ съ отцомъ. Всѣ же дамы помѣщаются въ домѣ. Таня перешла ко мнѣ наверхъ. Намъ кое-какъ примостили двѣ узенькихъ постельки, и насъ раздѣляетъ только одинъ небольшой столикъ. Таня въ восторгѣ. Ей очень нравится, что мы напослѣдяхъ спимъ опять въ одной комнатѣ и можемъ болтать, не поднимая головы съ подушки. Когда мы были маленькими, эта комната была нашею дѣтской. Танѣ нравится припоминать разные эпизоды, происходившіе въ этомъ углу, она въ восторгѣ, что можетъ видѣть церковь изъ окна. Это старое зданіе странной архитектуры, испорченной, увы, пристройкой колокольни. — „Вотъ тутъ, говоритъ она умиленно, — насъ повѣнчаютъ съ нимъ, соединятъ на цѣлую. цѣлую жизнь!“

Таня въ расплавленныхъ чувствахъ; близость свадьбы, всеобщая ласка и восхищеніе ею, дѣлаютъ ее еще добрѣе обыкновеннаго и ласковѣе. Это понятно. Человѣкъ, который любитъ, любимъ и счастливъ, долженъ сдѣлаться лучше, естественно ему

не хочется обмануть всеобщихъ ожиданій и хочется видѣть всѣхъ счастливыми, оттуда этотъ позывъ къ ласкѣ. Она нѣсколько разъ на день, какъ-то невзначай, проходя мимо меня, то мазнетъ меня по плечу, то за руку возьметъ, то какъ будто ненарокомъ коснется щекой моей щеки... Весь нашъ домъ въ настоящую минуту наполненъ атмосферой ласки, любви. Въ одномъ углу шепчутъ слова любви Гриша съ невѣстой, въ другомъ—Софья Петровна съ мужемъ цѣлый день о чемъ то трактуютъ. Она мурлычетъ и льнетъ къ нему, какъ кошка. Старики Сѣвскіе тоже нѣжничаютъ между собою или ласкаютъ Таню, умиляются надъ Гришей. Они очень милы, добры эти старики, но смѣшны и скучны. Смѣшно смотрѣть, какъ мама со старухой Сѣвской присѣдаютъ другъ предъ другомъ и стараются лицомъ показать свой товаръ.—„Мой Гриша, говоритъ какъ-то въ носъ Авдотья Степановна Сѣвская,—такъ заботливъ, такъ ласковъ, у него такой ангельскій характеръ! Жить съ нимъ Таничкѣ будетъ легко, всегда скажу“. — „Моя Таничка, болѣе робко замѣчаетъ мама,—такая уступчивая, бывало маленькая совсѣмъ“... Тетя Женя, конечно, не даетъ докончить мамѣ свою похвалу, не разобравъ въ чемъ дѣло, вмѣшивается и иногда выходятъ презабавныя недоразумѣнія. Пріѣхали наши двоюродные братцы-шафера—попеременно ухаживаютъ то за невѣстой, то за Софьей Петровной, то за мною. За мною пытаются ухаживать и шафера жениха, его товарищи по школѣ Павлиновъ и Ладыжскій. Состояніе моего духа напряженное. Мнѣ трудно выносить эту сутолоку. Ни минуты не быть одной? Иногда я тайкомъ убѣгаю въ лѣсъ, чтобъ отдышаться, вздохнуть полною грудью. Я рада, когда вечеромъ устраивается винтъ и всѣ усаживаются за столы, кромѣ жениховъ, Софьи Петровны и меня. Можно, по крайней мѣрѣ, ничего не говорить, ни о чемъ не думать, смотрѣть въ пространство. Съ нетерпѣніемъ жду свадьбы, „окончанія благополучія“, какъ говоритъ Авдотья Степановна, по крайней мѣрѣ опять будемъ жить по старому. Не нужно будетъ насиловать себя—напряженно улыбаться, говорить. И то уже всѣ спрашиваютъ меня, почему я грустна. Особенно сегодня мнѣ этимъ надоѣдаютъ, оттого, вѣроятно, что я именинница. Евгеній Алексѣевичъ говорилъ сегодня все какими-то намеками, говоритъ, что онъ „все, все понимаетъ“. Хотя сегодня никого не звали, но человѣкъ шесть пріѣхало къ обѣду. У насъ было мороженое и двѣ бутылки не настоящаго шампанскаго. Антипъ очень

искусно розлилъ—пѣны было пропасть. Тетушка, которую общая любовная атмосфера настраиваетъ на особый ладъ, которая уже нѣсколько разъ принималась сѣтовать на свое одинокое вдовье положеніе, убѣждена, что я завидую Танѣ. Какъ-то на этихъ дняхъ она вдругъ обняла меня со слезами на глазахъ:

— Ахъ, моя милая, кабы намъ съ тобою „и все"!.. Это были очень многозначительныя слова, и слезы тетушки право тронули меня, но когда же наконецъ тридцатое августа, когда же свадьба?!

VIII.

1 сентября. Какъ трудно быть послѣдовательнымъ, когда все перепуталось въ головѣ, но я дала себѣ слово не забѣгать впередъ. 29 августа у насъ былъ дѣвичникъ. Нѣчто въ родѣ бала. Съѣхались почти всѣ сосѣди, многіе изъ города, танцовали. Мнѣ было очень тоскливо, да и Гриша съ Таней, кажется, не блаженствовали. Такъ какъ на другой день свадьба была назначена рано и предвидѣлось много хлопотъ, то вечеръ положено было кончить къ двѣнадцати. Въ десять часовъ начался котильонъ, въ одиннадцать всѣ сидѣли уже за ужиномъ, а къ двѣнадцати дѣйствительно всѣ не остающіеся на ночовку разъѣзжались. Было странно даже какъ это въ нашемъ безалаберномъ домѣ и программа такъ буквально выполнена.

Я была утомлена и предыдущими днями и только что прошедшимъ и рада была взобраться наверхъ въ нашу импровизованную комнату. Къ счастью, никто изъ барышенъ, какъ это предположено было раньше, не остался ночевать у насъ. Мы оставались вдвоемъ съ Таней. Но я давно уже была наверху, раздѣлась и лежала на своемъ неудобномъ, жесткомъ ложѣ, а Таня все не шла. Я слышала голоса матери, тетки и ея внизу, въ спальнѣ, гдѣ теперь спала и тетя Женя, уступившая свою комнату кому-то изъ пріѣзжихъ. Наконецъ послышались легкіе шаги Тани по лѣстницѣ.

— Ты еще не спишь? сказала она.—Мнѣ тамъ пришлось утѣшать маму. Плачетъ наша старушка. Она живо раздѣлась, легла въ постель, но потомъ сейчасъ же вскочила, сѣла, какъ садилась дѣвочкой, бывало, натянувъ на колѣни рубашку и обнявъ ихъ руками.

— И вѣдь какъ жалко мнѣ маму, сказала она,—люблю ее, кажется, больше прежняго, а ничего бы не хотѣла измѣнить, ничего даже для нея. Еслибы ты знала, еслибы ты знала, Ната. какъ я счастлива. Она вся содрогнулась своими узенькими дѣтскими плечиками.—Вотъ знаю вѣдь, что завтра буду его женой и не могу еще привыкнуть къ мысли объ этомъ счастьи. Господи, Господи, какъ я его люблю!.. Вѣдь любила же я и прежде—маму, тетю, тебя, наше Бахмачеево. И всѣхъ васъ люблю еще больше, но все это не то, не то, что Гриша... Какъ мнѣ объяснить тебѣ, говорила она, страстно сжимая на груди свои худенькія ручки.— Это точно я, не я, точно я не принадлежу себѣ больше. И это такое счастье, такое счастье!.. Почему ты, Ната, не можешь такъ любить?

Она въ одинъ мигъ перескочила со своей кровати на мою и, нѣжно обнявъ и прильнувъ ко мнѣ, говорила:

— Если я тебѣ желаю чего на прощанье, такъ только любви, такой любви, какъ моя!.. Но ты не можешь такъ любить!..

— Но почему же, Таня, если я не люблю до сихъ поръ...

— Нѣтъ, нѣтъ, ты не полюбишь такъ, ты... ты, слишкомъ умна для этого. Мы съ Гришей любимъ не разсуждая. Ты стала бы допытываться, какъ, да почему? Ты не умѣла бы насладиться вполнѣ. Любя сегодня, ты стала бы мучиться тѣмъ, что завтра ты разлюбишь. Мы же нед умаемъ объ этомъ. Что-жь если и уменьшится наша любовь, то все же останется маленькая доля... Да и что̀ думать о будущемъ, когда настоящее такъ хорошо!

— Можетъ-быть умъ-то въ томъ и есть, сказала я, чувствуя въ этотъ мигъ какую-то небывалую еще нѣжность къ сестрѣ, чтобы жить настоящимъ, не думая о будущемъ.

Но Таня, кажется, не слушала меня, она цѣловала меня въ глаза, лобъ какими-то короткими, маленькими, щекочущими поцѣлуями, и на лицѣ ея была улыбка счастья.

— Ну, теперь спать, сказала она, потягиваясь,—завтра рано разбудятъ... Прощай... какой-то завтра будетъ день? Еслибы было ясно, какъ сегодня!

Она улеглась на своей узенькой постелькѣ, свернувшись комочкомъ.

— Ты знаешь, я не увижусь съ нимъ цѣлое утро, мы встрѣтимся только въ церкви... Какая счастливая встрѣча!.. Поспѣютъ ли пѣвчіе?.. Неужели не пріѣдутъ!

Эти пѣвчіе составляли большую заботу Тани. Гриша уже два

раза ѣздилъ въ городъ, чтобъ уговориться съ архіерейскими пѣвчими, но всякій разъ чего-то не договаривалъ, и тетушка оставалась имъ недовольна. Она и теперь утверждала, что пѣвчіе не пріѣдутъ, такъ какъ задатку не получили.

— Ну, да все равно, воскликнула Таня,—и безъ пѣвчихъ обвѣнчаемся, пусть поетъ Василій Ивановичъ! Прощай, Ната.

Она погасила свѣчу. Черезъ пять минутъ она уже спала. Въ первый разъ я позавидовала сестрѣ. Она любила, имѣла право любить, имѣла право говорить о своемъ избранникѣ. А я? Я, можетъ-быть, даже не увижусь никогда больше съ нимъ. Тутъ не разсужденія губятъ любовь, а сама судьба, думала я.

. . . . Но судьбѣ захотѣлось побаловать меня.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. В. Стернъ.

NOCTURNE.

Успокоились люди суровые,
Безмятежно безпечные спятъ...
Не видать имъ, какъ горести новыя,
Какъ заботы надъ ними парятъ...

Онѣ видны лишь Божьимъ служителямъ,
На угрюмыхъ житейскихъ волнахъ
Недремотнымъ людей охранителямъ,
Что̀ теперь собрались въ небесахъ...

Лишь остались стражи печальные
При лишенныхъ отраднаго сна,
Да другіе—минуты прощальныя
Услаждали, свой ликъ наклоня...

Остальныхъ, полныхъ слезъ вдохновенія
И страданья священнаго слезъ,
Предъ Отцомъ-Вѣковѣчнымъ творенія
Много-много съ земли собралось...

И лились звуки дивнаго пѣнія....
Въ нихъ слышна была Богу хвала
За благія людей помышленія,
За благія слова и дѣла.

А за зло, за дурныя дѣянія
Не внимавшихъ внушеніямъ ихъ
Возсылали къ престолу рыданія,
Какъ за братьевъ любимыхъ, меньшихъ.

И лились эти звуки согласные,
До земли долетая порой,
Навѣвая видѣнья прекрасныя
На дѣтей и на чистыхъ душой.....

Анатолій Александровъ.

НОВѢЙШІЯ ЗАЯВЛЕНІЯ КОММУНИЗМА И ПАРТИКУЛЯРИЗМА.

I.

Почти два вѣка уже лучшія умственныя силы Европы направлены на разработку ученія *объ обществѣ*, науку соціальную. Эти же два вѣка составляютъ классическую эпоху разложенія всѣхъ связей, соединяющихъ людей въ общество. Случайно ли такое совпаденіе? Позволю себѣ сослаться на свою же статью о „Соціальныхъ миражахъ современности“, въ которой старался показать, какъ утрата правильнаго понятія о *человѣкѣ*, а стало-быть искаженіе личной жизни, личныхъ заботъ и помышленій — отзывается на соціальной жизни, которая начинаетъ себѣ ставить не реальные, необходимые и осуществимые идеалы, а гонится за невозможными миражами. На такомъ общемъ фонѣ нечего ждать развитія, а возможно лишь *вырожденіе*, это мы видимъ и въ мысли *соціальной*, еще недавно, въ такъ-называемомъ утопическомъ соціализмѣ, хотя и безплодно, но смѣло стремившейся охватить всю полноту человѣческой жизни, а съ теченіемъ времени все болѣе ниспадающей, съ одной стороны, въ грубый *коммунизмъ*, съ другой—въ *партикуляризмъ*.

Недавній взрывъ анархическихъ убійствъ и покушеній, столь выдвинувшій ничтожное имя Равашоля, вызвалъ въ Парижѣ образованіе „Общества развитія личной иниціативы и распространенія соціальныхъ знаній“ для борьбы съ соціализмомъ. Этимъ-то обществомъ, между прочимъ, было организовано 21 мая въ залѣ Географическаго Общества, въ Парижѣ, крайне интересное собесѣдованіе между двумя представителями столь противоположныхъ міросо-

зерцаній, какъ *коммунизмъ и партикуляризмъ*. Съ одной стороны выступилъ Поль Лафаргъ, самъ отрекомендовавшій себя коммунистомъ, съ другой—г. Эдмонъ Демоленъ, который хотя вообще представляетъ соціальную школу Ле-Пле, но въ политической экономіи оказывается чистокровнымъ партикуляристомъ. Оба противника хорошо выбраны. Г. Эдмонъ Демоленъ, редакторъ *La Science Sociale*, извѣстенъ своими учеными познаніями. Поль Лафаргъ, конечно, самый образованный изъ французскихъ соціалистовъ, видный вожакъ своей партіи, а нынѣ—членъ палаты депутатовъ. Оба очень хорошо и обстоятельно изложили свои взгляды. Но тѣмъ ярче выступаетъ на видъ разложеніе современной соціальной мысли Европы. Оба противника продолжаютъ еще носить на себѣ ярлыкъ „соціальнаго". Но именно „соціальнаго" сознанія и нельзя уже подмѣтить въ нихъ. Оба оторвались отъ чего-то центральнаго, связующаго различныя части массовой человѣческой жизни въ нѣчто „соціальное". Оба видятъ только одну сторону ея. И потому-то Лафаргъ, не отрекаясь отъ популярной клички „соціалистъ", самъ предпочитаетъ называть себя для точности *коммунистомъ* (какъ назвалъ себя и его учитель К. Марксъ въ Манифестѣ *коммунистической* партіи). Г. Эдмонъ Демоленъ, наоборотъ, несомнѣнно оказывается *партикуляристомъ*. Какъ ни односторонне само по себѣ направленіе, заключающее человѣка въ рамки исключительно *соціальнаго*, и то уже оказывается черезчуръ широкимъ для современниковъ. Европейская мысль выбивается изъ него въ еще бóльшую односторонность безличнаго *коммунизма* съ одной стороны, безобщественнаго *партикуляризма*—съ другой. Вотъ важный и любопытный фактъ, несомнѣнно устанавливаемый этимъ такъ хорошо задуманнымъ и выполненнымъ споромъ.

II.

Дѣйствительно—вчитываясь въ мастерски составленную рѣчь г. Лафарга [1]— мы видимъ, что люди его направленія утратили уже всякое понятіе о *личности*, какъ началѣ сколько-нибудь самостоятельномъ. Человѣкъ для нихъ — не причина, а *послѣдствіе*, неизбѣжное и роковое. Слово о творчествѣ человѣка

---

[1] Обѣ рѣчи и послѣдовавшія возраженія референтовъ см. La Science Sociale т. XIII, кн. 6 и т. XIV, кн. 1.

иногда употребляется, но очевидно какъ простой оборотъ рѣчи. Человѣка, говоритъ Лафаргъ, не измѣнишь проповѣдями. „Чтобъ его измѣнить, нужно передѣлать *среду*, а съ измѣненіемъ среды тотчасъ (du coup) вы измѣните нравы, привычки, *страсти(!)* и *чувства(?!)* людей". Чтобы вполнѣ понять всю степень уничтоженія личности въ этомъ міросозерцаніи, нужно отмѣтить, что неопредѣленное слово *среда* для Лафарга заключаетъ вполнѣ опредѣленное понятіе *экономическихъ условій*. Отъ нихъ зависитъ все, даже, говоритъ онъ, идеи философскія и религіозныя. Такъ напр. на извѣстной ступени производства — неизбѣжно рабство, и тогда оно оправдывается философами и объявляется учрежденіемъ божественнымъ. Но „извѣстное измѣненіе рабочихъ инструментовъ (outillage de production) *неизбѣжно* влечетъ уничтоженіе рабства". [1] Тогда оно объявляется безнравственнымъ и противнымъ религіи. [2]

Человѣкъ есть то, чѣмъ дѣлаетъ его общество, общество есть то, чѣмъ дѣлаетъ его способъ производства. Такова исходная точка, съ какой Лафаргъ подходитъ къ вопросу о направленіи современной эволюціи общества. Собственно вопросъ о томъ, куда *должны* мы идти, что̀ должны *стараться* сдѣлать — для него не существуетъ. Хотимъ мы или не хотимъ, но мы будемъ тѣмъ, чѣмъ насъ дѣлаетъ производство, и пойдемъ туда, куда оно насъ *ведетъ*.

Ведетъ же оно насъ, утверждаетъ онъ, къ *коммунизму*.

Какимъ образомъ? Потому что это есть послѣдствіе самаго

---

[1] Я не вхожу въ оцѣнку этихъ положеній съ точки зрѣнія исторической достовѣрности. Историческая мотивировка ученія К. Маркса — вообще *сплошная подтасовка* и натяжка фактовъ, полная произвола чисто адвокатскаго. Лафаргъ—только повторяетъ слова учителя. Впрочемъ, главная, вина въ этомъ случаѣ падаетъ не на К. Маркса, а на то легкомысліе, съ которымъ ученые изслѣдователи первобытныхъ учрежденій пользуются такъ-называемымъ „сравнительно историческимъ методомъ". Этотъ въ основѣ плодотворный методъ нынче превратился въ какой-то методъ „отыскиванія аналогій" съ полнымъ невниманіемъ къ *дѣйствительному* изученію развитія учрежденій, и съ заранѣе предрѣшеннымъ итогомъ „изслѣдованія". Настоящее Прокустово ложе соціальнаго знанія.

[2] Исторически — все это совершенно вздорныя слова. Рабство повсюду пало—въ результатѣ повышенія *личности* и расширенія понятія о личности. Христіанство подорвало древнее рабство безо всякихъ измѣненій въ способахъ производства; послѣдніе слѣды рабства въ нашихъ обществахъ—составляло рабство *негровъ*, расы наименѣе развитой и труднѣе всего подходившей подъ наши понятія о личности.

характера орудій современнаго труда. Нынче всѣмъ овладѣла *машина.* А приложеніе машины превращаетъ каждое производство, какъ выражается Лафаргъ, въ „коммунистическое". Терминъ произвольный и неточный. Нужно было бы сказать не „коммунистическое", а „коллективное". Это большая разница. Но послѣдуемъ за референтомъ. Прежде, говоритъ онъ, каждая семья занималась тканьемъ. Нынче ткачество централизировалось на фабрикѣ, объединивъ на одномъ дѣлѣ цѣлую массу рабочихъ. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать, что произведенный продуктъ созданъ *имъ.* Это прежде сапожникъ дѣлалъ цѣлый сапогъ, а теперь, на фабрикѣ, каждый дѣлаетъ лишь какую-нибудь часть сапога; цѣлый сапогъ является продуктомъ „коммунистическаго" (то-есть собственно коллективнаго) труда. Личности производителя тутъ нельзя выдѣлить. Эта „коммунистическая" эволюція происходитъ во всѣхъ отрасляхъ труда. То же происходитъ въ торговлѣ. Прежде каждая лавочка имѣла свою спеціальность. [1] Нынче являются огромные „универсальные" магазины (какъ Лувръ, Bon Marché и т. д.), соединяющіе всевозможныя спеціальности подъ управленіемъ одного капитала. Торговля дѣлается „коммунистическою". Тотъ же процессъ коммунизаціи замѣчается будто бы въ земледѣліи. Здѣсь аргументація Лафарга (какъ и его школы) становится особенно слабою и натянутою.

Ему нужно, по теоріи, доказать, будто бы естественный процессъ ведетъ, вопервыхъ, къ централизаціи земельной собственности въ немногихъ рукахъ. Надъ выкладками этого рода когда-то много трудился нашъ Н. Чернышевскій, тоже ровно ничего не доказавши. [2] Но Чернышевскій и по складу, и по выработкѣ ума все же гораздо выше своихъ европейскихъ собратьевъ. Его доказательства — верхъ научности въ сравненіи съ аргументаціей Лафарга. Лафаргъ ограничивается двумя-тремя банальными указаніями и сравненіями величинъ, изъ которыхъ одна мало извѣстна, а другая вовсе неизвѣстна, такъ что̀ объ отношеніи между ними можно одинаково безплодно говорить что угодно. Такъ Лафаргъ утверждаетъ, будто бы во Франціи земля скопляется все болѣе въ однѣхъ рукахъ, на томъ

---

[1] Совершенно наоборотъ.

[2] По ложности самаго метода, такъ какъ онъ принялъ въ своихъ вычисленіяхъ во вниманіе только *наслѣдованіе* (то-есть элементъ, иногда наиболѣе слабый въ фактѣ распредѣленія земли).

основаніи, что $^{45}/_{100}$ земли нынѣ находится въ рукахъ 142.000 собственниковъ. Но, вопервыхъ, остальные $^{55}/_{100}$ находятся въ рукахъ нѣсколькихъ милліоновъ, а, вовторыхъ, неизвѣстно, можетъ-быть прежде въ рукахъ крупныхъ собственниковъ было не $^{45}/_{100}$ земель, а $^{90}/_{100}$. Въ Средніе Вѣка, напримѣръ, феодальная собственность была громадна и несомнѣнно охватывала многое, что̀ нынѣ раздѣлено между крестьянами. Лафаргъ не считаетъ нужнымъ заглядывать такъ глубоко, и прибѣгаетъ къ столь выгодному при отсутствіи фактовъ методу „аналогіи". „Если, говоритъ онъ, хотите знать конечный исходъ этой централизаціи, взгляните на Англію, гдѣ вся земля уже скопилась въ рукахъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ." Онъ забываетъ, что въ Англіи еще во времена Вильгельма Нормандскаго земля была раздѣлена между какими-нибудь 60.000 завоевателями. Этими ничтожными примѣрами Лафаргъ совершенно довольствуется. „Если же, говоритъ онъ, феодальная собственность и была обширна, то обработка земли все же оставалась *индивидуальною*." Теперь, напротивъ, всюду развивается крупная обработка, соединяющая множество рабочихъ. И опять обычный припѣвъ: если хотите знать конечный результатъ этой тенденціи, то посмотрите, только уже не на Англію, а на дальній Западъ Америки, гдѣ возникаютъ „экономіи" величиною чуть не въ цѣлое княжество. На Англію, съ ея системой фермерства, конечно, сослаться неудобно! Нельзя сослаться и на коренную Америку. Апологетъ коммунизма выѣзжаетъ поэтому на „дальнемъ Западѣ", гдѣ именно никогда не было мелкой собственности и потому никакого процесса ея „централизаціи" не происходило.

Пришлось бы потратить слишкомъ много мѣста и слишкомъ удалиться отъ непосредственной темы, еслибъ я сталъ опровергать всѣ ошибки Лафарга, потому что это значило бы ловить его почти на каждомъ словѣ. Но о громадныхъ экономіяхъ „дальняго Запада" Америки нельзя не упомянуть. Въ дѣйствительности именно онѣ-то и приводятся примѣромъ противъ чрезмѣрнаго расширенія *одного* хозяйства, потому что оказываются національно невыгодными. Каждый акръ земли въ нихъ приноситъ *меньше*, нежели въ рукахъ мелкаго фермера, и это объясняютъ именно тѣмъ, что растеніе требуетъ нѣкотораго *индивидуальнаго* ухода, за отсутствіемъ котораго растеніе какъ бы приближается къ дикому состоянію. Примѣръ Лафарга, стало-быть, и съ этой стороны крайне неудаченъ. Коммунистическій референтъ доволь-

ствуется, однако, своимъ „анализомъ“ экономической эволюціи и переходитъ къ слѣдующему фазису ея.

Итакъ — производство будто бы коммунизируется и централизуется. Хозяевъ становится меньше, рабочихъ больше. Но этого мало. Въ такомъ „коммунизированномъ“ предпріятіи хозяинъ становится *излишнимъ* и даже совсѣмъ стирается. Примѣръ этого даютъ акціонерныя компаніи. Гдѣ собственники въ нынѣшнихъ громадныхъ рудникахъ, акціонерныхъ заводахъ, желѣзныхъ дорогахъ? Они *въ дѣлѣ* отсутствуютъ. Они только получаютъ барыши, но для дѣла вполнѣ безразлично, существуютъ ли они или переселились на луну. Тутъ уже производство стало чисто „коммунистическимъ“ и только распредѣленіе еще остается индивидуальнымъ. Тутъ наступаетъ полное *противорѣчіе* между способомъ производствъ и способомъ распредѣленія, противорѣчіе, которое неизбѣжно должно кончиться экспропріаціей этихъ ненужныхъ и невидимыхъ собственниковъ.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ это должно, по Лафаргу, произойти. Но предварительно слѣдуетъ отмѣтить возраженія г. Демолена и *La Science Sociale*.

III.

Возраженія эти въ частностяхъ весьма сильны, и если они не разбиваютъ противника въ конецъ, то лишь потому, что *партикуляристскія* тенденціи г. Эдмона Демолена мѣшаютъ ему стать на чисто общественную, соціальную почву.

Г. Эдм. Демоленъ совершенно правильно возражаетъ, что Лафаргъ вовсе не кстати прилагаетъ терминъ „коммунизма“. Если всякая совмѣстная работа есть работа коммунистическая, то придется признать широкое развитіе коммунизма на феодальной барщинѣ. Современное крупное производство ничуть не коммунистично. Напротивъ, это высшая форма *патронажа*.

Лафаргъ не видитъ личнаго присутствія капиталиста въ крупномъ производствѣ. Да, въ зданіи фабрики можетъ быть его нѣтъ. Тамъ—управляющій. Но капиталистъ присутствуетъ чрезвычайно реально и активно—въ другихъ болѣе важныхъ мѣстахъ: тамъ, гдѣ предпріятіе обдумывается, ставится на ноги, организуется. Его роль организатора такъ велика, какъ никогда, и еслибъ эти люди, которыхъ Лафаргъ не видитъ въ мастерской,

исчезли, переселились на луну, то все бы дѣло стало. Мы опять здѣсь видимъ усиленіе, а не ослабленіе личнаго индивидуальнаго элемента. Личность въ мелкой промышленности значитъ гораздо меньше, нежели въ крупной. Въ мелкой — всѣ хозяева, всѣ организаторы. Въ крупной — роль организатора спеціализировалась, отдѣлилась отъ чисто рабочей силы, и потому рабочая сила гораздо менѣе можетъ обойтись безъ спеціалиста-организатора нежели прежде. Хозяинъ именно *нуженъ*. Въ пониманіи акціонерныхъ обществъ, говоритъ Эдм. Демоленъ, г. Лафаргъ совершенно ошибается. Эти общества складываютъ въ одно вовсе не *людей* и не *работу*, а только капиталы. Больше ничего. Какъ мало коммунистическаго въ акціонерныхъ обществахъ видно уже изъ того, что онѣ дѣйствуютъ успѣшно лишь постольку, поскольку изгоняютъ собственно изъ производства всякое участіе „коммунистическаго“ элемента, въ видѣ акціонеровъ. Акціонеры ни въ одномъ порядочномъ предпріятіи не участвуютъ собственно въ дѣлѣ. Ихъ созываютъ разъ въ годъ... для формы, и они не протестуютъ, прекрасно понимая, что при ихъ активномъ вмѣшательствѣ дѣло неизбѣжно погибнетъ. Вмѣсто „коммунистическаго“ веденія дѣла, акціонерныя компаніи спѣшатъ возможно болѣе приблизиться къ хозяйственному. Онѣ пріискиваютъ способнаго *директора*, облекаютъ его огромною властью, и *производство* ведется на тѣхъ же началахъ какъ чисто личное, собственническое. Акціонерныя компаніи даютъ такимъ образомъ доказательство противъ коммунистическихъ идей, такъ какъ „коммунистическаго“ производства не возникаетъ даже здѣсь, гдѣ на одномъ дѣлѣ объединились, „коммунизировались“ капиталы. Всѣ эти возраженія Эдмона Демолена — частично очень сильны. Но гдѣ у него *общество?* У Лафарга общества нѣтъ, потому что нѣтъ живаго человѣка, а есть техническій процессъ природы, въ которомъ вкраплены безвольные люди не съ бо̀льшимъ значеніемъ, нежели собаки и лошади, принадлежащія „націи“. Что̀ же болѣе сильнаго даетъ Демоленъ? У него мы видимъ патрона (хозяина) и рабочаго, видимъ мастерскую, но *общества* нѣтъ. Понятіе о коллективности не дается ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Потому-то г. Демоленъ не нашелъ въ своемъ міросозерцаніи достаточно сильнаго опроверженія коммунистической фразеологіи Лафарга.

Дѣло въ томъ, что Лафаргъ, дѣйствительно, невѣрно прилагаетъ названіе „коммунизмъ“ къ современной формѣ производствъ, но

ошибка его болѣе глубока, чѣмъ простое непониманіе роли патрона. Лафаргъ не умѣетъ отличить производства *коммунистическаго* отъ *коллективнаго.* Вотъ корень его ошибки. Коммунистическое производство есть такое, при которомъ доля участія и характеръ участія работающихъ въ созданіи продукта равны и одинаковы. Собственно говоря, коммунистическаго производства, въ чистомъ видѣ, никогда не было и быть не можетъ. Это понятіе вполнѣ отвлеченное, теоретическое. Но фактически — къ нему болѣе подходятъ формы прежняго однообразнаго, неразвитаго труда, почему лучшими достигнутыми формами коммунистическаго общежитія были старинныя семейныя общества. Современное производство, напротивъ, высоко *коллективно*, но не коммустично. Оно построено на *совмѣстномъ* трудѣ, но въ то же время очень сложномъ, расчлененномъ, спеціализированномъ. Оно объединяетъ огромныя массы работниковъ, но не въ одномъ и томъ же положеніи, не на одной и той же отрасли общаго труда, а въ положеніяхъ и спеціальностяхъ самыхъ разнообразныхъ. Современные соціалисты, а отчасти и вообще экономисты, давно покинувшіе научныя привычки изслѣдованія, давно усвоившіе манеру не подчиняться наблюденію, а подчинять его своей теоріи, воображаютъ, будто бы господство машины упростило трудъ и облегчило переходъ рабочаго отъ одной отрасли труда къ другой. Мы, Русскіе, легче всего можемъ видѣть ошибочность этого мнѣнія. Нашъ рабочій, воспитанникъ стараго, неразвитаго, ручнаго труда—несравненно разностороннѣе европейскаго рабочаго, воспитанника машиннаго производства. Ни въ одной отрасли труда нашъ рабочій не можетъ конкуррировать съ европейскимъ. Онъ все будетъ дѣлать медленнѣе и хуже. Но за то его можно посадить, сравнительно говоря, почти за любую работу, и всякую онъ кое-какъ схватитъ, кое-какъ не авось да небось сдѣлаетъ. Европейскій рабочій несравнимъ въ своей *спеціальности*, но, сравнительно съ нашимъ, почти неспособенъ изъ нея выйти. Это потому, что развитое, машинное производство не упрощаетъ, а усложняетъ трудъ, уменьшаетъ количество труда, не требующаго долгаго навыка, и увеличиваетъ количество чисто спеціальнаго. Общественное вліяніе машины состоитъ въ томъ, что она развиваетъ привычки труда *коллективнаго*, но ничуть его не коммунизируетъ. На современной громадной фабрикѣ неразрывно соединены люди существенно *различнаго* труда. Ихъ участіе въ созданіи продукта въ высшей степени *неодинаково* ни количественно,

ни качественно. Это относится какъ къ отдѣльной фабрикѣ, такъ и къ цѣлому національному производству и обмѣну. Его различныя отрасли переплелись такъ же тѣсно, какъ отдѣльныя спеціальности на фабрикѣ, и тонко испытываютъ вліяніе другъ друга; прекрасно поставленная фабрика можетъ рухнуть только изъ-за того, что плохо пошли дѣла какой-нибудь другой, находящейся отъ нея за тысячи верстъ. *Все* производство переплетается между собою милліонами нитей связи и зависимости. Оно становится все болѣе *коллективнымъ* и все менѣе *коммунистическимъ*. Ни люди, ни фабрики не участвуютъ въ общемъ національномъ производствѣ одинаково и равно, ни люди, ни фабрики неспособны легко замѣняться одни другими. Рабочій, которому цѣны нѣтъ на одной фабрикѣ, никуда не годится на другой. Безцѣнный маклеръ не стоитъ гроша, какъ рабочій, или какъ надзиратель. Прекрасный химикъ или механикъ погубитъ все дѣло, если получитъ завѣдываніе коммерческою его стороной и т. д. Повсюду растетъ требованіе на спеціальность и индивидуальность, въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ и съ самымъ различнымъ значеніемъ вставляемыя въ одно коллективное дѣло.

Отсюда очень сложный ростъ *общества* въ производственномъ отношеніи. Отсюда все болѣе растущее вмѣшательство *общественной власти* въ дѣло регуляціи національнаго производства. Обстоятельство совершенно ускользающее изъ партикуляристскаго кругозора г. Демолена. Обстоятельство также, видимо, выходящее изъ рамокъ грубаго, упрощеннаго коммунизма Лафарга, который въ нѣсколько мѣсяцевъ убилъ бы все производство страны.

IV.

Возвратимся однако къ схемѣ г. Лафарга. Итакъ, онъ полагаетъ, будто бы производство нынѣ коммунизируется, и значеніе въ немъ каждой отдѣльной личности уравнивается. Значеніе хозяина исчезаетъ, онъ будто бы становится *не нуженъ*. Онъ только собираетъ барыши, ничему не помогая. Количество собственниковъ уменьшается, количество рабочихъ возрастаетъ. Лишенные собственности, эти рабочіе отвыкаютъ отъ понятія о ней. Въ нихъ развиваются понятія коммунистическія. Они уже заявляютъ требованіе на принадлежность имъ, „націи“, всей собственности капиталистовъ. Уменьшающееся число собственни-

ковъ все менѣе способно противиться рабочимъ. Ясно, что это должно кончиться захватомъ власти со стороны рабочихъ, которые и произведутъ „переходъ частной собственности класса капиталистовъ въ общую собственность цѣлой націи".

Что же дальше? Вопросъ, замѣчаетъ г. Демоленъ, вовсе не въ возможности захватить власть, а въ томъ, будетъ ли умно или нелѣпо такое ея употребленіе. Не ясно ли, что водвореніе коммунистическаго строя до послѣдней степени ослабляетъ всякую частную иниціативу, всякое стараніе и усиліе въ трудѣ и передаетъ на попеченіе государства заботу кормить, одѣвать и чуть не умывать весь народъ, который не только увольняется отъ необходимости самостоятельно заботиться о себѣ, но даже, съ уничтоженіемъ личной собственности, теряетъ къ этому возможность. Чтоже можетъ получиться, кромѣ общаго упадка?

Но Лафаргъ сіяетъ оптимизмомъ. Все будетъ превосходно. Упрекъ въ уродливомъ расширеніи власти государства и чиновничества при коммунистическомъ строѣ—говоритъ онъ—вполнѣ несправедливъ. Напротивъ, у коммунистовъ *совсѣмъ не будетъ* ни государства, ни чиновниковъ. Это онъ доказываетъ тою игрой словъ, которую я уже разоблачалъ въ „Соціальныхъ миражахъ" и которая сочинена К. Марксомъ, вѣроятно, просто для одурачиванія рабочихъ. Такой умный человѣкъ, какъ К. Марксъ, не могъ не понимать, что это только игра словъ. Лафаргъ, повидимому, принимаетъ ее искренно. Но все равно. Дѣло ставится такъ. „Государство есть организація репрессивныхъ силъ какого-либо привилегированнаго класса." Но „въ коммунистическомъ обществѣ привилегированныхъ классовъ не будетъ", слѣдовательно, не будетъ и государства. Но что же будетъ? „Нація", говоритъ Лафаргъ, передастъ завѣдываніе фабриками *рабочимъ синдикатамъ*.... „Кого однако тутъ обманываютъ", воскликнулъ г. Демоленъ? Развѣ не все равно, какъ назвать управителя и распорядителя? Дѣйствительно, на этомъ пунктѣ соціалистическая мысль обнаруживаетъ замѣчательную слабость. Сущность государства состоитъ въ *принудительной власти* цѣлаго надъ частями. Попадаетъ ли эта власть въ руки какого-либо привилегированнаго сословія или не попадаетъ, — это частность, рисующая только *характеръ* даннаго государственнаго строя. Но пока существуетъ принудительная власть цѣлаго, до тѣхъ поръ существуетъ *государство*. Въ коммунистическомъ строѣ, по описанію самого Лафарга, принудительная власть „націи"

существуетъ, стало-быть, ясно—существуетъ и государство, хотя бы его назвали не l'etat, а какъ-нибудь иначе. То же самое относится и къ чиновнику. Чиновникъ есть лицо, поставленное властью для обязательнаго восполненія какой-либо функціи и облеченное для того соотвѣтственными полномочіями. Такія лица есть и въ рабочихъ синдикатахъ, есть въ синдикатахъ и канцеляріи, и все, что угодно. „Нація“, передающая свои права синдикатамъ, также является въ видѣ извѣстныхъ назначенныхъ для того лицъ. Все это можно *переименовать*, какъ Наполеонъ переименовалъ рекрутовъ въ конскрипты. Но если для удовлетворенія желанія соціалистовъ достаточно перемѣнить названія, то это съ охотой и безъ труда сдѣлаетъ любая „буржуазная“ палата, и не зачѣмъ прибѣгать къ соціальной революціи.

Для уясненія вопроса, усиливается ли государство и чиновничество въ коммунистическомъ обществѣ Лафарга, слѣдуетъ, оставивъ слова, смотрѣть на функціи. „Въ новомъ обществѣ“, говоритъ онъ, „будетъ опредѣлено количество труда, необходимаго для широкаго удовлетворенія всѣхъ потребностей. Теперь умѣютъ же опредѣлять, сколько хлѣба нужно для страны. Еще легче опредѣлить, какое количество сапогъ необходимо произвести, чтобъ обуть всѣ французскія ноги.“ Опредѣлить, конечно, можно, но дѣлать это будутъ, очевидно, спеціально назначенные „чиновники“, вооруженные всѣми способами освѣдомленія. Далѣе, опредѣливши количество необходимыхъ продуктовъ, сообразно съ этимъ установятъ количество *обязательнаго труда*, который непремѣнно долженъ быть исполненъ „націей“. Засимъ „on partagera“ обязательное количество труда между всѣми гражданами и опредѣлятъ количество рабочихъ часовъ, которые каждый долженъ отбыть для полученія права на „свободное пользованіе“ всѣми богатствами, созданными общимъ трудомъ. Кто эти таинственные „on“, которые будутъ опредѣлять отбытіе обязательной повинности труда? Будетъ ли это особый „синдикатъ“, „делегація“— во всякомъ случаѣ, власть страшная. Отказаться отъ отбытія повинности—немыслимо, потому что самостоятельно работать — не гдѣ, все принадлежитъ „націи“, не гдѣ, помимо „націи“ и ея синдикальныхъ чиновниковъ, не достанешь куска хлѣба. Лафаргъ, однако, находитъ, что жизнь предстоитъ райская. Человѣкъ, мечтаетъ онъ, тутъ впервые станетъ *свободнымъ*, можетъ путешествовать, и по своему усмотрѣнію постоянно мѣняетъ форму труда, поочереди пройдя, если угодно, всѣ ремесла. Хорошъ,

очевидно, будетъ работникъ! Лафаргъ не объясняетъ, кто будетъ слѣдить за этою массой путешествующихъ и отмѣчать отбытіе ими рабочей повинности, сегодня въ одномъ городѣ, завтра въ другомъ. Вѣроятно, будетъ какой-нибудь „синдикатъ“ рабочей полиціи.

V.

Едва ли нужно доказывать, что не свобода, а жесточайшій деспотизмъ ждетъ послѣдователей Лафарга въ его коммунистическомъ строѣ. Допустивъ дѣйствительно свободное передвиженіе и произвольную перемѣну занятій, мы бы получили совершенно невозможный хаосъ. Обществу нужно не просто, скажемъ, 100 милліоновъ часовъ рабочаго труда, а именно, положимъ, 50 милліоновъ труда земледѣльческаго, 30 милліоновъ промышленнаго, 20 милліоновъ нынѣшнихъ свободныхъ профессій и административнаго труда. Эти крупныя рубрики распадаются на множество мелкихъ. Такъ, въ первой нужно столько-то милліоновъ часовъ труда по производству *хлѣба*, столько-то милліоновъ часовъ для *овощей*, для *сѣна*, для *винограда* и т. д. Вторая рубрика распадается на нѣсколько десятковъ тысячъ подраздѣленій, на каждое изъ которыхъ нужно именно такое, а не иное число часовъ. Такъ, если нужно имѣть пять милліоновъ паръ сапогъ, то нельзя допустить, чтобъ ихъ произвели 10 милліоновъ или только одинъ милліонъ. Поэтому свободная перемѣна занятій, особенно съ путешествіями, немыслима. Свободная перемѣна сдѣлала бы то, что на каждую отрасль труда явилось бы не надлежащее число рабочихъ. На одной больше, на другой меньше, чѣмъ нужно. Этакъ спутается всякій разсчетъ центральнаго правительства. Путешествія въ мало-мальски большихъ размѣрахъ спутали бы разсчеты еще болѣе. Что касается третьей рубрики, то свободное принятіе на себя ея обязанностей—уже вовсе немыслимо, такъ какъ, напримѣръ, въ учителя математики нельзя же принять добровольца, незнающаго твердо таблицы умноженія? Въ администрацію также нельзя брать людей только по ихъ собственному требованію. Итакъ, вообще свободный выборъ занятій есть обѣщаніе ложное. „Нація“ или погибнетъ съ голоду въ 2—3 мѣсяца, или сдѣлаетъ для каждаго обязательнымъ трудъ именно на томъ мѣстѣ, гдѣ *ей* нужно, и въ той отрасли, какая ей необходима. Если ей нужно 20.000 сапожниковъ, то она (въ

лицѣ своего правительства) и прикажетъ 20.000 человѣкамъ шить сапоги, а не красить заборы и не путешествовать. Это ясно какъ день. Чтобы поступить иначе — управляющіе синдикаты должны состоять даже не изъ сумасшедшихъ, а изъ измѣнниковъ, нарочно подготовляющихъ немедленную гибель новаго строя.

Но, дѣйствуя въ здравомъ умѣ и сообразно своимъ обязанностямъ, т. е. распредѣляя обязательный трудъ не только вообще, а и въ частности, по его отраслямъ, по отдѣльнымъ городамъ, по членамъ отдѣльныхъ ассоціацій — соціалистическое управленіе совершаетъ не что̀ иное, какъ громадную организацію *крѣпостного труда*. Никакой „свободы“ тутъ быть не можетъ, трудъ обязательно закрѣпощается. Нельзя также допустить и вполнѣ свободныхъ перемѣнъ мѣста жительства. Въ Парижѣ, напр., у „націи“ есть громадныя фабрики на милліонъ рабочихъ часовъ. Въ мелкихъ провинціальныхъ пунктахъ небольшія фабрики, способныя занять по 300, 400 человѣкъ. Очевидно, что если лѣнивцы или любители деревенской тишины отхлынутъ изъ Парижа, то фабрики „націи“ не произведутъ декретированнаго количества продуктовъ. Между тѣмъ, скопившись по 1000 человѣкъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть орудія труда лишь на 400 — 500 рукъ, путешественники отбудутъ свои рабочіе часы чисто формально, безъ пользы, а за это все-таки получатъ право на невозбранное потребленіе чего угодно и сколько угодно. Вести дѣла такимъ образомъ невозможно. Мѣсто жительства приходится также *закрѣпить*. Вообще, приходится создать порядокъ очень стѣснительный. Необходимымъ послѣдствіемъ этого является—созданіе силы, наблюдающей за исполненіемъ предписаннаго и заставляющей нарушителей подчиниться порядку. Но экономическія послѣдствія этого чисто крѣпостнаго порядка, тѣмъ не менѣе должны быть крайне неудовлетворительны. При всемъ деспотизмѣ своемъ „нація“ можетъ вынудить у „гражданъ“ только извѣстное количество *часовъ* работы. Но вѣдь какъ работать! Плохая работа въ 6 часовъ не произведетъ того, что̀ старательная дастъ въ 1 часъ. А возбудить *старанія*—нечѣмъ. Оно ничѣмъ не вознаграждается, не поощряется. Лѣность тоже ничѣмъ не подавляется. Старательно ли отбылъ „гражданинъ-рабочій“ свои 5 часовъ или кое-какъ—онъ все равно одинаково получаетъ право потреблять что̀ угодно и сколько угодно. Изъ-за чего же стараться? Свободный выборъ занятія, конечно, *нѣсколько* (хотя вовсе не много) способенъ под-

нять энергію работы. Но я уже доказывалъ, что обѣщаніе этой свободы невыполнимо. Въ общей сложности мы можемъ ожидать отъ коммунизма только строя крайне деспотическаго, и въ то же время со слабою продукціей; можемъ увидѣть лишь „націю“ рабскую и бѣдную.

VI.

Что же противопоставляетъ этому строю г. Эдмонъ Демоленъ? Его частныя возраженія очень удачны. Но собственный идеалъ чрезвычайно одностороненъ, а историческія концепціи отличаются неполнотой и даже произвольностью.

Аргументація его вкратцѣ такова. Вообще, въ цѣломъ, развитіе человѣчества идетъ не къ коммунизму, а, наоборотъ, начиная съ первобытнаго коммунизма, все болѣе отъ него отходитъ, личность все менѣе зависитъ отъ общины, все болѣе предоставляется собственнымъ силамъ. Въ современную эпоху замѣчается возрожденіе коммунистическихъ идей, но это вовсе не зависитъ отъ особенностей современнаго производства. Это зависитъ отъ ненормальнаго усиленія государственности и централизаціи. Но, допуская на минуту такое объясненіе, мы не можемъ не спросить г. Демолена, отчего же стала развиваться идея государственности и централизаціи? Отвѣтъ получается крайне странный. Г. Демоленъ возлагаетъ вину этого на Людовика XIV (какъ въ одной статьѣ такую же вину возлагалъ въ Германіи на Фридриха Великаго). Онъ развратилъ дворянство, оторвалъ его отъ земледѣлія и пріучилъ жить службой, т. е. „на счетъ общества“. Это существованіе „на счетъ общества“, такъ сказать, „коммунистическое“ произвело на дворянство то дѣйствіе, какое всегда производитъ коммунизмъ, т. е. сдѣлало его безпечнымъ, лѣнивымъ и неподвижнымъ. Поэтому оно было низвергнуто третьимъ сословіемъ. Но захвативъ власть дворянства, буржуазія пошла по слѣдамъ его въ любви къ жизни на счетъ государства, развила чиновничество, и не устаетъ создавать новыя мѣста, чтобы жить на жалованье. Эта „коммунистическая“ жизнь деморализируетъ буржуазію еще шире, нежели дворянство; она выпускаетъ изъ рукъ роль руководителя и теперь оказывается передъ четвертымъ сословіемъ въ томъ же положеніи, въ какомъ 100—150 лѣтъ назадъ было дворянство предъ нею самой. Четвертое сословіе является съ претензіей на власть, но уже

распространяетъ на весь народъ идею проживанія на счетъ государства. Вотъ источникъ современнаго коммунизма. Вотъ *болѣзнь*, отъ которой нужно лѣчить Францію... но не весь культурный міръ, такъ какъ нѣкоторыя части его, а именно страны англо-саксонской расы, ею не заражены.

Ставя такой діагнозъ, г. Демоленъ относится къ государству съ чрезвычайною враждой. Въ одной статьѣ своей (внѣ собесѣдованія 21 мая) онъ даже признаетъ *здоровыми* анархическія идеи свободы и отрицанія государства (порицая анархистовъ только за соціалистическія тенденціи). Человѣкъ долженъ надѣяться только на самого себя, долженъ жить своимъ трудомъ, искусствомъ, усиліями; если ему нужно сотрудничество другихъ людей, пусть складывается свободная ассоціація, точнѣе *союзъ*, опирающійся опять же только на свои собственныя силы. О государствѣ г. Демоленъ не можетъ вспомнить безъ желчи и раздраженія. У него не проскальзываетъ ни тѣни допущенія, чтобы государство было на что-нибудь нужно, для чего-нибудь полезно. Буржуазная школа политической экономіи отводитъ государству, по крайней мѣрѣ, полицейскую роль охранителя свободы договора, свободы труда и неприкосновенности собственности. Г. Демоленъ не упоминаетъ даже и о такой роли государства. Его *партикуляризмъ*, его идеалъ полной обособленности отдѣльныхъ лицъ и ихъ свободныхъ союзовъ доходитъ до какой-то анархической утопичности...

Можно ли однако быть столь близорукимъ? Ну, допустимъ, что есть эти милліоны энергичныхъ, инціативныхъ, „здоровыхъ" лицъ и группъ... Гдѣ же, однако, *общество?* Чѣмъ связываются эти лица и группы, чѣмъ ставятся границы ихъ взаимной борьбѣ? Оставаясь на почвѣ политической экономіи, мы спрашиваемъ: развѣ нынче связь между отдѣльными отраслями производства, между отдѣльными фабриками много меньше, нежели между различными отдѣленіями одной и той же фабрики? Отдѣльная фабрика функціонируетъ подъ управленіемъ умнаго *патрона*, хозяина. Прекрасно. Но какъ же оставить безъ патрона, безъ нѣкотораго *хозяина*, совокупность этихъ фабрикъ. Партикуляризмъ не просто ошибоченъ, а утопиченъ тѣмъ, что не принимаетъ въ разсчетъ дѣйствительности. Онъ требуетъ обособленности и независимости того, что̀ въ дѣйствительности вовсе не обособлено, а связано тысячей нитей. Онъ понимаетъ необходимость *разума*, и именно единаго разума, для одной фабрики. Но

какъ не понимать, что такой же объединяющій и соглашающій *разумъ* нуженъ и на пунктѣ соприкосновенія, содѣйствія или борьбы десятковъ тысячъ отдѣльныхъ производственныхъ ячеекъ?

VII.

Экономическіе идеалы, выставленные г. Демоленомъ, столько разъ и такъ разносторонне критиковались единомышленниками г. Лафарга, что мнѣ нѣтъ надобности на нихъ останавливаться. Свобода, какъ неприкосновенная основа производства, не только не можетъ подорвать идей коммунизма, но отчасти способствовала ихъ развитію. Достаточно видѣть бѣдствія промышленнаго кризиса, чтобы понять безсиліе свободы какъ регулятора производства. А рабочіе *переживаютъ* ихъ. И откуда налетаетъ бѣда? Гдѣ-нибудь за десятки тысячъ верстъ, въ Китаѣ, произошло возмущеніе, или въ Америкѣ не уродился хлопокъ, а въ Парижѣ или Лондонѣ сотня тысячъ человѣкъ оказывается выброшенною на улицу! Что̀ могутъ тутъ надѣлать наиболѣе искусные и энергическіе хозяева? Хорошо говорить о предусмотрительности, но не всегда она помогаетъ. Что касается классовой самопомощи, рабочихъ союзовъ и прочихъ средствъ свободной дѣятельности, то вѣдь именно это и производитъ разложеніе общества на противные лагери. Добившись ихъ появленія, нельзя проповѣдями г. Демолена помѣшать междуусобной борьбѣ.

Современная промышленная жизнь, именно построенная на началахъ преувеличенной свободы, сама ведетъ къ соціальной революціи. Несомнѣнно, что необходимъ нѣкоторый общій, національный, — а выражаясь конкретно — просто на просто *государственный* разумъ, упорядочивающій производство. Промышленная анархія по своимъ послѣдствіямъ не лучше коммунизма.

Между тѣмъ, какъ видимъ, европейская мысль только и способна колебаться между этими двумя полюсами. Собесѣдованіе 21 мая тѣмъ особенно поучительно, что не выставило ничего новаго. Парижъ, Франція, Европа взволнована признаками противуобщественнаго разложенія. И вотъ являются два представителя „соціальной науки“ и въ тысяча первый разъ излагаютъ, только въ нѣсколько обострившемся видѣ, то же, на чемъ уже добрыя полстолѣтія застряла европейская мысль. Оба прекрасно критикуютъ

другъ друга, оба, переходя къ положительному, излагаютъ невозможности. Это вполнѣ картина европейской соціальной мысли.

Чѣмъ же кончится такое положеніе?

Или, можетъ-быть, двѣ противоположности практически даютъ нѣчто среднее? Къ сожалѣнію, тутъ средняго нѣтъ, развѣ нуль, какъ между плюсомъ и минусомъ. Г. Демоленъ все строитъ на обособленномъ *патронѣ*, а г. Лафаргъ бунтуетъ рабочихъ этого патрона и приводитъ въ прахъ всѣ его начинанія. Г. Демоленъ пытается убѣдить рабочаго, что все спасеніе въ трудѣ, почину, самодѣятельности. А отсутствіе государственнаго устроенія промышленности въ тѣхъ ея пунктахъ, которые находятся внѣ всякаго вліянія *обособленныхъ* патроновъ, ежедневно пускаетъ прахомъ всѣ плоды труда рабочаго. Государство же гг. Демоленъ и Лафаргъ подрываютъ совмѣстно, съ усердіемъ достойнымъ лучшаго дѣла. Ничего „средняго“ въ созидательномъ смыслѣ не получается и не можетъ получиться.

Гдѣ же выходъ однако? Да еще есть ли онъ?

Въ области собственныхъ силъ Европы трудно усмотрѣть его.

Соціальная жизнь, какъ здоровье человѣка, выдерживаетъ разстройство только до поры до времени, до извѣстныхъ предѣловъ. Перейдя ихъ, не всегда можно исправить испорченное. Самое же главное: въ этихъ односторонностяхъ мы имѣемъ предъ собою не частичную ошибку экономической или политической доктрины, а проявленіе несравненно болѣе глубокаго разстройства въ мысляхъ, чувствахъ и стремленіяхъ людей, какъ я старался показать въ „Соціальныхъ миражахъ“. Исправленіе при этомъ крайне затрудняется, такъ какъ для борьбы съ ложью не находится здороваго опорнаго пункта. Противъ одной лжи выступаетъ другая, и кто бы ни побѣдилъ—хорошаго ничего не получается. Поэтому для выздоровленія современной Европы ей скорѣе нужно пожелать найти какой-нибудь *внѣшній* опорный пунктъ. Инстинктивнымъ исканіемъ его объясняется и англоманство г. Демолена (такъ идеализирующаго англо-саксонскую расу), и увлеченія то Китаемъ, то Россіей, и распространеніе буддизма въ Парижѣ. Будетъ ли найденъ этотъ опорный пунктъ? Быть можетъ, никто не несетъ на себѣ въ этомъ большей нравственной отвѣтственности предъ міромъ, какъ Россія. Мы еще имѣемъ *общенародныя* начала, на которыхъ способны столковаться люди самыхъ различныхъ сословій, имѣемъ и *власть*, внѣ всякихъ партій, власть, способную

проникаться всею широтой народной мысли. Заговоритъ ли эта мысль, наконецъ? Сила основъ нашей жизни доказывается уже тѣмъ, что мы цѣлыя два столѣтія никакъ не въ состояніи ихъ подорвать, несмотря на все легкомысліе, съ которымъ ихъ искажаемъ. Но эти основы не столько *созданы* нами, сколько намъ *даны* не отъ насъ зависѣвшимъ и нерѣдко проклинаемымъ нами ходомъ исторіи. Какъ рабъ лѣнивый и лукавый мы не хотимъ и не умѣемъ ихъ пустить въ оборотъ развитія. Не пора ли, наконецъ, принять ихъ *сознательно* и дать имъ сознательное употребленіе?

Л. Тихомировъ.

ВОПРОСЫ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ.

Наша періодическая печать рѣзко раздѣляется на двѣ половины: свѣтскую и духовную. Духовная печать изрѣдка обсуждаетъ вопросы общественнаго характера и то преимущественно тѣ, которые такъ или иначе имѣютъ отношеніе къ церковной жизни. Этимъ занимаются журналы еженедѣльные, а ежемѣсячные большею частью носятъ характеръ замкнутыхъ въ самихъ себѣ спеціальныхъ органовъ богословскаго и отчасти философскаго содержанія. Точно также и свѣтская печать. Въ ежедневныхъ газетахъ изрѣдка и кое-гдѣ можно встрѣтить указанія на выдающіяся явленія церковной жизни и то, правду говоря, эти указанія стали появляться въ послѣднія 5—10 лѣтъ. Изрѣдка можно встрѣтить и обсужденіе церковныхъ вопросовъ на столбцахъ той или другой консервативной газеты, но какъ исключеніе, многихъ удивляющее. За то наши *ежемѣсячные журналы совершенно игнорируютъ церковную жизнь*, какъ будто ея не существуетъ. Напрасно свѣжій читатель, желающій изучить нашу общественную жизнь по періодической литературѣ, сталъ бы искать въ почтенныхъ толстыхъ журналахъ хотя какихъ-нибудь указаній на тѣ церковные вопросы, которые подчасъ такъ волнуютъ душу каждаго русскаго православнаго человѣка.

Онъ нашелъ бы въ журналахъ всевозможныя подробныя и точныя обозрѣнія внутренней жизни и внѣшней, политическія, литературныя, торговыя, музыкальныя, театральныя, чуть ли не спеціально военныя географическія, астрономическія обозрѣнія успѣховъ техники, лошадинаго спорта, балетнаго искусства, всего чего угодно, только не нашелъ бы того, чѣмъ духовно живутъ десятки ми-

ліоновъ православно-вѣрующихъ людей, не нашелъ бы только одного *обозрѣнія церковной жизни.* Странное явленіе и удивительное, способное поставить въ тупикъ всякаго безпристрастнаго изслѣдователя русской жизни! Откуда происходитъ это явленіе? Нормальное оно, естественное, отвѣчающее потребности жизни, или искусственное, ненормальное—вотъ вопросы, важное значеніе которыхъ несомнѣнно.

Для рѣшенія же этихъ вопросовъ необходимо опредѣлить, какой контингентъ людей является читателями ежемѣсячныхъ журналовъ и какія требованія въ правѣ предъявлять эти читатели къ выписываемымъ ими журналамъ. Я говорю въ правѣ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ никакихъ требованій читатель не предъявляетъ и журналистика этимъ пользуется.

Обыкновенно говорятъ, что печать есть выразительница общественнаго мнѣнія. Стало быть статьи пишутся, журналы издаются для общества и согласно съ требованіями общества. Подъ обществомъ же разумѣется обыкновенно вся та совокупность людей, которая отдѣляется отъ простаго народа и степенью умственнаго развитія и образованіемъ, и бытомъ (иногда). *Общество* въ этомъ смыслѣ есть *сверхнародный слой,* безо всякаго ограниченія. Это опредѣленіе слишкомъ широкое, растяжимое, но оно наиболѣе распространенное, а потому и мы его въ данномъ случаѣ принимаемъ. Стало-быть, если мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ изъ свѣтскихъ журналовъ обсужденія или даже упоминанія о фактахъ церковной жизни, то въ правѣ заключить, что общество и не нуждается въ этомъ обсужденіи, не интересуется этимъ, никакой потребности въ этомъ не чувствуетъ, а не чувствуетъ потребности потому, что *чуждо церкви,* ея интересовъ и жизни. Заключеніе совершенно правильное логически, но выражающее на самомъ дѣлѣ чудовищную ложь.

Войдите въ московскіе храмы въ любое воскресенье и посмотрите какое множество лицъ самыхъ разнообразныхъ сословій, званій, положеній наполняютъ ихъ; здѣсь вы встрѣтите всѣхъ, начиная съ свѣтской дамы и генерала и кончая крестьяниномъ. Загляните въ сельскій храмъ въ большой или престольной праздникъ и посмотрите, съ какою любовью къ дѣлу съ тарелочкой въ рукахъ обходитъ ряды крестьянъ мѣстный баринъ-помѣщикъ. А въ приходскихъ попечительствахъ сельскихъ или городскихъ, въ братствахъ! Съ какимъ единодушіемъ работаютъ тамъ вмѣстѣ съ крестьяниномъ во славу Божію и на пользу родной цер-

кви и мѣстный помѣщикъ, и мировой судья, и учитель, и чиновникъ.

Что жь эти всѣ люди не принадлежатъ къ обществу, свѣтскіе журналы печатаются не для нихъ, или они не интересуются церковною жизнью, чужды ей? Первое предположеніе нелѣпо, второе опровергается фактами текущей жизни. А если это такъ, то стало-быть положеніе, что „общество наше чуждо Церкви", есть грубая ошибка. Положеніе это категорически высказывается какъ въ свѣтской печати, такъ и въ духовной, и, къ сожалѣнію, въ распространеніи этого самообмана повинны не только люди, легкомысленно относящіеся къ печатному слову, но и серьезно-мыслящіе. А это ошибочное положеніе, высказываемое категорически, вноситъ въ общественное сознаніе страшную путаницу и ложь.

Чуждо Церкви не общество, а только *часть* общества. Именно та часть, которую принято называть иностраннымъ и глубоко-пошлымъ словомъ „интеллигенція". Это маленькая кучка (въ сравненіи со всѣмъ обществомъ, а тѣмъ болѣе со всѣмъ народомъ) людей, занимающихся исключительно умственнымъ трудомъ. Это классъ людей, имѣющихъ въ своихъ рукахъ громадную въ наше время силу печатнаго слова.

Въ сущности говоря, „интеллигенція", какъ самый образованный классъ людей въ обществѣ, должна быть солью земли. Но у насъ, къ сожалѣнію, этотъ классъ, вызванный къ жизни могучею реформой Петра, этою же реформой былъ сразу поставленъ внѣ жизни народной. Пресловутая рознь между народомъ и всѣмъ „народнымъ" съ одной стороны, а „интеллигенціей" съ другой стороны продолжается, къ несчастью, и до сихъ поръ. Корень этой розни заключается въ основномъ, въ отрицательномъ отношеніи европействующей интеллигенціи къ Церкви и къ вѣрѣ православной. И насколько чужда интеллигенція Церкви, настолько же чужда она и народу со всѣмъ складомъ его жизни. Объ этомъ много и хорошо было сказано писателями славянофильскаго направленія. Останавливаться на этомъ мы не будемъ, а считаемъ достаточнымъ констатировать фактъ.

Интеллигенція чужда Церкви и ея интересовъ, но не общество. А такъ какъ до послѣдняго времени наша журналистика почти исключительно была въ рукахъ европействующей интеллигенціи, то отсюда очень понятно, почему церковные вопросы никогда не затрогивались на страницахъ свѣтскихъ журна-

ловъ. (Исключеніе составляли и составляютъ немногіе органы славянофильствующіе или консервативные.) Какъ будто и не существуетъ церковной жизни, или какъ будто классы общества, стоящіе ближе къ народу, какъ духовенство, помѣстное дворянство и купечество—больше интересуются столичнымъ театромъ, чѣмъ жизнью Церкви, къ которой они принадлежатъ! Явная и глубокая ложь.

А между тѣмъ эта ложь пріучила наше общество къ самообману, пріучила къ тому взгляду, что дѣйствительно такъ и должно быть, что раздѣленіе печати на духовную и свѣтскую—явленіе нормальное, что не дѣло печати свѣтской вступать въ чужую область. Это жалкое заблужденіе происходитъ не только отъ одной привычки, воспитанной свѣтскою печатью, но и отъ смѣшенія вопросовъ церковной жизни съ богословскими. Вопросамъ чисто богословскаго характера, дѣйствительно, мѣсто въ изданіяхъ спеціальныхъ, посвященныхъ этому дѣлу; средній читатель, не подготовленный къ нимъ, не станетъ ими интересоваться. Но иное дѣло вопросы церковной жизни, живые и понятные для всякаго читателя, живущаго въ Церкви. Имъ мѣсто тамъ, гдѣ средній читатель легче можетъ найти ихъ.

Такимъ образомъ, основываясь на томъ положеніи, что большинство читателей свѣтскихъ журналовъ принадлежитъ къ Церкви, а стало-быть интересуется вопросами церковными, мы твердо убѣждены, что всякій журналъ, какъ органъ не какого-либо „интеллигентнаго“ кружка, а православнаго русскаго общества, долженъ давать у себя мѣсто вопросамъ церковнаго характера. Ему предстоитъ задача *отмѣчать всякое выдающееся явленіе церковной жизни*, какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами ея. Но отмѣчая явленіе, необходимо и вырабатывать и устанавливать *правильный взглядъ* на это явленіе, ясное пониманіе его.

Вотъ эти двѣ задачи мы и будемъ преслѣдовать, насколько Господь дастъ разумѣнія и силъ.

—Ь.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Князь Бисмаркъ о парламентѣ—*прежде* и *теперь*. — Болгарскія самоуправства.—Выборы въ Англіи. — Холера и отношеніе народа къ интеллигенціи.— Новое учрежденіе Государственнаго Контроля. — Новое Городовое Положеніе. — Всемірный Почтовый Союзъ. — Еврейская колонизаціонная ассоціація.

Странныя иногда вещи приходится заносить на свои страницы лѣтописцу современной жизни!.. Такого рода странность представляетъ, напримѣръ, удивительное противорѣчіе между теперешнимъ мнѣніемъ бывшаго „желѣзнаго канцлера“ о парламентѣ и его прежнимъ взглядомъ на это учрежденіе.

Прежде, находясь на своемъ высокомъ посту, князь Бисмаркъ полагалъ, что парламентъ ему „вяжетъ руки“; онъ постоянно выступалъ *противъ авторитета парламента*, велъ съ нимъ упорную, непримиримую борьбу; онъ считалъ тогда одною изъ главнѣйшихъ задачъ своихъ укрѣпленіе монархіи.

Теперь, отвѣчая на привѣтственную рѣчь профессора Брокгауза въ Іенѣ, онъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Я желалъ бы, чтобы парламентъ, значеніе котораго быть-можетъ *излишне подавлялось въ прошлые годы*, не остался на нынѣшней ступени. Я желалъ бы, чтобы рейхстагъ получилъ постоянное большинство, такъ какъ безъ него онъ никогда не будетъ обладать авторитетомъ, *который ему нуженъ*.“

Вотъ до чего договариваться заставляетъ оскорбленное честолюбіе даже и великую душу! Вотъ до чего помрачаетъ оно даже и несомнѣнно большой и свѣтлый умъ!..

* * *

То же честолюбіе, но поселившееся въ душахъ болѣе мелкаго разбора и притомъ постоянно дрожащихъ за возможность утраты своихъ незаконно захваченныхъ правъ, способно довести не только до странныхъ, печальныхъ и уродливыхъ противорѣчій человѣка самому себѣ, но уже до настоящаго озвѣрѣнія.

Наглядный примѣръ проявленія такого состоянія духа мы можемъ наблюдать въ незаконномъ стамбуловскомъ *самоуправствѣ* или *расправѣ*, которой онъ кощунственно осмѣлился присвоить почтенное наименованіе *суда*.

Мы разумѣемъ пресловутое дѣло объ убійствѣ Бельчева. Истинныхъ виновниковъ этого преступленія, въ сущности, не найдено, а было привлечено къ суду нѣсколько политическихъ противниковъ палочника-правителя и его ставленника, принца Фердинанда, чтобы произвести устрашающее впечатлѣніе на прочихъ. Всѣхъ привлеченныхъ къ суду было восемнадцать человѣкъ, и центральною фигурой ихъ являлся бывшій первый министръ и регентъ Болгаріи, Каравеловъ, еще до суда продержанный около двухъ лѣтъ въ тюрьмѣ, подъ предлогомъ прикосновенности къ заговорамъ противъ правительства.

Во время этой своенравной расправы было пущено въ ходъ все: и обѣщанія, и угрозы, и пытки, и обычные подозрительные взгляды въ сторону Россіи, и не менѣе обычныя клеветы противъ нея... Не было только необходимыхъ принадлежностей всякаго настоящаго суда: истинной справедливости и искренняго желанія сыскать правду.

Кончилась эта жестокая комедія смертною казнью четверыхъ осужденныхъ (14 іюля) и тюремнымъ заключеніемъ двѣнадцати человѣкъ на довольно продолжительные сроки. Каравеловъ (при всемъ желаніи отъ него отдѣлаться) не могъ, за недостаткомъ какихъ-либо серьезныхъ уликъ, быть приговоренъ къ чему-либо большему, какъ снова къ заключенію въ тюрьму на пять лѣтъ.

Въ этомъ дѣлѣ, — какъ, впрочемъ, и во всѣхъ почти своихъ дѣйствіяхъ,—Стамбуловъ является довольно типичнымъ представителемъ грубаго и хамоватаго болгарскаго „интеллигента“ *съ опустошенною и вывѣтрившеюся душой*, гдѣ, — кромѣ желанія властвовать и наслаждаться да животнаго страха за свою шкуру съ потребностію поскорѣе уничтожить того, кто можетъ тебя уничтожить,—мало ужь что̀, кажется, и остается.

Эту грубую, сухую, хамоватую, совершенно лишенную всякаго благоухающаго романтизма и высокаго идеализма, семинарски-

лакейски какъ-то примазавшуюся къ европейской цивилизаціи, болгарскую „интеллигенцію“ — съ удивительно тонкою наблюдательностью, остроуміемъ, жизненностью и рельефностью изобразилъ покойный К. Н. Леонтьевъ, [1] котораго никто тогда не хотѣлъ и слушать и съ которымъ теперь—въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи—соглашается уже большинство.

* * *

Въ той странѣ, гдѣ попадаются еще настоящіе интеллигенты-джентльмены, въ Англіи, идетъ горячая борьба, происходятъ выборы въ парламентъ, готовится перемѣна министерства...

Окончательные результаты выборовъ въ настоящее время еще неизвѣстны, но уже съ полною увѣренностью можно предсказать побѣду одному изъ такихъ рѣдкихъ „джентльменовъ“, славному вождю англійскихъ либераловъ, г. Гладстону.

Результаты этой теперь уже несомнѣнной—хотя, видимо, и не съ большимъ перевѣсомъ числа голосовъ—побѣды знаменитаго и неутомимаго старца будутъ, разумѣется, имѣть значеніе не для одной только внутренней жизни Англіи, но должны будутъ оказать извѣстное вліяніе и на вопросы международной политики. Но объ этомъ до слѣдующей книжки, когда исходъ выборовъ станетъ окончательно извѣстенъ.

* * *

А пока обратимся къ важнѣйшимъ изъ явленій отечественной жизни за истекшій мѣсяцъ.

Наибольшею злобой дня, всеобщею, наиболѣе печальною и хлопотливою, у насъ и теперь, какъ и въ прошлый мѣсяцъ, была холера...

Грустнымъ предположеніямъ, высказаннымъ нами въ прошлый разъ, суждено было осуществиться... Эпидемія, дѣйствительно, пошла—и при томъ очень быстро—все далѣе съ юга на сѣверъ, распространяясь совершенно согласно извѣстнымъ словамъ поэта, но только начиная съ другаго конца, то-есть „отъ пламенной Колхиды“ и „до хладныхъ финскихъ скалъ“, такъ что въ концѣ мѣсяца она появилась уже въ самомъ Петербургѣ...

---

[1] См. его прекрасную книгу *Востокъ, Россія и Славянство.*

Мѣры правительства въ борьбѣ съ эпидеміей отличались все тою же заботливостью и энергіей; само, нѣсколько встрепенувшееся, общество способствовало ихъ осуществленію, не давая застать себя врасплохъ, и отчасти, можетъ-быть, благодаря этому—эпидемія на дальнѣйшемъ пути своемъ отличалась значительно меньшею силой и напряженносью, чѣмъ въ самомъ началѣ своего появленія.

Вообще, какъ справедливо говоритъ профессоръ Захарьинъ, „настоящую эпидемію нельзя назвать не только жестокою, но даже и сильною, а скорѣе слѣдуетъ признать умѣренною. Правда, она оказалась сильною въ Баку и Астрахани, а также, хотя и менѣе, въ Саратовѣ и Царицынѣ; но Баку—весьма южное, нездоровое и многолюдное мѣсто, а главное—очевидно захвачено врасплохъ, не успѣвшее принять достаточныхъ предупредительныхъ мѣръ. Астрахань, какъ мѣстность въ дельтѣ громадной рѣки (такія мѣстности самыя благопріятныя для развитія холеры, родина которой—дельта Ганга), еще хуже Баку, а въ другихъ отношеніяхъ (нечистота и бытовые порядки)—врядъ ли лучше; къ тому же уличные безпорядки помогли усиленію эпидеміи. Въ Саратовѣ и Царицынѣ обстоятельства, за исключеніемъ характера мѣстности, были схожи съ астраханскими. Въ большей же части другихъ мѣстъ эпидемія не только весьма умѣренна, но прямо слаба. Правда, она распространилась по Волгѣ весьма быстро; но, какъ извѣстно, быстрота распространенія зависитъ отъ скорости и оживленности передвиженія, а не отъ силы эпидеміи. Въ этомъ отношеніи нельзя сравнить современныя эпидеміи съ первою, посѣтившею Россію шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ назадъ, медленно распространявшеюся при тогдашнихъ средствахъ сообщенія, но, несмотря на это, отличавшеюся крайнею жестокостью.“ (*Моск. Вѣд.*, № 195.)

Крайне печальною особенностью настоящей эпидеміи (такъ же, впрочемъ, какъ и нѣкоторыхъ эпидемій прежнихъ лѣтъ) являются сопровождавшіе ее по мѣстамъ болѣе или менѣе сильные безпорядки, производившіеся возмущенною уличною чернью, сбитою съ толку дикими и нелѣпыми слухами объ отравленіи и погребеніи живыхъ!?.

Не распространяясь о несомнѣнномъ невѣжествѣ и дикости въ понятіяхъ нашего „темнаго люда“, недалеко ушедшаго въ этомъ отношеніи за эти шестьдесятъ слишкомъ лѣтъ, протекшія со времени появленія у насъ первой холерной эпидеміи, о чемъ

прокричали уже всѣ, мы позволимъ себѣ лишь сдѣлать здѣсь по этому поводу одно свое, совсѣмъ особое, замѣчаніе, котораго, сколько намъ помнится, не сдѣлалъ еще никто.

Да, онъ несомнѣнно очень виноватъ этотъ невѣжественный и *темный* народъ въ своихъ нелѣпыхъ и дикихъ выходкахъ противъ нашей *просвѣщенной* „интеллигенціи"... Но такъ ли ужь она сама, эта бѣдная наша „интеллигенція", чиста и непорочна? Нѣтъ ли и съ ея стороны нѣкоторой доли вины въ этихъ крайне печальныхъ недоразумѣніяхъ?..

Почему это „темный людъ" довѣряетъ пастырю церкви, выходящему къ нему съ крестомъ, или со Св. Дарами, или даже просто со строгимъ словомъ назиданія? Почему это довѣряетъ онъ вѣскому, умѣло сказанному, властному слову губернатора, прямаго посредника между нимъ и Царемъ? Почему въ большинствѣ случаевъ слушается онъ земскаго начальника, „настоящаго барина"? Почему, наконецъ, относится онъ довѣрчиво и съ уваженіемъ даже къ простому отставному „служивому", больничному сторожу, честно, просто и мужественно исполняющему свой долгъ и берегущему „казенное добро"? (былъ и такой случай). Почему онъ довѣряетъ всѣмъ этимъ, а на бѣдную, разношерстную нашу „интеллигенцію" *съ опустошенною душой* смотритъ съ недовѣріемъ?..

Не потому ли, что этотъ темный, невѣжественный, глупый и пьяный народъ, способный иной разъ къ нелѣпымъ и дикимъ выходкамъ, все же еще въ огромномъ большинствѣ своемъ пребылъ кое-чему неизмѣнно вѣренъ, а просвѣщенный „интеллигентъ" нашъ по большей части отъ многаго отшатнулся и многое позабылъ, опустошилъ свою бѣдную душу и слишкомъ увѣровалъ въ „послѣднее слово" европейскаго прогресса? Не отсюда ли эта глубокая пропасть, ведущая ко взаимному непониманію и недовѣрію?

Вопросъ очень грустный и очень поучительный!..

* * *

Въ теченіе іюля мѣсяца обнародованы весьма важныя законоположенія, а именно:

1) О новомъ учрежденіи Государственнаго Контроля (взамѣнъ стт. 1.669—1.904 и I ч. II Св. Зак. Гражд. изд. 1857 г.) въ представленіи Государственнаго Контролера разсмотренное

Государственнымъ Совѣтомъ и Высочайше утвержденное еще 28 апрѣля сего года.

2) О новомъ Городовомъ Положеніи, Высочайше утвержденномъ 11 іюня сего года, вмѣстѣ съ измѣненіями нѣкоторыхъ статей положенія о земскихъ учрежденіяхъ и другихъ узаконеній.

3) О заключеніи конвенціи о всемірномъ почтовомъ союзѣ подписанной 22 іюня (4 іюля) 1891 года въ Вѣнѣ и ратификованной Высочайше 28 января 1892 года.

4) О разрѣшеніи американскому обществу подъ названіемъ „Еврейская колонизаціонная ассоціація" открыть свои дѣйствія въ Россіи на основаніи правилъ ея дѣятельности.

Учрежденіе Государственнаго Контроля такъ опредѣляетъ предметъ своего вѣдомства: „Государственный Контроль, составляя отдѣльную часть государственнаго управленія, наблюдаетъ за законностью и правильностью распорядительныхъ и исполнительныхъ дѣйствій, по приходу, расходу и храненію капиталовъ, находящихся въ завѣдываніи отчетныхъ предъ нимъ учрежденій, а равно составляетъ соображенія о выгодности или невыгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства." Такимъ образомъ, въ учрежденіи Государственнаго Контроля сходится конечная отчетность всего сложнаго государственнаго механизма Россіи, повѣрка этой отчетности, какъ исполнительной, такъ равно исполняемой, а по ст. 3 Государственный Контроль: 1) повѣряетъ финансовыя смѣты и представленія объ ассигнованіи сверхсмѣтныхъ кредитовъ министерствъ и главныхъ управленій, а также подчиненныхъ его повѣркѣ земскихъ, городскихъ и частныхъ установленій, и представляетъ или сообщаетъ о результатахъ повѣрки по принадлежности; 2) повѣряетъ отчетность по оборотамъ денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, находящихся въ завѣдываніи отчетныхъ предъ нимъ установленій; 3) производитъ, по особымъ на то положеніямъ, фактическую провѣрку денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, сооруженій, построекъ и другихъ операцій, а также нѣкоторыхъ предметовъ, подлежащихъ оплатѣ налогами и иными сборами, и эксплуатаціи казенныхъ и подчиненныхъ его надзору частныхъ желѣзныхъ дорогъ; 4) наблюдаетъ за правильностью разассигнованія и передвиженія по кассамъ и смѣтнымъ подраздѣленіямъ назначенныхъ по финансовымъ смѣтамъ или дополнительно открытыхъ кредитовъ; 5) наблюдаетъ за правильностью и цѣлесообразностью смѣтной классификаціи

всѣхъ отчетныхъ предъ нимъ капиталовъ; 6) изыскиваетъ мѣры къ усовершенствованію правилъ и формъ счетоводства и отчетности, а также установляетъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, необходимые въ этомъ дѣлѣ порядки, не требующіе законодательнаго разрѣшенія.

Для осуществленія своей многотрудной задачи Государственный Контроль имѣетъ слѣдующую организацію: 1) Во главѣ учрежденія находится Государственный контролеръ; 2) товарищъ Государственнаго контролера; 3) совѣтъ Государственнаго Контроля; 4) департаментъ гражданской отчетности; 5) департаментъ военной и морской отчетности; 6) департаментъ желѣзнодорожной отчетности; 7) канцелярія Государственнаго Контроля и состоящій при ней архивъ центральныхъ учрежденій Государственнаго Контроля; 8) центральная бухгалтерія; 9) коммиссія для повѣрки денежной и матеріальной отчетности установленій Государственнаго Контроля; 10) коммиссія для повѣрки годовыхъ отчетовъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ за прежнее время и текущихъ отчетовъ тѣхъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, при коихъ не учреждено мѣстнаго правительственнаго контроля; 11) контрольныя палаты, и 12) мѣстныя контрольныя части на казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Новое положеніе объ учрежденіи Государственнаго Контроля представляетъ вообще кодификацію существовавшихъ въ законахъ нашихъ законоположеній о Государственномъ Контролѣ, и этотъ новый кодифицированный законъ съ совершенною ясностію и послѣдовательностью устанавливаетъ, какъ предѣлы компетенціи отдѣльныхъ лицъ и учрежденій Государственнаго Контроля, сообразно новымъ условіямъ и громадно выросшей сложности государственнаго хозяйства, такъ равно отбрасываетъ все устарѣлое, ненужное, отжившее.

Все новое учрежденіе Государственнаго Контроля заключаетъ въ себѣ лишь 74 статьи взамѣнъ 236 статей по дѣйствовавшему закону въ изданіи 1857 года. Нельзя не привѣтствовать такихъ благихъ кодификаціонныхъ работъ и нужно желать продолженія законодательной дѣятельности въ томъ же направленіи.

* * *

Новое Городовое Положеніе составляетъ органическую часть обще-земской реформы. Причинность его лучше всего выставляетъ Именной Высочайшій Указъ Правительствующему Сенату, отъ 11 іюля 1892 года:

„Изданное по волѣ въ Бозѣ почившаго Родителя Нашего городовое положеніе 16-го іюня 1870 года принесло въ теченіе двадцати лѣтъ своего примѣненія немаловажную пользу. Благоустройство городскихъ поселеній замѣтно поднялось, и улучшились многія условія городской жизни. Но, на ряду съ этими благопріятными явленіями въ строѣ и дѣятельности городскихъ учрежденій, обнаружились несовершенства, требующія исправленія. Вслѣдствіе сего и для согласованія порядка дѣйствій городскаго общественнаго управленія съ началами, преподанными въ недавнее время для дѣятельности земскихъ учрежденій, Мы повелѣли министру Внутреннихъ Дѣлъ подвергнуть положеніе 1870 года пересмотру."

Нельзя не отмѣтить съ истиннымъ удовольствіемъ началъ удивительнаго спокойствія, зрѣлости и цѣлесообразности текущей реформенной дѣятельности: — никакой ломки, серьезное уваженіе къ существующему, заведенному порядку вещей и разумное стремленіе уничтожить сознанные недостатки, черпая для того матеріалъ въ существующемъ. Можетъ, городовая реформа могла бы быть отлита въ совершенно новую форму, но потребовались бы годы, пока эти новыя формы усвоились бы всецѣло обществомъ, для котораго онѣ создаются, чтобы затѣмъ можетъ-быть придти къ тѣмъ же практически сознаннымъ несовершенствамъ.

А теперь Державная Воля исправила сознанные и угаданные недостатки, оставляя привычныя, старыя формы, и если время укажетъ на необходимость новыхъ исправленій—тѣмъ лучше, это лучшее показаніе, что учрежденіе вошло въ плоть и кровь общества. Главныя основанія новаго Городоваго Положенія заключаются въ слѣдующемъ: всѣ лица, состоящія въ русскомъ подданствѣ, владѣющія не менѣе одного года недвижимымъ въ городѣ имуществомъ (а равно ученыя, благотворительныя, учебныя и правительственныя учрежденія), стóящимъ по городской оцѣнкѣ не менѣе 3.000 рублей для Москвы и Петербурга, не менѣе 1.500 рублей въ Одессѣ и губернскихъ городахъ съ населеніемъ свыше 100.000 душъ, не менѣе 1.000 рублей въ остальныхъ городахъ и не менѣе 300 рублей въ другихъ поселеніяхъ, пользуются избирательнымъ правомъ; кромѣ того, русскіе

подданные, товарищества, общества и компаніи, содержащія не менѣе одного года торгово-промышленное предпріятіе въ чертѣ города, оплаченное свидѣтельствомъ первой гильдіи въ столицахъ и второй гильдіи въ другихъ городахъ, пользуются тѣмъ же избирательнымъ правомъ. Избирательные списки, заблаговременно составляемые и провѣренные губернаторами, вносятся въ губернскія городскія присутствія на утвержденіе, послѣ чего они публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Черезъ каждые 4 года созываются избирательныя собранія для выбора гласныхъ, число коихъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: для городовъ имѣющихъ не болѣе 100 избирателей—20, затѣмъ на каждые 50 избирателей сверхъ ста прибавляется по 3 гласныхъ, пока число ихъ не достигнетъ максимальнаго предѣла—160 для столицъ, 80—для Одессы и городовъ съ населеніемъ свыше 100.000 человѣкъ, 60—въ другихъ губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ и 40—въ остальныхъ поселеніяхъ. Число гласныхъ изъ не-христіанъ не должно превышать $1/5$ части общаго числа гласныхъ. Избранные такимъ путемъ гласные составляютъ думу, которая собирается подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, или лицъ его заступающихъ въ случаяхъ указанныхъ въ положеніи; въ *очередныя собранія* не болѣе 24 и не менѣе 4 разъ въ годъ, которыя и разрѣшаютъ вопросы своего вѣдомства, если въ нихъ присутствуютъ не менѣе $1/2$ гласныхъ въ городахъ, гдѣ общее число ихъ не болѣе 40 и не менѣе $1/3$ въ другихъ. Въ составъ думы входятъ, кромѣ того, съ правомъ голоса: предсѣдатель мѣстной уѣздной земской управы и депутатъ отъ духовнаго вѣдомства по назначенію епархіальнаго начальства. Дума можетъ собираться и въ *чрезвычайныя* собранія, созываемыя въ Петербургѣ—съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, генералъ-губернатора—въ Москвѣ и губернатора въ другихъ городахъ, эти собранія считаются дѣйствительными при всякомъ числѣ гласныхъ.

Думскіе гласные, въ соотвѣтствіе съ земскими гласными, обязаны являться въ думскія засѣданія. Неявка гласнаго въ засѣданіе безъ уважительныхъ причинъ (невозможность проѣзда, особыя занятія на государственной службѣ, собственная болѣзнь, тяжкая болѣзнь близкихъ родственниковъ и т. п.) можетъ повлечь за собою, по постановленію думы ($2/3$ голосовъ присутствующихъ) взысканіе по ст. 1.440 уст. о нак. Если очередное собраніе, за неприбытіемъ узаконеннаго числа гласныхъ, не

состоится, оно созывается вновь, и если не состоится по той же причинѣ и этотъ разъ, то дѣла, подлежащія разсмотрѣнію этого собранія, передаются губернатору, который направляетъ ихъ къ исполненію или передаетъ на утвержденіе министра Внутреннихъ Дѣлъ, или въ присутствіе по земскимъ и городскимъ дѣламъ, или въ особыя по городскимъ дѣламъ присутствія, въ составъ которыхъ входятъ, взамѣнъ члена по выбору губернскаго земскаго собранія, членъ отъ городской думы губернскаго города, избираемый думой изъ числа гласныхъ ея, и утверждаются въ своей должности министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Предметъ вѣдомства городскихъ думъ составляетъ общая распорядительная власть по общественному управленію, надзоръ за исполнительными ея органами и рѣшеніе дѣлъ отнесенныхъ къ ея вѣдѣнію въ ст. 63 Положенія и другихъ узаконеній, а именно: 1) производство выборовъ въ должности, замѣщеніе которыхъ предоставляется городскому обществу на основаніи Положенія и другихъ узаконеній. Опредѣленіе размѣровъ содержанія по должностямъ, которыя не отправляются безвозмездно, изданіе инструкцій своимъ исполнительнымъ органомъ, разсмотрѣніе приходо-расходныхъ смѣтъ, опредѣленіе размѣра установленныхъ дѣйствующими законами мѣстныхъ сборовъ, сложеніе недоимокъ, установленіе правилъ для завѣдыванія капиталами и городскими имуществами, пріобрѣтеніе и отчужденіе недвижимыхъ имуществъ, установленіе разнаго рода таксъ, обсужденіе предположеній о займахъ и другихъ обязательствахъ, отопленіе города, принятіе пожертвованій въ пользу города, надзоръ за производствомъ питейной и иной торговли, повѣрка дѣйствій и отчетовъ управы и разсмотрѣніе жалобъ на нее, возбужденіе дѣлъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ общественнаго управленія и представленіе черезъ губернатора высшему правительству ходатайствъ о мѣстныхъ пользахъ и нуждахъ, составленіе обязательныхъ для мѣстныхъ жителей постановленій.

Губернаторъ имѣетъ надзоръ за правильностью и законностью дѣйствій городскаго общественнаго управленія.

Всѣ постановленія думы, съ сопровождающими ихъ приложеніями, представляются головой въ копіяхъ губернатору.

Слѣдующія постановленія думы подлежатъ утвержденію губернатора:

I. *Во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ:* 1) объ установленіи расцѣнокъ плановыхъ городскихъ земель, назначенныхъ подъ

застройку и урегулированіе городскаго поселенія; 2) объ условіяхъ выкупа состоящихъ въ безсрочной арендѣ усадебныхъ мѣстъ; 3) о займахъ, поручительствахъ и гарантіяхъ отъ имени городскаго поселенія, когда таковые, въ общей сложности съ прежними займами и обязательствами, не превышая годоваго итога городскихъ доходовъ за послѣдній истекшій годъ, достигаютъ, однако, половины сего итога; 4) о таксахъ: а) на хлѣбъ и мясо; б) за пользованіе извозчичьими и другими общественными экипажами, а также конно-желѣзными дорогами и иными усовершенствованными мѣстными средствами сообщенія, и в) за работы, исполняемыя въ портовыхъ мѣстностяхъ браковщиками, вѣсовщиками, мѣрильщиками, лигерами, якорщиками и т. п.

II. *Во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ, кромѣ столицы*: 5) объ инструкціяхъ или правилахъ для управы и другихъ исполнительныхъ органовъ городскаго общественнаго управленія, участвующихъ въ завѣдываніи содержимыми на городскія средства учебными заведеніями; 6) объ инструкціяхъ чинамъ торговой полиціи и органамъ городскаго управленія, исполняющимъ обязанности по надзору за производствомъ торговли и промысловъ.

III. *Въ уѣздныхъ и безъуѣздныхъ городскихъ поселеніяхъ:* 7) о размѣрѣ платы за зимовку судовъ въ затонахъ и гаваняхъ, устроенныхъ на средства городскаго поселенія; 8) о правилахъ для завѣдыванія капиталами и другими имуществами городскаго поселенія, а также состоящими въ вѣдѣніи общественнаго управленія лѣчебными, благотворительными и иными общеполезными учрежденіями, и 9) объ измѣненіяхъ въ планахъ и о новыхъ планахъ городскихъ поселеній.

Слѣдующія постановленія думы подлежатъ утвержденію министра Внутреннихъ Дѣлъ:

I. *Во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ*: 1) о переложеніи натуральныхъ земскихъ повинностей обывателей въ денежныя, съ обращеніемъ оныхъ на общія средства городскаго поселенія; 2) о принятіи на общія средства городскаго поселенія: а) содержанія и устройства мостовыхъ и тротуаровъ; б) очистки дымовыхъ трубъ; в) содержанія, въ видахъ пожарной безопасности, ночныхъ карауловъ, и г) вывоза нечистотъ изъ городскаго поселенія и удаленія ихъ посредствомъ канализаціи; 3) объ отчужденіи принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ (за исключеніемъ маломѣрныхъ мѣстъ, назначенныхъ по плану города подъ застройку частными зданіями) и урегулированіе городскаго

поселенія; 5) о займахъ, поручительствахъ или гарантіяхъ отъ имени городскаго поселенія, превышающихъ, въ общей сложности съ прежними займами и обязательствами, годовой итогъ городскихъ доходовъ за послѣдній истекшій годъ; 5) о размѣрахъ платы: а) за пользованіе замощенными на средства общественнаго управленія подъѣздными путями, переправами и перевозами, а также городскими скотобойнями, водопроводами и другими подобными устройствами; б) за участки. отводимые отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ подъ пароходныя пристани или подъ складъ нагружаемыхъ и выгружаемыхъ товаровъ, на набережныхъ и пристаняхъ (ст. 63, п. 13 лит. *б)*, и *в)* за стоянку судовъ на проходящихъ чрезъ городскія земли водяныхъ сообщеніяхъ свыше времени, необходимаго для нагрузки, выгрузки и удовлетворенія другихъ потребностей по судоходству.

II. Въ столицахъ и городахъ губернскихъ, областныхъ и входящихъ въ составъ градоначальствъ: 6) о размѣрѣ платы за зимовку судовъ въ затонахъ и гаваняхъ, устроенныхъ на средства городскаго поселенія; 7) о правилахъ для завѣдыванія капиталами и другими имуществами городскаго поселенія, а также состоящими въ вѣдѣніи общественнаго управленія лѣчебными, благотворительными и иными общеполезными учрежденіями; 8) объ измѣненіяхъ въ планахъ и о новыхъ планахъ городскихъ поселеній.

III. Въ столицахъ: 9) объ инструкціяхъ или правилахъ для управы и другихъ исполнительныхъ органовъ городскаго общественнаго управленія, участвующихъ въ завѣдываніи содержимыми на городскія средства учебными заведеніями, и 10) объ инструкціяхъ чинамъ торговой полиціи и органамъ городскаго управленія, исполняющимъ обязанности по надзору за производствомъ торговли и промысловъ.

Если губернаторъ не признаетъ возможнымъ утвердить какое-либо изъ представленныхъ ему постановленій думы, то предлагаетъ оное на разсмотрѣніе мѣстнаго *по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія*. Въ случаѣ согласія большинства членовъ присутствія съ мнѣніемъ губернатора объ отказѣ въ утвержденіи, постановленіе думы считается несостоявшимся, о чемъ дума поставляется въ извѣстность, съ приведеніемъ соображеній, служившихъ основаніемъ рѣшенію присутствія. При несогласіи мнѣній губернатора и большинства членовъ присутствія, дѣло представляется министру Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго

зависитъ утвердить представленное постановленіе или отказать въ утвержденіи. Въ послѣднемъ случаѣ постановленіе городской думы считается несостоявшимся.

Постановленія думы, не подлежащія утвержденію, приводятся въ дѣйствіе, если губернаторъ, въ *двухнедѣльный*, со дня полученія сихъ постановленій, срокъ не остановитъ ихъ исполненія.

Губернаторъ останавливаетъ исполненіе постановленія думы въ тѣхъ случаяхъ, когда усмотритъ, что оно: 1) несогласно съ закономъ или состоялось съ нарушеніемъ круга вѣдомства, предѣловъ власти и порядковъ дѣйствій общественнаго управленія. или 2) не соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и нуждамъ, либо явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія. Такое постановленіе думы передается имъ въ *мѣсячный*, со дня полученія постановленія, срокъ, на разсмотрѣніе мѣстнаго *по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія*. Если губернаторъ не признаетъ возможнымъ согласиться съ рѣшеніемъ большинства членовъ присутствія, то онъ пріостанавливаетъ исполненіе такого рѣшенія и представляетъ дѣло министру Внутреннихъ Дѣлъ.

Мы въ особенности подробно останавливаемся на участіи правительственной власти въ дѣлахъ общественнаго управленія, такъ какъ это участіе является существенною особенностью новаго Положенія. Опытъ Городоваго Положенія 1870 года показалъ, что слабое и неопредѣленное вмѣшательство правительственной власти повело лишь къ рѣшительному уклоненію городскихъ общественныхъ управленій отъ дѣйствительнаго пониманія органической своей общности со всѣмъ государственнымъ устройствомъ и государственнымъ механизмомъ, къ развитію какого-то особеннаго городскаго сепаратизма, причемъ начала государственной дисциплины, этой души всякаго учрежденія, отошли въ область какихъ-то очень отдаленныхъ преданій. Страницы нашей періодической печати всякихъ лагерей наполнены описаніями безразличія, вялости, почти совершенной косности городскихъ общественныхъ учрежденій, которыя какъ-то, въ концѣ-концовъ, стали выражаться въ лицѣ одного городскаго головы, который путемъ установившагося обычая могъ занять положеніе какого-то потентата неуязвимаго, неограниченной компетенціи. И это происходило въ центральныхъ, первенствующихъ мѣстахъ развитія городской жизни и центрахъ государственнаго управленія. Новое Городовое Положеніе, давая правительственной

власти дѣятельное участіе въ городскомъ общественномъ управленіи, будетъ всегда этимъ бодрящимъ началомъ, которое заставитъ, съ одной стороны, представителей самого городскаго общества, думу, дѣйствительно вѣдать свои дѣла, а исполнительные ея органы функціонировать въ строго опредѣленныхъ границахъ, гдѣ личное „я“ всецѣло замѣнится „закономъ“.

Исполнительный органъ думы составляетъ городская управа, состоящая изъ двухъ членовъ, избираемыхъ думой подъ предсѣдательствомъ городскаго головы. По постановленію думы число членовъ можетъ быть увеличено, въ болѣе значительныхъ городахъ до трехъ, въ городахъ съ населеніемъ свыше 100,000—до четырехъ, въ столицахъ—до 6; дальнѣйшее увеличеніе разрѣшается министромъ Внутреннихъ Дѣлъ; въ столицахъ, Одессѣ и Ригѣ непремѣннымъ членомъ управы состоитъ товарищъ головы.

Въ незначительныхъ городахъ обязанности управы могутъ быть возложены съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ единолично на голову съ назначеніемъ ему, по избранію думы, помощника.

Кромѣ такого постоянно дѣйствующаго исполнительнаго органа, думой по надобности могутъ избираться изъ среды своей исполнительныя коммиссіи подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ городской управы по назначенію ея присутствія.

Губернатору предоставляется производить ревизіи управъ и другихъ исполнительныхъ органовъ общественнаго управленія, а также всѣхъ подвѣдомственныхъ оному учрежденій Усмотрѣвъ при ревизіи, либо инымъ способомъ, неправильныя дѣйствія упомянутыхъ установленій или же освѣдомившись о такихъ дѣйствіяхъ изъ сообщеній и донесеній правительственныхъ, сословныхъ или земскихъ установленій, губернаторъ, по истребованіи отъ управы объясненія, предлагаетъ ей о возстановленіи нарушеннаго порядка. Управа, если встрѣтитъ затрудненіе въ исполненіи такого предложенія, представляетъ о семъ думѣ. Въ случаѣ согласія думы съ мнѣніемъ управы, дѣло представляется губернатору и передается имъ на разрѣшеніе мѣстнаго по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія.

Представителемъ городскаго общественнаго устройства остается городской голова въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, назначаемый Высочайшею властью, по представленію министра Внутреннихъ Дѣлъ. Столичнымъ думамъ предоставляется избирать для этого двухъ кандидатовъ изъ числа гласныхъ.

Должность головы въ прочихъ городскихъ поселеніяхъ, а равно должности товарища городскаго головы, членовъ управы, помощника головы и городскаго секретаря замѣщаются по выбору думы, которой предоставляется избирать и болѣе одного кандидата на каждую должность.

Въ эти должности, а также въ члены исполнительныхъ коммиссій, могутъ быть избираемы не только гласные, но и другія лица, имѣющія право голоса на городскихъ выборахъ.

Лица, избранныя въ товарищи столичныхъ городскихъ головъ, а равно въ должности городскихъ головъ, товарищей головы и заступающихъ его мѣсто въ городахъ губернскихъ, областныхъ и входящихъ въ составъ градоначальствъ, утверждаются въ должностяхъ министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а избранныя въ должности городскихъ головъ и заступающихъ ихъ мѣсто въ прочихъ городскихъ поселеніяхъ — губернаторомъ. Утвержденіе въ должностяхъ членовъ городскихъ управъ, помощниковъ городскихъ головъ и городскихъ секретарей предоставляется повсемѣстно губернатору.

Если министръ Внутреннихъ Дѣлъ или губернаторъ не найдетъ возможнымъ утвердить лицъ избранныхъ, и въ томъ случаѣ, когда выборы не состоялись, губернаторъ предлагаетъ думѣ произвести новые выборы, на коихъ лица, не удостоившіяся утвержденія, не могутъ быть подвергаемы вторичной баллотировкѣ. Если и эти послѣдніе выборы не состоятся или вновь избранныя лица не будутъ утверждены, то должности, остающіяся свободными, замѣщаются, въ случаѣ надобности, на выборный срокъ лицами, назначаемыми въ столицахъ, а равно въ городахъ губернскихъ, областныхъ и входящихъ въ составъ градоначальствъ, министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, а въ прочихъ городскихъ поселеніяхъ—губернаторомъ.

Голова, его товарищъ или помощникъ головы и члены управы считаются состоящими на государственной службѣ.

Увольненіе отъ службы головы, его товарища или помощника, членовъ управы и городскаго секретаря до истеченія выборнаго срока производится, по ихъ о томъ ходатайствамъ, властію, отъ которой зависитъ утвержденіе или назначеніе ихъ къ должностямъ. Городскіе головы увольняются въ отпуски губернаторомъ, а прочія должностныя лица городскаго общественнаго управленія—управами или замѣняющими ихъ лицами.

Срокъ службы головы, его товарища, помощника головы и

членовъ управы — четырехлѣтній. Срокъ служенія городскаго секретаря опредѣляется думой. Чрезъ каждые два года половина членовъ управы выбываетъ по очереди. На освобождающіяся должности могутъ быть вновь избираемы или назначаемы выбывшія изъ оныхъ лица.

Голова, его товарищъ или помощникъ, члены управы и городской секретарь, за преступленія и проступки по должности, подвергаются отвѣтственности въ порядкѣ дисциплинарнаго производства или по приговорамъ уголовнаго суда.

Дѣла объ отвѣтственности означенныхъ въ предшедшей статьѣ лицъ возбуждаются или постановленіями думы, или распоряженіемъ губернатора и, по предварительномъ истребованіи надлежащихъ отъ обвиняемыхъ объясненій, передаются губернаторомъ на обсужденіе мѣстнаго по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія. При разсмотрѣніи дѣлъ сего рода, въ составъ присутствія, въ мѣстностяхъ, гдѣ имѣется окружный судъ, входитъ съ правомъ голоса, взамѣнъ прокурора, предсѣдатель окружнаго суда. Причемъ могутъ быть подвергаемы замѣчаніямъ, выговорамъ безъ внесенія въ послужной списокъ и удаленію отъ должности.

Присутствію предоставляется подвергать замѣчаніямъ и выговорамъ безъ внесенія въ послужной списокъ городскихъ головъ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городскихъ поселеній, а равно членовъ городскихъ управъ и товарищей городскихъ головъ. Представленія присутствія объ удаленіи сихъ лицъ отъ должностей, а равно о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій на городскихъ головъ обѣихъ столицъ и городовъ губернскихъ, областныхъ, либо входящихъ въ составъ градоначальствъ, разрѣшаются постановленіями совѣта министра Внутреннихъ Дѣлъ, утвержденными Министромъ. Постановленія о наложеніи дисциплинарныхъ взысканій на столичныхъ головъ приводятся въ исполненіе не иначе, какъ съ Высочайшаго на то соизволенія.

Голова, его помощникъ и члены городской управы въ уѣздныхъ и безуѣздныхъ городскихъ поселеніяхъ, а также секретари думы во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ, предаются суду мѣстнымъ по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствіемъ. Голова, товарищъ головы и члены управы въ городахъ губернскихъ, областныхъ, либо входящихъ въ составъ градоначальствъ, а также товарищъ головы и члены управы въ столицахъ, передаются суду постановленіями совѣта министра Внут-

реннихъ Дѣлъ, съ утвержденія министра. Головы обѣихъ столицъ предаются суду по постановленіямъ перваго департамента Правительствующаго Сената.

Дѣла объ отвѣтственности подчиненныхъ управѣ должностныхъ лицъ и, въ томъ числѣ, служащихъ по найму, за преступленія по службѣ, возбуждаются предложеніями губернатора или представленіями думы и управы. Лица эти предаются суду за преступленія по должности мѣстнымъ по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствіемъ и подлежатъ отвѣтственности на одинаковыхъ основаніяхъ съ лицами, состоящими на государственной службѣ.

Въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ, въ которыхъ примѣненіе правилъ городоваго положенія признано будетъ невозможнымъ по недостаточности средствъ и мѣстныхъ условій жизни населенія и торговли и промысловъ, будетъ введено упрощенное городовое положеніе, гдѣ дума замѣняется собраніемъ городскихъ уполномоченныхъ въ числѣ отъ 12 до 15 лицъ, по опредѣленію губернатора, которые избираются сходомъ мѣстныхъ домохозяевъ, владѣющихъ недвижимымъ имуществомъ цѣнностью не менѣе ста рублей. Собраніе городскихъ уполномоченныхъ всецѣло замѣнитъ думу и избираетъ изъ своей среды городскаго старосту съ однимъ или, съ разрѣшенія губернатора, двумя къ нему помощниками; городской староста осуществитъ обязанности городскихъ головъ, осуществитъ функціи городскихъ управъ. Срокъ служенія городскихъ старостъ и ихъ помощниковъ—четырехлѣтній. Таковы въ главныхъ чертахъ основанія новаго городоваго положенія. Мы особенно подробно остановились на изложеніи его содержанія, имѣя въ видѣ его громадную общественную важность. Въ будущемъ мы надѣемся ознакомить читателей съ нашими упованіями на новое городовое положеніе.

Вотъ точный перечень тѣхъ странъ, съ которыми заключена всемірная почтовая конвенція, постановленіе которой вступило въ дѣйствіе съ 19 іюня сего года, а именно: между Россіей, Германіей и находящимися подъ ея покровительствомъ странами, Соединенными Штатами Америки, Аргентинскою республикой, Австро-Венгріей, Бельгіей, Боливіей, Бразиліей, Болгаріей, Чили, республикой Колумбія, независимымъ государствомъ Конго, республикой Коста-Рика, Даніей и ея датскими колоніями,

Доминиканскою республикой, Египтомъ, Эквадоромъ, Испаніей и испанскими колоніями, Франціей и французскими колоніями, Великобританіей и разными британскими колоніями, британскими колоніями въ Австраліи, Канадой, Британскою Индіей, Греціей, Гватемалой, республикой Гаити, Гавайскимъ королевствомъ, республикой Гондурасъ, Италіей, Японіей, Либерійскою республикой, Люксембургомъ, Мексикой, Черногоріей, Никарагуа, Норвегіей, Парагваемъ, Нидерландами и нидерландскими колоніями, Перу, Персіей, Португаліей и португальскими колоніями, Румыніей, Сальвадоромъ, Сербіей, Сіамскимъ королевствомъ, Южно-Африканскою республикой, Швеціей, Швейцаріей, Тунисскимъ регентствомъ, Турціей, Уругваемъ и Соединенными Штатами Венецуэлы.

Согласно дополнительному протоколу, къ означенной конвенціи впослѣдствіи могутъ примкнуть всѣ тѣ страны, которыя пока не участвовали въ настоящемъ соглашеніи.

Страны, входящія въ составъ всемірнаго почтоваго союза, такимъ образомъ, образуютъ одну почтовую территорію для взаимнаго обмѣна между почтовыми учрежденіями этихъ странъ корреспонденціи закрытыми письмами, открытыми единичными и съ оплаченнымъ отвѣтомъ, простыми и рекомендованными (заказными), печатными произведеніями всякаго рода, дѣловыми бумагами и образчиками товаровъ, пакетами съ объявленною цѣнностью вложеннымъ въ оные цѣннымъ бумагамъ и ящиками съ объявленною цѣнностью ювелирнымъ въ нихъ издѣліямъ и драгоцѣннымъ вещамъ, съ застрахованіемъ объявленной суммы вѣсомъ въ 1 килограммъ для каждаго ящика. Пакеты и ящики могутъ быть отправляемы съ наложеннымъ платежомъ на сумму не свыше 500 франк., причемъ рекомендованная корреспонденція можетъ быть отправляема съ наложеннымъ платежомъ не свыше 500 франковъ въ сношеніяхъ со странами, которыя согласились принять обмѣнъ такой корреспонденціи, что̀ однако для насъ въ Россіи составляетъ совершенное нововведеніе, какъ равнымъ образомъ отправленія обозначаемыя „esprès“, что́ значитъ съ нарочнымъ и доставляются немедленно на домъ. Каждое почтовое управленіе оставляетъ въ свою пользу полностью всѣ платежи, за исключеніемъ вознагражденія за почтовые трансферты, въ извѣстныхъ случаяхъ платы за транзитъ, страховой преміи, вѣсоваго сбора и пошлины. Органомъ всемірнаго почтоваго союза является центральное учрежденіе подъ названіемъ международнаго бюро всемірнаго почто-

ваго союза, которое дѣйствуетъ подъ высшимъ надзоромъ швейцарскаго почтоваго управленія и издержки на содержаніе коего распредѣляются между всѣми союзными почтовыми управленіями.

На обязанности этого бюро лежитъ собраніе, разработка, публикація и разсылка всякаго рода свѣдѣній, до международнаго почтоваго дѣла касающихся; изложеніе своего мнѣнія по тѣмъ спорнымъ вопросамъ, по которымъ спорящія стороны къ нему обратятся; разсмотрѣніе предположеній объ измѣненіи актовъ конгресса, сообщеніе принятыхъ измѣненій и вообще производство изслѣдованій и работъ, которыя будутъ ему поручены въ интересахъ почтоваго союза.

Въ случаѣ разногласія между двумя или нѣсколькими членами союза относительно толкованія конвенціи или отвѣтственности какого-либо почтоваго управленія, въ случаѣ утраты рекомендованнаго отправленія, спорный вопросъ разрѣшается третейскимъ судомъ. Для этого каждое изъ почтовыхъ управленій, причастныхъ къ спорному дѣлу, выбираетъ другаго члена союза, непричастнаго непосредственно къ дѣлу.

Таковы въ общихъ чертахъ основанія новой всемірной почтовой конвенціи, многія нововведенія которой будутъ имѣть серьезное вліяніе на частную жизнь людей. Какъ примѣръ, можно указать на доставленіе ящиковъ съ наложенными цѣнностями: теперь можно, скажемъ, выписать довольно цѣнную вещь (стоимостью около 200 руб. по курсу), которая и будетъ доставлена на мѣсто почтой изъ Парижа, Лондона, Нью-Іорка, причемъ всѣ накладные расходы, въ видѣ прибылей коммиссіонеровъ и посредниковъ —расходы крупные—останутся въ карманѣ покупщика.

* * *

Разрѣшеніе акціонерному обществу подъ названіемъ „Еврейская колонизаціонная ассоціація“ открыть на основаніи точныхъ правилъ свою дѣятельность въ Россіи должно быть искренно привѣтствуемо всякимъ, кому дорого разрѣшеніе еврейскаго вопроса законнымъ и мирнымъ путемъ. Израильскій народъ и судьба его, послѣ того, что̀ исторически имъ достигнуто для своего существованія въ Европѣ, заслуживаетъ серьезнаго государственнаго вниманія въ связи съ вопросомъ о сознанномъ государственномъ его вредѣ. Вредъ этотъ не устранится и не исчезнетъ отъ одного строгаго примѣненія закона о чертѣ еврейской осѣдлости; онъ по закону роковой необходимости приспособленія отыщетъ

себѣ другія формы, которыя и будутъ опять неуловимы, и пока будутъ сознаны, успѣютъ надѣлать столько зла, что не придумать ему компенсаціи, тѣмъ болѣе, что это зло будетъ имѣть въ основѣ своей злое начало отместки. Съ другой стороны, сознанный государственный вредъ еврейской народности вынуждаетъ государство къ дѣятельному воздѣйствію. И тутъ-то совершенное выселеніе напупорнѣйшихъ носителей еврейской идеи является лучшимъ естественнымъ разрѣшеніемъ положенія. Останутся лишь тѣ кто рѣшится подчиниться исключительнымъ о себѣ законамъ, да та часть еврейской народности, которая въ этомъ справедливо увидитъ жатву ими посѣяннаго и сознательно пойдетъ по пути исправленія. Еврейскій вопросъ въ Россіи, кромѣ частнаго своего значенія, имѣетъ еще значеніе общее. Вредъ еврейской народности, разъ сознанный, долженъ обратить вниманіе законодательной власти на искорененіе изъ жизни и нравовъ русскихъ людей тѣхъ чертъ ростовщичества и началъ дозволенности всего для личнаго своего блага, что̀ мы такъ справедливо порицаемъ въ еврейской народности.

Акціонерному обществу „Еврейская колонизаціонная ассоціація“ разрѣшено учреждать въ Россіи комитеты съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, имѣющіе своимъ назначеніемъ способствовать переселенію русскихъ Евреевъ въ другія страны, причемъ въ С.-Петербургѣ учреждается центральный комитетъ въ вѣдѣніи и подъ наблюденіемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ по Департаменту Полиціи изъ 7—11 членовъ, назначаемыхъ съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ—предсѣдателемъ общества. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ во всякое время можетъ потребовать увольненія членовъ комитета, дѣятельность которыхъ будетъ не соотвѣтствовать видамъ правительства; рѣшенія центральнаго комитета приводятся въ исполненіе только съ разрѣшенія министра Внутреннихъ Дѣлъ, которому онъ представляетъ ежегодно подробный отчетъ о своей дѣятельности. Центральному комитету разрѣшается на осуществленіе цѣлей своихъ принимать пожертвованія какъ деньгами, такъ и цѣнными бумагами. Евреи могутъ быть обществомъ переселяемы: а) цѣлыми семьями, причемъ семьей считается: отецъ, мать, неженатые сыновья и незамужнія дочери всѣхъ возрастовъ, и б) одиночками (неимѣющіе ни отца, ни матери) обоего пола и всякаго возраста. Причемъ Евреямъ выѣзжающимъ изъ Россіи выдаются мѣстными

губернаторами безплатныя выходныя свидѣтельства, и они затѣмъ признаются покинувшими навсегда предѣлы Россіи.

Переселяющіеся Евреи освобождаются отъ воинской и иныхъ повинностей и исключаются своевременно изъ призывныхъ списковъ, что̀ не предоставляетъ ихъ родственникамъ остающимся въ Россіи никакихъ льготъ по семейному положенію при отбываніи воинской повинности.

Мѣстные комитеты и уполномоченные должны отправлять выселяющихся за границу въ теченіе не болѣе одного мѣсяца со времени полученія свидѣтельствъ. Правительство потребовало отъ общества залогъ во 100.000 рублей, изъ которыхъ министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставляется возмѣщать расходы по возвращенію и водворенію въ Россію на счетъ правительства тѣхъ выселившихся при посредствѣ общества снабженныхъ выходными свидѣтельствами Евреевъ, которые не будутъ пропущены смежными государствами, и тѣхъ, кои будутъ высылаемы изъ страны новаго ихъ водворенія, въ качествѣ лицъ, не пріобрѣтшихъ подданства той страны. Израсходованная изъ означенныхъ 100.000 рублей сумма должна быть пополнена обществомъ по требованію министра Внутреннихъ Дѣлъ, когда свободныхъ остатковъ окажется не болѣе 25.000 рублей. Причитающіеся съ упомянутаго капитала проценты составляютъ собственность общества. Дѣйствія еврейскаго колонизаціоннаго общества прекращаются, если въ теченіе двухъ лѣтъ со времени разрѣшенія дѣятельности названнаго общества въ Россіи означенное предпріятіе не получитъ развитія, и, сверхъ того, предоставляется министру Внутреннихъ Дѣлъ прекратить, если онъ признаетъ нужнымъ, дѣйствія общества въ Россіи въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) если смежныя государства воспротивятся пропуску переселяющихся, при посредствѣ общества, Евреевъ черезъ свои владѣнія; 2) если означенные Евреи будутъ возвращаться обратно въ качествѣ лицъ, не пріобрѣтшихъ иностраннаго подданства, и 3) если израсходованныя изъ означенной выше суммы залога во 100.000 рублей деньги не будутъ пополнены по требованію министра Внутреннихъ Дѣлъ. Мы надѣемся, что комитетъ будетъ знакомить русское общество съ результатами и пріемами своей дѣятельности въ Россіи.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Что можно теперь, въ концѣ іюля, сказать положительнаго о предстоящемъ урожаѣ?—Какъ предполагается въ будущемъ собирать свѣдѣнія объ урожаѣ?—Безакцизное отчисленіе за вывозимый спиртъ. — Продолжающееся обновленіе вѣдомства путей сообщенія.—Продовольственный вопросъ и хлѣбные запасные магазины.—Циркуляръ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ о возвратѣ ссудъ 1891 г. хлѣбомъ пудъ за пудъ.—Значеніе общественныхъ работъ и отношеніе къ нимъ земствъ.—Чингиль, какъ средство борьбы противъ песковъ.—Исчезновеніе лѣсовъ и «Берлинская лѣсная контора» въ Россіи. — Желательность выселенія Евреевъ.—Возвратъ пошлинъ на хлопокъ при вывозѣ издѣлій изъ него за границу.—Нижегородская ярмарка. — Экспедиція въ Сербію. — Складъ русскихъ товаровъ въ Букурештѣ.—Еврейская колонизаціонная ассоціація.

Что можно сказать теперь, то-есть въ концѣ іюля, положительнаго объ ожидаемомъ урожаѣ?

Въ настоящемъ году департаментъ земледѣлія и сельской промышленности обратился къ хозяевамъ-корреспондентамъ съ просьбой сообщить въ срединѣ іюля ожидаемый сборъ главнѣйшихъ хлѣбовъ въ процентномъ отношеніи къ среднему, принимая послѣдній за 100. Отвѣтъ былъ полученъ отъ 2.900 корреспондентовъ, и на основаніи этихъ свѣдѣній департаменту явилась возможность опредѣлить приблизительно сборъ ржи и озимой пшеницы въ Европейской Россіи, не считая Царства Польскаго и Кавказа. Количество ожидаемой ржи, по этимъ вычисленіямъ, опредѣляется во 112.000.000 четвертей (средній урожай ржи считается 118.000.000 четв.). Дѣлая такое опредѣленіе урожая, департаментъ оговариваетъ, что оно можетъ и не совпасть съ дѣйствительнымъ урожаемъ, и если окажется ошибка, не превы-

шающая 5—10%, то это опредѣленіе надо считать совершенно удовлетворительнымъ, такъ какъ въ странахъ, гдѣ статистическія учрежденія значительно совершеннѣе нашихъ, какъ напримѣръ, Германія, и тамъ предварительныя опредѣленія сбора очень часто разнятся отъ окончательныхъ на 20—30%, а иной разъ даже на 40—50%.

Плохой урожай ржи, по свѣдѣнію департамента, ожидается въ губерніяхъ Полтавской, Бессарабской, Херсонской, Астраханской, а неудовлетворительный—въ Курской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской и Подольской. Очень же хорошій урожай ржи оказался въ областяхъ Уральской и Оренбургской.

Урожай яровыхъ хлѣбовъ пока еще не выясненъ въ виду ихъ разнообразія. Можно однако надѣяться, что, судя частію по состоянію ихъ въ данный моментъ (15 іюля), частію по умолотамъ, сборъ пшеницы и кукурузы превыситъ значительно средній, сборы же овса и ячменя, по всей вѣроятности, будутъ около среднихъ. Объ остальныхъ же сказать ничего положительнаго пока нельзя.

Вообще же можно съ увѣренностью сказать, что въ итогѣ для Европейской Россіи какъ ржи, такъ и другихъ хлѣбовъ урожая 1892 г. не только будетъ вполнѣ достаточно на потребности нашего отечества до будущаго урожая, но что по всѣмъ хлѣбамъ должны получиться избытки.

Какъ слѣдствіе такого положенія дѣла, 4 іюля состоялся Высочайшій указъ о возстановленіи безакцизнаго отчисленія за вывозимый за границу спиртъ, установленнаго закономъ 27 мая 1891 года. Мѣра эта принята въ минувшемъ году какъ средство уменьшить переработку хлѣба въ спиртъ.

Такимъ образомъ, слѣдовательно, надо радоваться, что страдная пора миновала, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя и „почивать на лаврахъ“.

Памятуя недавнее прошлое, надо напрягать всѣ силы къ тому, чтобы въ грядущемъ избѣжать возможнаго повторенія 1891 года.

Коммиссія по вопросу объ улучшеніи способовъ собиранія свѣдѣній объ урожаѣ, имѣя въ виду необходимость имѣть во всякое время возможно точныя свѣдѣнія о видахъ на урожай, недавно постановила, чтобы письменныя сообщенія въ министерство о произрастаніи хлѣбовъ, о вліяніи на растительность атмосферныхъ явленій, вредныхъ насѣкомыхъ, паразитовъ и животныхъ, и вообще о выяснившихся видахъ на предстоящій урожай, доставлялись шесть разъ въ годъ. Сроки доставленія этихъ пред-

варительныхъ свѣдѣній должны быть различны по полосамъ и принаровлены къ наиболѣе важнымъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи моментамъ, а именно: 1) къ выходу посѣвовъ изъ-подъ снѣга, 2) цвѣтенію хлѣбовъ, 3) наливу зерна, 4) уборкѣ, 5) къ 1 декабря—какъ взошли озими, 6) къ 1 февраля—о снѣжномъ покровѣ. Предварительныя свѣдѣнія и свѣдѣнія о видахъ на урожай въ іюлѣ и августѣ сообщаются въ долевыхъ отношеніяхъ къ среднему урожаю четыре раза въ годъ: 20 мая, 10 іюня, 1 іюля и 1 августа. Окончательныя же свѣдѣнія должны доставляться: объ озимыхъ посѣвахъ, яровыхъ и о результатахъ урожая, причемъ обращается вниманіе на продовольствіе мѣстнаго населенія. Всѣ эти свѣдѣнія должны сообщаться по однообразнымъ вѣдомостямъ.

Такимъ образомъ, само собою разумѣется, не могутъ явиться недоразумѣнія, подобныя тѣмъ, какія являлись въ 1891 г. при разрѣшеніи вопросовъ объ урожаѣ, наличности запасовъ и запрещеніи вывоза хлѣбовъ, но не надо забывать мудрой англійской пословицы not measures but men, смыслъ которой таковъ, что дѣло большею частію заключается не въ способахъ и средствахъ, а въ людяхъ, то-есть исполнителяхъ. Судя по даннымъ *Вѣстника Финансовъ* въ текущемъ іюлѣ почти никто изъ 2.900 корреспондентовъ не высказался о состояніи яровыхъ, затрудняясь, повидимому, опредѣленіемъ % отношенія къ среднему. Можно ли быть увѣреннымъ, что и въ будущемъ корреспонденты, при всей искренности желанія быть точными, будутъ въ состояніи выполнить возлагаемыя на нихъ задачи? Дай Богъ, конечно, чтобъ эти сомнѣнія разсѣялись возможно скорѣе.

Въ нашемъ обширнѣйшемъ отечествѣ, гдѣ, какъ говорится, солнце не заходитъ, стыдно бы было даже говорить о голодѣ, какъ отечественномъ бѣдствіи. Но бѣда наша не въ недостаткѣ хлѣба, а въ нашихъ путяхъ сообщенія. Кому не памятны прошлогоднія „мытарства“ хлѣба по желѣзно-дорожнымъ станціямъ. Какія препятствія дѣланы были нашими „путейцами“ полковнику Вендриху, человѣку пользовавшемуся особенными обширными полномочіями и вся дѣятельность котораго направлена была только къ тому, чтобы дать кусокъ хлѣба голодному? Слава Богу, эта страшная пора миновала и новый давно желанный поворотъ къ лучшему насталъ и въ этой области. Приказъ г. управляющаго Министерствомъ Путей Сообщенія, отъ 16 текущаго іюля, какъ бы знаменуетъ собою его начало: „Весной этого года“, говорится въ

этомъ приказѣ, „я потребовалъ отъ инспектора и управляющаго Балтійской желѣзной дороги, чтобы путь между Петербургомъ, Петергофомъ и Краснымъ Селомъ былъ приведенъ къ лѣту въ образцовое состояніе. Мѣсяца полтора тому назадъ я осматривалъ этотъ путь, причемъ лично указывалъ на нѣкоторыя неисправности, хотя не угрожающія опасностью движенію, но вліяющія на спокойный ходъ подвижнаго состава. Не желая прибѣгать тогда же къ мѣрамъ взысканія за неточное исполненіе даннаго мною весной приказанія, я ограничился просьбой, чтобы въ теченіе мѣсячнаго срока путь былъ вполнѣ исправленъ, и предупреждалъ, что я, лично или черезъ посредство моихъ ближайшихъ сотрудниковъ, по истеченіи этого срока вновь подвергну путь подробному осмотру.

„12 сего іюля, по моему распоряженію, исправляющій должность директора департамента желѣзныхъ дорогъ вторично объѣхалъ сказанный участокъ на дрезинѣ, причемъ обнаружилъ въ немъ рядъ неисправностей по содержанію пути.

„За такое отношеніе къ моимъ указаніямъ инспекторъ и начальство дороги подлежали бы увольненію отъ службы. Но, принимая во вниманіе, что: 1) управляющій Балтійской желѣзной дороги до послѣдняго времени имѣлъ мѣстопребываніе въ Ревелѣ, а потому былъ лишенъ возможности обратить особое вниманіе на содержаніе пути ближайшаго къ Петербургу участка, и 2) что въ послѣднее время на этой дорогѣ не была замѣщена должность начальника службы пути, — я на этотъ разъ ограничиваюсь объявленіемъ замѣчанія инспектору дороги, дѣйствительному статскому совѣтнику инженеру Бенземану и управляющему дорогой, коллежскому ассессору, инженеру Цейзиху.

„Затѣмъ, убѣдившись въ слабости и отсутствіи достаточной опытности въ ближайшемъ начальствѣ пути, предлагаю правленію Общества немедленно представить мнѣ на утвержденіе нѣсколькихъ кандидатовъ на должность начальника службы ремонта пути и начальника петербургской дистанціи изъ вполнѣ опытныхъ инженеровъ. При этомъ предваряю правленіе Общества, что если въ теченіе десяти дней сказанные кандидаты не будутъ мнѣ представлены, то я назначу на эти должности инженеровъ по моему избранію, съ производствомъ имъ содержанія въ опредѣленномъ мною размѣрѣ за счетъ Общества.“

Этотъ приказъ такъ поучителенъ и ясенъ, что онъ не требуетъ никакихъ поясненій.

Нѣтъ сомнѣнія, что инженеры Бенземанъ и Цейзихъ по-русски читать умѣютъ и имѣли возможность въ свое время узнать о всемилостивѣйшемъ прощеніи всѣхъ виновниковъ страшной катастрофы 19 октября 1889 года... Но этимъ господамъ нѣтъ, повидимому, дѣла ни до чего, кромѣ своего собственнаго благополучія.

Но, кажется, не далека та пора, что „путейскія" теплыя мѣста перестанутъ быть „синекурами". Всѣ послѣднія мѣропріятія г. министра Путей Сообщенія клонятся къ тому, чтобы водворить въ этой важнѣйшей области государственнаго хозяйства вмѣстѣ съ надлежащимъ порядкомъ строгую законность и отвѣтственность за всякія упущенія и проступки. Да и можетъ ли быть это иначе, если какая-нибудь небрежно завинченная гайка можетъ погубить сотни душъ человѣческихъ!?

Только черствыя души путейцевъ остаются глухими къ событію 19 октября и продолжаютъ втихомолку ожидать перемѣны обстоятельствъ въ ихъ пользу. Но русскіе люди думаютъ. что Богъ не попуститъ—свинья не съѣстъ.

Устроятся наши пути, и „продовольственный вопросъ" не будетъ такъ неясенъ, запутанъ, какимъ онъ понынѣ представляется.

А покуда наши пути достигнутъ нужной высоты, хлѣбные запасные магазины должны бы быть гдѣ возведены, гдѣ поправлены и хлѣбомъ наполнены. Это покуда простѣйшее и наисгоднѣйшее средство спасенія противъ возможныхъ помѣстыхъ голодухъ.

Но легко ли это будетъ сдѣлать послѣ столь тяжелаго года, разорившаго милліоны семействъ? Вѣдь кромѣ уплаты недоимокъ прежнихъ лѣтъ, недоимокъ и долговъ по ссудамъ за минувшій годъ, уплаты текущихъ податей, крестьянину надо пуститься на покупку скота и предметовъ необходимѣйшаго домашняго обихода, прожитаго въ голодный годъ. Гдѣ же ему думать или принуждать его къ запасамъ?

Отрадно, что циркуляръ г. министра Внутреннихъ Дѣлъ, отъ 26 іюля, о возвратѣ ссудъ, дышетъ такимъ отеческимъ попеченіемъ о нуждахъ населенія. Въ немъ г. министръ признаетъ, что *требованіе возврата ссудъ по заготовительной стоимости хлѣба легло бы тяжелымъ налогомъ на населеніе, которое, въ случаѣ пониженія хлѣбныхъ цѣнъ, могло бы оказаться въ необходимости, для уплаты стоимости каждаго полученнаго въ ссуду пуда хлѣба, продавать вдвое и втрое большее количество*

собственнаго хлѣба. Таковыя условія, несомнѣнно, привели бы крестьянское хозяйство къ еще большему оскудѣнію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, причинили бы значительное накопленіе недоимокъ какъ по продовольственному, такъ и по инымъ платежамъ, лежащимъ на крестьянахъ.

Во избѣжаніе сихъ вредныхъ для народнаго благосостоянія послѣдствій и въ виду необходимости отнестись особенно бережно къ экономическому положенію населенія, пережившаго исключительно тяжелый годъ, я остановился на предположеніи допустить въ нынѣшнемъ году, въ видѣ опыта, возвратъ посильной населенію части, выданной по неурожаю 1891 г. продовольственныхъ и сѣменныхъ ссудъ натурой, по разсчету пудъ за пудъ выданнаго хлѣба.

Можно надѣяться, что этотъ опытъ дастъ благіе результаты: быть-можетъ, онъ покажетъ, что этотъ способъ взиманія податей послужитъ на общую пользу, избавивъ, съ одной стороны, крестьянина отъ необходимости продавать и запродавать свой хлѣбъ спекулянту по самымъ низкимъ цѣнамъ, а, съ другой стороны, дастъ правительству возможность употребить его надлежащимъ образомъ на разныя потребы государственнаго хозяйства и избавитъ его такимъ образомъ отъ неизбѣжныхъ теперь поставщиковъ, въ родѣ тѣхъ, которые спасали въ минувшемъ году С.-Петербургъ отъ непомѣрнаго вздорожанія цѣнъ на хлѣбъ.

Усилія и заботы правительства объ облегченіи тяжелаго положенія населенія не ограничиваются только мѣрами, такъ сказать, паліативными; общественныя работы производимыя на средства государственнаго казначейства могутъ имѣть въ большинствѣ случаевъ громаднѣйшее значеніе, и это въ особенности въ полосѣ черноземной, которая, по мнѣнію профессора В. В. Докучаева, *несомнѣнно подвергается, хотя и очень медленному, но упорному и неуклонно-прогрессирующему изсушенію.* По его словамъ, въ степной полосѣ замѣчается *усиленное испареніе степныхъ водъ и, вѣроятно, увеличеніе ночнаго охлажденія степи; уменьшеніе количества почвенной влаги и пониженіе уровня грунтовыхъ водъ, чрезвычайное усиленіе водополей въ открытой степи и рѣкахъ вмѣстѣ съ сокращеніемъ ихъ продолжительности и уменьшеніемъ количества лѣтняго запаса водъ, какъ въ рѣкахъ, такъ и на степныхъ водохранилищахъ.* И какъ слѣдствіе отсюда происходитъ *изсякновеніе и уничтоженіе однихъ источниковъ и заплываніе другихъ; энергическій, все болѣе и болѣе*

увеличивающійся смывъ плодородныхъ земель со степи и загроможденіе рѣчныхъ руслъ, озеръ и всякаго рода западинъ пескомъ и иными грубыми осадками; наконецъ, усиленіе вреднаго дѣйствія восточныхъ и юго-восточныхъ вѣтровъ, знойныхъ, изсушающихъ растительность и источники лѣтомъ, и холодныхъ, нерѣдко губящихъ плодовыя деревья и посѣвы зимой и раннею весной.

Если Мервцы умѣютъ столько вѣковъ бороться съ песками и изсушающими вѣтрами, если Голландцы противустоятъ напору моря, то будемъ надѣяться, что и мы не опоздали еще и не будемъ считать себя побѣжденными.

Въ настоящее время профессоръ Докучаевъ стоитъ во главѣ экспедиціи посланной Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ губерніи Харьковскую, Екатеринославскую и Воронежскую для всесторонняго изслѣдованія овраговъ, балокъ и т. п. возможныхъ вмѣстилищъ для вешнихъ водъ, а затѣмъ предполагается произвести по изслѣдованнымъ мѣстамъ и подъ его же руководствомъ различныя запруды, закрѣпленія, облѣсенія и т. п. работы съ цѣлью упорядочить дѣло орошенія степныхъ мѣстъ.

Удѣльное вѣдомство еще въ прошломъ году предприняло подобныя же работы въ Самарской губерніи.

Такимъ образомъ, правительство наше напрягало и напрягаетъ всѣ усилія, чтобъ облегчить трудное положеніе населенія, вызванное то цѣлымъ рядомъ неурожаевъ, то разными эпидеміями, поражающими большею частью неурожайныя мѣста, но вѣдь не можетъ же оно сдѣлать все необходимое въ борьбѣ съ засухами, песками, обезлѣсеніемъ... Должно бы помогать этому благому начинанію все населеніе: крестьянскія общества, землевладѣльцы, монастыри, имѣющіе мѣстами значительныя пространства земли.

Но отдѣльнымъ крестьянскимъ общинамъ подобныя работы не подъ силу, отдѣльнымъ землевладѣльцамъ еще менѣе, такъ какъ кругъ воздѣйствія какого-нибудь пруда или плотины большею частью не ограничивается однимъ хозяйствомъ, и гдѣ же найти такихъ великодушныхъ людей, которые бы работали задаромъ для сосѣдей. Тутъ должны бы дѣйствовать именно земскія управы, соглашая крестьянъ и прочихъ землевладѣльцевъ къ предпринятію общеполезныхъ работъ въ дѣлѣ орошенія, хотя бы, напримѣръ, устройство плотинъ, гатей, лѣсныхъ насажденій и проч. Но земскія управы стараго состава, да не обидятся онѣ на насъ, за

рѣдкими исключеніями, такъ зарекомендовали себя, что скоро ждать отъ нихъ чего-либо добраго можно ли?

Обезводненіе, обезлѣсеніе, пески — три близкіе родственника по нисходящей линіи — три страшные врага, съ которыми нашему поколѣнію надлежитъ бороться денно и нощно. Въ послѣднее время обращено вниманіе на среднеазіятское растеніе „чингиль“. Полагаютъ, что оно представляетъ всѣ необходимыя качества для борьбы съ младшимъ потомкомъ обезводненія — пескомъ. Въ видѣ опыта предполагается его посѣять въ настоящую осень на сыпучихъ пескахъ Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи: „Полезное дѣйствіе этого растенія въ дѣлѣ скрѣпленія песковъ наблюдалось, по словамъ *Крымскаго Вѣстника*, въ сыпучихъ пескахъ Семипалатинской области, въ Голодной степи и на песчаныхъ берегахъ Сыръ-Дарьи, въ Туркестанѣ. Разведеніе „чингиля“ особенно пригодно для изгородей, потому что растеніе это даетъ непроницаемую живую ограду для защищаемаго имъ пространства. На почвахъ сыпуче-песчаныхъ, мало плодородныхъ и совершенно безплодныхъ, чингиль хорошо противодѣйствуетъ засухѣ, почти не давая подъ землей боковыхъ отпрысковъ и, слѣдовательно, не засоряя ограждаемыхъ площадей. Кромѣ того, чингиль является превосходнымъ средствомъ противъ передвиженія подвижныхъ песковъ, а также является прекрасною оградой отъ животныхъ, при условіи посадки его отъ шести до десяти рядовъ на полосѣ въ сажень шириной, то-есть въ разстояніи отъ полутора до трехъ четвертей аршина рядъ отъ ряда. Чтобы пользоваться посадкой чингиля въ видѣ ограды, необходимо по обѣ стороны насажденія выкопать узкія, въ полтора - два аршина глубиной, канавы; еще лучше канавы эти до нѣкоторой высоты засыпать пескомъ: тогда чингиль будетъ вполнѣ удовлетворять требованіямъ защитной живой изгороди, не засоряя собою обрабатываемой площади. Высѣвать сѣмена чингиля нужно осенью.“

Если эти опыты удадутся, то будутъ имѣть несомнѣнное значеніе для нашего сельскаго и лѣснаго хозяйства, въ особенности для послѣдняго, такъ какъ, укрѣпивъ песокъ сѣтью насажденій чингиля, можно будитъ разводить разныя древесныя породы, молодяжникъ коихъ обыкновенно погибаетъ отъ наносныхъ песковъ.

Лѣса наши исчезаютъ въ невѣроятномъ количествѣ и съ невѣроятною быстротой. По свѣдѣніямъ, собраннымъ во время

генеральнаго межеванія, производившагося съ 1770 по 1843 годъ, считалось подъ лѣсомъ 179.701.000 десятинъ, а по свѣдѣніямъ собраннымъ въ 1888 году, лѣсная площадь означенной части Россіи оказалась только во 156.426.000 десятинъ. Стало-быть въ сорокъ пять лѣтъ истреблено 23.281.000 десятинъ лѣсной площади. По количеству и качеству древесной массы лѣса истребляются еще сильнѣе, чѣмъ по занимаемому ими пространству: въ настоящее время, даже въ странахъ сравнительно еще богатыхъ лѣсомъ, уже съ трудомъ добываютъ на столбы и балки такія крупныя и доброкачественныя деревья, изъ какихъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ строили цѣлые дома.“ *(Русская Жизнь,* статья г. Анненкова).

И кто же сохранитъ наши дѣвственные лѣса отъ руки хищника? Кто водворитъ законность, порядокъ, положитъ разумныя начала хозяйствованія въ наши исчезающіе лѣса? Не смущайтесь, сохранитъ ихъ нѣмецкое акціонерное общество „Берлинская лѣсная контора“, коему разрѣшено дѣйствовать въ Россіи и представителемъ которой для Россіи является коллежскій совѣтникъ Семенъ Епафродитовичъ Анненковъ. Правда, что по уставу общество обязуется, чтобы всѣ рабочіе безъ исключенія были Русскіе, и что иностранные техники будутъ назначаться не иначе какъ съ разрѣшенія мѣстной администраціи, и что общество обязалось соблюдать законъ 8 апрѣля 1888 года о сбереженіи лѣсовъ. Но все-таки же странно, неужели же непремѣнно надо зачѣмъ-то взирать на Берлинъ и оттуда ждать спасенія нашихъ лѣсовъ?

Вѣдь мы знаемъ, какіе капиталисты являются къ намъ изъ-за границы; разница между ними и нашими бердичевцами та, что послѣдніе грязны и съ пейсами, а тѣ изящны и причесаны по модѣ.

Подъ покровомъ франко-русскихъ симпатій, сколько псевдо-Французовъ проникаетъ въ наше отечество и сколько плевелъ разсѣютъ они по немъ! Не парализовали бы они своимъ нашествіемъ дѣятельность комитетовъ по выселенію нашихъ Евреевъ въ другія страны?

Еврей страшенъ для насъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ. Еврей не знаетъ своего отечества, онъ космополитъ, богъ его—золотой кружокъ, этотъ всемірный знакъ матеріальнаго блага; его вѣрованія, изложенныя въ Талмудѣ, настолько разнятся отъ началъ христіанскихъ, что

сожительство Еврея съ христіаниномъ растлѣваетъ послѣдняго въ нравственномъ отношеніи и разрушаетъ его матеріально.

Опытъ почти 2000-лѣтній, кажется, достаточно доказалъ эту истину. И какъ можетъ поручиться г. Анненковъ, что при его посредствѣ лѣса наши не окажутся собственностью Евреевъ? Какъ будто мало имѣется въ этомъ смыслѣ примѣровъ!!

Выселеніе Евревъ изъ нашего отечества есть величайшее благо для всего населенія. Конечно, пострадавшихъ отъ этой мѣры найдется не мало, какъ въ средѣ Евреевъ, такъ и въ средѣ Русскихъ, но иначе и быть не можетъ. Надо лишь стремиться къ тому, чтобы выселеніе совершилось возможно спокойнѣе, постепеннѣе. Поспѣшность можетъ разорить коренныхъ русскихъ людей, имѣющихъ дѣла съ Евреями, не по какимъ-либо особеннымъ къ нимъ влеченіямъ, а потому лишь, что за послѣднія двадцать пять лѣтъ на Еврея пріучили насъ смотрѣть, какъ на всякаго инородца, пользующагося съ кореннымъ населеніемъ совершенно равными правами, если иной разъ не бóльшими. Постепенность въ этомъ дѣлѣ дастъ возможность ликвидировать дѣла безъ особенныхъ убытковъ, а если они и будутъ, такъ надо утѣшаться, что нѣтъ „худа безъ добра“.

Бояться, что Евреи, во всей ихъ совокупности, могутъ разорить насъ разными репрессаліями на международномъ рынкѣ, убьютъ нашу вывозную торговлю и пр., и пр. нѣтъ основаній. Не купитъ нашего хлѣба Шмуль, купитъ Шмитъ самъ, обойдя Шмуля. Въ Средней Азіи вся торговля хотя и находится въ рукахъ бухарскихъ Евреевъ, но послѣдніе разнятся отъ нашихъ мѣстныхъ. Русскіе мануфактуристы, имѣющіе дѣла со Среднею Азіей, не безъ основанія ставятъ бухарскихъ Евреевъ выше мѣстныхъ Сартовъ и таджиковъ, не только въ отношеніи предпріимчивости, но аккуратности платежей. Но какъ бы то ни было, и тамъ, въ виду разрѣшенія Военнаго Министерства продлить нынѣ дѣйствующія о Евреяхъ постановленія до 1 января 1896 года, все дѣло обойдется благополучно, не они вѣдь потребители нашихъ продуктовъ и фабрикатовъ, и можно даже надѣяться, что воспослѣдовавшее недавно Высочайшее повелѣніе о вывозѣ хлопчатобумажныхъ издѣлій съ возвратомъ пошлины за матеріалы (изъ коихъ выработаны эти издѣлія) (*Прав. Вѣст.* отъ 10 іюля 92) не останется безъ благопріятнаго вліянія на вывозъ нашихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій по нашей средне-азіятской границѣ и, можетъ-быть, въ придунайскія страны. И весьма вѣроятно, что

даже текущая Нижегородская ярмарка дастъ возможность опредѣлить приблизительно вліяніе упомянутаго повелѣнія на вывозъ въ Персію, Бухару и Афганистанъ. Жаль только, что въ нынѣшнемъ году знаменитое торжище открылось при условіяхъ необычайныхъ: приближалось открытіе ярмарки, приближалась къ ней и холера. Тревожные слухи, распускаемые невѣждами и людьми неблагонамѣренными, волновали умы. Безпорядки по низовьямъ Волги усиливали тревожное настроеніе. Говорилось даже, что ярмарка будетъ отсрочена. Съ 1 іюля она была объявлена въ состояніи усиленной охраны... и вскорѣ затѣмъ воспослѣдовали два властные приказа нижегородскаго губернатора Н. М. Баранова, положившіе предѣлъ крамоламъ злоумышленниковъ и успокоившіе людей малодушныхъ. Вотъ эти краснорѣчивые приказы:

1) „Къ ряду многихъ прекрасныхъ качествъ Нижегородцевъ примѣшиваются и нѣкоторые пороки, вызывающіе въ обыкновенное время сожалѣніе и презрѣніе, а въ такое острое, какъ переживаемое нами теперь, не могущіе оставаться безъ вниманія. Сегодня я говорю о несчастной привычкѣ писать анонимы, наполненные руганью, угрозами убійствъ, пожаровъ и бунтовъ.

„Эти дни городская почта разноситъ массу конвертовъ, содержащихъ и сказанныя произведенія. Масса таковыхъ адресуется мнѣ.

„За присылку почтой угрозъ мнѣ лично благодарю сочинителей, доставляющихъ доходъ казнѣ покупкой марокъ. Но много угрозъ доставляется именитымъ гражданамъ города, членамъ городскаго, ярмарочнаго и биржеваго управленія; а что̀ всего хуже, лицамъ присылаемымъ сюда по дѣламъ службы и добровольнымъ труженикамъ, помогающимъ въ борьбѣ съ холерой: докторамъ, сестрамъ милосердія и прочимъ.

„Родина честнаго Минина, всею Россіей чтимаго за его любвеобиліе къ Престоламъ Божьему и Царскому и славѣ отечества, не можетъ быть ареной для дѣянія шайки крамольниковъ. Но не всѣ это ясно понимаютъ и не вполнѣ твердо относятся къ ничего не сто́ящимъ безъименнымъ, подпольнымъ угрозамъ.

„Объявляю: ни одного человѣка изъ служащихъ не займу розыскомъ негодяевъ, пишущихъ анонимы.

„Если, Боже упаси, гдѣ-нибудь, пользуясь глупостью и легковѣріемъ темныхъ людей, кому-нибудь удастся нарушить порядокъ, я возстановлю его находящеюся въ моемъ распоряженіи военною силой,—зачинщиковъ и подстрекателей повѣшу немед-

ленно и на мѣстѣ, а участники жестоко на глазахъ у всѣхъ будутъ наказаны.

„Знающіе меня повѣрятъ, что исполню обѣщаемое.

„Приглашаю всѣхъ угрожаемыхъ быть покойными и продолжать свою почтенную дѣятельность, не заботясь о своей безопасности. Эта забота Царемъ возложена на меня.“

2) „Сегодня ночью на пріемномъ пунктѣ Сибирской пристани въ легонькій досчатый баракъ, служащій мѣстомъ отдыха монахинь въ минуты свободныя отъ чтенія Псалтиря надъ усопшими, брошенъ большой камень. Ударъ былъ такъ силенъ, что одна изъ досокъ барака сорвана съ гвоздей и вылетѣла оконная рама. Слава Богу, отдыхавшая монахиня, только-что окончившая свое дежурство въ покойницкой, отдѣлалась однимъ испугомъ. Бездѣльникъ, бросившій камень, за темнотой ночи, успѣлъ скрыться въ кустахъ берега Баранцева озера. Я радъ этому, потому что до отдачи вышепомѣщаемаго предостереженія я нѣсколько затрудненъ бы былъ повѣшеніемъ негодяя на мѣстѣ преступленія и пришлось бы примѣнить къ нему слишкомъ мягкую мѣру, несоотвѣтствующую его святотатственности. Съ завтрашняго же дня я буду считать себя свободнымъ ото всякихъ стѣсненій, въ случаѣ повтореній вышесказаннаго мерзкаго и несвойственнаго ни христіанину, ни русскому человѣку преступленія.“

Ярмарка открылась въ узаконенный день—15 іюля. На докладъ г. губернатора объ открытіи, г. управляющій Министерствомъ Финансовъ отвѣчалъ депешей:

„Телеграмму вашу 15 іюля я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше доложить Государю Императору. Его Величество, съ удовольствіемъ освѣдомившись объ открытіи торговли на Нижегородской ярмаркѣ, изволилъ выразить надежду, что принятыми вами, подчиненными вамъ лицами и купечествомъ мѣрами, холерная эпидемія будетъ ослаблена и не воспрепятствуетъ успѣшному ходу торговли, преуспѣяніе коей всегда обращало на себя живѣйшее вниманіе Его Величества.“

Скоро, благодаря старанію Н. М. Баранова, предсѣдателя ярмарочнаго комитета С. Т. Морозова, членомъ комитета, а равно и указаніямъ профессора Анрепа, страхъ предъ холерой сталъ ослабѣвать и явилась надежда, что ярмарка будетъ не хуже средней; отсутствіе Сибиряковъ и Персіянъ, какъ думаютъ, будетъ уравновѣшено усиленнымъ спросомъ съ Поволжья и Кавказа, гдѣ, по словамъ пріѣзжихъ, урожай хлѣбовъ небывалый.

Повліяетъ ли, при существующихъ условіяхъ, возвратъ пошлины на вывозъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій въ Румынію, Сербію? Сказать объ этомъ что-нибудь положительное покуда преждевременно, но результаты экспедиціи, снаряженной московскими фабрикантами [1] въ эти страны въ минувшемъ іюнѣ, не подаютъ большихъ надеждъ на какой-либо успѣхъ.

Эта экспедиція имѣла задачу:

1) Доставить въ эти страны русскіе товары въ кускахъ, штукахъ, пудахъ, дабы возможно точнѣе опредѣлить всѣ расходы по перевозкѣ и оплатѣ мѣстныхъ таможенныхъ пошлинъ.

2) Пріобрѣсти образцы мѣстныхъ ходовыхъ товаровъ.

3) Изучить условія кредита, скидки, сроки, и вообще мѣстные торговые обычаи.

4) Узнать, какіе города Румыніи и Сербіи могутъ быть приняты какъ центры для русскихъ складовъ?

5) Ознакомиться съ кредитоспособностью мѣстныхъ торговцевъ.

6) Ознакомиться съ мѣстными таможенными формальностями, фрахтами и проч.

7) Ознакомиться съ товарами Сербіи и Румыніи, могущими имѣть сбытъ въ Россіи.

Прибывъ въ Букурештъ, экспедиція получила чрезъ россійскаго посланника разрѣшеніе воспользоваться помѣщеніемъ „склада образцовъ русскихъ товаровъ", чтобъ устроить кратковременную выставку для мѣстныхъ негоціантовъ, кои пожелали бы ознакомиться съ русскими фабрикатами. Къ великому удивленію, таковыхъ негоціантовъ не нашлось. Въ Сербіи результатъ былъ немногимъ лучше. Конечный выводъ изъ свѣдѣній полученныхъ экспедиціей тотъ, что вывозъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, при существующихъ политическихъ условіяхъ, покуда преждевремененъ.

Какъ же теперь сопоставить съ этими результатами докладъ г. М. А. Хитрово, читанный имъ въ Обществѣ для Содѣйствія Русской Промышленности и Торговлѣ 13 мая 1891 года. Г. Хитрово увѣрялъ, что бумажныя издѣлія Иваново-Вознесенской мануфактуры были раскуплены въ складѣ на расхватъ и что этотъ фактъ,

---

[1] Савва Морозовъ и Сынъ, Богородско-Глуховская м-ра, (Захаръ Морозовъ), Викула Морозовъ съ С-ми, т-во Н. Н. Коншина, т-во м-ръ Барановыхъ Тверская м-ра, т-во Даниловской м-ры, Отто Вогау.

будто бы выгодной распродажи бумажныхъ тканей, сильно заинтересовалъ Департаментъ Мануфактуръ и Торговли, какъ наглядный аргументъ противъ увѣреній хлопчато-бумажниковъ о невозможности будто бы конкуррировать съ иностранными производствами при существующей у насъ пошлинѣ на хлопокъ.

Очень жаль, что господинъ Бухтѣевъ, завѣдующій складомъ русскихъ товаровъ въ Букурештѣ, каковой получаетъ значительную ежегодную правительственную субсидію, не печатаетъ хотя краткихъ отчетовъ о своей дѣятельности.

По словамъ же г. М. А. Хитрово, кромѣ иваново-вознесенскихъ издѣлій, отлично продается огуречное мыло, золотыя вещи, конфеты, стеариновыя свѣчи и роговыя издѣлія.

Надо удивляться, что этотъ складъ, получая по 20.000 руб. въ годъ, то-есть получивъ понынѣ 60.000 руб., пребываетъ въ такомъ печальномъ положеніи, ибо ни для огуречнаго мыла, ни для конфетъ отпускается складу субсидія, а для серьезнаго дѣла.

Странная судьба нашихъ русскихъ предпріятій въ странахъ придунайскихъ... Отчего это? Не искать ли разгадки въ возможности проникновенія въ наши консульства на Балканскомъ полуостровѣ даже такихъ элементовъ, какъ пресловутый Якобсонъ со своими подложными документами?

Какую жалкую судьбу влачитъ Черноморско-Дунайское (Гагаринское) Общество на Дунаѣ, попавшее въ руки Евреевъ!..

Куда дѣвались русскіе коробейники, изгнанные изъ Румыніи въ 1889 году и изгнанію коихъ радовалась вся жидовская, румынская, вѣнская и пештская печать?

Дастъ Богъ, не далеко время, что и на нашей сторонѣ будетъ праздникъ.

Привѣтствуемъ воспослѣдовавшее недавно разрѣшеніе „еврейской колонизаціонной ассоціаціи“ открыть свои дѣйствія въ Россіи.

Болѣе симпатичнаго общества, какъ кажется, у насъ за послѣднее время не являлось. Лишь бы только не осталось оно на бумагѣ. Всѣ наши симпатіи на сторонѣ этого юнаго учрежденія. А выселяющимся, по милостямъ этого общества, изъ нашего отечества добраго пути!

МУЗЫКАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вѣнская международная музыкально-театральная выставка (Internationale Ausstellung für Musik und Theaterwesen).

Вотъ уже около десяти дней я усердно осматриваю выставку, но отнюдь не могу сказать, что знакомъ съ ней подробно. Изученіе выставки ужасно затрудняетъ отсутствіемъ каталоговъ. Нашъ русскій отдѣлъ (то-есть собственно выставка дирекціи Императорскихъ театровъ, другихъ русскихъ экспонентовъ нѣтъ), самый красивый по внѣшности, прежде всѣхъ другихъ отдѣловъ выпустилъ свой каталогъ, прекрасно составленный и дающій полное понятіе не только о выставленныхъ предметахъ, но и о внутреннемъ устройствѣ управленія Императорскими театрами, съ его исторіей, свѣдѣніями о различныхъ учрежденіяхъ ему подвѣдомственныхъ и театральной школѣ. Все это составляетъ хорошо изданную книжку in 8° 84 стр. и стòитъ всего 20 крейцеровъ. Появился еще каталогъ собранія музыкальныхъ инструментовъ, выставленныхъ королевскою музыкальною Hochschule въ Берлинѣ (8° 145 стр. 60 крейц.), тоже составленный превосходно, съ подробнымъ и точнымъ описаніемъ выставленныхъ инструментовъ; есть еще не продающійся, но которымъ можно пользоваться на выставкѣ, указатель коллекціи барона Натаніеля Ротшильда— вотъ и все, чѣмъ можно облегчать себѣ осмотръ выставленныхъ предметовъ. А между тѣмъ, не взирая на многіе пробѣлы, на выставкѣ собрано такъ много интереснаго, что разобраться во всемъ довольно трудно; мы впрочемъ начнемъ съ общаго обзора исторіи выставки и устройства ея помѣщенія.

Первоначальная мысль объ устройствѣ въ Вѣнѣ музыкальной выставки въ память столѣтія кончины Моцарта возникла осенью прошлаго года въ салонѣ княгини Меттернихъ, извѣстной любительницы музыки, дѣятельно, но неудачно пытавшейся пропагандировать около 30 лѣтъ назадъ музыку Вагнера въ Парижѣ. При господствовавшей тогда у Французовъ антипатіи къ Австріи, участіе княгини Меттернихъ, жены австрійскаго посланника, лично пользовавшейся большимъ вліяніемъ при дворѣ Наполеона III, не мало способствовало страшному фіаско оперы Вагнера *Таннгейзеръ* на Парижской сценѣ. Княгиню злая судьба преслѣдуетъ и здѣсь, въ Вѣнѣ; по причинамъ, которыя разсказываютъ разно, съ самаго почти начала ей отказали въ участіи и содѣйствіи по устройству музыкальной выставки лучшія музыкальныя силы Вѣны; выдающіеся писатели и критики тоже остались въ сторонѣ. Только изъ персонала *Burgtheater'*а приняли званіе членовъ комитета Зонненталь, знаменитый актеръ и главный режиссеръ, и директоръ театра Бурхгардтъ; изъ профессоровъ консерваторіи въ комитетѣ находятся Dr. Просницъ (Prosniz) и Греденеръ, молодой преподаватель фортепьяно, дирижирующій народными концертами на выставкѣ. Въ числѣ членовъ комитета значится Іог. Страусъ, но кажется только значится, не принимая дѣйствительнаго участія. Для музыкальной Вѣны всего больше значенія имѣетъ отсутствіе уважаемаго и авторитетнаго директора консерваторіи г. Іосифа Гельмесбергера. Несмотря на встрѣтившіяся препятствія въ артистическихъ и литературныхъ кругахъ, княгиня Меттернихъ, заручившись содѣйствіемъ высшихъ административныхъ и финансовыхъ сферъ, довела дѣло до конца, и выставка была открыта 7 мая н. с. въ Пратерѣ, въ помѣщеніяхъ, служившихъ для всемірной вѣнской выставки 1873 г., то-есть въ главномъ зданіи, Ротондѣ, и въ прилегающемъ паркѣ. Почетное покровительство принялъ на себя эрцгерцогъ Карлъ-Людвигъ; почетными президентами, кромѣ самой княгини Меттернихъ, стали министры: торговли, маркизъ фонъ-Бакегемъ, исповѣданій и просвѣщенія, П. Гаучъ фонъ-Франкензурнъ, намѣстникъ нижней Австріи, графъ Э. Кильмансэггъ (Killmansegg), вѣнскій бургомистръ Н. Приксъ. Президентомъ назначенъ былъ маркграфъ А. Паллавичини. Пять вице-президентовъ принадлежатъ къ аристократіи и финансамъ. Комитетъ выставки состоитъ слишкомъ изо ста членовъ, но, какъ уже выше было сказано, въ ихъ числѣ весьма немного лицъ изъ артистическаго

и литературнаго круговъ. Чтобъ устроить музыкальную выставку, достойную такого города, какъ Вѣна, нужно бы имѣть денежныя средства большія, даже огромныя, а ихъ-то и не было, пришлось разсчитывать на обаяніе города, въ которомъ жили и дѣйствовали Гайднъ, Моцартъ, Бетховенъ, Шубертъ, Глюкъ и многіе другіе выдающіеся композиторы. Это обаяніе, правда, много доставило, но далеко не все, что̀ было нужно. При устройствѣ выставки не было выработано твердо опредѣленнаго плана, и вслѣдствіе этого элементъ случайности сталъ играть на ней большую роль. Не успѣвъ, частію по недостатку времени, заручиться участіемъ и содѣйствіемъ иностранныхъ правительствъ, комитетъ обратился съ приглашеніемъ принять участіе въ выставкѣ къ различнымъ иностраннымъ учрежденіямъ, обществамъ и частнымъ лицамъ, но, не имѣя достаточныхъ матеріальныхъ средствъ, комитетъ не могъ имъ доставить никакихъ удобствъ и облегченій по доставкѣ и помѣщенію предметовъ и только выхлопоталъ обратный даровой провозъ по австрійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Такъ какъ ни одно изъ иностранныхъ правительствъ не назначило своихъ уполномоченныхъ по выставкѣ, то экспонентамъ приходилось брать на себя расходы не только платы за мѣсто и устройства помѣщеній, но и брать на себя надзоръ за всѣмъ этимъ. Это дѣлало траты экспонентовъ настолько большими, что изъ-за границы ихъ явилось сравнительно очень немного. Напримѣръ, среди выставленныхъ музыкальныхъ инструментовъ нѣтъ ни одной значительной фабрики Франціи, Англіи, Германіи, Россіи или Америки, [1] то-есть точнѣе говоря, совсѣмъ почти нѣтъ заграничныхъ инструментовъ, а если и есть, то далеко не лучшіе въ своемъ родѣ. Музыкальная выставка не могла быть отдѣлена отъ театральной, потому что музыка слишкомъ тѣсно связана съ театромъ не только въ оперѣ или балетѣ, но и во многихъ другихъ формахъ театральныхъ представленій: трудно, напримѣръ, найти піесу Шекспира, кромѣ хроникъ, въ которой бы музыка не принимала участія, столь же мало обойтись безъ музыки могутъ и многія другія великія произведенія драматической литературы. Такимъ образомъ участіе театра въ выставкѣ заключалось въ самомъ ея планѣ; но первоначально предполагалось допускать только пред-

---

[1] Два инструмента Стейнвея изъ Нью-Іорка выставлены его вѣнскимъ агентомъ.

меты, имѣющіе ближайшее отношеніе къ театрально-музыкальнымъ представленіямъ. Когда же на разосланныя приглашенія къ участію за границей отозвались сравнительно не многія лица и учрежденія, тогда комитетъ сталъ менѣе разборчивъ и рамки выставочной программы расширились до полной неопредѣленности. Выставка дѣлится на двѣ главныя части: спеціальную и промышленную; если въ первой изъ нихъ должны были сохраниться извѣстныя ограниченія, то за то во второй никакихъ границъ уже не соблюдалось и въ качествѣ театральныхъ аксессуаровъ выставлены цѣлые модные магазины, всевозможная обувь, косметики, галантерейныя вещи, экипажи, ювелирныя работы и словомъ, все, что̀ только предложили выставить.

Спеціальная и промышленная части выставки раздѣлены такимъ образомъ, что первая помѣщена въ кольцеобразной обширной галлереѣ самой Ротонды и трансептахъ ея четырехъ порталовъ, а промышленная—въ замыкающей со всѣхъ сторонъ Ротонду прямой галлереѣ, образующей правильный четырехугольникъ; остающіеся пустыми углы между Ротондой и послѣднею галлерей заняты ресторанами и различными службами. Внутренняя часть Ротонды, окаймленная кольцеобразно галлереей, обращена въ искусственный лугъ съ деревьями, большимъ бассейномъ воды и дорожками для гулянья. Въ спеціальной части около $^3/_4$ отведено музыкѣ, а остальная $^1/_4$ драмѣ. Южная сторона четырехугольной галлереи занята салономъ для иностранцевъ, отдѣленіемъ пожарныхъ, почтой, телеграфомъ и телефономъ, помѣщеніемъ администраціи. Въ салонѣ для иностранцевъ получаются журналы и газеты на разныхъ языкахъ (на русскомъ двѣ газеты: *Московскія Вѣдомости* и *Новое Время* и журналъ *Нива)*, тутъ же письменные столы и приборы, которыми пользуются безплатно. Изъ остальныхъ трехъ сторонъ восточная, западная и значительная часть сѣверной, заняты произведеніями австрійской промышленности, а остальное дѣлится между Италіей и Германіей. Кромѣ того, въ паркѣ выставки, въ его юго-западномъ углу помѣщается въ отдѣльномъ зданіи Вагнеровская выставка, а въ южной части выстроена обширная декорація Alt-Wien, изображающая Hohen Markt въ Вѣнѣ въ XVII вѣкѣ. Дома представлены въ натуральную величину, въ нихъ помѣщаются внизу теперешніе магазины съ продажей разныхъ предметовъ. На площади находится народный *Hanswurst* театръ. Декорація очень хорошо сдѣлана и производитъ полное впечатлѣніе площади

стариннаго города, гдѣ все уцѣлѣло какъ было лѣтъ 200 тому назадъ. За входъ въ Alt-Wien платится особо 10 крейцеровъ и рѣдкій изъ посѣтителей выставки не заходитъ туда всякій разъ. Остальныя части парка заняты театромъ, музыкальною залой, ресторанами, кафе, и такъ далѣе.

Мы займемся исключительно нашею спеціальностью, то-есть музыкальнымъ отдѣломъ. Начать обзоръ всего удобнѣе съ южнаго портала Ротонды, гдѣ прежде мы попадаемъ въ музыкально-этнографическую секцію, очень богатую. Почти всѣ выставленные здѣсь предметы доставлены различными вѣнскими музеями. Вообще эти роскошные музеи сослужили большую службу выставкѣ; едва ли не добрая половина всѣхъ музыкально-историческихъ, кромѣ этнографическихъ, коллекцій дана ими; не будь музеевъ, выставкѣ пришлось бы плохо,—блаженъ городъ умѣвшій составить себѣ такія богатства въ области искусства и науки! Въ этнографической секціи Европа представлена далеко не вся; здѣсь находятся народные инструменты Австріи, Южной Германіи, Тироля и Альпъ и отчасти Балканскаго полуострова, остальныя народности ничѣмъ не представлены. Вправо отъ Европы, то-есть на востокъ, находится Африка. Здѣсь собрано весьма много инструментовъ различныхъ племенъ этой части свѣта. Нѣкоторые изъ роговъ, сдѣланные изъ слоновой кости, отличаются весьма большою тщательностію работы. Дальше идетъ Азія, занимающая почти столько же мѣста, какъ Европа и Африка вмѣстѣ взятыя. Особенно велики коллекціи Китая и Японіи; тутъ собраны инструменты всякаго рода: струнные, духовые и ударные; конструкція нѣкоторыхъ изъ нихъ довольно сложна. Не мало предметовъ и изъ Остъ-Индіи. Кромѣ инструментовъ выставлены и образцы музыки этихъ странъ, частію написанные ихъ знаками съ переводомъ на европейскую нотацію, а частію прямо въ европейскихъ нотахъ. Америка представлена сравнительно гораздо бѣднѣе. Выставлено нѣсколько манекеновъ игроковъ на различныхъ инструментахъ, а также и туземныя изображенія ихъ. Вся этнографическая секція расположена въ прекрасномъ порядкѣ и всѣ предметы снабжены этикетами, указывающими на ихъ происхожденіе и употребленіе. Вся эта секція помѣщается въ трансептѣ южнаго портала; выходя изъ нея, мы вступаемъ въ кольцеобразную галлерею Ротонды; вправо, то-есть на востокъ, идетъ отдѣлъ драмы, а влѣво, на западъ, отдѣлъ музыкально-историческій. Въ самомъ началѣ помѣщается

небольшая коллекція предметовъ, относящихся къ до-христіанской музыкѣ и состоящихъ изъ ниневійскихъ, египетскихъ и древне-греческихъ скульптуръ, рельефовъ и изображеній, а также старинныхъ восточныхъ рукописей съ музыкальными знаками. Дальше идетъ отдѣлъ музыки первыхъ 14 вѣковъ христіанства. Здѣсь находятся старинныя рукописи сочиненій о музыкѣ Боэція и многихъ средневѣковыхъ теоретиковъ, но списковъ книги de Musica Боэція больше всего. Потомъ слѣдуютъ рукописные сборники церковныхъ мелодій, въ томъ числѣ есть листы изъ рукописи X вѣка, сочиненія о музыкѣ Гукбальда, Гвидо, Ареццскаго и др. уже позднѣйшихъ теоретиковъ XII, XIII и XIV вв. Эти коллекціи весьма богаты, но онѣ представляютъ слишкомъ спеціальный интересъ, чтобъ о нихъ можно было писать сколько-нибудь подробно; впрочемъ, для спеціальнаго изученія въ нихъ находится много матеріала. Слѣдующая секція переноситъ насъ уже въ эпоху многоголосной музыки XV и XVI вв. Опять богатый рядъ весьма рѣдкихъ, роскошно и прекрасно сохранившихся рукописей, частію украшенныхъ изящными миніатюрами. Среди этихъ коллекцій отсутствіе каталога весьма чувствительно, трудно разобраться среди этихъ огромныхъ *Codex*'овъ партитуръ. Впрочемъ, партитуръ, то-есть сводныхъ рукописей, гдѣ отдѣльные голоса сочиненія пишутся одни подъ другими, нота подъ нотой,—такихъ партитуръ тогда не существовало, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ ни одной не найдено; тогда четырехголосное сочиненіе писалось на огромномъ листѣ, съ одной стороны помѣщался сверху одинъ голосъ, а на нижней половинѣ страницы другой,—на второй половинѣ уверта такимъ же образомъ помѣщались другіе два голоса. Крупный шрифтъ нотъ позволялъ читать по одной рукописи цѣлому хору. Такимъ же способомъ располагались голоса и въ первыхъ печатныхъ сборникахъ музыкальныхъ сочиненій въ XVI в. Позже стали печатать каждый отдѣльно. Среди выставленныхъ сборниковъ можно встрѣтить сочиненія наиболѣе извѣстныхъ композиторовъ Нидерландской школы, первенствовавшей въ Европѣ въ XV и первой половинѣ XVI вѣковъ, а также старыхъ Итальянцевъ и Нѣмцевъ. Выставлено также значительное количество портретовъ различныхъ композиторовъ, но весьма часто лишенныхъ подписи, а лишь снабженныхъ нумеромъ, что при отсутствіи каталога говоритъ весьма мало. Коллекціи музыкальныхъ произведеній дополняются обширными собраніями старинныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Между этими собраніями первое

мѣсто по богатству и систематичности подбора занимаетъ выставка берлинской Hochschule. Эта коллекція заключаетъ въ себѣ инструменты начиная съ XIV, XV вѣковъ и кончая началомъ настоящаго столѣтія. Она раздѣлена на различные роды и виды инструментовъ и настолько богата, что можно прослѣдить постепенное совершенствованіе каждаго инструмента въ отдѣльности, какъ-то трубы, валторны, тромбона и т. д. Въ группѣ валторнъ выставлены два хора такъ-называемыхъ русскихъ роговъ. Многіе изъ выставленныхъ инструментовъ въ настоящее время совсѣмъ вышли изъ употребленія и сохранили только историческое значеніе. Въ числѣ лютневыхъ инструментовъ есть и двѣ балалайки, повидимому недавней работы. Въ богатомъ собраніи клавикордовъ и клавесиновъ есть инструментъ по преданію принадлежавшій І. С. Баху, а также инструментъ Вебера, которымъ онъ пользовался при сочиненіи *Фрейшюца*. Среди роялей, одинъ Эрара въ Лондонѣ, принадлежалъ Мендельсону-Бартольди, а другой, Плейсля въ Парижѣ, — Мейерберу. Въ этой же коллекціи квартетъ струнныхъ инструментовъ, принадлежавшій Бетховену.

Переходя къ музыкѣ XVIII вѣка, мы встрѣчаемъ на выставкѣ отдѣленіе Баха и Генделя. Кромѣ многихъ портретовъ, помѣщены также автографы нѣкоторыхъ изъ ихъ сочиненій. За ними слѣдуетъ Глюкъ, также съ портретами и автографами. Трансептъ западнаго портала Ротодны посвященъ одною стороной Гайдну, Моцарту и Бетховену, а другою — романтикамъ, въ томъ числѣ Шуберту, Мендельсону, Шуману и др. Каждый изъ названныхъ трехъ классиковъ имѣетъ свое отдѣльное помѣщеніе, гдѣ находятся ихъ фортепьяно, портреты, автографы, портреты близкихъ имъ людей и нѣкоторыя вещи, принадлежавшія имъ. Среди автографовъ Гайдна намъ пришлось увидѣть одну изъ его первыхъ симфоній, которая намъ до сихъ поръ не попадалась въ печати, хотя вѣроятно существуетъ. Въ отдѣленіи Моцарта много его портретовъ. Такъ какъ Моцартъ сдѣлался европейскою знаменитостью еще въ дѣтскіе годы, то и портреты начинаются съ этого времени. Открытое, доброе, веселое лицо ребенка постепенно мѣняется съ возрастомъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ яснѣе выступаютъ въ его чертахъ признаки грусти, утомленія. Есть нѣсколько картинъ, изображающихъ различныя сцены изъ жизни Моцарта, но всѣ онѣ новѣйшаго происхожденія. Моцартъ имѣлъ много подарковъ, нѣкоторые ордена, въ томъ числѣ орденъ

Золотой Шпоры, но этихъ вещей нѣтъ и слѣда, вѣроятно все это, какъ имѣющее цѣнность, было продано во дни нужды или пропало въ залогѣ. Выставлены различныя письма, въ томъ числѣ относящіяся къ довольно раннему возрасту, а также письма его матери и отца. Среди автографныхъ партитуръ находится *G-moll'*ная симфонія и другія замѣчательныя сочиненія. Здѣсь же находится маленькій клавесинъ въ формѣ стола, который онъ бралъ съ собою въ дорогу. Бетховенъ представленъ тоже многими портретами, изъ которыхъ можно видѣть, что въ позднѣйшее время художники старались идеализовать черты его лица, сохраняя основныя черты сходства. Извѣстность Бетховена началась только около его 30лѣтняго возраста, потому и болѣе раннихъ портретовъ его нѣтъ. Помѣщены также портреты двухъ женщинъ, въ которыхъ онъ былъ влюбленъ: графини Галленбергъ, ур. Джульетты Гвиччіарди, и графини Терезы Брунсвикъ, съ которою даже предполагался бракъ, не состоявшійся вслѣдствіе разности ихъ общественныхъ положеній и глухоты Бетховена, отрѣзавшей ему дорогу къ виртуознымъ успѣхамъ. Среди автографовъ есть части 9-й симфоніи, различныя сонаты для фортепьяно, письма. Не лишены интереса листы изъ расходной книжки Бетховена по дому, то-есть по кухнѣ. Изъ этихъ листковъ видно, какъ расходы его были скромны и какъ внимательно онъ ихъ разсматривалъ, судя по замѣткамъ карандашемъ (счета писаны не имъ, только отмѣтки сдѣланы собственноручно). Тутъ же находится его слуховой рожокъ, а также и рояль, подаренный лондонскимъ фабрикантомъ Бротвудомъ, а въ послѣдствіи купленный Ф. Листомъ и подаренный имъ въ музей въ Пештѣ вмѣстѣ съ большимъ и весьма цѣннымъ собраніемъ музыкальныхъ предметовъ. Автографы Бетховена встрѣчаются и еще въ различныхъ мѣстахъ выставки, какъ-то: въ англійскомъ отдѣлѣ, въ витринѣ вѣнскаго Gesellschaft der Musikfreunde и др. У Шуберта выставлено много его автографовъ, а также есть любопытные современные ему рисунки, изображающіе его въ скромномъ кругу его друзей, на загородной поѣздкѣ и т. д. Выставлены портреты и автографы Мендельсона, Шумана и жены послѣдняго, знаменитой піанистки Клары Шуманъ. Особое помѣщеніе отведено геніальному виртуозу, Францу Листу. Въ витринахъ лежатъ поднесенныя ему золотыя и серебряныя вещи, почетная сабля отъ Венгріи, мраморный снимокъ кисти руки и пальцевъ, разные почетные дипломы и пр. Кромѣ того, онъ

изображенъ въ нѣсколькихъ хорошихъ портретахъ различныхъ эпохъ его жизни. Посрединѣ портретъ его въ кафтанѣ аббата, съ плащомъ, эффектно закинутымъ на плечо. Среди автографовъ находятся письма, партитуры нѣкоторыхъ симфоническихъ поэмъ, многія пьесы для фортепьяно, какъ-то: Venetia e Napoli, рапсодіи, эскизы втораго концерта и т. п.—Какое-то болѣзненное, удручающее впечатлѣніе производитъ комната Шопена, быть-можетъ потому, что тутъ выставлены двѣ картины, изображающія его въ концѣ сведшей его въ могилу болѣзни. По срединѣ, впрочемъ, виситъ картина Семиградскаго, изображающаго его молодымъ, почти юношей, на вечерѣ у князя Радзивилла въ Берлинѣ. Среди портретовъ и автографовъ Шопена есть также и книжка, принадлежавшая ему, учебникъ по которому онъ учился латинскому языку въ дѣтствѣ. Въ комнатѣ Шопена есть нѣкоторыя вещи изъ мебели въ его парижской квартирѣ, а также и рояль Плейеля. Шопенъ предпочиталъ инструменты Плейеля всѣмъ другимъ.

Представители новѣйшей музыки въ Германіи конечно не забыты. Выставлены портреты наиболѣе значительныхъ композиторовъ и виртуозовъ, еще продолжающихъ свою дѣятельность; въ ихъ средѣ находится и А. Г. Рубинштейнъ, портрета котораго въ русскомъ отдѣлѣ нѣтъ. Изъ виртуозовъ послѣдняго времени мы не замѣтили портрета піаниста Д'Альбера, хотя встрѣчаются портреты даже болѣе молодыхъ артистовъ.

Послѣ Австріи и Германіи богаче остальныхъ странъ представлена музыкальная Италія; въ количественномъ отношеніи ея выставка даже, пожалуй, превосходитъ Германію, но нѣтъ того порядка и системы, которые царятъ на выставкѣ берлинской *Hochschule*. Отсутствіе опредѣленнаго, выработаннаго плана у вѣнскаго комитета отозвалось всего яснѣе и тяжелѣе на итальянской секціи. Музыкальными памятниками прошлаго Италія богаче всѣхъ другихъ странъ Европы. Въ ея королевскихъ, городскихъ и монастырскихъ библіотекахъ и музеяхъ, не говоря о богатыхъ коллекціяхъ частныхъ лицъ, хранится огромное число драгоцѣнныхъ рукописей, рѣдчайшихъ изданій и автографовъ. Участіе въ вѣнской музыкальной выставкѣ приняли муниципіи отдѣльныхъ городовъ, дѣйствовавшія каждая по своему усмотрѣнію. Изъ огромныхъ архивовъ и коллекцій Ватикана нѣтъ ничего. Отдѣльныя муниципіи, очевидно, дѣйствовали безо всякаго опредѣленнаго плана: одни выставляли старинныя рукописи, изданія и порт-

реты, другія новѣйшіе театральные аксессуары, выставлены даже огромныя связки оперныхъ либретто, присутствіе которыхъ на выставкѣ едва ли представляетъ какой-либо интересъ. Между стариной есть много замѣчательнаго, хотя бы роскошный *Missale* XIV вѣка изъ Ambrogiana въ Миланѣ. Сверхъ того, сравнительно немногіе предметы снабжены надписями, указывающими ихъ происхожденіе и время. Быть-можетъ знатоки итальянской археологіи могутъ по стилю миніатюръ или по характеру письма рѣшить вопросъ о времени и мѣстѣ той или другой рукописи, но непосвященному въ эту спеціальность такой вопросъ рѣшить невозможно. Среди автографовъ находится, напримѣръ, такая драгоцѣнная реликвія, какъ партитура *Севильскаго Цирюльника* Россини и другія. Изъ новѣйшихъ выставлена партитура послѣдней оперы автора *Cavalleria Rusticana* П. Масканьи *Другъ Фрицъ* и самая *Cavalleria*, а также хорошій портретъ его, писанный масляными красками. Городокъ Бергамо устроилъ отдѣльную выставку Донизетти, состоящую изъ нѣсколькихъ предметовъ, рояля, пастели и кресла, автографовъ его юношескихъ работъ и позднѣйшихъ. Верди представленъ сравнительно мало, за то есть цѣлая витрина почетныхъ дипломовъ и подношеній разнаго рода знакомому Москвѣ актеру Росси. Итальянская секція такъ велика, что при отсутствіи каталога и системы въ размѣщеніи предметовъ въ ней рѣшительно путаешся. Лучше въ этомъ отношеніи устроилась Англія, хотя выставленныя ею коллекціи нельзя назвать особенно богатыми. Изъ различныхъ сочиненій по исторіи музыки извѣстно, что въ англійскихъ библіотекахъ и музеяхъ хранятся музыкальные памятники весьма отдаленной старины, но здѣсь нѣтъ ни одного образца ихъ. Изъ музыкальныхъ предметовъ выставлены новое изданіе сочиненій Purcell'а, великаго англійскаго композитора конца XVII вѣка, автографы Генделя, не особенно замѣчательные, его современника Dr. Pepush'а, затѣмъ слѣдуютъ автографы новыхъ англійскихъ композиторовъ: Стерндаля-Беннетъ (тутъ же художественно выполненный портретъ), Бальфа и друг., менѣе извѣстныхъ. Изъ сочиненій старинныхъ англійскихъ контрапунктистовъ (къ числу которыхъ принадлежалъ и король Генрихъ VIII) не выставлено ничего. Наиболѣе интересны въ англійской секціи портреты Гаррика и его жены, писанные Гогартомъ, портретъ Гаррика работы Рейнольдса, портретъ г-жи Сиддонсъ и др. Хороши музыкально-этнографическія изданія, относящіяся къ колоніямъ Англіи. Испанія

выставила довольно много, но интереснаго въ ея коллекціяхъ, въ сущности, мало; онѣ главнымъ образомъ относятся къ музыкальному лицею въ Барселонѣ и къ театральнымъ декораціямъ и обстановкѣ, не представляющимъ сравнительно ничего любопытнаго. Есть нѣсколько старыхъ изданій. Польская выставка касается только новаго времени, не старше первыхъ десятилѣтій настоящаго вѣка. Есть художественные портреты, какъ напримѣръ, портретъ писателя Czuiski, работы Матейко; портреты Монюшко и Шопена довольно посредственны. Выставлено много карточекъ польскихъ музыкантовъ, въ томъ числѣ находится и бывшій ученикъ Московской консерваторіи С. Барцевичъ. Іосифъ Венявскій представленъ фотографіей и медальономъ, но Генриха Вѣнявскаго мы не нашли; за то довольно много выставлено предметовъ, относящихся къ знаменитости первой половины нашего вѣка, скрипачу Липинскому. Изъ автографовъ Монюшки выставленъ клавираусцугъ *Гальки*. Около Англіи, совсѣмъ въ особомъ углу, пріютилась Болгарія, помѣщеніе которой убрано довольно изящно. По характеру коллекцій ея выставка относится къ отдѣлу этнографіи, такъ какъ состоитъ исключительно изъ народныхъ инструментовъ и сборниковъ пѣсенъ. Очень хорошъ отдѣлъ Франціи и составленъ очень опредѣленно и законченно. Отдѣлъ распадается: на а) драматическую литературу, б) образцы оперныхъ постановокъ въ макеттахъ и в) музыку. Драматическая литература представлена портретами и бюстами наиболѣе выдающихся ея представителей, начиная съ вѣка Людовика XIV. Нѣкоторые изъ портретовъ принадлежатъ первоклассными художникамъ, какъ напримѣръ, эскизъ головы В. Гюго, П. Делароша, нѣсколько портретовъ Жерара, темный портретъ Берліоза Курбэ и др. Портреты сценическихъ артистовъ и композиторовъ также находятся въ большомъ числѣ. Среди нихъ выдаются портреты Рашели, Жоржъ, Сары Бернаръ, Мунэ-Сюлли и друг., а также пѣвцовъ и пѣвицъ: Тамбурини, Пасты и позднѣйшихъ. Между композиторами, хорошіе портреты Галеви, Гуно и пр. Много собрано любопытныхъ автографовъ, между прочимъ, слѣдующіе: А. Дюма (отецъ) *Antony*, А. Дюма (сынъ) *La dame aux camelias*, А. Мюссэ *La coupe et les lèvres*, а также неизданное шуточное стихотвореніе и многіе другіе. Между музыкальными автографами есть цѣлыя партитуры оперъ Обера, Галеви, Гуно *(Ромео и Юлія)*, Массенэ *(Вертеръ)* и мн. друг. Инструментальная музыка представлена автографами Герольда (увертюра *Цампы)*,

Ф. Давида *(Пустыня)*, Берліоза *(Фантастическая симфонія)*, Сенъ-Санса *(Dance macabre)*. Есть автографы П. Корнеля, Расина, Кребильона, Вольтера. Развернутая рукопись Дюсиса озаглавлена *Fédor et Vladimir ou la famille de Sibérie*. Интересны принадлежавшіе А. Дюма (отцу) простой дубовый столъ и такое же кресло. Верхняя доска стола исписана и покрыта чернильными пятнами. Выставлено также много старыхъ инструментовъ, въ томъ числѣ клавесинъ королевы Маріи-Антуанетты. Въ особенномъ помѣщеніи фортепьяннаго фабриканта Плейеля есть рояль Шопена и нѣкоторыя его вещи, портреты и автографы. Во французскомъ отдѣлѣ нѣтъ нагроможденности; онъ занимаетъ довольно обширное помѣщеніе и все разставлено и разложено красиво и удобно для осмотра; вездѣ есть надписи, замѣняющія отсутствіе каталога.

Весьма большой отдѣлъ города Вѣны и отдѣлъ русскій имѣютъ ту общую черту, что первый исключительно посвященъ театральной обстановкѣ, то-есть костюмамъ, аксессуарамъ и проч., а во второмъ есть сверхъ того небольшой музыкальный отдѣлъ. По богатству выставленныхъ предметовъ Вѣна и Петербургъ соперничаютъ, но выставка послѣдняго красивѣе. Въ вѣнскомъ отдѣлѣ первое мѣсто занимаетъ Burgtheater со всѣми богатствами его матеріала. Въ петербургскомъ главное мѣсто отведено Маріинскому театру. Въ манекенахъ съ полною сценическою обстановкой поставлены сцены изъ *Князя Игоря*, *Царя Бориса*, *Чародѣйки* Чайковскаго, изъ его же балета *Спящая красавица* и друг. Сверхъ того, много отдѣльныхъ манекеновъ въ костюмахъ, оружіе, посуда и пр. Едва ли не лучше всего макетты и эскизы декорацій, то и другое въ большомъ числѣ. Подборъ портретовъ менѣе удаченъ. Среди композиторовъ нѣтъ портретовъ Глинки, А. Г. Рубинштейна, портретъ П. И. Чайковскаго попалъ въ образцы театральной фотографіи. Выставлены также внутренніе виды библіотекъ драматической и музыкальной; въ отдѣлѣ типографіи полный сборникъ афишъ за 1818 — 1890 гг. Музыкальное отдѣленіе заключаетъ въ себѣ сборники церковно-музыкальныхъ сочиненій, русскихъ пѣсенъ, симфоническихъ сочиненій Глинки, Даргомыжскаго, Балакирева, Римскаго-Корсакова, Бородина, Чайковскаго, Мусоргскаго, Глазунова. Выставлены партитуры самыхъ старыхъ оперъ, писавшихся для Россіи Итальянцами, какъ-то: *La forza dell'Amore e del'Odio*, соч. Арайя, 1736 г., *Il matrimonio inaspettato* Паезіелло, 1779 г., а также русскія

оперы: *Сбитеньщикъ*, текстъ Княжнина, муз. Буланта, 1789 г., *Начальное правленіе Олега*, текстъ Императрицы Екатерины II, муз. Сарти, Пашкевича и Каноббіо, 1790 г. Изъ позднѣйшихъ есть *Рогнѣда*, *Демонъ*, *Нижегородцы*, *Пиковая Дама*, но оперы Глинки отсутствуютъ. Въ числѣ автографовъ нужно упомянуть о партитурѣ одного акта *Снѣгурочки* Н. А. Римскаго-Корсакова.

Мы перечислили лишь незначительную часть предметовъ русскаго отдѣла; онъ очень богатъ, но не имѣетъ ясно выраженнаго характера и, пожалуй, страдаетъ отсутствіемъ плана. Изъ него можно только вывести заключеніе, что русскія Императорскія сцены имѣютъ такія средства постановки, художественныя и матеріальныя, что смѣло могутъ соперничать со всякими другими. Что же касается до исторіи театра, его общаго положенія у насъ въ настоящее время, то объ этомъ можно прочитать въ каталогѣ, а выставленныя коллекціи не даютъ понятія ни о томъ, ни о другомъ. Въ собраніяхъ портретовъ драматическихъ писателей и композиторовъ много пробѣловъ; собранія или даже перечень произведеній главнѣйшихъ изъ нихъ отсутствуютъ и все сводится къ тому, что можно только оцѣнить талантъ художниковъ-декораторовъ, костюмеровъ и средства театральныхъ мастерскихъ.

Не мало на выставкѣ коллекцій частныхъ лицъ и учрежденій, обращающихъ на себя вниманіе. Къ числу ихъ прежде всего нужно отнести выставку вѣнскаго общества *der Musikfreunde*, чрезвычайно богатую портретами, среди которыхъ находится хорошій портретъ Ф. Лауба. Собраніе автографовъ Бетховена, Моцарта, Шуберта и другихъ также весьма замѣчательно и богато. Очень хорошо собраніе старыхъ инструментовъ эрцгерцога Франца-Фердинанда д'Эстэ, въ которомъ есть арфа миннезингера XIV—XV в. Въ коллекціи барона Натаніэля Ротшильда встрѣчается древнѣйшій инструментъ—египетскій *Sistrum*, найденный въ одной изъ мумій. Во всѣхъ отдѣлахъ и коллекціяхъ выставлено множество клавесиновъ, клавикордовъ, спинетовъ и т. п., начиная съ инструментовъ XV вѣка и кончая XVIII. Здѣсь собраны всевозможныя разновидности, начиная отъ самыхъ маленькихъ, которыя легко унести съ собою, до самыхъ большихъ.

Въ заключеніе перечня мы упомянемъ объ особыхъ отдѣлахъ двухъ царствующихъ домовъ: Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Изъ императоровъ династіи Габсбурговъ многіе весьма усердно занимались музыкой. Въ особыхъ витринахъ разложены печатныя и руко-

писныя сочиненія Фердинанда III, Леопольда I, Іосифа I, ученика Бетховена эрцгерцога Рудольфа. Выставлена также партитура, по которой Карлъ VI дирижировалъ исполненіемъ оперы, и портреты всѣхъ этихъ императоровъ, а также Маріи-Терезіи, Іосифа II, которые были очень сильными музыкантами. Во главѣ музыкальныхъ Гогенцоллерновъ стоитъ Фридрихъ Великій; въ рукописяхъ лежатъ многія его сочиненія, а также сочиненія другихъ членовъ этого дома, среди которыхъ особенно выдающимся талантомъ композитора обладалъ принцъ Прусскій Луи-Фердинандъ, убитый въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1806 году. О немъ Бетховенъ говорилъ, что онъ игралъ на фортепьяно не какъ принцъ, а какъ настоящій піанистъ. Есть отдѣленіе, посвященное покойному несчастному Людвигу II Баварскому. Тамъ онъ окруженъ планами своихъ великолѣпныхъ концертныхъ и театральныхъ залъ, партитурами оперъ Вагнера, котораго портретъ помѣщенъ тутъ же. Почти въ противуположномъ Ротондѣ концѣ парка выставки находится особое зданіе *Hibichingenhalle* изъ 4-й части *Нибелунговъ* съ соотвѣтствующею декораціонною обстановкой. Это помѣщеніе все наполнено портретами Вагнера, его письмами, автографными партитурами, портретами лучшихъ артистовъ, исполнявшихъ партіи его оперъ, эскизами декорацій и т. п.

Хотя я добросовѣстно старался осмотрѣть все и взамѣнъ каталога дѣлалъ отмѣтки, но теперь я вижу, что онѣ каталога не замѣняютъ, будучи разбросаны. Я многое пропустилъ въ своемъ перечнѣ, какъ напримѣръ, коллекцію сочиненій и портретовъ Ормандо Лассо—но дополнять не стану, потому что для общаго, сжатаго обзора достаточно, кажется, и приведеннаго, а для подробнаго и вдесятеро больше написать будетъ мало.

Промышленный отдѣлъ я не стану описывать, ибо въ немъ. какъ уже было сказано, больше принадлежностей дамскаго туалета, нежели издѣлій прямо или косвенно относящихся къ музыкѣ. Фортепьяно разныхъ цѣнъ и формъ выставлено много, но первоклассныя фабрики отсутствуютъ. Только здѣшній агентъ Стайнвея выставилъ два его инструмента. Смычковыхъ также мало. Богатъ только отдѣлъ военной музыки, что̀ къ нашему времени и подходитъ. Мѣдные инструменты вообще здѣсь хорошо представлены и находятъ большой сбытъ. Музыкальные издатели имѣютъ особый павильонъ, но кромѣ мѣстныхъ и нѣкоторыхъ большихъ нѣмецкихъ фирмъ, какъ напримѣръ, Петерса въ Лейпцигѣ, Кранца въ Гамбургѣ, выставлено мало значитель-

наго. Русская издательская фирма Бѣляева, ведущая свое дѣло въ Лейпцигѣ, также выставила свои изданія. Всего больше выставилъ Рикорди, но не въ павильвнѣ издателей, а въ общей промышленной галлереѣ. Противъ него помѣщается его соперникъ, издатель Сонцоньо, собственникъ оперъ Масканьи; въ витринѣ Сонцоньо и выставлены автографныя партитуры *Cavaleria Rusticana* и *L'amico Fritz.* Среди выставокъ декораторовъ и драпировщиковъ есть великолѣпный салонъ княгини Меттернихъ, приготовленный для выставки въ Чикаго. Въ отдѣленіи одной изъ вѣнскихъ ateliers развѣшаны планы и виды городскаго театра въ Одессѣ.

Если подвести общіе итоги выставленнымъ собраніямъ, то нужно будетъ придти къ заключенію, что настоящая выставка есть все-таки не болѣе, какъ одна изъ начальныхъ попытокъ въ этомъ дѣлѣ. Музыкальныя выставки дѣло совершенно новое; едва ли прошло десять лѣтъ со времени первой изъ нихъ, бывшей въ Миланѣ. Вторая, въ Болоньѣ, въ 1888 году была уже гораздо значительнѣе и богаче содержаніемъ. Въ Болоньѣ было много доброй воли, но небольшой городъ едва ли когда можетъ быть благопріятнымъ пунктомъ международной выставки, такое мѣсто не особенно привлекаетъ экспонентовъ, да и посѣтителей тоже, съ отсутствіемъ которыхъ Болонская выставка тщетно боролась все время своего существованія. Но въ Болоньѣ были нѣкоторые отдѣлы весьма богатые, которые въ Вѣнѣ отсутствовали; такъ, напримѣръ, Бельгія была въ Болоньѣ представлена прекрасными коллекціями Брюссельской консерваторіи, владѣющей однимъ изъ лучшихъ музыкальныхъ музеевъ въ Европѣ, здѣсь Бельгія совсѣмъ отсутствуетъ. Но дѣло не въ томъ еще, чтобы набрать для выставки множество предметовъ, нужно выбрать, что̀ именно годится, что̀ можетъ придать характеръ, интересъ выставкѣ и быть поучительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, любопытнымъ для публики. Когда съ дѣломъ музыкальныхъ выставокъ больше свыкнутся, то не будутъ посылать всякую болѣе или менѣе старую книгу, рукопись, а только дѣйствительно цѣнныя вещи, или не будутъ посылать, какъ одинъ изъ итальянскихъ городовъ, французскихъ книгъ, недавно изданныхъ въ Парижѣ и рѣшительно не имѣющихъ особаго интереса сами по себѣ, а по отношенію къ Италіи и подавно; или же не будутъ присылать связокъ старыхъ оперныхъ либретто даже безъ каталога. Едва ли тоже нужно будетъ на будущее время присы-

лать ленты отъ букетовъ, когда-то подносившихся артисткѣ, самое имя которой пользовалось извѣстностью въ какихъ-либо небольшихъ районахъ ея дѣятельности. Не знаемъ также насколько можетъ быть поучителенъ шкафъ, наполненный папками отъ различныхъ адресовъ, подносившихся тому или другому артисту, обращиками костюмовъ, которые носила та или другая артистка. Вообще на будущее время на подобныхъ выставкахъ должны играть важную роль толковые каталоги и отсутствіе излишней загроможденности выставленныхъ предметовъ. Со стороны каталоговъ на нынѣшней выставкѣ образцомъ можетъ служить каталогъ берлинской *Hochschule für Musik*, а со стороны размѣщенія предметовъ—Французы.

По поводу музыки на Вѣнской выставкѣ мы припомнимъ другую музыкальную выставку, на которой намъ случилось быть.

На музыкальной выставкѣ въ Болочьѣ въ 1888 году важную роль играли концерты и оперныя представленія; тѣмъ и другимъ старались придать историческій характеръ. Въ концертахъ исполнялись вокальныя сочиненія Палестрины и его современниковъ, инструментальныя произведенія прошлаго вѣка, составлявшія находный пунктъ новѣйшей инструментальной музыки, какъ-то: симфоніи Саммартини, одного изъ учителей Глюка, даже болѣе старыя вещи, какъ напримѣръ, инструментальные отрывки Люлли; затѣмъ слѣдовали произведенія классическаго періода, то-есть Гайдна, Моцарта, Бетховена; въ послѣднихъ двухъ перешли къ Мендельсону, Вагнеру, Берліозу, Рубинштейну, Чайковскому. Дирижеръ концертовъ, г. Мартуччи, отличный музыкантъ, много трудился, но труды его сравнительно мало вознаграждались. Хотя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи одинъ изъ лучшихъ итальянскихъ оркестровъ, но совершенно непривычный къ исполненію большихъ симфоническихъ произведеній. Намъ случилось быть на одной репетиціи въ Болоньѣ, и мы могли убѣдиться, что седьмая симфонія Бетховена, которую учили, была совершенно неизвѣстна большинству членовъ оркестра, а вторыя скрипки, привыкшія играть самую незначительную роль въ аккомпаниментахъ итальянскихъ оперъ, рѣшительно не могли справиться съ трудностями симфоніи. Какъ мало распространена инструментальная музыка, кромѣ камерной, въ Италіи, можетъ служить тотъ фактъ, что во время репетицій, о которыхъ мы говоримъ, намъ пришлось прочесть въ газетахъ сообщеніе изъ

Венеціи, что наконецъ тамъ была исполнена пятая симфонія Бетховена впервые съ тѣхъ поръ, какъ она была написана. Несмотря на всѣ старанія г. Мартуччи, не жалѣвшаго ни трудовъ, ни времени для репетицій, исполненіе—не только оркестровое, но и хоровое—стояло не выше уровня посредственности. Итальянская публика отнеслась къ концертамъ довольно холодно и они доставили крупный убытокъ выставочному комитету. Вѣна въ этомъ отношеніи находится совсѣмъ въ иномъ положеніи, нежели сравнительно маленькая Болонья. Вѣна можетъ составить не одинъ, а нѣсколько превосходныхъ оркестровъ изъ своихъ мѣстныхъ силъ, почти полуторамилліонное населеніе города можетъ дать большой контингентъ слушателей, не считая иностранцевъ. наконецъ, выставка имѣетъ свой собственный постоянный оркестръ весьма недурнаго состава, а множество Singverein'овъ могли обезпечить участіе хоровыхъ силъ, и несмотря на всѣ эти громадныя преимущества, Вѣна для концертовъ сдѣлала менѣе нежели Болонья. Несостоятельность комитета выставки въ артистическомъ отношеніи выказалась въ полной мѣрѣ. Комитетъ ограничился тѣмъ, что обратился къ различнымъ музыкальнымъ знаменитостямъ, — въ томъ числѣ къ А. Г. Рубинштейну и П. И. Чайковскому,—съ предложеніемъ устроить концерты изъ ихъ произведеній подъ ихъ личнымъ управленіемъ. Большинство получившихъ такія приглашенія отвѣчало условно, къ осени бытьможетъ нѣкоторые пріѣдутъ, но 9 октября н. с. выставка уже закроется, такъ что времени для концертовъ будетъ мало. Сверхъ того, и здѣсь нѣтъ никакого опредѣленнаго плана и направленія: еслибы всѣ предложенія комитета были приняты, то концерты представили бы собою такой же складъ исполняемаго, какой мы уже видѣли въ большинствѣ отдѣловъ выставки, то-есть складъ случайно собранныхъ вещей, расположенныхъ какъ позволяло мѣсто. До сихъ поръ были три такіе концерта приглашенныхъ дирижеровъ, но двое изъ нихъ не были композиторами. Одинъ изъ нихъ, г. Аренсъ, исполнялъ различныя сочиненія американскихъ композиторовъ, но этотъ концертъ состоялся до нашего пріѣзда въ Вѣну и, кажется, не произвелъ особаго впечатлѣнія. Мы присутствовали на концертѣ г. Ф. Лёве, принадлежащаго къ числу видныхъ членовъ вѣнскаго *Wagnerverein*'а. Программа состояла изъ посвященной Вагнеру хорошей симфоніи старика-композитора (ему 68 лѣтъ) Брукнера, въ Россіи неизвѣстнаго,

увертюры *Коріоланъ* Бетховена, двухъ отрывковъ изъ *Фауста* Берліоза и увертюры *Meistersinger* Вагнера. Г. Лёве, профессоръ консерваторіи, въ первый разъ выступилъ публично въ качествѣ дирижера и не взирая на полное отсутствіе опытности высказалъ себя съ весьма хорошей стороны: все было очень тщательно разучено и, за весьма немногими исключеніями, очень хорошо исполнено. Самый концертъ состоялся при ресторанной обстановкѣ, то-есть концертная зала выставки, находящаяся въ распоряженіи ресторатора Пертля, была заставлена столиками, за которыми ѣли и пили во все время концерта; сдѣлано было лишь то ограниченіе, что во время исполненія новыхъ блюдъ не подавали. Концертъ сопровождался большими оваціями по отношенію къ дирижеру и присутствовавшему автору симфоніи, Брукнеру.

На выставкѣ дается еще рядъ общедоступныхъ концертовъ подъ управленіемъ г. Греденера, также профессора консерваторіи. Вѣнская печать привѣтствуетъ эти концерты, начиная съ двѣнадцатаго, на которомъ мы присутствовали, какъ новую эру въ музыкальной жизни Вѣны. Новость эта заключается въ томъ, что программа состояла преимущественно изъ произведеній классической музыки, исполнялась даже героическая симфонія Бетховена, хотя закончился концертъ все-таки вальсомъ Штрауса. Этотъ концертъ такъ понравился, что былъ цѣликомъ повторенъ дня два спустя. Исполненіе было довольно хорошее, но не безъ промаховъ всякаго рода, частію въ духовыхъ инструментахъ, а частію въ пониманіи дирижера, влагавшаго въ симфоніи Бетховена оттѣнокъ буржуазной сентиментальности, которой онѣ совсѣмъ не имѣютъ. Въ слѣдующемъ, тринадцатомъ концертѣ исполнялась пятая симфонія Бетховена съ такимъ же успѣхомъ. Во время народныхъ концертовъ ѣдятъ и пьютъ безъ ограниченій. Довольно часто бываютъ концерты *Singverein*'овъ изъ различныхъ городовъ Австріи и Германіи. Всѣ Verein'ы поютъ хорошо все одну и ту же музыку не высокаго достоинства, всѣ имѣютъ большой успѣхъ и сопровождаются, по окончаніи, коммершами при участіи членовъ вѣнскихъ Verein'овъ, причемъ, какъ обыкновенно говорится въ такихъ случаяхъ въ газетахъ, „дружеская бесѣда длится далеко за-полночь“. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выдѣлялись концерты нѣмецкаго пѣвческа гообщества „Аріонъ“ изъ Нью-Іорка. Американцы

откупили должно-быть первый концертъ у ресторатора, такъ какъ столовъ, ѣды и питья въ залѣ не было. Пріѣздъ американскихъ братьевъ вызвалъ въ Вѣнѣ такое же общественное одушевленіе, какое случается наблюдать и въ Москвѣ въ случаяхъ пріѣздовъ къ намъ какихъ-нибудь заграничныхъ братьевъ, то-есть Американцевъ всюду возили, всюду угощали, бѣгали за ними и т. д. Концертъ ихъ, данный съ благотворительною цѣлью, имѣлъ полнѣйшій успѣхъ: всѣ мѣста въ залѣ были заняты, апплодировали, кричали, махали платками и т. д. Въ срединѣ концерта на эстраду взошли депутаціи вѣнскихъ *Verein'*овъ съ подношеніями, начались прочувствованныя рѣчи съ обѣихъ сторонъ, поднесли Американцамъ нѣсколько вѣнковъ отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ пѣвицы Матерна и княгини Меттернихъ, послѣдній вѣнокъ опять далъ поводъ къ рѣчамъ въ честь княгини, такъ что все ораторское intermezzo длилось едва ли не сорокъ минутъ. Пѣли Американцы хорошо; сверхъ того, они привезли съ собой молодую миссъ Maud Powell, скрипачку, и піаниста нѣмецкаго происхожденія Руммеля. Скрипачка, учившаяся въ Лейпцигѣ и Парижѣ, оказалась замѣчательно талантливою, а г. Руммель— хорошимъ піанистомъ средней руки. Коммершъ съ Американцами состоялся въ вечеръ слѣдующаго за концертомъ дня и, разумѣется, „дружеская бесѣда длилась далеко за-полночь". Объявленія о второмъ американскомъ концертѣ гласили, что „столы будутъ поставлены", но за отъѣздомъ въ Байрейтъ намъ не пришлось быть на немъ.

На сценѣ выставочнаго театра ежедневно дается новый балетъ *Дунайская русалка* (Donaunixe), красиво и богато поставленный, но съ весьма посредственными балеринами. Музыка балета слаба и безцвѣтна. Сюжетъ тоже не новъ; русалка, дочь Donaufürst'a, влюбилась какъ-то въ земнаго графа-офицера и хочетъ во что бы то ни стало снискать его любовь. Отецъ долго убѣждаетъ ее не увлекаться, но наконецъ даетъ свое согласіе, съ тѣмъ чтобъ она довела дѣло до конца въ 24 часа или бы вернулась на вѣки въ глубины Дуная. Принимая во вниманіе краткость даннаго срока, русалка поспѣшно старается соблазнить графа разными легкими танцами, а также танцами своихъ подругъ-русалокъ; четыре раза въ четырехъ картинахъ она возобновляетъ свои покушенія, всякій разъ бываетъ совсѣмъ близка къ цѣли, но всякій разъ является соперница, добродѣ-

тельная графиня-невѣста, и съ позоромъ прогоняетъ русалку; въ четвертый разъ, за истеченіемъ срока, она окончательно исчезаетъ, а графъ, переходившій отъ увлеченія къ раскаянію и обратно четыре раза, наконецъ остается въ распоряженіи невѣсты, и кордебалетъ длиннымъ финаломъ празднуетъ это радостное событіе. Балетъ посѣщается довольно хорошо.

Слѣдующее письмо наше будетъ уже изъ Байрейта, гдѣ мы проведемъ недѣлю совсѣмъ въ иномъ художественномъ мірѣ.

Н. Кашкинъ.

9 (21) іюля, Байрейтъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

ПО ПОВОДУ ПРОЧИТАННАГО.

а) Д. Мережковскій. *Символы* (пѣсни и поэмы). Богъ. — Смерть. — Франциск Ассизскій.—Вѣра.—Легенды.—Семейная идиллія.—Конецъ вѣка. — Воронъ. — Возвращеніе къ природѣ. — Прометей. — С.-Петербургъ, 1892. Изданіе А. С. Суворина. б) *Сизифъ*. Картинки деревенской жизни. Клеменсъ-Юноши. Переводъ съ польскаго В. Лаврова. в) *Современные хозяйственные вопросы*. Изданіе Д. И В—ва. I. *Законъ и ростовщичество*. II. *Простыя рѣчи о мудреныхъ дѣлахъ (конверсій)*. Цѣна 25 к. С.-Петербургъ. Типографія Товарищества „Общественная Польза", Больш. Бодъяч 39. 1892 г.

Что̀ за наслажденіе дѣлиться съ читателями впечатлѣніями навѣянными этою книгой! Наслажденіе это было бы полнымъ, будь страстный призывъ къ религіозному чувству, звучащій въ этой книгѣ, строже, церковнѣе, православнѣе; будь онъ менѣе пантеистиченъ и сентименталенъ... Но въ наше время невольно радуешься и тому, что̀ даетъ эта книга. Время наше такъ скудно всѣмъ тѣмъ, что̀ даритъ насъ наслажденіями не изъ міра матеріальнаго, а изданіе, на которомъ мы останавливаемъ вниманіе читателей, вводитъ насъ въ кругъ такихъ чистыхъ мыслей, желаній и побужденій! Произведенія г. Мережковскаго, вошедшія въ составъ настоящаго сборника, въ большинствѣ были помѣщаемы въ нашихъ періодическихъ журналахъ и, конечно, знакомы читающей публикѣ; но теперь, когда прочитываешь ихъ въ послѣдовательной связи, яснѣе обрисовывается вся привлекательность таланта самого поэта, и въ то же время отдѣльныя произведенія понимаются въ подробностяхъ, какъ-то взаимно выгодно оттѣняясь, сгущая свои тѣни, просвѣты дѣлая ярче, всю музыку отдѣльныхъ звуковыхъ сочетаній, звуковыхъ красотъ отдавая внѣшнему міру въ стройной гармоніи цѣлаго. И черезъ всѣ эти пѣсни и поэмы для „имѣющихъ уши" громко звучитъ горячая, сердечная, страстная любовь и молитва къ Творцу видимаго и невидимаго:

Хочу, чтобъ жизнь моя была
Тебѣ немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю
За жизнь и смерть—благодарю. (Богъ, стр. 4.)

И въ чудныхъ звукахъ своего образнаго стиха поэтъ показываетъ Его нашему умному взору, и въ обыденныхъ заурядныхъ явленіяхъ жизни, вокругъ насъ бьющей немолчнымъ ключемъ, и въ домикѣ Петра на Петербургской Сторонѣ, въ строгомъ ликѣ Чудотворнаго Спаса, посылающаго миръ и утѣшеніе въ скорбныя души къ Нему прибѣгающихъ:

Мужикъ и дама въ соболяхъ,
И баба съ Охты отдаленной,
Здѣсь рядомъ молятся. Въ очахъ
У многихъ слезы. Благовонный
Струится ладонъ. Ликъ Христа
Лобзаютъ грѣшныя уста. (Смерть, XXIII.)

и въ чудномъ образѣ любящей дѣвушки, читающей у постели умирающаго прозрѣвшаго человѣка Священныя слова:

LIV.

„Я жизни Хлѣбъ, сходящій съ неба,—
„И возалкавшій человѣкъ,
„Вкушая истиннаго хлѣба,
„Лишь Мной насытится на вѣкъ,
„Я жизнь даю: возжаждетъ снова,
„Кто пилъ изъ родника земного,—
„Но утоляетъ навсегда
„Лишь мой источникъ тѣхъ, кто жаждетъ.
„Я жизни Вѣщая Вода,—
„Иди ко Мнѣ и пей, кто жаждетъ!"

LV.

И то чему не вѣрилъ разумъ,
Что̀ не могла она въ словахъ
Ему сказать—Онъ понялъ разомъ:
Она прочла въ его глазахъ,
Что онъ ужь знаетъ все. А тѣло
Въ ея рукахъ похолодѣло....... (Смерть, LIV, LV.)

Въ поэмѣ „Франпискъ Ассизскій"—во всѣхъ словахъ Блаженнаго, въ чудной сценѣ съ отшельникомъ Сильверстомъ (VIII и далѣе ч. I), на великомъ собраніи нищихъ (XII, ч. I), среди птицъ небесныхъ (ч. II id), въ сценѣ съ больнымъ братомъ

(V, id), въ саду (VI и VII id), въ описаніи страданій Блаженнаго, въ картинѣ его кончины, въ сценахъ метанія современной молодежи въ поискахъ за идеалами, съ глазами отуманенными гордостью и себялюбіемъ, когда счастье тутъ вотъ, близко, возлѣ; въ этомъ „просвѣтленіи" ума и сердца въ минуты, когда, кажется, все кругомъ замыкается въ одно неисходное горе и муку человѣческую (Смерть, Вѣра), вездѣ, вездѣ, поэтъ говоритъ намъ о Богѣ. И каждый образъ человѣческій, проходящій предъ духовными очами поэта, открываетъ предъ нимъ ту или другую минуту своей жизни, когда онъ, сознательно или безсознательно, чувствовалъ Бога, и это чувствованіе дало ему всю полноту человѣческаго счастья. Прочтите въ поэмѣ: „Возвращеніе къ природѣ" послѣднюю молитву Сильвіо (стр. 343) предъ восходящимъ надъ міромъ Солнцемъ:

Вотъ что̀ не призракъ, не сонъ и не ложь.
Боже, молитву мою Ты поймешь...
Солнцу, великому Солнцу привѣтъ!
Слава Тебѣ, показавшему Свѣтъ!

А такая минута просвѣтленія, радости и счастія сознательнаго, и въ то же время безмѣрнаго, не искупаетъ ли всѣ горести и всѣ тяготы человѣческой жизни, и эта жизнь, всецѣло проникнутая этою трепещущею любовью къ Богу, становится и полною, и разумною, и желанною, а смерть — радостнымъ испытаніемъ предъ приближеніемъ къ Нему, къ Его Вѣчной Правдѣ! И какъ блѣднѣютъ тутъ всѣ эти идеалы „лаическихъ" добродѣтелей, пытающіе создать „лаическое" счастье сами въ себѣ и изъ самихъ себя по законамъ чистаго мышленія и. Слава Богу, что это направленіе образованнаго круга людей въ человѣчествѣ и въ частности въ нашемъ отечествѣ начинаетъ уступать страстному исканію Божеской правды:

Нашъ вѣкъ, какъ ни одинъ изъ всѣхъ вѣковъ,
Невидимаго ищетъ и томится,
Отъ мукъ изнемогаетъ, пасть готовъ,
И вдругъ опять изъ порванныхъ оковъ
Встаетъ непобѣдимый и стремится...

Это исканіе въ большинствѣ случаевъ у насъ на Руси вводитъ „ищущихъ" въ великую простоту нашей Православной Церкви, несказанно дивящихся себѣ, что именно ее всегда тутъ, возлѣ себя имѣли и не видѣли, не слыхали, не знали ее!

Но въ этомъ исканіи приходится подъ часъ пройти долгій, тяжелый путь.

Зачѣмъ я не могу не рваться въ тайный мракъ
Къ тому, что̀ не обманъ, не призракъ, не видѣнье?
Проклятье—знанію! Оно гласитъ: „смирись,
Ты жалкій рабъ, не царь въ природѣ,
Отъ смысла жизни отрекись,
Не требуй истины, не думай о свободѣ“.
Проклятье знанью твоему:
Оно лишь му̀ки сердца растравляетъ,
И, какъ услужливый тюремщикъ, освѣщаетъ
Порабощенному уму
Его огромную и страшную тюрьму!.. (Возвращеціе къ природѣ, стр. 336.)

Сколько мукъ долженъ вынести человѣкъ прежде чѣмъ съ такою душевною апатіей, съ какимъ-то жуткимъ безразличіемъ и психическимъ, и физическимъ, остановиться на мысли о смерти:

Обѣщая мнѣ вѣчный покой и пріютъ,
Что-то къ пропасти манитъ меня и влечетъ...
Слышу, волны, призывъ вашъ: я скоро приду!.. (ibid. 336).

И вотъ на этомъ пути къ истинѣ, въ человѣкѣ нерѣдко происходитъ весьма сложный психическій процессъ: сердцемъ понявъ Бога, всею душой стремясь къ Его вѣчной правдѣ, какъ бы сгорая въ этомъ стремленіи, человѣкъ все еще пока не въ силахъ совсѣмъ отрѣшиться отъ ранѣе усвоенной способности все анализировать, отъ гордаго желанія находить въ себѣ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ, строить по этимъ разрѣшеніямъ цѣлыя системы по точнымъ правиламъ науки о человѣческомъ мышленіи, и вотъ этотъ старый методъ онъ вноситъ во всю свою страстность любви и стремленія къ Богу. И любить ему просто, какъ это помнится ему изъ временъ его дѣтства, кажется мало, несоотвѣтственно; тѣ съ дѣтства знакомыя ему простыя формы Богопочитанія, любви и страха Божьяго—ему не понутру. Онъ начинаетъ и тутъ строить свою систему и совсѣмъ по законамъ логики развиваетъ въ своемъ представленіи какія-либо одни свойства Божества; прибавьте къ этому его собственное счастье отъ Богопознанія, и вотъ рисуется ему Божество пантеистически разлитымъ по всему міру, въ какомъ-то звучномъ дрожаніи всепроникающей вѣчной любви и вѣчной радости, и весь міръ, вся

природа вмѣстѣ съ нимъ, умиленнымъ и просвѣщеннымъ, гремятъ однимъ могучимъ гимномъ благодарности, любви и счастья!

. . . .
Такъ вселенная душѣ Святаго
Кажется въ гармоніи своей
Символомъ Единаго, Благаго,
Вѣчнаго, таящагося въ ней.
И зоветъ, зоветъ онъ всю природу,
Бездны, горы, тучи, небеса,
Землю, воздухъ и огонь, и воду—
Слить въ одну молитву голоса.
Чувствуя душой прикосновенье
Безконечнаго, онъ весь горѣлъ
И любилъ, и, полный вдохновенья,
Свой великій гимнъ предъ Богомъ пѣлъ. (Францискъ Ассизскій, VI, ч. 2.)

Точнымъ отраженіемъ этой стадіи такого религіозно-психологическаго процесса является почти весь сборникъ г. Мережковскаго, — и такъ и долженъ быть онъ нами понимаемъ, и тогда онъ пріобрѣтаетъ ту полноту своей цѣнности и значенія, на которыя мы и указываемъ читателямъ въ этой краткой замѣткѣ. Произведенія поэта (за исключеніемъ нѣкоторыхъ чисто тенденціозныхъ, гдѣ возможна неправда) составляютъ отраженіе его собственныхъ мыслей, чувствъ и вѣрованій, и несомнѣнное пантеистическое міровоззрѣніе, проходящее чрезъ „пѣсни и поэмы" настоящаго сборника, составляетъ часть внутренней жизни самого поэта;—достаточно вдуматься въ заглавное стихотворереніе сборника:

. . . .
. . . .
Я Бога жаждалъ—и не зналъ;
Еще не вѣрилъ, но любя,
Пока разсудкомъ отрицалъ—
Я сердцемъ чувствовалъ Тебя.
И Ты открылся мнѣ: Ты—міръ.
Ты—все. Ты—небо и вода,
Ты—голосъ бури, Ты—эѳиръ,
Ты—мысль поэта, Ты звѣзда...
Пока живу—Тебѣ молюсь,

Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру—съ Тобой сольюсь,
Какъ звѣзды съ утренней зарей;
.... (Богъ, стр. 3 и 4.)

Стихотвореніе, поставленное къ тому же какъ-бы эпиграфомъ ко всему сборнику.

Однако самая художественность передачи этихъ страницъ религіозно-психологическаго процесса, о которомъ мы говоримъ, полнота и свѣжесть душевныхъ силъ поэта—все это даетъ увѣренность, что поэтъ *не остановится на половинѣ дороги* и подаритъ насъ въ недалекомъ будущемъ въ такихъ же поэтическихъ образахъ отраженіемъ своего умиротвореннаго духа, успокоеннаго въ великой простотѣ и силѣ, любви и страхѣ богопознанія, которое такъ истово хранится въ Церкви.

И все-таки высоко-художественное воспроизведеніе этого переходнаго процесса имѣетъ огромную цѣну:—если гдѣ-либо и въ комъ-либо уже дрожитъ въ зародышѣ это, по старинному выраженію, „наклоненіе“ къ Богу и Его Вѣчной правдѣ, эти художественные образы людей, душу свою „полагающихъ“ за ближнихъ своихъ (Смерть, Вѣра, Францискъ Ассизскій), въ яркое пламя раздуютъ эту тлѣющую искру!

Такъ велика чарующая власть поэтическихъ образовъ въ музыкѣ художественныхъ стиховъ и, слава Богу, намъ нѣтъ нужды, какъ еще въ недавнее прошлое, скрывать эту силу художественыхъ впечатлѣній, эти „сладкія слезы“ восторга!

Живая правда переживаемаго процесса, о которомъ мы говоримъ, въ самомъ человѣкѣ творитъ много добра, открывая и просвѣтляя его внутреннее зрѣніе, дѣлая ему видимымъ такія красоты, мимо которыхъ людская толпа плыветъ вовсе не останавливаясь. Посмотрите какое чувство мирнаго покоя, тишины и удовлетворенности посѣщаетъ васъ за чтеніемъ „Семейной идилліи“.

Простая, простая семья, простые члены этой семьи въ тысячахъ ежедневно у насъ предъ глазами, а подъ чарующимъ перомъ поэта, что̀ это за дивные образы! Такъ они ярки, пластичны, что всѣ они на полотно просятся, чтобы стать портретами живыхъ людей, гдѣ каждый найдетъ и узнаетъ черты своихъ близкихъ, хорошихъ, дорогихъ людей, въ лучшія минуты ихъ жизни. И станутъ эти люди еще ближе, еще дороже, а съ ними ближе, дороже, понятнѣе станетъ сама семья,—и это въ наши

дни, когда приходится будить эту любовь къ семейственности, когда во Франціи, напримѣръ, государственная власть призывается къ борьбѣ съ сознаннымъ зломъ—распаденіемъ и разрушеніемъ семьи!

Мелкія стихотворенія сборника также хороши; отличительною чертой ихъ слѣдуетъ признать безупречное изящество образовъ въ нихъ. И тутъ, подъ 1890 годомъ, мы сталкиваемся съ отзвукомъ все того же пантеистическаго христіанства:

* * *

Томимый грустью непонятной,
Всегда чужой въ толпѣ людей,
Лишь тамъ, въ природѣ благодатной
Я сердцемъ чище и добрѣй.
Мнѣ счастья, Господи, не надо!
Но я пришелъ, чтобъ здѣсь дышать
Твоихъ лѣсовъ живой прохладой
И листьямъ шепчущимъ внимать.
Пусть росы падаютъ на землю
Слезами чистыми зари.....
Твоимъ глаголамъ, Боже, внемлю:
Открыто сердце,—говори!

1890 г. (стр. 256.)

За то какимъ ужаснымъ диссонансомъ въ общей гармоніи „пѣсенъ и легендъ“ сборника звучитъ переводъ поэмы Эдгара Поэ—„Воронъ“... Самая вынужденная своеобразность стиховъ перевода производитъ уже непріятное, внѣшнее, такъ сказать, впечатлѣніе. Кто станетъ восхищаться, кому какую пользу принесетъ эта мрачная картина современнаго пессимизма, „дошедшаго до геркулесовыхъ столбовъ:—nevermore!..“ Въ поэмѣ г. Мережковскаго „Конецъ вѣка“ какъ будто находится объясненіе—raison d'etre, этого перевода; въ главѣ IV „Новое искусство“ вотъ что говоритъ поэтъ:

„Пѣвецъ Америки таинственный и нѣжный,
Съ тѣхъ поръ, какъ прокричалъ твой воронъ безнадежный
Однажды полночью унылый: „nevermore“.
Тотъ крикъ не умолкалъ въ твоей душѣ; съ тѣхъ поръ
За ворономъ твоимъ, за вѣстникомъ печали,
Поэты „nevermore“, какъ эхо, повторяли,

И сумрачный Бодлэръ, тебѣ по музѣ братъ,
На горестный напѣвъ откликнуться былъ радъ;
Зловѣщей прелестью, какъ древняя Медуза,
Веселыхъ Парижанъ пугала эта Муза.
За то ея рѣчей неотразимый ядъ,
За то ея цвѣтовъ смертельный ароматъ
Надолго отравилъ больное поколѣнье.
Толпа мечтателей признала въ опьяненьи
Тебя вождемъ, Бодлэръ................
....

Остается думать, что поэма „Воронъ“ помѣщена въ сборникѣ, какъ историческая справка, для лучшаго пониманія поэмы „Конецъ вѣка“; но врядъ ли это можетъ оправдать самый фактъ помѣщенія ея въ сборникѣ, предназначенномъ для широкаго распространенія среди читающей публики. Отъ такихъ сборниковъ, отъ такихъ писателей, какъ г. Мережковскій, мы въ правѣ требовать одни положительныя качества, добра, красоты — нужныя для воспитанія той же читающей публики. А что если, какъ говоритъ и самъ поэтъ:

......ея рѣчей неотразимый ядъ,
......ея цвѣтовъ смертельный ароматъ,.....

да соблазнитъ „единаго отъ малыхъ сихъ“ ?...

Слѣдуетъ надѣяться, что въ слѣдующихъ, несомнѣнно имѣющихъ быть, изданіяхъ того же сборника мы не встрѣтимъ и въ концѣ перевода этого ужаснаго бреда человѣка „разсудкомъ тяжко болящаго“. Ему мѣсто въ общемъ собраніи сочиненій, но не въ сборникѣ; да и самъ поэтъ, отмѣчая въ поэмѣ „Конецъ вѣка“ увлеченіе современниковъ пессимизмомъ, рисуя печальныя картины безсодержательной городской столичной нашей жизни, кажется, во всѣхъ слояхъ заполоненной картами—„винтомъ“ съ его аксессуарами и послѣдовательнымъ вѣчнымъ недосыпаніемъ [1], находитъ же полное успокоеніе въ этихъ прекрасныхъ строфахъ:

....
....И все-таки тебя, родная, на чужбинѣ
Люблю, какъ никогда я не любилъ до нынѣ.
Я только здѣсь, народъ, въ чужой землѣ постигъ,

[1] Вотъ можетъ-быть источникъ современнаго переутомленія,—кто знаетъ?

Какъ несмотря на все, ты—молодъ и великъ,—
Когда припоминалъ я Волгу, степь нѣмую,
И пѣсенъ Пушкина мелодію родную,
И вѣковыхъ лѣсовъ величественный шумъ,
И тихую печаль малороссійскихъ думъ!
Я передъ будущимъ твоимъ благоговѣю,
И все-таки горжусь я родиной моею,
За всѣ страданія еще сильнѣй любя.
Чтобъ ни было, о Русь, я вѣрую въ тебя!
1891 г. Парижъ (стр. 362, X).

Гдѣ-же тутъ мѣсто для пессимизма и его символа—ворона? Литература имѣетъ великое воспитательное значеніе и авторы обязаны великимъ отвѣтомъ за то, что̀ творятъ, даже и предъ судомъ будущихъ поколѣній!

Въ сборникѣ помѣщенъ переводъ трагедіи Эсхила „Скованный Прометей". Говорить о значеніи самого произведенія—лишнее; всему образованному человѣчеству извѣстно значеніе Эсхила и его трагедій. Переводъ, какъ все выходящее изъ-подъ пера г. Мережковскаго, очень хорошъ и очень близокъ къ подлиннику, какъ можетъ быть близокъ переводъ художественный, не преслѣдующій невозможныхъ цѣлей передачи чуждаго склада, чуждой конструкціи рѣчи и чуждой музыки словъ, чуть-ли не фотографическимъ способомъ.

Сборнику г. Мережковскаго можно предсказать большой и заслуженный успѣхъ. [1]

Нашъ вѣкъ дѣйствительно зараженъ пессимизмомъ.

Вотъ еще предъ нами книжка: „Сизифъ", картинки деревенской жизни, талантливое произведеніе современнаго польскаго писателя Клеменса Юноши, въ переводѣ В. М. Лаврова. Ужасною грустію вѣетъ отъ самаго названія „Сизифъ!" А вотъ и заключительныя слова автора:

„Это только одна страничка, вырванная изъ сѣрой, будничной книги жизни. Она сѣра и грустна, какъ жизнь.

---

[1] На страницахъ *Русскаго Обозрѣнія* помѣщены произведенія того же автора: 1) о *„Преступленіи и наказаніи"* Достоевскаго. Критическій этюдъ. 1890. Т. II: мартъ, стр. 155 и др. и 2) Прологъ на небо (изъ „Фауста" Гёте). Т. II. Мартъ 1892.

Мы каждый день смотримъ на эту книгу, потому что исписываемъ ея страницы, какъ кто можетъ: иной внесетъ десять строкъ, иной—сто,—смотришь потому, что она постоянно открыта передъ нами. Кто видѣлъ ее только глазами, тотъ проходитъ мимо нея равнодушно, какъ мимо обыкновеннаго предмета, мимо камня или дерева при дорогѣ; кто всмотрится въ нее сердцемъ, тотъ увидитъ многое... и вздохнетъ, можетъ-быть, а можетъ-быть, слезы у него на глазахъ навернутся. Не одинъ только Сизифъ влачитъ тяжелый камень жизни, — велико число такихъ же, какъ онъ. И въ палатахъ, и въ хатахъ, и въ кафтанахъ, и въ сермягахъ, и на полѣ за плугомъ, и въ городскихъ мастерскихъ, и съ перомъ въ рукахъ, и въ мірѣ искусства, и въ мірѣ знанія, и въ мірѣ чернаго труда—вездѣ, вездѣ много Сизифовъ!"

Но зачѣмъ же, зачѣмъ, такая безнадежность! Попробуемъ всмотрѣться въ эту страничку „сѣрой, будничной книги жизни"— и мы найдемъ въ ней и свое оправданіе, и закономѣрность, и красоту—красоту подвига, выше которой что̀ еще можетъ дать та же жизнь человѣческая? Эти „Сизифы" красятъ жизнь, вносятъ въ нее здоровое начало не ломающейся силы, энергіи, глядя на нихъ слабое большинство инстинктивно держится въ рамкахъ того же жизненнаго подвига.

Въ маленькомъ костелѣ въ Босой Волѣ, въ одинъ осенній вечеръ, была обвѣнчана молодая, горячо другъ друга любящая, пара, которой пришлось до этого много бороться:

„Отецъ Марини говорилъ:
— Вы оба бѣдны,—что̀ васъ ожидаетъ?
— Счастье, шепнула дочь.
— Нѣтъ горе—отвѣтилъ отецъ."

. . . .

„И Ясь посватался, предварительно выдержавъ тяжелую сцену со своею матерью, взгляды которой были болѣе или менѣе одинаковы со взглядами отца Марини."

Вотъ и зажили наши молодые въ своемъ маленькомъ родовомъ помѣстьи, въ Ставискахъ, отдавшись всецѣло заботамъ деревенскаго хозяйства, труднаго хозяйства!

„Но дѣлать нечего, хоть и трудно, но приходится примириться съ судьбой,—мы взялись за дѣло, нужно наживать

деньги. Молодая хозяйка твердо рѣшила это, она убѣдитъ отца, что онъ ошибался, что его опасенія были неосновательны.“

И авторъ рисуетъ намъ рядъ чудныхъ картинъ изъ дальнѣйшей жизни нашихъ героевъ, радостей и горестей этой трудовой жизни. Онъ насъ знакомитъ съ ихъ интимною ежедневною жизнью; съ людьми, которые ихъ окружаютъ въ отдѣльности, съ обществомъ въ цѣломъ его составѣ, среди котораго живетъ молодая и потомъ состарившаяся чета, съ людьми добра, которые попадаются въ этомъ обществѣ, съ людьми зла сознательнаго и безсознательнаго, составляющими можетъ-быть и большинство. И вездѣ, и всюду борьба, борьба упорная, борьба за благосостояніе! Но что̀ же тутъ новаго, что̀ особенно страшнаго? Что борьба эта безпощадна, что, всматриваясь въ нее ближе, возмущается все существо человѣка—правда; но съ этимъ міръ стоитъ вотъ уже восьмую тысячу лѣтъ.

Но не въ разъясненіи этого задача художника-романиста; задача его и выше и чище:—отыскать въ этой „юдоли плача и стенанія“ людскаго страницы добра и вѣчной красоты, отъ напоминанія и представленія которыхъ люди мягчѣютъ, и подчасъ до боли сознаютъ въ себѣ желаніе, хотя бы крошечку походить на представляемые образы, и въ данномъ крошечномъ человѣческомъ кружкѣ эта борьба хотя на минутку станетъ тише, покойнѣе. И такова сила таланта автора, что его „страничка“, несмотря на все настойчивое стремленіе сгустить всѣ краски до ужаса, до плача надъ „Сизифомъ“, такъ и блеститъ необыкновенною привлекательностью образовъ, тѣхъ самыхъ людей, положеніе которыхъ, по замыслу автора, должно было быть наиболѣе трагическимъ.

Пускай морщины панны Маріи и не сходятъ съ ея чела, пусть очень замѣтны преждевременныя, серебряныя нити, въ ея густыхъ шелковыхъ волосахъ, пусть оживляются ея глаза только: „тогда, когда она смотрѣла въ сторону мужа или ея дѣтей“; пускай говорятъ о панѣ Янѣ:—„что ему приходится туго“—такъ величаво-прекрасенъ этотъ образъ матери-хозяйки, ради мужа и семьи безропотно съ улыбкой несущей всю тяжесть земной жизни, свѣтомъ своей любви озаряющей всю бѣдность ея мрака, и этотъ образъ работника безъ отдыха, рыцаря безъ страха и упрека, до смерти любовно несущаго эту борьбу во имя милой подруги своей и своей семьи,—что намъ, зрителямъ этой картины

земной правды, ужасно желается встрѣчать побольше такихъ людей, самимъ желается увидать себя такими же, въ такихъ же житейскихъ обстоятельствахъ! И отдадимъ справедливость автору: образы героевъ, его „страннички“, ихъ матери, доктора Дитто, старика Еврея Манелесса и всѣхъ прочихъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ лицъ, въ мельчайшихъ чертахъ своихъ, въ высокой степени художественные. Еслибы, для подтвержденія нашихъ словъ потребовались выписки изъ книги, пришлось бы пожалуй выписать ее всю, такъ все въ ней органически связано. А какъ хороши страницы описанія свадьбы, стараго дома въ Ставискахъ (стр. 10), разъѣздовъ по имѣнію молодыхъ хозяевъ (стр. 14), описаніе вообще Стависокъ (стр. 25); сцены съ больнымъ мужикомъ (стр. 33), описаніе лѣтней ночи, потомъ разсвѣта и дня (стр. 61), картина сѣнокоса (стр. 72), бури съ грозою, надѣлавшею много бѣдъ (стр. 89, 90) и между прочимъ пожаръ (стр. 93, 94) въ Ставискахъ, истребившій все отъ старины скопленное, наконецъ похороны стараго Манелесса!.. (стр. 114, 115).

Между тѣмъ, тенденція произведенія очень печальна. Если повѣрить автору, жизнь и дѣятельность въ деревнѣ—это Сизифовъ камень безъ малѣйшей надежды на лучшее будущее, и это для помѣщика, этого естественнаго носителя между прочимъ и сельско-хозяйственной культуры.

— ..... „Я сказалъ бы, что это — эпидемія, которая охватила почти всѣхъ. Лично я не могу жаловаться, но панъ Янъ, Петръ, Михалъ, Игнацій,—всѣ сосѣди наши, ближніе и дальніе, заражены, и заражены сильно. Что̀ тутъ говорить?—плохо дѣло, болѣзнь затянулась, переходитъ въ критическое состояніе.“.... ....

....

„— Боже ты мой! Да согласитесь сами, докторъ, что какой-нибудь панъ Янъ и сотни, тысячи подобныхъ ему, экономически больны, ослаблены, я сказалъ бы даже—безсильны. Каждому изъ нихъ потребно мясо, вино, бульонъ, иначе говоря: банки, кредитъ, который бы дѣйствительно укрѣпилъ ихъ, поднялъ на ноги, увеличилъ бы ихъ силы,— а чѣмъ они подкрѣпляютъ себя? Гдѣ ищутъ помощи?—У жидовъ. А знаете вы, что̀ это такое?—то же самое, что еслибы человѣкъ, страдающій катарромъ желудка или кишокъ, наѣлся сырыхъ огурцовъ, рѣпы, брюквы и запилъ бы это уксусомъ...“

Такъ вотъ и лѣкарство отъ болѣзни—опять банки, опять банковый кредитъ, какъ всесильная панацея... Употребляя образный способъ выраженія автора,—а что, если эта сложнѣйшая система лѣченія да попадетъ въ руки человѣка, въ глаза лѣкарства невидавшаго, который между прочимъ эти предоставленныя въ его распоряженіе мушки (банки, кредитъ)—„тряпочку-то пососетъ“, какъ разсказывалось въ одномъ юмористическомъ разсказѣ про больнаго фабричнаго? Что̀, спрашивается, изъ всего этого выдетъ? Не повторится ли старая исторія съ земельными банками, гдѣ взяты ссуды на все что̀ угодно, только не на облегченіе сельскаго хозяйства и въ короткое время 2/3 русскихъ землевладѣльцевъ, какъ-то ужь очень по дѣтски, очутились безъ денегъ и въ положеніи добрыхъ управителей отъ банка въ бывшемъ своемъ имѣніи. Съ такими больными не всякое и средство поможетъ. Мы въ будущемъ еще будемъ имѣть возможность коснуться болѣе подробно какъ „этой нашей болѣзни“, такъ и мѣръ противъ нея, теперь обратимъ наше вниманіе на зло, ярко очерченное авторомъ, на невозможность для владѣльца имѣнія въ западномъ краѣ сдѣлать шагъ безъ Еврея, когда молодые, „культивированные“ Манелессы, забывъ начала своей исторической мудрости и старое сказаніе предковъ о дырявомъ горшкѣ, который не удержитъ воды, сколько бы ее не лили туда, выжимаютъ, если уже не повыжали, все, что̀ можно, изъ несчастныхъ номинальныхъ владѣльцевъ. Это особенность землевладѣнія въ западномъ краѣ, которое и имѣетъ въ виду авторъ, но было бы наивностью думать, что мы въ остальной Россіи лишены подобнаго же благодѣтельнаго института паразитовъ, въ формѣ всякаго сорта ростовщиковъ, съ тою только разницей, что россійскій типъ ростовщика просто не поддается описанію, послѣдовательно проявляясь въ лицахъ самаго рѣшительнаго аристократизма, иначе даже не думающихъ, какъ на самомъ чистомъ французскомъ языкѣ, до отвратительнаго кулака, Богъ вѣсть, гдѣ заброшенной деревни какихъ-то „полѣхъ“. И мудрые, старые Манелессы, еще видимо встрѣчаемые кое-гдѣ въ западномъ краѣ, гдѣ они пока еще могутъ умѣрять постыдное рвеніе молодаго поколѣнія, уже давно вымерли среди ростовщичества россійскаго.

Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ случайнымъ явленіемъ, и это дѣйствительный бичъ жизни. Но какъ ни страшенъ этотъ врагъ, тутъ все еще далеко до Сизифова камня, понятіе о которомъ сложилось въ минуты болѣзней потемненнаго человѣческаго міро-

воззрѣнія. Это явленіе все-таки частное, не подлежащее обобщенію и вызывающее на серьезную съ собою борьбу, на борьбу, гдѣ однѣ общественныя силы (куда входятъ очевидно тѣ же темныя силы, съ которыми надлежитъ бороться) сдѣлать не много могутъ. Авторъ, затрогивая стороной вопросъ объ этой борьбѣ, въ формѣ круговой поддержки всѣхъ владѣльцевъ данной мѣстности, скоро отступается отъ этой мысли:

„И чѣмъ больше докторъ жилъ въ деревнѣ, чѣмъ больше хозяйничалъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ справедливости этихъ словъ и на своемъ опытѣ удостовѣрился, что въ борьбѣ за существованіе можно разсчитывать только на свои силы"... (стр. 149).

Но зло ростовщичества успѣло съ 1879 года пустить такіе здоровые корни и такъ пріучило къ себѣ среду—какъ куреніе табаку, опія, гашиша, и т. п., что въ борьбѣ этой паліативы, въ родѣ проповѣдей, банковъ и прочаго, не помогутъ: зло должно быть государствомъ вырвано съ корнемъ. Поразительно странно идетъ исторія умственнаго развитія нашего отечества! Давно уже слышимъ мы, что далеко отстали мы отъ Западной Европы, ну и прекрасно, въ этой отсталости уже то хорошо, что намъ представляется полная возможность критически отнестись, ко всему тому, что̀ нами еще не усвоено, не воспринято, и брать только доброе, добрые плоды котораго вотъ тутъ, — созрѣвшіе! Въ 1879 году и ранѣе [1] въ литературѣ Западной Европы раздаются громкіе голоса о вредѣ свободы денежныхъ сдѣлокъ и о естественномъ ихъ послѣдствіи — ростовщичествѣ, [2] а въ 1879 году, законы установлявшіе у насъ maximum роста были отмѣнены и разрѣшается свобода денежныхъ сдѣлокъ, дошедшая въ наши дни до открытаго учета изъ 5% въ мѣсяцъ или 60% годовыхъ, при цѣлой системѣ приписокъ, двойныхъ и тройныхъ документовъ, вымогательству подъ ножомъ ростовщика, фабрикаціи подложныхъ завѣдомо подписей и т. п. Правда, уже тогда нашъ Государственный Совѣтъ нашелъ нужнымъ возложить на министра Юстиціи:

„по сношеніи съ другими подлежащими вѣдомствами внести въ Государственный Совѣтъ предположенія о мѣрахъ

[1] Либеральные законы Западной Европы введены были въ 1867—1868 годахъ, но уже протесты противъ нихъ громко раздаются съ первой половины семидесятыхъ годовъ.

[2] Что̀ и повело къ новымъ законамъ о ростовщикахъ, законамъ карательнымъ, 1880 года.

взысканія за такія дѣйствія заимодавцевъ, которыя должны быть почитаемы дѣйствіями ростовщическими."

До настоящаго времени въ этомъ направленіи сдѣлано черезъчуръ мало и только въ послѣдніе дни, а именно закономъ 18 іюня 1892 года, установлена отвѣтственность за ростовщическія сдѣлки по скупкѣ хлѣба у крестьянъ. Въ проектѣ же новаго нашего уложенія, этотъ видъ мошенничества par profession разработанъ весьма кратко и весьма неудовлетворительно. Въ ст. 526 проекта говорится: 1) Если ростовщическая сдѣлка была оказана при такихъ условіяхъ, при которыхъ она, завѣдомо для виновнаго, представлялась разорительнымъ для должника, виновные и проч.................................

....

Если чрезмѣрность процентовъ была скрыта подъ видомъ платы за храненіе или инымъ способомъ, то и пр....

Ростъ не превышающій 15% [1] не почитается чрезмѣрнымъ...

Все вмѣстѣ и порознь представляется, по сличеніи съ данными жизни, крайне неудачнымъ. Такъ, въ законѣ не объясняется какой критерій долженъ быть принятъ для установленія понятія о завѣдомости для виновнаго разорительности для должника предложенной сдѣлки, а если удержать постановленіе о нечрезмѣрности 15%, то и компетентность самого суда въ разрѣшеніи даннаго вопроса будетъ не велика! Я желалъ бы спросить знающихъ жизнь людей, какое такое *торговое или промышленное* предпріятіе можетъ выдержать уплату 15% на оборотный капиталъ?! Я уже не говорю о несчастныхъ собственникахъ земли, для которыхъ и 5% на занятый капиталъ платить подчасъ охъ, какъ тяжело! Почему же спрашивается въ частныхъ сдѣлкахъ уплата 15% за занятый въ нуждѣ капиталъ неразорительна для заемщика? развѣ только по случайному признаку, что, по оплатѣ, у заемщика что-нибудь еще останется? Тогда, до какой же цифры этотъ остатокъ долженъ обѣлять ростовщика, потому что какъ тамъ ни говорите о безнаказанности взиманія 15%, а въ народѣ такіе люди все будутъ ходить съ эпитетами:—Ростовщикъ!.. Жидъ!.. Жила и т. д.?

По вопросу о современномъ значеніи ростовщичества, мы можемъ рекомендовать вниманію нашихъ читателей преинтереснѣйшую брошюру подъ заглавіемъ: *Современные хозяйственные*

---

[1] А по другимъ свѣдѣніямъ 20%!..

вопросы, изданіе Д. И. В—ва. I. *Законъ и ростовщичество.* II. *Простыя рѣчи о мудреныхъ дѣлахъ (конверсіи).* Цѣна 25 к. С.-Петербургъ. Типографія товарищества „Общественная Польза“ Больш. Подъяч. 39. 1892 г.

Почтеннѣйшій авторъ, къ сожалѣнію, скрывшій свое имя, даетъ весьма точное и подробное изложеніе дѣла какъ за границей, такъ и у насъ по существующимъ даннымъ. Хотя статья о ростовщичествѣ въ брошюрѣ и помѣчена 1888 годомъ, но у насъ въ Россіи дѣло не измѣнилось и въ законодательствѣ нашемъ въ отдѣлѣ о ростовщичествѣ пока существуетъ единственный законъ 18 іюня 1892 года, о которомъ мы говорили выше; только само ростовщичество стало еще наглѣе, да ряды свои удесятерило. Поэтому брошюра Д. И. В—ва имѣетъ и сейчасъ весь интересъ новизны, почему и издана въ текущемъ 1892 году.

Въ своей брошюрѣ авторъ говоритъ, что за границей имѣется богатая литература по этому вопросу (какъ примѣръ: классическія сочиненія Лоренса фонъ-Штейна и графа Хоринскаго), которая почти единогласно приходитъ къ заключенію, что дѣйствующій законъ 1880, объ уголовномъ преслѣдованіи ростовщиковъ (Германія), оказался безусловно дѣйствительнымъ (ему предрекали мертворожденность) и высокополезнымъ. И это послѣ того, какъ съ 1867 года тамъ (Австрія и Пруссія) была допущена совершенная свобода всякихъ денежныхъ сдѣлокъ:

— „безнаказанность разбойниковъ, какъ справедливо называетъ графъ Хоринскій.

Авторъ брошюры находитъ, что

„Темноту, которая господствуетъ въ этомъ дѣлѣ и самую возможность добросовѣстныхъ ошибокъ слѣдуетъ приписать въ значительной мѣрѣ смѣшенію понятій о ростовщичествѣ съ лихвенными процентами. Никто не сомнѣвается въ томъ, что, когда, напримѣръ, въ Россіи дѣйствовалъ законъ, воспрещавшій взиманіе процентовъ свыше шести годовыхъ, то могли быть люди очень нравственные, которые подпадали подъ дѣйствіе карательнаго закона, а съ другой стороны ростовщики по ремеслу всегда могли избѣгнуть каръ, придумавъ тотъ или иной обходъ для сокрытія существа сдѣлки. Неправильность прежняго законодательства всего лучше опредѣлялась двумя фактами: Государственный Банкъ

взималъ лихвенные проценты, да и самъ законъ разрѣшалъ совершеніе сдѣлокъ на такіе проценты опекамъ въ пользу малолѣтнихъ."

Съ такимъ выводомъ почтеннѣйшаго автора врядъ ли можно согласиться. Присутствіе въ нашемъ законодательствѣ одного лишь закона о лихвенныхъ процентахъ объясняется тѣмъ, что—простота тогдашней жизни знала только одну форму ростовщичества—взиманіе чрезмѣрнаго процента, безо всякихъ побочныхъ ухищреній, которыми, наоборотъ, такъ богаты операціи нашего времени. То время и въ мошенничествѣ (а ростовщичество несомнѣнно есть одинъ изъ видовъ мошенничества всегда квалифицированнаго) было больше нескрываемой смѣлости! Послѣдовательность требовала, съ осложненіемъ жизни, не отмѣнять существующее, а дополнить этотъ законъ опредѣленіемъ понятія о ростовщичествѣ вообще. Интересно обратить вниманіе на *невольную* редакцію ст. 526 проекта новаго уложенія въ той части, которая говоритъ о процентахъ:

„Ростъ не превышающій 15% *не почитается* чрезмѣрнымъ."

Самая конструкція положенія какъ-то графически наводитъ на мысль о несовершенствѣ положенія, о неувѣренности самихъ редакторовъ въ сказанномъ—„*не почитается*", то-есть дѣлаетъ въ этомъ уступку. Но кому? для чего? Намъ думается, что весьма нехудо было бы составителямъ проекта вспомнить, что одна только исторія не ошибается и что многовѣковое понятіе о 6% годовыхъ, какъ о чемъ-то очень опредѣленномъ, составляющемъ maximum земельной ренты, заслуживаетъ большаго вниманія и изученія, и что законодательство не должно покрывать своею святостью разнузданность человѣческихъ страстей, только потому, что большинству это выгодно будетъ. Недоразумѣніе въ дѣлѣ заключается не въ этомъ, а въ томъ, что мы личный кредитъ признаемъ за какой-то рискъ sui generis, за который почему-то считаемъ себя въ правѣ получить больше денегъ, хотя во имя такого принципа пришлось бы играющимъ въ тотализаторахъ, въ рулетку, въ карты, наконецъ, выдавать денежныя преміи за ихъ риски. Почему человѣкъ дающій въ долгъ деньги безъ обезпеченія долженъ имѣть право взимать высшій процентъ, признаемся, намъ непонятно. Вотъ еслибы существовали учрежденія или лица, которыя оказывали бы этотъ личный кредитъ, на основаніи

какихъ-либо точныхъ правилъ, какъ напримѣръ, въ земельныхъ нашихъ банкахъ, такъ что при соблюденіи этихъ правилъ всякій приходилъ бы и получалъ нужныя ему деньги, и вотъ, по примѣрному исчисленію, риски возможныхъ потерь восполнялись бы высшимъ учетнымъ процентомъ со всѣхъ заемщиковъ, это имѣло бы свое оправданіе. Но и тогда эти повышенные проценты не могли бы достигать такихъ размѣровъ, какъ 15%; и примѣры у насъ передъ глазами—теперешнія вексельныя банковыя операціи.

Дѣло въ томъ, что личный кредитъ покоится на основаніяхъ изъ міра нравственнаго, къ которому нельзя примѣнять обычныхъ мѣрокъ. И не бойтесь,—частные капиталы, если вы злую волю даже большинства человѣческаго поставите въ строгія рамки, не уйдутъ съ рынка. Мы можемъ, между прочимъ, утвердительно сказать, что ограничительныя мѣры въ денежныхъ сдѣлкахъ найдутъ сочувствіе среди самихъ ростовщиковъ, въ массѣ какъ-то стадно отдающихся лихорадкѣ ремесла; на практикѣ масса самихъ ростовщиковъ кончаетъ разореніемъ, разоривъ предварительно десятки людей. Неужели же для борьбы и съ этимъ зломъ нужны громкія слова о свободѣ личности, свободѣ сдѣлокъ и проч.? Съ точки зрѣнія государственной нравственности, эта быстрота смѣны въ жизни богатства на скудость, скудости на бѣдность и нищенство и, наоборотъ, путемъ пріемовъ, мерзость которыхъ не поддается описаніямъ, картины быстраго и какого-то роковаго разоренія одной части человѣчества въ пользу другой—составляетъ выраженіе такого общественнаго разврата, что оно должно, обязано быть уничтоженнымъ. Карательныя мѣры могли бы быть установлены и для заемщиковъ, когда надлежащія власти неоспоримо убѣдятся, что заемщикъ выказалъ, въ данномъ случаѣ, непростительное легкомысліе и вошелъ въ ростовщическую сдѣлку безъ особыхъ побудительныхъ къ тому причинъ, а тѣмъ болѣе ради удовлетворенія какихъ-либо порочныхъ побужденій. Притомъ, конечно, въ судебномъ процессѣ, по вытекающимъ спорамъ, сторонамъ должно быть предоставлено широкое право въ представленіи доказательствъ. Для того же, чтобы не дать возможности сторонѣ заявленіемъ о ростовщической сдѣлкѣ только оттягивать уплату по правильной сдѣлкѣ (что̀ на практикѣ возможно), должно быть установлено строгое наказаніе, какъ, напримѣръ, при заявленіяхъ о подлогѣ документовъ. Мы далеки отъ возможности въ настоящемъ очеркѣ представить строгую систему репрессалій противу ростовщи-

чества, мы только быть-можетъ намекаемъ на то, что̀ должно быть и, мы вѣримъ, что̀ будетъ сдѣлано въ этомъ направленіи.

Брошюра Д. И. В—ва хорошо знакомитъ читающаго съ ростовщичествомъ въ деревняхъ, гдѣ, по словамъ крестьянъ, они *„взяли ихъ въ полонъ“*.

Авторъ приходитъ къ рѣзко формулированному выводу, о необходимости рѣшительной государственной борьбы съ этимъ зломъ—

„подтачивающимъ наши продовольственныя силы“, что

борьба эта—

> „возможна лишь путемъ твердаго законодательства, удовлетворяющаго потребности жизни и представляющаго достаточный просторъ усмотрѣнію суда въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.“

И дай же Богъ, скажемъ мы отъ себя, чтобъ этотъ нужный запоздавшій уже законъ выходилъ поскорѣе и чѣмъ скорѣе будутъ установлены мѣры противъ ростовщичества, чѣмъ ниже будетъ размѣръ дозволеннаго роста, [1] тѣмъ скорѣе и вѣрнѣе мы освободимся отъ ростовщической эпидеміи, и много матерей и малолѣтнихъ дѣтей на молитвѣ помянутъ потрудившихся для этого. Посмотрите, стыдно себя становится:—вонъ изъ окна вашего на той сторонѣ улицы, на зеркальныхъ стеклахъ огромнаго дома, золотыми буквами читаемъ мы вывѣску, гдѣ благодѣтель человѣчества оказываетъ одолженіе нуждающимся изъ 2% въ мѣсяцъ, причемъ *храненіе заложеннаго и стало-быть гарантирующаго имущества* оплачивается отдѣльно еще 2% въ мѣсяцъ. А тутъ правительствомъ утвержденныя Общества подъ закладъ движимаго имущества торгуютъ людскою нуждой, почти на тѣхъ же основаніяхъ, какъ Израильскіе рыцари золотаго тельца, давая за то своимъ акціонерамъ 20, 30% барыша, за всѣми очень крупными расходами на вознагражденіе директоровъ и проч. Далѣе идти не сто̀итъ! Интересно, что въ Китаѣ ссудныя кассы выдаютъ ссуды нуждающимся изъ 7 много 8% годовыхъ *(Симонъ, Срединное Царство)*. Какъ образецъ до чего люди дошли на этомъ иппподромѣ быстрой наживы, лучшею иллюстраціей можетъ служить слѣдующее: очень недавно, здѣсь, въ Москвѣ,

---

[1] Весьма любопытно, что въ нашемъ законодательствѣ въ началѣ первой половины текущаго вѣка еще существовалъ законъ, что капиталъ процентами можетъ увеличиться «токмо до удвоенія».

составлялось общество для выдачи ссудъ подъ закладъ движимости, то-есть общество имѣющее право открывать десятки тысячъ ссудныхъ кассъ и основной капиталъ его, отъ пяти до десяти милліоновъ, охотно давался очень респектабельными лицами, въ то время, когда люди съ серьезными коммерческими дѣлами не могутъ сыскать нужныхъ для дѣла средствъ, иначе какъ у завѣдомыхъ дисконтеровъ за $1\frac{1}{2}\%$ въ мѣсяцъ! Счастье, что въ правительственныхъ сферахъ иниціаторы дѣла не встрѣтили сочувствія къ своимъ хищническимъ планамъ и должны были оставить самое дѣло. И мы сами слышали сожалѣнія, что это *дѣло* не устроилось, „*а дѣло было вѣрное!*" Господь съ вами! вѣдь это уже граничитъ съ „*звѣринымъ*" образомъ! Когда такіе нравы становятся общественными, нужно спѣшить съ ними бороться; чѣмъ дальше, тѣмъ борьба труднѣе будетъ, сложнѣе, а побѣду придется окупать тяжелыми, обидными жертвами!

Вышеуказанный новый законъ отъ 18 іюня сего года, поэтому, намъ сугубо дорогъ, какъ начало доброе, какъ показатель, что правительство наше сознало бѣду и идетъ ей на встрѣчу съ тѣмъ суровымъ спокойствіемъ, отъ котораго у нечистой людской совѣсти по тѣлу мурашки бѣгать начинаютъ. Въ добрый часъ, по милости Бога!

Н. Чубаровъ.

ГЕРОЙ НОВАГО ТИПА.

«Василій Теркинъ», романъ П. Д. Боборыкина. *Вѣстникъ Европы*, 1892 г., кн. I—VI.

Наша критика послѣдняго тридцатилѣтія поставила для беллетристовъ задачу въ родѣ квадратуры круга старинныхъ математиковъ: это—изображеніе русскаго положительнаго типа, надѣленнаго высшими качествами ума и сердца вмѣстѣ съ высшею дѣловитостью и практичностью. Какъ нѣчто установленное самою природой, полагалось, что русскій человѣкъ или исполненъ лучшихъ намѣреній, но не въ силахъ ихъ осуществить, или можетъ направлять свою дѣятельность лишь для личной пользы, въ ущербъ общему благу и справедливости. Наиболѣе извѣстныя попытки изображенія положительнаго дѣловаго типа, въ лицѣ гончаровскихъ Штольца и Тушина и тургеневскаго Соломина, которые должны были играть роль контраста симпатичнымъ, но неустойчивымъ типамъ Обломова, Райскаго и Нежданова, были сочтены неудачными: критика признавала единогласно, что названныя выше лица—выдуманныя, „деревянныя“ фигуры, менѣе привлекательныя, чѣмъ ихъ отрицательные противовѣсы, и потому вовсе не исполняющія своего назначенія служить образцами для будущихъ дѣятелей. Среди главныхъ лицъ гр. Л. Н. Толстаго также не было усмотрѣно ни одного героя подобнаго значенія: Пьеръ Безухій, Андрей Болконскій, Алексѣй Вронскій и даже Константинъ Левинъ казались поставленными слишкомъ высоко или занятыми исключительно личными вопросами, чтобъ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ типу настоящаго практическаго дѣятеля. Съ другой стороны, многочисленные „носители передовыхъ идей“ въ народническихъ и тенденціозныхъ повѣстяхъ, несмотря на стараніе извѣстной части критики выдвинуть ихъ, какъ примѣръ для подражанія, оказывались

настолько безжизненными, что даже имена ихъ забывались самыми сочувствующими читателями тотчасъ же послѣ того, какъ повѣсти эти прочитывались. Время шло, смѣнялись литературныя направленія, а литературная квадратура круга не переставала манить къ себѣ беллетристовъ и вызывать сѣтованія критики по поводу неспособности современной литературы дать желаемое рѣшеніе ея.

Нравственная сторона ученія Толстаго дала новое содержаніе изображеніямъ идеальныхъ типовъ практическихъ людей. Олицетвореніе ихъ, согласно названному ученію, представило даже нѣкоторое облегченіе сравнительно съ требованіями предшествующаго времени. Тогда было нужно рѣшить задачу о совмѣщеніи культурныхъ идеаловъ съ народными; теперь явилась возможность оставить культуру въ сторонѣ, какъ нѣчто фальшивое и вредное для народа, и сосредоточиться на изображеніи преимуществъ, какія происходятъ для человѣка, когда онъ забудетъ все, чему учился, и постарается вернуться къ народной простотѣ. Но и у писателей, несомнѣнно тенденціозныхъ, и одиночныя, и коллективныя попытки приближенія къ этой простотѣ, являлись въ неблагопріятномъ, почти юмористическомъ свѣтѣ. Культурный человѣкъ оказывался непригоднымъ даже для приспособленія къ крестьянской средѣ, не говоря уже о преобразующемъ вліяніи на нее.

За ту же задачу, рѣшеніе которой не удается нашимъ беллетристамъ, взялся г. Боборыкинъ. Онъ взялся за нее, такъ-сказать, съ обратной стороны: онъ не вводитъ „интеллигента" въ народную среду, а заставляетъ „человѣка, вышедшаго изъ народа", подняться въ ряды культурныхъ людей. Это — идея не новая, но, кажется, она еще ни разу не проводилась такъ рѣшительно, такъ обстоятельно, какъ въ романѣ г. Боборыкина. Его Теркинъ—не только „сынъ народа съ великою душой", какъ нѣкоторые герои прежнихъ повѣстей, которые полагали свою жизнь за благо народа и потомъ погибали: это—настоящій дѣятель, типъ вполнѣ русскаго человѣка соединяющаго энергію и знаніе жизни съ нѣкоторою образовательною подготовкой. Онъ посвящаетъ свои силы пользѣ Русскаго народа въ обширномъ смыслѣ этого слова, т.-е. всей Россіи, и авторъ заставляетъ вѣрить насъ, что, благодаря своимъ счастливымъ преимуществамъ, Теркинъ достигнетъ своей цѣли. Самъ авторъ видимо такъ смотритъ на своего Теркина, и такъ посмотрѣла на него

извѣстная часть критики при появленіи первыхъ частей романа. Въ особенности, первая часть его возбудила самыя свѣтлыя ожиданія: г. Боборыкину приписывалась честь отысканія того центральнаго лица русской жизни, которое не давалось его предшественникамъ; за нимъ признавалась заслуга созданія крѣпкаго, свѣжаго типа, которому предстоитъ восторжествовать и надъ узкимъ кулачествомъ, и надъ выродившимся дворянствомъ, и предстоитъ совершить крупное дѣло, существенно важное для всей страны и непосильное ни для одной изъ двухъ названныхъ категорій обычныхъ дѣятелей нашихъ провинцій. И въ читающей публикѣ Москвы и Петербурга романъ г. Боборыкина возбуждалъ большой интересъ, какъ произведеніе новое по мысли и удачное по исполненію. Онъ закончился въ іюньской книжкѣ *Вѣстника Европы*, и теперь уже можно говорить, насколько онъ удовлетворилъ возлагавшимся на него надеждамъ.

* * *

Авторъ знакомитъ насъ съ Теркинымъ, когда тотъ уже прошелъ самую трудную часть своего жизненнаго пути, когда онъ уже находится „на линіи пайщика пароходнаго товарищества“; ему уже лѣтъ тридцать; слѣдовательно, онъ уже человѣкъ вполнѣ сложившійся. Оставляя въ сторонѣ какое-то несовсѣмъ ясное для насъ „сложное выраженіе, сидѣвшее въ крупныхъ чертахъ“, его „привлекательнаго крестьянскаго лица“, и подробности о его ростѣ, губахъ, бородѣ и пр., отъ фигуры Теркина, какъ она изображена авторомъ, мы получаемъ впечатлѣніе наружности красивой и здоровой. Онъ былъ „виднаго роста“ и смотрѣлъ „скорѣе богатымъ купцомъ, чѣмъ бариномъ, а то такъ и хозяиномъ парохода, инженеромъ, фабрикантомъ, вообще дѣловымъ человѣкомъ“. Таковъ внѣшній видъ Теркина.

Въ первый разъ мы видимъ его ѣдущимъ на волжскомъ пароходѣ. Капитанъ, въ разговорѣ съ которымъ онъ говоритъ не „начальническимъ“, а „какъ бы дѣловымъ“ тономъ, знакомитъ его съ извѣстнымъ писателемъ-народникомъ, Борисомъ Петровичемъ, оказывающимся „любимымъ писателемъ“ Теркина. Этотъ не столько старается узнать что-нибудь новое или интересное отъ любимаго писателя, сколько разъясняетъ ему, а кстати и читателю, что̀ онъ самъ за человѣкъ. Онъ—крестьянскій сынъ, пріемышъ, выросшій въ приволжскомъ селѣ; названный отецъ его пострадалъ „за свою правоту“, за „смутьянство“ онъ „по

седьмому десятку въ ссылку угодилъ“. Поэтому Теркинъ, хоть и знаетъ народъ и „всякую его тяготу“, но „не согласенъ медомъ его обмазывать“, и „всякія барскія затѣи себя на мужицкій ладъ передѣлывать считаетъ вреднымъ вздоромъ“. Въ нынѣшнемъ мужикѣ онъ замѣчаетъ только „осатанѣлость, распутство, алчность, измѣну землѣ, пашнѣ, лѣсу, лугу, рѣкѣ, всему, чѣмъ душа крестьянская жива есть“. Спасеніе его онъ видитъ „въ какой-нибудь особой вѣрѣ“, которая устанавливала бы для него „запретъ, правило“, какъ у сектантовъ или у Татаръ, но никакой „вѣры“ не можетъ утвердиться среди него, благодаря его „нищетѣ и пропойству“. Такимъ образомъ, народъ находится въ безвыходномъ кругу: для него „сначала надо чтобы копѣйка была на черный день, для своего и для мірскаго дѣла; а накопить ее можно только, когда законъ есть твердый во всякомъ поступкѣ и въ каждомъ словѣ“. Самъ Теркинъ, однако, не думаетъ помочь народу выбраться изъ этого круга: „онъ не любитъ своего села,—и давно не любитъ, съ той самой поры, какъ сталъ понимать, что̀ вокругъ него дѣлается“; „онъ до сихъ поръ не можетъ простить этому міру ссылки своего отца“ и ссылки другаго родителя, сына почтмейстера, „положившаго всю свою душу въ дѣло „гольтепы“. Старая обида его на крестьянскій міръ такъ велика... что ему ничуть не стыдно, что онъ пошелъ по дѣловой части, что ему страстно хочется быть при большомъ капиталѣ, „ворочать вотъ на самой этой Волгѣ милліоннымъ дѣломъ“. И денежная сила для него вовсе „не средство служить народу“: „нѣтъ, онъ любитъ успѣхъ самъ по себѣ, онъ жить не можетъ безъ сознанія того, что такіе люди, какъ онъ, должны идти въ гору и въ денежныхъ дѣлахъ и даже „въ любви“. Его стремленіе къ пріобрѣтенію капитала освящается для него жалостью къ родной рѣкѣ и лѣсу. „Не объ одномъ личномъ ходѣ въ гору мечтаетъ онъ: мысль его шла дальше; вотъ онъ изъ пайщика скромнаго товарищества дѣлается однимъ изъ главныхъ воротилъ Поволжья, и тогда начнетъ онъ борьбу съ обмелѣніемъ, добьется того, что это дѣло станетъ общенароднымъ, и милліоны будутъ всажены въ рѣку затѣмъ, чтобы на вѣки очистить ее отъ перекатовъ“; тогда „берега на сотни и тысячи десятинъ покроются заново лѣсами“. Таковъ „внутренній человѣкъ“ въ Теркинѣ, когда мы въ первый разъ встрѣчаемся съ нимъ. Проще сказать, это — дѣлецъ, вышедшій изъ крестьянской среды, порвавшій съ нею всякую связь вслѣд-

ствіе личнаго оскорбленія и находящій оправданіе для своего „дѣлечества“ въ мечтаніяхъ о спасеніи Россіи посредствомъ облѣсенія береговъ Волги и исправленія ея русла.

* * *

Какъ ни почтенна цѣль мечтаній Теркина, но она выходитъ изъ предѣловъ возможности одного человѣка, хотя бы самаго бойкаго приволжскаго уроженца, и потому серьезно о ней говорить нельзя. Теркинъ, какимъ мы его видимъ на первыхъ порахъ, и самъ еще весьма далекъ отъ полнаго подчиненія себя какой-либо общественной идеѣ. У него теперь двѣ ближайшія задачи—покупка парохода, для чего у него не достаетъ еще крупной суммы, и сближеніе съ женщиной, которая давно ему нравится. Эта женщина и отношеніе къ ней имѣютъ особенное значеніе для его характеристики, какъ и всякаго мужчины. Если выборъ женщины можетъ быть случайнымъ, то отношеніе къ ней отражаетъ въ себѣ нравственную силу и нравственный кодексъ мужчины; поэтому романисты и отводятъ ему видное мѣсто въ исторіи героя. Рефлектирующимъ, надломленнымъ героямъ романовъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ приписывалось печальное свойство — отступать въ рѣшительныя минуты своихъ сердечныхъ исторій; сложилось даже убѣжденіе, что русскій человѣкъ всегда пасуетъ, когда ему нужно протянуть руку любимой женщинѣ и связать ея судьбу со своею, какъ это было съ Онѣгинымъ, Печоринымъ, Бельтовымъ, Рудинымъ, Обломовымъ и др. Посмотримъ, какъ поступаетъ съ любимою женщиной герой новаго типа въ романѣ г. Боборыкина.

Теркинъ любитъ замужнюю женщину, жену судебнаго слѣдователя. Онъ познакомился съ нею годъ тому назадъ въ загородномъ саду маленькаго провинціальнаго города, гдѣ служилъ ея мужъ, и Серафима Рудичъ сразу „захлестнула“ Теркина, какъ онъ выражается потомъ. Его привлекали въ ней не только молодость, „станъ изумительной стройности“ и „блестящіе глаза“, но и то, что она—„не барское дитя“, что отецъ и мать ея по старой вѣрѣ, и что она „сама свободно мыслитъ“. Послѣ первой случайной встрѣчи, она не позволила ему искать свиданій съ нею, но потомъ они опять столкнулись въ Нижнемъ, видѣлись нѣсколько разъ въ городскомъ саду, переписывались, и теперь она вызывала его депешей въ тотъ городъ, гдѣ она жила. Предстоявшее свиданіе должно было рѣшить весь вопросъ ихъ будущихъ отношеній.

Теркинъ пріѣзжаетъ въ городъ въ условленное время и даже приходитъ первый въ садъ, назначенный мѣстомъ свиданія. Онъ какъ нельзя болѣе спокоенъ; онъ „допускалъ, что Серафима отдается своему влеченію цѣльнѣе, чѣмъ онъ" и даже „рискуетъ больше". Разсуждая, что она „однимъ такимъ свиданіемъ можетъ выдать себя въ лоскъ" и должна будетъ „по неволѣ убѣжать съ нимъ", онъ задаетъ себѣ вопросъ—хотѣлъ ли бы онъ этого исхода, и отвѣчаетъ на него: „нѣтъ; онъ ничего такого не испугается, но и не подбиваетъ ее". Вопросъ должна рѣшить за него судьба: „если это страсть дѣйствительно" „„роковая"" „—жить имъ вмѣстѣ". И въ прежнихъ свиданіяхъ, и въ письмахъ онъ ни разу не предложилъ ей развестись и быть его женой. „Къ браку съ нею его не тянуло", не потому что онъ „боялся за свою холостую свободу", а потому, что „въ пылкое влеченіе къ этой женщинѣ входила струя какого-то затаеннаго сомнѣнія: въ ней ли найдетъ онъ полный откликъ своей сильной потребности въ беззавѣтной и чистой любви?" У него даже сложилось твердое убѣжденіе, что „въ этой связи полной чистоты не будетъ, даже если они обвѣнчаются".

Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ въ этотъ городъ? Зачѣмъ онъ ждетъ ее въ городскомъ саду, зная что она можетъ погубить себя въ общественномъ мнѣніи, что тогда сближеніе между ними явится необходимымъ слѣдствіемъ ея разрыва съ мужемъ? Да только потому, что „каждая новая минута (ожиданія) наполняла его больше и больше молодымъ чувствомъ любовной тревоги, щекотала его мужское неизбѣжное тщеславіе,—онъ и не скрывалъ этого отъ себя,—давала ему особенный вкусъ къ жизни, дѣлала его смѣлѣе и бодрѣе". Однимъ словомъ, женщина дѣйствуетъ на него, какъ большое количество выпитаго вина, возбуждающее отвагу и усиливающее чувствительность; онъ испытывалъ именно такое ощущеніе, когда шелъ на свиданіе: „У него въ груди занималось точно отъ быстрыхъ глотковъ игристаго вина, и то становилось вдругъ жарко головѣ, то холодѣло на вискахъ". Хотя онъ объясняетъ это ощущеніе, какъ „душевное влеченіе, безъ чувственныхъ образовъ", потому что не можетъ „мечтать о поцѣлуяхъ" въ публичномъ мѣстѣ, но онъ такъ еще не увѣренъ въ своей любви, что съ нѣкоторымъ страхомъ ждетъ наступленія извѣстнаго ему вѣрнаго „признака": если это настоящая любовь, у него, при видѣ Серафимы, должны непремѣнно задрожать колѣни. И онъ боится, что они „не задрожатъ"! Впро-

чемъ, когда онъ завидѣлъ Серафиму, „онъ вскочилъ и чуть не упалъ"—такъ сильно было ощущеніе, въ которое онъ вѣрилъ, какъ въ признакъ безъ обмана. Только тогда у него исчезло сомнѣніе, что онъ любитъ...

Серафима, повидимому, вполнѣ подходитъ къ Теркину. Она—вполнѣ распустившаяся красавица съ „восточнымъ оттѣнкомъ, который придаетъ ей „румянецъ, разливающійся сквозь смугло-блѣдноватую кожу, съ янтарнымъ отблескомъ", „пышный ротъ, оточенный пушкомъ", темныя губы и бѣлые, крупные зубы; она изъ раскольничьей купеческой семьи и, тѣмъ не менѣе, такъ одѣвается, что никто не заподозрилъ бы ея происхожденія. При томъ она его страстно любитъ; она и пришла съ тѣмъ, чтобъ отдать ему себя всю, навсегда слить свою жизнь съ его жизнью. Но она еще не разорвана съ мужемъ; тотъ даже ни о чемъ не догадывается. Она не чувствуетъ къ мужу ничего, кромѣ презрѣнія, какъ къ „лѣнтяю и картежнику", проигравшему ея состояніе, но все же хочетъ выяснить для себя и для человѣка, котораго любитъ и съ которымъ собирается начать новую жизнь, что „въ ней не блажь говоритъ, не распутство, а безповоротное чувство, что личность мужа не заслуживаетъ никакого сожалѣнія". Теркину до этого нѣтъ дѣла; онъ не хочетъ дать себѣ труда заглянуть въ душу любящей его женщины, онъ „не желаетъ быть судьей", т.-е. не только фактическую, но и нравственную сторону разрыва съ мужемъ предоставляетъ одной Серафимѣ. Въ душѣ онъ негодуетъ на этотъ разговоръ: онъ „не такъ мечталъ объ этой тайной бесѣдѣ въ сумракѣ іюльской ночи; его начинало раздражать, что время идетъ и она тратитъ его на перебираніе всѣхъ этихъ дрязгъ". Чего онъ именно ждалъ отъ этой бесѣды, онъ не договариваетъ, но, очевидно, онъ не способенъ понять настроенія женщины, которая ни съ кѣмъ другимъ не могла поговорить о рѣшеніи, какое она приняла, и о тѣхъ заботахъ, какія съ нимъ сопряжены. Для нея, какъ для женщины, выросшей среди поклоненія деньгамъ и стремленія къ обладанію ими, наканунѣ начала новаго жизненнаго періода важно было выяснить и вопросъ о томъ, на какія матеріальныя средства она можетъ разсчитывать. Теркинъ догадывается, что она и это говоритъ „болѣе изъ любви къ нему": она хочетъ дать ему понять, что „жизнь свою съ нимъ она желаетъ начать, какъ свободная и обезпеченная женщина", и все-таки „ему противно, что онъ вмѣшивается въ

такой разговоръ, что онъ за сотни верстъ отъ того, о чемъ мечталъ". Но о чемъ же онъ мечталъ, когда за нѣсколько минутъ до прихода Серафимы не могъ съ увѣренностью сказать, любитъ ли онъ ее? Онъ зналъ ее, зналъ, что она не согласится на свиданіе съ нимъ въ его квартирѣ, пока считаетъ себя женой своего мужа, и онъ самъ же за это чувствовалъ къ ней признательность и уваженіе. И когда она, въ темнотѣ ночи, „стала его цѣловать много, много", онъ отвелъ ее обѣими руками и сказалъ: „довольно", потому что поцѣлуи слишкомъ волновали его. Почему же тогда онъ не сказалъ ей того, что̀ такъ хотѣлось сказать ему и чего нельзя было говорить во время дѣловаго разговора?

Серафима не совладала со своимъ страстнымъ порывомъ и въ тотъ же вечеръ „вошла къ нему". Повидимому, мужское тщеславіе Теркина удовлетворено, но если это удовлетвореніе сдѣлало его смѣлѣе, то оно не сдѣлало его добрѣе. На другой день онъ садится на пароходъ и уѣзжаетъ. Хотя онъ и „не могъ себѣ представить, чтобы страсть женщины, съ которою онъ счетомъ встрѣчался четыре раза въ жизни, достигла такого предѣла", но самъ онъ все-таки „не-чувствовалъ еще ни охоты, ни силъ какъ-нибудь оглядѣться, подумать о послѣдствіяхъ". Серафима готова была уѣхать съ нимъ сейчасъ же, на томъ же пароходѣ, въ одномъ платьѣ, и осталась только за тѣмъ, чтобы развязать отношенія съ мужемъ, а Теркинъ спокойно уѣхалъ и дорогой не хотѣлъ даже думать о томъ, къ чему должно привести его сближеніе съ Серафимой. Онъ и не задавалъ себѣ вопроса—прочно или мимолетно ихъ сближеніе; „онъ не зналъ и не хотѣлъ себя допрашивать—долго ли онъ будетъ такъ захваченъ"... Женщина ради него порываетъ со всѣмъ своимъ прошлымъ, отдаетъ ему и тѣло, и душу, готова на преступленіе, чтобы помочь ему въ его дѣлахъ, а онъ даже не спрашиваетъ себя, какъ онъ отзовется на такую страсть, долго ли она будетъ занимать его!

Душа его такъ мало размягчена тѣмъ, что̀ произошло наканунѣ, что онъ не гнушается низменною местью своему прежнему гимназическому преподавателю, котораго встрѣчаетъ на пароходѣ. Правда, этотъ преподаватель сдѣлалъ ему много зла; по милости его, Теркинъ былъ исключенъ изъ шестаго класса гимназіи, едва не отравился, и цѣлый годъ притворялся умалишеннымъ изъ страха тѣлеснаго наказанія, которому его могли подвергнуть въ

волостномъ правленіи, и подъ конецъ все-таки былъ наказанъ; тѣмъ не менѣе, намъ стыдно за него, когда онъ вышучиваетъ и дразнитъ старика и допускаетъ пароходнаго капитана высадить его, причемъ вся отвѣтственность падаетъ на капитана. Теркинъ, видимо, не способенъ понять, что, уступая личному разраженію противъ стараго учителя и пользуясь своимъ значеніемъ на пароходѣ, онъ становится на одинъ уровень со злобнымъ, пристрастнымъ человѣкомъ, нѣкогда повредившимъ ему изъ личнаго нерасположенія, расплачиваясь съ нимъ тою же монетой. Свое мальчишеское издѣвательство надъ нимъ онъ оправдываетъ тѣмъ, что „къ давней обидѣ, разбереженной встрѣчей съ нимъ, прибавилась еще и досада на то, что фигура въ камлотовой шинели (бывшаго учителя) *вышибла* его изъ сладко-мечтательнаго настроенія“. Теркинъ говоритъ себѣ, что „можетъ-быть, въ другое время, и не на пароходѣ, а гдѣ-нибудь въ театрѣ, въ вагонѣ, у знакомыхъ — онъ бы и оставилъ въ покоѣ „„аспида““. Мы полагаемъ, что навѣрно оставилъ бы, потому что въ такихъ мѣстахъ нельзя было бы безнаказанно издѣваться надъ старикомъ; а на пароходѣ, благодаря вліянію Теркина въ товариществѣ и заискиваніямъ предъ нимъ капитана, это было возможно, и Теркинъ не отказалъ себѣ въ удовольствіи, не рискуя отвѣтственностью поломаться надъ беззащитнымъ старымъ учителемъ. Прибавимъ, что капитанъ, высадившій послѣдняго, попалъ подъ судъ; хотя онъ и написалъ объ этомъ Теркину, но тотъ даже не отвѣтилъ на его письмо, и уже почти черезъ годъ послѣ случайной встрѣчи съ капитаномъ, почувствовавъ, наконецъ, неловкость такого отношенія къ человѣку, рисковавшему изъ-за него кускомъ хлѣба, поѣхалъ къ слѣдователю дать показанія въ пользу его.

* * *

Теркинъ презиралъ „дворянчиковъ“, которые воспитывались въ пансіонѣ при гимназіи, гдѣ онъ учился; онъ дружилъ только съ тѣми, предъ которыми могъ „сознавать свое превосходство“. Онъ со снисходительною усмѣшкой смотритъ и на техника на заводѣ крупнаго дѣльца и фабриканта Усатина, къ которому пріѣзжаетъ просить денегъ для доплаты за пароходъ. Техника онъ сразу опредѣлилъ: „навѣрно изъ технологическаго, съ большимъ гоноромъ, идей самыхъ передовыхъ... нервный, на все долженъ смотрѣть ужасно серьезно, а хозяйское дѣло считать

гораздо ниже дѣла меньшой братіи". За то хозяинъ завода, Усатинъ, пользуется и симпатіями, и уваженіемъ Теркина. „Что̀ говорить, разсуждалъ онъ о немъ,—человѣкъ онъ „рисковый", всегда разбрасывался, новую идею выдумаетъ и кинется впередъ на всѣхъ парахъ, но сметки онъ и знаній —- огромныхъ, кредитомъ пользовался по всей Волгѣ громаднымъ, самые прожженные кулаки вѣрили ему на̀-слово." Вотъ что̀ нужно, чтобы заслужить почтительное отношеніе Теркина. Хотя онъ и Усатину ставилъ въ вину, что тотъ „носится съ мужиками, съ рабочими, часто прощаетъ тамъ, гдѣ слѣдовало строго взыскать", но, несмотря на такую слабость Усатина, „его уваженіе къ нему росло съ годами—и къ его высокой честности и къ „башкѣ" его полной всякихъ замысловъ, одно другаго удачнѣе."

Къ Усатину онъ попадаетъ въ неудачную минуту; у того дѣла пошатнулись, и онъ находится подъ угрозой уголовнаго преслѣдованія. Теркинъ когда-то служилъ у него и обязанъ ему своимъ возвышеніемъ на дѣловомъ поприщѣ. Разсчитывая на его признательность, Усатинъ предлагаетъ ему фиктивную сдѣлку, одну изъ такихъ „махинацій", которыя сплошь и рядомъ дѣлаются во всякихъ банкахъ, обществахъ, ликвидаціяхъ и администраціяхъ. Теркинъ и не прочь „примоститься" такимъ путемъ „къ дѣлу" крупнаго воротилы, но въ то же время и побаивается. Цѣлую ночь онъ думаетъ, какъ ему поступить, и, наконецъ, рѣшается „уклониться". Но онъ самъ не вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ— чѣмъ вызвано его рѣшеніе? „Честность ли это? Или просто смётка, боязнь влопаться въ уголовное дѣло?" Онъ вынужденъ признаться себѣ, что̀, „кажется, больше второе, чѣмъ первое". Онъ боится встрѣтиться съ Усатинымъ и, оставивъ ему письмо, на разсвѣтѣ, потихоньку уѣзжаетъ изъ его дома. На пути къ пристани, онъ не скрываетъ отъ себя, что этотъ внезапный отъѣздъ среди ночи „какъ будто смахиваетъ на бѣгство", и опять допрашиваетъ свою совѣсть — отъ чего онъ бѣжитъ: „отъ уголовщины или отъ дѣла съ дурнымъ запахомъ?", но отвѣта на этотъ вопросъ не находитъ.

Наконецъ, мы видимъ Теркина ѣдущаго на пароходѣ вмѣстѣ съ Серафимой. Все уладилось: она оставила мужа и освободилась отъ заботы другаго рода, удерживавшей ее въ городѣ, гдѣ жила. Больной отецъ ея умеръ; слѣдовательно, и денежныя дѣла ея устроены. Тѣмъ не менѣе, Теркинъ не отдается радостному чувству, что любимая женщина съ нимъ на всегда: „онъ и

возбужденъ, и подавленъ"; ему будто бы „жутко за Серафиму", которую ему „не хочется ни подо что подводить". Онъ выбралъ пароходъ, на которомъ почти не бываетъ пассажировъ перваго класса, и еще требуетъ, чтобы Серафима днемъ показывалась на палубѣ „съ опаской". Та справедливо находитъ такую осторожность „трусостью" и даже желаетъ „скандала", который только можетъ развязать ее навсегда. Однако, Теркинъ не раздѣляетъ ни ея смѣлости, ни ея чувствъ. „Уже на второй день по утру отъ него начало уходить то блаженное состояніе, когда въ груди таетъ радостное чувство; онъ даже спросилъ себя разъ: „неужели выше этого счастья и не будетъ?" На самомъ дѣлѣ, онъ ни одной минуты не думаетъ о Серафимѣ, о томъ, какъ онъ вознаградитъ ее за смѣлый шагъ, сдѣланный ради любви къ нему, о томъ, какъ устроитъ онъ ихъ совмѣстную жизнь. Онъ заботится только о себѣ, онъ боится какъ бы связь съ Серафимой не повредила ему; онъ опасается уже теперь, въ первый день ихъ пребыванія вдвоемъ, что на немъ „отразится ея существо, взгляды, пристрастія, увлеченія, растяжимость „бабьей совѣсти", суетность во всѣхъ видахъ".

Счастье, о которомъ онъ раздумываетъ, заключается для него не въ полномъ душевномъ сліяніи съ любимою женщиной, а единственно лишь въ собственномъ удобствѣ, въ удовлетвореніи своего самолюбія. Нелегальность ихъ союза стѣсняетъ его гораздо больше, чѣмъ Серафиму, которая знаетъ только одно, что „судьба ея безповоротно связана съ Васей (Теркинымъ)". А онъ разсуждаетъ, что „полнаго счастья не можетъ быть, когда оно связано съ утайкой", и не потому, что оно его возмущаетъ съ религіозной точки зрѣнія: „неловкость положенія" должна его давить потому, что онъ чувствителенъ къ почету, къ уваженію". Но дѣло не въ томъ, что бракъ пока невозможенъ: „онъ и не чувствуетъ себя въ брачномъ настроеніи". Онъ почему-то не вѣритъ въ прочность привязанности Серафимы; не сомнѣваясь, что теперь она его „безумно любитъ", онъ не считаетъ себя „застрахованнымъ отъ ея дальнѣйшихъ увлеченій". Застрахована ли она отъ его дальнѣйшихъ увлеченій, прочно ли онъ ее любитъ, онъ себя не спрашиваетъ. И относясь такъ холодно, себялюбиво и недовѣрчиво къ „безумно любящей" его женщинѣ, онъ все-таки испытываетъ „сладкое щекотаніе" отъ сознанія полной побѣды, сознанія, что такая красивая, умная, нарядная, рѣчистая женщина бросила для него — мужичьяго

сына—своего мужа, каковъ бы онъ ни былъ—барина. правовѣда, на хорошей дорогѣ, который „съ протекціей можетъ забраться высоко“. Такъ вотъ что влечетъ Теркина къ Серафимѣ—не душевныя качества, не отданное ему сердце, а внѣшняя привлекательность, бойкость и, главное, положеніе ея мужа. Пожалуй, побѣда надъ „бариномъ на хорошей дорогѣ“ пріятнѣе ему побѣды надъ его женой.

* * *

Какъ же, однако, Теркинъ бережетъ свою совѣсть отъ „пристрастій, увлеченій и растяжимости“ совѣсти своей подруги? Для него, немедленно послѣ размышленій объ угрожающей ему опасности, представляется случай испытать себя съ этой стороны. Серафима вмѣстѣ съ матерью утаила деньги, оставленныя ея отцомъ племянницѣ, дочери его брата, суммою больше тридцати тысячъ. Двоюродная сестра Серафимы, Калерія, посвятила себя уходу за больными и служила гдѣ-то въ качествѣ „сестры милосердія“, Серафима всю сумму везла съ собою; она догадывалась, что Теркинъ не досталъ денегъ, нужныхъ ему для покупки парохода, утѣшала себя тѣмъ, что у нея въ рукахъ сумма, необходимая Васѣ, и боялась только, что онъ ее не возьметъ, какъ добытую сомнительнымъ путемъ. Она тревожилась напрасно. Онъ только осторожно освѣдомился—не осталось ли формальнаго завѣщанія, не совершила ли Серафима и ея мать уголовнаго преступленія, утаивъ деньги и, подъ предлогомъ нежеланія обидѣть преданную имъ женщину, тотчасъ же согласился надѣть на себя фланелевый мѣшечекъ, въ который была зашита половина суммы, присвоенной Серафимой. Правда, когда сумочка уже была надѣта на него, онъ глубоко вздохнулъ...

Совѣсть ему напоминаетъ о себѣ, но лишь мелькомъ, въ видѣ внутреннихъ вопросовъ, которые онъ задаетъ себѣ, но оставляетъ безъ отвѣта. Въ ту же ночь когда Серафима надѣла на него сумку съ деньгами, пароходъ затонулъ отъ пробоины, и Теркину пришлось спасать Серафиму и себя. Когда они очутились на берегу, онъ только спокойно, самоувѣренно думалъ, что безъ него ей бы не справиться: „и деньги потеряла бы навѣрно“ и оказалась бы „безъ платья, безъ денегъ, и безъ паспорта“. Онъ не договорилъ, что, позаботившись о ней, онъ по своему сквитался съ нею: за ея деньги онъ сохранилъ ей жизнь, Только, когда въ Москвѣ у него вытащили бумажникъ, разсма-

тривая въ сыскной полиціи альбомъ карманныхъ воровъ, онъ услыхалъ внутри себя вопросъ: „а ты чѣмъ же лучше карманника?“ но мысль о деньгахъ Калеріи переплеталась съ мыслью о платежѣ за пароходъ и въ такомъ сообществѣ, вѣроятно, уже не такъ угнетала его. Успокоить себя ему не стоило большаго труда. На дачѣ подъ Москвой, гдѣ онъ живетъ съ Серафимой, его уже посѣщаютъ другія мысли: ему хочется владѣть землей „на Волгѣ, съ усадьбой на горѣ, съ паркомъ, чтобы лѣсу была не одна сотня десятинъ, и рыбная ловля, и пчельникъ, и заливные луга, и свой конскій заводъ“, то-есть изъ „мужичьяго сына“ обратиться въ помѣщика. У него даже есть облюбованная усадьба на луговомъ берегу, на которую онъ еще ребенкомъ заглядывался съ сосѣдней колокольни. Теперь возможность обладанія ею открывается предъ нимъ: онъ купитъ пароходъ, наживетъ на немъ, и, продолжая участіе въ товариществѣ, расширитъ „районъ“. Но когда онъ купитъ намѣченную усадьбу, онъ лѣсу сводить не будетъ: вѣдь онъ—не „глупый скупщикъ, который хищнически истребляетъ вѣковые кряжи сосноваго бора, полнаго чудесной русской мощи и поэзіи“; нѣтъ, онъ заведетъ „раціональное хозяйство съ правильными порубками“. Но первою ступенью для исполненія этой великой идеи должна быть уплата за пароходъ украденными деньгами. Это обстоятельство не удручаетъ Теркина: онъ „выдастъ вексель Серафимѣ“, а ужь „это ея дѣло—вѣдаться съ тою, со святошей, съ Калеріей“. Въ ту минуту, когда такъ высоко витаютъ его мечты, даже звукъ имени дѣвушки, деньгами которой онъ пользуется безъ ея согласія, кажется ему „непріятнымъ“,—вѣроятно, потому что существуетъ не только принадлежащій ей капиталъ, но и она сама. Напротивъ, онъ съ восторженнымъ умиленіемъ думаетъ о Серафимѣ: она кажется ему „красавицей, свѣжей, какъ распустившійся розанъ, умницей, смѣлой и преданной всѣмъ существомъ своимъ и безо всякихъ глупыхъ причудъ“.

Серафима достаточно опытна въ денежныхъ дѣлахъ и хорошо понимаетъ, что вексель, который ей навязываетъ Теркинъ, не имѣетъ большой цѣны; если дѣла Теркина пойдутъ удачно, то онъ и безъ документа заплатитъ, а, въ противномъ случаѣ, все равно съ него нечего будетъ взять. Но Теркинъ все-таки заявляетъ, что „безъ документа онъ денегъ не возьметъ“. Серафима ласково называетъ его „дурачкомъ“, считая его требованіе за блажную мужскую фанаберію, и прибавляетъ, что имъ нечего

считаться, что ихъ „судьба перевязана веревочкой", что они хоть и не вѣнчаны, но все-таки „мужъ и жена—одна сатана". Теркинъ печально соглашается съ ней. Печаль его смѣняется, однако, самымъ ликующимъ настроеніемъ, когда пароходъ, перешедшій въ его собственность, спущенъ на воду и открываетъ свой первый рейсъ. Теркинъ, стоя у рулеваго колеса хозяиномъ большаго, красиваго парохода, чувствуетъ себя въ апоѳеозѣ; онъ припоминаетъ когда-то заученные имъ въ гимназіи стихи изъ баллады Шиллера и сравниваетъ себя съ Поликратомъ, любующимся съ высоты зубчатой кровли покореннымъ Самосомъ. Для него Самосъ—родное село, которое должно быть поражено, видя его, „Ваську Теркина", хозяиномъ парохода; въ немъ теперь столько сознанія „пренебрежительнаго превосходства" къ прежнимъ врагамъ его и названнаго отца, что онъ уже не хочетъ спускаться „до низкихъ ощущеній стародавней обиды": на своей рубкѣ онъ выше этой обиды. Только натѣшившись ощущеніемъ побѣды, онъ вспоминаетъ „о той, кто выручилъ его", кому онъ обязанъ своимъ торжествомъ. Онъ ее не сдѣлалъ участницей торжества, не взялъ съ собой, но послалъ ей депешу, гдѣ напомнилъ ея поговорку (мужъ и жена—одна сатана), и теперь съ удовольствіемъ думаетъ, что онъ здѣсь властвуетъ на собственномъ пароходѣ, а тамъ, „около Москвы, любящая, красивая женщина, умница и до гроба вѣрная помощница рвется къ нему".

Чего же больше, чего же лучше онъ можетъ желать? Что̀ ему остается, какъ не любить Серафиму, какъ не стараться отплатить ей такою же преданностью и душевною близостью? Послѣ того, какъ женщина отдала ему себя, порвала съ прежнимъ, болѣе опредѣленнымъ и почетнымъ общественнымъ положеніемъ, не побоялась грѣха нарушенія предсмертной отцовской воли, все готова сдѣлать для своего „Васи", имъ однимъ и живетъ и рвется къ нему душой, казалось бы „Вася" долженъ только тосковать по ней въ ея отсутствіе, стремиться къ ней, считать себя счастливымъ, что на его долю досталась такая любовь и питать къ этой женщинѣ, если не такія же пылкія, то̀ такія же искреннія и безраздѣльныя чувства. Но не таковъ Теркинъ. Согласно своей формулѣ, которую онъ предлагалъ Русскому народу въ бесѣдѣ съ писателемъ Борисомъ Петровичемъ, по которой „надо сначала копѣйку сколотить, а потомъ о спасеніи души думать", теперь, когда онъ сколотилъ копѣйку, онъ начинаетъ думать о спасеніи души. Для начала, онъ пріѣзжаетъ на Нижего-

родскую ярмарку и идетъ къ актрисѣ, которую зналъ еще молоденькою, наивною дѣвушкой и которою онъ тогда слегка увлекался. Она съ тѣхъ поръ успѣла уже превратиться въ „гуляющую бабенку", живетъ на средства какого-то купца, пьетъ коньякъ стаканами и т. д. Убѣдившись, что „прежняя Большева (фамилія актрисы) умерла", Теркинъ все-таки не уходитъ отъ нея, а пьетъ и цѣлуется съ нею, отдаетъ ей подарокъ, купленный для Серафимы, и если не доходитъ съ ней „до конца", то „не потому, чтобъ ему стало вдругъ противно, тошно", а потому, что актриса сочла, что „лучше будетъ такъ, въ сухую, на память о чистенькой барышнѣ, жертвѣ увлеченія театральнымъ искусствомъ". Послѣ сцены въ комнатѣ Большевой, сидя въ театрѣ на представленіи „Маріи Стюартъ", онъ, правда, чувствуетъ, что у него „скверно на душѣ", но, вмѣсто того, чтобы прямо сознаться, насколько такое поведеніе недостойно человѣка, котораго „дома ждетъ красавица", онъ старается углубиться въ пьесу, съ намѣреніемъ „уйти отъ цѣлой вереницы вопросовъ о своемъ чувствѣ къ Серафимѣ". Шиллеръ невольно помогаетъ ему въ эту непріятную минуту. Изъ діалога Маріи и Елисаветы Теркинъ дѣлаетъ оригинальный выводъ, что всѣ женщины „не могутъ подняться ни до чего выше своей слабости къ мужчинѣ". Актриса, съ которою онъ проводилъ время предъ спектаклемъ, ласкаясь къ нему, называла его „красавцемъ-мужчиной", какъ она, вѣроятно, называетъ каждаго, кто остается съ нею вдвоемъ; но Теркинъ, вдругъ, приходитъ къ убѣжденію, что и Серафима любитъ въ немъ „красавца-мужчину", а не „человѣка". Мы не видали изъ его нѣмыхъ размышленій, чтобъ онъ считалъ себя до такой степени неотразимымъ съ внѣшней стороны, но не видимъ также, въ чемъ Теркинъ полагаетъ свою привлекательность, какъ „человѣка". Онъ недавно еще сравнивалъ себя съ „карманникомъ", а Серафима, тѣмъ не менѣе, любитъ его, любитъ такимъ, каковъ онъ есть. И если въ немъ живетъ, какъ онъ, видимо, полагаетъ, еще какой-то другой,—высшій „человѣкъ", почему же онъ его не покажетъ Серафимѣ, почему онъ не подготовитъ ее къ воспріятію его истиннаго духовнаго образа, если она собственными силами неспособна оцѣнить его? Еще недавно, въ Москвѣ, онъ сознавался себѣ, что не чувствуетъ въ себѣ „такого грунта", чтобы „развить твердыя правила и идеалы" въ любимой женщинѣ: у него у самого „не было довольно досуга, чтобы путемъ чтенія или бесѣдъ съ „умственнымъ" народомъ

выработать себѣ кодексъ взглядовъ или вѣрованій". Но, если въ немъ самомъ нѣтъ взглядовъ и вѣрованій, въ которыхъ заключается внутренній человѣкъ, то, казалось бы, онъ не долженъ ихъ требовать и отъ Серафимы. Онъ разсуждаетъ не такъ: онъ спрашиваетъ себя, — а еслибъ „онъ вдругъ перемѣнился, сталъ бы жить и поступать только „по-божески"—могла ли бы Серафима поддержать его?" И рѣшаетъ, что не могла бы, что „она не мѣшала бы и только"... И хотя въ немъ, по его собственному признанію, „успѣхъ дѣльца и любостяжателя выѣдаетъ всѣ другія, менѣе хищническія побужденія", онъ, приготовляясь къ духовному перерожденію, начинаетъ съ того, что обвиняетъ Серафиму за отсутствіе „душевной красоты", которая будто бы ему всего дороже.

* * *

Мысли, которыя приходили Теркину, когда онъ въ Нижнемъ „разбирался въ своемъ чувствѣ къ Серафимѣ, и въ ея (а не въ своей) натурѣ и убѣжденіяхъ", продолжаются, какъ нить одного и того же клубка, при первой встрѣчѣ съ нею, по возвращеніи домой. Сначала онъ любуется ею, ея фигурой съ „тонкимъ станомъ, въ полосатомъ, батистовомъ пенюарѣ, съ открытыми рукавами, съ волосами, падающими на спину волнистою густою прядью". Поймавъ себя на томъ, что онъ смотритъ на нее „глазами чувственника", онъ за это „начинаетъ придираться"... къ ней. И красота-то ея „не смиряетъ, а раздражаетъ его", и лицо-то у нея „загорѣлое, цыганское", и пенюаръ, и голыя руки, и раскинутые по спинѣ волосы—все дѣлаетъ ее „слишкомъ похожею на женщину, созданную только для любовныхъ утѣхъ". Если онъ теперь ставитъ ей въ вину ея наружность, которая еще недавно занимала видное мѣсто въ его упоеніи своею побѣдой, то тѣмъ легче ему остаться недовольнымъ всѣмъ, что̀ она говоритъ ему, подъ тѣмъ предлогомъ, что она остается на сторонѣ „купецкаго разсчета" и „не поддерживаетъ въ немъ *того* (курсивъ автора) Теркина, который не позволяетъ ему сдѣлаться бездушнымъ „жо̀хомъ". Ему бы начать съ того, чтобы показать ей *того* Теркина; тогда она, быть-можетъ, и поддержала бы его. *Тотъ* Теркинъ, выступающій теперь, вмѣсто прежняго бездушнаго „жоха", сразу начинаетъ поучать Серафиму, какъ слѣдуетъ относиться съ почтеніемъ къ убѣжденности, если она касается „очищенія отъ грѣховной нечистоты", хотя бы и выражалась въ видимомъ суевѣріи. Онъ поднимается еще выше, когда

Серафима говоритъ ему о письмѣ Калеріи, полученномъ въ его отсутствіе и извѣщающемъ объ ея пріѣздѣ. Въ ожиданіи, пока она принесетъ письмо, онъ удаляется въ лѣсъ, примыкающій къ дачѣ и опять размышляетъ о своей жизни. „Воровская жизнь“, опредѣляетъ онъ ее, не находя другаго названія. Новый Теркинъ, однако, уже не оправдываетъ себя и не гонитъ непріятныхъ мыслей. „Надо очиститься—и сразу!“ рѣшаетъ онъ, „безъ колебаній“, и даже чувствуетъ, что „такое быстрое рѣшеніе высвободило его сразу изъ-подъ несносной тяжести“. Оно и своевременно въ виду скораго пріѣзда Калеріи.

Онъ долго вчитывается въ письмо Калеріи, вѣроятно соображая—съ какого рода женщиной ему придется имѣть дѣло. Убѣдившись изъ тона письма, что она должна быть „искренняя, добродушная женщина“, онъ создаетъ для себя особое положеніе по отношенію къ ней. Ему нельзя дѣйствовать согласно съ Серафимой. Та все такая же, какъ и была, а онъ уже измѣнился, почувствовалъ потребность „очищенія“ и желаетъ „повиниться“ предъ Калеріей. Серафима вовсе не хочетъ оставаться въ сторонѣ и допустить, чтобы Теркинъ принялъ на себя всю вину некрасиваго поступка съ деньгами ея двоюродной сестры; она боится, что та приметъ „Васю“, котораго она совсѣмъ не знаетъ, за „темнаго афериста“, чего, дѣйствительно, можно бояться, и проситъ его, чтобъ онъ не „срамился“ предъ Калеріей. Послѣднюю она не любитъ, угадывая въ ней противоположную ей натуру, не понимая ее, не сочувствуя ей, или, вѣрнѣе, не вѣря ея искренности, предполагая въ ней то святошество и ханжество, на какое она насмотрѣлась въ расколѣ. Лицемѣрное покаяніе, основанное на скрытомъ тщеславіи, подозрѣваются ею и въ родной матери, вернувшейся отъ единовѣрія къ какому-то безпоповскому согласію, и оно еще невыносимѣе ей въ Теркинѣ, искренности котораго она уже вовсе не вѣритъ. Ей въ голову не приходитъ, что онъ уже пріѣхалъ къ ней съ намѣреніемъ очистить свою душу. Она не оправдываетъ себя за то, что не извѣстила Калерію о наслѣдствѣ, но правильно разсуждаетъ, что Теркину теперь ее въ этомъ упрекать не приходится: онъ „все зналъ отлично и принялъ отъ нея—положимъ взаймы—двадцать тысячъ и пароходъ на это пустилъ въ ходъ и въ одинъ годъ разжился... а теперь изъ себя праведника представляетъ; надо было о праведномъ житьѣ раньше думать; заднимъ-то числомъ легко каяться; благороднѣе было бы упереться тогда, оставить

пароходъ, заимовать въ Сормовѣ и раздобыться деньгами на сторонѣ". Поэтому ей и кажется справедливымъ, чтобы Теркинъ, дѣйствовавшій раньше съ ней сообща, былъ и теперь за одно съ нею, и желаніе „повиниться" лично предъ Калеріей представляется ей унизительнымъ прежде всего для него самого.

Теркинъ не желаетъ вникать въ душевное состояніе Серафимы и въ ея отношеніе къ двоюродной сестрѣ. Онъ увѣряетъ себя, что въ немъ „безпрестанно борются двое Теркиныхъ" и что Серафима не можетъ поддержать „того, который еще блюдетъ свою совѣсть". Онъ „ищетъ себя самого", „голоса правды", воплощеннаго въ образѣ его покойнаго „отца по духу", радѣтеля за міръ, обличителя мірской неправды и хищной „мрази". До тѣхъ поръ въ его образѣ дѣйствій было мало общаго съ дѣятельностью его названнаго отца, но онъ рѣшаетъ, что и всегда будетъ такъ и даже еще хуже, если онъ останется жить съ Серафимой. „Предайся онъ ей тѣломъ и душой, объясняетъ онъ себѣ,—у него въ два, три года вмѣсто сердца будетъ мѣдный пятакъ". Ея вліяніе не можетъ быть инымъ, потому что она—„кровное дитя всеобщей русской „распусты". (Теркинъ употребляетъ это слово вмѣсто „распущенности", заимствовавъ его у какого-то Поляка-инженера); свое заключеніе онъ выводитъ изъ того, что она никогда не заговаривала съ нимъ о своей душѣ, на чемъ держится его жизнь, есть-ли у нея какой-нибудь „законъ". Но, главное, она уже „не согрѣвала его своею страстью". Все это для него—достаточныя причины, чтобы „не сочувствовать въ этой женщинѣ человѣку" или, проще говоря, чтобы считать себя свободнымъ отъ всякаго обязательства по отношенію къ ней.

Онъ не исполняетъ просьбы Серафимы, которая хотѣла бы первая переговорить съ Калеріей. Онъ начинаетъ свое душевное очищеніе исповѣдью предъ дѣвушкой въ лѣсу раннимъ утромъ, когда Серафима еще въ постели и потому не можетъ ихъ слышать. Но онъ дѣлаетъ это не просто и не честно: падаетъ на колѣни, говоритъ языкомъ Калеріи, слогомъ нравоучительныхъ книжекъ для народа, и усиленно проситъ скрыть ихъ разговоръ отъ Серафимы; все его признаніе дышетъ фальшью, желаніемъ выставиться въ благопріятномъ свѣтѣ предъ Калеріей, отдѣлить себя въ ея глазахъ отъ Серафимы. Калерія—какое-то неземное существо, всегда одѣтое „сестрой милосердія" и говорящее не иначе, какъ благочестивыми сентенціями—объясняетъ себѣ его просьбу о молчаніи тѣмъ, что онъ

очень любитъ Серафиму и не хочетъ ее огорчать; но Теркинъ въ ту минуту совсѣмъ не любилъ Серафиму, былъ далекъ отъ нея сердцемъ; въ немъ говорила только боязнь новыхъ тяжелыхъ объясненій, нежеланіе грязнить „свою исповѣдь". Другими словами, его намѣреніе утаить свой разговоръ съ Калеріей происходило изъ желанія соблюсти свое личное спокойствіе и сохранить свое умиленное настроеніе, въ искренности котораго онъ хотѣлъ себя увѣрить; главное было сдѣлано: объясненіе его съ Калеріей состоялось, снисходительное отношеніе къ поступку родственниковъ выяснилось, и самъ онъ уже не зависѣлъ отъ дальнѣйшаго поведенія Серафимы. Роль кающагося грѣшника всегда выгодна предъ людьми довѣрчивыми, сочувствующими внутреннему процессу, заставляющему человѣка раскрыть свою душу и показывать ея темныя стороны. Она тѣмъ болѣе легка предъ такою недальновидною, неопытною дѣвушкой, какъ Калерія; та сразу вѣритъ Теркину и рѣшаетъ, что „душа у него отличная; только соблазновъ въ его жизни много". Между нею и Теркинымъ образуется незамѣтно для нея нѣчто въ родѣ союза противъ Серафимы. Теркинъ укрѣпляется въ новой роли человѣка ищущаго правды и добраго дѣла; и въ присутствіи Серафимы онъ говоритъ уже не иначе, какъ въ умиленномъ, народно-елейномъ тонѣ. („Дивное какое утро! И въ лѣсу благодать какая! Духъ отъ сосенъ! и т. п."). Серафима ясно замѣчаетъ его отчужденность отъ нея и заискиваніе передъ Калеріей; она не вѣритъ искренности новаго Теркина и высказываетъ старому всю ту правду, какой онъ заслуживаетъ. Теркинъ, помимо умиленія, доставляемаго ему возможностью являться въ просвѣтленномъ видѣ предъ чистою, искреннею дѣвушкой, не совсѣмъ равнодушенъ и къ „облику" этой дѣвушки; „ясные и кроткіе глаза ея проникаютъ ему въ душу"; онъ видитъ въ ней ту „не плотскую красоту", какая ему нужна и какой онъ не находитъ въ Серафимѣ. Позднѣе, онъ сознается себѣ, что онъ, въ сущности, „посягалъ" на Калерію; но въ то время онъ себѣ еще этого не говорилъ: онъ только увѣрялъ себя, что „правда" на его сторонѣ. Ему трудно было защититься отъ доводовъ Серафимы: глядя на дѣло здраво и просто, ему не было надобности „страшиться предъ Калеріей", „бухаться" въ лѣсу на колѣни, но доводы здраваго смысла отступали предъ самоудовлетвореніемъ, какое давало ему поклоненіе предъ дѣвушкой, вѣрящей искренности его. Этотъ „чистый

порывъ" достаточно оправдываетъ его въ собственныхъ глазахъ въ бездушномъ, сухомъ обращеніи съ Серафимой, потрясенною и оскорбленною его „предательствомъ". Онъ опять называетъ ее „распустой" и во всемъ обвиняетъ ее. „Ни одного звука у нея не вылетѣло, гдѣ бы сказались пониманіе, терпимость, желаніе слиться съ любимымъ человѣкомъ въ одномъ великодушномъ порывѣ", разсуждаетъ онъ послѣ ея ухода, и продолжаетъ: „кто же мѣшалъ ей поддаться его добрымъ словамъ? Онъ только и добивался, чтобы вызвать въ ея душѣ такой же поворотъ, какъ въ себѣ самомъ!" Чтобъ оцѣнить добросовѣстность Теркина, достаточно замѣтить, что „добрыя слова" его заключались въ томъ, что разъ онъ хотѣлъ ей крикнуть „молчи", но удержался, а во второй—не удержался и крикнулъ: „не смѣй такъ говорить". И опять именно въ ней должны были сказаться пониманіе, терпимость и проч., а не въ немъ...

Калерія уѣзжаетъ на нѣсколько дней къ теткѣ и привозитъ извѣстіе о самоубійствѣ мужа Серафимы; теперь ничто уже не препятствуетъ Теркину прекратить „воровскія" отношенія, вступить съ нею въ бракъ. Однако, онъ равнодушно принимаетъ это извѣстіе; жениться на Серафимѣ у него нѣтъ охоты; откровенное признаніе его въ томъ задерживается только его неискренностью. Ему не обмануть любящую женщину: она „почуяла", что у него „въ груди не было одного прямаго и радостнаго порыва", и высказала ему правду: „ты меня не любишь, какъ любилъ годъ тому назадъ.... не лги, ни себѣ, ни мнѣ".... Когда она затѣмъ выбѣжала изъ комнаты, Теркинъ не остановилъ ее, а только „сидѣлъ на диванѣ разстроенный?" Что̀ же его могло разстроить? Все кончилось такъ удачно и просто, безъ „тяжелыхъ объясненій". Впрочемъ, его разстроенность была непродолжительна. Не думая болѣе о Серафимѣ, о томъ, что̀ дѣлается въ ея душѣ, онъ старается быть неотступно около Калеріи, которая ухаживаетъ въ сосѣдней деревнѣ за больными дѣтьми, хотя онъ и не входитъ въ избы, гдѣ можно предположить дифтеритъ. Онъ только высказываетъ величайшее сочувствіе ея намѣренію завести въ родномъ городѣ лѣчебницу для дѣтей и напѣваетъ ей тѣмъ же сладкимъ, елейнымъ тономъ: „голубушка вы моя! Не откажите и меня принять въ участники! Хочу, чтобъ наша сердечная связь окрѣпла". Онъ всего болѣе заботится, чтобъ „ему удержать въ себѣ настроеніе, навѣянное на него" Калеріей. Даже Калерія указываетъ ему, что Серафима

сильно „мучится“ и напоминаетъ его обязанности по отношенію къ ней, но онъ только обвиняетъ ее въ „безсмысленной, гадкой злобѣ и ехидствѣ“. Калерія говоритъ съ той точки зрѣнія, на которую и онъ становится теперь, что онъ не долженъ „оставлять Серафиму въ теперешнемъ положеніи“, что онъ одинъ можетъ сдѣлать такъ, чтобъ у „нея на душѣ ангелы запѣли“, сдѣлать изъ нея „другаго человѣка“. А онъ, „восхищаясь хрустальностью этого существа“ (Калеріей), чувствуетъ, что „изъ глубины его собственной души поднимается новый, острый позывъ къ полному разоблаченію того, въ чемъ онъ еще не смѣлъ сознаться самому себѣ“. Это сознаніе выражается въ намѣреніи бросить Серафиму. Только величайшее лицемѣріе можетъ заставить его скрывать даже отъ самого себя настоящую правду, что онъ не любитъ Серафиму, тяготится ею и ищетъ только внѣшняго повода, чтобы совсѣмъ отдѣлаться отъ нея.

Серафима, страстная, истеричная женщина, живетъ только чувствомъ, а не фальшиво-нравственными доводами, къ построенію которыхъ выказываетъ такую неожиданную способность любимый ею человѣкъ. Она видитъ его охлажденіе, которое объясняетъ зарождающеюся въ немъ любовью къ Калеріи и, въ изступленіи, какое въ такой натурѣ, какъ ея, вызываетъ ревность, сперва ищетъ смерти, а когда это не удается, покушается на жизнь „разлучницы“. Вернувшись изъ города, гдѣ она не нашла орудія смерти, она говоритъ Теркину о своемъ душевномъ состояніи и о своихъ поискахъ. Тотъ отзывается только безотносительными, односложными репликами: „Перестань“, „что̀ за шутки“, „неужели это серьезно“. Когда она его спрашиваетъ: „Неужели въ тебѣ нѣтъ настолько совѣсти, чтобы сказать: „Серафима, я тебя бросить собираюсь?“—онъ только вскрикиваетъ: „Кто тебѣ это сказалъ?“ какъ-будто эта мысль — нѣчто такое, что̀ никакъ не могло придти ему въ голову. Она возражаетъ ему: „Я тебѣ это говорю! Не то что ужь любви въ тебѣ нѣтъ... жалости простой“, и убѣгаетъ въ лѣсъ съ признаками приближенія истерики. Каждый посторонній человѣкъ отнесся бы участливо къ женщинѣ въ такомъ положеніи, постарался бы успокоить ее, инстинктивно бросился бы за ней, а Теркинъ, при видѣ безумнаго горя близкой ему женщины, только „махнулъ рукой и остался на террасѣ“. Серафимы все нѣтъ, между тѣмъ какъ наступаетъ полная темнота, и Теркинъ даже прислуги не посылаетъ, чтобъ узнать, что̀ съ ней, чтобы помочь ей; онъ только ждетъ Калерію

и, узнавъ, что больной мальчикъ, котораго онъ никогда не видѣлъ, еще живъ, а у другихъ дѣтей болѣзнь въ легкой формѣ, успокоивается и ложится спать. Правда, онъ слышитъ, что Серафима вернулась, но не думаетъ, что ей надо сказать хотя одно доброе слово, а обдумываетъ, какъ ему найти доктора для больныхъ дѣтей. Ночью Серафима прокралась къ Калеріи и нанесла ей рану кинжаломъ, къ счастью, неопасную. Теркинъ поспѣлъ вовремя, чтобъ обезоружить обезумѣвшую женщину, и запереть ее въ спальнѣ. Онъ видѣлъ, что она въ припадкѣ настоящаго изступленія, но ни минуты не пожалѣлъ и даже когда горничная упрашиваетъ его отпереть дверь, боясь, что барыня руки на себя наложитъ, что она бьется въ судорогахъ, что ей нужно хоть воды или спирту... онъ только „жестко" приговариваетъ: „Ничего, пройдетъ"; его нисколько не трогаетъ, что „эта женщина впала въ такое безумство, покусилась на убійство изъ нестерпимой ревности, изъ обожанія къ нему". Онъ ее „ни чуточки не жалѣлъ" и даже въ эти минуты не находилъ для нея другаго имени, кромѣ „распусты", въ сердцѣ которой „нѣтъ ни Бога, ни правды",—не то, что у него... На другой день онъ только справился о здоровьи Калеріи; узнавъ, что ей вполнѣ хорошо, и что она собирается въ деревню, онъ почувствовалъ, что ему „по-дѣтски весело; онъ точно совсѣмъ забылъ, что̀ случилось ночью и кто лежитъ тамъ—чрезъ корридоръ". Самъ онъ не идетъ къ Серафимѣ и хочетъ оттянуть разговоръ съ ней до вечера; онъ приходитъ къ ней только на ея зовъ. Отправляясь въ ея комнату, онъ заботится, чтобы въ лицѣ его не было „явнаго разстройства" и доволенъ, видя въ зеркалѣ, что лицо его „серьезное, немного жесткое, безъ особенной блѣдности или румянца". Онъ пробуетъ говорить съ ней тономъ нравоученія о „безумномъ дѣлѣ", о „задержкѣ въ душѣ", и когда она обрываетъ его и объявляетъ намѣреніе сейчасъ же уѣхать отъ него, онъ, на оскорбительное слово, не лишенное доли истины, отвѣчаетъ настоящими ругательствами, едва удерживается, чтобы не ударить ее, и грубо гонитъ ее вонъ.

* * *

Мы остановились съ нѣкоторою подробностью на любовномъ эпизодѣ Теркина, если можно такъ назвать исторію его отношеній къ Серафимѣ, и потому что этотъ эпизодъ занимаетъ бо̀льшую половину романа, и потому, что онъ вполнѣ высказываетъ основныя черты характера его героя—эгоистичность, жесткость

и лицемѣріе. Эгоистичность его доходитъ до полной неспособности понимать душевныя состоянія другихъ людей и превращаетъ внутреннюю жизнь его въ возню съ самимъ собой, въ преувеличеніе какихъ-то неопредѣленныхъ порывовъ къ чистотѣ совѣсти и въ отсутствіе сознанія какихъ-либо обязанностей даже предъ самыми близкими людьми. Жесткость, даже грубость его характера не требуетъ поясненія послѣ того, что̀ мы видѣли въ послѣднемъ періодѣ его отношеній съ Серафимой. Лицемѣріе его, прорывавшееся прежде въ двоедушіи, съ какимъ онъ бесѣдуетъ о народѣ съ писателемъ-народникомъ, давая ему понять, что онъ любитъ народъ, тогда какъ въ душѣ пылаетъ къ нему личною злобой, уже вполнѣ овладѣваетъ имъ, когда онъ вступаетъ на путь покаянія и притворяется, что близко принимаетъ къ сердцу ухаживаніе Калеріи за дѣтьми въ деревнѣ, какъ-будто въ первый разъ узналъ, что въ деревняхъ бываютъ больныя дѣти. И „умиленное чувство", которое „неудержимо влечетъ его къ Калеріи", выражается въ томъ, что „руки его протягивались къ ней", и у него является страстное желаніе „схватить ее за голову и покрыть поцѣлуями".

Всѣ его дальнѣйшія похожденія, которыя мы можемъ уже обозрѣть вкратцѣ, только подтверждаютъ наше мнѣніе объ основныхъ его свойствахъ. Хотя онъ и увѣряетъ себя, что въ немъ „борются двѣ силы—одна хищная, а другая душевная", но послѣдняя выступаетъ лишь въ словахъ, которымъ мы не можемъ вѣрить, такъ какъ поступки его не сходятся съ ними. Завладѣть Калеріей ему не удается: она неожиданно умираетъ отъ заразной болѣзни, которая перешла къ ней отъ больныхъ дѣтей. Онъ объясняетъ себѣ эту смерть какъ „таинственную кару" и припоминая, что „клеймилъ Серафиму за то, что у нея „Бога нѣтъ", спрашиваетъ себя: „а самъ онъ какого Бога носилъ въ сердцѣ своемъ?" Но онъ задаетъ такой вопросъ не для того, чтобъ упрекнуть себя за несправедливость и жестокость, а съ цѣлью самообличенія, самобичеванія. Если у него тогда не было вѣры, и теперь еще нѣтъ, то онъ поѣдетъ искать ее. „Его потянуло къ простой мужицкой вѣрѣ". Выславъ сумму своего долга матери Серафимы, онъ ѣдетъ къ Троицѣ-Сергію. Онъ увѣряетъ себя, что его „наполняетъ острое чувство ничтожества и тлѣна всего земнаго"; онъ даже спрашиваетъ себя—не долженъ ли и онъ „стремиться къ такой же доблестной смерти", какъ смерть Калеріи, но сейчасъ же отвѣчаетъ:

„куда мнѣ!“ Онъ ищетъ вѣры не у себя въ душѣ, а въ обстановкѣ церкви, приходитъ въ соборъ, становится на колѣни и стоитъ до тѣхъ поръ, пока ему самому становится „совѣстно“, пока его пронизываетъ сознаніе, что „онъ кощунствуетъ, производитъ надъ собой опыты“. У него пробуждается и другое признаніе, что „любовь его къ Калеріи была тайно плотская“, и что ея смерть, пожалуй, и „не потрясла его такъ могуче, чтобы воскресить въ немъ... жажду къ тому, что̀ стоитъ надъ нами“. Хотя онъ это высказываетъ себѣ въ формѣ сомнѣнія, но ему уже нельзя обманываться въ томъ, что онъ „растерялъ всякую способность на дѣтское умиленіе, на слезу, на отдачу всего своего существа въ распоряженіе небесныхъ силъ, на жаркую мольбу о наитіи“.

Въ Геѳсиманскомъ скиту онъ „смирился“, ему представилось, что его „манитъ домой, въ то село, на которое онъ такъ долго злобствуетъ, хотѣлось простить кровныя обиды“. Въ дѣйствительности, это благодушное намѣреніе такъ мало къ нему подходитъ, что, по его собственному сознанію, никто изъ знающихъ его не повѣрилъ бы ему. Уже первый ночлегъ въ трактирѣ, по пріѣздѣ въ родное село, показываетъ ему, „хвастающемуся своимъ мужицкимъ родомъ предъ интеллигентными господами“, что „мужика въ немъ нѣтъ и помину“: онъ бранится за отсутствіе удобствъ, за нечистоту и т. д. Побывавъ у игумена мѣстнаго монастыря безо всякой надобности, добывъ отъ становаго записку для осмотра раскольничьей молельни, между прочимъ, для того, чтобы „найти у раскольниковъ что-нибудь дѣйствующее на чувство“, убѣдившись, что „ни законная святыня, ни терпимая только раскольничья не захватывали его, побесѣдовавъ, также безо всякаго результата, съ вліятельными крестьянами, осмотрѣвъ пряничное заведеніе, устроенное въ домѣ, принадлежавшемъ его отцу, онъ идетъ къ Аршаулову „согрѣть себя задушевною бесѣдой съ нимъ“. Аршауловъ, сынъ почтмейстера, потерпѣлъ за свое рвеніе къ нуждамъ кустарей; столкновеніе съ кулаками изъ-за ссудо-сберегательнаго товарищества повернулось такъ, что онъ былъ отправленъ въ административную ссылку и недавно вернулся, больной, къ матери въ то село, которое теперь посѣтилъ Теркинъ. Съ Аршауловымъ Теркинъ хочетъ говорить о „какомъ-нибудь хорошемъ дѣяніи“, которымъ бы онъ могъ еще разъ выплатить сумму, позаимствованную у Калеріи безъ ея вѣдома. Эту сумму онъ уже отослалъ Серафимѣ и

испросилъ прощеніе у Калеріи, но самъ себя онъ не прощаетъ: онъ еще чувствуетъ за собой душевный долгъ". Аршауловъ, исполненный вѣры въ народъ, въ „задатки высшаго общественнаго строя", заключающіеся „въ его коренныхъ свойствахъ", высказывая свои взгляды Теркину, вызываетъ въ немъ только возраженіе, которое тотъ не рѣшается выговорить вслухъ, что „народъ—темная, слѣпая сила и надо ею править, а не становиться предъ ней на колѣни". На горячія увѣщанія Аршаулова „не знать никакого страха" и продолжать дѣло служенія народу, т.-е. жить съ нимъ и по возможности разсѣевать его „умственный мракъ" и облегчать „вѣковую тяготу", Теркинъ отвѣчаетъ молчаніемъ и сидитъ съ опущенною головой. Его возраженія, что у него для этого недостаетъ „мужицкой вѣры", Аршауловъ устраняетъ замѣчаніемъ, что „у всѣхъ, кто жалѣетъ о народѣ, одна вѣра—и она божественнаго происхожденія, одинъ законъ—правды и человѣчности". Теркинъ, выслушавъ это, чувствуетъ, что ему „пора уходить" и предъ прощаніемъ пробуетъ предложить Аршаулову мѣсто у себя, отъ чего тотъ отказывается; боясь, что Аршауловъ приметъ его за „буржуа", онъ вдругъ начинаетъ „со слезами въ голосѣ раскрывать ему свою душу", разсказывая про исторію съ „чужою женой", про Калерію и ея смерть, про двухъ людей, которые въ немъ ведутъ борьбу, про свой душевный поворотъ и т. д. Онъ заканчиваетъ свою исповѣдь слѣдующимъ рѣшеніемъ:

„Въ мужика, въ землепашца, въ кустаря я не обращусь... Я долженъ хозяйствовать и въ гору идти—такова моя доля, но что̀ я изъ своего добра сдѣлаю, ка́къ я свои стяжанія соглашу съ жалостью къ народу, съ служеніемъ правдѣ—не знаю." На его финальную фразу, что онъ „взыскуетъ этого, всѣмъ нутромъ взыскуетъ", Аршауловъ совѣтуетъ ему „хозяйствовать, заручаться силой, но помнить, кто его кормилъ, предъ кѣмъ онъ въ долгу". Теркинъ радъ хозяйствовать, но хочетъ услышать мнѣніе Аршаулова—какъ это сдѣлать „не завязивъ хоть одной ноги въ неправдѣ?" „Если не можете, такъ вернитесь сюда, станьте на сторону здѣшней гольтепы", совѣтуетъ Аршауловъ. Но Теркинъ на это несогласенъ... Безполезный разговоръ оканчивается ничѣмъ; Теркинъ уходитъ даже не заведя рѣчи о „добромъ дѣяніи", о которомъ пришелъ говорить съ Аршауловымъ.

Послѣ этого разговора, Теркинъ сидитъ на берегу. Онъ опять утѣшаетъ себя тѣмъ, что „послужитъ этой рѣкѣ, и тогда ему

скажетъ спасибо каждый забитый мужиченко". Слыша шумъ приближающагося парохода, онъ, однако, еще раздумываетъ о „тщетѣ всякаго счастья, всякаго стяжанія" и о томъ, что хорошо бы „все бросить и превратиться въ простеца, дойти до высокаго юродства Аршаулова". Вѣроятно, онъ уже слишкомъ далеко зашелъ, потому что, наконецъ, испугался этихъ мыслей. Когда онъ увидалъ свой пароходъ, „его внезапно подхватило хозяйское чувство и понесло къ своему дѣтищу; почти бѣгомъ сталъ онъ спускаться по горѣ къ пристани, точно ища спасенія отъ самого себя"... Такъ заключилось паломничество Теркина, его исканіе „мужицкой вѣры" и „примиренія" съ роднымъ селомъ.

* * *

Послѣдній эпизодъ эпопеи Теркина опять застаетъ его на той же колокольнѣ, съ которой онъ еще въ ребяческомъ возрастѣ любовался барскою усадьбой и паркомъ. Судьба, на которую онъ всегда надѣется, оправдала его надежды. Онъ смотритъ теперь на старинную усадьбу, какъ покупатель; онъ состоитъ директоромъ компаніи, скупающей лѣса, и, въ этомъ званіи, намѣревается пріобрѣсти усадьбу для товарищества, а современемъ, можетъ-быть, и для себя. Онъ достигъ цѣли своихъ желаній, осуществленія своей идеи—„оградить отъ хищничества лѣсныя богатства Волги, держаться строго раціональныхъ пріемовъ хозяйства, учредить „заказники", заняться въ другихъ, уже обезлѣсенныхъ, мѣстахъ системой правильнаго лѣсонасажденія". Онъ въ высшей степени доволенъ: „чувство удачи и силы никогда еще не наполняло его такъ, какъ теперь, вотъ на этой колокольнѣ". На колокольнѣ онъ переживаетъ второй апоѳеозъ, еще высшій, чѣмъ первый, когда онъ ѣхалъ на рубкѣ своего только что спущеннаго парохода. Его радость понятна для насъ: въ немъ примирились, наконецъ, оба Теркина – и хищный, и душевный. Съ одной стороны, онъ состоитъ „въ милліонныхъ дѣлахъ, хотя и не на собственный капиталъ", а съ другой, „совѣсть его чиста". Этимъ счастливымъ совпаденіемъ онъ обязанъ тому что работаетъ не для „кубышки", а для „общенароднаго дѣла"; онъ дошелъ уже до такой душевной высоты, что, пересчитывая пачки чужихъ сторублевокъ, не испытываетъ „никакого ощущенія,—точно перелистываетъ книжку съ бѣлыми страницами". И онъ не просто стоитъ на колокольнѣ: онъ въ нѣкоторомъ родѣ паритъ надъ „дворянами-помѣщиками, спускающими скупщикамъ

свои родовыя дачи"; онъ считаетъ себя призваннымъ совершить „благое дѣло; выхватить изъ такихъ рукъ общенародное достояніе"; его дѣло—„не кулачество, не спекуляція, а „миссія", потому-то оно и питаетъ его душу".

Итакъ, Теркинъ вполнѣ доволенъ собою и счастливъ. Посмотримъ, какъ онъ себя держитъ, что́ говоритъ и дѣлаетъ въ своей тріумфальной эрѣ. Въ счастьи человѣкъ обнаруживается всего откровеннѣе: онъ является такимъ, какимъ хочетъ казаться.

Въ томъ уѣздѣ, куда онъ попалъ для скупки лѣсовъ, состоитъ предводителемъ дворянства его гимназическій товарищъ, за котораго Теркинъ отчасти пострадалъ, принявъ на себя оскорбленіе учителя (получившаго возмездіе на пароходѣ), которое почему-то было необходимо и которое по жребію выпало на долю Звѣрева. Извѣстіе о томъ, что „Петька", какъ Теркинъ продолжаетъ его называть, такъ близко отъ него, „не обрадовало" его, хотя онъ и „не завидовалъ его положенію"; онъ сейчасъ же предположилъ, что „навѣрно и у него найдется что-нибудь продажное", но прибавилъ себѣ, что „мирволить ему онъ не станетъ". Звѣревъ приглашаетъ его къ себѣ и проситъ у него помощи, признаваясь въ крупной растратѣ опекунскихъ суммъ. Теркинъ не только отказываетъ ему, но еще изливаетъ на него такой потокъ оскорбительныхъ словъ, что даже самъ упрекаетъ себя за то, что „вышло что-то некрасивое, мальчишеское, полное грубаго и малодушнаго задора предъ человѣкомъ, который, довѣряясь ему, признался въ грѣхахъ". Но онъ сейчасъ же беретъ свое сознаніе назадъ: „я не джентльменъ, а разночинецъ, объясняетъ онъ себѣ, и не желаю оправдываться". Оказывается, что его „миссія" заключается не въ одной покупкѣ лѣсовъ, а и въ „обдираніи" прожившихся „господъ"; въ немъ кипитъ „накопившееся годами презрѣніе къ ихъ безпутству, къ ихъ наслѣдственной неумѣлости, къ хапанью всего, что́ плохо лежитъ", и потому „онъ ни къ кому изъ нихъ жалости не имѣетъ", за это, въ качествѣ „разночинца", онъ обѣщаетъ безпощадную месть всѣмъ „джентльменамъ". Въ тотъ же день онъ встрѣчаетъ въ крупномъ лѣсовладѣльцѣ, продающемъ ему лѣсную дачу, „барина не такого калибра, какъ „Петька Звѣревъ" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень бывалаго человѣка, усвоившаго себѣ пріемы русскихъ сдѣлокъ"; высказывая ему, какъ „прискорбно" видѣть, что „господа лѣсовладѣльцы, принадлежащіе къ дворянскому сословію, выказываютъ равнодушіе къ своимъ угодьямъ", онъ полу-

чаетъ ироническій отвѣтъ, что ему, какъ и всѣмъ „промысловымъ людямъ, надо благословлять эту неспособность русскихъ землевладѣльцевъ держать въ своихъ рукахъ хозяйство страны“. Однако, это простое соображеніе, что, еслибы «джентельмены» умѣли лучше сохранять свои угодья, то разночинцы не наживали бы милліоны на лѣсномъ дѣлѣ, не смягчаетъ Теркина и не располагаетъ его относиться снисходительнѣе къ лѣсовладѣльцамъ изъ дворянскаго сословія.

Онъ не думаетъ и о томъ, что отцы этихъ лѣсовладѣльцевъ умѣли хранить свои лѣса, и что дѣти разночинцевъ не всегда сберегаютъ свои наслѣдственные капиталы. Ему какъ будто и въ голову не приходитъ, что тѣ же землевладѣльцы изъ дворянскаго сословія создавали усадьбы, на которыя у него теперь разгораются глаза, и что мечта съ дѣтскаго возраста влекла его именно къ одной изъ такихъ усадебъ, а не къ собственности того или другаго разночинца, и, быть-можетъ, потому, что эти усадьбы—не только дома съ садомъ и надворными постройками, а культурныя гнѣзда, освященныя временемъ. Денежный человѣкъ на любомъ пустырѣ можетъ выстроить домъ и любой лѣсъ—превратить въ паркъ, но почему же Теркинъ не построитъ себѣ дома среди лѣса, который такъ любитъ, а предпочитаетъ купить домъ, хотя и грязноватый, разорившагося помѣщика Черносошнаго? И почему въ подруги жизни онъ избираетъ себѣ не дочь разночинца, а молоденькую институтку, дочь этого Черносошнаго?

Побѣдоносный разночинецъ, являющійся завладѣть по праву сильнаго усадьбой прожившагося дворянина, чувствующій за собой это право съ такою осязательностью, что ему, кажется, будто его „вводятъ во владѣніе родовымъ имуществомъ“, испытываетъ жалость, на этотъ разъ, можетъ-быть и искреннюю, къ „барышнѣ-дѣвочкѣ“; ему „какъ бы совѣстно предъ ней“. Санечка—простоватая дѣвушка, у которой „мысли завиваются клубкомъ“, такъ что она не можетъ „ихъ направить по своему“; ея наивность, дѣтское незнаніе жизни сквозятъ въ каждомъ словѣ и доходитъ до того, что она позволяетъ ухаживать за собой и даже цѣловать себя какому-то подозрительному землемѣру. Ей не понять ни хищнаго, ни душевнаго Теркина; что̀ выработается изъ нея—хорошая или дурная женщина—никто бы не рѣшился сказать. И Теркинъ, требовательный до безпощадности, жосткій до полной безсердечности, вдругъ рѣшается „спасти“ Санечку,

которой, дѣйствительно, грозитъ печальная участь. Ему пріятна роль „ангела-избавителя“, какъ его называетъ нянька Санечки, но пріятно и видѣть хозяйкой его новаго дома, его „законную наслѣдницу“. Пусть онъ упивается своимъ „великодушнымъ покровительствомъ“, пусть воображаетъ себя сказочнымъ богатыремъ, спасающимъ царь-дѣвицу, но онъ все болѣе и болѣе „втягивается въ роль защитника этой дѣвушки“, потому что не можетъ отдѣлаться отъ „прилива жалости къ этому чаду вырождающейся помѣщичьей семьи“. Даже, когда онъ восхищается тѣмъ. что „сидитъ среди“ этой „семьи съ гоноромъ, онъ — мужицкій подкидышъ, разночинецъ, котораго Павла Захаровна“ (сестра Черносошнаго) навѣрно зоветъ „кàшатникомъ“ и „хамомъ“, и радуется, что достигъ высоты своего положенія „не собственною мошной, а головой и волей, надзоромъ за своею совѣстью“. его преслѣдуетъ желаніе „оградить безпомощное женское существо, раздѣлить съ нимъ свой достатокъ, сдѣлать изъ нея подругу“. Положимъ, онъ не спрашиваетъ себя—каково будетъ ей сдѣлаться подругой Теркина, но вѣдь онъ никогда не справляется о томъ, чтò можетъ происходить въ душѣ другихъ людей. Когда это нужно, чтобы поладить съ собой, онъ изъ разночинца превращается въ мужика. И бракъ свой съ Саней онъ называетъ „простымъ мужицкимъ бракомъ—только безъ корысти и жесткости“.

Также легко, то поднимаясь до высоты истиннаго мудреца, то опускаясь до мужицкой простоты, Теркинъ разрѣшаетъ всѣ жизненныя и практическія затрудненія, какія еще остаются ему въ той части его исторіи, которая разсказана авторомъ. Онъ прощаетъ Серафиму, которая пріѣзжаетъ вымаливать его любовь или, по крайней мѣрѣ, право жить около него, и безъ прежней жестокости, но съ такою же твердостью, удаляетъ ее отъ себя. Такъ же, какъ онъ не потонулъ въ водѣ, во время крушенія парохода, онъ не горитъ и въ огнѣ, чтò угрожало ему на лѣсномъ пожарѣ. Подъ конецъ, около него собираются въ лѣсу его новый лѣсничій, нѣжно любящій лѣсъ, капитанъ, котораго онъ нѣкогда подвелъ подъ судъ, и Аршауловъ. Теркинъ всѣхъ ихъ осчастливилъ: лѣсничій и капитанъ—у него на службѣ, а Аршауловъ долженъ ѣхать на его пароходѣ и на его счетъ лѣчиться. Оставшись одинъ, Теркинъ размышляетъ о своей благотворительности и о своей мудрости. Всего болѣе онъ радуется тому, что у него есть и деньги, и „что-то въ немъ самомъ“, чтò

раньше онъ опредѣленнѣе называлъ „умомъ и талантомъ“, и невѣста въ купленной имъ усадьбѣ. Кромѣ того, онъ „спасетъ великую рѣку отъ гибели, положитъ предѣлъ истребленію лѣсныхъ богатствъ“. Не удивительно, что отъ сознанія такого полнаго благополучія у него „глаза стали влажны“. Можно ли представить себѣ человѣка счастливѣе его?

* * *

Мы полагаемъ, что не погрѣшили противъ истины и представили Теркина въ его настоящемъ видѣ. Самъ по себѣ Теркинъ не новъ. Это—типъ хищника, какимъ онъ и самъ себя считаетъ въ откровенныя минуты, но хищника съ нѣкоторымъ поверхностнымъ образованіемъ, обладающаго чутьемъ не одной наживы, а и „вѣяній времени“. Онъ знаетъ, что люди, ищущіе „правды“, внутренняго „закона“, выдѣляются изъ общей массы и пользуются уваженіемъ. Прикинуться искателемъ „правды“ выгодно для него, да и не трудно: достаточно усвоить нѣсколько употребительныхъ словъ и оборотовъ и народно-елейный тонъ. Подъ нравственною личиной легко подойти ко всякому простодушному, нехищному человѣку, а предъ хищнымъ ее не трудно и снять. У насъ еще не выработался сознающій свою настоящую цѣну типъ провинціальнаго русскаго дѣльца. Ряды такихъ дѣльцовъ еще слишкомъ наполнены скупщиками, барышниками, кулаками, чтобы люди, вкусившіе образованіе и ознакомленные съ его требованіями, могли чувствовать себя свободно, выступая беззастѣнчивыми пріобрѣтателями всего, что̀ плохо лежитъ. Кризисъ, переживаемый дворянствомъ, породилъ всего болѣе такихъ пріобрѣтателей, и нѣкоторые изъ нихъ, почувствовавъ свою силу, пожелали подчинить себѣ и общественное мнѣніе и заставить его повѣрить въ благодѣтельный характеръ этой силы; они являются не простыми техниками, агрономами, лѣсничими и т. п., а миссіонерами и піонерами, призванными самою судьбой хранить отечественныя богатства отъ прежнихъ расточительныхъ, распущенныхъ, выродившихся собственниковъ ихъ, то-есть дворянъ-землевладѣльцевъ. Эти послѣдніе приговариваются къ полному уничтоженію и безусловному очищенію мѣста для крѣпкихъ тѣломъ, духомъ и волей „новыхъ людей“.

Но каковы въ дѣйствительности эти „новые люди“? Безъ сомнѣнія, Теркины имѣютъ свои преимущества. Они — люди безъ роду и племени и поэтому не связаны никакими традиціями. Всю

свою молодость они отдаютъ медленному накопленію денегъ, въ которыхъ видятъ единственный нервъ жизненнаго успѣха; непрерывный ростъ ихъ сбереженій обусловливается тѣмъ, что, по большей части, они не имѣютъ страстей или же тщательно подавляютъ ихъ. Сердечныхъ потребностей, каковы: вѣра, любовь, дружба, жалость къ несчастнымъ и обиженнымъ судьбой, или умственныхъ потребностей, каковы: интересъ къ наукѣ или наслажденіе искусствомъ, у нихъ не бываетъ. Сердце ихъ пусто и умъ свободенъ отъ всего, что можетъ отвлекать человѣка отъ практическаго дѣла, отъ денежной выгоды. Какія бы личины они на себя ни надѣвали, деньги стоятъ для нихъ на первомъ планѣ и, проникнутые гордостью, что они знаютъ тайну ихъ пріобрѣтенія, они презираютъ всѣхъ, кто не умѣетъ пріобрѣтать или сохранять ихъ.

Мы полагаемъ, однако, что качества Теркиныхъ, помогающія имъ наживать и сберегать деньги, еще не обезпечиваютъ ихъ успѣха въ качествѣ руководителей крупнаго сельскохозяйственнаго дѣла. Положимъ, Черносошные, доводящіе свои имѣнія до продажи, выказываютъ тѣмъ самымъ неспособность къ хозяйству, но и хозяйственная способность Теркиныхъ, когда она изъ пароходныхъ, лѣсныхъ и хлѣбныхъ конторъ переносится въ деревню, еще не можетъ считаться доказанною; они все могутъ скупить, охранить и, пожалуй, привести въ порядокъ, но мы не видимъ, чтобъ они сообщали жизнь своему дѣлу, создавали образцовыя хозяйства, поднимали благосостояніе мѣстностей.

Противъ Теркиныхъ ничего нельзя было бы имѣть, еслибъ они задавались однѣми экономическими задачами; но если они выступаютъ, какъ моралисты, какъ носители „высшей правды“, ихъ нашествіе можетъ навести на самыя тревожныя размышленія. Они чужды образованію, за исключеніемъ техническаго, механическаго, агрономическаго, лѣсоводственнаго, таксаторскаго и т. п.; они не причастны ни къ какимъ идеямъ, кромѣ идей облѣсенія, обводненія и т. д.; они презираютъ народъ и ничего не сдѣлаютъ для него. Ихъ великіе проекты, которыми они оправдываютъ свои пріобрѣтательные инстинкты, на самомъ дѣлѣ такая же маска, какъ и ихъ нравственность: эти проекты по большей части неосуществимы, подобно проекту Теркина, который хочетъ скупить лѣса всего Поволжья.

Не считая появленія Теркина за желанное событіе, не ожидая, чтобъ онъ двинулъ впередъ наши крупныя хозяйства и оказалъ

полезное вліяніе на мелкія, не думая, чтобы сочетаніе его качествъ могло служить образцомъ для подражанія, мы не можемъ признать, чтобъ этотъ герой новаго типа представлялъ собою разрѣшеніе задачи, которую мы отмѣтили въ началѣ нашей замѣтки. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы не оспариваемъ мнѣнія, выдѣляющаго романъ г. Боборыкина изъ произведеній текущей беллетристики. Авторъ невѣрно освѣщаетъ своего героя; онъ умиляется предъ нимъ, онъ „обмазываетъ его медомъ“. Но если освободить Теркина отъ ореола, какимъ онъ окруженъ въ романѣ, если разсматривать его, какъ негативъ свѣтлаго портрета, изображеннаго авторомъ, то онъ является какъ нельзя болѣе живымъ и характернымъ лицомъ, выхваченнымъ изъ дѣйствительной жизни. По нашему мнѣнію, г. Боборыкинъ никогда еще не поднимался въ такой мѣрѣ до созданія типа, какъ въ лицѣ Василія Теркина, и никогда еще не выказывалъ такой непосредственности дарованія, какъ въ этомъ романѣ. Талантъ осилилъ въ немъ замыселъ; желая создать положительное лицо, онъ создалъ отрицательное, но исполненное большой яркости и жизненности. Но, ложно понимая Теркина, ставя его на пьедесталъ, авторъ значительно ослабляетъ свою литературную заслугу — изображенія Теркина, со всѣми его вожделѣніями и душевными изгибами. Прикрашенный, возвеличенный Теркинъ вводитъ въ заблужденіе читателей неопытныхъ или предубѣжденныхъ, и способствуетъ распространенію неправильныхъ взглядовъ на силы нынѣшней провинціи. Мы весьма сожалѣемъ, что г. Боборыкинъ, отмѣтивъ Теркина въ современной русской жизни, не нашелъ или почему-то избѣжалъ настоящей точки зрѣнія для изображенія его; отъ неправильнаго истолкованія героя романъ г. Боборыкина страдаетъ внутреннимъ противорѣчіемъ, заключающимся въ этомъ толкованіи и въ самомъ матеріалѣ произведенія.

Д. Коропчевскій.

E. Renan. *Feuilles détachées.* Paris 1892.

Въ новой книгѣ Ренана собраны разныя мелкія сочиненія (рѣчи, замѣтки о французскихъ писателяхъ, маленькіе философскіе трактаты и одинъ разсказъ), сами по себѣ не имѣющія большаго значенія, но интересныя для характеристики этого знаменитаго мыслителя, представляющія матеріалъ, которымъ несомнѣнно воспользуется его будущій біографъ.

Ренанъ называетъ себя неисправимымъ идеалистомъ. Онъ не только идеалистъ, но и рѣдкій въ наше время оптимистъ. „Я сожалѣю о молодежи, говоритъ онъ, предающейся крайнему пессимизму. Существованіе міра обезпечено надолго. Будущее науки обезпечено, ибо въ великой научной книгѣ все прибавляется и ничего не исчезаетъ. Никакое заблужденіе не продолжается очень долго. Успокоимся. Раньше чѣмъ черезъ тысячу лѣтъ земля найдетъ способъ пополнить истощеніе каменнаго угля и до нѣкоторой степени и уменьшившуюся добродѣтель. О вселенной мы можемъ сказать только одно, что она хороша, ибо если бы ея основаніе не было хорошо, вселенная, существующая цѣлую вѣчность, давно разрушилась бы. Представимъ себѣ банкъ, существующій вѣчность. Еслибы въ основаніи этого банка былъ малѣйшій недостатокъ, онъ тысячу разъ обанкротился бы. Еслибы въ балансѣ міра не оказывалось прибыли въ пользу акціонеровъ, давно уже этотъ міръ не существовалъ бы. Въ огромномъ балансѣ добра и зла оказывается излишекъ добра. Этотъ излишекъ и есть причина (raison d'être) существованія міра и причина его сохраненія. Зачѣмъ быть, еслибъ отъ бытія не было бы выгоды? Такъ легко не быть.“

Ренанъ доволенъ міромъ и въ равной степени доволенъ собой и своею жизнью.

„Я жилъ, говоритъ онъ, какъ желалъ, какъ считалъ лучшимъ. Еслибъ я могъ начать сызнова, я немного измѣнилъ бы въ

своей жизни. Съ другой стороны, я не боюсь будущаго. Напишутъ мою біографію, и представители церкви составятъ даже легенду обо мнѣ. Тѣмъ не менѣе я вѣрю въ разумъ. Просвѣщенная часть человѣчества, единственная, на которую я обращаю вниманіе, оцѣнитъ меня по достоинству. Чрезъ пятьсотъ лѣтъ коммиссія исторіи французской литературы при академіи надписей займется моею біографіей. Ей придется обсуждать странные документы. Она прочтетъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, что я получилъ милліонъ отъ Ротшильда за то, чтобы написать „Жизнь Іисуса" и приблизительно столько же отъ императора Наполеона III.; что позже онъ далъ мнѣ значительную пенсію за участіе въ Journal des Savants (я поступилъ въ редакцію Journal des Savants въ 1873 г., тамъ полагается содержаніе въ 500 франковъ). Коммиссія разберетъ все это по правиламъ исторической критики; я увѣренъ, что сужденіе ея будетъ принято всѣми здравомыслящими людьми. Я боюсь только апокрифическихъ текстовъ. На страницахъ клерикальныхъ органовъ можно уже найти цѣлую кучу фразъ, словъ, анекдотовъ, приписанныхъ мнѣ и совершенно нелѣпыхъ. Я прошу друзей истины считать принадлежащимъ мнѣ только то, что̀ появилось въ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ Леви. Въ то время, когда я печаталъ Vie de Jésus, газеты, получавшія деньги отъ іезуитовъ, печатали автографы, будто бы мнѣ принадлежавшіе, которыхъ я никогда не опровергалъ. Вотъ тутъ-то коммиссіи исторіи литературы въ 24-мъ вѣкѣ представится случай доказать свою проницательность. Если критика вмѣсто того чтобы дѣлать успѣхи станетъ слабѣе, тогда я погибъ. Но если человѣчеству предназначено впасть въ кретинизмъ, я уже не дорожу его уваженіемъ; пусть оно думаетъ обо мнѣ какія угодно глупости. Я благодарю Бога за дарованную мнѣ жизнь. Она была мнѣ сладка и драгоцѣнна, потому что я былъ окруженъ отличными людьми. Я не безъ грѣха, у меня общечеловѣческіе недостатки, но я не совершалъ чего-нибудь очень дурнаго. Я любилъ правду и для нея жертвовалъ собою."

Ренанъ говоритъ, что онъ былъ воспитанъ священниками и женщинами, и что по своимъ чувствамъ онъ на три четверти женщина. Подтвержденіе этому можно было бы найти въ той восторженности, съ какою онъ смотритъ на любовь. „Нѣтъ ни одного философа, говоритъ Ренанъ,—который занимался бы любовью. Но я продолжаю думать, что любовь—странная тайна и самая очевидная связь наша со вселенной. Какъ, скажутъ мнѣ,

вы постоянно говорите о томъ, что̀ знаете такъ мало? Но тутъ я протестую; въ этихъ дѣлахъ быть слишкомъ большимъ знатокомъ—это значитъ быть некомпетентнымъ. Всего лучше говорятъ о любви тѣ, кто всего меньше злоупотребляли ею и смотрѣли на нее, какъ на религіозный актъ. Да, религіозный актъ, священный моментъ, когда человѣкъ возвышается надъ своею обычною посредственностью, когла преобразовывается вся его жизнь. Любовь также вѣчна, какъ религія, любовь лучшее доказательство существованія Бога."

Привожу въ сокращеніи маленькій разсказъ Ренана, изъ которого видно, какъ онъ смотритъ на любовь.

„Въ идеалистическомъ характерѣ Бретонцевъ, разсказываетъ Ренанъ,—есть одна черта, которую я не разъяснилъ достаточно въ своихъ воспоминаніяхъ дѣтства, это способность жить одною идеей, невысказанною любовью, продолжающеюся до смерти, эту черту напомнили мнѣ горничныя—Бретонки, которыя, будучи привезены въ Парижъ въ какое-нибудь честное семейство, могутъ жить годами не выходя изъ дома; онѣ ходятъ по Парижу не глядя на него, имѣя только одно желаніе жить въ одиночествѣ. Почти всегда ихъ преисполняетъ тайная мысль. Къ этому присоединяется иногда мистическая мечтательность, но она рѣдко составляетъ главную причину этой потребности въ одиночествѣ. По большей части главную роль играетъ любо̀вь дѣтства, сдержанная, химерическая, соединенная очень сильнымъ нравственнымъ чувствомъ. Для подобнаго состоянія души ничего не существуетъ, ничего не нравится кромѣ излюбленной идеи. Ее лелѣютъ долгіе годы, и она дѣлаетъ человѣка равнодушнымъ ко всему остальному міру. У этой расы мало желанія, мало потребностей; что касается любви, она умѣетъ ждать. Моя сестра разсказывала мнѣ по этому поводу исторію, которою восхищалась, исторію матери о̀дной изъ своихъ подругъ. Сестра не разъ упоминала имя этой почтенной особы, я назову ее Эмма Козили.

„Она не была очень красива, но въ лицѣ ея была невыразимая прелесть. Глаза ея отличались изящною томностью, въ ея рѣсницахъ, выражавшихъ самое незамѣтное трепетаніе робкой стыдливости, какъ будто была душа. Кожа ея была такъ тонка, что всякое впечатлѣніе выражалось у нея быстро вспыхивавшимъ румянцемъ, выдававшимъ иногда тайну, которую она хранила въ себѣ. Однимъ словомъ, это было олицетвореніе чистоты и невинности. Въ 16 или 18 лѣтъ совершенно незамѣтно для

Эммы Козили случалось, что въ душѣ ея не оставалось мѣста ни для кого, кромѣ молодаго человѣка двадцати или двадцати двухъ лѣтъ, котораго я назову Эмилемъ. Въ этой любви не было начала, это было никѣмъ не замѣченное завоеваніе. Въ этихъ странахъ, гдѣ нравы чисты, отношенія между молодежью обоего пола гораздо свободнѣе, чѣмъ въ подозрительномъ Парижѣ, во всемъ видящемъ дурное. Эмма видалась съ Эмилемъ съ тѣхъ поръ, какъ помнила себя. Молодой человѣкъ, котораго она любила, былъ добрый малый, нѣсколько слабохарактерный. Его простота, отсутствіе всякихъ претензій понравилось молодой дѣвушкѣ.

„Нѣсколько лѣтъ тому назадъ меня побивали каменьями за то, что я говорилъ о любви, какъ о чемъ-то священномъ, религіозномъ, мистическомъ, и на этотъ разъ я не буду распространяться.

„На мой взглядъ божественную природу любви всего лучше доказываетъ ея непроизвольность. Она зарождается, какъ полевой цвѣтокъ, она дѣйствуетъ, какъ магнитъ. Наука доказываетъ, что еслибы во вселенной были два единственные атома, они пошли бы на встрѣчу другъ къ другу, хотя бы ихъ раздѣляло громадное пространство. Въ такомъ родѣ была любовь Эммы, невинная, потому что она была безсознательная. Она очень тонкимъ и вѣрнымъ чутьемъ понимала, что̀ хорошо. Но женщина не имѣетъ склонности къ отвлеченіямъ; она любитъ добро, когда добро для нея—существующій живой человѣкъ. Любовь вскорѣ поглотила все существо Эммы. Цѣлые дни оставалась она неподвижная, наслаждаясь полнымъ бездѣйствіемъ, какъ наслаждаются теплымъ вѣтеркомъ, не спрашивая, откуда онъ, спѣлымъ плодомъ, не страшась яда, который будто бы въ немъ скрывается.

„Она конечно ничего не сказала о своемъ чувствѣ ни тому, кого любила, ни своему семейству, ни пріятельницамъ. Вотъ въ чемъ, если угодно, заключалась вина, которую она впослѣдствіи искупила. Долго она наслаждалась своею тайной, и конечно отъ признанія уменьшилось бы удовольствіе. То, что̀ она испытывала, было такъ непреодѣленно, воображеніе ея было такъ чисто, разговоры, которые она слышала, были такъ приличны, что въ ея голову не приходила мысль, будто въ ея чувствахъ есть что-нибудь преступное.

„Въ то время, какъ Эмма жила исключительно своею любовью, Эмиль вовсе о ней не думалъ. Благодаря своей слабохарактерности и пассивности, онъ женился по желанію матери.

Ударъ случился внезапно, какъ молнія. Однажды она бесѣдовала въ саду со своими пріятельницами. Самая свѣжая новость въ тотъ день была женитьба Эмиля на Аннѣ М. Объ этомъ говорили какъ о вѣрной вещи. Эмма все слышала. Но таково было ея самообладаніе, что никто не замѣтилъ, какъ кинжалъ пронзилъ ей сердце. Она не проронила ни слова, встала и ушла, не обнаруживъ своей раны.

Черезъ нѣсколько дней распространилась другая новость въ кругу тѣхъ же пріятельницъ. Эмма поступила въ монастырь сестеръ урсулинокъ. Она такъ хорошо хранила свою тайну, что никто не сопоставилъ этого факта съ бракомъ Эмиля. Впрочемъ въ томъ монастырѣ можно было жить на разныхъ основаніяхъ. На ряду съ постриженными монахинями жили набожныя дѣвушки, носившія приблизительно же монашеское платье, но не дававшія никакихъ обѣтовъ. Большинство постригалось по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ; но случалось, что, поживъ въ монастырѣ, дѣвушки вновь обращались къ свѣтской жизни.

Къ послѣднему разряду принадлежала Эмма. Она вела себя, какъ самая совершенная монахиня. Ея блѣдное лицо выражало блаженное спокойствіе, свойственное отказавшимся отъ міра. Усердно предаваясь молитвѣ, она быстро привыкала къ монастырской жизни. Удалось ли ей изгнать изъ своего сердца образъ, завладѣвшій всѣмъ ея существомъ? Нисколько, и она даже не старалась сдѣлать это. Ни на минуту не являлось у нея сомнѣнія, не преступна ли эта мысль? Любовь ея представляла какъ-бы сладкій сонъ безконечно продолжавшійся, пріятную музыку, имѣвшую только одну ноту. Она не отличала своей любви отъ своей набожности, и своей набожности отъ своей любви. Чувствуя инстинктивно, что женщина должна наслаждаться или страдать, она находила особаго рода наслажденіе въ умерщвленіи своей плоти. Она испытывала радость при мысли, что она страдаетъ ради того, кого любитъ, и при сознаніи, что не увидитъ никогда другаго мужчины кромѣ него.

Къ этому присоединялось чувство, которое я назвалъ бы гордостью заключенія и которое служитъ поддержкою монахинямъ. За мечтами, которымъ предается женщина въ монастырѣ, скрывается мысль, что тѣло такое драгоцѣнное сокровище, что для его безопасности нужны рѣшотки, засовы, высокія стѣны. Строгость охраны возвышаетъ цѣну охраняемаго предмета; вещь, за которою такъ надзираютъ, должна быть безцѣнная. Женщина,

посвятившая себя безбрачію, желаетъ почти всегда быть отдѣленною отъ міра, она не можетъ показываться въ обществѣ. Она ощущаетъ особый родъ удовольствія, когда такимъ образомъ громко заявляетъ, что счастье, которое она могла бы дать, она хранитъ про себя.

У Эммы невинность и чистота выраженія были таковы, что ея томленіе не возбуждало въ ней укоровъ совѣсти. Она была такъ увѣрена въ своей правотѣ, что не находила нужнымъ каяться въ этомъ на исповѣди. Она не знала тѣхъ усилій, которыя употребляютъ обыкновенно женщины, удалившіяся отъ міра, чтобъ отстранить себя отъ мыслей, которыя не должны приходить въ голову. Уединеніе ея было безусловно. Ее не только не посѣщали мужчины, но даже родственницы перестали ходить къ ней, находя, что она совершенно отстала отъ ихъ жизни.

Это продолжалось пять лѣтъ, безъ малѣйшей бури. Думала ли она о возможности встрѣтиться вновь съ Эмилемъ? Думала ли, что ея бывшій другъ, жена Эмиля, слаба здоровьемъ? Она знала, что у Анны двѣ маленькія дочери. Говорило ли ея сердце, ты будешь со временемъ ихъ матерью? Она была счастлива и не мечтала ни о какой перемѣнѣ. Она прожила бы такъ до смерти безъ малѣйшаго сожалѣнія. Однако она не рѣшилась постричься. Ей не разъ намекала на это игуменья, она говорила, что не чувствуетъ себя достойною. Она была такъ скромна, что никто не удивлялся ея словамъ.

И вотъ эта возможность, которой она никогда себѣ ясно не представляла, но которая была тайною причиной ея безсознательной жизни, стала вдругъ дѣйствительностью. У Анны М. была сестра въ монастырѣ и отъ послѣдней въ одинъ прекрасный день узнали, что жена Эмиля умерла. Во время отпѣванія Эмма молилась съ такимъ наружнымъ спокойствіемъ, что никто не могъ подумать, что она молится за соперницу.

Однако, когда тѣло опустили въ могилу, она пришла въ такое состояніе, въ какомъ прежде не бывала. Она стала возмущаться противъ монастырской жизни. Спокойствіе ея было нарушено; въ молитвѣ она не находила болѣе утѣшенія. Это былъ единственный опасный моментъ въ ея жизни. Еслибъ исходъ ея жизни былъ другимъ, она возмутилась бы. Она можетъ-быть осталась бы въ монастырѣ, но она была бы дурная монахиня, то-есть существо наиболѣе несчастное. Цѣпи, казавшіяся сладкими, пока наслажденіе было невозможно и надежда потеряна,

стали теперь невыносимыми. Любимый образъ, нѣсколько лѣтъ дремавшій въ глубинѣ ея сердца, смущая ее теперь, доводилъ ее до сумашествія.

На этотъ разъ она сочла своею обязанностью высказать все своему духовнику. Это былъ человѣкъ здравомыслящій; онъ хотѣлъ сначала подождать, но затѣмъ увидѣлъ, что это бѣдствіе серьезно.

Эмма не давала никакихъ обѣтовъ. Добрый духовникъ, убѣдившись, что дѣло идетъ о спасеніи своего духовнаго чада, возымѣлъ мысль совершенно отеческую. Онъ поручилъ Эммѣ двухъ дочерей Анны, отданныхъ ея сестрѣ. Онъ надѣялся дать этимъ занятіе Эммѣ и обратить ея любовь на сиротъ. Онъ разсчитывалъ, что если состоится бракъ Эммы съ Эмилемъ, можно будетъ сказать, что дѣло сдѣлалось по просьбѣ Эмиля, желавшаго дать своимъ дѣтямъ вторую мать. Онъ надѣялся, что такимъ образомъ можно будетъ избѣгнуть скандала.

Отецъ пришелъ посмотрѣть на своихъ дѣтей; ихъ привела къ нему Эмма. Она разрыдалась. Эмиль мало измѣнился: онъ оставался такимъ, какимъ она въ теченіе пяти лѣтъ видѣла его въ своихъ мечтахъ. Видя ея слезы, Эмиль увидѣлъ и ея любовь. Тогда онъ понялъ все. Его тронулъ видъ любимыхъ дѣвочекъ въ рукахъ этой отличной женщины. Онъ получилъ къ ней почтительную любовь.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Эмиль женился на Эммѣ. Моя сестра считала, что радость, какую испытала эта героиня вѣчной любви, самая большая радость, когда-либо испытанная какою-нибудь женщиной. Мужъ ея, удивленный такимъ поразительнымъ доказательствомъ вѣрности, всю жизнь питалъ къ ней большую нѣжность. Несмотря на то, что онъ былъ человѣкомъ очень обыкновеннымъ, онъ понялъ, что ему досталось необыкновенное сокровище. Его любовь стала чѣмъ-то въ родѣ религіознаго культа. Это твердое рѣшеніе: „кромѣ него никто не увидитъ меня", доказанное на дѣлѣ, удивляло и побѣждало его, хотя было недоступно его посредственной натурѣ. У нея надо всѣмъ господствовало чувство одержанной ею громадной побѣды. Въ теченіе долгаго времени она безъ малѣйшаго перерыва наслаждалась самымъ большимъ счастіемъ, о которомъ только можно мечтать. Она страшно рисковала. Всѣ шансы были за то, что силы ея будутъ истощены монастыремъ, что Анна переживетъ ее. За

то она двадцать пять лѣтъ плавала по тихому океану счастія и любви.

У нихъ было восемь человѣкъ дѣтей; они хорошо воспитали ихъ, сыновья ихъ стали честными людьми. Счастіе Эммы было полное. Даже смерть какъ будто не существовала для нея. Жизнь покинула ее, потому что насталъ часъ. Она умерла въ пятьдесятъ лѣтъ безо всякой болѣзни.

Моя сестра, разсказывая мнѣ эту исторію, видѣла въ ней прекрасный примѣръ любви, какъ она ее понимала. Она считала Эмиля самымъ счастливымъ изъ людей, такъ какъ изъ-за него отличная женщина обрекла себя на заключеніе и этимъ доказала свою исключительную любовь.

Я желалъ бы, чтобы написали Morale en action (нравоученіе въ драматической формѣ), гдѣ выведены были бы героическіе случаи въ родѣ поступка Эммы. Morale en action это та книга, которая имѣла на меня наибольшее вліяніе въ дѣтствѣ послѣ *Телемака*. Говорятъ, что подобныя книги вышли изъ моды, тѣмъ хуже для моды. Я думаю, что самый большій успѣхъ въ наше время имѣла бы книга, которая представила бы людей такими, какими они должны были бы быть; мы слишкомъ часто видимъ ихъ такими, какіе они на самомъ дѣлѣ. Профанація любви, которую видимъ въ поверхностной парижской литературѣ, позоръ нашего времени.

Въ новой книгѣ Ренана есть мѣста чрезвычайно любопытныя для характеристики религіозныхъ воззрѣній знаменитаго мыслителя, который желалъ бы вѣровать, но не вѣруетъ, не замѣчаетъ Бога въ видимомъ мірѣ и ищетъ его въ сферахъ недоступныхъ нашему наблюденію. „Не будемъ отказываться отъ Бога-Отца, говоритъ Ренанъ,—не будемъ отрицать возможности конечнаго дня правосудія. Что остается дѣлать, какъ не поднять глаза къ небу чистой женщинѣ несправедливо оклеветанной, невинной жертвѣ непоправимой судебной ошибки, человѣку умирающему, совершая актъ самопожертвованія, мудрецу умерщвляемому солдатами-варварами? Гдѣ искать нелицепріятнаго судію, если не на небѣ? Но невыносимо то, что мы не получаемъ никакого отвѣта. Богъ, которому мы невольно поклоняемся, скрытый Богъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что во всей вселенной, доступной нашему наблюденію, не наблюдаютъ и никогда не наблюдали явленій, происходящихъ отъ воли высшей, чѣмъ человѣческая воля. Все то, что приписываютъ ангеламъ,

частнымъ, провинціальнымъ, планетнымъ богамъ или даже единому Богу, дѣйствующему черезъ частную волю, не имѣетъ никакой реальности. Въ наше время нельзя констатировать ничего подобнаго. Если придавать нѣкоторымъ писателямъ серьезное значеніе, можно было бы подумать, что подобные факты совершались прежде, но историческая критика доказываетъ невѣроятность подобныхъ разсказовъ. Чего никогда не видѣли, это вмѣшательства высшаго существа съ цѣлію исправить, или направить слѣпыя силы, просвѣтить человѣка, предупредить страшное несчастіе, предотвратить несправедливость. Вселенная, подлежащая нашему наблюденію, не управляется никакимъ разумомъ. Богъ, какъ его понимаетъ толпа, Богъ живой, Богъ дѣйствующій, Богъ-Провидѣніе не проявляется во вселенной.

„Но вопросъ заключается въ томъ, представляетъ ли вселенная все существующее. Мы не видимъ Бога въ этой вселенной; атеизмъ въ ней логиченъ и фataленъ, но можетъ-быть эта вселенная подчинена другому міру; мы можетъ быть атеисты, потому что не видимъ довольно далеко. Богъ можетъ-быть когда-нибудь явится намъ. Мы не можемъ быть увѣрены въ вѣчности нашей вселенной, такъ только предполагаемъ, что вселенная конечна и подчинена безконечному. Высшее безконечное можетъ воспользоваться вселенной для своихъ цѣлей. „Природа и ея Творецъ" можетъ-быть не такое несомнѣнное выраженіе, какъ это кажется. Все возможно, возможенъ даже Богъ (tout est possible, même Dieu). Исторія вселенной, скажутъ мнѣ, не представляетъ никакихъ данныхъ для такой гипотезы. Конечно; но атомы гранитныхъ скалъ долго не замѣчали, что существуетъ человѣчество, пока человѣкъ не употреблялъ ихъ на мостовую. Богъ не проявляется въ наблюдаемомъ нами мірѣ, но нельзя доказать, чтобъ Онъ не проявлялся въ безконечности.

„Два основные догмата религіи, Богъ и безсмертіе души, не могутъ быть доказаны, но нельзя сказать, чтобъ они были абсолютно невозможны. Самое логическое отношеніе мыслителя къ религіи, это держать себя такъ, какъ будто она была бы истинною. Надо дѣйствовать такъ, какъ будто бы Богъ и душа существуютъ. Религія представляетъ одну изъ тѣхъ многочисленныхъ гипотезъ, какъ напримѣръ, гипотеза объ эѳирѣ или атомахъ, которыя, какъ намъ хорошо извѣстно, только символы, удобные способы для объясненія явленій и которыхъ мы держимся несмотря на это. Душа не существуетъ, какъ отдѣльная субстанція, тѣмъ не

менѣе все происходитъ приблизительно такъ, какъ еслибы душа существовала. Вѣчный рай, обѣщанный человѣку, реально не существуетъ, но надо поступать такъ, какъ будто бы онъ существовалъ; надо чтобы тѣ, кто не вѣритъ въ него, по добротѣ и самопожертвованію превосходили тѣхъ, кто вѣритъ."

По своимъ взглядамъ на религію, Ренанъ напоминаетъ древнихъ римлянъ эпохи упадка, когда образованные люди давно утратили вѣру въ Юпитера, но считали нужнымъ возстановить разрушенные храмы и поддерживать языческій культъ, чтобы содѣйствовать народной нравственности, такъ какъ народъ, по ихъ мнѣнію, не могъ обойтись безъ религіи. Совершенно также разсуждаетъ Ренанъ. „Не будемъ ничего отрицать, говоритъ онъ въ предисловіи, не будемъ ничего утверждать, будемъ надѣяться. Въ тотъ день, когда религія исчезла бы изъ міра, произошелъ бы громадный упадокъ нравственный, а можетъ-быть и умственный. Мы можемъ обойтись безъ религіи, потому что другіе имѣютъ вѣру за насъ. Невѣрующіе увлечены толпою болѣе или менѣе вѣрующею; но въ тотъ день, когда въ толпѣ исчезъ бы энтузіазмъ, даже храбрецы вяло пошли бы въ атаку. Гораздо менѣе можно извлечь изъ человѣчества не вѣрующаго въ безсмертіе души, чѣмъ изъ человѣчества вѣрующаго."

П. Безобразовъ.

Этнологическій шовинизмъ.

Краузе, Эрнстъ (Карусъ Стерне) *Земля Туиско, первобытная родина племенъ и боговъ арійскихъ. Объясненія къ былинамъ Веды, Эдды, Иліады и Одиссеи.* Съ 76 рисунками въ текстѣ и картой. б. 8. 624 стр. Глогау, изд. Карлъ Флеммингъ. 1891.

Предъ нами одна изъ наитевтонскихъ, когда-либо изданныхъ книгъ,—если не верхъ національнаго самомнѣнія. Авторъ, давно прославленный подъ псевдонимомъ Карусъ Стерне своими популярными изображеніями естественно-философскихъ вопросовъ, отважился вторгнуться въ область индогерманскаго сравненія языковъ и пришелъ при этомъ къ результату, принимаемому имъ новѣйшимъ успѣхомъ науки, именно: что всѣ индогерманскіе народы со своими языками и своею миѳологіей не что иное, какъ испорченные потомки и копіи бѣлокурыхъ Германцевъ сѣверонѣмецкой равнины. Quod erat demonstrandum.

Авторъ сей странной книги, чей этнологическій шовинизмъ соперничаетъ съ самовосхваленіемъ англосаксонской расы, провозглашаетъ, что всѣ великіе завоеватели и моряки имѣли хоть нѣсколько капель германской крови въ своихъ жилахъ и даже христіанство не могло бы восторжествовать, „еслибъ оно не разносилось германскою расой во всѣ отдаленнѣйшія части свѣта“. Слыхано ли что-нибудь подобное! Будто бы Ганнибалъ, Кесарь, Марко Поло, Колумбъ, Магеланъ, Наполеонъ были бѣлокурыми сѣверными Германцами; будто бы сѣверные варвары (Германцы) въ нравственномъ отношеніи достигли уже рано высшей ступени, чѣмъ Ассирійцы и Египтяне; а эти образцовые примѣры совершенно рабскаго духа и ненасытной жестокости, эти Индійцы, Финикіяне и другіе народы Средиземнаго моря (то-есть Греки и Римляне) не были изъ лучшаго дерева (стр. 107)?

Если авторъ этого собственнаго самовосхваленія до небесъ бѣлокурыхъ Германцевъ полагаетъ, что спасетъ свею книгой науку сравнительной миѳологіи отъ проклятаго презрѣнія, которое было ея удѣломъ не безъ ея вины, то мы ему желаемъ много счастія въ такой скромной увѣренности. Но мы не преминемъ дать любознательнымъ читателямъ наглядное понятіе объ образчикахъ этого подвига. Краузе не имѣетъ никакого понятія о результатахъ новѣйшаго сравнительнаго языковѣдѣнія. Но онъ это дѣлаетъ, приводитъ въ движенія одновременно крайнеологію доисторію, сравнительное языковѣдѣніе и сравнительную миѳологію дабы въ смыслѣ Якова Гримма въ его „Исторія нѣмецкаго языка" увеличить въ глазахъ свѣта достоинство древностей нѣмецкаго народа. Краузе долженъ былъ знать, что упомянутый трудъ великаго нѣмецкаго археолога, который самъ не былъ свободенъ отъ этнологическаго шовинизма, давно признается самою слабою книгой въ смыслѣ основанія для нѣмецкой грамматики и что эта книга, заслуги которой никто не отрицаетъ, составляетъ шагъ назадъ въ сравненіи съ трезвою и долговѣчною книгой Цейса „Германцы и сосѣднія съ ними племена". Это давно было извѣстно въ Германіи, тѣмъ большее удивленіе производитъ этотъ новѣйшій гимнъ въ честь ангело-подобія бѣлокурыхъ Германцевъ сѣверной Германіи. Бѣлокурые Арійцы, происходящіе, по мнѣнію Краузе (стр. 59) въ періодѣ Кватерномъ въ средней Европѣ, отъ Финновъ, составляютъ де (стр. 17) въ тѣлесномъ и умственномъ отношеніи величайшій контрастъ „съ низшими темно-волосыми пассивными расами; вслѣдствіе этого, увѣряетъ Краузе, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи исторіи (кто) выразили мнѣніе, „что всѣ смѣлыя завоеванія, открытія и перевороты въ мірѣ, исходили отъ Германскаго міра (стр. 256). Сравнить надо: греческую богиню Геркину (супруга Зевеса, Трофонія) съ германскою Геркою, съ Геркинскимъ лѣсомъ, Кераyніей, скерниптическою Ланіею въ миѳѣ о Геркулесѣ, съ кельтійскимъ богомъ Цернуносомъ съ Аполлономъ Карнейусомъ, съ индійскимъ героемъ Карномъ, съ Зевесомъ-Геркайусомъ съ латинскимъ Геркулесомъ! Но Краузе дерзаетъ на самое удивительное: (стр. 259) онъ (удивляйтесь!) съ того же самаго корня производитъ имя греческаго бога Гермеса, далѣе германскаго бога Ирмина; затѣмъ бога Ормузда Персовъ и вмѣстѣ съ нимъ имя персидскаго чорта Аримана нѣкогда (стр. 135) будто бы наиуважаемымъ богомъ міра Арійцевъ! Какое колоссальное невѣжество! Какъ будто Краузе не могъ бы и не долженъ бы

знать, что Ариманъ не что иное, какъ сглаженная форма имени Андра Меннію (Andra Mainyu) бога злыхъ боговъ въ Зендъ-Авестѣ. Но это только нѣсколько примѣровъ изъ изобилія подобныхъ сумашедшихъ сравненій, которыя въ нашемъ распоряженіи.

Нечего удивляться, если Краузе съ помощію такихъ странныхъ сравненій и фантастическихъ сопоставленій приходитъ къ выводу, что миѳологія бѣлокурыхъ первобытныхъ Германцевъ есть именно тотъ источникъ, изъ котораго постепенно, даже въ доисторическое древнее время, вытекала миѳологія всѣхъ другихъ народовъ Стараго Свѣта. Софусъ Буге, выдающійся скандинавскій археологъ, съ помощью хорошаго доказательнаго матеріала выразилъ мнѣніе, что миѳъ о Балдурѣ въ Эддѣ объясняется сознательнымъ подражаніемъ греческому миѳу объ Ахиллесѣ и Патроклѣ. Нюленгофъ попробовалъ потомъ своею нѣмецкою археологіей опровергнуть гипотезу Буга. Для Краузе дѣло совершенно ясно. Нечего и думать о томъ, что миѳъ о Балдурѣ взятъ былъ изъ былины объ Ахиллесѣ и Патроклѣ. Былина объ Ахиллесѣ и Патроклѣ скорѣе вытекала изъ скандинавскаго миѳа объ Одинѣ и Балдурѣ (стр. 520) и Иліада и Одиссея Гомера слабые плагіаты германскаго героическаго эпоса. Индійскія аспаразы (нимфы) для него (стр. 489) воспроизведеніе только въ старой Германіи и Скандинавіи сохранившагося первобытнаго образа. Былины Шахъ-Наме великаго національнаго эпоса Персіянина Фирдузи (1000 л. по Р. Хр.) не что иное, какъ (стр. 495) фрагменты сѣверо-германскихъ богатырскихъ былинъ, оторванныхъ со временемъ отъ ихъ родной почвы и сильно искаженныхъ. Миѳъ Кабане, былины объ Адонисѣ навѣрно не перенесены на сѣверъ Финикіянами, какъ Софусъ Бугу полагалъ, но наоборотъ, сѣверными полчищами, поселившимися во II вѣкѣ нашего лѣтосчисленія въ Малой Азіи, Сиріи и Египтѣ, перенесены въ эти страны, такъ что Атисъ или миѳъ о Матисѣ въ Малой Азіи, какъ и сирійскій и палестинскій Адонисъ, должны быть принимаемы (стр. 231) за подражанія сѣвернаго дикаго охотника литовскаго Aukbztis—скандинавскаго Одина. Да даже индійская идея о Мессіи (стр. 391) старше православнаго еврейскаго ученія, ибо идея о Мессіи произведеніе древне-арійскаго, то-есть германскаго населенія Палестины! Любопытно было бы узнать, какъ Краузе представляетъ себѣ происхожденіе ученія Зороастра или даже Будды. Бывали же въ началѣ нашего столѣтія нѣмецкіе ученые, связывающіе имя Будды съ именемъ Одина. Какъ жаль, что

Краузе упустилъ изъ виду этотъ аргументъ въ пользу своей теоріи прародительства бѣлокурыхъ Германцевъ.

Основаніемъ для этого этнологическаго шовинизма служитъ и у Краузе, къ несчастію и Яковомъ Гриммомъ поддерживаемое, предположеніе, что Скиѳы были предками Германцевъ, фантастическое исчадіе, отстаиваемое недавно вѣнскимъ ученымъ И. Фрессель въ своей книгѣ: „Скиѳо-Саксія прародители Германцевъ.“ Мюнхенъ 1886 годъ. Краузе указываетъ и на меня, будто и я признаю Скиѳовъ Германцами. Онъ приводитъ для этого мою лекцію „О первобытной родинѣ Индо-Германцевъ.“ Базель 1884 годъ. Правда. что въ этой брошюркѣ я смотрѣлъ на Скиѳовъ, какъ на Индо-Германцевъ, что̀ на основаніи изслѣдованія Мелленгофа теперь можетъ считаться вѣрнымъ, но ни однимъ словомъ, ни въ приводимой Краузе лекціи, ни въ какомъ-нибудь изъ моихъ сочиненій, я не дѣлалъ Скиѳовъ Германцами. Напротивъ, въ моемъ сочиненіи „Понтійскія имена народовъ“ (отъ Понта до Инда) Лейпцигъ 1890 г., стр. 30, я оспаривалъ страсть всякаго Гримма признать во всѣхъ именахъ народовъ Востока елико возможно Германцевъ. Если германскіе скиѳофилы желаютъ признать въ Сакахъ прародителей Саксовъ, это сопоставленіе будетъ столько же фантастично. Саки, Çака, было имя Скиѳовъ у Иранцевъ и Индійцевъ. Имя Çака не что̀ иное, какъ пранопрокритское измѣненіе Açака-Açvака отъ санскритскаго *Açva*, прокритскаго *Assa*—лошадь, Çака, очень просто объясняется при посредствѣ Ἀσσάκηνοι, поражаемыхъ Александромъ Великимъ, они означаютъ конные народы сѣвера; они поставлены за Açака какъ Μάρδοι за Αμαρδοι или Πάρνοι за Απάρνοι.

Скиѳы или Çака состояли существеннымъ образомъ изъ Иранцевъ, но не изъ Германцевъ и не изъ Славянъ, ибо всѣ былины Скиѳовъ Геродота давно признаны иранскими. Взглядъ въ „Иранскую археологію Шпигеля“ будетъ въ состояніи убѣдить каждаго скептика, что нѣкоторыя былины сѣверныхъ народовъ могли проникнуть къ Грекамъ; безъ сомнѣнія нельзя отрицать, что Евстаѳіемъ (въ XII ст. по Р. Хр.) упомянутый великанъ Πικόλευσ никто другой какъ славянскій богъ исподней Пикколосъ или Пиккулосъ. (Краузе стр. 568.) Но чтобы, вслѣдствіе того, что такіе единичные случаи заимствованія отъ сѣвера бывали дѣйствительно, идти такъ далеко, какъ Краузе, принимающій (стр. 344) и идею о Прометеѣ, какъ за такое заимствованіе изъ Германіи, не менѣе нелѣпо, какъ желать видѣть въ предсказаніяхъ пастуха Ленит-

скаго Марка Бранденбургскаго первообразъ Сибильскихъ книгъ Рима.

Глашатаю прародительства бѣлокурыхъ Германцевъ не нравится, что изслѣдователь, какъ Вирховъ, сѣверо-Германецъ, защищаетъ мнѣніе, что рядомъ съ древнихъ временъ остающимися неизмѣнными, длинно-головыми, бѣлокурыми, голубо-глазыми Германцами, существовали съ самаго начала и точно также постоянные коротко-головые, темно-волосые, темно-глазые Германцы, существующіе и нынѣ (стр. 58—59).

Къ этимъ темно-волосымъ, темно-глазымъ Германцамъ принадлежали въ новѣйшее время люди, какъ Лессингъ, Гёте и Шиллеръ, то-есть именно основатели того космополительскаго образованія, съ помощью котораго нѣмецкій духъ завоевалъ свое нынѣшнее властное положеніе. Эти люди никогда не льстили нѣмецкому народу, точно такъ какъ и Вольтеръ и Руссо никогда не льстили своимъ Французамъ. Мы заключимъ, въ виду Краузскаго восхваленія бѣлокурыхъ Германцевъ, словами другаго сѣвернаго Германца, Мюлленгофа, оканчивающаго предисловіе перваго тома своей „Нѣмецкой Археологіи“ (13 іюля 1870) слѣдующими словами: „Мы живемъ въ роковомъ самообманѣ, чтобы не сказать больше, и недостатокъ дѣйствительнаго, серьезнаго самосознанія должно рано или поздно губить насъ. Много прославленная нѣмецкая наука, особенно историческая, и филологія, долженствующая всѣми силами помогать и исцѣлять, недостаточно сознаютъ свой долгъ предъ народомъ. Что̀ можно ожидать когда видишь, какъ она ежедневно противорѣчитъ себѣ самой?

Dr. Германъ Брунмгоферъ.

С.-Петербургъ.

Живое слово. Преосвященнаго Амвросія, архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. Харьковъ. 1892 г.

Въ журналѣ *Вѣра и Разумъ* съ 1884 по 1892 годъ были напечатаны статьи архіепископа Амвросія о живомъ словѣ. Эти статьи изданы теперь отдѣльною книгой.

Цѣль своего труда авторъ опредѣляетъ такъ: „въ наше время, говоритъ онъ, всюду слышатся требованія отъ людей образованныхъ *живаго слова.* Его требуютъ отъ церковнаго проповѣдника, отъ государственнаго человѣка, обязаннаго говорить въ законодательныхъ собраніяхъ. отъ профессора и адвоката, отъ общественнаго дѣятеля, засѣдающаго въ думахъ, земствахъ и другихъ учрежденіяхъ, и даже отъ людей, обязанныхъ произносить застольныя и другія привѣтствія и рѣчи. Между тѣмъ, понятія объ этомъ столь желательномъ родѣ слова у насъ неопредѣленны и смутны. Въ теоріи и въ учебникахъ словесности и даже въ высшихъ руководствахъ краснорѣчія вообще, и церковнаго въ особенности, на этотъ родъ слова встрѣчаются только неопредѣленныя указанія и намеки; руководящіе образцы живаго слова указываются только у ораторовъ древности, а изъ нашего времени только въ парламентскихъ рѣчахъ знаменитыхъ государсвенныхъ людей Европы. Между тѣмъ, при желаніи имѣть и у себя ораторовъ съ живымъ словомъ въ устахъ. мы не употребляемъ надлежащихъ средствъ для ихъ воспитанія“ (стр. 2). Въ виду этого авторъ преслѣдуетъ двѣ различныя задачи: вопервыхъ, показать, что „намъ нужно поставить дѣло образованія ораторовъ съ живымъ словомъ такъ же въ рядъ наукъ или искусствъ, какъ образованіе мыслителей, писателей и разнаго рода художниковъ“; вовторыхъ, сдѣлать нѣсколько практическихъ указаній для начинающихъ импровизаторовъ, указаній, основанныхъ на личномъ опытѣ и наблюденіяхъ самого автора.

Къ сожалѣнію, на первой задачѣ преосвященный Амвросій останавливается очень мало. Мимоходомъ выразивъ свое pium desiderium о томъ „чтобы въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ классахъ словесности и высшаго краснорѣчія, учреждаемы были особыя каѳедры для преподаванія *теоріи живаго слова*, или, чтобы наши ораторы, имѣющіе по времени сознать и заявить себя художниками въ своемъ дѣлѣ, открывали у себя, какъ было въ древности, частныя аудиторіи для обученія путемъ теоріи и практики желающихъ тому роду краснорѣчія, о которомъ мы разсуждаемъ", преосвященный Амвросій указываетъ нѣсколько способовъ для рѣшенія поставленнаго имъ вопроса. Прежде всего онъ предлагаетъ сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ обсужденія не только въ духовной печати, но и въ свѣтской. Затѣмъ выражаетъ желаніе, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ наставники подмѣчали ораторскіе таланты и обладающихъ ими передавали на особое попеченіе преподавателей словесности, которые должны заботиться о развитіи замѣченныхъ талантовъ. Наконецъ, преосвященный Амвросій надѣется, что „и само правительство, если дѣло достаточно выяснится и получится надежда практическаго его примѣненія въ учебныхъ заведеніяхъ, не откажетъ въ своемъ содѣйствіи какъ относительно тщательнаго выбора въ должности преподавателей словесности людей, способныхъ именно къ этому дѣлу, такъ и въ открытіи имъ свободы и простора для выполненія ихъ задачи" (стр. 15).

Это вообще о развитіи у насъ ораторскаго искусства и живаго слова. А относительно условій развитія этого слова на церковной каѳедрѣ преосвященный Амвросій высказываетъ нѣсколько мыслей, съ которыми принципіально мы не можемъ согласиться. Современное положеніе этого дѣла авторомъ обрисовывается такъ: „случайно, или, лучше сказать, неожиданно появляющіеся у насъ на церковной каѳедрѣ ораторы съ живымъ словомъ большею частію оказываются въ трудномъ и ложномъ положеніи. На нихъ часто смотрятъ какъ на выскочекъ и людей съ претензіями, имъ строго обращаютъ въ вину замѣчаемые въ ихъ рѣчахъ недостатки, не взявъ прежде на себя труда при воспитаніи опредѣлить, указать и предупредить недостатки могущіе встрѣчаться въ устныхъ рѣчахъ и у лучшихъ и даровитѣйшихъ изъ образованныхъ людей; наконецъ, когда ораторъ беретъ на себя трудъ, какъ напримѣръ, церковный проповѣдникъ, постоянно дѣйствовать на народъ живымъ словомъ, къ нему

обращаются съ недовѣріемъ и сомнѣніями, какъ бы онъ не произвелъ смущенія въ народѣ своею неумѣлостью и не сказалъ чего лишняго, неумѣстнаго и даже опаснаго. Самый законъ нашъ не даетъ защиты столь естественнымъ проповѣдникамъ ученія Христова: на церковную проповѣдь *не писанную* нѣтъ разрѣшенія въ нашихъ законахъ, и самыя писанныя проповѣди подчинены цензурѣ. Поэтому всякій изъ нашихъ проповѣдниковъ-импровизаторовъ можетъ трудиться только подъ защитой и личною отвѣтственностью мѣстнаго преосвященнаго; въ противномъ случаѣ всегда можетъ попасть подъ судъ" (стр. 3). Положеніе нашего церковнаго проповѣдничества охарактеризовано замѣчательно вѣрно и мѣтко, а въ устахъ такого авторитетнаго лица эта характеристика получаетъ особое значеніе. Но какъ же измѣнить это ненормальное положеніе и выйти на путь свободнаго живаго слова? „Если желательно имѣть такихъ проповѣдниковъ (то-есть импровизаторовъ), отвѣчаетъ преосвященный Амвросій, нужно ихъ приготовлять въ учебныхъ заведеніяхъ, испытывать, когда они являются сами собою въ зрѣломъ возрастѣ вслѣдствіе пробудившейся способности и желанія принять на себя этотъ родъ проповѣди, и снабжать дозволеніями и аттестатами. Тогда упреждены будутъ по возможности случайности и даже опасности, какихъ справедливо можно бояться. Тогда мы будемъ знать ораторовъ аттестованныхъ, отличенныхъ особенными рекомендаціями по своимъ дарованіямъ" (стр. 4).

Мы сомнѣваемся, чтобы предлагаемая система была въ состояніи дать намъ живую церковную проповѣдь. Аттестованныхъ проповѣдниковъ мы тогда, правда, будемъ имѣть, но этимъ сразу поставимъ пастырское служеніе въ самыя узкія рамки. Вѣдь пастырство вообще невозможно безъ живаго слова, какъ своего орудія, и если мы это орудіе передадимъ въ руки избранныхъ и отличе́нныхъ, то съ чѣмъ же останутся остальные средніе пастыри? Слова апостола „запрети, умоли, обличи"—относятся не къ однимъ аттестованнымъ проповѣдникамъ, а ко всѣмъ тѣмъ, кому ввѣряютъ пасти стадо Христово.

Современное положеніе церковной проповѣди дѣйствительно невысокое, но выхода изъ этого положенія необходимо искать въ другомъ мѣстѣ и иными способами. Основною причиной малоплодности нашей церковной проповѣди нельзя считать только „недостатокъ въ нашемъ духовенствѣ необходимыхъ для успѣшной проповѣди дарованій", какъ говоритъ преосв. Амвросій

(стр. 7). Намъ кажется, что вопросъ о малоплодности церковной проповѣди тѣсно связанъ съ вопросомъ о поднятіи пастырскаго служенія. Вѣдь живое слово необходимо предполагаетъ живое сердце, горящее ревностью о ввѣренномъ ему дѣлѣ; ну, а если живое слово теперь такъ рѣдко раздается, то не предполагаетъ ли это оскудѣнія сердечнаго огня, холода сердечнаго? И это въ свою очередь не предполагаетъ ли нѣкоторыхъ пробѣловъ въ системѣ воспитанія будущихъ пастырей? Предлагаемъ отвѣтить на это лицамъ болѣе насъ компетентнымъ. Это одна сторона дѣла, а другая та, на которую указываетъ самъ преосв. Амвросій— именно то недоброжелательное отношеніе къ живому слову, какое встрѣчаетъ проповѣдникъ на первыхъ же шагахъ своей дѣятельности. Эта дѣятельность стоитъ, по признанію преосв. Амвросія, *внѣ закона*, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что такое положеніе не содѣйствуетъ развитію у насъ живой проповѣди въ церкви. Вопросъ этотъ ждетъ еще себѣ ясной постановки и безпристрастнаго обсужденія въ печати.

А какое великое значеніе имѣетъ въ церковной жизни живое устное слово! „Какое человѣческое учрежденіе можетъ сравниться съ просвѣтительнымъ вліяніемъ на народъ церковной проповѣди, разумѣется, когда она понимается и ведется церковными учителями какъ должно? Въ нашемъ отечествѣ, напримѣръ, болѣе тридцати тысячъ церквей, какъ готовыхъ народныхъ училищъ, еще болѣе того учителей, облеченныхъ авторитетомъ проповѣдниковъ Христовой истины и довѣріемъ народа; въ ихъ распоряженіи и дни и часы народныхъ собраній; они могутъ связать свое церковное слово со всякою бесѣдой личною съ народомъ — и дома, и въ полѣ, и на пути; могутъ по заповѣди Апостола „обличать, запрещать, увѣщевать вовремя и не вовремя". И стряхни они съ себя этотъ мертвенный сонъ безучастія и безпечности, который овладѣлъ нынѣ большинствомъ ихъ; проникнись они тою жалостью къ народу, остающемуся безъ руководства, какая дышетъ въ словахъ Христа-Спасителя; пойми они всю силу и злокачественность современныхъ заблужденій; оставь устарѣлыя формы рѣчи, неудобныя для потребностей минуты; заговори они живымъ словомъ убѣжденія и любви; подкрѣпи свое слово примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей, что̀ бы они могли сдѣлать для народа!" (стр. 27).

Мы нарочно остановились болѣе подробно на первой задачѣ преслѣдуемой авторомъ, именно на вопросѣ о способахъ

развитія у насъ ораторскаго искусства вообще и церковной импровизаціи въ частности. Это вопросъ важный, требующій самаго серьезнаго и безпристрастнаго обсужденія въ нашей печати. Можно быть благодарнымъ преосв. Амвросію за то, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ. Еще болѣе заслуживаютъ вниманія и благодарности тѣ многочисленныя практическія указанія, которыя даетъ въ своей книгѣ преосв. Амвросій начинающимъ импровизаторамъ. Особенно цѣнны эти указанія, какъ плодъ личнаго опыта и наблюденія самого автора, блестящаго проповѣдника-импровизатора. Крайне интересны воспоминанія автора о первыхъ шагахъ своей проповѣднической дѣятельности. Написанная прекраснымъ языкомъ, книга изобилуетъ множествомъ свѣдѣній о систематической подготовкѣ къ импровизаціи; тонко отмѣченныя психологическія черты чередуются въ ней съ вѣрными выводами изъ наблюденій. Совершенно согласны съ авторомъ, что высказанные имъ „опыты и замѣчанія относительно импровизаціи, впредь до составленія болѣе полныхъ руководствъ по этому предмету, могутъ быть приняты къ свѣдѣнію молодыми проповѣдниками, и легко могутъ быть примѣняемы къ пріученію воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній пользоваться „живымъ словомъ“ въ предстоящемъ имъ проповѣдничествѣ“ (стр. 125).

Изданная прекрасно, крайне дешевая по цѣнѣ (50 коп. съ пересылкой), книга можетъ быть настольною не только для молодыхъ проповѣдниковъ, но и для молодыхъ адвокатовъ и вообще для начинающихъ служителей слова.

Отецъ Амвросій. Е. Поселянина. Москва 1892.

10 октября прошлаго 1891 года скончался іеросхимонахъ Оптиной пустыни старецъ, отецъ Амвросій, имѣвшій громадный кругъ своихъ почитателей и духовныхъ дѣтей во всѣхъ слояхъ общества и оказавшій сильное вліяніе на жизнь общественную, вліяніе, оцѣнить которое по достоинству можно будетъ еще очень не скоро.

Вскорѣ послѣ его кончины во многихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ появились воспоминанія о старцѣ, его изреченія, письма и очерки его жизни. Къ числу такихъ очерковъ принадлежитъ и брошюра Е. Поселянина. Написанъ этотъ очеркъ, повидимому, на основаніи только личныхъ впечатлѣній автора, да устныхъ разсказовъ о старцѣ, которыхъ появилось безчисленное

множество. Противъ личныхъ впечатлѣній мы ничего не имѣемъ; это крайне важный элементъ въ дѣлѣ жизнеописанія. Но къ устнымъ разсказамъ необходимо относиться со строгою разборчивостью, не складывая всего въ одинъ ящикъ. Это послѣднее обстоятельство принадлежитъ къ числу недостатковъ предлагаемой брошюры. Другой изъ недостатковъ—это нѣсколько легкій, фамильярный тонъ, какой допускаетъ авторъ по отношенію къ личности старца. Здѣсь этотъ тонъ положительно неумѣстенъ.

Въ общемъ брошюра читается легко, написана очень живымъ и образнымъ языкомъ, изобилуетъ лирическими отступленіями автора и, за неимѣніемъ біографіи старца (которая можетъ появиться еще очень не скоро), можетъ дать интересующимся довольно подробныя свѣдѣнія о почившемъ старцѣ, его жизни и вліяніи на окружающій міръ.

І. Ф.

Стихотворенія, Евгенія Морозова. Москва, 1892.

Міръ субъективныхъ впечатлѣній и чувствъ необъятенъ, какъ сама природа, и недоступенъ, какъ ея тайны, пока самосознаніе, или творческій духъ—въ словѣ, или въ поэтическомъ образѣ—не проявятъ ихъ изъ этой тьмы и не вызовутъ ими новыхъ впечатлѣній и чувствъ. Житейская мудрость и отвлеченная наука—двѣ стороны самосознанія — проявляютъ себя въ словѣ; поэзія мыслитъ и говоритъ образами. Извѣстный популяризаторъ филологическихъ знаній, Максъ-Мюллеръ, сказалъ, что *языкъ есть отцвѣтшая миѳологія*... Да—цвѣтокъ завялъ, ароматъ исчезъ, и остается только что-то сухое и безцвѣтное для фармакологіи, или для гербарія: только внѣшній видъ еще напоминаетъ прежнюю красоту. Первобытное поэтическое представленіе, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, утратило свою живость и свѣжесть и, окончательно увянувъ, переходитъ въ условный знакъ, въ отвлеченное слово, въ имя нарицательное, обогащеніе словарей и простое орудіе для выраженія мыслей... Но поэзія сохранила за собой навсегда эту прирожденную ей способность говорить на первобытномъ живомъ языкѣ,—языкѣ своего младенчества, когда еще боги по родственному водились съ людьми и безсмертныя богини состязались въ красотѣ со смертною женщиной. И не хочетъ она порвать связь съ тѣмъ младенческимъ лепетомъ, который попрежнему наивно все представляетъ въ живыхъ чувственныхъ образахъ—и самые даже отвлеченные вопросы вполнѣ

зрѣлаго и возмужалаго ума приводитъ къ осязательному виду воздѣйствія другъ на друга чувствъ и образовъ, такъ какъ мыслить и выражать свои мысли образами составляетъ природу и сущность поэзіи. Если мы скажемъ, напримѣръ: „Долина спитъ, залитая свѣтомъ луны", или: „Листы деревъ ласкаетъ вѣтерокъ," или: „Природа дремлетъ подъ знойными лучами солнца", это будутъ выраженія поэтическія, хотя бы они и не заключались въ мѣрныхъ строчкахъ, именуемыхъ стихами. Но если я скажу:

„Обѣдъ хорошій будетъ, жаль;
Но въ клубъ я попаду *едва-ль*"...

Это будетъ не поэзія, хотя бы это были стихи, и даже рифмованные, а пустая болтовня человѣка, которому въ эту минуту больше нечего дѣлать. А многимъ ли лучше будетъ подобное выраженіе:

..... „Ты вся ушла въ нѣмую даль;
Пришла ль сюда ты на свиданье?
О, нѣтъ, не думаю, *едва ль*".

Положимъ, въ поэмѣ и драмѣ допускаются прозаическіе стихи; потому что тамъ главная задача въ раскрытіи внутренняго міра лицъ, чѣмъ именно и вызываются живые поэтическіе образы; а живыя лица не могутъ всегда говорить поэтическимъ языкомъ, иначе бы это было посланіе къ Тимуру Баязета II. Никто, конечно, не вздумаетъ искать поэтическихъ красотъ въ плутовской бесѣдѣ Яго съ Родриго, или въ словахъ:

„Пошолъ, пошолъ скорѣй, Андрюшка.
Какія глупыя мѣста...
А кстати—Ларина проста,
Но очень милая старушка..."

Всякій пойметъ, что это нужно было для развитія плана, характеристики дѣйствующихъ лицъ, и что этого нельзя было бы и сказать иначе. Но въ лирическомъ стихотвореніи чего же мы можемъ искать, какъ ни изящества, или величія вызываемыхъ образовъ, прелести формы, искуснаго подбора словъ, музыкальности и свѣжести стиха: Возьмите-ка, вмѣсто только-что приведенныхъ прозаическихъ стиховъ, все то, что̀ въ этой несравненной поэмѣ говорится поэтомъ отъ себя,—самыя отвлеченныя и прозаическія разсужденія, начиная отъ негодности русскихъ дорогъ до мелкихъ замѣтокъ статистики и политической экономіи:

„Межъ тѣмъ какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лѣчатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы...“ и т. д.

Или:

„Все, чѣмъ для *прихоти обильной*
Торгуетъ Лондонъ *щепетильный*,
И по Ботническимъ волнамъ
За лѣсъ и *сало* возитъ намъ....“

Это поэзія, хотя тутъ дѣло идетъ о подлецахъ-кузнецахъ о русскихъ клопахъ и колевинахъ, и о дегтѣ и салѣ... Это изъ величайшихъ образцовъ поэзіи, что̀ признано уже вполнѣ даже и иностранцами, такъ какъ мнѣ недавно случилось въ одномъ изъ серьезнѣйшихъ англійскихъ журналовъ читать статью объ Онѣгинѣ Пушкина, гдѣ высказывались совершенно аналогичные взгляды. Но что̀ такое, напримѣръ, вотъ это:

„Есть мудрецы, они отвѣтъ
Моглибы дать давно и *просто*,
Да ихъ не хочетъ слушать свѣтъ—
„Кресты угрюмаго погоста“...

То-есть кресты угрюмаго погоста именно тѣ мудрецы, которые легко и просто могутъ дать отвѣтъ на вопросъ о цѣляхъ жизни? Ну—это, пожалуй, не то, чтобъ ужь очень просто... И не разъ прочтешь, чтобъ убѣдиться—точно ли не ошибся...

Поле субъективныхъ впечатлѣній безгранично, выборъ предметовъ по личнымъ склонностямъ автора безконеченъ, и еслибы мы задались, по выраженію Вольтера, d'un projèt insensé все перебрать въ предлагаемой книжкѣ, то, полагаю, всему *Обозрѣнію* не вмѣстить бы написанныхъ страницъ. Авторъ съ неистощимою изобрѣтательностью касается рѣшительно всего: и „крестовъ на погостѣ“, и такъ просто крестовъ, и „бурно дышащей груди“, и „груди подъ тонкимъ кружевомъ стѣсняющаго платья“, и политическаго положенія Россіи, и Іуды, и сценическихъ артистовъ, и скрипокъ... Нечего ужь и говорить, что при этомъ традиціонная луна, звѣзды, ручейки и капли росы не остались безъ *отдѣльныхъ* поэтическихъ приношеній... Ну, словомъ, какъ въ знаменитыхъ гадательныхъ книжкахъ рѣшительно невозможно придумать такого предмета, на который бы не было отдѣльнаго отвѣта, развитаго въ особомъ стихотвореніи. Оно конечно — въ поэзіи

все хорошо, кромѣ скучнаго. Но, какъ добросовѣстность оцѣнки требуетъ сколько-нибудь внимательнаго прочтенія, а изящество формы—одно изъ главныхъ условій лирической поэзіи, то любителямъ стихотворства не мѣшало бы, ради своихъ собственныхъ выгодъ, предлагать для критическихъ отзывовъ только самыя избранныя изъ своихъ стихотвореній, на которыхъ вниманіе могло бы сосредоточиться. Этимъ я вовсе не думаю утверждать, чтобы во всемъ этомъ неисчерпаемомъ водоемѣ лиризма не было свѣжихъ поэтическихъ струй. Но пускай бы сборникъ лучше походилъ на искусственный фонтанъ чистѣйшей воды, чѣмъ на запущенный прудъ, занесенный иломъ и тиной. Самыя даже лучшія пьесы, напримѣръ: „Солнце, воздухъ и цвѣты“ (во второмъ стихѣ я предпочелъ бы сказать: „*Гимнъ* проснувшейся природы“) не свободны отъ неудачныхъ стиховъ, напримѣръ:

„Путь къ простору, свѣту знанья“,

это уже просто небрежность, себѣ во вредъ, со стороны автора. Или:

„Страстной пѣсни нѣжнымъ словомъ“... Или:

„Въ тотъ мигъ за тебя жизнь готовъ былъ отдать я“...

Это стихъ невозможный; однакоже и другіе подобные попадаются въ лучшихъ стихотвореніяхъ, каковы, напримѣръ: „Изъ Лоренцо Стеккетти“, „Весенней порою она умирала“, „Гдѣ же?“ „Я-бъ увелъ тебя далеко“, „Къ картинѣ“, и нѣкоторыя другія, что̀, вѣроятно, отчасти объясняется тѣмъ, что авторъ преклоняется предъ Надсономъ, который писалъ, между прочимъ, такими стихами:

„ . . . Онъ не снесъ
Огня глухихъ своихъ страданій...“ (!)

О вкусахъ, конечно, не спорятъ; но ежели авторъ будетъ придерживаться такихъ образцовъ и не отбирать самъ для представленія въ редакціи своихъ произведеній, то онъ лучше сдѣлаетъ, если не будетъ вовсе обращаться за отзывами печати.

Какимъ образомъ достигается такое неисчерпаемое богатство и разнообразіе предметовъ и настроеній поэтической лиры—это вопросъ, въ отвѣтъ на который потребуется, пожалуй, построить цѣлыя теоріи. Иные, напримѣръ, думаютъ, что разъ они облекли свои слова въ опредѣленный размѣръ, и размѣръ вездѣ выдержанъ,—что̀ тоже невсегда бываетъ,—дѣло ужь сдѣлано. Ка̀къ распредѣлены слова, соотвѣтствуютъ ли они живому народному

говору, и особенностямъ идіомы языка—это уже не важно: стихи все покроютъ. Это теорія, собственно, касательно формы. Касательно же обилія содержанія, говорятъ, случается и такъ, что вотъ, положимъ, человѣку сказать нечего и не о чемъ писать—и онъ самъ это вполнѣ понимаетъ, и очень хорошо чувствуетъ, что ему, собственно-то говоря, сказать рѣшительно нечего. И вдругъ мысль: это рѣшительное *нечего* привести какъ-нибудь къ самой минимальной дозѣ чего-то: напримѣръ, облачко, травка, росинка... И выразить это мѣрною *прозой*, замыкая каждую строчку созвучіемъ, именуемымъ риѳмой. И вотъ изъ этого прежняго *ничего* какъ будто ужь выходитъ что-то... Скажите то же самое прозой, и не было бы ничего! А это ужь не ничего, а выходятъ стихи... Пожалуй, даже какая-нибудь сентиментальная барышня возьметъ и прочтетъ, и скажетъ: какіе гладкіе стихи!—Вонъ оно что̀ можетъ выдти!... Кажется этой послѣдней теоріи мы обязаны большею частью печатающихся нынче стиховъ.

Вѣроятно никто не удивится, если, прилежно просмотрѣвъ до 160 страницъ поэтическихъ изліяній, человѣкъ, даже и не пишущій стиховъ, такъ проникнется ихъ специфическимъ ароматомъ, что въ пророческомъ просвѣтленіи, самъ не зная какимъ чудомъ, воскликнетъ:

От стихотворства хоть вреда
Отечеству и не прибудетъ,—
Пишите прозой, господа!
Повѣрьте—всѣмъ пріятнѣй будетъ.

Н. Шепелевъ.

По поводу книжки доктора А. Н. Филиппова *Современное воспитаніе дѣтей до школьнаго возраста.*

Нельзя не привѣтствовать съ сердечною благодарностью книжку доктора А. Н. Филиппова о воспитаніи, особенно потому, что онъ, будучи докторомъ, прямо и открыто сталъ въ разрѣзъ съ общепринятыми понятіями о гигіенѣ дѣтскаго возраста и, будучи компетентнымъ въ дѣлѣ лицомъ, рѣшился взглянуть истинѣ въ глаза и смѣло ее высказать. Вѣроятно много голосовъ подымется противъ него, потому что его совѣты должны привести къ новой революціи въ воспитаніи дѣтей и перевернуть многое на прежній ладъ, который мы съ такими усиліями старались

забыть и отвергнуть. Искусственный и изысканный уходъ въ дѣтствѣ, по его мнѣнію и выводамъ, не только излишенъ, но даже вреденъ; стало-быть, долой многое изъ обстановки и принадлежностей теперешнихъ дѣтскихъ: долой остроумный и неудобовмѣстимый для насъ Фребель, долой затѣйливыя игрушки и новоизобрѣтенныя педагогическія игры, въ которыя дѣти терпѣть не могутъ играть, долой и многія другія ухищренія современнаго развитія! Дѣйствительно, хотя странно и неожиданно, но пора сознаться, что опыты новомоднаго воспитанія послѣднихъ годовъ несомнѣнно дали отрицательные результаты. Гдѣ же тѣ отмѣнные умники и дѣятели, которыхъ мы въ молодости надѣялись дать міру съ помощью новаго (тогда) направленія и новыхъ пріемовъ воспитанія?... А сколько было надеждъ, стремленій и усилій!.. Мнѣ пошелъ теперь шестой десятокъ, и я такъ живо помню самыя возвышенныя надежды на будущее поколѣніе, которое мы стремились возрастить по новому. Я только-что кончила педагогическій курсъ и шла воспитывать, твердо задаваясь такою программой: „главное буду любить дѣтей, даже плохихъ: не буду никогда ихъ наказывать, буду дѣйствовать убѣжденіями, а главное, буду всѣми силами стараться ихъ развивать; постараюсь пріучить ихъ размышлять надо всѣмъ, полюбить природу и окружающее. Буду въ то же время сама неустанно учиться и вникать во все“.

Конечно, идеальныя стремленія, какъ и всякій идеалъ, не осуществлялись въ полной мѣрѣ; но усилій и рвенія было достаточно, и результаты тогда обѣщали многое. Къ сожалѣнію, мнѣ лично не пришлось тогда ни на комъ до конца прослѣдить результаты своихъ трудовъ; но много молодыхъ силъ стремилось къ тому же и мечтало о томъ же. А теперь кому же неизвѣстны странные результаты: именно слѣдующее молодое поколѣніе, въ общемъ исполненное горделивой самоувѣренности, непреодолимаго самомнѣнія, оказалось вмѣстѣ съ тѣмъ зачастую пасующимъ предъ серьезнымъ дѣломъ, хотя и готовымъ идти на проломъ. Типы этого поколѣнія мы можемъ встрѣтить во многихъ разсказахъ современныхъ писателей, начиная съ романа Тургенева *Отцы и Дѣти*, гдѣ выставленъ типъ Базарова, который, къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще не вывелся въ нашихъ, взлелѣянныхъ нами, чадахъ.

Но будемъ говорить о физическомъ воспитаніи, такъ какъ авторъ останавливается преимущественно на немъ. Въ своемъ

критическомъ этюдѣ онъ весьма наглядно изображаетъ грустные результаты тщательныхъ примѣненій ходячихъ правилъ медицины и гигіены, точныхъ или неточныхъ, вѣрныхъ или невѣрныхъ, но во всякомъ случаѣ тѣхъ, которыя теперь наиболѣе въ ходу въ интеллигентномъ обществѣ, которыя такъ или иначе выработаны и предписываются болѣе или менѣе компетентными людьми. Положимъ родители утрировали, черезчуръ пересолили, какъ говоритъ и докторъ Филипповъ; но вѣдь если идеалъ вѣренъ, то чѣмъ тщательнѣе исполненіе, тѣмъ лучше должны быть результаты, и во всякомъ случаѣ они должны получаться хорошіе, а не отрицательные. Въ этомъ же случаѣ вышло какъ разъ наоборотъ: заботливыя современныя интеллигентныя матери, проникшись сознаніемъ своего долга относительно выращиванія дѣтей, запасаются разными книгами и статьями о гигіенѣ и воспитаніи и стараются примѣнять ихъ указанія добросовѣстно на дѣлѣ, въ каждомъ затрудненіи прибѣгая къ врачамъ, въ полной надеждѣ вырастить дѣтей *отмѣнно* крѣпкихъ и здоровыхъ (а то изъ чего же биться и трудиться!), и въ результатѣ получаются дѣти, а впослѣдствіи и взрослые, слабыя, хилыя и во всякомъ случаѣ никакъ не здоровѣе тѣхъ, на физическое воспитаніе которыхъ родители по бѣдности, невѣжеству, или по небрежности не обращаютъ никакого особеннаго вниманія, и которыя выростаютъ, какъ придется, часто подъ вліяніемъ всевозможныхъ неблагопріятныхъ и негигіеничныхъ жизненныхъ условій. Этотъ фактъ давно замѣчался на практикѣ, но о немъ какъ бы боялись говорить открыто, его старались объяснять такъ или иначе побочными случайностями, не допуская возможности очевиднаго противорѣчія между теоріей и практическими выводами; жизнь же въ своихъ проявленіяхъ такъ разнообразна и неуловима, въ ней вѣчно найдется столько исключеній, что всегда можно много сказать и *за* и *противъ* какого угодно вопроса. А вѣдь страшно подумать, на какія размышленія и выводы наводитъ этотъ фактъ: уже не въ пустую ли бочку льемъ мы воду, не на вѣтеръ ли тратимъ заряды, сами того не подозрѣвая?—Во всякомъ случаѣ подобный результатъ остается невыясненнымъ и вопросъ о *настоящемъ* правильномъ физическомъ воспитаніи остается неразрѣшеннымъ, несмотря на столько попытокъ его разрѣшить; а недавно въ нихъ сталъ даже замѣчаться поворотъ въ совершенно противоположную сторону.

Считая нелишними новыя доказательства изъ практики, я

чистосердечно разскажу о своемъ личномъ опытѣ, который привелъ меня къ отрицательному заключенію относительно *необходимости* наивозможно тщательнаго ухода за маленькими дѣтьми по указаніямъ современной гигіены. Готовясь быть матерью, я тоже прочла нѣсколько руководствъ по физическому воспитанію дѣтей, купила книгу Комба о физическомъ воспитаніи и когда родился сынъ, руководилась ею въ первые его годы. Посовѣтовавшись съ врачемъ насчетъ кормленія, стала кормить сама, а такъ какъ молока у меня было очень мало, то и прикармливала, стараясь всячески имѣть молоко отъ одной коровы и разбавляя его по указаніямъ Комба. Съ восьмаго мѣсяца стали покупать дѣтскую муку Несли и дѣлать дѣтскій супъ Либиха; лѣтъ до двухъ кашку варили тоже не иначе, какъ на бульонѣ Либиха, питательность котораго тогда считалась чудодѣйственною. Позднѣе по утрамъ непремѣнно давались яйца въ смятку. Ванна дѣлалась почти до шести лѣтъ еженедѣльно. Все это сопряжено было для меня со страшными заботами, непріятностями и тратами не по средствамъ. Такъ росъ первый сынъ и, правда, росъ здоровымъ, но особенной крѣпости, которой я ожидала, совсѣмъ не замѣчалось; напротивъ, желудокъ у него оказался слабѣе послѣдующихъ дѣтей, а когда онъ выросъ, то вообще обнаруживаетъ потребность организма въ большей разборчивости и прихотливости насчетъ пищи, хотя и старается это преодолѣвать.

Для второй дочери хотя примѣнялась та же система, но уже не въ такой послѣдовательности, не съ такою аккуратностью; далеко не все и не такъ исполнялось, какъ хотѣлось бы, что̀ меня тогда очень мучило и волновало. Двое послѣдующихъ дѣтей, несмотря на тѣ же пріемы физическаго воспитанія, умерли—одинъ трехъ мѣсяцевъ, другой девяти. Но вотъ родился послѣдній ребенокъ, довольно слабый, отъ больнаго мужа, который вскорѣ послѣ того и умеръ. Жизнь и обстоятельства совершенно измѣнились; объ исполненіи гигіеническихъ предписаній нечего было и мечтать; дѣвочка росла, какъ пришлось; хотя не скажу, чтобы не было съ моей стороны усилій питать и растить ее посноснѣе, но это было уже совсѣмъ не то, что̀ дѣлалось для прежнихъ дѣтей. Кормить я сама ее не могла, молоко бралось подешевле, съ рынка; ухаживать и наблюдать за ней не было никакой возможности; ни ваннъ, ни строгой чистоты, ни свѣжаго воздуха,—ничего этого я не могла ей доставить. Жить на дачѣ, какъ съ прежними дѣтьми, я не могла; выно-

сить ее гулять, а послѣ и выводить тоже было не съ кѣмъ; лѣтъ до шести она росла, какъ тепличный цвѣтокъ, только безо всякаго ухода. Я была убѣждена, что она умретъ, тѣмъ болѣе что была слабѣе прежнихъ дѣтей и вдобавокъ ей пришлось вынести жестокое воспаленіе въ легкихъ, когда она была вполнѣ между жизнью и смертью. И все вынесла, и жива, и теперь ей десятый годъ! и никто не дрожалъ надъ этою жизнью; напротивъ, я даже желала, чтобъ она умерла. Правда, это enfant chetif, тоненькая и нѣжненькая, но послѣ воспаленія ни разу не была больна серьезно и отличается особенною понятливостью и способностью къ ученью.

Старшія дѣти теперь совсѣмъ выросли, и вотъ я сравниваю результаты разнаго физическаго воспитанія, и не нахожу ничего особеннаго, что̀ бы дало примѣненіе разныхъ затѣй и строгихъ предписаній,—и правы, тысячу разъ правы простые люди, говорящіе, что самое лучшее больше предоставлять на волю Божію. Молодежь моя такъ себѣ, не болѣзненная, можетъ-быть, главное потому, что я ее послѣ первыхъ двухъ лѣтъ младенчества не нѣжила и давала имъ полную свободу гулять и бѣгать; но вѣроятно они вышли бы не хуже того и безъ частыхъ ваннъ и щепетильной чистоты и, безъ искусственной дорогой муки, и безъ либиховской стряпни. А какъ вспомню, какихъ мученій и постоянныхъ тревогъ все это стоило: не говоря уже о собственныхъ лишеніяхъ, лишь бы доставить дѣтямъ все нужное, не говоря о полномъ отсутствіи покоя въ теченіе столькихъ лѣтъ, сколько борьбы съ окружающими!... Но докторъ Филипповъ такъ вѣрно нарисовалъ портретъ современной заботливой матери, что къ нему не требуется добавленій, и я очень рекомендую прочесть его книжку всѣмъ молодымъ матерямъ; она не только полезна, но даже необходима, какъ противовѣсъ опутавшему насъ искусственному направленію.—Онѣ хоть вздохнутъ свободно и не съ такимъ страхомъ и ужасомъ станутъ смотрѣть на свои промахи и неизбѣжныя отступленія отъ строгихъ указаній. Напримѣръ, никогда не забуду, какъ я обомлѣла отъ ужаса, когда старуха нянька стала разъ обдавать моего малютку довольно прохладною водой послѣ теплой ванны. Я была увѣрена, что у него сдѣлается воспаленіе, или что-либо въ родѣ того; между тѣмъ ничего не случилось, и не всякое лыко въ строку, какъ говорится.

А нравственная сторона просто приводитъ въ ужасъ, особенно съ нѣкоторыми характерами. Г. Филипповъ очень мѣтко выра-

зился, что въ наше время мать—раба своихъ дѣтей и не только раба, пока они растутъ, добавлю я отъ себя, но остается часто рабой въ ихъ глазахъ и послѣ и, можетъ-быть, навсегда. Кажется, думаешь такъ: любовь порождаетъ любовь, и дѣти, видящія всегдашнія ласки и доброту окружающихъ, должны быть непремѣнно сами ласковы и добры. Отчего же мы это такъ рѣдко видимъ? Отчего ребенокъ, окруженный постояннымъ попеченіемъ, любовью близкихъ и угодливостью прислуги, становится какимъ-то божкомъ въ собственныхъ глазахъ, предъ которымъ все должно преклоняться? Отчего онъ, за рѣдкими исключеніями, не способенъ понимать чужое горе и даже страданіе, и считаетъ все это по отношенію къ другимъ не болѣе, какъ естественнымъ порядкомъ вещей? Отчего человѣкъ, пользующійся всѣми благами жизни, большею частію смотритъ на себя и себѣ подобныхъ счастливцевъ, какъ на какихъ-то привилегированныхъ въ мірѣ существъ, которымъ и законъ не писанъ, которые въ правѣ только срывать цвѣты наслажденія?.. Отчего біографіи лучшихъ, выдающихся, знаменитыхъ людей обыкновенно наполнены описаніемъ угнетеннаго дѣтства, безусловно тяжелой обстановки, а благопріятныя условія взлелѣяннаго развитія даютъ только заурядныхъ посредственностей?.. Все это наводитъ на грустныя мысли, и думается иногда невольно, что человѣкъ какъ-будто тогда только понимаетъ, что битому больно, когда его самого били; что обижать другаго дурно и грѣшно, когда самого обижали; тогда только способенъ истинно сочувствовать чужой нуждѣ и бѣдѣ, когда самъ лично все это испыталъ на себѣ; всѣ же проповѣди, указанія и примѣры, хотя и дѣйствуютъ болѣе или менѣе, но далеко не на всякую натуру. Трудно руководиться такимъ взглядомъ, особенно при воспитаніи своихъ дѣтей, да и вообще хочется смотрѣть на человѣческую природу съ болѣе отрадной точки зрѣнія, но мало ли что̀ намъ желается, что̀ на дѣлѣ невѣрно и неосуществимо!

Въ заключеніе остается сказать: очень и очень трудна и необъятна наука о воспитаніи и, можетъ-быть, никогда не суждено ей стать на незыблемыя основы, хотя цѣль ея всегда и вездѣ одинакова—достиженіе возможнаго человѣческаго совершенства; но, вопервыхъ, въ различныя эпохи самое совершенство это понимается различно, а, вовторыхъ, достиженіе его обусловлено такими неуловимыми и разнообразными обстоятельствами, что всѣ теоріи и правила рано или поздно обнаруживаютъ свою несо-

стоятельность; по крайней мѣрѣ, такъ было до сихъ поръ и, Богъ вѣсть, когда въ мірѣ появится геній, которому удастся все обнять, взвѣсить, провѣрить и создать вполнѣ правильную, несомнѣнно вѣрную и цѣльную педагогику. До тѣхъ поръ мы все будемъ ходить ощупью, спотыкаться и ошибаться. Хотя и много было мыслителей и дѣятелей, которые потрудились надъ вопросами воспитанія, но все-таки въ этой области столько недоразумѣній, противорѣчій, а главное невозможности во всѣхъ случаяхъ руководиться выработанными правилами, что еще много и много труда впереди. Здравая логика говоритъ такъ, а на практикѣ выйдетъ совсѣмъ другое; что̀ хорошо для одной мѣстности и одного рода характеровъ, то вдругъ окажется совсѣмъ негоднымъ при другихъ условіяхъ. Есть надъ чѣмъ поломать голову, а пожалуй и придти въ уныніе. Оттого-то такъ необходимы общія усилія и обмѣнъ мыслей для людей, занимающихся воспитаніемъ. Да здравствуетъ петербургскій „родительскій кружокъ“, и какъ жаль, что въ Москвѣ еще не устроилось подобнаго!

При нравственномъ воспитаніи дѣло за послѣднее время идетъ совершенно наоборотъ. Насколько усиленно заботятся о физическомъ и объ умственномъ воспитаніи, настолько укрѣпленіе и развитіе воли, закладка твердыхъ правилъ нравственности остаются на заднемъ планѣ и даже какъ бы игнорируются. Да и трудно приступиться къ этой сторонѣ при современномъ направленіи и пріемахъ воспитанія: въ старые годы родители и старшіе прямо и положительно говорили, что̀ хорошо и что̀ дурно, что̀ слѣдуетъ одобрять и любить, и что̀ надо порицать и ненавидѣть; тогда было много въ ходу дѣтскихъ книжекъ съ нравственною подкладкой, гдѣ дурное наказывалось, а хорошее награждалось; въ послѣдніе годы стали утверждать, что сентенціи негодны для воспитанія, что дѣти должны возлюбить добро ради самого добра, уразумѣть какъ бы наитіемъ высоту нравственнаго совершенства и желать достичь его. Вести же ихъ какъ бы на помочахъ, *заставлять* быть добрыми, намъ, воспитателямъ, уже кажется какъ бы неблаговиднымъ: все насильственное противно духовной свободѣ, надо чтобы дитя дошло собственнымъ умомъ до сознанія законовъ нравственныхъ. Мысль прекрасная; но на практикѣ явились непреодолимыя трудности для ея осуществленія: обыденная жизнь полна такихъ противорѣчій, такой непослѣдовательности, а тутъ вдобавокъ развившаяся въ дѣтяхъ жажда къ чтенію, всюду попадающіяся имъ въ руки газетки такъ

рано знакомятъ ихъ съ жизнью и всею ея грязью, что въ головѣ ихъ по части нравственныхъ основъ образуется сущій сумбуръ. Воспитатель становится въ страшное затрудненіе предъ нѣкоторыми вопросами и замѣчаніями питомца и вообще затрудняется, какъ приступить къ его внутреннему міру, какими доводами разъяснить противорѣчіе между нравственными идеалами и дурною, беззаконною жизнью людей, какъ вкоренить любовь къ правдѣ, когад подростающее дитя ясно видитъ, что всѣ то и дѣло другъ друга обманываютъ? „Зачѣмъ же, спрашиваетъ смѣло мальчикъ лѣтъ 11—12, зачѣмъ, когда Богъ велитъ жить честно и справедливо, зачѣмъ люди такъ мало объ этомъ заботятся и столько зла дѣлаютъ?" Прежде на это легко было отвѣтить: говорили, что люди грѣшатъ, часто и сами того не желая, что надо больше молиться Богу и стараться наблюдать за собою, избѣгая дурнаго, и еслибы каждый такъ поступалъ, то меньше было бы дурнаго на свѣтѣ. Теперь такая мораль никуда не годится: съ развитіемъ идеи о наслѣдственности да о неотразимомъ вліяніи окружающей среды на человѣка, каждый изъ насъ по логическому выводу ума можетъ считаться почти непогрѣшимымъ; мы невиноваты, что среда насъ испортила. И зачастую мать слышитъ отъ подрастающаго юнца: „развѣ я виноватъ, что такимъ вышелъ! вы же меня такимъ сдѣлали!" И ей при нынѣшнихъ теоріяхъ сказать на это нечего, и остается только со стыдомъ замолчать...

О. Шанина.

